

УДК 94(47)+94(470+571)

ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2

Э40

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-01-16144д*

Редакционная коллегия:

Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров,

С. А. Саломатина (ответственные редакторы)

Б. В. Ананьич, С. А. Афонцев, П. В. Лизунов, А. М. Маркевич,

И. В. Поткина, А. К. Соколов, А. К. Сорокин

Э40 **Экономическая история : Ежегодник. 2011/2012.** — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 726 с.

ISBN 978-5-8243-1739-8

В очередном выпуске ежегодника публикуются новейшие исследования по экономической истории. Раздел по аграрной истории включает статьи: о поместной документации конца XVI — XVII в. на материалах Водской пятины Новгородской земли, о продуктивности сельского хозяйства Пруссии в ходе промышленной революции, об экономических аспектах коллективизации и «раскулачивания» на Урале, о германских сельскохозяйственных концессиях на Северном Кавказе в первые десятилетия советской власти. Особое место в разделе занимают материалы дискуссии по проблеме достоверности урожайной статистики ЦСК МВД. История финансов и банков представлена в ежегоднике статьями, посвященными инвестиционным операциям коммерческих банков в дореволюционной России, особенностям операций Русско-Китайского банка в 1896–1910 гг., кредитной клиентуре банка Рябушинских в 1909–1913 гг., а также советским государственным займам в годы нэпа и последствиям финансовых реформ 1930-х гг. для развития денежной системы СССР. По истории советской экономики опубликованы статьи о проблемах нефтяной промышленности в 1941–1945 гг., о труде спецконтингента на строительстве Челябинского металлургического завода в 1940-е гг., об истории Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР (ОГАС) в 1960–1970-е гг., об экономической эффективности догоняющей модернизации советской образовательной системы. В ежегоднике также опубликованы материалы по истории предпринимательства дореволюционной России, по истории денежного обращения античности и средних веков, по проблемам архивоведения экономической документации в России. Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также тех, кто интересуется экономической историей.

УДК 94(47)+94(470+571)

ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2

ISBN 978-5-8243-1739-8

© Коллектив авторов, 2012

© Российская политическая энциклопедия, 2012

От редколлегии

Очередной 13-й выпуск Ежегодника «Экономическая история» имеет не вполне стандартную структуру. Значительную часть его объема занимают статьи по аграрной истории, которая занимала, как правило, периферийное место в структуре предыдущих выпусков. Это отражает рост интереса к проблематике аграрной истории, появление новых подходов в этой традиционной области экономической истории.

Раздел «Аграрная история» открывается работой А. А. Селина, который рассматривает вопрос о соотношении разных видов помещичьей документации конца XVI – XVII в.: на материалах Водской пятины Новгородской земли. В статье немецких историков-аграрников М. Копсидиса М. и Н. Вольфа продуктивность сельского хозяйства Пруссии в ходе промышленной революции изучается на основе известной теории фон Тюнена, предполагающей, что возможность доступа сельскохозяйственной продукции к городскому потребителю была ключевым фактором, объясняющим географические различия в производительности сельского хозяйства. Статья А. А. Ракова посвящена экономическим аспектам коллективизации и «раскулачивания» на Урале; автор использует как агрегированные данные, так и первичные материалы с мест, положенные в основу большой базы данных. О. В. Ерохина исследует малоизвестные источники о германских сельскохозяйственных концессиях Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти.

Важным аспектом исследований по аграрной истории дореволюционной России является оценка достоверности, надежности источников. Уровень дискуссий по источниковедческим аспектам этой проблематики отражают полемические статьи М. А. Давыдова и И. А. Кузнецова об урожайной статистике Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД.

Традиционным для ежегодника является раздел «История финансов и банков». В трех статьях раздела рассматриваются различные аспекты истории банков Российской империи. В работе С. А. Саломатиной исследуются инвестиционные операции коммерческих банков в дореволюционной России, а в работе О. В. Чистойвой — кредитная клиентура банка Рябушинских в период экономического подъема 1909–1913 гг. Японский исследователь К. Яго в своей статье рассматривает деятельность Русско-Китайского банка в 1896–1910 гг. в качестве международного

финансового посредника в России и Азии. Две статьи раздела посвящены истории советской финансовой системы 1920–1930-х гг. А. С. Соколов анализирует структуру советских государственных займов в период новой экономической политики. В работе Ю. Б. Кочеврина впервые системно рассматриваются финансовые реформы 1930-х гг. и их последствия для развития денежной системы СССР.

Другие аспекты советской экономики рассмотрены в четырех статьях ежегодника. В статье А. К. Соколова анализируется состояние нефтяной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны. А. А. Цепкалова рассматривает проблемы промышленного строительства в условиях мобилизационной экономики СССР 1940-х гг. В центре внимания автора — принудительный труд на строительстве Челябинского металлургического завода.

Проблемы проектирования автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР (ОГАС) в условиях экономической реформы 1965 г. рассмотрены в статье А. В. Кутейникова. Впервые этот важный сюжет исследуется комплексно, с использованием архивных документов. Д. В. Диденко оценивает экономическую эффективность догоняющей модернизации советской образовательной системы в межстрановом сопоставлении.

История предпринимательства представлена двумя статьями. А. Ю. Петров исследует эволюцию государственного регулирования импорта промышленных машин и оборудования в пореформенной России (до I Мировой войны), обращая внимание на роль этой составляющей российского импорта в период дореволюционной индустриализации страны. В работе О. П. Павленко рассмотрены малоизвестные страницы истории московского женского купечества второй половины XIX в.

В данном выпуске ежегодника вновь появилась рубрика «Экономическая история Средневековья». Здесь публикуется статья А. Л. Пономарева, в которой автор изучает продуктивность монетных дворов, применяя нетривиальные статистические методы анализа динамической выборки.

Наконец, в разделе «Архивы и экономическая история» дается статья П. А. Кюнга об истоках архивоведения экономической документации в России.

Редколлегия выражает благодарность Г. Перельману (Калифорнийский университет, США) за помощь в работе над данным выпуском.

*Л. И. Бородкин
Ю. А. Петров
С. А. Саломатина*

Аграрная история

А. А. Селин*

**О соотношении разных видов поместной
документации конца XVI — XVII в.:
на материалах Водской пятины Новгородской земли****

Комплексы писцовых описаний России, в частности ее северо-запада, вводятся в научный оборот более 150 лет. Каждое новое поколение исследователей выходит на новый научный уровень, представляя качественно новый тип изучения этих памятников. Так, в 1970–1980-е гг. под руководством А. Л. Шапиро в Ленинградском государственном университете был выполнен, говоря современным языком, масштабный исследовательский проект, для своего времени бывший прорывом в изучении поземельного кадастра Северо-Запада Московского государства. В четырех томах «Аграрной истории Северо-Запада России» были аккумулированы статистические сведения по истории новгородской (частично также псковской и северной) деревни XV–XVI вв., проведен анализ сопоставимости разных типов поземельной документации. Работа ленинградских историков-аграрников получила заслуженную оценку в тогдашней советской и зарубежной историографии. Приходится констатировать, что позднее ученые лишь эпизодически обращались к статистическим данным, содержащимся в этих источниках. Вместе с тем с конца 1990-х гг. велась активная работа по выявлению всего комплекса писцовых и дозорных книг Русского Севера, Северо-Запада, некоторых других районов¹; была произведена масштабная публикация значительной части писцовых и дозорных описаний. При этом публикационная деятельность несколько опаздывала по отношению к раз-

---

* Селин Адриан Александрович — доктор исторических наук (Санкт-Петербургский филиал Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики).

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11–01–00 199 «Новгородские дозорные и обыскные книги 1611–1616 гг.: комментированное издание».

витию современных информационных систем; не существовало и единых принципов организации публикации; многие публикации писцовых и дозорных описаний осуществлялись региональными исследовательскими центрами и музеями, что делало издания малодоступными. Эти проблемы так же, как и отсутствие параллельного «бумажным» версиям электронного издания писцовых и дозорных книг, многократно обсуждались на регулярно созываемых конференциях по изучению и изданию писцовых книг и других массовых источников XVI–XIX вв. в Архангельске, Санкт-Петербурге, Москве, Петрозаводске, Каргополе в 2002–2011 гг., однако какого-то прорыва не произошло. Сегодня изучение писцовых и дозорных книг идет преимущественно по направлению феноменологизации информации, извлечения не статистических, а культурно-исторических данных и т. п.

Водская пятина Новгородской земли — специфический регион московского Северо-Запада. Его пограничный характер и в связи с этим приближенность к театрам военных действий в годы Ливонской войны и последующих за ней конфликтов конца XVI в. и Смутного времени обусловили особенности сохранности комплекса поземельных документов, относящихся к этому региону.

Первые три кадастра Водской пятины, комплексы которых сравнительно хорошо сохранились, относятся примерно к 1500, 1539/1540 и 1566/1567–1568/1669 гг. Эти материалы частично опубликованы и относительно давно введены в научный оборот. Ниже речь пойдет о последующих поземельных описаниях, менее изученных.

Особым типом регулярной документации поместных приказных учреждений являются дозорные книги, составлявшиеся между писцовыми описаниями в случаях серьезного изменения платежеспособности населения. Всеобъемлющий кризис в Московском государстве, распространившийся на Северо-Запад в начале 1570-х гг. привел к появлению серьезного несоответствия между имевшейся приказной документацией и численностью и платежными возможностями наличного населения. После 1570 г. начались масштабные дозоры новгородских пятин.

Дозорные книги этого времени были составлены следующим образом. В погост или пригород приезжали дозорщики — сын боярский и подьячий (иногда — один дозорщик). Документ начинался с даты проведения дозора, далее приводилась ссылка на документ, инициировавший дозор («по государеву указу и по наказу

боярина и воеводы» и т. п.), затем обозначалась местность (погост, волость, пригород), куда отправлялся дозорщик, и перечислялись имена понятых. В тексте дозорных книг перечислялись имена присяжных понятых и вид присяги (священник свидетельствовал «по священству», игумены и иеромонахи — «по черной ризе», светские присяжные — крестьяне, реже помещики — «по крестному целованию»). Взяв в понятые священника (священников) и старожильцев, дозорщики допрашивали их по полученному в Новгороде от воеводы (наместника) и дьяков наказу (пересказывался наказ). Как правило, в наказе была сформулирована задача: «дозорить» число жилых и пустых дворов в той или иной административной единице на момент совершения дозора. После наказа следовал собственно текст книги, который предворяла формула «и тому (т. е. наказу. — А. С.) книги». Дозорные книги писал церковный (реже земский) дьячок погоста или пригорода. Составленные дозорные книги отправлялись в Новгород, о чем ставилась помета на первом листе дозорных книг. В годы политического кризиса начала XVII в., сопровождавшегося серьезными демографическими изменениями, такие описания проводились всеми властями, как только для этого представлялась возможность.

Особое место в комплексе документов Поместного приказа занимают иные материалы не регулярного, но казуального делопроизводства — обыскные, отдельные, отписные книги и сопутствующие ему документы. Более того, составление подобной документации было необходимым этапом, предшествовавшим появлению регулярных поземельных описаний; однако в конце XVI — начале XVII в. такие описания не всегда составлялись; зачастую для ведения дел по перераспределению недвижимых имуществ и наложению фискальных сборов напрямую использовалась подобная казуальная документация.

Сегодня сложно оценить весь объем этого комплекса документов, хранящихся преимущественно в фонде 1209 (Поместный приказ) Российского государственного архива древних актов. Составленные в Новгородской земле отдельные, обыскные и отписные книги отправлялись из Новгорода в Поместный приказ в Москве, а в 1610–1616 гг. они оставались в новгородском Поместном приказе. В отличие от писцовых и дозорных книг, бывших регулярными описаниями определенной территории (пятины, половины пятины, определенной категории земель, к примеру дворцовых сел) комиссией из служилых людей и подьячих, обыскные,

отдельные и отписные книги составлялись при решении конкретных вопросов о поместном владении, в рамках дела о поместье. После принятия решения о поместной даче (в Москве, а в годы Смуты — в Новгороде) губной староста или неслуживый сын боярский (реже подьячий, недельщик, губной целовальник) получал в пятине отдельную грамоту. После этого он должен был взять в понятые священнослужителя и окрестных крестьян, выехать на место отделяемого поместья, проверить верность показаний соискателя поместья², провести обыск, отделить искомое поместье и составить отдельные книги. Если по приговору поместье делилось между несколькими соискателями, то недельщик должен был разделить поместье согласно четвертной норме, указанной в отдельной грамоте и приговоре, причем соотношение жилых и пустых четвертей в частях поместья должно было быть пропорционально номинальному размеру поместной дачи. Именно этот вопрос чаще всего вызывал взаимные претензии соискателей поместий после раздела. Неравный раздел «пустого» и «жилого» после подачи соискателями соответствующей челобитной приводил к указу о переделе поместья. Если размер делимого поместья был выше, чем номинальные размеры поместных дач соискателей, содержащиеся в приговоре и поместной грамоте, то остаток поместья отписывался на государя — составлялись специальные отписные книги.

Впервые на существование этого комплекса документов обратил внимание Д. Я. Самоквасов. Им же были опубликованы достаточно большие фрагменты сборников таких книг из собрания Московского архива Министерства юстиции. Впрочем, публикация Д. Я. Самоквасова³, которая до сих пор часто используется исследователями, была совершена выборочно, так как целью публикации было проиллюстрировать мысли ученого о специфике поместного делопроизводства.

Ценность этого типа источников подчеркнули Т. И. Осьминский, В. М. Романовский и А. Л. Шапиро в работе 1976 г. и Г. А. Победимова в 1981 г.⁴ В недавней работе М. Ю. Зенченко высказаны плодотворные предположения о формировании комплекса сборников бывшего Вотчинного архива и указано на исключительную ценность этих источников, но главное — поставлен вопрос о необходимости полного описания всего комплекса документов, насчитывающего несколько тысяч книг, объемом в среднем от 1000 до 2000 листов⁵. Обыскные книги, входящие в опись 3 фонда 1209 РГАДА, в которых упоминаются оклады новгородских служилых

людей, дают возможность реконструировать более ранние десятины и служилые списки.

В отличие от регулярных описаний пятин, в этих источниках содержится значительно больше биографических сведений: о составе семей помещиков и их судьбах, об отделищике. Скрепки священников и подписи дьячков, имена других лиц, участвовавших в составлении и удостоверении книг, также представляют большой интерес. Иногда при описании поместной дачи подробно описывается усадище — большой двор, где жил прежний помещик и где предстояло жить следующему помещику. Впрочем, не стоит переоценивать достоверность этих источников. В ряде случаев можно утверждать, что отделищики не выезжали на местность, а составляли книги, прежде всего отдельные, на губном стане. Не все территории Новгородской земли всегда были в равной степени безопасны и доступны. Иногда в тексте отдельных книг времен Ливонской войны и Смуты содержатся прямые указания на то, что отделищик не поехал на место, потому что там находятся «литовские люди» («воровские люди» и проч.)⁶.

Содержание отдельной (обыскной, отписной) книги начиналось с преамбулы, где пересказывалось содержание отдельной грамоты — наказа отделищнику: по чьему указу, по чьему наказу, по выписи из писцовых книг за приписью каких дьячков осуществлялся обыск/отдел, какому служилому человеку из чьего поместья отделялась новая дача. Далее перечислялись имена понятых. В случае обыска пересказывалась речь понятых, в случае отдела констатировалось, что отдел той или иной дачи осуществлялся при таких-то понятых. Писцами отдельных, обыскных и отписных книг чаще всего выступали местные церковные дьячки, несколько реже — земские дьячки соответствующей половины пятины. Подлинные обыскные, отдельные и отписные книги на месте скреплялись по нижнему полю священниками, а также, как правило, отделищиками и отсылались в Новгород, где их скреплял по правому полю дьяк Поместного приказа. Чаще всего в момент подачи отдельных книг в Новгороде на них ставилась помета о том, когда они поступили, и иногда о том, кто подал их в Поместный приказ. В дальнейшем обыскные, отдельные и отписные книги сплетались в тома по пятинам и годам составления и использовались подьячими Поместного приказа для написания справок при возбуждении новых дел о поместьях. Это было, вероятно, трудоемкой работой, с чем, впрочем, опытные подьячие легко справлялись. В архиве

Новгородской приказной избы сохранилось несколько сотен отдельных и обыскных книг. Большая их часть сплетена в сборники по пятинам и годам обысков и отделов. Некоторое число представляет собой непереплетенные тетради. Огромное большинство этих документов относится к 1611/1612–1613/1614 гг., когда велась и значительная часть поместных дел. Отличие обысков, отделов и отписок поместных дач в рассматриваемый период от тех, что проводились в предшествующие годы, невелико. Заключается оно в первую очередь в том, что подлинные книги посылались в 1610–1616 гг. не в Поместный приказ в Москве, а в новгородское учреждение с тем же названием. Разумеется, отличалась и преамбула книг: со второй половины весны 1611 г. книги составлялись не по указу царствующего государя, а по указу «Московского государства бояр», а со второй половины июля 1611 г. — по указу «Новгородского государства бояр и воевод».

Подчас отдельщики поступали недобросовестно. Если отделяемое поместье находилось в двух отдаленных частях Новгородской земли, далеко не всегда можно утверждать, что отдельщик побывал в обеих частях. Поясню примером.

После Ливонской войны в 1584 г. в поместную раздачу поступило несколько дворцовых волостей: Хрепельская дворцовая волость в Хрепельском погосте, Бельская волость и волость Василия Онаньина в Будковском погосте (все три находились в Водской пятине), а также Прибужская волость Шелонской пятины, неподалеку от Гдова. Часть помещиков, владельцев этих волостей, к 1614 г. умерла, часть «отъехала» из Новгорода, и на их поместья в обеих пятинах появились претенденты.

Так, в декабре (или чуть ранее) 1612 г. скончался сын боярский Водской пятины Афанасий Васильев сын Неелов, владевший поместьями в Будковском и Прибужском погостах. Бояре и воеводы приговорили дать отцовское поместье сыну Афанасия Неелова, Василию. Грамоту на отдел поместья в Прибужском и Будковском погостах Василию Афанасьеву сыну Неелову получил неслуживый сын боярский Постник Петряшев (скорее всего сосед Неелова по поместью)⁷. В качестве понятого был призван иеромонах Троицкого Верхутина монастыря, расположенного в Будковском погосте, Исая. 20 декабря 1612 г. был начат и завершен отдел поместья В. А. Неелову; однако несомненно, что в тот же день П. Петряшев не мог успеть съездить в Прибужский погост, находившийся почти в 200 верстах от Будкова. Для отдела поме-

стья он явно воспользовался сведениями, вписанными в отдельную грамоту подьячими Поместного приказа в Новгороде⁸.

Однако редкие случаи недобросовестности посланных для отдела детей боярских и подьячих не умаляют ценности отдельных и обыскных книг как источника. Сопоставление наказа отдельщику/обыщику с текстом отдела/обыска всегда позволяет сказать, осуществлялась ли процедура с выездом на место или проводилась на губном стане⁹. Несовпадающая с наказом информация — вот, собственно, наиболее ценное содержание этого рода источников.

Писцовая книга 1582/1583 г. письма Самсона Дмитриева и Елизария Григорьевича Старого и подьячего Семейки Киселева сохранилась в подлиннике¹⁰ и нескольких списках XVI–XVIII вв. Впервые эта писцовая книга была обнаружена и даже частично опубликована¹¹ К. А. Невוליным; в 1970-е гг. она была исследована Ю. Г. Алексеевым. В писцовой книге 1582 г. содержатся описания поместных, земецких, владычных, монастырских, части дворцовых земель, кроме того, к этому времени выделилась новая категория владений — земли «за помещики немецких городов»¹². В описаниях деревень Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов указывается на приписку некоторых из них к дворцовой Тесовской волости, а при описании селений Григорьевского Кречневского, Никольского Пидебского и Петровского на Волхове погостов — о приписке некоторых из них к дворцовой волости Королево. Писцовая книга 1582 г. содержит описание только части Водской пятины. Писцы не смогли совершить работы в ряде погостов из-за того, что те были заняты «немецкими людьми». Не были составлены описания для Успенского Городенского, Федоровского Песоцкого и Егорьевского Теребужского погостов, города Ладоги; лишь частично был описан Ильинский Тигодский погост; не вошли в книгу описания Копорского, Ямского, Ореховского и Корельского уездов. Конец подлинной рукописи дополнен несколькими поместными делами, вершенными писцом Е. Старым. Примечательно, что все они относятся к погостам Ореховского уезда, тем, в которые писцы не смогли проехать из-за войны.

Стоит отдельно остановиться на некоторой характерной информации, содержащейся в этой книге. Это прежде всего указания на время запустения деревень и смерти прежних помещиков, данные о местонахождении помещиков, отсутствовавших в день проведения описания (плен, боевые действия, уход в другие об-

ласти государства). Кроме того, в писцовой книге (как и в некоторых других писцовых книгах 1580-х гг.) присутствуют отсылки к «окладному списку», в котором содержались указания на размер поместного оклада того или иного помещика и с которым сверялись писцы при описании земельных владений, отмечая баланс оклада (по списку) и реальной земельной дачи, а также те случаи, когда имя помещика в окладном списке отсутствовало.

Такой окладной список, несомненно, был составлен на основе какой-то не дошедшей до нас десятины Новгорода¹³. В тексте одного из упомянутых поместных дел, вершенных писцом Е. Старым, содержится указание на верстание одного из соискателей поместья, кн. И. Д. Мещерского, боярином кн. Ф. М. Трубецким¹⁴, однако в перечне верстаний, составленных М. Г. Кротовым, нет упоминания о верстании этим боярином новгородских пятин¹⁵.

К этой книге примыкает близкая ей по формуляру писцовая книга дворцовых волостей Водской пятины 1584 г., составленная Е. Г. Старым и кн. В. А. Звенигородским¹⁶. В ней полностью описаны дворцовые волости Тесово и Королево. Эта книга впервые была использована Б. Д. Грековым в монографии о Новгородском Софийском доме¹⁷. Полный текст книги не выявлен; мне известен лишь ее список XVII в., составленный при передаче упомянутых волостей в Софийский дом¹⁸. В своем обзоре новгородских писцовых книг ее упоминает К. В. Баранов¹⁹.

После Плюсского перемирия со Швецией шла подготовка к составлению писцовой книги для оставшихся под контролем Московского государства территорий. Для этого губными старостами Третьяком Савиным и Богданом Желтухиным были проведены обыски Спасского Городенского, Ижерского, Куйвошского, Келтушского, Корбосельского, Ярвосольского, Дудоровского и Тигодского погостов²⁰. Насколько мне известно, по материалам обыска была составлена писцовая книга только для «царевой и великого князя волости, что была за Ореховскими наместниками в Водской пятине в Корельской половине в погостах Спасском Городенском, Воздвиженском Корбосельском, Ивановском Куйвошской, Ильинском Келтушском»²¹.

В архиве Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящемся ныне в Государственном архиве Швеции, мне удалось обнаружить пять отрывков из писцовой книги 1595/1596 г. письма Алексея Третьякова и Кузьмы Безобразова (все относятся к Копорскому уезду), составленной после окончания боевых дей-

ствий со Швецией для тех погостов, которые не были описаны в 1582/1583 г.²²

Еще один вид документации поместных учреждений — платежные книги. На рубеже XVI–XVII вв. они составлялись для взимания регулярных или чрезвычайных платежей с поместных земель. Эти книги — результат работы губных старост в своих округах над взиманием платежей с поместных (реже — церковных и монастырских) земель. Перед началом работы губным старостам выдавалась роспись поместий по погостам на основе существовавших писцовых или дозорных книг. Пользуясь этими росписями, губные старосты осуществляли сбор денег, фиксируя в платежных книгах уплаченные или не уплаченные суммы. В большинстве случаев, если владелец поместья к моменту сбора денег менялся, в книгах отмечался новый владелец.

Самыми ранними из известных мне платежных книг являются составленные около 1585/1586 г., то есть через три года после валового описания 1581/1582–1582/1583 гг. В них упомянуты представители старшего поколения новгородцев, живших и действовавших в годы Смуты. Сохранились платежные книги денег, собиравшихся в 1601/1602 и 1607/1608 гг. с поместий служилых людей на прогоны ямским охотникам, а с поместий вдов и недорослей — на стрелецких лошадей²³. Однако считать, что упомянутые в этих книгах помещики жили и активно действовали в момент их составления, не приходится. В ряде случаев губные старосты не отмечали в платежных книгах, что у поместья появился новый владелец, а писали имя того владельца, который был указан в их росписи. Тогда в качестве владельца поместья мог быть упомянут давно умерший человек. Так, в платежной книге Корельской половины Водской пятины 1607 г. в качестве владельца поместья в Хрепельском погосте упомянут Яков Кобылин²⁴. Известно, что Яков Кобылин скончался уже около 1593 г., оставив бездетной жену Анну²⁵. Более того, его вдова Анна, дочь Андрея Тушина и сестра Петра Андреева сына Тушина сама скончалась в 1599/1600 г. и ее прожиточное поместье отошло тогда же к З. И. Долгово-Сабурову²⁶. Можно быть также уверенным в том, что в качестве приправочной книги для платежниц 1606/1607 г. использовались платежницы 1601/1602 г. Об этом свидетельствуют совпадающее в обеих книгах, чье составление разделено несколькими годами, указание на прежнего владельца как на недавнего. Так, в Водской пятине к весне 1602 г. прежним поместьем Федора Косицкого вла-

дели Никита Григорьев сын Назимов и Иван Картмазов²⁷. Согласно платежной книге Водской пятины 1607 г. Никите Григорьеву Назимову и Ивану Картмазову недавно было отделено поместье Федора Косицкого²⁸.

Однако не стоит преуменьшать значения платежных книг как источника. К примеру, в книгах 1607/1608 г., фрагментами опубликованных Д. Я. Самоквасовым, содержатся упоминания о службе некоторых детей боярских под Тулой (скорее меньшинства из них). Важнейшая информация платежных книг для данного исследования заключается именно в пометах губных старост о некоторых дополнительных обстоятельствах службы новгородцев, а не в перечне владельцев, взятых при составлении платежниц в других источниках.

Особым комплексом документов Смутного времени является фонд Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящийся преимущественно в Государственном архиве Швеции. Материалы регулярного делопроизводства, ведшегося в московских традициях в условиях военно-политического контроля шведских властей над частью Новгородской земли, представляют собой компактный комплекс документов, важной частью которого являются дозорные и обыскные книги. Отдельным и малоизученным остается вопрос о взаимовлиянии московской и шведской кадастровой традиции. Шведские мантальные описания территорий, имевших неясный юридический статус (временно занятых и т. п.), сохранились как для 1580-х гг., так и для 1611–1618 гг.²⁹ Но эти документы пока не изучены.

В фонде Новгородской приказной избы сохранилось 42 дозорных и обыскных описания новгородских пятин и дворцовых сел 1611–1616 гг. Лучше всего представлены материалы Водской и Шелонской пятин, а также Старорусского уезда, входившего в состав последней, но подчиненного непосредственно Новгородскому дворцу.

Не сохранилось никаких указаний на дозорное или какое-то иное описание Новгорода и других (за исключением Старой Руссы) городов и посадов Новгородской земли в 1611–1616 гг. Видимо, они и не проводились. Возможно, в связи с существованием там своего рода самообложения, которое фиксирует, к примеру, в Порхове обыскная книга 1612 г.: «Порховской никольской поп Иван Григорьев сказал по священству... в Порхове, господине, у нас на посаде земля исстари выпускная оброчная. И с тое мы зем-

ли платили оброк годовой, а тягла мы не тянули с сохами опрочьямского строения, а тянем мы тягло с рядками вместе, а не с сохами»³⁰. В Новгороде до 1615 г. деньги собирались по раскладке пятиконецких старост; позднее — путем чрезвычайного обложения наиболее зажиточных новгородцев, не присягнувших Густаву Адольфу.

К началу XVII в. относятся дозорные книги, составленные для некоторых районов Водской пятины в 1612 и 1620-х гг. Дозорные книги 1612 г. составлялись во времена шведского военного присутствия в Новгородской земле новгородскими дозорщиками по формуляру, схожему с писцовыми книгами конца XVI в. Сохранилось четыре дозорные книги Водской пятины, описывающие ее территорию в 1612 и 1615 гг. Дозорная книга Водской пятины Полужской половины 1612 г. описывала владычные, монастырские и поместные земли 15 погостов Водской пятины. Ее составляли Иван Сергеевич Мельницкий, Федор Никитич Неклюдов и подьячий Матвей Помещиков³¹. Приправочным письмом для книги послужил не дошедший до нас дозор Богдана Ногтева, вероятно составленный в конце XVI в. В 1612 г. Михаилом Аничковым «с товарищи» была составлена дозорная книга Корельской половины Водской пятины³², приправочным письмом к которой служил несохранившийся дозор Дмитрия Нефниева и подьячего Ивана Лазарева. Позднее, в августе 1615 г. был составлен новый дозор Водской пятины, где Полусскую половину дозирали Иван Григорьевич Баранов и подьячий Семен Шустов³³, а Корельскую половину — князь Иван Семенович Путятин и подьячий Федор Прокофьев³⁴. Формуляр всех четырех дозорных книг в целом одинаков, в дозорах 1615 г. приправочным письмом служил дозор 1612 г. Существует также несколько дозорных книг отдельных монастырских вотчин Водской пятины, составленных в то же время³⁵. Полагаю, что дворцовые волости Ладожского уезда Силосари и Победище также дозировались в эти годы, однако их описаний не найдено.

Примечательно, что вотчинные писцовые книги, составлявшиеся крупными землевладельцами в 1611–1617 гг., неизвестны³⁶. Дозоры софийских и монастырских вотчин в 1611–1617 гг. проводились только государственными ведомствами. Так, по инициативе дворцового ведомства были дважды проведены описания софийских и монастырских владений.

В 1620 г. после ухода шведов из Новгородского и Ладужского уездов писцом Я. И. Зайцевым и подъячим Иваном Лазоревым было проведено дозорное описание пятины, от которого сохранилось лишь описание дворцовых волостей Тесовской и Силосари³⁷. В этих дозорных книгах были подробно описаны порозжие и живущие земли в дворцовых волостях, а также зафиксирована приписка к дворцовым волостям новых земель.

Писцовые книги поместных земель Водской пятины, составленные в 1623 г., сохранились очень плохо³⁸. Для дворцовых волостей Новгородского уезда (Тесово и Королево) сохранилась писцовая книга Федора Маврина 1629 г., фиксирующая как пустые, так и живущие земли уже на стадии возрождения поселенческой системы³⁹. Впервые эта книга была использована Б. Д. Грековым для реконструкции границ Тесовской волости⁴⁰.

В 1634 г. был также составлен дозор части Водской пятины (погостов Дмитриевского Городенского, Никольского Передольского, Сабельского, Успенского Хрепельского, Вдицкого (бывш. Гдицкого), Ильинского на Волхове, Теребужского, Пречистенского Городенского, Федоровского Песоцкого, Солецкого, Андреевского Грузинского, Успенского Коломенского, Антоновского, Петровского на Волхове и Переездовского)⁴¹.

Писцовые и дозорные книги 1620–1630-х гг. были фактически последним опытом земельного кадастра для описанного района Новгородской земли. Им на смену в 1646 г. пришли переписные книги — подворные описания населения. Судьба описанных источников была разной. Писцовые книги 1620-х гг. сохранили свое юридическое значение до XVIII в.; что интересно для территории Водской пятины — они сравнительно редко использовались в судебной практике. В то же время писцовые книги 1580-х гг. активно использовались в делопроизводстве как государственным, так и в вотчинном. Поэтому и те и другие сохранились во множестве списков и особенно выписей. Дозорные описания 1610-х гг. после 1617 г. были перемещены в Швецию и оказались востребованы уже только историками в конце XIX в. Массив же обыскных, отдельных, отписных, платежных книг, подшитый архивистами XVII–XVIII вв., еще не одно десятилетие будет исследоваться историками.

Примечания

¹ Каталог писцовых книг Российского государства. Вып. 1. Писцовые книги Русского Севера. М., 2000; Вып. 2. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004; Вып. 3. Писцовые книги Восточного Замосковья. М., 2007.

² На деле верность показаний проверялась лишь в спорных случаях. Как правило, в реальном делопроизводстве этот этап пропускался.

³ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 1. М., 1905. Т. 2. 1908.

⁴ Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. // ВИД. Т. 7. Л., 1976; Победимова Г. А. Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Т. 12. 1981. С. 47–60.

⁵ Зенченко М. Ю. Сборники писцовых документов в фондах РГАДА: проблемы изучения // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002. С. 127–133.

⁶ Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее — RA, NOA). Serie 2:311.

⁷ Им в 1612 г. был сын Постника, Федор Петряшев (Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 90).

⁸ Обыск неслуживым сыном боярским Водской пятины Постником Петряшевым поместья Афанасья Васильева сына Неелова в Будковском погосте Водской пятины и в Прибужской волости. 1612. 20.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 1–5 (копия без пагинации: Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — СПбИИ), м/ф. 320).

⁹ Полагаю, это было понятно и новгородским дьякам начала XVII в., в частности Андрею Лысцову, скрепившему вышеупомянутые отдельные книги Постника Петряшева.

¹⁰ Подлинная писцовая книга Водской пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Д. 958. Списки с нее: там же. Д. 301, 719.

¹¹ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских XVI века // Записки РГО. 1853. Т. 8. Приложение II. С. 55–63.

¹² Об этом подробнее: Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42.

¹³ Подробнее о десятиях новгородских пятин XVI в.: Кротов М. Г. Десятни XVI — начала XVII в. как исторический источник. Дипломная работа. М., МГУ, 1982. Доступна по адресу: http://krotov.info/yakov/5_hist/desyatni/dipl1.html

¹⁴ Подлинная писцовая книга Водской пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958. Л. 505.

¹⁵ Кротов М. Г. Десятни... Нет об этом сведений и в биографической статье о кн. Ф. М. Трубецком в «Славянской энциклопедии» (Славянская энциклопедия. Киевская Русь. Московия. Т. 2. М., 2001. С. 527–528).

¹⁶ Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 105–178.

¹⁷ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1.

¹⁸ Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 105–178.

¹⁹ Баранов К. В. Предисловие // Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. Т. 2. С. IX.

²⁰ Обыкновенные книги Ижерского погоста (без начала). 1585 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 223–241; Обыкновенные книги губных старост Водской пятины Корельской половины Третьяка Савина и Богдана Желтухина в Спасском Городенском погосте о пустых поместьях в погосте. 1585. 29.05 // Там же. Л. 242–253 об.; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях во Введенском Дудоровском погосте. 1585. 10.06 // Там же. Л. 254–262; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Никольском Ярвосокольском погосте. 1585. 7.07 // Там же. Л. 263а–273 об.; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Ильинском Келтушском погосте. 1585. 6.05 // Там же. Л. 274–288; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Ивановском Куйвошском погосте. 1585. 1.05 // Там же. Л. 289–312; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Воздвиженском Корбосельском погосте. 1585. 8.05 // Там же. Л. 313а–329 об.; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Ильинском Тигодском погосте. 1585. 3.07 // Там же. Л. 330–341.

²¹ Писцовые книги царевой и великого князя волости, что была за Ореховскими наместниками в Водской пятине в Корельской половине в погостах Спасском Городенском, Воздвиженском Корбосельском, Ивановском Куйвошском, Ильинском Келтушском письма и меры Ивана Иванова сына Баскакова и подьячего Ивана Галактионова. 1585, августа // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 214–222 об.

²² Видимо, к 1610 г. в Новгороде сохранялась только платежница с этой книги. Ср.: «А которые деревни и пустоши в тех поместьях в том в Кипенском погосте имянно не написано сколко в которой деревне и в пустоши обож и четвертные пашни и всяких угодей по тем писцовым книгам Олексея Третьякова, потому что подлинные книги того писца в Москве»: Дело по челобитной Никиты Зиновьева о даче ему на оброк пустоши Охоны в Кипенском погосте. 1615, апр. // RA, NOA. Serie 2: 317. Л. 7. Все отрывки опубликованы мной: Писцовая книга части Водской пятины письма Алексея Третьякова и Кузьмы Осиповича Безобразова. 1595/96 // Селин А. А. Историческая гео-

графія Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 491–492.

²³ Мне неясно, зачем стрельцам лошади, но платеж именовался именно так.

²⁴ Платежные книги денег на прогоны ямским охотникам Водской пятины Полужской половины губных старост Ивана Пушкина и Михаила Неелова. 1607, августа // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 662. Л. 84 об.

²⁵ Обыск губного старосты Селиверста Зиновьева в Успенском Хрепельском погосте о крестьянах, живших в поместье Якова Кобылина, по челобитным Ивана Самарина и Ульяны, вдовы Михаила Краснослепова. 1598. 24.10 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 960. Л. 44–47.

²⁶ Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрева сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54.

²⁷ Книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин, присудных и оброчных денег с сох и с рядка Клеток в Ижерском погосте, поральских денег наместнича дохода с Водоской волости и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Корельской половины губного старосты Бориса Вельяшева. 1602, апреля до 21 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 964. Л. 47 об.

²⁸ Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Водской пятины Корельской половины сбора губных старост Кузьмы Бровчына да Матвея Кушелева 1607/08 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 662. Л. 205 об.

²⁹ Подробнее: Селин А. А. Балтийские писцовые книги — часть Каммарархива в Государственном архиве Швеции // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 437–449.

³⁰ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 148.

³¹ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. Список: RA, NOA. Serie 1:28. С. 407 и далее (копия без пагинации хранится в СПБИИ, м/ф 321). Описаны владычная Полянская волость, погосты: Климентовский Тесовский, Спасский на Оредеже, Никольский Будковский, Дмитриевский Городенский, Успенский Хрепельский, Успенский Сабельский, Никольский Передольский, Косицкий Новгородского уезда; Никольский Суйдовский, Никольский Грезенский, Никольский Озерецкий, Спасский Орлинский, Егорьевский Взылицкий, Дмитриевский Кипенский, Богородицкий Дяглинский погосты Копорского уезда.

³² Дозорная книга Корельской половины Водской пятины дозора М. З. Аничкова с товарищами (без начала). 1612 // RA, NOA. Serie 1:39 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 349). Описаны погосты: Андреевский Грузинский (Керестская и Водоская волости), Солецкий, Успенский Городенский, Федоровский Песоцкий, Егорьевский Теребужский, Егорьевский Лопский, Введенский Дудоровский, Ижерский, Ярвосольский и Кривинская волость.

³³ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. Описаны погосты: Климентовский Тесовский, Никольский Будковский, Дмитриевский Городенский, Никольский Передольский, Спаский на Оредеже, Косицкий, Сабельский, Успенский Хрепельский, Никольский Суйдецкий, Дягиленский, Дмитриевский Кипенский, Егорьевский Вздылицкий, Никольский Озерецкий.

³⁴ Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева. 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. Описаны погосты: Андреевский Грузинский (Керестская и Водоская волости), Солецкий, Ильинский Тигодский, Кривинская волость, погосты: Лусский, Ивановский Переездовский, Петровский на Волхове, Антоньевский и Коломенский.

³⁵ Дозорные книги митрополичьих и монастырских волостей в Кречневском, Пидебском, Коломенском на Волхове, Грузинском и Ивановском Переездовском погостах и в Заверяжье Водской пятины дозора Якова Караулова и подьячего Одинца Иванова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:67 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф. 317).

³⁶ Полагаю, такие книги могли бы быть составлены как для Софийских вотчин (впрочем, к 1613 г. значительная часть вотчин оказалась недоступна Новгородскому Софийскому дому, так как находилась в Обонежской пятине), так и для крупных владений, например, для принадлежавшего кн. И. Н. Большому Одоевскому Славитинского погоста.

³⁷ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Водской пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 г. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 749.

³⁸ Список с писцовой книги поместных дворов Водской пятины Корельской и Полужской половин письма и сыску губного старосты М. Неелова. 1623, дек. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 968. Л. 387–400.

³⁹ Выпись из писцовых книг письма и меры Ф. Маврина да подьячего А. Коломского за приписью дьяка Ф. Арцыбашева. 1629 // СПБНИИ, кол. 2, оп.1, Д. 65. Л. 178 об.– 329 об. Список этой же книги в РГАДА: Список с писцовой книги дворцовых земель Водской пятины в Григорьевском Кречневском погосте письма и меры Ф. Маврина и подьячего А. Коломского. 1629 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 758.

⁴⁰ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии... С. 245–246; Приложение. С. 50–51.

⁴¹ Подлинная дозорная книга поместных и вотчинных дворов и людей Водской пятины Обонежской половины письма и дозора Константина Кучецкого и подьячего Ивана Темирева // РГАДА. Ф. 1209. Д. 968. Л. 504–521.

М. Копсидис, Н. Вольф*

Производительность сельского хозяйства Пруссии в ходе промышленной революции: интерпретация с точки зрения теории фон Тюнена

І. Введение

Литература, посвященная детерминантам межстрановых различий в экономическом развитии, и особенно дебаты вокруг «великой дивергенции» между Европой и Азией (Pomeranz, 2000) в последнее время вызвали интерес к причинам неравномерного экономического развития в Европе. Все большее число эмпирических исследований (Clark, 1987; Allen, 2001, 2009, p. 25–56; Pamuk, 2007) поддерживают тезис предшествующей историографии о том, что новый градиент экономического развития, направленный с северо-запада на восток континента, начал формироваться примерно с позднего средневековья (Gerschenkron, 1962; Pollard, 1981). Тем не менее наши знания о факторах, ответственных за эту дивергенцию, по-прежнему довольно ограничены. В этой статье мы рассмотрим вопрос о том, в какой мере развитие сельского хозяйства способствовало неравномерности экономического развития в Европе. В частности, мы проанализируем случай Пруссии XIX в. — государства, раскинувшегося в тот период почти на 1200 км — от районов, входящих сегодня в состав Бельгии, до территорий современной России.

Специфика развития сельского хозяйства играет ключевую роль в объяснении исторических корней отсталости Центральной и Восточной Европы (Warriner, 1939; Wallerstein, 1974; материалы книги: Aston and Philpin, 1985; Chirot, 1989; Gunst, 1996). В свою очередь, принципиальное значение для дебатов по этой

---

* Копсидис Михаэль — PhD, Институт аграрного развития в Центральной и Восточной Европе им. Лейбница, Галле (ФРГ); Вольф Николаус — PhD, Берлинский университет им. Гумбольдта (ФРГ) и Центр исследований экономической политики, Лондон (Великобритания).

тематике имеют различия в сельскохозяйственной производительности. Рассматривая Великобританию в качестве образцовой модели экономического развития Европы в XIX в., многие авторы интерпретируют сельскохозяйственную революцию как непременное предварительное условие для успешной индустриализации в других странах Европы. В рамках данной интерпретации проводимые правительством либеральные аграрные реформы, создающие институциональные основы для развития капиталистического сельского хозяйства, основанного на свободном труде и частной собственности на землю, рассматриваются в качестве необходимой предпосылки для начала процессов урбанизации и индустриализации. Поскольку в Центральной и Восточной Европе эта предпосылка отсутствовала, этим регионам не удалось догнать Запад (в парадигматической форме данный тезис изложен в работе: Komlos, 1989).

С другой стороны, уже давно высказывается мнение, что причинно-следственная связь могла быть направлена в обратную сторону: спрос со стороны городского населения, занятого такими несельскохозяйственными видами деятельности, как ремесла, протопромышленность, торговля, а затем и собственно промышленность, создал стимулы для интенсификации сельского хозяйства. Первыми видными сторонниками гипотезы о том, что развитие сельского хозяйства было индуцировано ростом (городского) спроса, были экономисты-классики, в частности Адам Смит (1776) и Иоганн Генрих фон Тюнен (1826). Эти классические идеи сейчас снова востребованы для объяснения подъема Северо-Западной Европы и превращения ее в наиболее производительный сельскохозяйственный регион мира в период до 1800 г. (De Vries, 1974; Wrigley, 1987, 1988; Grantham, 1989a, 1999; Kussmaul, 1990; Hoffman, 1996; Van Zanden, 1999; Allen, 2000 и особенно Campbell, 2010). Очевидно, что аналогичный аргумент может быть использован применительно к развитию сельского хозяйства и за пределами Северо-Западной Европы. Согласно этой точке зрения, отсутствие «экстерналий емкого рынка», связанных с ростом городских промышленных агломераций (Krugman, 1991), вполне могло выступить барьером для более динамичного развития сельского хозяйства.

Далее мы рассмотрим вопрос о взаимодействии между развитием сельского хозяйства и общеэкономическим развитием в Центральной и Восточной Европе. Если быть точнее, мы хотим

решить две задачи. Во-первых, мы намерены строго сопоставимым образом зафиксировать различия в развитии сельского хозяйства на высоком уровне географической детализации для значительной части континента. Во-вторых, мы хотим проверить, в какой степени наблюдаемая картина может быть объяснена различиями в доступе к городскому (или несельскохозяйственному) спросу по сравнению с другими факторами, такими как институциональные различия и их наследие либо различия природных условий.

Мы утверждаем, что Королевство Пруссия хорошо подходит для анализа этих вопросов, поскольку мы располагаем качественными данными для оценки межрегиональных различий по всем важным параметрам: производительность сельского хозяйства, доступ к городскому спросу, качество почв и институциональное наследие. После Венского конгресса 1815 г. Пруссия была единственной европейской империей, которая одновременно охватывала как регионы, принадлежащие европейскому «ядру роста» на Северо-Западе, так и регионы, которые были частью «Центрально- и Восточно-Европейской периферии». Пруссия простиралась от районов на левом берегу Рейна, ныне принадлежащих Бельгии (Эйпен и Мальмеди), до области Мемеля к востоку от реки Неман, которая теперь разделена между Литвой и Россией. Подробные статистические данные, которые собирало прусское правительство по всем очень разнородным регионам страны, являются полностью сопоставимыми.

Прусские данные также позволяют нам исследовать влияние институциональных различий на сельскохозяйственное развитие. Начнем с того, что не только Ленин в его теории «прусского пути», но и многие либералы и историки XX в. рассматривали прусские аграрные реформы как наиболее успешные с точки зрения создания условий для роста капиталистического сельского хозяйства и промышленности по сравнению с другими восточноевропейскими империями, такими как Австро-Венгрия и Россия (Boserup, 1972). Однако Прусское государство в 1815 г. охватывало не только регионы, где были реализованы эти либеральные преобразования, но также регионы, затронутые иными вариантами сельскохозяйственных реформ в конце XVIII — начале XIX вв. На значительных недавно приобретенных западных и восточных (балтийских) территориях реформированное прусское законодательство после 1815 г. легализовало результаты различных предыдущих политических мер, направленных на отмену аграрных институтов

«старого режима». Таким образом, в Пруссии после 1815 г. мы находим примеры почти всех возможных путей замены сеньориальной системы (Grundherrschaft) и системы общинного владения (Gemeinheiten) системой, полностью основанной на частной собственности на землю. Спектр использованных вариантов простирался от экспроприации крестьянских земель без какой-либо компенсации со стороны землевладельцев и выплаты крестьянами различных видов компенсации (в денежной или земельной форме) в адрес землевладельцев в связи с отменой сеньориальных прав последних до отмены прав землевладельцев без всякой компенсации в результате Французской революции. Как следствие, в силу различий в институциональном наследии наблюдалась широкая дифференциация средних размеров хозяйств — от мелких семейных ферм, преобладавших на Западе, до крупных поместий на Востоке, особенно к востоку от Эльбы. Несмотря на значительные региональные различия, законодательство прусских реформ после 1820 г. создало единую правовую основу для всего королевства от Мааса до Немана, которая восприняла все историческое наследие, касающееся прав собственности, как данность. По этой причине различия в сельскохозяйственной производительности могут анализироваться в контексте единой институциональной структуры, основанной на частной собственности на землю и либерализации рынков труда, и в то же время — с учетом значительных различий в институциональном наследии, определяющих различия в размерах хозяйств.

Наш анализ основан на высоко стандартизированном наборе данных, охватывающем все Прусское королевство. По поручению правительства прусский статистик и ученый Август Майцен собрал и опубликовал на более чем 2000 страницах в четырех из восьми томов своего масштабного труда данные сельскохозяйственной статистики для более чем 330 прусских округов в 26 административных районах и 8 провинциях по состоянию на период, предшествовавший изменению границ по итогам войн 1864 и 1866 гг. (Meitzen, 1868ff). До сих пор количественный анализ этого прекрасного источника данных не проводился. Они позволяют нам рассмотреть несколько показателей сельскохозяйственной производительности на уровне округов примерно в 1865 г. Примечательной особенностью этих данных является то, что они содержат показатели доходности земельных участков, т. е. информацию о земельной ренте для различных типов сельскохозяйственных земель, классифицированных по качеству почв. Они

также включают в себя детализированные на региональном уровне демографические и экономические показатели. Это связано с тем, что данные были собраны в ходе переоценки прусского налога на землю в 1861/1865 гг. (согласно Закону о налоге на землю от 21 мая 1861 г.), целью которого было налогообложение доходов, полученных от земельных участков с учетом различий не только в плодородии почв, но и в доступе к рынкам. Таким образом, в отличие от почти всех существующих исторических исследований, с помощью этих данных мы имеем возможность проанализировать факторы, определяющие долю сельскохозяйственной продукции, реально вовлекаемой в рыночный товарооборот. Эта переменная имеет непосредственное отношение к изучению взаимодействия между развитием сельского хозяйства и процессами общеэкономического развития.

В следующем разделе мы поместим наши идеи в контекст более ранней (обширной) литературы, посвященной сельскохозяйственной производительности и экономическому развитию Пруссии. Затем в разделе III описываются используемые нами данные по сельскохозяйственной производительности и региональным различиям в них на территории Пруссии около 1865 г. В разделе IV приведены данные, характеризующие факторы, которые потенциально могут претендовать на объяснение наблюдаемой картины; среди них — уровень доступа к городскому спросу, качество почв и институциональное наследие. Раздел V содержит описание простой теоретической схемы в духе фон Тюнена (1826), на основе которой формулируются эмпирически тестируемые гипотезы. В разделе VI осуществляется проверка основных гипотез, главная из которых заключается в том, что — при прочих равных условиях — определяющим фактором различий в сельскохозяйственной производительности являлся доступ к источникам спроса за пределами сельского хозяйства, а основными ее «двигателями» были изменения в структуре производимой продукции и в интенсивности использования факторов производства. В этом разделе также излагаются результаты тестов на надежность (robustness) полученных результатов, в частности оценки моделей с инструментальными переменными, предназначенных для учета фактора потенциальной эндогенности переменных в наших моделях. Раздел VII резюмирует полученные результаты и намечает возможные направления дальнейших исследований по рассматриваемому вопросу.

II. Краткий обзор литературы по Пруссии

В данной статье мы утверждаем, что территориальные различия в производительности сельского хозяйства в Пруссии лучше всего объясняются в рамках модели землепользования, предложенной фон Тюненом в 1826 г. Эта позиция резко контрастирует с традиционной точкой зрения, которая преобладает в литературе по сельскохозяйственному развитию Пруссии. До 1970-х гг. историография прусской аграрной реформы и развития сельского хозяйства в период 1800–1870 гг. находилась под сильным влиянием институционального экономического подхода «молодой исторической школы», представленной такими учеными, как Георг Фридрих Кнапп (Knapp, 1887), Макс Вебер (Weber, 1906) и Вернер Зомбарт (Sombart, 1903). Эти авторы не только утверждали, что либеральные аграрные реформы явились причиной роста сельского пролетариата на землях восточнее Эльбы в результате легализованных массовых выселений крестьян, но и были убеждены, что создание высокоэффективных капиталистических крупных поместий на востоке Пруссии позволило прокормить растущее (промышленное) население на западе страны (Sartorius von Waltershausen. 1923, p. 124). В соответствующей литературе считалось, что сельскохозяйственная производительность на востоке Пруссии была не просто высокой, но и превышала соответствующие показатели в западной части Пруссии, хотя это утверждение и не было подкреплено надежными эмпирическими доказательствами. В целом, Пруссия XIX в. рассматривалась как успешный «континентальный близнец» Англии, с упорной последовательностью проводивший очень эффективную политику роста, которая — несмотря на высокие социальные издержки в среднесрочной перспективе — представляла собой альтернативный способ избежать мальтузианской ловушки. Она предоставила рабочую силу для немецкой индустриализации и создала внутренний рынок для промышленной продукции потребительского назначения, а также для продовольствия.

Однако этот институциональный подход был поставлен под сомнение. Прежде всего, восточногерманские историки эмпирически показали, что рост объемов сельскохозяйственного выпуска восточнее Эльбы ускорился задолго до аграрной реформы (Harnisch, 1984, 1986). Напротив, никакого резкого ускорения роста в сельском хозяйстве по итогам реформ не было обнаружено.

Более того, недавние исследования на материалах прусской провинции Вестфалия продемонстрировали, что аграрные реформы не оказали значительного влияния на рост сельскохозяйственного производства и структурные изменения в сельском хозяйстве данного региона: как до, так и после реформ решающую роль играли процессы интеграции рынка. После 1830 г. различия в темпах участия в торговле с быстро развивающимися центрами городского промышленного спроса, сосредоточенными в Руре, стали главными факторами, объясняющими выраженные различия в темпах роста сельского хозяйства между отдельными районами Вестфалии. Строительство железных дорог имело решающее значение для темпов сельскохозяйственного развития региона. Рост сельского хозяйства, а также интенсивность сельскохозяйственного производства сильно зависели от близости к центрам спроса, позволяющим расширять количество продуктов, которые могли с прибылью поставляться на рынки. При этом важно, что выраженные региональные различия в темпах роста между отдельными районами Вестфалии не могут быть объяснены вариацией в плодородии почв. Решающий фактор, объясняющий эти различия, заключался в том, что соответствующие районы не в равной мере получали выгоды от доступа к рынкам Пура (Kopsidis and Hockmann, 2010; Kopsidis, 2006, p. 324–362).

С другой стороны, исследования региональных различий в Пруссии XIX в. выявили четкую специализацию по модели «Запад — Восток» (Hohorst, 1980; Frank, 1994), в рамках которой сельскохозяйственное производство доминировало в восточной части Пруссии, а промышленность — в западных провинциях Рейнская область и Вестфалия, а также в прусской провинции Саксония. На первый взгляд, это соответствует укоренившемуся в литературе представлению, что аграрный прусский Восток «кормил» Запад. При этом сельское хозяйство к востоку от Эльбы традиционно считалось более развитым и производительным благодаря тому, что рыночные отношения к востоку от Эльбы якобы были развиты сильнее (Harnisch, 1986, p. 59). Кроме того, тот факт, что в течение XIX в. регионы к востоку от Эльбы экспортировали больше сельскохозяйственной продукции, чем регионы западной части Пруссии, иногда рассматривался в качестве доказательства превосходства восточно-прусского сельского хозяйства. Однако есть основания сомневаться в этом. Во-первых, даже если бы прусский Восток экспортировал больше благодаря

относительному преимуществу в сельском хозяйстве, это ничего не говорит об *абсолютных* различиях в производительности. Во-вторых, есть новые данные о том, что прусский Восток экспортировал лишь отдельные продукты (зерно) на отдельные рынки (особенно в Великобританию), в то время как поставки в западные регионы Пруссии носили ограниченный характер. Недавние исследования свидетельствуют о том, что в течение XIX в. внутренний прусский рынок оставался сильно фрагментированным (Kopsidis, 2002; Uebele, 2009). Имеются данные, что даже после политического объединения Германии в 1871 г. сохранялась высокая степень фрагментации рынков, в том числе резкий разрыв во внутренней торговле сельскохозяйственными, а также другими товарами между востоком и западом страны (Wolf, 2009).

Все имеющиеся данные о торговых потоках подтверждают, что торговля на большие расстояния не играла важной роли в обеспечении продовольствием густонаселенных западных провинций Прусской империи (Kopsidis, 2011). Более того, вызванная строительством железных дорог «транспортная революция» после 1840 г. обусловила колоссальный рост торговли сельскохозяйственной продукцией в пределах северо-западной Германии, но не привела к сколько-нибудь значительному ввозу продовольствия извне. Несмотря на улучшение связей между западной и восточной частями Пруссии, современные немецкие источники не содержат сведений о крупных поставках зерна с востока на запад в течение 1850–1860-х гг. ни по железным дорогам, ни водным транспортом. Когда в 1870-х гг. производство зерна в северо-западной Германии перестало удовлетворять растущий внутренний спрос, возникший вакуум был заполнен благодаря импорту зерна из-за рубежа, а не поставками из восточных провинций Пруссии (Meitzen, 1871a, p. 272; Koettgen, 1890, p. 4; Fremdling and Hohorst, 1979, p. 64–65; Mueller-Wille, 1981, p. 64–65). С начала индустриализации в Великобритании до начала эры импорта дешевого зерна из-за океана земли восточнее Эльбы экспортировали зерно главным образом на британский рынок (Jacobs und Richter, 1935, 1935, p. 276; Sharp, 2006), а также в центрально-европейские промышленные центры, такие как Берлин. Все это наводит на мысль, что взаимодействие между развитием сельского хозяйства и общеэкономическим развитием на протяжении большей части XIX в. определялось преимущественно локальными факторами. Далее мы покажем, что такая картина соответствует ситуации, когда прогресс в сельском

хозяйстве в основном определяется спросом, главным образом спросом со стороны городов. Это согласуется с данными о том, что производительность сельского хозяйства в западной части Пруссии была явно выше, чем в восточной.

III. Производительность сельского хозяйства: источник данных, критика данных и дескриптивные доказательства

Нашим главным показателем производительности сельского хозяйства является так называемый доход, подлежащий обложению земельным налогом (Grundsteuerreinertrag, или GRE), определяемый как доход от сельскохозяйственного использования земли за вычетом всех расходов на сельскохозяйственное производство (Engel, 1866, 1867; Meitzen, 1868, p. 36–44)¹. GRE рассматривался налоговой администрацией в качестве базы взимания земельного налога. При оценке GRE прусская налоговая администрация в явном виде стремилась определить чистый доход от одного акра земель, вовлеченных в различные виды использования (пашня, пастбища, луга, сады и огороды) и подразделенных на различные классы в разных частях государства.

В отличие от почти всех других оценок земельного налога прусский GRE представлял собой не стандартизированный результат абстрактных расчетов², а оценку чистого дохода в расчете на акр земли, основанную на суждении опытных экспертов, объединенных в специальные комиссии (Veranlagungskommissionen). Эти комиссии формировались в каждом округе. Их члены должны были принять во внимание все факторы, которые могли повлиять на доход от сельского хозяйства округа³. Они должны были активно разъезжать по округам для оценки величины GRE в расчете на акр для всех типов и классов (сельскохозяйственных) земель. С этой целью комиссии были обязаны определить репрезентативные «образцовые участки» (Mustergrundstuecke) для каждого класса земель, используемых для садоводства и огородничества, под пашни, луга и пастбища, а также для лесов и внутренних вод. В частности, выделялось восемь категорий (Bonitaetsklassen) пахотной земли, различающихся качеством почв, — от «земли 1-го класса под пшеницу» до худшей «земли 3-го класса под рожь». Значения GRE, определенные для «образцовых участков», долж-

ны были быть тщательно сопоставлены с данными по местному землевладению и ценам на землю. Это была самая важная проверка результатов деятельности комиссий. У нас есть данные на уровне всех 342 прусских округов по общему GRE и отдельно по GRE для пашенных земель, садов и огородов, пастбищ и лугов. В табл. 1 приведены данные, агрегированные на уровне провинций. В ней также содержится дополнительная информация (Engel, 1867) по расходам на ведение сельскохозяйственного производства, которые доступны только на этом более высоком уровне агрегирования.

Таблица 1

Стоимость продукции, издержки сельскохозяйственного производства, земельная рента (за прусский акр) и интенсивность использования труда, 1865 г. (в скобках приведены ранги)

Провинция	Стоимость продукции (в талерах) ^а	Издержки сельскохозяйственного производства (в талерах) ^б	Земельная рента (GRE, в талерах)	Интенсивность использования труда ^в	Доля дохода от садоводства и огородничества в совокупном сельскохозяйственном доходе, %
Пруссия	17,30 (7)	16,50 (7)	0,80 (8)	20,5 (7)	1,25 (7)
Померания	18,67 (6)	17,64 (6)	1,03 (6)	16,3 (8)	1,00 (8)
Позен	16,27 (8)	15,39 (8)	0,88 (7)	22,5 (5)	1,36 (6)
Бранденбург	19,60 (4)	18,41 (4)	1,19 (5)	20,5 (6)	2,55 (3)
Силезия	19,43 (5)	17,80 (5)	1,63 (4)	36,3 (2)	2,34 (4)
Саксония	24,03 (2)	21,58 (3)	2,45 (1)	22,4 (4)	1,71 (5)
Вестфалия	23,33 (3)	21,60 (2)	1,73 (3)	28,4 (3)	3,62 (1)
Рейнская область	26,50 (1)	24,12 (1)	2,38 (2)	40,8 (1)	3,35 (2)
μ ^г	20,64	19,13	1,51	25,96	2,15
Стандартное отклонение	3,68	2,98	0,65	8,53	0,98
Коэффициент вариации	0,1734	0,1558	0,4305	0,3285	0,4588
Минимум	16,27	15,39	0,80	16,32	1,00 %
Максимум	26,50	24,12	2,45	40,79	3,62 %
Королевство Пруссия	20,30	18,92	1,38	25,1	2,39 %

Источники: Engel, 1867, р. 104–107; Meitzen, 1869, р. 116–117, табл. 1; собственные расчеты.

Примечания к табл. 1

^a Среднегодовая стоимость валовой продукции в расчете на прусский акр пахотной земли.

^b Среднегодовые издержки сельскохозяйственного производства в расчете на акр пахотной земли.

^b Количество труда в расчете на 100 га сельскохозяйственных земель.

^г Невзвешенное среднее значение (число наблюдений по провинциям = 8).

В целом прусский GRE, представлявший собой оценку чистого дохода от сельскохозяйственного использования земли до уплаты налогов в расчете на акр, соответствует концепции земельной ренты. Земельная рента обычно определяется как разность между денежной оценкой сельскохозяйственного выпуска и денежной оценкой используемых в сельскохозяйственном производстве ресурсов. Таким образом, различия в GRE между округами отражают региональные различия в совокупной производительности факторов производства (total factor productivity – TFP), используемых в сельском хозяйстве. По данным ряда исследований, долгосрочные временные ряды по реальной земельной ренте, составленные на основе данных об аренде земли и чистых доходах сельскохозяйственного производства, примерно отражают долгосрочную динамику TFP в сельском хозяйстве (McCloskey, 1972, 1975; Allen, 1992, p. 227–231; Hoffman, 1996; Clark, 2002). Однако, хотя GRE тесно коррелирован с TFP, эта корреляция может быть несовершенной в силу возмущений, связанных с изменением цен на сельскохозяйственную продукцию или на ресурсы, используемые в сельскохозяйственном производстве. Для устранения возмущений, связанных с изменением цен на сельскохозяйственную продукцию, в некоторых спецификациях нашей модели мы дефлировали данные о номинальном GRE по индексам цен сельскохозяйственной продукции в соответствующих округах (при этом оказалось, что данная процедура не оказывает существенного влияния на полученные нами результаты)⁴. Что же касается цен на ресурсы, используемые в сельскохозяйственном производстве, то необходимо отметить, что, согласно оценкам Э.Энгеля на уровне прусских провинций, вариация соответствующих цен в расчете на акр сельскохозяйственных земель была в 4 раза меньше вариации в объемах валового сельскохозяйственного выпуска (Engel, 1867, p. 154; см. также табл. 1, столбец 2). Таким образом, большая часть различий в земельной ренте (GRE) между округами была обусловлена вариацией TFP. Из этого следует, что различия в величине

земельной ренты (GRE) правильно отражают ранжирование TFP по округам, но имеют тенденцию завышать вариацию TFP. Несмотря на эти оговорки, прусские данные по GRE (земельной ренте) отражают региональные различия в сельскохозяйственной TFP в достаточной степени для того, чтобы по крайней мере провести различие между низко-, средне- и высокопроизводительными регионами Прусской монархии⁵.

На очереди еще две оговорки. Во-первых, прусское земельное налоговое регулирование 1861/1865 г. учитывало доходы от продукции животноводства только опосредованно, через его влияние на доходность пахотных земель, лугов и пастбищ. Данное обстоятельство способствует занижению влияния городского спроса на сельскохозяйственную продукцию. Тем не менее Энгель (1867) среди других авторов предполагал, что косвенные эффекты от развития животноводства, отраженные в данных по GRE, должны быть очень существенными. Доходность и, следовательно, пространственная экспансия высокоурожайной интенсивной системы земледелия, а также эффективное использование лугов и пастбищ были обеспечены главным образом благодаря увеличению спроса на корма со стороны растущего животноводческого сектора (Thuening, 1826, p. 99–129; Engel, 1867, p. 103–116; Grantham, 1978; Kopsidis, 2006, p. 117). Таким образом, данные по GRE в значительной мере отражают реальное влияние развития животноводства на доходность пахотных земель, лугов и пастбищ, но все же могут преуменьшать тот вклад, который городской спрос на продукцию животноводства вносил в рост производительности сельского хозяйства.

Во-вторых, можно подозревать, что оценка GRE проводилась неодинаково строго на территории всего королевства, ибо есть основания полагать, что крупные юнкеры (землевладельцы) на востоке страны пользовались определенными преференциями. Если это так, то данные по производительности сельского хозяйства на востоке страны могут нести определенные искажения, которых не наблюдается в других регионах Пруссии. Земельный налог был существенным источником дохода для прусского государства, обеспечивая около 30 % всех налоговых поступлений. Отменив большинство освобождений от ранее существовавшего земельного налога, которые ставили восточные провинции и их землевладельцев в привилегированное положение, реформа земельного налога 1861 г. отвечала основополагающим требовани-

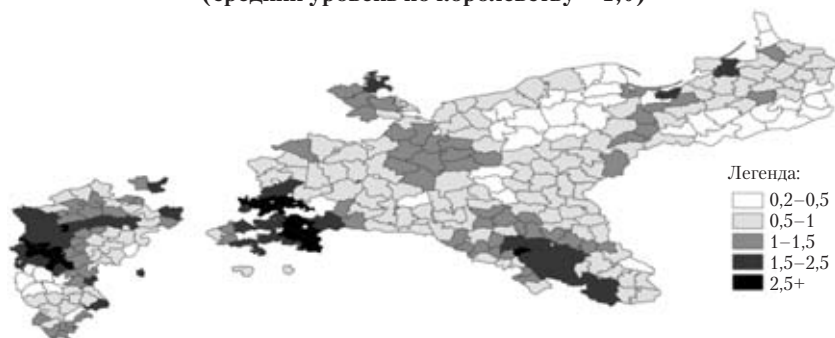
ям либералов, которые были особенно влиятельными на западе страны. В пользу справедливого характера налогообложения говорит тот факт, что налоговая реформа была частью политической сделки между либералами и прусской короной. Дорогостоящие военные реформы могли быть профинансированы только за счет дополнительных налоговых поступлений, на которые требовалось согласие прусского парламента. В обмен на это согласие королевская власть реорганизовала земельный налог в соответствии с требованиями либералов. В самом деле, согласно последним исследованиям, 92 % дополнительного бремени по земельному налогу пало на восточные провинции (Spoeer, 2004, p. 67). Аналогичным образом, Энгель (Engel, 1867) в своем детальном исследовании пришел к выводу о том, что значительные региональные различия в GRE едва ли можно объяснить различиями в политике налоговых органов. Далее, GRE широко использовался сельскохозяйственными банками для оценки уровня долговой нагрузки или определения цен на землю. Даже ученые, критически относящиеся к привилегиям землевладельцев (например, Макс Вебер), использовали данные по GRE без каких-либо оговорок. Все тогдашние эксперты признавали, что определение показателей GRE прусской налоговой администрацией было тщательным и беспристрастным (Schiller, 2003, p. 223–230). Наконец, недавнее исследование рынка земли в Вестфалии в 1830–1860 гг. позволило сделать вывод о том, что ни одна переменная не объясняет наблюдаемые изменения цен на землю лучше, чем данные по GRE, которые использовались современниками как важный ориентир в переговорах относительно цен на землю (Fertig, 2007, p. 181–202). Подводя итог, можно сделать вывод, что данные по GRE для периода 1861/1865 гг. являются ценным источником для изучения региональных различий в производительности сельского хозяйства Пруссии.

Рассмотрим теперь географические характеристики данных. Табл. 2 и карта 1 четко свидетельствуют о существовании огромных различий как в производительности сельского хозяйства, измеренной показателем GRE (табл. 2, столбцы 10–12), так и в ее возможных детерминантах (табл. 2, столбцы 1–8). В некоторых округах показатель GRE достигал лишь четверти от среднего уровня по королевству, в то время как в других округах он превышал средний уровень более чем в три раза (столбец 12, две нижние строки). Даже если предположить, что вариация показателей

TFP примерно в пять раз ниже вариации в GRE, то оказывается, что уровень TFP в наиболее производительных округах в 3–4 раза превышал соответствующие показатели в наименее производительных округах.

Карта 1

Нормализованные показатели реальной земельной ренты (GRE)
в расчете на прусский морген сельскохозяйственных угодий, 1865 г.,
(средний уровень по королевству = 1,0)

На карте 1 видно, что показатели производительности сельского хозяйства (реальный GRE в расчете на прусский морген⁶) имеют четкий градиент снижения с запада на восток, прерывающийся только в Центральной Германии и Силезии. Можно выделить три компактные области с исключительно высоким уровнем производительности: (1) территории северной Рейнской области и части примыкающего к ней вестфальского Хельвега, тянущиеся широкой полосой вдоль Южно-Вестфальской возвышенности примерно на 100 км от Бохума до Липпштадта, (2) почти вся центрально-германская провинция Саксония и (3) значительная часть западной Силезии. Большие регионы со средним уровнем производительности охватывают провинции Бранденбург, остальную часть Силезии и западную часть Померании. Смежные с ними самые восточные провинции прусского королевства — Позен и собственно Пруссия — включали в себя обширные площади с наиболее низкой производительностью (с немногочисленными исключениями в виде территорий вокруг Данцига и Кенигсберга, а также восточной части Померании). В то же время даже в Рейнской области и Вестфалии можно найти низкопродуктивные регионы, расположенные либо на неплодородных возвышенностях, либо вдалеке от Рейн-Рурского промышленного пояса в Северной

Таблица 2

Результаты сельскохозяйственной деятельности и их потенциальные детерминанты в прусских провинциях, около 1865 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Провинция												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Качество почвы ^а	Плотность поголовья крупного рогатого скота ^б	Плотность поголовья лошадей ^в	Железнодорожные и водные пути ^г	Плотность населения ^д	Отношение поголовья рабочих лошадей к численности населения ^е	Площадь земли в расчете на одного работника ^ж	Относительный рыночный потенциал ^з (в %)	Прусский индекс цен сельскохозяйственной продукции (индекс в целом = 1,0)	Земельная рента (номинальный GRE, в тагерах) ^и	Земельная рента (реальный GRE, в тагерах) ^к	Относительная земельная рента (реальный GRE, средний уровень по королевству = 100%) ^л (в %)
Пруссия	13,6	61,5	20,9	0,0223	47,8	0,40	19,1	59	0,86	0,80	0,93	67,4
Померания	6,6	51,1	14,6	0,0230	47,1	0,35	24,0	80	0,95	1,03	1,09	79,2
Позен	7,9	63,2	14,9	0,0237	52,1	0,26	17,4	89	0,93	0,88	0,95	68,9
Бранденбург	8,9	70,0	16,6	0,0465	64,2	0,32	19,1	113	0,98	1,19	1,20	87,5
Силезия	30,6	119,3	16,1	0,0333	86,3	0,17	10,8	88	0,94	1,63	1,73	125,4
Саксония	38,0	78,3	16,3	0,0471	79,9	0,29	17,5	127	1,02	2,45	2,40	174,5
Вестфалия	25,7	106,7	16,8	0,0442	81,8	0,23	13,8	117	1,10	1,73	1,57	113,9
Рейнская область	31,4	141,0	13,9	0,0608	123,4	0,13	9,6	129	1,15	2,38	2,08	150,8

Описательная статистика по округам (327 наблюдений)												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
μ^m	25,9	96,8	16,7	0,041	80,0	0,26	15,9	100	1,00	1,70	1,65	120,1
σ	26,0	42,2	5,9	0,047	56,7	0,13	6,5	58	0,11	1,17	1,05	76,1
Минимальное значение	0,0	2,8	1,4	0,0	24,9	0,02	5,1	42	0,73	0,31	0,34	24,9
Максимальное значение	99,7	271,9	41,9	0,369	467,1	0,75	64,6	760	1,26	6,59	6,18	448,9

Источники: Собственные расчеты на основе Meitzen (1869).

Примечания к табл. 2

^a Доля почв высокого качества в общей площади сельскохозяйственных земель (в %).

^b Число голов крупного рогатого скота в расчете на 1000 акров сельскохозяйственных угодий.

^в Число рабочих лошадей в расчете на 1000 акров сельскохозяйственных угодий.

^г Километраж дорог и водных путей в расчете на 100 прусских квадратных миль (1868).

^д Численность населения в расчете на 1 км² (1864).

^е Число рабочих лошадей в расчете на одного занятого.

^ж Площадь сельскохозяйственных угодий (в прусских акрах) в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве.

^з См. формулу в тексте.

^и GRE определяется как чистый доход от сельского хозяйства в расчете на прусский акр сельскохозяйственных земель (Grundsteuereinktrag, см. объяснение в тексте).

^к Равно номинальный GRE, взвешенный по прусскому индексу цен сельскохозяйственной продукции (см. объяснение в тексте).

^л Реальный GRE в провинции, деленный на среднее значение реального GRE в среднем по королевству.

^м Невзвешенное среднее значение (число наблюдений по округам = 327).

Вестфалии. В следующем разделе мы рассмотрим некоторые показатели, которые могут пролить свет на причины столь выраженных различий в уровнях производительности.

IV. Потенциальные детерминанты производительности сельского хозяйства

Первый же взгляд на данные в табл. 2 позволяет выдвинуть ряд предположений относительно того, какие факторы объясняют различия в сельскохозяйственной производительности. Как можно видеть, высокую корреляцию с показателями производительности демонстрируют в первую очередь различия в качестве почвы, измеряемые процентной долей наилучших почв в общей площади сельскохозяйственной земли (столбец 1), а также плотность населения (столбец 5). Карта 2 показывает, что распределение качества земель во многом повторяет распределение показателя GRE в расчете на единицу земельной площади: лучшие почвы можно найти в западных регионах, в Саксонии и Силезии.

Карта 2

Доля почв высокого качества (%), 1865 г.

Кроме того, показатели GRE варьируются в зависимости от доступа к растущим продовольственным рынкам городских промышленных агломераций. Показатель GRE на единицу площади наиболее высок в провинциях с самой высокой плотностью населения (столбец 5), которая, в свою очередь, зависит от количества и размеров городов. Однако численность населения (особенно городского) в соседних регионах также должна играть свою роль. Чтобы учесть влияние этого фактора, мы построили простой по-

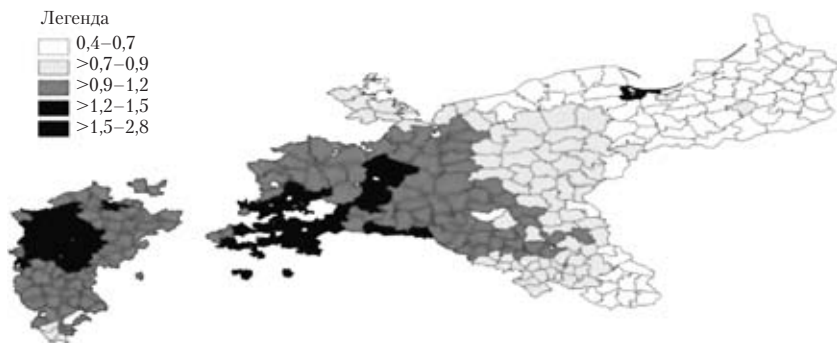
казатель доступа к городскому спросу (или «рыночного потенциала») в духе работы Harris, 1954, где потенциал городского рыночного спроса для конкретного округа представляет собой взвешенную по расстоянию сумму потенциального городского спроса со стороны всего географического окружения, аппроксимируемого численностью его городского населения (сведения о которой приведены в работе Meitzen, 1869):

$$MP_i = \sum_{j=1}^n \frac{UrbanPop_j}{dist_{ij}}$$

Обратите внимание, что здесь мы принимаем во внимание не только прусское городское население, но и население всех соседних иностранных территорий (в общей сложности около 50 европейских регионов от Курляндии на северо-востоке, Швеции и Дании на севере до Нидерландов, Бельгии и Эльзаса – Лотарингии на западе, Баварии на юге и Царства Польского на востоке). В столбце 8 табл. 2 и на карте 3 соответствующие данные представлены в процентном выражении рыночного потенциала к среднему показателю для Пруссии в целом.

Карта 3

**Нормализованный показатель рыночного потенциала
(взвешенная по расстоянию сумма потенциального городского спроса
на продовольствие; средний показатель по королевству = 1,0)**

Эти данные также демонстрируют направленный с запада на восток градиент. Наилучший доступ к городскому спросу имел место в Рейнской области, Вестфалии и Саксонии; довольно высокий уровень рыночного потенциала наблюдался также в окрест-

ностях Берлина и Данцига. Тем не менее в рамках этих крупных регионов существовали заметные различия. Например, в провинции Рейнская область два южных административных района (Regierungsbezirke) Трир и Кобленц остались далеко позади административных районов Дюссельдорфа или Кельна. Эти различия должны помочь нам определить влияние доступа к рынку на производительность сельского хозяйства (контролируя влияние всех прочих факторов). Кроме того, можно отметить, что пространственное распределение показателей рыночного потенциала формирует кольцеобразные зоны вокруг крупных агломераций, наиболее заметные на западе Пруссии, но обнаруживаемые также и на востоке — с Саксонией и большой зоной вокруг Берлина в центре.

Большинство из оставшихся потенциально важных факторов, влияющих на производительность сельского хозяйства, — такие, как плотность населения, плотность поголовья сельскохозяйственных животных или транспортная инфраструктура — демонстрируют систематически более высокие значения в западной части Пруссии (в т. ч. в Саксонии), а также положительную корреляцию с показателями GRE (см. табл. 1, 2). Восточные регионы страны держали первенство только по плотности поголовья лошадей (особенно Восточная и Западная Пруссия — известные области коневодства). Далее, все эти переменные демонстрируют большую вариацию на относительно небольшие площадях. На основании изучения дескриптивной статистики, представленной в табл. 2, можно сказать, что это утверждение верно в отношении качества почвы (карта 2), рыночного потенциала (карта 3) и транспортной инфраструктуры, а также — хотя и в меньшей степени — для поголовья крупного рогатого скота и лошадей.

Наконец, рассмотрим различия в структуре хозяйств. Остается открытым вопрос, в какой степени они влияли на вариацию сельскохозяйственной производительности в Пруссии XIX в., — и вовсе не потому, что исследователи испытывают недостаток данных. В табл. 3 приведены данные о распределении хозяйств по размерам на уровне провинций Прусского королевства в 1882 г. (получены на основе агрегирования данных по 25 административным районам). Данные свидетельствуют, что связи между структурой хозяйств и производительностью были далеко неоднозначными. По-видимому, ответ на вопрос о том, какие хозяйства — небольшие или крупные — могли функционировать более эффективно,

зависел от таких факторов, как качество почвы и доступ к рынку. В литературе утверждалось, что европейская индустриализация XIX в. улучшила условия развития семейного фермерства, особенно благодаря растущему спросу со стороны городских промышленных потребителей (Van Zanden, 1991, p. 216, 236–238; Grantham, 1989b, p. 14; Kopsidis, 2006, p. 324–362). Действительно, ведущие территории западной Пруссии и в еще большей мере Саксонии очень близко подошли к модели высоко диверсифицированной структуры хозяйств, в которой доминирующие позиции заняли полностью специализированные на сельском хозяйстве семейные фермы самых разных размеров, в том числе поместья размером 75–150 га, как предсказывал еще в 1826 г. фон Тюнен. Однако нет правил без исключений. Небольшой регион с высокопроизводительными большими поместьями существовал вокруг Бреслау в Силезии. Более того, доминирование крупных — более 100 га — поместий, охватывающих до 80 % всех сельскохозяйственных угодий (как в Померании вокруг Штральзунда), по крайней мере, не исключает возможность достижения уровней производительности выше среднего, несмотря на преобладание бедных почв и худший (по сравнению со средним по стране) уровень доступа к рынку. Однако отсутствуют убедительные свидетельства того, что производительность сельского хозяйства в Рейнской области или Вестфалии страдала от отсутствия крупных поместий и тем более отставала от показателей производительности в регионах к востоку от Эльбы.

Таблица 3

Структура производственных единиц в сельском хозяйстве Пруссии, 1882 г.

Провинция	Неполная занятость в сельском хозяйстве ^a (менее 2 га)	Мелкие крестьянские хозяйства (2–5 га)	Средние крестьянские хозяйства (5–20 га)	Крупные крестьянские хозяйства (20–100 га)	Поместья (более 100 га)
	Доля в совокупной площади сельскохозяйственных земель (%)				
Восточная Пруссия	2,0	3,4	14,0	40,6	40,1
Западная Пруссия	2,3	3,0	13,9	31,6	49,2
Померания	2,4	3,1	12,4	21,2	60,9
Позен	2,1	3,0	17,6	18,7	58,5

Провинция	Неполная занятость в сельском хозяйстве ^а (менее 2 га)	Мелкие крестьянские хозяйства (2–5 га)	Средние крестьянские хозяйства (5–20 га)	Крупные крестьянские хозяйства (20–100 га)	Поместья (более 100 га)
	Доля в совокупной площади сельскохозяйственных земель (%)				
Бранденбург	3,5	4,7	19,4	33,1	39,4
Силезия	4,5	9,9	25,3	21,3	39,1
Саксония	5,7	6,6	23,0	36,9	27,9
Вестфалия	9,3	13,7	35,6	34,9	6,5
Рейнская область	13,0	20,8	42,7	20,4	3,1
Королевство Пруссия ^б	4,4	6,8	21,3	28,7	38,8

Источник: собственные расчеты, основанные на Preussische Statistik. Vol. 76. Part 3. Berlin, 1884ff. S. 2–48.

Примечания к табл. 3

Прусская сельскохозяйственная статистика 1882 г. характеризует размер хозяйственных единиц, а не характер собственности на землю или фермы.

^а Определение классов хозяйственных единиц дано в соответствии с данными прусской статистики 1882 г. В рамках этих пяти классов размеры хозяйств также дифференцированы.

^б Королевство Пруссия в границах 1864 г.; достоверные данные о структуре хозяйств в 1860-х гг. отсутствуют.

Данное распределение размеров фермерских хозяйств непосредственно связано с различием институционального наследия между отдельными регионами Пруссии. Как неоднократно утверждалось в литературе (см., в частности, недавнюю работу Asemoğlu et al., 2010), установление полной частной собственности на землю в ходе либеральной аграрной реформы было революционным институциональным изменением, которое вызвало «сельскохозяйственный взлет», придавший импульс последующему росту в масштабах всей экономики. Кроме того, яростные дебаты развернулись по вопросу о том, какой тип аграрной реформы — «французская», «прусская» или какая-то другая — был наиболее эффективной и успешной стратегией, способствующей экономическому развитию. Как уже отмечалось в данной статье, в Пруссии можно наблюдать наследие самых разных аграрных реформ. Чтобы учесть этот фактор, мы исследуем влияние следую-

щих четырех вариантов аграрных реформ, которые охватывают все 342 округа.

(1) «Шведская Померания»: радикальное выселение крестьян, близкое к английской модели (мы кодируем этот тип реформ фиктивной переменной, равной единице для всех четырех округов административного округа Штральзунд).

(2) «Прусские реформы» в землях к востоку от Эльбы: отмена сеньориальных прав в обмен на выкуп, который выплачивался главным образом в земельной форме (мы кодируем этот тип фиктивной переменной, равной единице для 239 округов восточных и центральных провинций Прусского королевства, кроме Шведской Померании).

(3) «Прусские реформы» в землях к западу от Эльбы: отмена сеньориальных прав в обмен на выкуп, который выплачивался главным образом в денежной форме (мы кодируем этот тип реформ фиктивной переменной, равной единице для 52 округов в провинциях Рейнская область и Вестфалия, не аннексированных Францией в период до 1815 г.).

(4) «Французская революция»: отмена сеньориальных прав без выкупа (мы кодируем этот тип реформ фиктивной переменной, равной единице для всех 47 рейнских округов, присоединенных к Франции в период до 1815 г.).

Неудивительно, что данные не позволяют установить четкую связь между размерами фермерских хозяйств (по состоянию на 1882 г.) и фактором исторического наследия. Средний размер хозяйств оказывается наибольшим в тех регионах, где крестьяне были выселены без компенсации (1), и самым низким в регионах, где сеньориальные права были отменены без выкупа (4). Шведская Померания вошла в состав Пруссии только после 1815 г. в форме административного округа Штральзунд. В отличие от более старых прусских территорий, Шведская Померания (подобно Мекленбургу) не знала королевской защиты крестьянских хозяйств на протяжении XVIII в. До 1815 г. в Шведской Померании правила знать, в дела которой почти не вмешивалась королевская власть. Таким образом, в отличие от старой части Пруссии, из-за слабости правового положения зависимых крестьян и отсутствия у них имущественных прав на землю коммерчески очень активной знати в период после 1750 г. удалось выселить большую массу крестьян без компенсации и очень быстро провести широко-масштабное укрупнение земельных владений. Таким образом,

Штральзунд на побережье Балтийского моря был единственным прусским административным округом, который развивался, следуя «английскому пути» — «революции лэндлордов» XVIII в., описанной в книге Роберта Аллена (Allen, 1992). Напротив, несмотря на ожесточенное сопротивление дворянства прусские аграрные реформы начала XIX в. были осуществлены таким образом, что большинство крестьян стало полноправными собственниками своих хозяйств. В обмен на это они должны были предоставить компенсацию прежним землевладельцам либо в виде земли и платежей, как в большинстве районов к востоку от Эльбы (2), либо в виде денежного выкупа без потерь в земле, как на западе Пруссии (3). Это миф, что к востоку от Эльбы прусские реформы вызвали исчезновение крестьянства. Даже если к востоку от Эльбы крестьяне и теряли земли, там смог возникнуть большой класс семейных ферм, собственники которых были лояльны короне (Harnisch, 1984)⁷. После 1815 г. Пруссия получила территории на левом берегу Рейна, которые ранее были присоединены к революционной Франции. Здесь сеньориальная система была отменена без всякого выкупа бывшим владельцам (4). Прусское правительство после 1815 г. подтвердило результаты соответствующих реформ, чтобы сохранить общественный порядок.

Когда речь идет о механизмах, с помощью которых реформенное законодательство могло влиять на производительность, особый интерес представляют огораживания. По юридическим причинам, связанным с законодательством об огораживаниях (т. н. *Gemeinheitsteilungsordnung*, 1821), из-за стремления прусской бюрократии избежать социальных волнений на недавно приобретенных западных территориях традиционная фрагментированная структура земельных участков даже в регионах с полноценной системой открытых полей не была затронута приватизацией земель. В ходе огораживаний консолидация земель в крупных масштабах происходила только в землях к востоку от Эльбы — там, где крестьянские и юнкерские земли были разделены. Таким образом, один из эффектов огораживаний, который мог повысить производительность, а именно отмена фрагментации полей на узкие полоски, в действительности наблюдался только в Восточной Пруссии, и несколько раньше — в Шведской Померании. В Рейнской области и Вестфалии консолидация земель в крупных масштабах началась только после создания Германской империи (Kopsidis, 2006, p. 370–373). Таким образом, помимо прочего, наши данные

позволяют проверить, в какой степени огораживания повлияли на производительность прусского сельского хозяйства.

Итак, существует множество потенциальных факторов, которые могут быть использованы для объяснения межрегиональных различий сельскохозяйственной производительности в Пруссии. Теперь нам необходимо исследовать каналы или механизмы, с помощью которых эти факторы могли влиять на производительность, а также оценить относительную значимость этих каналов. В частности, мы должны понять, как доступ к городским рынкам — при условии контроля географических (качество почв) и институциональных (о которых можно судить на основании средних размеров хозяйств) показателей — повлиял на географическое распределение показателей производительности сельского хозяйства. В следующем разделе мы предлагаем простую модель в духе фон Тюнена, которая будет использоваться для дальнейших эмпирических исследований.

V. Простая тестируемая модель в духе фон Тюнена

Мы хотим эмпирически исследовать вопрос о том, как доходность сельскохозяйственного производства (измеренная показателем GRE) зависит от расстояния до источников городского спроса, качества почв и других возможных факторов, таких как институциональное наследие. Для этого нам в первую очередь нужно установить связь между уровнем земельной ренты и расстоянием до городов разного размера. Рассмотрим простую теоретическую схему в духе фон Тюнена (Thünen, 1826). Вначале мы примем величину спроса неизменной и проанализируем, как решения в сфере предложения зависят от расстояния до рынка. После этого мы завершим модель простой функцией спроса, которая зависит от размера города.

Основываясь на модели землепользования Бекмана (Beckmann, 1972), будем считать, что сельскохозяйственный выпуск представляет собой функцию двух факторов производства, земли и труда, при постоянной отдаче от масштаба. Вся продукция поставляется на центральный рынок (в город), где и продается. Расположение городов является единственным географическим фактором, который принимается во внимание, поэтому мы на время абстрагируемся от различий в качестве почв, институтов и других факторов

(в нашем эмпирическом исследовании мы будем использовать их в качестве контрольных переменных). При этом мы можем определить сельскохозяйственный доход в расчете на акр земли как функцию интенсивности использования труда в расчете на акр (трудоинтенсивность):

$$1) \quad \frac{\text{output}}{\text{acre}} = \phi \left(\frac{\text{labor}}{\text{acre}} \right), \text{ or } y = \phi(x), \text{ where } \phi'(x) > 0, \phi''(x) < 0, \text{ and } \phi - x\phi' > 0.$$

Земельная рента в расчете на акр $g(r, x)$ рассчитывается как стоимость выпуска (по локальным ценам) за вычетом издержек на факторы производства, или

$$2) \quad g(r, x) = p(r)\phi(a, x, r) - wx.$$

Эта формулировка очень близка к показателю GRE в наших данных, где земельная рента рассчитана как прибыль в расчете на акр в локальных ценах за вычетом издержек производства (таких, как заработная плата). Земельную ренту $g(a, r, x)$ в формуле (2) иногда называют «максимальная предлагаемая рента» (bid-rent), поскольку она отражает максимальную цену, которую фермер может предложить за акр земли на расстоянии r от города. Ее также можно рассматривать как минимальную доходность земли для фермера, необходимую, чтобы конкурировать с другими видами землепользования в окрестностях города (например, с использованием земли под размещение промышленных предприятий).

Параметр a в формуле (2) используется для того, чтобы провести различие между отдельными видами сельскохозяйственной продукции, как объясняется ниже. Кроме того, мы оцениваем доход на основании локальных цен, $p(r)$. Это цена за единицу товара «у ворот фермы», следовательно, за вычетом транспортных расходов на расстоянии r от рынка. В отличие от М. Бекмана (Beckmann, 1972), мы моделируем транспортные издержки в самом общем виде. Во-первых, они содержат в себе адвалорный компонент (t_1) в духе Самуэльсона (Samuelson, 1954, 1983), который растет пропорционально стоимости отгруженных товаров. Во-вторых, мы вводим компонент транспортных издержек на единицу продук-

ции (t_2), который не зависит от стоимости перевозимых товаров. Если обозначить цену на центральном рынке как p и цену «у ворот фермы» на расстоянии r от центрального рынка как $p(r)$, то имеем:

$$p(r) = \frac{p - t_2 r}{(1 + t_1) r} \text{ or } p(r) = \frac{p}{(1 + t_1) r} - \frac{t_2}{(1 + t_1)} .$$

Отметим, что второй компонент формулы, который включает в себя транспортные издержки на единицу продукции t_2 (удельные транспортные издержки), не зависит от расстояния до рынка. Тем не менее влияние этого постоянного компонента на цены «у ворот фермы» и, следовательно, на земельную ренту будет увеличиваться по мере удаления от центрального рынка.

Используя производственную функцию Кобба-Дугласа, можно выразить выпуск в расчете на акр как функцию от интенсивности использования труда: формула $f(x) = \alpha x^\alpha$, где $0 < \alpha < 1$. Легко показать, что максимизация прибыли предполагает увеличение занятости в расчете на акр по мере приближения к городу (подробнее см. Техническое приложение). Благодаря этому максимизирующая прибыль интенсивность использования труда x^* может быть выражена как функция от параметров, цен и расстояния до центрального рынка:

$$x^*(r) = \left[\frac{\alpha a}{w} \left(\frac{p}{(1 + t_1) r} - \frac{t_2}{(1 + t_1)} \right) \right]^{\frac{1}{1 - \alpha}} .$$

Отсюда следует, что максимизирующая прибыль земельная рента в расчете на акр g^* сокращается с увеличением расстояния до города:

3)

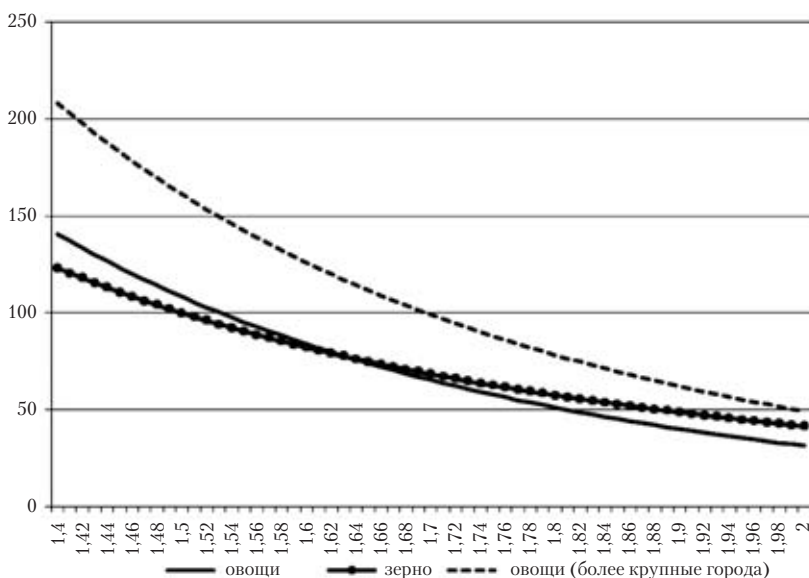
$$g^*(r) = (1 - \alpha) \left(\frac{\alpha}{w} \right)^{\frac{\alpha}{1 - \alpha}} \left[\alpha a \left(\frac{p}{(1 + t_1) r} - \frac{t_2}{(1 + t_1)} \right) \right]^{\frac{1}{1 - \alpha}} .$$

Рассмотрим теперь случай производства двух видов сельскохозяйственной продукции — например, овощей и зерна. Эти два то-

вара отличаются с точки зрения транспортных расходов в расчете на единицу продукции (t_2) и параметра a — выпуска в расчете на акр при использовании одной единицы труда. Кроме того, представляется логичным предположить, что цена за единицу продукции для овощей выше по сравнению с зерном, — однако ни один из наших результатов не зависит от этого предположения. На рис. 1 показано, как изменяется рента в расчете на акр в зависимости от расстояния до рынка для этих двух товаров, которые отличаются только значениями a и t_2 .

Рисунок 1

Максимальная предлагаемая рента для овощей и зерна как функция расстояния до центрального рынка

Рассмотрим сначала две сплошные линии на рис. 1. Рисунок показывает, что близко к городу выгодно производить продукцию с высокой прибылью на акр, но с более высокими удельными транспортными издержками (овощи, яйца, молочные продукты). В свою очередь, по мере удаления от города становится более выгодным производить товары с более низкими транспортными издержками и более низкой прибылью на акр (зерно, скот). Отметим, что при этом мы уже приняли во внимание тот факт, что максимизирую-

щие прибыль фермеры варьируют интенсивность использования факторов производства в зависимости от расстояния от города: по мере того, как земля становится дороже с приближением к городу, фермеры будут использовать более интенсивные (минимизирующие количество используемой земли) технологии сельскохозяйственного производства.

Далее, мы можем расширить модель для того, чтобы показать, как влияет размер города (N) на размер прибыли в сельском хозяйстве. При прочих равных условиях, т. е. при заданных объемах производственных ресурсов, технологии производства конкретного вида продукции и ставке заработной платы (которая в соответствии с нашими предположениями устанавливается за пределами сельского хозяйства), логично предположить, что чем больше численность городского населения, тем выше цены на сельскохозяйственную продукцию. В результате земельная рента на любом расстоянии от города будет тем выше, чем выше численность его населения (пунктирная линия на рисунке). При заданном объеме совокупного предложения и определенных предположениях о функциональной форме спроса (которые приведены в Техническом приложении) цены на центральном рынке будут расти линейно с размером города:

$$4) \quad N = \theta p, \text{ with } \theta = \pi^{\frac{1}{\beta}} \left[\left(\frac{1}{1+\alpha} \right)^{\frac{1}{\beta}} \frac{\alpha}{w} \right]^2 > 0.$$

На расстоянии (r) от центрального рынка земельная рента будет увеличиваться пропорционально населению города N , взвешенному по расстоянию (r):

$$5) \quad g(r) = (1-a) \left(\frac{\alpha}{w} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \left[\alpha a \left(\frac{N/\theta}{(1+t_1)r} - \frac{t_2}{(1+t_1)} \right) \right]^{\frac{1}{1-\alpha}}.$$

С учетом рассмотренных характеристик, наша простая модель генерирует три тестируемых результата. Во-первых, очевидно, что

при прочих равных условиях земельная рента должна быть тем выше, чем меньше расстояние до городов. Более того, согласно нашей модели данный эффект усиливается в окрестностях крупных городов. Мы можем аппроксимировать эту взаимосвязь, используя показатель доступа к городскому спросу (или показатель городского «рыночного потенциала»), который рассчитывается как взвешенная по расстоянию сумма численности городского населения в окрестностях любой территории, фигурирующей в нашей базе данных (как это изложено в разделе IV). Во-вторых, наша модель предполагает, что интенсивность использования труда возрастет по мере приближения к городу. Согласно модели, это связано с эффектом замещения факторов производства в ответ на рост цен на землю в окрестностях городов. И, наконец, в-третьих, модель предполагает, что увеличение среднего уровня земельной ренты в расчете на акр будет связано как с изменением в использовании факторов производства, так и с повышением закупочных цен на продукцию «у ворот фермы» (ввиду более низких транспортных издержек и более высокого спроса), а также с изменением структуры производимой продукции в пользу более прибыльных ее видов, для которых одновременно характерен более высокий уровень транспортных издержек. В следующем разделе мы используем имеющиеся данные, чтобы проверить все три перечисленных следствия нашей модели.

VI. Что объясняет производительность сельского хозяйства Пруссии?

В наших регрессиях мы используем данные по всем 342 прусским округам около 1865 г. На первом этапе мы оценили уравнение регрессии, где в качестве зависимой переменной выступал логарифм GRE на единицу площади на уровне округа, а в качестве независимой переменной — уровень городского спроса, измеренный показателем рыночного потенциала (как описано в разделе IV). В табл. 4 (столбцы 1 и 2) приведены результаты оценки данного уравнения по методу наименьших квадратов с робастными стандартными ошибками.

Что объясняет производительность сельского хозяйства в Пруссии?

Dep. Var.	Log (GRE/area)	Log (GRE_real/area)	Log (GRE/area)	Log (GRE_real/area)
Const.	0,536*** (0,028)	-3,269*** (0,027)	2,449*** (0,302)	-1,132*** (0,291)
Log(MP)	1,307*** (0,091)	1,090*** (0,081)	0,919*** (0,105)	0,817*** (0,099)
Log(sharetopsoil +0,001)	–	–	0,046*** (0,008)	0,047*** (0,008)
Log(horses/area)	–	–	0,371*** (0,066)	0,424*** (0,065)
Log (transinfra/area)	–	–	0,254*** (0,064)	0,234*** (0,059)
Inst_Pr_West	–	–	-0,065 (0,067)	-0,169** (0,067)
Inst_Fr	–	–	0,233** (0,079)	0,058 (0,078)
Inst_Sw	–	–	0,625*** (0,098)	0,619*** (0,083)
No. of Obs	338	338	338	338
Adj, R2	0,443	0,363	0,692	0,652
AIC	1,381	1,361	0,807	0,775

Источник: Собственные расчеты. Описание переменных см.: Техническое приложение. Робастные стандартные ошибки приведены в скобках. Звездочки указывают на статистическую значимость на уровне 10 % (*), 5 % (**) и 1 % (***).

В столбце 1 зависимой переменной является логарифм GRE в текущих ценах, а в столбце 2 показатель GRE дефлирован по индексам цен сельскохозяйственной продукции на уровне округов. В регрессии с единственной независимой переменной доступ к городскому спросу объясняет от 36 % до 44 % вариации показателя GRE (в зависимости от того, проводили мы дефлирование показателя GRE или нет).

Далее, в столбцах 3 и 4 мы добавляем дополнительные переменные для контроля различий в качестве почв, институционального наследия (для чего мы используем фиктивные переменные 1–4, причем переменная 2 исключена из рассмотрения как избыточная в спецификации), поголовья лошадей на единицу площади (как аппроксимация используемого капитала) и транспортной инфраструктуры. Коэффициенты при всех переменных статисти-

чески значимы на стандартных уровнях, а также имеют ожидаемые знаки. Добавление этих контрольных переменных несколько уменьшает коэффициент при переменной доступа к рынку, но он остается большим, положительным и статистически значимым.

Эти простые регрессии объясняют около $\frac{2}{3}$ вариации в сельскохозяйственной производительности по прусским округам. Из них недвусмысленно следует, что доступ к городскому спросу был критически важным фактором, определяющим производительность сельского хозяйства. Кроме того, влияние наших институциональных переменных на земельную ренту (и особенно статистически значимое влияние переменной «Шведская Померания») говорит о том, что при определенных условиях, сходных с английскими, массовые выселения крестьян, сокращение использования рабочей силы и укрупнение хозяйств (которые выступали в качестве ключевых элементов «революции лэндлордов», Allen, 1992) играли роль успешной стратегии повышения производительности и прибыльности сельского хозяйства Пруссии в начале XIX в. Наиболее выражен этот эффект был в Балтийском регионе.

Еще в середине XIX в. эти прибрежные районы производили в больших масштабах зерно для британского рынка. Преобладающей системой земледелия в соответствующем регионе был вариант плодопеременного хозяйства. По сравнению с формами хозяйства, характерными для западных и центральных регионов Пруссии, он был довольно экстенсивным (в плане использования земли) и трудосберегающим. По сути, это было отмечено еще фон Тюенном, который сделал однозначный вывод о том, что высокоинтенсивная т. н. бельгийская сельскохозяйственная модель, которую многие эксперты рекомендовали для всей Германии, неизбежно привела бы к экономическому краху крупных хозяйств Балтийского региона (Thuenen, 1826, p. 112). Более того, и фон Тюенн, и Энгель утверждали, что в условиях максимизации прибыли рост интенсивности хозяйства будет неизбежно означать значительное уменьшение размеров фермерских хозяйств, особенно вблизи городов (Engel, 1867, p. 153). Этот вывод, как представляется, находит подтверждение в современных исследованиях, которые показывают, что промышленное развитие Западной и Северной Европы в XIX в. сопровождалось ростом семейного фермерства⁸.

На следующем этапе мы рассмотрим вопрос о том, действительно ли доступ к городскому спросу оказывал влияние на производительность сельского хозяйства по тем каналам, которые предполагает наша модель, а именно через различия в интенсивности использования труда и в наборах производимых сельскохо-

зайственных продуктов. Для этого мы повторно оценим регрессии табл. 4 с добавлением переменных, которые должны отражать по крайней мере часть эффекта доступа к рынкам. Вначале мы введем переменные «*stgrmix1*», «*stgrmix2*» и «*stgrmix3*», характеризующие вариацию в наборах производимых сельскохозяйственных продуктов. Переменная «*stgrmix1*» представляет собой частное от деления показателя GRE округа, полученного в сфере садоводства и огородничества (выращивание фруктов и овощей), на совокупный GRE округа. Аналогичным образом, переменные «*stgrmix2*» и «*stgrmix3*» рассчитываются как частное от деления GRE для лугов и пастбищ соответственно на совокупный GRE округа. С учетом того, что плодоовощная продукция, как правило, имеет более высокие удельные транспортные расходы, но и более высокую цену за единицу веса, мы ожидаем, что ее доля будет тем выше, чем ближе источники городского спроса. Напротив, производство продукции на участках, используемых под луга и пастбища, требует максимального количества земельных ресурсов, и поэтому доля дохода, получаемого в данной сфере, должна сокращаться вблизи городов, где цены на землю, как правило, выше. Таким образом, мы ожидаем, что эти переменные отражают по крайней мере часть влияния доступа к городскому спросу на показатель выпуска на единицу площади: первая — с положительным знаком коэффициента регрессии, вторая и третья — с отрицательным. Кроме того, мы включаем в регрессию контрольные переменные, характеризующие численность поголовья свиней и молочных коров на единицу площади сельскохозяйственных угодий. Эти переменные призваны полнее учесть значительное косвенное влияние, которое развитие животноводства в окрестностях городов оказывает на доходность сельского хозяйства (см.: Grantham, 1989, p. 51–52). В соответствии с нашей теоретической аргументацией, мы также добавили контрольную переменную интенсивности использования труда, рассчитанную как отношение численности занятых в сельском хозяйстве к площади сельскохозяйственных земель в округе. Эта переменная должна отразить влияние того факта, что максимизирующие прибыль фермеры в окрестностях города будут пытаться приспособиться к изменению относительных цен путем замещения земли трудом. Наконец, когда мы используем номинальные значения GRE в качестве зависимой переменной, мы также добавляем в качестве контрольной переменной индекс цен сельскохозяйственной продукции на уровне округа, который должен отражать ценовой компонент влияния размера городов на производительность сельского хозяйства

в нашей модели. Мы ожидаем, что цены в окрестностях городов будут выше, так что коэффициент при соответствующей переменной будет иметь положительный знак.

Столбцы 1–4 табл. 5 показывают роль перечисленных выше каналов, по которым доступ к городским рынкам оказывает влияние на производительность сельского хозяйства (как с учетом, так и без учета влияния переменных качества почв, капитала, транспортной инфраструктуры и институционального наследия). В столбцах 1 и 2 зависимой переменной является GRE в номинальном выражении, поэтому в спецификацию модели добавлены ценовые индексы. В столбцах 3 и 4 зависимой переменной являются дефлированные показатели GRE.

Таблица 5

Изучение механизмов влияния

Dep. Var	Log (GRE/area)	Log (GRE/area)	Log (GRE_real/area)	Log (GRE_real/area)
Constant	-0,186 (1,087)	0,027 (1,138)	-2,027*** (0,291)	-1,263*** (0,311)
Log(priceindex)	0,537** (0,272)	0,645** (0,296)	–	–
Log(cropmix1)	0,070** (0,033)	0,035 (0,028)	0,070** (0,033)	0,035 (0,028)
Log(cropmix2)	-0,079*** (0,019)	-0,079*** (0,021)	-0,087*** (0,019)	-0,079*** (0,021)
Log(cropmix3)	-0,288*** (0,036)	-0,187*** (0,033)	-0,286*** (0,036)	-0,189*** (0,033)
Log(milkcows/ area)	0,267*** (0,126)	0,107 (0,105)	0,271** (0,128)	0,110 (0,047)
Log(pigs/area)	0,299*** (0,047)	0,205*** (0,048)	0,304*** (0,047)	0,201*** (0,048)
Log(labint)	0,119 (0,101)	0,154* (0,093)	0,078 (0,098)	0,149* (0,083)
Log(MP)	0,510*** (0,111)	0,555*** (0,099)	0,423*** (0,087)	0,513*** (0,087)
Other controls (see table 4)	No	Yes	No	Yes
No. of Obs	332	332	332	332
Adj. R2	0,740	0,805	0,694	0,772
AIC	0,642	0,371	0,647	0,369

Источник: Собственные расчеты. Описание переменных см.: Техническое приложение. Робастные стандартные ошибки приведены в скобках. Звездочки указывают на статистическую значимость на уровне 10 % (*), 5 % (**) и 1 % (***).

В полном соответствии с нашими теоретическими выкладками, влияние набора видов выпускаемой продукции, интенсивности использования труда и цен возрастает вблизи крупных источников городского спроса. Более того, все эти факторы влияют на производительность сельского хозяйства, измеряемую номинальным или дефлированным показателем GRE на единицу площади, ожидаемым образом. Подобно тому, как это было показано в предшествующих работах для случаев Великобритании и Франции, прусское сельское хозяйство приспособлялось к изменениям структуры спроса путем интенсификации производства и изменения структуры специализации в пользу высокодоходных культур (см.: Grantham, 1989; Campbell, 2010). Мы можем «объяснить» влияние доступа к городскому спросу на производительность сельского хозяйства, контролируя влияние переменных, отражающих различные каналы его воздействия, описанные используемой нами теоретической схемой. Коэффициент при переменной доступа к рынку снижается (в зависимости от спецификации) на величину от 40 % при введении в модель контрольных переменных институционального наследия, качества почв и др. (что видно из сравнения коэффициентов в столбцах 3 или 4 табл. 4 и в столбцах 2 и 4 табл. 5) до 60 % без этих контрольных переменных (столбцы 1 и 2 табл. 4 и столбцы 1 и 3 табл. 5). Тот факт, что доступ к городскому спросу продолжает влиять на производительность сельского хозяйства после введения указанных контрольных переменных, по всей видимости, отражает несовершенство наших данных. В частности, мы в неполной мере учитываем вариацию видов выпускаемой продукции, основываясь на различиях экономических результатов по четырем видам использования земель (садоводство и огородничество, пашенные земли, пастбища и луга). Очевидно, что в рамках этих категорий могли существовать различия, которые мы не можем принять во внимание. Кроме того, могли существовать дополнительные каналы воздействия городского спроса на сельскохозяйственную производительность, которые не учитываются в наших теоретических построениях. Наиболее важный из них связан с позитивными экстермальными эффектами технологических и организационных изменений, происходящих в городских промышленных агломерациях, влияющими на сельское хозяйство.

Прежде чем сделать вывод о том, что доступ к рынкам действительно оказывал положительное влияние на развитие сельского хозяйства, необходимо рассмотреть возможность обратной причинности: не от городского спроса к росту производительности сельского хозяйства, а от производительности сельского хозяйства к формированию и росту городов. Иными словами, не был ли городской спрос (и местонахождение его центров) эндогенным фактором по отношению к развитию сельского хозяйства? Если это так, то результаты, представленные в табл. 4, 5, окажутся некорректными. Чтобы разобраться с проблемой эндогенности, мы используем метод инструментальных переменных. Поскольку размер и местоположение городов могут оказаться эндогенными по отношению к сельскохозяйственной производительности, нам нужна инструментальная переменная, которая коррелирует и с размером, и с расположением городов, но является экзогенной по отношению к сельскохозяйственной производительности. В качестве такой переменной мы предлагаем использовать численность работников в тех отраслях, которые сильно зависят от наличия полезных ископаемых, а именно шахтеров и работников металлообрабатывающей промышленности. Более конкретно: мы рассчитали переменную «близость к центрам сосредоточения шахтеров и работников металлообрабатывающей промышленности» таким же образом, как мы построили переменную «доступ к городскому спросу». Эта переменная, которая равна взвешенной по расстоянию суммой численности работников соответствующих профессий по округам, используется затем в качестве инструментальной в наших регрессиях.

$$MP\_mm_i = \sum_{j=1}^n \frac{(Miners_j + Metalworker_j)}{dist_{ij}}$$

Столбцы 1 и 2 табл. 6 свидетельствуют, что такая процедура почти не влияет на наши результаты. Чтобы показать, что используемый нами инструмент достаточно сильный, мы приводим F-статистику, рассчитанную по методу Крэгга-Дональда, которая используется в качестве теста для слабых инструментов (см.: Stock and Yogo, 2002). Значения этой статистики намного превышают критическую величину.

**Является ли доступ к городскому спросу эндогенным?
Оценки в модели с инструментальными переменными**

Dep. Var.	Log(GRE/area)	Log(GRE_real/area)
	MP instrumented with MP_MM	MP instrumented with MP_MM
Const.	2,449 (0,325)***	-1,121 (0,314)***
Log(MP)	1,596 (0,171)***	1,475 (0,160)***
Log(sharetopsoil +0,001)	0,043 (0,011)***	0,044 (0,010)***
Log(horses/area)	0,432 (0,068)***	0,487 (0,067)***
Log (transinfra/area)	0,095 (0,071)	0,079 (0,065)
Inst_Pr_West	-0,166 (0,068)**	-0,262 (0,074)***
Inst_Fr	0,210 (0,077)***	0,026 (0,074)
Inst_Sw	0,659 (0,066)***	0,651 (0,056)***
No. of Obs	336	332
Adj, R2	0,622	0,575
Weak instrument diagnostic: Cragg-Donald F-statistic	221,337	218,816
Stock-Yogo critical value at 5 % significance level (Wald- test size of 10 %)	16,38	

Источник: Собственные расчеты. Описание переменных см.: Техническое приложение. Робастные стандартные ошибки приведены в скобках. Звездочки указывают на статистическую значимость на уровне 10 % (*), 5 % (**) и 1 % (***).

В регрессиях с инструментальными переменными коэффициент при переменной доступа к городскому спросу увеличивается, а коэффициент при переменной инфраструктуры значительно снижается. Это дает основание предположить, что используемый нами инструмент отражает часть вариации данных, связанных с доступом к городскому спросу, которая ранее не была учтена. Возможной причиной может быть именно взаимодействие между вариацией в развитии инфраструктуры (или другими факторами, ответственными за уровень транспортных издержек) и городским спросом, которое мы учитываем в данной спецификации лишь частично. Хотя мы можем попытаться улучшить измерение доступа к рынкам, это скорее всего оставит основным результат неизменным: доступ к городским рынкам является ключевым фактором,

определяющим производительность сельского хозяйства, и сам не испытывает влияния с ее стороны.

VII. Выводы и перспективы дальнейших исследований

Представленные в данной статье результаты свидетельствуют о том, что региональные различия в производительности прусского сельского хозяйства в значительной степени обусловлены различиями в доступе к городскому спросу. Вариация данного фактора воздействовала на сельскохозяйственную производительность главным образом через адаптацию набора производимых видов сельскохозяйственной продукции к потребностям городского населения, изменения в интенсивности использования факторов производства и ценовые эффекты. Используя метод инструментальных переменных, мы показали, что серьезные основания говорить об искажающем влиянии фактора эндогенности на соответствующие результаты отсутствуют. Ввиду того, что Прусское государство в 1865 г. охватывало значительные пространства Центральной и Восточной Европы, а также с учетом значительных различий в таких контрольных факторах, как качество почв и институциональное наследие, мы полагаем, что значение полученных нами выводов выходит за территориальные границы Пруссии. Очевидно, что сельское хозяйство в XIX в. было в состоянии реагировать на рыночную ситуацию при условии адекватного вознаграждения за такую реакцию. В окрестностях больших городов фермеры обычно подстраивались под спрос на овощи, мясо и молочные продукты. Во многом они были вынуждены поступать таким образом, чтобы быть в состоянии конкурировать за землю с промышленностью. Вывод о том, что развитие сельского хозяйства определялось местным спросом, соответствует результатам большого числа современных исследований, в которых было показано на основании анализа как данных о торговых потоках (Wolf, 2009), так и динамики цен (Kopsidis, 2002; Uebele 2009), что сельскохозяйственные рынки на европейском континенте даже в последней трети XIX в. носили преимущественно локальный характер.

В контексте европейской «малой дивергенции» мы считаем, что полученные нами результаты обуславливают необходимость уделить более пристальное внимание причинам региональных

различий в росте промышленности и городов на европейском континенте. В некоторых недавних работах рассматриваются истоки формирования европейской городской системы (Bosker and Buringh, 2010), в то время как проблема факторов, определяющих различия в развитии городов на протяжении XIX в., остается в основном за пределами внимания исследователей. Кроме того, сведения о росте промышленности в Европе ограничиваются данными, которые около 30 лет назад собрал Сидни Поллард (Pollard, 1981); с тех пор они были дополнены лишь немногочисленными национальными и региональными исследованиями. Чего не хватает, так это исследований, в которых систематически изучались бы факторы, объясняющие существенные межстрановые и внутристрановые различия в темпах промышленного роста. Посвященная промышленной революции в Великобритании работа Р. Аллена (Allen, 2009), в которой рассматривается влияние относительных цен факторов производства на характер технологических изменений, может служить ориентиром для будущих исследований.

Техническое приложение

В качестве основы для нашей модели мы используем модель землепользования М. Бекмана (Beckmann, 1972) и предполагаем, что сельскохозяйственный выпуск представляет собой функцию двух факторов, земли и труда, с постоянной отдачей от масштаба. Вся продукция отгружается на центральный рынок (в город), где и реализуется. Расположение городов является единственным географическим фактором, который принимается во внимание; таким образом, мы абстрагируемся от различий в качестве почв и других факторов (в нашем эмпирическом исследовании они используются в качестве контрольных переменных). С учетом соответствующих предположений выпуск в расчете на акр земли представляет собой функцию использования труда в расчете на акр (интенсивности использования труда):

$$A1 \quad \frac{\text{output}}{\text{acre}} = \phi \left(\frac{\text{labor}}{\text{acre}} \right), \text{ or } y = \phi(x), \text{ where } \phi'(x) > 0, \phi''(x) < 0, \text{ and } \phi - x\phi' > 0.$$

Земельная рента в расчете на акр $g(a, r, x)$ равна стоимости сельскохозяйственного выпуска (по локальным ценам) за вычетом расходов на факторы производства:

$$A2 \quad g(r, x) = p(r)\phi(a, x, r) - wx.$$

Эту ренту иногда называют «максимальной предлагаемой рентой», поскольку она отражает максимальную цену, которую фермер может предложить за акр земли на расстоянии r от города. Переменная a в формуле (A2) представляет собой «переменную различий в производительности», которая используется для различения отдельных сельскохозяйственных продуктов. Локальная цена продукции равна $p(r)$. Это цена единицы продукции «у ворот фермы», т. е. без учета транспортных издержек на расстоянии r от рынка. В отличие от М. Бекмана (Beckmann, 1972) мы моделируем транспортные издержки в самом общем виде. Они содержат в себе как адвалорный компонент (t_1) в духе предложенной П. Самуэльсоном (Samuelson, 1954, 1983) формулировки «таящего айсберга»⁹, так и компонент транспортных издержек в расчете на

единицу продукции (t_2). Обозначив цены на центральном рынке как (p), имеем:

А3

$$p = p(r)(1+t_1)r + t_2r \quad \text{or} \quad p(r) = \frac{p}{(1+t_1)r} - \frac{t_2}{(1+t_1)}.$$

Отметим, что второй компонент формулы, который включает в себя транспортные издержки на единицу продукции t_2 , не зависит от расстояния до рынка. Тем не менее влияние этого постоянного компонента на цены «у ворот фермы» и, следовательно, на земельную ренту увеличивается по мере удаления от центрального рынка.

Используя производственную функцию Кобба-Дугласа, формула $f(x) = \alpha x^\alpha$, где $0 < \alpha < 1$, можно показать, что максимизация прибыли предполагает увеличение занятости в расчете на акр x^* по мере приближения к городу:

А4

$$x^*(r) = \left[\frac{\alpha a}{w} \left(\frac{p}{(1+t_1)r} - \frac{t_2}{(1+t_1)} \right) \right]^{\frac{1}{1-\alpha}}.$$

Соответственно максимизирующая прибыль рента в расчете на акр g^* уменьшается с ростом расстояния до города. Подставив (А4) в (А2) и используя формулу цены (А3), получаем:

А5

$$g^*(r) = (1-\alpha) \left(\frac{\alpha}{w} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \left[\alpha a \left(\frac{p}{(1+t_1)r} - \frac{t_2}{(1+t_1)} \right) \right]^{\frac{1}{1-\alpha}}.$$

Мы можем, далее, расширить модель Бекмана и показать, как размер города (N) будет влиять на прибыль в сельском хозяйстве. При прочих равных условиях, т. е. при заданных площадях используемой земли, используемых технологиях и ставках заработной платы (которая, как предполагается, устанавливается вне сельского хозяйства), увеличение городского населения приведет к росту цен на сельскохозяйственную продукцию. Предположим,

что спрос на конкретный вид сельскохозяйственной продукции является функцией размера города, цены и переменной сдвига спроса λ , специфичной для соответствующего вида продукции. Для простоты будем считать, что переменная λ увеличивается с ростом переменной производительности (a), так что:

A6

$$D(p) = \lambda \left(\frac{N}{p} \right)^\beta, \text{ with } \lambda = a^\rho, \text{ and } \rho, \beta > 0$$

Теперь рассмотрим сторону предложения. Простейшим случаем является пример одного единственного города с сельскохозяйственными районами, расположенными на одномерной линии, имеющей длину r (где $r=0$ для центра города). В этом случае совокупное предложение будет задано интегралом от центра, где выпуск в расчете на акр максимален, до точки, где он равен нулю. В двумерном пространстве мы предполагаем, что сельскохозяйственные земли образуют вокруг города круг с радиусом (r). Таким образом, совокупное предложение $S(p) = \Phi$ задается формулой:

A7

$$S(p) = \pi \left[\int_0^r d\phi(r) \right]^2 = \pi \left[\frac{a}{(\alpha+1)} \left(\frac{a\alpha p}{w} \right)^{\frac{1+\alpha}{1-\alpha}} \right]^2$$

Для упрощения алгебраических выкладок примем $\beta = (1+\alpha)/(1-\alpha) > 0$ и $\rho = 4/(1-\alpha) > 0$. С учетом этого равновесная цена сельскохозяйственной продукции (при данной ставке заработной платы w и производительности a) линейно возрастает с увеличением размера города N :

A8

$$N = \theta p, \text{ with } \theta = \pi^{\frac{1}{\beta}} \left[\left(\frac{1}{1+\alpha} \right)^{\frac{1}{\beta}} \frac{\alpha}{w} \right]^2 > 0$$

В совокупности с формулой (A5) это означает, что на расстоянии (r) от центрального рынка земельная рента будет увеличив-

ваться с ростом численности населения N , взвешенной по расстоянию (r), или:

А9

$$g(r) = (1 - \alpha) \left(\frac{\alpha}{w} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \left[\alpha a \left(\frac{N/\theta}{(1+t_1)r} - \frac{t_2}{(1+t_1)} \right) \right]^{\frac{1}{1-\alpha}}$$

Рис. 1 в тексте основан на следующих параметрах: $\alpha=0,66$, $\beta=(1+\alpha)/(1-\alpha)$, $\rho=4/(1-\alpha)$, $t_1=0,1$. Как поясняется в статье, «овощи» и «зерно» различаются по уровню производительности единицы труда (a) и транспортных расходов в расчете на единицу продукции (t_2). Овощи имеют более высокое значение (a), т. е. для их производства характерен более высокий выпуск в расчете на акр и единицу используемого труда, чем для производства зерна: $a(\text{овощи})=1$, и $a(\text{зерно})=0,85$. Вместо того чтобы принимать транспортные издержки для обоих видов продукции равными ($t_1=0,1$), мы предполагаем, что для овощей характерны более высокие транспортные издержки в расчете на единицу продукции, чем для зерна: $t_2(\text{овощи})=1$ и $t_2(\text{зерно})=0,1$. Наконец, городское население в базовом случае определено на уровне $N=8$, а для больших городов — $N=9$. Заработная плата во всех случаях установлена на уровне $w=1$, что дает цены на уровне 17,88 (для $N=8$) и 20,11 (для $N=9$) соответственно.

Библиография

Acemoglu D., Cantoni D., Johnson S., Robinson J. A. (2009). The consequences of radical reform: The French revolution. NBER Working Paper Series № 14831. URL: <http://www.nber.org/papers/w14831>

Allen R. C. (1982). The Efficiency and Distributional Consequences of Eighteenth Century Enclosures // *Economic Journal*. Vol. 92. P. 937–953.

Allen R. C. (1992). *Enclosure and the Yeoman*. Oxford: Clarendon Press.

Allen R. C. (2000). Economic structure and agricultural productivity in Europe, 1300–1800 // *European Review of Economic History*. Vol. 4. P. 1–26.

Allen R. C. (2001). The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Explorations in Economic History*. Vol. 38. P. 411–447.

Allen R. C. (2009). *The British industrial revolution in global perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Aston T. H., Philpin C. H. E. (ed., 1985). *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Beckmann M. J. (1972). Von Thünen revisited: A neoclassical land use model // *The Swedish Journal of Economics*. Vol. 74. № 1. P. 1–7.

Berthold R. (1962). Einige Bemerkungen über den Entwicklungsstand des bäuerlichen Ackerbaus vor den Agrarreformen des 19. Jahrhunderts. In: *beiträge zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts*, Berlin 1962. S. 81–131.

Borchardt K. (1966). Regionale Wachstumsdifferenzen in Deutschland im 19. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung des West-Ost-Gefälles. In: W. Abel et al. (eds.), *Wirtschaft, Geschichte und Wirtschaftsgeschichte*. Festschrift zum 65. Geburtstag von F. Lütge, Stuttgart. S. 325–339.

Boserup M. (1972, 1963st). Agrarstruktur und Take off. In: Braun R. et al. (ed.). *Industrielle Revolution. Wirtschaftliche Aspekte*. Köln: Kiepenheuer & Wietsch. S. 309–330.

Bosker M., Buringh E. (2010). *City seeds. Geography and the origins of the European city system* // CEPR Discussion Papers 8066, London: CEPR.

Campbell B. (2010). *Agriculture and national incomes in Europe, c. 1300–1850*. Plenary lecture at the Rural History 2010, 13–16 September 2010, University of Sussex, Falmer, Brighton. URL: <http://www.qub.ac.uk/schools/gap/Staff/AcademicStaff/ProfBruceCampbell/FileStore/Fileupload,208573,en.pdf>

Chirot D. (ed., 1989). *The origins of backwardness in Eastern Europe. Economics and politics from the Middle Ages until the early twentieth century*. Berkeley: University of California Press.

Clark G. (1987). Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850 // *Journal of Economic History*. Vol. 47. № 2. P. 419–432.

Clark G. (2002). Land rental values and the agrarian economy: England and Wales 1500–1914 // *European Review of Economic History*. P. 281–308.

De Vries J. (1974). *The Dutch Rural Economy in the Golden Age, 1500–1700*. New Haven and London: Yale University Press.

Enders L. (1990). Produktiventwicklung und Marktverhalten. Die Agrarproduzenten der Uckermark im 18. Jahrhundert // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1990. № 3. P. 81–105.

Enders L. (1995). Individuum und Gesellschaft. Bäuerliche Aktionsräume in der frühneuzeitlichen Mark Brandenburg // J. Peters (ed.), *Gutsherrschaft als soziales Modell*, *Historische Zeitschrift*, Beiheft 18. S. 155–178.

Engel E. (1866). Die Grösse, Beschaffenheit und Besteuerung der Fläche des preussischen Staatsgebietes, *Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistischen Bureaus* 6. S. 1–31, 162–209.

Engel E. (1867). Wie hoch belastet in Preussen die Grundsteuer die Landwirtschaft? *Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistischen Bureaus* 7. S. 93–157.

Fertig G. (2007). Äcker, Wirte, Gaben. Ländlicher Bodenmarkt und liberale Eigentumsordnung im Westfalen des 19. Jahrhunderts, Berlin.

Frank H. (1994). Regionale Entwicklungsdisparitäten im deutschen Industrialisierungsprozess 1849–1939: eine empirisch-analytische Untersuchung. Münster: LIT Verlag.

Fremdling R., Hohorst G. (1979). Marktintegration der preussischen Wirtschaft im 19. Jahrhundert. Skizze eines Forschungsansatzes zur Fluktuation der Roggenpreise zwischen 1821 und 1865 // R. Tilly, R. Fremdling (ed.), *Industrialisierung und Raum*, Stuttgart: Klett-Cotta. S. 56–101.

Gerschenkron A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: a Book of essays*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press.

Grantham G. (1978). The Diffusion of the New Husbandry in Northern France // *Journal of Economic History*. Vol. 38. P. 311–337.

Grantham G. (1989a). Agricultural Supply during the Industrial Revolution: French Evidence and European Implications // *Journal of Economic History*. Vol. 49. P. 43–72.

Grantham G. (1989b). Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America // *Research in Economic History*. Suppl. 5. P. 1–24.

Grantham G. (1999). Contra Ricardo: On the macroeconomics of pre-industrial economies // *European Review of Economic History*. Vol. 3. № 2. P. 199–232.

Gunst P. (1996). Agrarian development and social change in Eastern Europe, 14th–19th centuries. Aldershot: Variorum.

Harnisch H. (1978). Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in der Landwirtschaft der Magdeburger Börde von der Mitte des 18. Jahrhunderts bis zum Beginn des Zuckerrübenanbaus in der Mitte der dreißiger Jahre des 19. Jahrhunderts // H.-J. Rach, B. Weissel (ed.), *Landwirtschaft und Kapitalismus. Zur Entwicklung der ökonomischen und sozialen Verhältnisse in der Magdeburger Börde vom Ausgang des 18. Jahrhunderts bis zum Ende des ersten Weltkrieges*, 1. Halbband, Berlin. S. 67–173.

Harnisch H. (1984). *Kapitalistische Agrarreform und industrielle Revolution*. Weimar: Böhlau.

Harnisch H. (1986). Peasants and Markets: The Background to the Agrarian Reforms in Feudal Prussia East of Elbe, 1760–1807 // Evans, R.J., Lee, W. R. (ed.). *The German Peasantry*. London: Croom-Helm. P. 37–70.

Harnisch H. (1989). Bäuerliche Ökonomie und Mentalität unter den Bedingungen der ostelbischen Gutsherrschaft in den letzten Jahrzehnten vor Beginn der Agrarreformen // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1989. № 3. S. 87–108.

Harris C. D. (1954). The market as a factor in the localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 44. P. 315–348.

Hesse H. (1971). Die Entwicklung regionaler Einkommensdifferenzen im Wachstumsprozeß der deutschen Wirtschaft vor 1913 // W. Fischer (ed.), *Beiträge zu Wirtschaftswachstum und Wirtschaftsstruktur im 16. und 19. Jahrhundert*, Berlin. S. 261–279.

Hoffman P. T. (1996). *Growth in a Traditional Society. The French Countryside, 1450–1815*, Princeton.

Hohorst G. (1980). Regionale Entwicklungsunterschiede im Industrialisierungsprozess Preussens: ein auf Ungleichgewichten basierendes Entwicklungsmodell // Pollard, S. (ed.). *Region und Industrialisierung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 215–238.

Knapp G. F. (1927, 1887st). *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens*, 2 volumes. München: Duncker & Humblot.

Koettgen A. (1890). *Studien über Getreideverkehr und Getreidepreise in Deutschland*. Jena: Gustav Fischer.

Komlos J. (1989). *Nutrition and Economic Development in the Eighteenth-Century Habsburg Monarchy*. Princeton: Princeton University Press.

Kopsidis M. (2002). The Creation of a Westphalian Rye Market 1820–1870: Leading and Following Regions, a Co-Integration Analysis // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2002. № 2. S. 85–112.

Kopsidis M. (2006). *Agrarentwicklung. Historische Agrarrevolutionen und Entwicklungsökonomik*. Stuttgart: Steiner.

Kopsidis M. (2011). From local diversity to industrial belt supplier: the food chain in Northwest Germany, 1750–2000 // L. van Molle and Y. Seghers (ed.), *The Agro-food market: Production, distribution and consumption (Rural economy and society in Northwestern Europe, 500–2000)*, Turnhout: Brepols (in print).

Kopsidis M., Hockmann H. (2010). Technical change in Westphalian peasant agriculture and the rise of the Ruhr, circa 1830–1880 // *European Review of Economic History*. Vol. 14. P. 209–237.

Krugman P. (1991). *Geography and Trade*, Leuven: Leuven University Press.

Kussmaul A. (1990). *A general view of the rural economy of England 1538–1840*. Cambridge: Cambridge University Press.

McCloskey D. N. (1972). The Enclosure of Open Fields: Preface to a Study of its Impact on the Efficiency of English Agriculture in the Eighteenth Century // *Journal of Economic History*. Vol. 32. P. 15–35.

McCloskey D. N. (1975). *The Economics of Enclosure: A Market Analysis* // Parker W. N., E. L. Jones (eds.). *European Peasants and their Markets*. Princeton. P. 123–160.

Meitzen A. (1868 ff.). *Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866*. 8 volumes. Berlin:

Wiegandt & Hempel (1868 = Vol. 1, 1869 = Vol. 4, 1871a = Vol. 3, 1871b = atlas-volume).

Müller H.-H. (1964). Die Entwicklung der Anbauverhältnisse in der märkischen Landwirtschaft vor den Agrarreformen von 1807 // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1964. № 1. S. 213–244.

Müller-Wille W. (1981, 1952st). *Westfalen. Landschaftliche Ordnung und Bindung eines Landes*, Muenster: Aschendorff Verlag.

Pamuk S. (2007). The Black Death and the Origins of the “Great Divergence” across Europa // *European Review of Economic History*. Vol. 11. № 3. P. 289–317.

Pollard, S. (1981). *Peaceful conquest: the industrialization of Europe 1760–1970*. Oxford: Oxford University Press.

Peet R. (1969). The Spatial Expansion of Commercial Agriculture in the Nineteenth Century: A Von Thünen Interpretation // *Economic Geography*. Vol. № 4. P. 283–301.

Peet R. (1970). Von Thünen Theory and the Dynamics of Agricultural Expansion // *Explorations in Economic History*. Vol 8. № 2. P. 181–201.

Pollard S. (1981). *Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe, 1760–1970*. Oxford: Oxford University Press.

Pomeranz K. (2000). *The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Samuelson P. (1954). The transfer problem and transport costs: analysis of effects of trade impediments // *The Economic Journal: the journal of the Royal Economic Society*. Vol. 64. P. 264–289.

Samuelson P. (1983). Thünen at two hundred // *Journal of Economic Literature*. Vol. 21. № 4. P. 1468–1488.

Sartorius von Waltershausen A. (1923). *Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815–1914*. Jena: Fischer.

Schiller R. (2003). *Vom Rittergut zum Großgrundbesitz. Ökonomische und soziale Transformationsprozesse der ländlichen Eliten in Brandenburg im 19. Jahrhundert*. Berlin: Akademie-Verlag.

Schlitte B. (1886). *Die Zusammenlegung der Grundstücke in ihrer volkwirtschaftlichen Bedeutung und Durchführung*, Leipzig.

Smith A. (1776st, 1988). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Edited from K. Sutherland. Oxford: Oxford University Press.

Sombart W. (1919, 1903st). *Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert*. Berlin: Bondi.

Spoerer M. (2004). *Steuerlast, Steuerinzidenz und Steuerwettbewerb. Verteilungswirkungen der Besteuerung in Preußen und Württemberg*. Berlin: Akademie-Verlag.

Thünen J. H. von (1826st, 1990). *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Edited from H. Lehmann and L. Werner, Berlin: Akademie-Verlag.

Tipton F. B. (1976). *Regional Variations in the Economic Development of Germany During the Nineteenth Century*. Middletown, Connecticut.

Uebele M. (2009). International and national wheat market integration in the 19th century: a comovement analysis. Working Paper Center for Quantitative Economics 4/2009.

Uebele, M. (2010). Demand matters: German wheat market integration 1806–1855 in a European context. Working Paper Center for Quantitative Economics 11/2010.

Van Zanden J. L. (1991). The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // *Economic History Review*. Vol. 44. № 2. P. 215–239.

Van Zanden J. L. (1999). The development of agricultural productivity in Europe, 1500–1800 // B. J.P. van Bavel and E. Thoen (eds.). *Land Productivity and Agro-Systems in the North Sea Area*. Turnhout: Brepols. P. 357–375.

Wallerstein I. (1974). *The modern world system*. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. New York: Academic Press.

Warriner D. (1964, 1939st). *Economics of peasant farming*, London: Cass.

Weber, M. (1952, 1906st). Kapitalismus und Agrarverfassung. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 108/3. P. 431–452.

Wolf N. (2009). Was Germany ever united? Evidence from intra- and international trade, 1885–1933 // *Journal of Economic History*. Vol. 69. № 3. P. 846–881.

Wrigley E. A. (1987). *People, Cities and Wealth. The Transformation of Traditional Society*. Oxford: Blackwell.

Wrigley E. A. (1988). *Continuity, Chance and Change: The Character of the Industrial Revolution in England*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wrigley E. A. (1991), Energy availability and agricultural productivity // Overton M., Campbell B. M. (eds.). *Land, labour and livestock: Historical studies in European agricultural productivity*. Manchester 1991: Manchester University Press. P. 323–339.

Примечания

¹ Для оценки земельного налога в 1861/1865 гг. был также определен доход от использования лесных угодий, который не представляет интереса для целей нашей работы. В расходы на ведение сельскохозяйственного производства выплаты по долговым обязательствам включались лишь в той мере, в какой они были связаны с инвестициями в улучшение почв (например, их осушение). В то же время было запрещено включать долги, взятые на приобретение недвижимости, поскольку эти средства не рассматривались в качестве инвестиций, направленных на повышение доходности земли.

² Закон прямо предусматривал, что следует избегать любого «искусственного расчета» сельскохозяйственных доходов (Engel, 1866, 5; 1867, 118).

³ По результатам работы комиссий подготавливались подробные и высокостандартизированные «отчеты по округам» (Kreisbeschreibungen), охватывавшие метеорологические, аграрные, демографические и экономические данные, а также информацию о транспортной инфраструктуре и о доступе сельхозпроизводителей к рынкам. Эти отчеты предназначались для того, чтобы объяснить и «оправдать» установленные комиссией размеры налогообложения перед вышестоящими инстанциями.

⁴ Мы рассчитали особый индекс цен на конкретные сельскохозяйственные культуры по округам для периода 1837–1860 гг. на основе средних цен прусского бушеля пшеницы, ржи и картофеля, а также центнера лугового сена (на основе данных, приведенных в работе Meitzen, 1869, р. 199–271). Рожь была самой важной сельскохозяйственной культурой в Пруссии XIX в. — не только на Востоке, но и по всей стране. При построении индекса ценам на рожь был придан вес, равный 0,4, а ценам на другие три товара — вес, равный 0,2. С учетом того, что отдельные ряды цен демонстрируют очень схожую динамику по всем округам, конкретная схема взвешивания не является принципиальной для любого из полученных нами результатов.

⁵ Большинство авторов используют термин Д. Рикардо «излишки» (surplus) в качестве эквивалента термина «земельная рента». Однако, строго говоря, теория ренты Рикардо рассматривает в качестве объяснения вариации уровней земельной ренты только фактор, связанный с различиями в плодородии почв. Фон Тюнен был первым, кто разработал теорию земельной ренты, в которой доступ к рынку как функция транспортных издержек является решающим фактором для объяснения пространственной вариации земельной ренты. Если изменение строгих предположений теории земельной ренты Рикардо может коренным образом изменить ее выводы, то результаты, полученные на основе модели «изолированного государства» фон Тюнена, сохраняют силу даже при ослаблении ее центральных допущений, таких как одинаковое качество почв и транспортной инфраструктуры территории (Peet, 1969, 1970).

⁶ Морген — немецкая мера площади; в Пруссии в 1816–1869 гг. равна примерно 0,255 га. — *Примеч. ред.*

⁷ Один из аргументов либерально мыслящих (и прокрестьянски настроенных) реформаторов, который был особенно убедительным в ходе мобилизации сельской Пруссии во французских войнах 1813–1815 гг., состоял в

том, что Пруссия как европейская держава сможет выжить, только если ей удастся избежать депопуляции сельских районов (в частности, балтийских территорий).

⁸ Может возникнуть вопрос, являются ли коэффициенты в табл. 4 сопоставимыми, учитывая значительные различия в средних величинах и стандартных отклонениях зависимых и независимых переменных (как показано в табл. 2). Большинство проблем, связанных с данным обстоятельством, помогает преодолеть тот факт, что мы оцениваем модель в логарифмах. В качестве альтернативы можно повторить оценку регрессий, фигурирующих в столбцах 3 и 4 табл. 4, с использованием стандартизованных коэффициентов (где из каждой переменной мы вычитаем среднее арифметическое и делим результат на стандартное отклонение). Этот подход открыт для критики, поскольку эффект изменения качества почв на одно стандартное отклонение может отличаться от эффекта соответствующего изменения в поголовье лошадей. В любом случае, в спецификации со стандартизованными коэффициентами доступ к городскому спросу оказывает статистически значимое положительное влияние (стандартизованный коэффициент составляет 0,55 в обоих случаях); несколько меньшее влияние оказывают переменные качества почв и поголовья лошадей как аппроксимации используемого капитала (стандартизованные коэффициенты составляют порядка 0,3). Мы также обнаруживаем значимый стандартизованный коэффициент для районов, затронутых Французской революцией (около 0,2) и относящихся к Шведской Померании (около 0,1). На этом основании можно сделать вывод, что влияние доступа к рынкам действительно было наиболее важным фактором, определявшим различия производительности сельского хозяйства в Пруссии.

⁹ В соответствии с данной формулировкой предполагается, что для поставки на рынок одной единицы продукции производителю необходимо отгрузить $(1+t)$ единиц. При этом t единиц продукции «теряется в пути»; эти потери и представляют собой транспортные издержки. — *Примеч. ред.*

А. А. Раков*

Экономические аспекты коллективизации и «раскулачивания» на Урале: агрегированные данные и первичные материалы с мест¹**

Сегодня вопрос о предпочтительном пути развития деревни и, следовательно, о социальной политике на селе, известный еще с 1880-х гг. как спор между марксистами и народниками, прочно вошел в число наиболее обсуждаемых не только в рамках конкретной научной парадигмы, но и на уровне широкой общественной дискуссии, стал «полем битвы» за умы и души сограждан. Точкой отсчета в новейшем дискурсе о сильных индивидуальных и коллективных хозяйствах принято считать коллективизацию сельского хозяйства СССР, обусловившую последующее «раскулачивание»² крестьян, которое логично вписывается в историю изучения феномена сталинизма. Помимо перекачки средств из деревни в город и получения средств на проведение индустриализации, коллективизация значительно усилила миграцию населения из деревни в город и способствовала ликвидации имущественной дифференциации крестьянства, инструментом проведения которой выступало «раскулачивание».

За восемь десятилетий развития историографии по различным аспектам политики «раскулачивания» сложилась обширная и весьма разнообразная литература, написаны сотни исследований. Современный постсоветский период изучения данной темы сопровождается обращением к вопросу цены за проведенную индустриализацию — экономической, человеческой, нравственной, — а также расширением и углублением проблематики «раскулачива-

---

* Раков Алексей Александрович — кандидат исторических наук (НИУ ВШЭ, г. Москва).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук № МК–1974.2011.6.

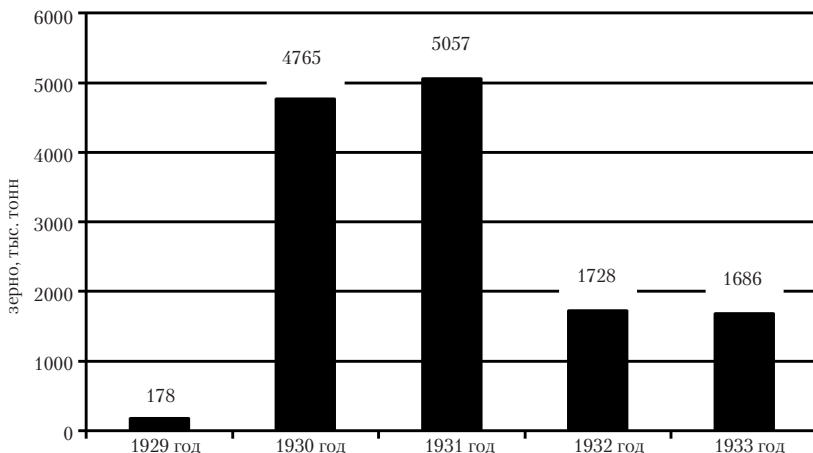
ния» и разработкой новых аспектов, таких как: репрессивная политика и ее последствия, принудительный труд и ГУЛАГ, судьбы бывших «социально враждебных элементов», проблемы продовольственного обеспечения спецпереселенцев и пр.

В то же время, несмотря на появление большого числа работ по коллективизации и «раскулачиванию», описывающих масштабы кампаний, количество жертв, кризис на селе на макроуровне, данные с мест по указанной теме остаются малоизученными. Один из важнейших вопросов в этом смысле — выяснить, кто подпадал под «раскулачивание» в действительности, поскольку по материалам, агрегированным на уровне республики, это понять невозможно. И именно этот вопрос решается в данной работе. Задача исследования — определить имущественный статус «раскулаченных» крестьян и выяснить, в какой мере они были «кулаками», т. е. соответствовали прописанным в советских нормативно-правовых актах параметрам «раскулачивания». Отсутствие исследований на предложенную тему объясняется большим объемом и кропотливостью архивных изысканий на местах.

Важно также отметить, что, несмотря на мировой экономический кризис, обрушивший цены на хлеб, и голод 1932–1933 гг., унесший жизни миллионов человек³, СССР в 1930-х гг. продолжал экспортировать зерно, изъятое у крестьян, как это показано на диаграмме 1.

Рисунок 1

Диаграмма 1: объем экспортируемого СССР хлеба в зерне, тыс. тонн

Так, по сравнению с 1929 г. в 1930 г. на порядок возрастает объем экспортируемого хлеба в зерне: со 178 тыс. тонн до 4765 тыс. тонн⁴. И если для 1930 г. эти цифры можно объяснить небывало высоким урожаем, то уже в 1931, 1932 и 1933 гг., когда экспорт составил соответственно 5057, 1728 и 1686 тыс. тонн⁵, эти показатели объясняются чрезвычайно возросшей «хлебной» нагрузкой на крестьянство.

Критерии «раскулачивания» и следование им на практике. В Постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» указывалось, какие хозяйства следует считать «кулацкими».

«Кулацкими» считались те хозяйства, которые попадали хотя бы под один из следующих показателей:

- если хозяйство систематически применяет наемный труд;
- если в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, сушилка и другие промышленные предприятия при условии применения в них механического двигателя;
- если хозяйство систематически сдает внаем сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями;
- если хозяйство сдает внаем отдельно оборудованные помещения под жилье или предприятие;
- если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

Эти расплывчатые признаки были немного скорректированы при разработке Закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1930 г.⁶ Позже ЦИК и правительство предприняли попытку по-новому определить признаки «кулацких» хозяйств, но, по свидетельству М. И. Калинина, она не увенчалась успехом, так как «старые признаки кулачества почти отпали, новые не появлялись, чтобы их можно было зафиксировать»⁷, то есть всех, кого можно было «раскулачить», уже «раскулачили», остальные не подходили по установленным признакам, что, впрочем, не мешало проведению кампании.

В Постановлении СНК от 21 мая 1929 г. указывался и предельный размер дохода, облагаемого единым сельхозналогом, ниже которого хозяйство не считалось «кулацким». Это 300 руб. на едока, но не более 1500 руб. на хозяйство.

Следует отметить, что в 1929 г. еще действовал закон, разрешающий аренду земли и применение наемного труда. Его отмена

состоялась только через более чем полгода — согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством». Это постановление предписывало «отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда. Исключения из этого правила в отношении середняцких хозяйств решаются РИКа-ми под руководством и контролем ОКРиков». Из этого следует, что, во-первых, как минимум на семь месяцев (с 21 мая 1929 г. по 1 февраля 1930 г.) советское государство объявило само себя вне закона, а во-вторых, «исключений», как показывают архивные материалы, не было.

Произошло это потому, что, как отмечает Т. И. Славко⁸, позднее перечень признаков неоднократно дополнялся: сначала к пяти имевшимся признакам добавили еще два: 1) аренду земли, садов и виноградников, 2) эксплуатацию окружающего населения путем дачи работ на дом при наличии промпредприятия или сдачи в аренду этого предприятия, — а затем, в 1931 г., право на дополнение перечня этих признаков было предоставлено СНК облисполкомам⁹. Среди других «дополнительных» признаков отметим «факт ликвидации хозяйством кулацких признаков с целью избежать индивидуального обложения, а также вложение в сельское хозяйство доходов, полученных от торговли, подрядов, промышленных предприятий или от других нетрудовых источников с 1 мая 1928 г.»¹⁰.

Таким образом, налицо ситуация с неполнотой спецификации или размыванием прав собственности¹¹, как сказали бы неоинституционалисты. Более того, эта ситуация существенно усложнялась расщеплением прав собственности¹², поскольку крестьяне не могли в полной мере реализовать свои права по владению землей в связи с монополией государства на ее распределение.

Другой вопрос — а были ли крестьяне, которых «раскулачили», действительно богатыми? Так, наличие проданного трактора и 150 шт. овец подтверждалось очень оригинальным способом: уверениями и подписями граждан деревни Покровка в том, что они все это имущество *видели*¹³. Впрочем, подобное было в порядке вещей: так, в качестве основания занесения в списки «раскулаченных» выступали *ФИО свидетелей*¹⁴ совершенных «злодеяний». Нехарактерный штрих времени: даже сотрудник ИЦ ГУВД Челябинской области отмечает, что «тут широко постарались доноси-

ки, люмпены и просто озлобленные люди, пропившие и прогулявшие свою трудовую совесть»¹⁵.

Как отмечается в Закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии»: «Политика ликвидации кулачества как класса нередко на практике проводилась в *целях дележки имущества* (курсив мой. — А. Р.), а не в связи с действительными успехами коллективизации подавляющей массы крестьянских хозяйств»¹⁶.

По оценкам Н. А. Ивницкого, к началу 1932 г. именно Урал был самым крупным районом спецпоселений¹⁷, что объясняет целесообразность его исследования. Здесь было сосредоточено 37,2 % «кулацкой ссылки». Интересно, что до 1933 г. спецпереселенцы почти полностью состояли из «раскулаченных» крестьян, и лишь затем в их составе появилась сравнительно небольшая примесь в лице других категорий¹⁸.

При этом ГУЛАГ являлся неотъемлемой и, безусловно, значимой частью советской экономики. Согласно Постановлению СНК СССР «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном, Сибирском краях и Уральской области» (август 1930 г.), труд заключенных стал использоваться постоянно.

В результате же эксплуатации принудительного труда спецпереселенцев Уральской области только в 1930–1931 гг. была получена прибыль в размере 2 млн руб. Экономия достигалась не только за счет несправедливой оплаты труда, но являлась также следствием полного игнорирования властями жилищно-бытовых проблем спецпереселенцев.

«Рабовладение» на Урале принимало промышленные масштабы. Людей, как скотину, передавали из одной организации в другую для производства работ на предприятии, причем оформлялось это все «генеральным договором о передаче» — Уральский областной отдел труда передал Уральскому горно-металлургическому тресту («УРАЛМЕТ») 7500 семей «кулаков»: «“УРАЛМЕТ” настоящим договором считает сего числа принятым от Уральского областного отдела труда ориентировочно семь тысяч пятьсот (7500) кулацких семейств, временно расселенных: шесть тысяч (6000) семейств в Надеждинском районе Нижнетагильского округа и тысячу пятьсот (1500) в Чусовском, Пашийском и Теплогорском районах Пермского округа»¹⁹. При этом вводится термин «хозяйственное освоение спецпереселенцев»²⁰.

Для упорядочения использования труда спецпереселенцев на основании постановления СНК СССР от 1 июля 1931 г. вво-

дится система договоров хозяйственных организаций с органами НКВД. Смысл этих договоров заключался в том, что организация труда и быта спецпереселенцев возлагалась на организации, использующие их труд, содержание отделов спецпоселений и спецкомендатур производилось за счет пятипроцентных удержаний с заработка спецпоселенцев. К середине 1930-х гг. система договоров в основном устоялась²¹.

О размахе же кампании по сбору сельхозналога на Урале в целом бесстрашнее всего говорят сухие цифры общей статистики: так, совокупный сельхозналог по Уралу (с единоличных хозяйств и колхозов) составил в 1932 г. 503,6 млн руб., из них с колхозов — только 121,5 млн, а 382,1 млн руб. приходилось на единоличные хозяйства. Чтобы понять тяжесть для последних налогового бремени, достаточно сказать, что эта цифра была сопоставима с отчислениями от прибыли всех уральских предприятий тяжелой промышленности (388,3 млн руб.) за тот же период. Неудивительно, что ожидаемое исполнение сельхозналога на 1933 г. составило уже 763,3 млн руб.²² — гигантская в ценах того времени сумма. А самообложение, изначально составлявшее 35 % от суммы сельхозналога, но затем повсеместно увеличенное волевым решением местных властей, только в 1932 г. на Урале принесло в местные бюджеты сумму в 485,3 млн руб., что значительно больше, чем все местные налоги и сборы (420,5 млн руб.²³). Несложно представить, насколько выгодным для государства являлось фактическое ограбление деревни.

Объясняются эти цифры тем, что для «кулацких» хозяйств налоговым законодательством 1931 г. устанавливалась специальная шкала доходов с резко выраженной прогрессией. Об этом свидетельствуют данные в приведенной ниже таблице:

Таблица 1

Зависимость процентной ставки обложения от уровня дохода для «кулацких» хозяйств²⁴

Сумма дохода, руб.	Ставка налога, %
500	20
500–700	30
700–1000	40
1000–3000	50
3000–6000	60
Более 6000	70

Однако было бы целесообразно рассмотреть, насколько зажиточными были «раскулаченные» крестьяне. Осуществить это можно с помощью методов дескриптивной статистики при анализе созданной автором базы данных ««Раскулаченные» крестьяне Южного Урала (1930–1934 гг.)» (БД «РКЮУ»), которая является единственным информационным хранилищем, объединяющим все известные и доступные нам на сегодня персональные данные на 1461 «раскулаченную» семью Южного Урала с полным описанием имущественного положения из восьми архивов Челябинской области²⁵.

Рисунок 2

Южный Урал в составе Уральской области, 1929 г.²⁸

Социальный портрет крестьян, «раскулаченных» на Южном Урале. Важно отметить, что, поскольку климатогеографические

и этнографические границы исследуемого региона не совпадают с административно-территориальными, под «Южным Уралом» в данном исследовании подразумевается *историко-экономический регион*²⁶, занимавший в начале 1930 г. территорию трех округов Уральской области, а именно: Златоустовского (территория – 16,6 тыс. км), Троицкого (43,0 тыс. км) и Челябинского (28,2 тыс. км)²⁷. Существуют различные варианты определения экономико-географических границ Южного Урала, связанные, в частности, с включением или не включением в его состав Аргаяшского кантона, который в составе Уральской области являлся анклавом Башкирской АССР, но ядро из трех указанных округов при этом остается неизменным. Территорию рассматриваемых округов можно увидеть на карте.

Рассмотрим сделанную нами естественную выборку по БД «РКЮУ» в статистическом разрезе, представленном в приведенной ниже таблице, где курсивом выделены доминирующие значения (абсолютные или относительные) различных атрибутов и их доля в выборке.

Таблица 2

**Наиболее часто встречающиеся значения основных атрибутов
в БД «РКЮУ»**

№ п/п	Названия атрибутов	Значения атрибутов	Доля значения атрибута по отношению ко всей выборке, %
1.	Пол главы семьи	<i>Мужчины</i>	90,3
		Женщины	9,7
2.	Национальность главы семьи	<i>Русские</i>	86,4
		Украинцы	7,2
		Татары	2,7
3.	Возраст главы семьи	26–35 лет	18,8
		<i>36–45 лет</i>	29,1
		46–55 лет	25,3
		56–65 лет	16,3
4.	Трудоспособность главы семьи	<i>Трудоспособны</i>	91,5
		Нетрудоспособны	8,5
5.	Количество микросемей	<i>1</i>	65,1
		2	30,2

№ п/п	Названия атрибутов	Значения атрибутов	Доля значения атрибута по отношению ко всей выборке, %
6.	Размер семьи, человек	4	17,9
		5	19,1
		6	15,9
		7	12,0
7.	Количество трудоспособных членов семьи	2	41,0
		3	19,1
		4	19,6
8.	Количество нетрудоспособных членов семьи	0	16,3
		1	18,2
		2	21,8
		3	18,9
9.	Был ли глава семьи лишен избирательных прав	<i>Лишены</i>	55,6
		<i>Не лишены</i>	44,4
10.	Год лишения избирательных прав	<i>Нет данных</i>	48,6
		1926	8,3
		1929	13,0
		1930	15,5
11.	Причина лишения избирательных прав	<i>Эксплуатация батраков и с/х машин</i>	73,6
		«Кулак»	5,8
		Индивидуально обложен	2,3
12.	Восстановление в избирательных правах	Восстановлены	2,4
		<i>Не восстановлены</i>	97,6
13.	Был ли глава семьи судим	Судимы	25,0
		<i>Не судимы</i>	75,0
14.	Был ли глава семьи оправдан по суду	Оправданы	2,7
		<i>Не оправданы</i>	97,3
15.	Служба в армии главы семьи	Служили	33,7
		<i>Не служили</i>	66,3
16.	В какой армии служил глава семьи	<i>В белой</i>	59,5
		В красной	6,4
		В царской	31,0
17.	Год «раскулачивания»	1930	57,4
		1931	17,2
		1932	21,2

№ п/п	Названия атрибутов	Значения атрибутов	Доля значения атрибута по отношению ко всей выборке, %
18.	Категория, по которой «раскулачили»	1-я	6,8
		2-я	69,5
		3-я	23,7
19.	Отмена «раскулачивания» ²⁹	Отменено	0,3
		Не отменено	99,7
20.	Посев в год перед «раскулачиванием», дес.	0–4 дес.	27,4
		4–8 дес.	22,2
		8–12 дес.	19,2
		12–20 дес.	20,2
21.	Количество лошадей	0–2	50,3
		3–4	32,1
		5–6	12,0
22.	Количество рабочих быков	0	60,2
		1	12,0
		2	12,5
23.	Количество коров	0–2	44,6
		3–4	35,2
		5–6	12,0
24.	Количество МРС	0–2	49,3
		3–4	8,5
		5–6	7,3
25.	Количество овец	0–5	62,0
		6–10	13,7
		11–15	9,2
26.	Количество свиней	0	85,0
		1	5,5
		2	5,4
27.	Характеристика (основание к выселению) ³⁰	Эксплуататор батраков	65,0
		Владелец с/х машин	35,8
		«Кулак»	30,5
		Противник советской власти	27,4

Исходя из данных нашей выборки, мы можем реконструировать социальный портрет «раскулаченных» крестьян Южного Урала, представленный в следующей таблице:

**Реконструкция социального портрета «раскулаченных» крестьян
Южного Урала (1930–1934 гг.)**

№ п/п	Атрибуты БД «РКЮУ»	Среднее (арифметическое) или наиболее часто встречающееся значение (мода)
1.	Пол главы семьи	Муж.
2.	Национальность главы семьи	Русский
3.	Возраст главы семьи, лет	45,3
4.	Трудоспособность главы семьи	Трудоспособен
5.	Количество микросемей	1
6.	Размер семьи, чел.	5,2
7.	Количество трудоспособных членов семьи, чел.	2,8
8.	Количество нетрудоспособных членов семьи, чел.	2,4
9.	Год лишения избирательных прав	1929–1930 ³¹
10.	Причина лишения избирательных прав	Эксплуатация батраков и с/х машин, «кулак»
11.	Год восстановления в избирательных правах	Не восстановлен
12.	Был ли глава семьи судим	Нет
13.	Служба в армии (если да, то в какой)	Не служил
14.	Год «раскулачивания»	1930
15.	Категория, по которой «раскулачили»	2-я
16.	Отмена «раскулачивания»	Не отменено
17.	Посев в год перед «раскулачиванием», дес.	10,6
18.	Количество лошадей	3,1
19.	Количество рабочих быков	1,1
20.	Количество коров	3,5
21.	Количество МРС	7,1
22.	Количество овец	7,4
23.	Количество свиней	0,4
24.	Характеристика (основание к выселению)	Эксплуататор батраков, владелец с/х машин, «кулак», противник советской власти

Отметим, что «противников советской власти» было действительно много, и это неудивительно, учитывая самоубийственную для страны политику большевиков в деревне. Так, в письме информационного отдела ПП ОГПУ по Уралу ответственному се-

кретарю Свердловского окружкома ВКП(б) Семерикову об анонимке в селе Никольском Сысертского района (17 января 1930 г.) приводится следующий текст анонимного послания: «Письмо. С[ель]совету, Председателю, секретарю провалиться всем на свете. Одумайтесь, не мучьте народ. Дело лучше пойдет, не мучьте, не зорите, вам лучше будет, а нам дождаться только войны <...> Советская власть доведена до конца, теперь бы только дело о войне, и готово дело. Вы не думайте, что пойдём защищать советскую власть, сроду нет, не будем. Власть для нас враг немаленький, лучше некуда, только до войны дело питаем, разве легко вы думаете народу переносить такие тягости, никуда не годно <...>».

Стращайте скорее народ, скорее война будет, мы ее ждем, как красного солнышка в окошечко. Какую мы увидим радость, волю, свободу, а это не свобода, а мученье, разорение, что за жизнь, хоть в гроб живой ложись. Этого и будет, сколько угодно, повешают сами себя от этой разорительной жизни. Никто не напает лишнего <...> не пустят лишнего скота, ну тогда тоже нечего у мужика будет взять, а вы тоже не наживете. Чего делаете. До чего доводите. А если организуется колхоз, дело любезное. Кто идет, так он пусть и живет, сам наживает. Мы вас не задевали <...>

Проклинать станем Советскую власть. Хорошего ничего не дала, а только разорила народ до конца хуже старого права, скажем крепостного. Насилуйте. Силой к острогам»³². (Подписи нет.)

До какой же степени ожесточения нужно довести русского крестьянина, человека совершенно мирного, чтобы он страстно желал войны, только чтобы избежать менее привлекательной перспективы быть подопытным кроликом в априори антинаучном, антисоциальном и жестоком эксперименте?

Прокомментируем наиболее часто встречающиеся основания к выселению и причины лишения избирательных прав в нашей выборке характеристики «эксплуатация батраков» и «эксплуатация с/х машин».

Парадокс времени: разрешив в годы нэпа использовать наемный труд, советская власть запретила его в дальнейшем. Как результат — численность наемного труда в Уральской области, согласно выполнению пятилетнего плана, упала в 1930–1933 гг. с 82,7 млн до 70,7 млн душ и с 13,7 млн до 13,2 млн душ в государственном и кооперативном секторах соответственно³³.

Отметим и другой интересный факт, который не остался не замеченным специалистами Уральского областного бюро статисти-

ки: «огромный процент найма “со скотом” в бедняцких группах показывает, что эти группы прибегали к сдельному найму вынужденно, из-за отсутствия собственного рабочего скота. Вряд ли в данном случае уместно говорить об эксплуатации нанимающими хозяйствами чужой рабочей силы — скорее, наоборот, наниматели здесь эксплуатируются теми, кого они нанимают»³⁴. При этом среди наемных сельскохозяйственных работников 20,8 % составляли женщины, из них большинство — 30,8 % — в возрасте 16–22 лет³⁵.

При этом колхозники из-за недостатка рабочих рук сами вынуждены были нанимать единоличников и членов их семей на работу, причем в основу расчета была положена выплата не более 1,5 кг хлеба в день «натурой», остальное выплачивалось деньгами³⁶. По Уральской области ежедневная потребность для уборки составляла 465 тыс. человек, в наличии же имелось только 390 тыс. человек³⁷.

Другой парадокс: за обладание сельскохозяйственными машинами лишали избирательных прав и «раскулачивали». И это при том, что еще накануне развертывания кампании по «раскулачиванию» в отчете о деятельности Уралоблисполкома отмечалось, что «одной из причин отсталости сельского хозяйства Урала является, несмотря на усилия снабжения, недостаточная обеспеченность его сельскохозяйственными машинами»³⁸. По данным Уралсельхозбанка, в 1926–1927 гг. больше всего ссуд на машиностроение было выдано середнякам (61,7 %) и беднякам (28,9 %). Интересно, что до начала коллективизации батракам ссуды тоже выдавались (0,2 %)³⁹.

Анализ кредитования крестьян через кооперацию в 1929 г. показал, что при росте объемов кредита ожидаемой модернизации крестьянских хозяйств не происходило. В значительной мере это было связано с классовой политикой распределения кредитов, более 90 % которых в конце нэпа получали беднота и середняки, просрочки ссуд доходили до 30 %⁴⁰. Товарно-денежные отношения между крестьянами и кооперацией в конце 1920-х гг. были по решению государства заменены контрактацией — плановым регулированием сельского хозяйства.

В 1924–1925 гг. одной из наиболее слабо кооперированных окраин Урала был Троицкий округ (22 % сельских хозяйств и 39 % городских семей)⁴¹.

С 1927 г. начинается замедление темпов кооперирования населения, при этом с 1928 г. принцип добровольного создания

кооператива все чаще нарушается, усиливается экономическое и административное давление на крестьян. В октябре 1929 г. все виды сельскохозяйственной кооперации объединяли 65 % сельскохозяйственного населения без учета двойного членства. Ведущее место в 1929 г. стали занимать машинные товарищества (54 % кооперативов), но они объединяли всего 6 % хозяйств⁴².

В следующей таблице приведены интересные данные:

- меры среднего (среднее арифметическое значение для количественных и мода для качественных атрибутов) по Южному Уралу на основе БД «РКЮУ»;
- доверительные интервалы для этих значений количественных атрибутов по нашей выборке, с доверительной вероятностью (надежностью) $P=95\%$;
- статистические данные на 1928 г. по некоторым количественным атрибутам в среднем на 1 крестьянскую (не «кулацкую») семью Уральской области;
- наконец, сводные данные по «раскулаченным» хозяйствам Уральской области, которые нам удалось найти только у Т. И. Славко и А. Э. Бедела.

Таблица 4

Основные характеристики социального портрета «раскулаченных» крестьян

№ п/п	Атрибуты	Южный Урал (по БД «РКЮУ»)	Доверительные интервалы к количественным атрибутам Южного Урала с вероятностью $P = 95\%$	Уральская область (в среднем на одно крестьянское хозяйство) ⁴³	Уральская область ⁴⁴ (в среднем на одно «кулацкое» хозяйство)
1.	Национальность главы семьи	Русский			Русский ⁴⁵
2.	Размер семьи, человек	5,2	$\pm 0,1$		4,2
3.	Количество трудоспособных членов семьи	2,8	$\pm 0,1$		1,6
4.	Количество нетрудоспособных членов семьи	2,4	$\pm 0,1$		2,6

№ п/п	Атрибуты	Южный Урал (по БД «РКЮУ»)	Доверительные интервалы к количественным атрибутам Южного Урала с вероятностью $P = 95\%$	Уральская область (в среднем на одно крестьянское хозяйство) ⁴³	Уральская область ⁴⁴ (в среднем на одно «кулацкое» хозяйство)
5.	Год лишения избирательных прав	1929–1930			1929
6.	Восстановление в избирательных правах	Не восстановлен			Не восстановлен
7.	Категория, по которой «раскулачили»	2-я			2-я ⁴⁶
8.	Отмена «раскулачивания»	Не отменено			Не отменено
9.	Посев в год перед «раскулачиванием», дес.	10,6	$\pm 0,6$	3,6	2–3
10.	Количество лошадей	3,1	$\pm 0,1$	1,7	1
11.	Количество коров	3,5	$\pm 0,2$	1,4	1
12.	Количество овец	7,4	$\pm 0,8$	3,9	3

Учитывая, что данные средних атрибутов Т. И. Славко и А. Э. Бедея по «раскулаченным» хозяйствам Уральской области оказались ниже, чем аналогичные значения по не «кулацким» хозяйствам того же региона накануне коллективизации, нам представлялось необходимым построить доверительные интервалы, что и было сделано. Тем не менее прокомментируем возможные причины расхождений.

Различия в среднем *размере семьи* по БД «РКЮУ» по сравнению с Уральской областью можно объяснить большой для нашей выборки величиной стандартного отклонения в 2,1 человека при среднем размере семьи в 5,2 человека и соответственно коэффициентом вариации $V = 2,1/5,2 \times 100\% = 40,4\%$, характеризующим неоднородную выборку.

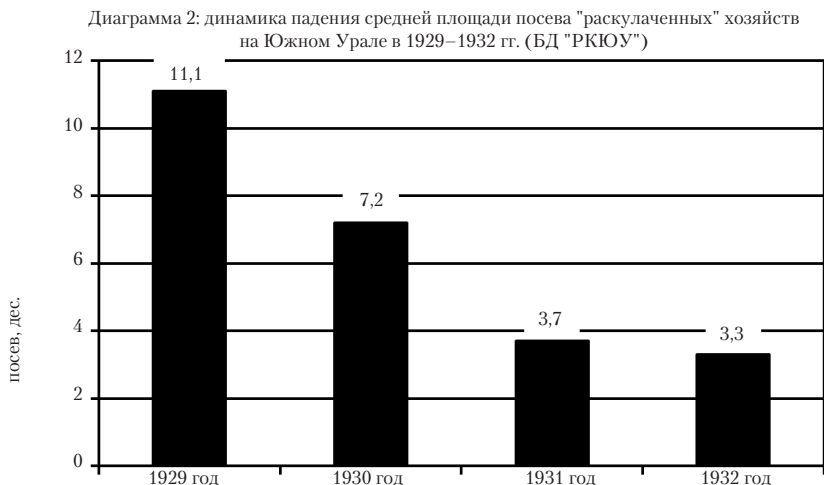
Историк сельской семьи О. М. Вербицкая пишет, что «в демографическом отношении семьи зажиточных крестьян отличались своей особой многочисленностью»⁴⁷, так что наши цифры закономерно превышают средние по не «кулацким» семьям.

С другой стороны, косвенные данные о большем размере семьи в среднем по Уральской области, чем это указано Т. И. Славко и А. Э. Беделем, мы находим в издании Уральского областного бюро статистики труда за 1926 г.: «...средний размер семьи рабочих — 4,7 человека, что почти в два раза ниже обычных средних размеров в крестьянских хозяйствах области»⁴⁸ (курсив везде мой. — А. Р.). Объяснить это можно только тем, что из «раскулаченных» семей «изымались» арестованные органами ОГПУ взрослые мужчины, поэтому учет членов семьи мог быть различным, однако такой вывод актуален только для семей, «раскулаченных» по 1-й категории, а их количество статистически значительно уступает хозяйствам, «раскулаченным» по 2-й и 3-й категориям.

Отличия средних цифр по *соотношению трудоспособных и нетрудоспособных* объясняются тем, что население Южного Урала, территории с развитым сельским хозяйством, традиционно ориентированным на животноводство и производство зерна, с преобладанием богатых казачьих станиц, находилось в экономически более привилегированном положении по сравнению с другими регионами Уральской области, что в свою очередь создало условия для демографического роста и материального благополучия.

Кроме того, указанное Т. И. Славко и А. Э. Беделем соотношение трудоспособных и нетрудоспособных членов «раскулаченной» семьи как 1,6 : 2,6 входит в явное противоречие с рекомендуемой органам на местах пропорцией 6 : 4 (3 : 2), причем это соотношение в большей степени просматривается на средних числах нашей выборки (2,8 : 2,4). Более того, выселению подлежали только те «кулацкие» хозяйства, которые имели в своем составе трудоспособных мужчин.

Более чем трехкратное отличие в *посеве* по сравнению с данными Т. И. Славко и А. Э. Беделя объясняется несколькими факторами: с одной стороны, неоднородностью данных БД «РКЮУ» (от 0 до 117 дес.); а с другой — преобладанием в нашей выборке периода 1929–1930 гг. с очень высокой величиной посева, что показано на приведенной далее диаграмме⁴⁹. При этом надо сказать, что в 1920-е гг. крестьяне по понятным причинам старались снизить реальную величину посева.

Наше исследование также показывает, что по данным, относящимся к 1930 г., доля «раскулаченных» не по признакам зажиточности приближалась на Южном Урале к 50 %. Это объясняется известной советской практикой: несмотря на установленные лимиты, считалось «хорошим тоном» планы перевыполнить. Отметим также, что согласно директиве Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. общая численность «раскулаченных» хозяйств устанавливалась в пределах 3–5 % от всех крестьянских хозяйств⁵⁰. Создается иллюзия, что кампания по «раскулачиванию» проходила по плану и не захватывала середняков и бедняков. Однако, по данным последней динамической переписи, проведенной ЦСУ в 1929 г., *доля «кулацких» хозяйств только по РСФСР сократилась с 3,9 % в 1927 г. до 2,2 % в 1929 г.*⁵¹ К концу 1929 г. по всей стране оставалось менее 600 тыс. семей, отнесенных к «кулацким», то есть в 1,5 раза меньше, чем 2 года назад⁵². В приведенной далее таблице рассмотрены социальные портреты «раскулаченных» крестьян, реконструированные на основе анализа БД «РКЮУ». Во втором и третьем столбцах указаны причины «раскулачивания», согласно Постановлению СНК СССР от 21 мая 1929 г., причем в третьем столбце фактически объединены две причины, а четвертый и пятый столбцы дают представление

о тех, кто был «раскулачен» в нарушение существовавших на тот момент нормативно-правовых актов.

Таблица 5

Социальный портрет «раскулаченных» крестьян в зависимости от приписываемых им «экономических» пунктов из Постановления СНК СССР от 21 мая 1929 г., политических мотивов или нарушения нормативного соотношения между трудоспособными и нетрудоспособными среди «кулаков» 2-ой категории

Условия / Атрибуты БД «РКЮУ»	Если хозяйство систематически применяет наемный труд	Если в хозяйстве имеются или сдаются в наем с/х машины	Если выступал (агитировал) против советской власти	Если коэффициент трудоспособности семьи меньше 1,5 ⁵³
Пол главы семьи	Муж.	Муж.	Муж.	Муж.
Национальность главы семьи	Русский	Русский	Русский	Русский
Возраст главы семьи	45,2	45,3	46,1	44,0
Трудоспособность главы семьи	Трудоспособен	Трудоспособен	Трудоспособен	Трудоспособен
Количество микросемей	1	1	1	1
Размер семьи, человек	5,2	5,2	4,9	6,0
Количество трудоспособных членов семьи	3	2,9	2,8	2,3
Количество нетрудоспособных членов семьи	2,2	2,3	2,1	3,7
Год лишения избирательных прав	Нет данных	Нет данных	Не лишен избирательных прав	Нет данных
Причина лишения избирательных прав	Эксплуатация батраков	Эксплуатация батраков		Эксплуатация батраков
Год восстановления в избирательных правах	Не восстановлен	Не восстановлен		Не восстановлен
Был ли глава семьи судим	Нет	Нет	Нет	Нет
Служба в армии (если да, то в какой)	Не служил	Не служил	Не служил	Не служил

Условия / Атрибуты БД «РКЮУ»	Если хозяйство систематически применяет наемный труд	Если в хозяйстве имеются или сдаются в наем с/х машины	Если выступал (агитировал) против советской власти	Если коэффициент трудоспособности семьи меньше 1,5 ⁵³
Год «раскулачивания»	1930	1930	1930	1930
Категория, по которой «раскулачили»	2-я	2-я	3-я	2-я
Отмена «раскулачивания»	Не отменено	Не отменено	Не отменено	Не отменено
Посев в год перед «раскулачиванием», дес.	12,8	11,9	7,5	13,9
Количество лошадей	3,6	3,4	3,1	3,1
Количество рабочих быков	1,0	1,7	0,9	1,4
Количество коров	3,8	4,4	3,5	3,9
Количество МРС	6,1	8,6	7,7	8,9
Количество овец	10,3	10,1	6,5	9,8
Количество свиней	0,5	0,3	0,5	0,3
Общее количество скота, рабочего и продуктивного, голов	25,3	28,5	22,2	27,4

По качественным показателям наши выборки получились весьма ровными, но отметим, что в хозяйствах, где применялись с/х машины, скота было существенно больше, чем в тех, где использовался наемный труд.

Симптоматично, что выступавшие против советской власти, были «раскулачены» по 3-й категории при небольшом количестве скота и не были лишены избирательных прав, в отличие от всех остальных. Это показывает, что «антисоветчики» не были матерой и организованной «контрой»; даже в предыдущей репрессивной кампании — по лишению избирательных прав — они не стали жертвами, что указывает на социально-бытовое происхождение источника информации о «противостоянии» с советской властью.

С другой стороны, небольшое количество скота косвенно свидетельствует о невозможности подпадания под категорию «кулаков» в имущественном отношении, а учитывая завышенные контрольные цифры по количеству «раскулаченных», очевидно, что «политический мотив» стал определяющим для «добра» «кулаков» до запланированных масштабов.

Средний размер семьи с нарушенным нормативным соотношением между трудоспособными и нетрудоспособными среди «кулаков» 2-й категории (6 человек) был существенно больше, чем в других случаях. Это объясняется необходимостью привлечения дополнительных рабочих рук (родственников), однако вопреки указаниям Центра и такие семьи были «раскулачены». Видимо, причина состоит в зависти к более успешным односельчанам: об этом говорит и значительно больший размер посева (почти 14 дес.), и большое количество скота.

При этом очевидно, что по многим показателям коллективизация не достигла своих целей, что объясняется провалом контрольных показателей в начале 1930-х гг.: так, рост валового продукта в 1928–1934 гг. составил всего 8 % вместо планируемых 50 %. По пятилетнему плану урожайность основных сельскохозяйственных культур должна была повыситься на 35 % по сравнению с 1928 г. На деле урожайность зерновых культур упала. Неслучайно в начале 1933 г. Сталин подписал секретную телеграмму: «Воспретить всем ведомствам, республикам и областям до опубликования официального издания Госплана СССР об итогах выполнения первой пятилетки издание каких-либо других итоговых работ как сводных, так и отраслевых и районных с тем, что и после официального издания итогов пятилетки все работы по итогам могут издаваться лишь с разрешения Госплана СССР»⁵⁴. Последствия огромного урона, нанесенного сельскому хозяйству принудительной коллективизацией, ощущались на всем протяжении 1930-х гг., когда среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции было ниже, чем в 1929 г. Известные историки-экономисты Р. Дэвис и С. Виткрофт, анализируя хлебные балансы, отмечают, что количество зерна в 1932–1933 г. составило 56,8–62,6 млн тонн по сравнению с показателем 1927–1928 гг. — 73 млн тонн⁵⁵, т. е. в любом случае падение объема производства зерна составило более 10 млн тонн. Численность крупного рогатого скота упала в 1928–1934 гг. на 26,6 млн голов. Количество лошадей и свиней уменьшилось в два раза. поголовье одних только рабочих лоша-

дей и быков уменьшилось более чем на 10 млн голов⁵⁶. поголовье скота было восстановлено только в 1950-х гг.

Таблица 6

Поголовье скота в СССР, млн голов⁵⁷

Вид скота / Годы	1929	1933	Отношение 1933/1929, %
Лошади	34,0	16,6	48,8
КРС	68,1	38,6	56,7
Овцы и козы	147,2	50,6	34,4
Свиньи	20,9	12,2	58,3

Как видно из предлагаемой академиком А. А. Никоновым таблицы, где приведены данные о динамике падения количества скота, наибольший урон к 1933 г. понесло поголовье овец и коз, их осталось практически треть, а наименьший — хотя и относительно — КРС, его поголовье сохранилось более чем наполовину. По горькой иронии эти данные были озвучены И. Сталиным на XVII съезде ВКП(б) в разделе «Подъем сельского хозяйства»⁵⁸.

Таблица 7

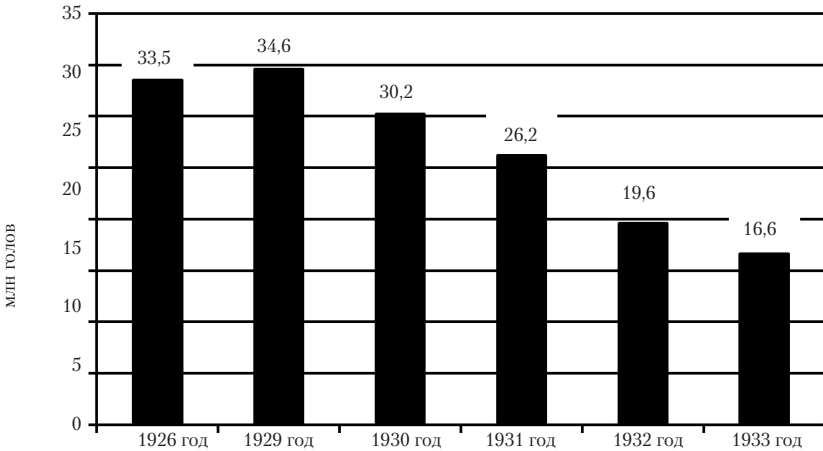
**Производство сельскохозяйственной продукции в СССР за 1930-е гг.
(все категории хозяйств)⁵⁹**

Годы	Вся валовая продукция в ценах 1983 г., млрд руб.	Зерна		Мяса в убойном весе, млн тонн
		млн тонн	ц/га	
1926–1930	66,7	75,5	7,9	4,7
1931–1935	60,0	70,0	6,8	2,6
1936–1940	66,4	79,1	7,1	4,2

Ссылаясь на цифры ЦСУ СССР, приведенные в табл. 7, можно сделать вывод, что уровень валовой продукции, как и урожайность зерна, после коллективизации и «раскулачивания» 1930-х гг. в предвоенное время так и не вышли на объемы 1926–1930 гг., экономически более благополучных в результате нэпа.

Яркой иллюстрацией последствий коллективизации и «раскулачивания» в деревне являются даже открытые официальные советские данные о падении поголовья скота.

Диаграмма 3: динамика падения поголовья лошадей в СССР в 1928–1929 гг., млн голов

Таким образом, как и в целом по стране, на Урале кампания по «раскулачиванию», усиленная голодом 1932–1933 гг., охватила не только богатые крестьянские семьи — их заведомо не хватило бы для выполнения «контрольных цифр», — но и крепкие середняцкие хозяйства, что, с одной стороны, нивелировало имущественную дифференциацию крестьянства, подготовив соответствующую почву для функционирования колхозов, а с другой — существенно замедлило темпы роста сельскохозяйственного производства, уничтожив окрепшую во время нэпа предпринимательскую инициативу и существенно поколебав доверие крестьян к власти.

Примечания

¹ Материалы данной статьи были доложены автором на заседаниях учебно-научного семинара кафедры экономической методологии и истории экономического факультета НИУ ВШЭ 6 декабря 2011 г. и семинара Центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова 28 декабря 2011 г.

² Термин «раскулачивание» является сталинской идеологемой, поэтому он закавычен. Аналогичным образом автор поступал и с однокоренными «раскулачиванию» терминами. Проблема использования идеологем связана с отсутствием в данной области в настоящий момент разработанного и обще-

признанного научного терминологического аппарата. Во-первых, и сегодня в некоторых исследованиях термин «раскулачивание» используется без кавычек (например, в монографии Н. А. Ивницкого «Судьба раскулаченных в СССР», изданной в 2004 г., или в пятитомном издании документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание», вышедшим в свет в 1999–2006 гг. под редакцией В. П. Данилова, и др.), а во-вторых, предлагаемый вместо «раскулачивания» термин «раскрестьянивание», на наш взгляд, не носит универсального характера, и вопрос о корректности его применения до сих пор остается достаточно дискуссионным.

³ Число погибших от голода в СССР оценивается в 7–8 млн человек, прежде всего исходя из сокращения населения СССР с осени 1932 г. до апреля 1933 г. со 165,7 млн чел. до 158 млн чел., т. е. на 7,7 млн чел., причем преимущественно за счет сельского населения. Подробнее см.: История СССР. 1989. № 2. С. 17. По оценке известного специалиста В. В. Кондрашина, число жертв голода составляет 5–7 млн человек, из которых не менее 2,5 млн человек приходится на РСФСР, около 2 млн — Казахстан, остальные — УССР (см.: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. С. 192).

⁴ Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937. Статистический справочник. М., 1939. С. 35.

⁵ Там же.

⁶ СЗ СССР. 1930. № 13. Ст. 143, 144; Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления. С. 163–164.

⁷ Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1928–1932 гг.). М., 1966. С. 176.

⁸ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов. Л. Н. Мазур и др.; отв. ред. Т. И. Славко. Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 5.

⁹ СЗ СССР. 1931. № 1. Ст. 6; № 19. Ст. 171.

¹⁰ «Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): Сб. документов и материалов / сост. Н. Е. Глущенко, М. М. Кудюкина, Н. А. Ивницкий и др.; редкол.: Н. А. Ивницкий (отв. ред.) и др. М.: Собрание, 2007. С. 245.

¹¹ Одинцова М. И. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 138.

¹² Там же. С. 140.

¹³ Архивный отдел Администрации Октябрьского района Челябинской области. Ф. 9 (Исполнительный комитет Октябрьского района Челябинского округа Уральской области, 1930–1936 гг.). Оп. 2. Д. 3. Л. 8.

¹⁴ Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. Ф. 1 (Чебаркульский районный Совет депутатов трудящихся). Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

¹⁵ Максимов Н. И. Судьба российского крестьянства. Раскулачивание и спецпоселения на Южном Урале. 1930–1941 годы // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области: Материалы научно-практической конференции). Челябинск, 2003. С. 197.

¹⁶ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 170 (Троицкий окружной комитет ВКП(б) — общий отдел). Оп. 1. Д. 648. Л. 461, 461 об., 462.

¹⁷ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.). М., 1994. С. 237.

¹⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. С. 45.

¹⁹ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. / гл. ред.: академик РАН В. В. Алексеев. Т. 1. 1917–1940. Пермский край / отв. ред.: д. и. н. А. Б. Суслов и др. Пермь: Банк культурной информации, 2008. С. 692.

²⁰ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 51. Л. 111.

²¹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С. 207.

²² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372 (Госплан СССР). Оп. 32. Д. 71. Л. 6, 31, 32.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 183.

²⁵ Отметим, что опубликованные до этого результаты содержали анализ БД «РКЮУ», состоящей сначала из 277, затем из 754, потом из 1024 и, наконец, из 1461 «раскулаченной» семьи, т. е. по мере получения данных и обсуждения новых результатов работа значительно эволюционировала. Данное исследование «раскулаченных» крестьян продолжается уже весьма долгое время. Подробнее см.: Раков А. А. Опыт анализа кулацкого хозяйства 1930 года: экономико-правовой и политический аспекты (создание базы данных по материалам Троицкого районного архива) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области: Материалы научно-практической конференции). Челябинск, 2003. С. 164–167; Он же. К вопросу обоснования репрезентативности просопографической базы данных «Раскулаченные крестьяне Южного Урала (1930–1934 гг.)» // Вестник молодых ученых исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Труды международной научной конференции «Ломоносов-2007». Лучшие доклады по историческим наукам. М.: МГУ, 2007. С. 115–133; Он же. База данных «Раскулаченные крестьяне Южного Урала (1930–1934 гг.)» и ее анализ // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 236–279.

²⁶ Мы рассматриваем именно историко-экономический регион, а не географический, как его рассматривают, в частности, энциклопедические издания: Энциклопедия Брокгауза и Ефрона в статье «Уральский хребет», Краткая российская энциклопедия, Большая советская энциклопедия.

²⁷ Районы Уральской области. Схематические характеристики районов и округов, основные статистические показатели, карты районов и округов. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома и Уралстатуправления, 1928.

²⁸ Константинов О. А. Уральская область. 3-е изд., перераб. и доп. с пятью картами. М.; Л.: Государственное издательство, 1929.

²⁹ Отметим, что в нашей выборке встречаются случаи, когда уже проведенное «раскулачивание» было «отменено» ввиду его «неправильности», но такие случаи очень редки — всего 4 из 1461. В двух случаях причиной отмены «раскулачивания» являлся факт, что глава семьи в прошлом был красноармейцем, еще в одном случае отмена «раскулачивания» была произведена потому, что глава семьи оказался членом колхоза, а в другом — по причине отсутствия в семье трудоспособных. Кстати, по этой логике следовало бы отменить еще 29 «раскулачиваний» из нашей выборки, т. к. во всех этих семьях отсутствовали трудоспособные люди.

³⁰ В среднем на каждого главу семьи приходилось 4 «эпитета», из которых состояла характеристика. В табл. 2 они перечислены в порядке убывания частоты появления в документах; соответственно каждый «эпитет» был поводом или одним из поводов к выселению.

³¹ В табл. 3 приведены «результативные» значения данного атрибута. По 48,6 % глав семей, которые были лишены избирательных прав, нет данных. Количество же лишенных избирательных прав в 1929 г. (108 глав семей) в БД «РКЮУ» близко значению 1930 г. (129).

³² Общество и власть... Т. 1. 1917–1941. Свердловская область... С. 491.

³³ РГАЭ. Ф. 4372 (Госплан СССР). Оп. 28. Д. 53. Л. 119.

³⁴ Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Уральское областное бюро статистики труда. Свердловск: издание Уралпрофсовета, Союза сельхозлесрабочих и облземуправления, 1926. С. 24.

³⁵ Там же. С. 78.

³⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 112 (Политуправление Наркомзема СССР. 1930–1935 гг.). Оп. 56. Д. 12. Л. 38.

³⁷ Там же.

³⁸ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов VI созыва. 1927 — апрель 1929. Свердловск: издание Уралоблисполкома, 1929. С. 74.

³⁹ Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Сост. по материалам Уралстатуправления, ОблЗУ и отдела по работе в деревне Уралобкома ВКП(б). Свердловск: издание Уралобкома, 1929. С. 81.

⁴⁰ Петрова В. П. История сельскохозяйственной кооперации Урала (1917–1930 гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 35.

⁴¹ Обзор хозяйства Урала за 1924–1925 год / под ред. В. С. Немчинова и др. Свердловск, 1926. С. 16.

⁴² Там же. С. 34.

⁴³ Данные приведены на 1928 г. по: Состояние сельского хозяйства... С. 8–9.

⁴⁴ Данные по Уральской области, кроме атрибутов «Национальность главы семьи» и «Категория, по которой “раскулачивали”», приведены по подсчетам Т. И. Славко и А. Э. Беделя. Подробнее см.: Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале (1930–1936 гг.): Сб. документов / сост. А. Э. Бе-

дель, Т. И. Славко. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1994. С. 14; Социальный портрет лишенца... С. 3–4; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М.: Мосгосархив, 1995. С. 60.

⁴⁵ Сводные данные о национальном составе отсутствуют, но ясно, что на первом месте русские, а на втором украинцы. Подробнее см.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 43.

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9414 (ОГПУ СССР). Оп. 1. Д. 1943. Л. 10. Приведем также мнение историка В. Виноградова: «...основную массу раскулаченных составляла 2-ая категория». Подробнее см.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 11.

⁴⁷ Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула: Гриф и К, 2009. С. 176.

⁴⁸ Наемный труд... С. 99.

⁴⁹ Гистограмма начинается с 1929 г., т. к. посев в БД «РКЮУ» отражается в год *перед* «раскулачиванием». Завершается же она 1932 г., потому что 1933 г. представлен в БД «РКЮУ» незначительно. Из данных по посеву в 1930 и 1931 г. были изъяты завышенные показатели по Магнитному району Троицкого округа.

⁵⁰ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. С. 8.

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 177.

⁵³ Если нарушено соотношение между трудоспособными и нетрудоспособными в семье «кулаков» 2-й категории (должно быть на менее 6 : 4 (3 : 2), т. е. коэффициент не менее 1,5).

⁵⁴ Правда. 1988. 28 октября.

⁵⁵ Дэвис Р., Виткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011. С. 438.

⁵⁶ Там же. С. 444.

⁵⁷ Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России: аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 199.

⁵⁸ Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1949. С. 87.

⁵⁹ Никонов А. А. Указ. соч. С. 233.

О. В. Ерохина*

Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти

После Октябрьской революции 1917 г. экономике молодого Советского государства для преодоления экономической и технической отсталости требовались колоссальные денежные средства, которых у руководства страны не было. Решить эту проблему можно было, как и во времена царской России, с помощью привлечения иностранных инвестиций в форме концессий.

При этом концессионный капитал предполагалось применить не только для восстановления промышленности, но и сельского хозяйства. В. О. Коротнич в своей записке «Возрождение сельского хозяйства России и концессионные предприятия» писал: «Сельскохозяйственные концессионные предприятия должны сыграть роль *подготовительной* ступени для перехода крестьянского земледелия центральной России в фазис интенсификации, а на окраинах — рациональной постановки коллективизации, которая должна привести крестьянское население окраин к созданию своего собственного полутоварного хозяйства»¹.

О необходимости привлечения иностранных инвестиций в сельскохозяйственную сферу писал нарком земледелия В. В. Осинский²: «Вопрос о привлечении иностранного капитала <...> для организации и развития русского сельскохозяйственного производства стоял на очереди задолго до великой войны 1914–1918 гг. Необходимость этого обусловилась тем, что русское народное хозяйство, находившееся в начальных стадиях капиталистического развития, располагало на своих окраинах <...> значительными земельными массивами, находившимися в крайне экстенсивной эксплуатации, а подчас и вовсе лежащими впусе <...> Потрясения народного хозяйства, вызванные войной

---

* Ерохина Ольга Викторовна — доктор исторических наук (Урюпинский филиал Волгоградского государственного университета).

с событиями революции, еще в большей степени обострили необходимость иностранного капитала в сельском хозяйстве нашей страны»³. В. В. Осинский также о необходимости «...наметить те отрасли и виды сельскохозяйственной промышленности, которые не могут быть нами восстановлены и организованы без крупной финансовой и организационной предпринимательской помощи извне, очертить хозяйственную природу этих предприятий <...> возможные сроки концессии»⁴.

Почему советские власти решились пойти на создание сельскохозяйственных концессий? Эти причины называл член наркомзема В. О. Коротнич в своей записке «Возрождение сельского хозяйства России и концессионные предприятия»: «1) Острый недостаток культур сельскохозяйственного капитала необходимого для быстрой интенсификации сельскохозяйственного производства в густо населенных районах центра и запада; 2) крушение товарного производства зерновых и скотоводческих продуктов редко населенных экстенсивных окраин юга и востока»⁵.

Объектом концессии могли стать все свободные земли, вошедшие в Государственный колонизационный фонд 6 июля 1920 г.⁶ Земли Юго-Восточного колонизационного фонда были разделены на две категории:

- категория А — земли, обследованные и представляющие наибольшую ценность для сельскохозяйственного освоения по своим естественным качествам с учетом водоснабжения и близости железных дорог;
- категория Б — земли, менее исследованные, трудные для освоения, требующие крупных работ по регулированию и устройству земельных отношений среди населения⁷.

Властям необходимо было в кратчайшие сроки превратить район юго-востока в хлебные житницы, а для этого, как писал В. О. Коротнич: «все средства хороши — в том числе и концессия»⁸. Однако «концессионерам нельзя предоставить на этих окраинах (юго-восточных районах страны. — *О. Е.*) удобные земли <...> им может быть отведен лишь малоудобный свободный фонд: в Самарской — 3 160 000 дес.; Саратовской — 150 000 дес.; Царицынской — 500 000 дес.; Донской области — 630 000 дес.; Кубанской — 150 000. Всего по юго-востоку — 3 580 000 дес.»⁹. Хотя в этом регионе было изобилие природных богатств: ископаемые, торф и сырьё¹⁰. К тому же народный комиссариат земледелия считал, что Донская область должна была подвергнуться концессио-

нированию в последнюю очередь, так как она являлась центром разведения табунного хозяйства страны и единственным источником пополнения кавалерии ремонтным составом.

В ноябре 1920 г. В. И. Ленин дал указание «выяснить возможности предоставления концессий заграничным капиталам на юго-востоке <...> в частности в Днобласти. Концессии будут представлены во всех наших хозяйственных областях: сельскохозяйственной, добывающей и обрабатывающей. Крайне важно разработать вопрос о сельскохозяйственных концессиях, то есть обработке на концессионных началах пустующих земель и в совхозах и вообще целых земель»¹¹.

А. М. Стопани и Н. П. Зеликману было поручено собрать материал с картами, детальным указанием местонахождения земель и прилегающих к ним путей сообщения¹². В подготовке данного вопроса должны были принимать участие ученые-агрономы, хорошо знающие местность и природные условия региона. Обращалось внимание на то, что если они откажутся выполнять данное поручение, то необходимо заставить их «работать под страхом лишения жизни»¹³.

В результате в декабре 1920 г. профессора Донского университета В. Е. Варзар, Л. К. Чермак, Н. Маркелов предоставили «Объяснительную записку к материалам о концессиях в юго-восточном крае». Они писали, что к иностранным концессиям нужно отнести, как к средству возрождения хозяйственной жизни страны, которые могут оказать весьма благоприятное и полезное влияние¹⁴.

В. Е. Варзар считал, что концессионные предприятия могут способствовать «улучшению в области сельского хозяйства: 1) осушение заболоченных мест поймы рек Дона (30 тыс. дес. — Аксайское займище); 2) ...иригационные проекты по мелиорации; 3) ...оживление и использование существующих, отчасти пустующих земель путем применения в крупных размерах тракторной обработки полей, что допустимо по условиям рельефа почти всюду в Донской области»¹⁵.

Его точку зрения поддерживал Н. Маркелов, называя земли Сальского округа Северокавказского края¹⁶, отведенные для частного коннозаводства в количестве свыше млн дес. земли, самыми лучшими и удобными для обработки тракторным способом. Именно эти земли «доселе девственные, при применении к ним американской системы механической вспашки и использовании

наивыгоднейших культур могли бы дать значительное количество зерна (около 20 млн пуд.), подсолнуха (1 млн пуд.) и, при культуре сахарной свеклы и дальнейшей ее переработке, значительное количество сахара, а также побочные различные продукты животноводства, овцеводства и т. д.»¹⁷.

Л. К. Чермак особое внимание обращал на тонкорунное овцеводство края: «быть может, принятие некоторых мер, связанных с концессионными гарантиями, могло бы возродить, оживить и даже развить эту весьма важную и драгоценную отрасль животноводства, ныне при гражданской войне почти исчезнувшую в юго-восточном крае (до 7 % ранее существовавших)»¹⁸. Ученые также считали, что предметом концессии могли стать: «постройка Волго-Донского канала, регулирование реки Дона и морской канал между Ростовом и Таганрогом»¹⁹.

Предложения профессоров были восприняты большевиками как рекомендация к созданию совместных и концессионных предприятий в сельском хозяйстве. Таким образом, в Юго-восточном крае появились концессии, занимающиеся ремонтом сельскохозяйственных машин, производством и переработкой сельскохозяйственной продукции — «Маныч» и «Друзаг».

В данной статье детально рассмотрены механизмы создания двух этих сельскохозяйственных концессий с участием германских фирм, выявлены проблемы функционирования и результаты их экономической деятельности в 1920-х — начале 1930-х гг., а также показан процесс их ликвидации.

* * *

Германо-российское семеноводческое акционерное общество «Друзаг» (*Deutsche-Russische Saatbau Aktiengesellschaft*)²⁰ было классическим типом смешанной концессии. В состав соучредителей вошли городской совет Кенигсберга и ряд германских фирм-производителей сельскохозяйственных орудий, в их числе «Сак», «Кемна» и «Ланц»²¹.

Советские власти предложили передать концессии «Друзаг» земли совхозов в Подмосковье: «Черемушки», «Красная горка», «Якунчиково», «Ананьино» — и в Донской области — «№ 8». Однако дирекция Германского общества семеноводов не спешила заключать концессионный договор. Причины этого заключались в следующем: 1) в наличии задолженности подмосковных совхозов «Якунчиково», «Ананьино» государству, которая автоматиче-

ски переносилась на концессионера; 2) внутри общества велись споры «начинать или нет дело о концессии в России»: Я. Фашиньяк и его сторонники выступали за работу с Россией, а Шайбе и Форстер — против²².

Очевидно, Я. Фашиньяку удалось убедить акционеров в желательности сельскохозяйственной концессии в России. Основным концессионный договор был подписан 23 марта 1922 г. генеральным директором Германского общества семеноводов (*Deutsche Saatbau Gesellschaft*) доктором Варге и уполномоченным общества Яковом Фашиньяком²³. Договор был заключен сроком на 30 лет и предусматривал ежегодную выплату Советскому государству в размере 20 % валового сбора продуктов данного хозяйства за отчетный год. При этом число иностранцев не должно было превышать 25 % общего количества рабочих и служащих хозяйства.

Однако концессионеры не спешили приступать к работе, так как окончательно не был решен вопрос о земельных площадях, которые они должны были получить в пользование. Директор концессии Вааге заявил, что выполнение договора тормозится из-за того, что часть предоставленной им по договору земли оказалась занятой другими учреждениями, которые не хотели уходить с нее. В результате на имя председателя Государственного концессионного комитета Г. Л. Пятакова поступила записка: «...в виду того, что эта фирма связана с влиятельными, отчасти и с официальными кругами, было бы весьма нежелательно создать представление о наличии у нас такого хаоса, когда по концессионным договорам сдаются объекты уже сданные другим в аренду. Прошу Вас принять необходимые меры»²⁴.

Неумение вести переговоры приводило к различным недоразумениям. Так, представители фирмы «Ф. Крупп» жаловались на действия заведующего МОЗО Зайцева, который обошелся очень резко с их представителем. В связи с этим обстоятельством члену народного комиссариата земледелия Месяцеву было дано распоряжение сделать взыскание Зайцеву и в дальнейшем «придерживаться соответствующего этикета, чтобы не создавать зря осложнений и не портить впечатление»²⁵.

Кроме того, не редки были случаи, когда сотрудники МОЗО не знали месторасположение участков и находящихся на них построек. «Отсутствие у нас каких бы то ни было сведений об имениях анкетного, статистического или планового характера, — писал Казновский, — заставляло краснеть перед иностранцами за нашу постановку дела»²⁶.

В конце 1923 г. для обследования участков, предоставляемых концессии, в Россию прибыли представители Германского общества семеноводов Шайбе и Я. Фашиныак. Они настаивали на осмотре и передаче совхоза «Хуторок» (бывшее имение барона В. Р. Штейнгеля)²⁷. Власти им отказали, потому что совхоз был хорошо оборудованным сельскохозяйственным предприятием с промышленным уклоном. На его территории находились: винокуренный завод с производственной мощностью 1 млн ведер спирта, галетная фабрика, мельница. Поэтому сдавать совхоз в концессию не имело смысла²⁸. Получив отказ, концессионеры не стали осматривать другие совхозы.

По этому поводу торговый представитель СССР в Германии Б. С. Стомоняков писал Г. Л. Пятакову в феврале 1924 г.: «Просим Вас обратить внимание НКЗ на то, чтобы действительно были предложены подходящие участки <...> следовало бы напрячь все усилия к тому, чтобы не доводить дело до разрыва и если последний будет неизбежен, то нужно будет позаботиться о том, чтобы разрыв произошел не по нашей вине»²⁹.

В апреле 1924 г. председатель Краевого экономического совета (КЭС) Юго-востока России Б. П. Позерн направил докладную записку в Главный концессионный комитет: «Юго-Восточный край, имеющий основной базой сельское хозяйство, для его возобновления в полном размере и максимального использования всей земельной площади в целях производства высокосортного зерна, особенно нуждается в организации крупных семеноводческих хозяйств, могущих удовлетворить местные заявки на семенной материал». Он указывал на то, что КЭС готов предоставить германскому обществу земли «в двух различающихся друг от друга по количеству осадков районов: 1) “мокрого земледелия” — Кубано-Черноморской области совхозы “Красный хутор” и “Кубань”; 2) “сухого земледелия” — Донской области совхоз “№ 8”. Общая площадь этих земель 19 394,5 десятин»³⁰.

Только 1 октября 1924 г. совхозы «Кубань» и «Красный хутор» Кропоткинского района Армавирского округа окончательно перешли в пользование концессионера³¹. Одновременно был урегулирован вопрос о ликвидации задолженности по совхозу «Кубань» и решена жилищная проблема.

Концессией «Друзаг» руководила немецкая администрация во главе с управляющим Монгальтом³². В составе правления были русские и германские специалисты. В декабре 1924 г. заведующий

II отделением Госземимущества А. П. Звонарев сообщал начальнику Юго-восточного крайземуправления, что концессия состоит из 42 человек штатных работников и служащих. Из них иностранцев — 3 человека³³.

На землях концессионного предприятия работало местное население: «Вспашка полей концессионером производится главным образом нанятыми сдельно плугами крестьян как окружающих сел, так и Ставропольского округа, а также тракторами ЮВСельтреста. Посев производится частично средствами концессии, а частично крестьянскими, но под руководством концессионера»³⁴.

Финансовый кризис, постигший Германию в 1925 г., отрицательно сказался на кредитоспособности Германского общества семеноводов, а следовательно, и на деятельности «Друзага». Концессия была акционерным обществом и могла продавать свои акции, но спроса на них, по-видимому, не было. К июлю 1925 г. было продано всего 40 % акций³⁵. Чтобы поддерживать жизнеспособность концессии, в которую были вложены значительные средства, управляющий Ф. Дитлов³⁶ пытался добиться получения денежных, вексельных и товарных кредитов от государственных органов власти Германии и СССР.

В начале 1926 г. для концессии наступили достаточно тяжелые времена. 7 января состоялась особая сессия нарсуда Армавирского округа, на которой был рассмотрен иск Северо-Кавказского краевого союза Всеработземлеса и группы рабочих к «Друзаг» о зарплате. В ходе рассмотрения дела также были выявлены нарушения в выплате процентного отчисления союзу и случаи несвоевременной выдачи спецодежды. Суд принял решение привлечь к уголовной ответственности директора концессии К. К. Деллера³⁷.

В феврале 1926 г. из Центрального сельскохозяйственного банка концессии удалось получить ссуду 100 тыс. рублей. Кроме того, Ростовская контора Госсельсклада предоставила ей вексельный кредит на уборочные машины, Хлебопродукт выделил 1 вагон муки. Общая сумма предоставленного товара по вексялям составила 100 тыс. рублей³⁸.

Однако в связи с начавшимся уголовным делом Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б) решил поставить вопрос о дальнейшем существовании концессии и принятии мер к прекращению кредитования ее деятельности со стороны кредитных и хозяйственных организаций³⁹. Это постановление способствовало созданию комиссии со стороны Армокркамеры инспекции

труда по ликвидации концессии⁴⁰. В целях сохранения хозяйства концессии и находящегося в ней имущества «от разбазаривания и продажи с молотка» было признано необходимым присоединение хозяйства концессии к смежному с ней хозяйству кубанской Госсемкультуры⁴¹.

В июле в Народный комиссариат иностранных дел поступило письмо из немецкого посольства. В нем сообщалось, что немецкое правительство поручило специально созданной комиссии принять участие в оздоровлении сельскохозяйственной концессии «Друзаг» вложением части необходимых капиталов, и на нее же в будущем возлагался контроль над деятельностью концессии. Ведение необходимых переговоров поручалось немецкому подданному Джону Фридриху Иордану⁴². То обстоятельство, что на защиту интересов концессии встало германское правительство, вынудило российские власти предоставить концессионеру право временного управления хозяйством. При этом были выдвинуты следующие условия: представить доказательства об отсутствии претензий со стороны главных кредиторов общества и уплаты зарплаты рабочим и служащим, гарантию германского посольства о внесении на текущий счет общества в одном из банков СССР 600 тыс. марок для пополнения оборотных средств предприятия⁴³.

В это же время перед Центральным сельскохозяйственным банком был поставлен вопрос о выделении дополнительного кредита концессии «Друзаг» в размере 300 тыс. руб. сроком до 9 месяцев⁴⁴. Кроме того, банк и Госторг должны были уполномочить свои ростовские филиалы принять от представителя концессии векселя и гарантии и выдать ему письма об урегулировании претензий. Только после соблюдения всех этих формальностей ликвидационная комиссия могла начать передачу хозяйства. Чтобы избежать задержек и недоразумений ГКК просило НКЗ РСФСР дать указание местным органам «о необходимости содействия в выполнении достигнутого соглашения <...> чтобы передача <...> прошла наиболее быстро и с наименьшими трениями»⁴⁵.

В конце этого же года концессия получила кредиты от советского правительства на сумму свыше 575 тыс. рублей⁴⁶. Это свидетельствовало о заинтересованности советского руководства в деятельности концессии. Благодаря кредитам концессионное хозяйство было сохранено. Однако данное обстоятельство мало что меняло, так как основной капитал был вложен в предприятие в период инфляции в Германии. В результате долги по векселям

перед российскими банками только росли, а это вело к еще большим финансовым проблемам. Поэтому было принято решение провести конкурс, который в интересах кредиторов устанавливал принудительное управление обществом.

18 октября в ВЦСПС, ЦК союза сельскохозяйственных и лесных рабочих поступила жалоба от 11 служащих концессии «Друзаг» на действия рабочего комитета. Их исключили из членов союза, так как они работали в администрации концессии⁴⁷. Служащие считали принятые к ним меры незаконными и просили разобраться в этом вопросе, потому что в п. Д Устава союза говорилось: «Не могут состоять членами союза лица административного персонала частнокапиталистических предприятий, имеющие право найма и увольнения, а также доверие предпринимателей»⁴⁸.

Данное обстоятельство заставило М. И. Лациса направить в ЦК профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих письмо с требованием дать рабочему указание о линии поведения в настоящее и особенно на будущее время. Он считал, что подобные конфликты вредно отражаются на работе концессии⁴⁹.

К 1927 г. на концессии насчитывалось 200 рабочих и 29 служащих, из них 14 иностранцев. Среднемесячная заработная плата в «Друзаг» составляла 40,15 руб., в то время как в «Маньч» работники получали 45 рублей⁵⁰.

В марте 1927 г. в КК НКЗ попало письмо Ф. Дитлова, адресованное Д. Ф. Иордану, в котором он сообщал о своей поездке в совхоз «III Интернационал» с целью выяснения условий работы и оплаты труда рабочих и служащих. В конце письма было отмечено: «Мы будем стараться не повышать тариф для наших рабочих»⁵¹. Из чего НКЗ сделало вывод, что при заключении предстоящего коллективного договора концессионер откажется повысить тарифные ставки рабочим, ссылаясь «как всегда на убыточность предприятия». Центральному комитету сельскохозяйственных и лесных рабочих 14 марта было дано указание: учесть этот факт при ведении переговоров о подписании коллективного договора с концессией «Друзаг».

В апреле управляющий Ф. Дитлов просил забрать обратно Донскую концессию (бывший совхоз № 8), так как считал невозможным там ведение интенсивного хозяйства, указывая одновременно на непомерно высокий размер долевого отчисления⁵². Кроме того, ссылаясь на разбросанность земельных участков, он хотел вернуть земельные хозяйства в Подмоскowie — «Черемушки», «Красная горка».

Председатель Концесскома НКЗ К. Козырев сообщил в ГКК, что Северо-Кавказская правительственная инспекция согласна принять назад в свое ведение земли в Донской области. Но так как хозяйство ликвидировалось по желанию концессионера, а не по требованию правительства, то на основании § 37 основного договора имевшиеся постройки, инвентарь, семена, фураж и материалы должны были остаться в совхозе⁵³.

Только в августе советские власти окончательно согласились принять обратно концессионные земельные участки, расположенные в бывшей Московской губернии и на Дону⁵⁴. В конце сентября 1927 г. Концесском Наркомзема подписал с концессией «Друзаг» дополнительное соглашение о принятии и передаче совхоза № 8 в экспедицию Донского окрземуправления, которое должно было выплатить концессионеру за принятое имущество (постройки, сооружения, инвентарь, фураж) 9092 руб. 21 коп.⁵⁵

В связи с тем, что руководство концессии не учло климатических и природных особенностей региона, к концу 1927 г. убытки фирмы составили около 590 тыс. рублей⁵⁶. К тому же к этому времени истек срок выплаты долга кредитным учреждениям СССР, и концессия была объявлена несостоятельным должником.

Помощь обанкротившемуся предприятию оказала Германия, предоставив для вынужденной санации концессии кредит в размере 600 тыс. руб.: 450 тыс. руб. поступили непосредственно от германского правительства, а 150 тыс. руб. — от городского совета Кенигсберга и немецких производителей сельскохозяйственных орудий. Из полученных денег 150 тыс. руб. пошли на погашение долгов «Друзаг» в Германии, 300 тыс. руб. были израсходованы на урегулирование претензий различных кредиторов в СССР, а еще 150 тыс. руб. пополнили оборотный капитал концессии⁵⁷.

21 сентября 1927 г. был заключен новый концессионный договор и дополнительное соглашение по деятельности концессии «Друзаг»⁵⁸. С советской стороны договор подписал заместитель НКЗ А. И. Свидаерский, а с германской — директор Ф. Дитлов. Газета «Нью-Йорк Таймс» истолковала факт заключения очередного концессионного договора с «Друзаг» как иллюстрацию «новой тенденции в советской концессионной политике»⁵⁹.

По новому соглашению, заключенному на 27 лет, правительство СССР аннулировало свое обязательство по беспошлинной перевозке грузов для концессии, о чем и уведомило НКПС 8 февраля 1928 г.⁶⁰ Концессия по-прежнему должна была заниматься

производством семенного селекционного материала зерновых культур и производить ежегодную двукратную апробацию посевов за свой счет⁶¹.

Несмотря на урегулирование всех спорных вопросов и благожелательное отношение центральных органов власти в конце сентября между концессией «Друзаг» и профсоюзом произошел конфликт. Краевое правление профсоюзов обвинило концессию в нарушении коллективного договора в вопросе вербовки рабочей силы. Концессионер должен был набирать рабочих из батраков, а вместо этого он принимал на работу местных крестьян. Профсоюз считал, что это делалось с тайным умыслом — крестьяне были мало знакомы с трудовым законодательством и с порядком расчетов за труд. Не дождавшись ответа ЦК по этому вопросу, Краевое правление профсоюзов приняло решение «передать дело о нарушении концессией коллективного договора в суд»⁶².

На совещании представителей ЦК, ВЦСПС и КК было принято решение: 1) использовать возможности разрешения конфликта мирным путем; 2) послать своего представителя в концессию для детального расследования данного вопроса на месте; 3) желательно сделать концессионеру последнее предупреждение. Предлагалось разрешить конфликт вне суда, чтобы не нагнетать обстановку, потому что сельскохозяйственных концессий в стране были единицы⁶³.

В конце октября фракция ЦК союзов постановила командировать в концессию «Друзаг» для обследования рабочего вопроса и организации труда, а также расследования конфликта по коллективному договору Юрина⁶⁴. Ему было поручено обеспечить интересы концессии.

Управляющий концессией «Друзаг» Ф. Дитлов направил в КК при СНК РСФСР письмо, в котором обрисовал гнетущую обстановку в концессии и просил разобраться с создавшимся положением. Он считал, что с приходом на предприятие председателя рабочего комитета Пономарева разразилась «эпидемия» исков к концессии и делалось это с разрешения вышестоящей организации. Пономарев позволял себе называть сотрудников шпионами, грозился отправить их в ГПУ и при этом добавлял: «Если бы не такая международная обстановка, то мы бы концессию в два счета убрали да еще с треском»⁶⁵.

В ходе проведения обследования концессии «Друзаг» летом 1928 г. работниками НКЗема по жалобе управляющего и в связи

с отказом концессионера подписать коллективный договор было установлено, что Ф. Дитлов не соглашался подписывать договор из-за завышенных требований профсоюза. Суть конфликта заключалась в размере зарплаты. Труд работников по 1-му разряду в концессии оплачивался в сумме 19 руб. 80 коп., профсоюз же настаивал на 27 рублях. Хотя самая высокая ставка была только на сахарном заводе — 25 руб., в совхозе «Новая заря» она составляла 15 руб. 50 коп., совхозе «III Интернационал» — 19 руб. 40 коп., концессии «Маныч» — 22 руб. 80 коп. Представителям НКЗема с помощью НКТруда удалось уладить разногласия. Концессионер согласился на увеличение ставки 1-го разряда до 20 руб.⁶⁶

Взаимоотношения рабочкома с концессией работники НКЗема охарактеризовали как «крайне ненормальные». С одной стороны, это было обусловлено грубыми и нетактичными поступками Ф. Дитлова и его служащих, а с другой — главным виновником назывался председатель рабочкома — Пономарев. Комиссия посчитала его действия «как хозяйственно нецелесообразные» и некорректные по отношению к концессионеру. Так, из 26 конфликтов, переданных им в суд за период 1927 — первая половина 1928 г., 25 было разрешено в пользу концессионера и только 1 в пользу союза⁶⁷. Вместе с тем были отмечены нарушения в деятельности концессии: прием на работу нечленов союза, отсутствие общежития для сезонных и поденных рабочих, несвоевременная выдача спецодежды и т. д.⁶⁸ Комиссия рекомендовала их ликвидировать, чтобы не доводить дело до суда.

Управляющий концессией готов был принять все необходимые меры для разрешения рабочего вопроса. Он заверил, что правление концессии склонно пойти на компромисс с профсоюзами, но они в свою очередь «должны, наконец, усвоить себе значение концессионной работы “Друзага” и не ограничиваться постоянной агитацией против нас как капиталистической организации»⁶⁹.

Краевая прокуратура поручила помощнику прокурора Армавирского округа Либуркину разобраться с хищениями, потравками и другими «ненормальностями» в концессии «Друзаг». После изучения положения дел был принят ряд решений. Во-первых, Ванновскому райкому ВКП(б) в целях создания здоровой атмосферы вокруг концессии провести соответствующую работу как среди членов ячейки концессии, так и в Ванновской партийной организации. Одновременно указывалось на необходимость проведения широкой разъяснительной работы среди населения. Во-вторых,

поставить вопрос перед Краевым союзом сельскохозяйственных рабочих о замене Пономарева другим работником. В-третьих, предложить РИКу и в дальнейшем своевременно реагировать на любые заявления концессионера⁷⁰.

Главконцесском 3 июля 1928 г. получил телеграмму от управляющего концессией Ф. Дитлова: «Мой приезд в концессию нашел полные террористические действия предрабочкома, и работа благодаря этому парализована. Настаиваю на немедленном удалении предрабочкома Пономарева или отказываюсь в дальнейшем от управления хозяйством»⁷¹. Концессионеру было сообщено, что по этому вопросу были приняты соответствующие меры еще до получения от него телеграммы.

Председатель ГKK В. Н. Ксандров был поставлен в известность НКИДом, что в новое правительство Германии вошли министр земледелия О. Дитрих, являвшийся одним из совладельцев сельскохозяйственной концессии «Друзаг», и министр юстиции Э. Кох-Везер, который был заинтересован в работе этой концессии. В связи с этим обращалось внимание на политическое значение концессии (фактически ее акционерами становились члены германского правительства) и на необходимость создания условий для нормального развития предприятия, чтобы не допустить его ликвидации⁷².

Попытки ГKK предотвратить разрастающийся конфликт между концессией и Северо-Кавказским краевым отделом Союза сельскохозяйственных рабочих оказались неудачными. В январе 1929 г. на совещании ОТЭ ВЦСПС рассматривался вопрос о привлечении концессии «Друзаг» к ответственности за систематическое нарушение коллективного договора с ЦК Сельхозрабочих. Однако большинство участников признали нецелесообразным в данный момент привлекать концессионера к судебной ответственности. ЦК Сельхозрабочих предложил обратиться в народный комиссариат труда (НКТ) с изложением основных требований в отношении выполнения концессионером коллективного договора и законодательства о труде.

НКЗем обратил внимание Концесскома, что привлечение концессионера к уголовной ответственности может привести в дальнейшем к ряду нежелательных осложнений и поставить под вопрос существование концессии. В результате 28 января КК направил в НКТ распоряжение не доводить дело до суда.

Тем временем профсоюз по-прежнему продолжал оказывать давление на руководство концессии, требуя повышения тарифных ставок. 4 февраля 1929 г. управляющий концессией направил письмо В. Н. Ксандрову с просьбой принять его для решения вопросов, затрудняющих деятельность концессии. Особое внимание он обращал на давление со стороны профсоюзов, которые инициировали подачу в суд 75 требований на доплату зарплаты на общую сумму 30 тыс. рублей⁷³. Ф. Дитлов считал выдвинутые требования необоснованными, а созданная ситуация, по его мнению, преследовала цель парализовать деятельность предприятия.

Ф. Дитлов, вернувшись из отпуска, обнаружил многочисленные нарушения трудовой дисциплины, заключавшиеся в систематических прогулах, а также и воровство. Подобное поведение работников он нашел недопустимым и издал приказ о применении административных взысканий к рабочим и служащим⁷⁴. Его распоряжение вызвало недовольство со стороны рабочих. В июне для ознакомления с положением дел в концессии приехала комиссия, в составе которой были член ЦК Профсоюза сельскохозяйственных рабочих Ф. К. Сапрыкин, представитель НКТ Я. Ф. Гончаров и представитель правительственной инспекции Н. Т. Маркевич⁷⁵.

Было выяснено, что администрация производит взыскания за нарушения трудовой дисциплины на основе табеля взысканий, установленного в 1927 г. При этом было отмечено отсутствие правил внутреннего распорядка в концессии, в которых были бы прописаны меры поощрений и взысканий. Комиссия указала руководству «Друзаг» на необходимость установления правил внутреннего распорядка и создания вблизи концессии корреспондентского пункта НКТ, а также строгого выполнения коллективного договора и предложений инспекции труда. Рабочему было рекомендовано отказаться от поддержки необоснованных требований рабочих как в РКК⁷⁶, так и в Нарсуде.

Инспектор труда Н. П. Кондратенко провел обследование деятельности РКК концессии и выявил 52 конфликта, из которых 8 были решены в пользу рабочих, 8 — концессии, а оставшиеся находились в стадии рассмотрения⁷⁷. Проанализировав характер конфликтов, он сделал вывод: рабочие недостаточно ознакомлены с существом конфликта; в РКК передавались дела явно необоснованные. Затем с 26 ноября по 4 декабря концессия «Друзаг» была проверена правительственной инспекцией, которая обнаружила факты невыполнения коллективного договора и натянуто-

враждебное отношение к рабочему со стороны руководства концессии.

Председатель правительственной инспекции Тюрников в заключение акта обследования писал: «Экономическое значение концессии “Друзар” для Севкавказья ничтожно. Политическая роль ее в условиях нашего края — отрицательная, как сельскохозяйственное предприятие она не показательна, административно-хозяйственный состав — антисоветский, русские подданные бывшие лишенцы, немцы — бывшие офицеры, настроенные резко против всех наших мероприятий»⁷⁸. На основании вышеперечисленных фактов инспекция считала целесообразным ликвидировать концессионный договор и передать хозяйство в социалистический сектор.

Управляющий концессией Ф. Дитлов направил письмо в правительственную инспекцию г. Ростова-на-Дону с жалобой. Это была не только реакция на акт обследования концессии, но и желание обратить внимание властей на «ненормальности», мешавшие ее развитию. Он писал об арестах приказчиков сотрудниками ОГПУ, о том, что выступления рабочих на судах в пользу концессии заканчивались исключением их из членов профсоюза, об ограничении административно-хозяйственного персонала концессии в гражданских правах, которое приводило к увольнению по собственному желанию⁷⁹.

Особое внимание Ф. Дитлов обращал на решения Нарсуда 11 участка Армокруга по искам, которые явно носили предвзятый характер. В результате сумма денежных взысканий с концессии составила 600 руб. Например, ночной сторож К. Грушкин был уволен за нарушение трудовой дисциплины (опоздание на работу и сон во время дежурства), 4 работницы уволены за нарушения правил внутреннего распорядка (отказ от работы и самовольный уход с работы). Суд приказал восстановить на работе уволенных и в первом случае выплатить компенсацию в размере 51 руб., а во втором по 50 руб. 25 коп. каждой работнице⁸⁰.

Выступление А. И. Рыкова на открытии сессии ЦИК СССР 6 декабря 1929 г. с докладом о необходимости добиваться от концессионеров работы на собственные средства способствовало увеличению негативного отношения к концессиям со стороны административных работников. Особое внимание обращалось на ограничение вывоза валютных средств за пределы страны⁸¹.

Подобное ограничение было применено к концессии «Друзаг» через 3 года. 8 июня 1932 г. по настоянию НКЗ СССР бюджет подписано дополнительное соглашение, лимитировавшее вывоз валюты за границу. В результате прибыль, превышающая сумму в 59 тыс. руб., должна была обращаться на развитие и усовершенствование концессионного предприятия, а не вывозиться за рубеж. Кроме того, концессия должна была стать «образцовым, культурно-показательным предприятием, не преследующим цели извлечения высокой прибыли»⁸².

В результате «ветер против “Друзаг” подул еще сильнее». Концессия стала испытывать трудности в получении вагонов, задерживались разрешения на погрузку материалов, частных покупателей, заключавших сделки с концессионером, запугивали или арестовывали. Газета «Фольксблатт фюр Шпандау» назвала действия советских властей «политикой окружения»⁸³. Подобные мероприятия ставили под сомнение дальнейшую деятельность концессии.

7 декабря Тюрников направил в КК РСФСР и НКЗ письмо о желательности ликвидации концессии «Друзаг»⁸⁴. Им были указаны недостатки в ее работе: эксплуатация земли нерациональным образом, низкий уровень механизации, использование наемного крестьянского труда, незначительные долевы отчисления в государственную казну, спекуляция пшеницей. Он считал, что «концессия с отсталыми формами производства, каковой является “Друзаг” не может служить показателем культурно-механизированного сельскохозяйственного предприятия для окружающих, и, наоборот, в условиях проводимой социалистической реконструкции сельского хозяйства в нашем Крае, — играет отрицательную роль»⁸⁵. Поэтому участки, занимаемые концессией, могли бы эксплуатироваться земельным управлением «с гораздо большим политико-производственным эффектом»⁸⁶.

Председатель КК НКЗ Д. Розит поддержал просьбу Северо-Кавказского краевого земельного управления об аннулировании концессионного договора с «Друзаг» перед КК при СНК РСФСР⁸⁷. Он обращал внимание на отсутствие агротехнических новшеств за двухлетний период ее работы, отсталые способы и формы ведения хозяйства. К тому же, замечал он, в ходе проведения сплошной коллективизации Северо-Кавказского края, в первую очередь в Армавирском округе⁸⁸, нельзя мириться с существующим положением в концессии.

25 декабря состоялось заседание КК при СНК РСФСР, на котором был заслушан доклад Ильина о ликвидации концессии германо-русского общества «Друзаг». На нем были одобрены действия НКЗ, пославшего концессионеру предупреждение о невыполнении § 39 концессионного договора. Кроме того, говорилось о необходимости направить второе предупреждение. Для этого предполагалось наметить конкретные мероприятия по осуществлению договора, которые позволили бы в случае их невыполнения в сельскохозяйственную кампанию 1930 г. расторгнуть договор⁸⁹. Особо акцентировалось внимание на специфичности капиталов концессии, так как в нее были вложены средства правительства Германии. Поэтому НКЗему и другим органам, связанным с концессией, указывалось на необходимость строгого выполнения договора правительственными органами. В конце этого заседания был принят секретный протокол по ликвидации концессии «Друзаг»⁹⁰.

В связи с этим заведующий бюро внешних сношений Назарьевский просил правительственную комиссию Северо-Кавказского края разработать и прислать рекомендации по ликвидации концессии «Друзаг». Он предлагал выработать такие мероприятия, которые были бы не выполнимы для концессии и способствовали бы расторжению договора⁹¹.

Прокурором Н. В. Крыленко⁹² 7 января 1930 г. был послан запрос ГКК по вопросу привлечения концессии «Друзаг» к уголовной ответственности «за безобразное, доходящее до издевательства, отношение концессионера к нашему трудовому законодательству и за сознательное игнорирование им всех предложений контролирующих и профсоюзных организаций»⁹³. Одновременно Северо-Кавказский краевой прокурор Г. К. Рогинский⁹⁴ поднял вопрос о необходимости ликвидации концессии «Друзаг», как «не оправдывающей своего хозяйственно-политического назначения и систематически нарушающей концессионный договор»⁹⁵. Им была приложена докладная записка о состоянии рабочего вопроса в концессии, где указывались нарушения концессионером норм найма и увольнения рабочих, закона о рабочем времени, сроки выдачи спецодежды, норм охраны труда, жилищных и санитарных условий, а также допущенные нарушения в отношениях с представителями власти и общественными организациями⁹⁶. Он поставил в известность ГКК о привлечении руководителей концессии к уголовной ответственности.

Председатель ГКК Л. Б. Каменев направил письма в НКЮ, НКВД и Северо-Кавказскому краевому прокурору Г. К. Рогинскому, в которых сообщал, что «со стороны ГКК и КК РСФСР ни по формальным соображениям (с точки зрения текста концессионного договора), ни по существу нет возражений»⁹⁷. Одновременно он просил не ссылаться на его письмо, чтобы лишить концессионера возможности указывать на вмешательство в судебное разбирательство правительственных органов.

В январе 1930 г. Ф. Дитлов написал в Народный комиссариат земледелия РСФСР о том, что была создана такая обстановка, которая лишала всякой возможности плодотворной работы концессии в дальнейшем⁹⁸. Он считал, что «настоящее экономическое состояние страны и невероятный недостаток денег и без того уже затрудняют ведение хозяйства»⁹⁹. Наряду с этим обращал внимание на значение концессии для сельского хозяйства на Северном Кавказе. В частности, указывал на тот факт, что из 11 тыс. га земли вспахано 7 тыс. га согласно концессионному договору. На опытном поле, которым заведовал известный селекционер Шмиц, засеивался только чистосортный посевной материал. Ф. Дитлов отмечал, что впервые концессия приступала к посеву нового выведенного сорта сои «Оригинал-Друзаг-Соя»¹⁰⁰. Кроме того, концессия занималась племенным животноводством: разведением чистокровных мясных мериносовых овец, вывезенных из Восточной Пруссии, чистокровных русских мериносовых овец, коров красной немецкой породы, чистокровных тракенских лошадей. Управляющий Ф. Дитлов указывал на возможность продавать племенных лошадей кавалерийским войскам¹⁰¹.

15 января 1930 г. Ф. Дитлов и Ваймерт были приглашены на допрос в Ростовскую прокуратуру. Им было предъявлено обвинение в том, что они приглашали на работу нечленов профсоюза, оказывали давление на производственный совет, несвоевременно выплачивали зарплату, поставляли испорченное мясо, увеличивали продолжительность рабочего времени, недопоставляли строительные материалы и спецодежды для рабочих. В итоге обоим была назначена мера наказания — штраф в размере 10 тыс. руб.¹⁰²

Вместе с тем председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов обращал внимание председателя Северо-Кавказского крайкома Андреева на то, что в связи с международным положением необходимо «ликвидировать все попытки, направленные к срыву концессии, добиться создания деловой обстановки и корректного

отношения»¹⁰³. Он рекомендовал при возникновении спорных вопросов самостоятельных решений не принимать, а обращаться в Концесском.

Власти, желая сохранить нормальные отношения с Германией, попытались уладить создавшуюся ситуацию. М. М. Литвинов в телеграмме Н. Н. Крестинскому сообщал: «Твердое решение властей сохранить “Друзаг” принято центром, местным властям даны решительные указания прекратить ущемление концессии мелкими придирадками и создать новые условия для работы на концессии»¹⁰⁴. Немецкий посол Г. фон Дирксен считал, что возникавшие проблемы должны были решаться в «духе договора Рапалло», а принципиальное различие государственных систем не должно служить преградой для дальнейшего развития дружественных отношений¹⁰⁵.

Однако местные органы власти были решительно настроены против концессии. В мае 1930 г. уполномоченный ЦК Союза сельхозлесрабочих Н. В. Дедаев написал докладную записку в Наркомтруд, в которой охарактеризовал положение дел в концессии «Друзаг» как негативное и предложил расторгнуть с ней договор, если подобные действия не отразятся на дипломатических взаимоотношениях СССР и Германии¹⁰⁶. Он считал, что невыполнение условий коллективного договора является веской причиной для этого. Главным обстоятельством было то, что: «1) в качестве служащих нашел себе покровительство антисоветский элемент: бывшие помещики Ашколенко и Петрих, бывшие торговцы Польш и Фирсов, сыновья крупного кулака брата Шерер; 2) были приняты на работу 12 раскулаченных крестьян¹⁰⁷; 3) собственными силами работы производились на 58 %»¹⁰⁸.

Так как советское правительство еще было заинтересовано в сохранении сельскохозяйственной концессии, то подобные докладные записки фактически оставались без внимания. К тому же оно всячески старалось смягчить удары местных властей по концессии. Например, в 1930 г. члены администрации концессии «Друзаг» были привлечены к уголовной ответственности за нарушение коллективного договора и должны были выплатить 10 тыс. руб. штрафа, но по решению Верховного суда штраф был снижен до 1 тыс. руб.¹⁰⁹

К 1930 г. концессия состояла из 6 хуторов и насчитывала 350 рабочих и служащих, из которых 38 были подданными Германии¹¹⁰. В этом же году в «Друзаге» была построена электростанция, эле-

ватор, здание школы, жилые дома для служащих. В хозяйстве имелось 65 тракторов, 17 автомашин, 10 комбайнов¹¹¹. В концессии существовал питомник, в котором росло 8 тыс. яблонь, груш, абрикосов и персиков, а также было развито животноводство: лошадей насчитывалось 447 голов, крупного рогатого скота — 635, коз — 33, овец — 9497, свиней — 461¹¹².

По мере улучшения денежного климата концессией были перестроены механические мастерские и мельница; построены предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции: крахмальный завод производительностью 2 тыс. пуд. в сутки, маслобойка производительностью 800 пуд. в сутки, колбасный завод, предприятие по выделке кож. Кроме того, концессионер закупил оборудование для молочной фермы и сыроваренного производства¹¹³.

Вместе с тем народный комиссариат финансов обратил внимание ГKK на необходимость сокращения нормы иностранных рабочих и служащих в концессии и замене их рабочими СССР. Поэтому заместитель начальника отдела управления снабжения и подготовки рабочей силы при НКТ РСФСР Гнилицкий направил запрос в Северо-Кавказский краевой отдел труда: какой процент и какие именно квалификации можно заменить отечественной рабочей силой¹¹⁴. Несмотря на то, что Ванновский райисполком указывал на отсутствие таких специалистов, Крайотдел труда посчитал возможным из 36 иностранных рабочих сменить 18 человек¹¹⁵.

В 1931 г. местные органы власти снова предприняли попытку оказать давление на концессию. В связи с этим после очередной инспекции концессии президиума РИКа на ее служащих Э. К. Вебена, А. А. Геккель и Г. Г. Герлингауза был наложен штраф. Однако Ванновский райисполком, не желая обострять ситуацию, отменил данное постановление и обязал инспектора возратить полученные суммы штрафа¹¹⁶.

Но несмотря ни на что Северо-Кавказским краевым отделом труда специально несколько раз проводилось обследование условий труда и быта в концессии с целью оказать давление на администрацию: 21–24 апреля, 26–29 мая, 11–15 сентября¹¹⁷. Следствием этих проверок были отчеты, содержавшие перечень недостатков в работе концессионного предприятия. Например, И. В. Сероштанов писал об отсутствии столовой, о чрезмерном уплотнении рабочих в квартирах, перегруженности общежитий, нарушениях в

выдаче спецодежды рабочим, о «катастрофическом падении трудовой дисциплины».

Каждый раз Ф. Дитлов вынужден был опровергать все пункты обвинения, указывая на предвзятое отношение инспектора труда. Он также просил Крайотдел труда отменить предписание инспектора о проведении капитального строительства, так как на это потребовалось бы 1,5 млн штук кирпича, не считая другие строительные товары. Но самым невыполнимым пунктом он считал сроки — 2 месяца: «Пусть инспекция труда возьмет на себя труд снабдить нас стройматериалами и тогда предлагает произвести то или другое строительство»¹¹⁸.

Определенную долю негатива внесла правительственная комиссия, которая указывала на непомерно завышенные концессией отпускные цены на зерно. В связи с этим предлагалось применить к концессии следующие меры: свести до минимума подачу вагонов концессионеру под загрузку и вывоз продукции, через соответствующие органы выявить покупателей концессионной продукции¹¹⁹.

28 октября 1931 г. советское правительство уведомило управляющего концессии о желании взять под свой контроль ее хозяйственную деятельность, что означало отказ от концессионной политики. Немецкий посол считал нецелесообразным отказываться от переговоров о ликвидации, но предлагал Дитлову затягивать их. Это объяснялось тем, что Германия рассчитывала вернуть предоставленный кредит и полученную прибыль в размере 2,4 млн золотых руб., а также возместить ущерб немецким служащим в размере 100 000 золотых руб.¹²⁰ При этом обращал на себя внимание тот факт, что за период с 1 мая по 15 декабря 1931 г. прибыль концессии от продажи собственной продукции составила 4 млн руб.¹²¹

В начале 1932 г. советские власти решили продолжить давление на администрацию концессии, проведя очередное обследование условий труда и быта рабочих. В результате были выявлены нарушения в питании рабочих и установлены причины конфликтов между работниками и концессионером, заключавшиеся в нарушении некоторых пунктов коллективного договора. Сам того не желая, инспектор труда Кубрак помимо негативных назвал и положительные моменты в работе концессии. Например, рабочим выплачивались премии, кроме основного оклада выдавалось бесплатное питание¹²².

Прибывший во главе правительственной инспекции для изучения дел в концессии представитель Наркомфина СССР М. И. Рейхель в октябре 1932 г. отметил не только хозяйственное состояние «Друзаг», но и существующие и создаваемые инфраструктурные объекты. Он пришел к выводу, что концессия может оказывать положительное агрикультурное влияние на соседние хозяйства¹²³.

Во время поездки М. И. Рейхель встречался с директором концессии Ф. Дитловым и представителем Краевого земельного управления Маркевичем. В результате была согласована программа агрикультурной помощи местному сельскому хозяйству, предусматривавшая передачу концессией в распоряжение местных земельных органов 30 вагонов высокосортных семян сои, оказание консультативных услуг по засеву, обработке и уборке 100 тыс. га земельных угодий в 1933 г.

Ф. Дитлов, пытаясь сохранить концессию, тогда же передал записку в ГКК через М. И. Рейхеля, в которой были изложены предложения по развитию сельского хозяйства Северо-Кавказского края с использованием концессионного опыта. Например, обратить внимание на сою, которую культивировали в концессии, ее урожай в 1931 г. в среднем составил 126 пуд. с га. Также он предлагал устроить школу для свиноводов, на сыроваренном заводе, имевшемся в концессии, считал возможным обучать 3–4 специалистов ежемесячно, передать «Друзагу» совхоз № 17 «Кубгоссемкультура», чтобы превратить его в образцовое сельскохозяйственное предприятие¹²⁴.

Предложение концессии о передаче ей совхоза № 17 встретило сопротивление со стороны местных органов. Хотя М. И. Рейхель отмечал, что этот совхоз «если и является образцовым, то разве лишь в смысле образца бесхозяйственности, по крайней мере, в части полей, непосредственно прилегающих к концессии (неубранные участки так густо заросли бурьяном, что основной культуры совершенно не видно; поля обработаны скверно; рабочим задерживается зарплата, вследствие чего они разбегаются и пр.)». Он предлагал оказать финансовую помощь совхозу или передать его «Друзагу», так как «для иностранцев, приезжающих на концессию, наглядное сопоставление двух образцовых сельскохозяйственных предприятий производит слишком неблагоприятное для нас впечатление»¹²⁵.

Вместе с тем отношение властей к концессионному предприятию «Друзаг» становилось все более негативным. Следует упо-

мануть о том, что общение с представителями концессии повлияло на решение зажиточного немецкого населения эмигрировать в Германию, когда началось проведение политики коллективизации. К тому же администрация «Друзага» заставляла работать всех с полной отдачей, не учитывала мнение местных органов власти, которые пытались найти любой компрометирующий материал в деятельности концессии.

В конечном итоге она была объявлена рассадником шпионов Германии и ей вменили в вину дурное влияние на советских немцев Ванновского района¹²⁶. В деле «Друзаг» фигурировал профессор Краснодарского института Р. К. Войчик¹²⁷, якобы общавшийся с представителем концессии Монгольдтом весной 1933 г. В своих показаниях он написал, что тот «критиковал советский строй, порядки и мероприятия советской власти. Восторженно отзывался о Гитлере <...> рассказывал о постоянных сношениях с Германией, денежных комбинациях с германскими банками»¹²⁸.

В начале августа секретарь Крайкома союза РСФСР Волков обратил внимание Крайотдела труда на целый ряд нарушений в деятельности концессии: отсутствие коллективного договора, невыполнение действующего законодательства о труде, задержки зарплаты. В связи с этим он просил командировать работника для обследования труда и быта рабочих и применить к концессионеру репрессивные меры — штрафы¹²⁹.

Обстановка вокруг «Друзаг» накалялась. Поставки вагонов концессии стали осуществляться хуже, что привело к невыполнению договоров и выплате неустойки покупателям. Краевое финансовое управление в Ростове-на-Дону наложило арест на текущий счет концессии в Кропоткинском отделении Госбанка, требуя уплаты налогов в сумме 2,5 млн руб.¹³⁰ Кроме того, затруднялся отъезд членов администрации концессии, арестовывались лица, надзиравшие за деятельностью предприятия, расхищалось концессионное имущество.

Директор концессии Ф. Дитлов просил ускорить ликвидацию концессии и принять неотложные меры «для водворения хотя бы самого необходимого порядка до передачи концессионного предприятия Правительству». Главконцеском и НКЗ СССР попытались убедить местные органы власти в том, «чтобы деятельность Концессии протекала в настоящий момент совершенно безболезненно, чтобы не срывали с Концессии работников и не подрывали авторитет Дирекции»¹³¹. Однако секретарь Ванновского райкома

ВКП(б) Люстиг убеждал, что местная власть пытается сохранить хозяйство концессии от уничтожения. При этом директор Ф. Дитлов обвинялся в воровстве, отсутствии севооборота, «разбазаривании» инвентаря.

5 ноября 1933 г. начались переговоры о ликвидации концессии, сопровождавшиеся взаимными упреками в несоблюдении условий договора. Проект договора был согласован германской стороной и одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). В результате по соглашению, подписанному 22 декабря, концессионер должен был получить 1 млн марок и 240 тыс. долларов¹³². Сумма в германских марках предполагалась для выплаты 1 января 1935 г. с начислением 6 % годовых. Сумма в долларах выплачивалась в три срока и тоже с начислением 6 % годовых. Уплата оговоренных сумм должна была производиться траттами, акцептированными Торгпредством СССР в Берлине и АО «Амторг» в Нью-Йорке¹³³.

Необходимо отметить, что советские власти не захотели перенять опыт работы концессии, считая недопустимым помощь концессионера. По этому поводу Ф. Дитлов сокрушался: «Это очень печально, потому что мы уезжаем, а у нас есть много работ и опытов и будет жалко их потерять. Я вносил предложение, чтобы мы известное время продолжали работать, пока наши наследники не вошли в курс дела, но это предложение было отклонено <...> будет крайне жалко, если пропадет ценный племенной материал, селекционный материал»¹³⁴.

Несмотря на то что закрытие концессии была намечено на конец декабря, уже 29 ноября Северо-Кавказский крайком ВКП(б) утвердил новым директором семеноводсовхоза (бывшая концессия «Друзаг») — Самилова, а также новых членов администрации предприятия¹³⁵. Кроме того, было принято решение в помощь предприятию направить туда 45 трактористов.

* * *

Сельскохозяйственные концессии должны были не только способствовать экономическому развитию Советской России, но их пытались использовать в качестве инструмента внешней политики. В частности, подобная участь постигла концессионное предприятие германского общества Ф. Крупп «Маньч»¹³⁶.

30 декабря 1921 г. торговый представитель РСФСР в Германии Б. С. Стомоняков в телеграмме В. И. Ленину сообщил, что фирма Ф. Крупп¹³⁷ выступила с предложением организовать сель-

скохозяйственную концессию, и просил «срочно телеграфировать принципиальное согласие, указав район и площадь под концессию»¹³⁸. В. И. Ленин считал, что принять предложения Ф. Круппа необходимо, особенно перед Генуэзской конференцией, и поэтому помогал в разрешении различных вопросов.

В январе Народным комиссариатом земледелия в Ростовский-на-Дону губземотдел была отправлена шифрованная телеграмма о выделении участка под концессию площадью 50 тыс. дес. в Восточном и Западном коннозаводстве. Не дождавшись получения сведений, член коллегии НКЗ Л. Х. Фридрихсон вынужден был напрямую связаться с представителем НКЗ Одинцовым с требованием немедленно их прислать¹³⁹.

Фирме Круппа предложили арендовать земли в Сальском округе Донской области площадью 50 тыс. дес.¹⁴⁰ В конце февраля наркомом земледелия Н. Осинский поручил Одинцову разобраться, почему не выполнено распоряжение Шерстяковым, который должен был обследовать земельные участки Сальского округа. Отсутствие точных сведений затрудняло ведение концессионных переговоров, не было данных о количестве людей, инвентаря, скота и постройках на участках¹⁴¹.

В середине марта в Ростов-на-Дону выехали представитель Наркомзема Р. А. Адамович и представители Ф. Круппа — П. Клетте, Фульте, Цегхау для обследования участка, предоставляемого концессии. Делегация фирмы «Ф. Крупп» осталась довольна осмотренными землями и даже поинтересовалась возможностью проведения железнодорожной ветки от ст. Пролетарской к концессионному участку¹⁴². Ответ советских властей, конечно же, был положительным, так как эта концессия им была необходима.

23 марта 1922 г. в Москве был заключен концессионный договор между правительством РСФСР в лице уполномоченных наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, наркома земледелия В. Г. Яковенко и в лице представителя компании «Фридриха Круппа в Эссене» фон Симсона сроком на 24 года «для ведения рационального сельского хозяйства»¹⁴³. По этому договору концессионер обязан был обрабатывать землю в течение 8 сезонов, обеспечить хозяйство инвентарем, материалами, необходимыми сооружениями и в качестве платы за концессию передавать советскому правительству ежегодно 20 % с валового урожая¹⁴⁴. Посол Германии в САСШ О. Видфельд считал, что концессия станет «немецкой визитной карточкой» в деле разрешения проблемы голода в России¹⁴⁵.

В апреле 1922 г. на совещании директората фирмы «Ф. Крупп» при участии Б. С. Стомонякова в Берлине договор был одобрен с небольшими поправками. Однако 21 апреля на заседании полного состава директората, на котором присутствовали Видфельд, фон Симсон, Клетте и Крупп фон Болен, договор не был утвержден. Они объяснили это тем, что фирма не может собрать необходимые для этого предприятия денежные средства¹⁴⁶.

Б. С. Стомоняков сообщил в ЦК РКП(б), что директора отказались утвердить договор о сельскохозяйственной концессии в Сальском округе Донской области и предложил занести Круппа на «черную доску» и уничтожить данные ему паровозные заказы¹⁴⁷. В этот же день В. И. Ленин подписал телеграмму «изыскать меры воздействия на Круппа»¹⁴⁸. Политбюро предложило использовать следующие методы: 1) «привлечь Круппа к третьейскому суду»¹⁴⁹; 2) «внести Круппа в черный список, никогда не сдавать ему концессии в России и не иметь с ним никаких торговых и иных дел»¹⁵⁰.

29 апреля А. И. Рыков отправил секретную телеграмму в Берлин: «В связи с отказом Круппа от Донской концессии предлагаем: 1. Круппа на черную доску не заносить, но предупредить, что необоснованный отказ от Донской концессии лишает нас возможности вести дальнейшие концессионные переговоры с этой фирмой. 2. Считаем нужным сократить заказы и приемку паровозов при условии полной гарантии для нас уплаты неустоек. При этом же условии считаем возможным идти вплоть до аннулирования договора Ломоносова с Круппом»¹⁵¹.

Кроме того, что на Круппа пыталось оказать воздействие советское правительство, на него старались повлиять представители германского правительства и промышленных кругов. Например, канцлер Вирт послал в Эссен тайного советника Крейтера, который должен был «обратить внимание Круппа фон Болена на важность экономических связей с Россией». Директор германского электротехнического концерна АЕГ Ф. Дейч считал, что «поведение Круппа вообще сильно компрометирует всю германскую промышленность в глазах советского правительства»¹⁵².

В июне 1922 г. состоялось совещание представителей немецкой фирмы с Л. Б. Красиным и Б. С. Стомоняковым, на котором директора Круппа обещали дать окончательный ответ по деятельности концессии через две недели. Однако через несколько дней они сообщили в письме об «отсутствии условий, необходимых

для заключения предусмотренного договора», в связи с катастрофическим положением на денежном рынке¹⁵³.

Б. С. Стомоняков в письме А. И. Рыкову и И. В. Сталину изложил ход предстоящих переговоров с Круппом и спрашивал о рекомендуемых мерах воздействия на фирму: третейский суд или бойкот. А. И. Рыков рекомендовал ему привлечь концессию к третейскому суду.

Б. С. Стомоняков, встречаясь с двумя директорами Круппа, сообщил о решении советского правительства вызвать их фирму на третейский суд в связи с невыполнением договора для того, чтобы «рассеять установившиеся везде убеждения, что Крупп не исполняет договора вследствие невозможности работать в России»¹⁵⁴. При этом отмечал, что «если бы Крупп сделал какое-нибудь другое равноценное предложение, быстрым осуществлением которого он показал бы деловому миру свое практическое желание работать в России и безусловное доверие к возможностям такой работы в настоящее время, чем бы рассеял столь вредные для нас толки», то советское правительство забыло бы об этом инциденте¹⁵⁵. Он дал им понять, что, взяв отсрочку, они ничего не выиграют, так как кроме третейских судов есть еще обыкновенный суд, в который советское руководство готово обратиться.

В августе 1922 г. Л. Б. Красин просил НКПС разобраться с вопросом о грузе концессии, который был задержан начальником ст. Пролетарской с требованием полной оплаты фрахта. По договору правительство гарантировало бесплатный провоз по российской территории первичного инвентаря концессии, которая взяла на себя обязательство оплатить погрузку и выгрузку груза. Л. Б. Красин считал, что подобное «промедление, не говоря уже о неисполнении принятых на себя обязательств, произведет определенное впечатление в Германии и может быть даже опасно в политическом отношении»¹⁵⁶.

Б. С. Стомоняков 6 ноября выслал фирме «Ф. Крупп» письмо: «...до 1 декабря с[его] г[ода] Правительство РСФСР ожидает получить решение АО “Крупп” о выполнении договора»¹⁵⁷. Он предупредил, что в случае нарушения договора руководство страны будет вынужденно предпринять определенные шаги в целях защиты нарушенных интересов.

Одновременно Б. С. Стомоняков сообщил В. И. Ленину, что Крупп встревожен и в ближайшее время сообщит советскому руководству о своей готовности выполнить договор о сельскохозяй-

ственной концессии при поддержке английского и голландского капитала¹⁵⁸. Л. Б. Камневу он доложил о получении сведений, что, возможно «Крупп примет наш ультиматум и до 1 декабря с[его] г[ода] сообщит нам о своем решении выполнить договор»¹⁵⁹. 23 ноября германский посол известил о согласии Круппа подписать дополнительный договор¹⁶⁰.

Вероятнее всего, на руководство компании удалось оказать давление, потому что в конце 1922 г. уполномоченный фирмы «Ф. Крупп» Э. Ф. Капгерр отправился в Сальский округ, чтобы осмотреть участок, определить условия работы и наметить мероприятия, которые надо провести, чтобы приступить к эксплуатации земли. Председатель ГКК Г. Л. Пятаков просил оказать ему «всяческую помощь и поддержку и постараться избежать укоренившейся у нас волокиты в решении тех или иных практических вопросов»¹⁶¹.

Заключение концессионного договора было важно и для Германии, которая стремилась найти пути практического воплощения Рапальского договора, чтобы «тем самым продемонстрировать готовность немецкой экономики к активному сотрудничеству с Советской Россией»¹⁶². Именно поэтому представители германского правительства в лице О. Витфельда и В. Ратенау приняли активное участие в переговорах.

После дополнительных переговоров с компанией «Ф. Крупп в Эссене» и уточнения условий соглашения Совнарком утвердил 16 января 1923 г. представленный ГКК договор с Ф. Круппом. Ю. Гольдштейн в письме к ГКК обращал внимание на важность заключения концессионного договора и просил предупредить власти и заинтересованные ведомства о том, чтобы они не строили препятствий в ее работе¹⁶³. Правительство РСФСР в лице полномочного представителя в Германии Н. Н. Крестинского, торгпреда в Германии Б. С. Стомонякова, члена коллегии НКЗ Л. Х. Фридрихсона и акционерное общество Фридриха Круппа в лице директоров К. Зорге и П. Красса 17 марта подписали концессионный договор сроком на 36 лет¹⁶⁴.

В результате концессионеру было дано право разрабатывать торфяные и известняковые залежи, добывать соль, а также предоставлялось исключительное право заниматься рыбной ловлей и охотой. Через 12 лет советское правительство могло выкупить концессионное предприятие, предупредив об этом концессионера за год.

Концессия располагалась в 160 верстах от г. Ростова-на-Дону и 40 верстах от окружного центра — г. Сальска, где была расположена почта, телеграф, больница и т. д., а также в 12 верстах от станции Пролетарская¹⁶⁵. В концессию вошли земли Восточного коннозаводства¹⁶⁶. Одним из существенных недостатков отведенного массива из двенадцати земельных участков было состояние водных источников: требовалось привести в порядок пруды, колдцы, укрепить плотины¹⁶⁷.

Советское правительство, чтобы показать свою заинтересованность в концессии, в конфиденциальном письме предложило: 1) снабжать хозяйство бензином подходящего качества по низким ценам; 2) предоставить двух опытных, знакомых с местными условиями, специалистов по сельскому хозяйству; 3) перевозить предназначенные для концессионного хозяйства машины, материалы и семена от Новороссийска и портов Азовского моря до ближайшей к концессии железнодорожной станции без взимания фрахта; 4) снабжать концессию в течение первого года семенами для посева <...> 6) лицам, командированным из Германии, широкую защиту, личную безопасность, свободу передвижения¹⁶⁸.

В марте 1923 г. в СНК РСФСР акционерным обществом «Ф. Круппа» был направлен план работы концессии¹⁶⁹. Концессионер обязался вести только зерновое хозяйство, скотоводством заниматься исключительно для удовлетворения внутренних потребностей концессии, а также максимально механизировать и технически усовершенствовать хозяйство.

Однако собственных средств на разработку степных земель у фирмы было недостаточно, и концессионер направил письмо в СНК РСФСР, которым уведомлял, что собирается организовать английское общество «Russian Landconcession Manytsch Limited» с акционерным капиталом в размере 40 тыс. ф. ст. (25 % германского и 75 % английского капитала). Концессионное предприятие должно было управляться через организуемое в Германии общество «Kruppische Landconcession Manytsch S.m.b.H.», и в связи с этим концессионер просил дать согласие правительства России на передачу финансовых обязательств этому обществу¹⁷⁰.

В июне 1923 г. на имя Г. Л. Пятакова поступила докладная записка из торгпредства РСФСР в Германии, в которой сообщалось, что «английский банк, обещавший Круппу финансирование его сельскохозяйственной концессии на 75 % потребительского капитала, в связи с русско-английским конфликтом отказался от

дальнейшего участия в этом деле»¹⁷¹. Б. С. Стомоняков писал, что на место председателя правления должен был вернуться О. Видфельд, который занимался ведением первоначальных концессионных переговоров, и его возвращение «облегчит проведение сельскохозяйственной концессии в смысле лояльного выполнения фирмой заключенного договора»¹⁷².

17 августа Донское областное землеустроительное совещание рассмотрело вопрос о передаче концессии «Маньч» земли в Сальском округе Донской области. В итоге было принято решение предоставить в пользование концессии 29 167 дес. 2 320 кв. с. удобной и неудобной земли¹⁷³.

В августе П. О. Клетте сообщил в ГКК Г. Л. Пятакову, что концессия приступила к вспашке земли для осенних посевов¹⁷⁴. Одновременно он просил разобраться с недоразумением, возникшим на станции Пролетарская при перевозке грузов. Несмотря на право бесплатного провоза груза по железной дороге, управляющий вынужден был заплатить более 400 червонцев, иначе начальник станции отказывался выдавать груз¹⁷⁵, хотя организация концессии «преследует цель — дать интенсивную механическую замену человеческой и животной энергии»¹⁷⁶.

7 июня 1924 г. заместитель УНКЗ на Юго-Востоке России Н. С. Дмитриев обследовал деятельность концессии на предмет соблюдения договора. Им было отмечено два недостатка. Во-первых, концессионер сдавал землю в аренду крестьянам за обработку концессионной земли, несмотря на запрет подобных действий, внесенный в § 20 договора. Во-вторых, в концессии не было ни одного русского агронома, знающего местные условия¹⁷⁷. Вместе с тем Н. С. Дмитриев указывал на положительные моменты: отсутствие нарушений в охране труда, ремонт домов, приобретение книг для библиотеки, игр и музыкальных инструментов¹⁷⁸. Однако больше всего его поразила оплата труда рабочих и служащих — 20 рублей за 1-й разряд, что резко контрастировало с оплатой в совхозах и даже на станции Пролетарской (в 2 раза больше)¹⁷⁹. Концессионер, выплачивая зарплату работникам по ставкам профсоюза, должен был еще отчислять по 2 % в культфонд и на содержание месткома и 20 % в соцстрах¹⁸⁰. Кроме того, за свой счет он должен был содержать председателя месткома и человека по охране труда.

Действительно между концессией «Маньч» и гражданами села Ново-Маньчского был заключен договор, по которому крестьяне

обязались помогать концессии заготавливать сено. Концессионер обещал платить им 2 руб. 40 коп. за десятину и предоставить по 120 дес. земли на покос и заготовку сена для собственного пользования¹⁸¹.

Сальскому окружному земельному управлению было дано поручение выяснить личности крестьян и причины, побудившие их взять в аренду землю в концессии, а не в земельном управлении. В ноябре заместитель начальника Краевого земельного управления сообщал в НКЗ, что в субаренду землю брали 26 человек, в основном зажиточные крестьяне и небольшой процент бедняков. Аренду земли объясняли недостатком земли в с. Ново-Маныч, но главную причину увидели в том, что они «за спиной концессионера укрывались от сельскохозяйственного налога»¹⁸². По распоряжению Крайземуправления концессионер прекратил сдачу земли в аренду.

В начале 1925 г. администрация концессии сообщила в ГКК, что неурожай первого года заставил их заняться «тщательным изучением своеобразных условий почвы и климата <...> постепенно подвигаться по пути обработки почвы»¹⁸³. Руководство концессии «Маныч» просило перевести 10 тыс. дес. земли с зернового хозяйства под овцеводство и утвердить 7-летний хозяйственный план овцеводства из расчета инвестирования в первом году 40 тыс. руб. вместо 69 тыс. руб. предложенных фирме Наркомземом¹⁸⁴.

Неурожай 1924 г. вызвал массу вопросов со стороны ГКК. Член концесскома А. Е. Минкин направил запрос в Наркомзем: «Сообщить, находится ли неурожай крупшовской концессии в непосредственной связи с общим неурожаем на Юго-Востоке в прошедшем году или причины нужно искать в самом способе ведения хозяйства»¹⁸⁵. На запрос был получен ответ, в котором главной причиной неурожая назывались неблагоприятные климатические условия. Кроме того, член коллегии Наркомзема К. Д. Савченко указывал еще одну причину — отсутствие опыта в ведении хозяйства в местных условиях¹⁸⁶. При этом отмечал, что по сравнению с концессией урожай в крестьянских хозяйствах «количественно и качественно скуден»¹⁸⁷.

В мае 1925 г. главноуполномоченный концессии П. Клетте просил ГКК разрешить «в интересах государства выполнять по мере возможности некоторые работы для нужд населения» на подсобных предприятиях¹⁸⁸. Он также хотел знать, какие налоги придется платить и в каком размере.

2 июня председатель правительственной инспекции Северо-Кавказского краевого земельного управления Д. Б. Рязанов сообщил, что на концессии «Маныч» в работе находятся кирпичный завод, известковая яма, механическая мастерская. Кирпич и известь должны были производиться для собственных нужд, но инспекция выявила, что в 1924 г. местным государственным учреждениям продано 1640 пудов извести по 40 коп. за пуд¹⁸⁹. Также указывалось, что это производство чисто кустарное и, несмотря на большой спрос со стороны населения, «производство кирпича и извести создает ничем не оправданный с государственной точки зрения побочный доход»¹⁹⁰. Поэтому необходимо запретить концессии выполнять частные заказы. Однако Д. Б. Рязанов обратил внимание на работу механической мастерской, так как «нужда в хорошей мастерской действительно очень большая, тем более при развивающейся в настоящее время механизации сельского хозяйства»¹⁹¹. Он считал возможным разрешить концессионеру осуществлять частные заказы, но при выполнении следующих условий: срок деятельности ограничить 5 годами, установить лимит оборудования (чтобы концессия не могла развиваться в заводское предприятие), должна вестись книга заказов, кроме уплаты установленного налога в виде уравнинного сбора, концессионер платит в пользу государства 10 % с валовой выручки¹⁹².

Против предоставления концессии права производства кирпича и открытия сельскохозяйственной мастерской выступил Сальский окружной исполнительный комитет¹⁹³. Он полагал, что невыгодно отдавать строительную отрасль концессионеру, если при сравнительно небольших затратах можно самим ее восстановить. К тому же если концессионер откроет мастерскую, то подобные советские предприятия вынуждены будут закрыться. Скорее всего, в основе отказа лежал страх перед возможностью потерять потребителя из-за более качественных услуг со стороны концессии.

22 июня 1925 г. в Северо-Кавказское крайземуправление из НКЗ пришла директива провести более тщательное исследование потребностей населения в кирпиче и извести, «дабы избежать могущих возникнуть осложнений как во взаимоотношениях с концессией, так и в настроении местного населения, вследствие лишения последнего якобы удобств предоставляемых концессией»¹⁹⁴.

В это же время концессионер просил разрешить ему сдавать земли, которые он был не в состоянии обработать, местным крестьянам. Управляющий концессией мотивировал свою просьбу

недовольством крестьян отсутствием у них земли, в то время как у концессии они пустовали. Местные органы власти считали, что он специально в своем отказе делал акцент на то, что «охотно бы сдал землю, но правительство не разрешает»¹⁹⁵. «Мы сдавали б крестьянам, но как принцип это не приемлемо, – говорил Сапрунов. – Нужно чтобы в нашу пользу отчислялось не 17, а 60 %» долевого отчисления, если разрешим концессионеру сдавать землю крестьянам¹⁹⁶.

Несмотря на недовольство властей существованием концессий в регионе одно из заседаний бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) было специально посвящено вопросу обследования партийной и профессиональной работы в концессиях «Маньч» и «Друзаг». На нем было принято решение обратить особое внимание Окркомов на необходимость решительного устранения всяких попыток вмешательства со стороны месткомов и секретарей ячеек в административные дела концессионеров»¹⁹⁷.

Осенью 1925 г. врачом Северо-Кавказского краевого управления здравоохранения Каминик были обследованы жилищные условия и медико-санитарные нормы деятельности концессии. В это время концессия располагала электрической станцией, кузнечной и столярной мастерскими, складскими помещениями для сельскохозяйственного инвентаря, зернохранилищем и жилыми постройками для служащих и рабочих. Врач отметил, что «немцы имеют довольно благоустроенные жилые помещения, рабочие помещаются в строениях барачного типа. Лишь небольшое количество квалифицированных рабочих, притом семейные имеют отдельные квартиры в одну-две комнаты с кухней. Барачные постройки не везде соответствуют всем необходимым требованиям санитарии и гигиены»¹⁹⁸.

Для рабочих была организована потребительская лавка «ЕПО», оборудована столовая, обед в которой стоил 25 коп. Большим плюсом в деятельности концессии Каминик считал наличие амбулатории и стационара. Работникам концессии оказывали не только врачебную помощь, но и проводили санитарно-просветительскую работу (лекции, беседы)¹⁹⁹.

1925 г. был удачным для концессии — получили хороший урожай, но в 1926 г. концессия понесла убытки в размере 84 724 руб. В декабре 1926 г. концессионер писал в ГКК, что профессором Сахаровым было проведено обследование почвы и выявлено, что создать рентабельное зерновое хозяйство невозможно из-за климатических условий и качества почвы (много солончаков)²⁰⁰.

Управляющий концессии «Маньч» В. Герман²⁰¹ предлагал организовать концессию, для чего потребуются еще 1 млн руб.²⁰² Так как земли концессии в основном состояли из солончаков, то предполагалось отвести значительную площадь для занятия скотоводством. Обследованием концессии на предмет пригодности ее для разведения мериносовых овец занимался скотовод из Фридебурга Мейер²⁰³. Он указывал на то, что природные и климатические условия благоприятны для развития овцеводческого хозяйства. К тому же «мериносовая шерсть на мировом рынке расценивалась всегда очень высоко», и не надо будет ввозить южно-американскую и австралийскую шерсть в страну²⁰⁴.

В 1926 г. наркомзем сообщил в ГКК, что при обследовании концессии «Маньч» установлено: «Постройки капитально отремонтированы. Все строения жилые и нежилые, а также и двор освещаются электричеством <...> жилые помещения просторны, светлы и со всеми удобствами»²⁰⁵. В докладе указывалось, что концессионер возбудил вопрос об организации овцеводства на 10 тыс. дес. солончаковой земли, так как действительно эта земля под зерновое хозяйство непригодна и может быть использована лишь под овцеводство²⁰⁶.

В ходе длительной переписки в феврале 1926 г. власти разрешили концессионеру изменить способ землепользования. В ноябре было принято решение вместо подписания дополнительного соглашения перезаключить договор с концессионером. При этом были внесены новые изменения в условия: размер долевого отчисления составил до 3 лет — 10 %, следующие 3 года — 15 % и с 7 года 17,5 % валового урожая; увеличена ставка социального страхования до 18 %, обществу предоставлялось право в случае доказанной нерентабельности предприятия до 1932 г. отказаться от концессии²⁰⁷. Крупш просил снизить размеры долевого отчисления и понизить ставку социального страхования, чтобы снизить убыточность и укрепить хозяйство²⁰⁸. Кроме того, предполагалось на 5 тыс. дес. продолжать заниматься зерновыми посевами, 2 тыс. дес. отводилось под разведение крупного рогатого скота, 18 тыс. дес. отводилось на овцеводческое хозяйство, для чего были закуплены 4 тыс. овец. При этом предполагалось постепенное увеличение их численности к 1931 г. до 16 тыс., а к 1935 г. — до 35 тыс. голов²⁰⁹.

Роль сельскохозяйственных концессий оценивалась концессионным комитетом и с точки зрения увеличения площади запашек, и в смысле распространения в сельском хозяйстве культурных

способов его ведения²¹⁰. Председатель Главконцесскома при СНК Г. Л. Пятаков считал, что такие концессии, как «крупшовская» закладывают основы крупного культурного сельского хозяйства и тем самым создают базу для преодоления крестьянской мелкобуржуазной ограниченности²¹¹.

Вместе с тем существовала и другая точка зрения на концессию. В начале осени 1926 г. в концессионный комитет поступила анонимная записка о деятельности концессии «Маньчжунская». Автор писал о бесхозяйственности в концессии и ее причинах²¹². В результате концессионному комитету при НКЗ было дано распоряжение: «Обратить внимание концессионера на необходимость упорядочения ведения хозяйства, но без указания источника информации»²¹³.

18 января 1927 г. заместитель председателя ГКК А. А. Иоффе прислал ответ на письмо В. Германа о результатах проведения почвоведческого анализа, в котором обратил внимание управляющего на то, что экспертиза проводилась впервые и обвинять правительство в передаче под зерновое хозяйство земель заведомо непригодных для этих целей весьма некорректно²¹⁴. Он считал, что нельзя было полагаться на компетентность полковника П. О. Клетте при обследовании участка. К тому же, «правительство в тяжелые годы послевоенного восстановительного периода охотно приняло Ваше предложение применить свой опыт, знания и средства там, где на первых порах ему это было не по силам»²¹⁵.

В начале марта председатель профсоюза Соколов выдвинул администрации концессии условия: в первую очередь принимать на работу членов союза и проводить прием новых рабочих через указанные инспекцией труда учреждения²¹⁶. В случае их невыполнения он грозился организовать стачку.

Предъявленные требования возмутили концессионера, и он отправил письмо в ЦК Союза сельскохозяйственных рабочих с жалобой на незаконные действия Соколова. Управляющий концессией считал создавшееся положение угнетающим и просил оказать воздействие на председателя профсоюза²¹⁷. Бывший управляющий концессией П. О. Клетте еще в 1925 г. указывал, почему не стоит принимать на работу рабочих, состоящих в профсоюзе: «Союз Всеработземлеса Северо-Кавказского края, заноса в коллективный договор п. 9 о приеме концессией на службу в первую очередь членов Союза, гарантировал нам добросовестное отношение членов Союза <...> как раз в противоположность этому ра-

бочие концессии — члены Вашего союза <...> в корне нарушают Ваши обязательства и своими действиями дискредитируют органы Конфликтной камеры»²¹⁸.

В 1925 г. Северо-Кавказское краевое земельное управление временно предоставило концессии возможность продавать известь и кирпич, чтобы избежать осложнения взаимоотношений между концессионером и местным населением. В апреле 1927 г. членом коллегии НКЗ М. И. Козыревым вновь был поднят вопрос о разрешении концессии «Маньч» продавать добываемый на ее участке строительный материал²¹⁹. Он предлагал выяснить размер эксплуатируемого участка и потребности населения. Военно-строительная комиссия СКВО ст. Пролетарской и другие организации испытывали острую нужду в строительном материале. Северо-Кавказский краевой исполком обращал внимание на этот факт и на отсутствие в районе других карьеров. Поэтому председатель исполкома просил положительно решить данную проблему²²⁰.

В мае 1927 г. комиссия НКЗ обследовала концессию «Маньч». В это время в ее штате насчитывалось 135 человек: администрация — 16, служащие — 20, рабочие — 99, из них иностранных подданных: в администрации — 11, служащих — 2, рабочих — 11²²¹. Квартирами была обеспечена 31 семья, а семьи, вынужденные снимать квартиры, получали 5 руб. в месяц на коммунальные услуги. В концессии имелись общежитие для холостяков, столовая для штатных, сезонных и временных рабочих. Стоимость суточного питания составляла 60 коп. на человека. При этом обращалось внимание на отсутствие столовой и постоянных помещений для поденных рабочих, которые вынуждены были спать в палатках, на земле, устланной соломой²²². Кроме того, была создана амбулатория, состоящая из 2 комнат и 1 помещения для врача. Для доставки больных на ст. Пролетарская предоставлялась бесплатно машина. Вместе с тем комиссия отмечала наличие конфликтов концессионера: 1) с профорганизацией и лично с предрабочком Соколовым; 2) с РИКом ст. Пролетарской по вопросу о брони состава; 3) с крестьянами Баранниковского, Ново-Маньчского и других сел на почве самовольного выпаса и хищения сена.

В ответ акт комиссии управляющий концессией В. Герман отправил письмо в Концесском с разъяснениями: конфликт с предрабочком Соколовым возник на «трудовых взаимоотношениях и неправильных действиях» с его стороны²²³; конфликт с РИКом

он назвал уже разрешенным, а конфликт с крестьянами находился на рассмотрении в милиции и судебных органах.

9 сентября 1927 г. правительство СССР заключило новый концессионный договор с обществом с ограниченной ответственностью «Крупновская сельскохозяйственная концессия “Маньч” в Берлине» на эксплуатацию концессионного предприятия «Маньч». 20 сентября заместитель председателя ГКК В. Ксандров отправил конфиденциальное письмо концессионеру, содержащее дополнения к основному договору. Концессии гарантировались многочисленные льготы: свобода передвижения служащих в СССР, разрешение на право ношения оружия, помощь всех государственных органов и т. д.²²⁴

Согласно договору, концессия могла брать на практику студентов вузов. Летом 1928 г. их было шесть человек: 2 селекционера, 1 экономист, 2 полевода, 1 механик; их средняя заработная плата составляла 75 руб. Однако председатель правительственной инспекции Бояр обращал внимание на безответственный подход к организации практики со стороны вузов, посылавших студентов без плана работы. Бывали случаи, когда на практику посылались студенты, которые по характеру своей учебы не могли получить необходимые и полезные знания на такой практике. Он просил вузы согласовывать свои действия и оформление документов на практику студентов с концессией «Маньч» и НКЗемом, чтобы «не дискредитировать себя в глазах концессионера» неорганизованностью²²⁵.

В концессии работали клуб, библиотека, кружки: кройки и шитья, драматический, тракторный, стрелковый. При этом профсоюзная комиссия отмечала, что литература для библиотек подбиралась плохо. Например, отсутствовали книги по работе в концессии, зато были произведения Л. Толстого «Анна Каренина» и «Исповедь», полное собрание стихотворений С. Есенина²²⁶. При проверке читательских формуляров было выявлено, что читаются преимущественно произведения Л. Толстого, М. Горького, Д. Лондона²²⁷. С замечаниями профсоюзных работников о вредном влиянии подобной литературы заведующий библиотекой Шульгин не согласился.

Сложные взаимоотношения с профсоюзом и местными органами власти вынудили в июне 1928 г. АО «Ф. Крупа» поднять вопрос о расторжении концессионного договора и ликвидации концессии «Маньч». «Я убежден, — писал управляющий В. Гер-

ман, — что вы после ознакомления с положением разделите мое мнение, что ликвидация предприятия в обоюдном интересе сторон»²²⁸. Обращалось внимание, что весной 1928 г. из-за сложных климатических условий концессия потеряла половину урожая. Всего же финансовые потери концессии с начала работы и до 1 июля 1927 г. составили 1 млн 584 тыс. руб.²²⁹

Отказ от ведения концессионных дел руководство концессии объясняло нерентабельностью предприятия, категоричным решением фирмы «Ф. Крупп» не вкладывать больше денег в концессию²³⁰. Советскому государству предлагалось передать концессионный инвентарь и строения на сумму приблизительно 1,5 млн руб., а оставшуюся сумму вернуть АО «Ф. Крупп». Весь свой вклад фирма оценивала в 3,5 млн руб.²³¹

На пленуме ГКК при СНК было рассмотрено заявление концессионера. На заседании обращалось внимание: 1) концессионер имел право поднять вопрос о ликвидации концессии в 1931–1932 гг., если мог доказать свою убыточность; 2) заявление концессионером было выдвинуто не из деловых соображений, а из-за общеполитических, враждебных для СССР настроений²³².

По политическим соображениям советское правительство решило не соглашаться на ликвидацию концессии и предложить Круппу работать дальше на базе смешанного общества. Для этого руководителям полпредства и торгпредства СССР в Берлине Беггеру и Н. Н. Крестинскому, а также заместителю председателя ГКК М. О. Рейхелю было поручено провести переговоры с руководителями АО «Ф. Крупп»²³³. На заседании ГКК при СНК было принято решение до получения результатов переговоров в Берлине письменного ответа на заявление концессионера не давать.

Нежелание советских властей идти на контакт вынудило представителя фирмы Б. А. фон Свейковского 30 июня телеграфировать в ГКК при СНК СССР: «На звонки и письма не отвечаете. Фирма Крупп заинтересована в мирном, но вместе с тем скором разрешении своего вопроса»²³⁴. Он считал, что для «обеих сторон лучше и выгоднее разойтись полюбовно» и что «Крупп лично приложит все усилия к тому, чтобы никто не мог подумать, что у Круппа с Советским правительством были какие-либо трения или недоразумения»²³⁵.

Член ГКК М. Г. Гуревич считал, что «организацией смешанного общества мы никакого политического эффекта не достигнем и обстановку благополучную для привлечения капитала не созда-

дим»²³⁶. Он полагал, что если Крупш вторично и на законном основании в 1932 г. поставит вопрос о ликвидации концессии и если к тому времени наметится хозяйственный расцвет предприятия, то материальные требования концессионеров возрастут. Поэтому М. Г. Гуревич находил целесообразным согласиться на ликвидацию концессии на условиях длительного кредитования²³⁷.

Шахтинское дело и ликвидация Гарриманской концессии сыграли отрицательную роль в привлечении иностранного капитала в экономику СССР. Крупновское дело в этом смысле ничего не могло изменить.

В конце июля 1928 г. управляющий концессией В. Герман обратился в КК НКЗ за получением лицензии для вывоза за границу урожая зерна в количестве 70 тыс. пуд.²³⁸ Власти считали, что с точки зрения валютных интересов страны нецелесообразно давать на это согласие. К тому же согласно § 24 концессионного договора «временные запретительные мероприятия Правительства по экспорту за границу нарушением не считались»²³⁹.

Однако в августе в правительственную инспекцию по наблюдению за сельскохозяйственной концессией Северо-Кавказского края поступило предписание удовлетворить просьбу концессионера. По нашему мнению, положительное решение было вызвано желанием советских властей убедить Круппа в возможности совместной работы на примере смешанной концессии, хотя формально разрешение мотивировалось отсутствием в концессионном договоре права преимущественной покупки правительством продуктового зерна²⁴⁰.

14 августа Н. Н. Крестинский сообщил М. М. Литвинову о своей встрече с представителями фирмы Круппа — Рейхелем, Тило фон Велимовским, Ф. Янссеном, Л. Бамбергером, Швейковским. Они заявили, что, хотя большинство членов Эссеновской группы фирмы считают желательным ликвидировать концессию, принято решение отказаться от требования ликвидации и сделать все от них зависящее, чтобы наладить работу смешанного русско-германского общества. Н. Н. Крестинский предлагал пойти на компромисс и из-за «мелких разногласий не торговаться, решение не затягивать и постараться в первых числах сентября подписать соглашение»²⁴¹.

На заседании ГКК 30 августа обсуждался вопрос о пересмотре концессионного договора с Ф. Круппом. Члены Концесскома постановили организовать смешанное общество на следующих

условиях: вложение капитала должно быть равным с обеих сторон (1500 тыс. руб.), прибыль будет делиться пополам²⁴².

В результате советское правительство приступило к ведению переговоров с акционерным обществом «Ф. Крупп» о создании «Русско-германского сельскохозяйственного товарищества Маныч-Крупп». Госсельсиндикат в лице председателя С. К. Саблина 21 сентября подписал договор с ООО «Крупповской сельскохозяйственной концессией “Маныч” в Берлине» в лице управляющих Ф. Янсена и Л. Бамбергера о создании смешанного общества²⁴³. В этот же день правительство СССР в лице НКЗ РСФСР Н. А. Кубяко заключило договор о передаче прав и обязанностей «Крупповской сельскохозяйственной концессии “Маныч”» вновь созданному обществу²⁴⁴. Управление хозяйством возлагалось на Госсельсиндикат, а с немецкой стороны наблюдение вел директор.

В декабре правительственной инспекцией были обследованы условия труда и быта рабочих концессии «Маныч»²⁴⁵. Ею было выявлено отсутствие связи с Краевой опытной станцией, что могло бы значительно облегчить работу концессии по развитию земледелия. К тому же предприятие не выполнило главного своего предназначения — оказание агротехнической помощи населению²⁴⁶.

17–19 апреля 1929 г. состоялось заседание русско-германского товарищества «Маныч-Крупп», на котором директорами были утверждены со стороны Госсельсиндиката — И. Н. Буров, а со стороны крупповской сельскохозяйственной концессии «Маныч» — Г. А. Шталь²⁴⁷. Директору Г. А. Шталь было определено жалование в размере 1300 марок в месяц. Из них 100 руб. в русской валюте, а 110 марок в германской валюте.

После своего назначения И. Н. Буров почувствовал себя полновластным хозяином. Им был проверен административно-хозяйственный штат концессии и уволены 18 человек из администрации. По его характеристике они представляли собой чуждый социальный элемент, а большинство — вредный элемент для Советской власти. И. Н. Буров отмечал, что из 150 человек 27 были членами ВКП(б) и кандидатами, а 32 членами ВЛКСМ²⁴⁸. Он считал, что сможет сделать хозяйство рентабельным самостоятельно. Если говорить «в отношении участия немецкой стороны, то дальнейшее их пребывание для самого хозяйства никакой пользы не принесет, — писал И. Н. Буров, — и если это требуется для большой политики, только тогда можно мириться» с этим²⁴⁹.

Желая подчеркнуть, что с переходом концессии в русско-германское сельскохозяйственное товарищество «Маньч-Крупп» произошел перелом в лучшую сторону, инспектор труда Сальского округа Казак в своем отчете намеренно старался подбирать положительные примеры, хотя большинство приводимых фактов были отмечены в предыдущих годовых отчетах после обследования германской концессии «Маньч». Так, он обращал внимание, что имеются ясли, детские площадки, столовая, школа 1-й ступени, находящаяся на полном обеспечении хозяйства. Но главное — «имелось некоторое значительное уменьшение иностранных подданных <...> на место иностранных подданных приходит русский пролетариат»²⁵⁰.

Особо следует обратить внимание на уровень заработной платы работников концессии, который был гораздо выше, чем на государственных предприятиях.

Таблица 1

Уровень зарплаты работников концессии «Маньч» и на государственных предприятиях в 1928–1930 гг.²⁵¹, в руб.

Зарплата	Концессия		Государственные предприятия	
	1928/1929 г.	1929/1930 г.	1928/1929 г.	1929/1930 г.
Рабочих	50	52	42	45,84
Служащих	162,80	198	49,59	57,50
Учеников	20,25	21,65	16	17,50

К началу 1930-х гг. ведущим направлением деятельности «Маньч-Крупп» стало овцеводство. Постепенно росли экономические показатели, и 1933 г. товарищество завершило с прибылью в 462,5 тыс. руб. В этом же году в эксплуатации находилась 21 машина: 5 новых тракторов СТЗ, 8 тракторов «Интернационал», 2 трактора «Кейс» и 6 «Фордзонов»; кроме них в хозяйстве было 5 автомобилей²⁵².

Несмотря на то, что § 3 концессионного договора гарантировал крупновской сельскохозяйственной концессии «Маньч» в случае ликвидации русско-германского сельскохозяйственного товарищества «Маньч-Крупп» выплату в размере 770 тыс. дол. САСШ и вывоз этой суммы за границу в иностранной валюте, советские власти стремились избежать выполнения своих обязательств. Поэтому концессионера обвинили в нарушении концессионного договора и передали рассмотрение дела в третейский суд. Н. Н. Крестинский считал, что «если мы не собираемся ни-

чего платить концессионеру, если поэтому нет возможности закончить с ним переговоры прежде, чем состоится решение третейского суда, тогда нам не избежать скандалов и неблагоприятных последствий»²⁵³.

В связи с начавшейся реорганизацией в конце 1931 г. Госсельсиндикат был передан в ведение Всесоюзного объединения овцеводческих трестов НКЗ СССР, а с октября 1932 г. было создано Главное управление овцеводческими совхозами Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР. В середине 1934 г. начальник Главного управления овцеводческих совхозов Соломенцев информировал правление «Крупновской сельскохозяйственной концессии «Маньч» о решении расторгнуть концессионный договор и о ликвидации концессии с 1 октября 1934 г.²⁵⁴

Фактически с концессией произошло то, что предсказывал заведующий секретариатом концессионной комиссии Наркомзема СССР А. Морыганов: «Мы вынуждены в первые годы нашего хозяйственного строительства допустить их как временную меру <...> для того, чтобы потом при их помощи скорее разделаться с ними»²⁵⁵.

* * *

Таким образом, советское правительство, заинтересованное не только в восстановлении промышленности, но и сельского хозяйства, решило использовать дореволюционный опыт привлечения иностранных капиталов в страну — предоставление промышленных и сельскохозяйственных объектов иностранцам в форме концессий. В результате были определены районы и объекты концессионирования. Юго-Восточный регион был отведен для организации сельскохозяйственных концессий. Так, в Северо-Кавказском крае появилось два германских предприятия — «Друзаг» и «Маньч».

Анализируемый исторический опыт функционирования сельскохозяйственных концессий свидетельствует о том, что даже в сложных климатических условиях, применяя новые технологии на малопригодных землях, можно создать высокоразвитое хозяйство, несмотря на многочисленные препятствия со стороны местных органов власти. Главным условием развития подобных концессий стало привлечение иностранного капитала, обеспечивавшего расширенное воспроизводство основного капитала в отрасли.

Данный подход вполне можно использовать и в настоящее время для подъема сельского хозяйства в России. Вместе с тем и сегодня наблюдается сопротивление внедрению новых технологий и концессионных форм деятельности предприятий со стороны отдельных властных структур. Поэтому, учитывая исторический опыт нашей страны, следует разработать организационно-правовой и экономический механизмы преодоления основных барьеров, препятствующих этому процессу.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 823. Л. 58.

² Автор записки точно не известен. Вероятнее всего, записка была написана в 1922 г. наркомом земледелия Н. Осинским (Валериан Валерианович Оболенский, 1887–1938) — советский экономист, государственный и партийный деятель, публицист. После Октябрьской революции 1917 г. управляющий Государственным банком РСФСР, председатель ВСНХ (до марта 1918 г.), затем работал в редакции «Правды» и в ВСНХ. В 1920 г. председатель Тульского губисполкома, член коллегии Наркомпрода. В 1920–1921 гг. активный деятель внутрипартийной группы «демократического централизма». В 1921–1922 гг. исполняющий обязанности наркома земледелия, в 1923 г. заместитель наркома земледелия, заместитель председателя ВСНХ. В 1923–1924 гг. полпред СССР в Швеции. В 1925–1928 гг. член Президиума Госплана СССР; управляющий ЦСУ. С 1929 г. заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1931 г. член редколлегии газеты «Известия», в 1932–1935 гг. начальник Центрального управления народнохозяйственного учета СССР, заместитель председателя Госплана СССР, в 1935–1937 гг. директор Института истории науки и техники АН СССР. Автор ряда работ по экономическим вопросам.

³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 823. Л. 41–42.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 823. Л. 52.

⁶ Там же. Оп. 7. Д. 201. Л. 2–3.

⁷ Плохотнюк Т. Н. Германские сельскохозяйственные концессии на Северном Кавказе (1920–1930-е гг.) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С. 220.

⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 823. Л. 56.

⁹ Там же.

¹⁰ Экономическое положение Юго-Востока (беседа с членом президиума ВСНХ Н. Б. Эйсмонт) // Торгово-промышленная газета. 1922. 7 ноября.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 900. Л. 2.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Д. 2695. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.

¹⁶ В октябре 1924 г. Юго-Восток был переименован в Северо-Кавказский край. В его состав вошли административные округа: Донской, Кубанский, Таганрогский, Сальский, Армавирский, Ставропольский, Черноморский, Майкопский, Терский, Шахтинско-Донецкий, г. Грозный и четыре городских автономных области. В 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский край (с центром в г. Ростове-на-Дону) и Северо-Кавказский край (с центром в г. Нальчике).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2695. Л. 2 об. — 3.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Финансовую поддержку семеноводческому обществу оказала группа Стиннеса. К тому же Гуго Стиннес выступал немецким гарантом перед Советской Россией и оказал определенное влияние в создании акционерного общества «Mologa-Holzindustrie AG» // Schlarp K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft // Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lünenburg, 1996. S. 460.

²¹ Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии. Сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград, 2010. С. 149.

²² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 839. Л. 109.

²³ Однако существуют другие мнения о дате основания концессии «Друзаг»: 1) Т. Н. Плохотнюк пишет о 24 октября 1922 г.; 2) Ю. Б. Рагер называет весну 1924 г. См.: Плохотнюк Т. Н. Германские сельскохозяйственные концессии... С. 223; Рагер Ю. Б. О германо-советской концессии «Друзаг» в Ванновском немецком районе Северо-Кавказского края // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22–26 сентября 1994. М., 1995. С. 74.

²⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 839. Л. 110.

²⁵ Там же. Л. 140.

²⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 856. Л. 199.

²⁷ См. подробнее: Плохотнюк Т. «Странный эксплуататор»: патернализм барона Штейнгеля (конец XIX — начало XX в.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871–1941 гг. Материалы 8-й междунауч. конф. М., 2002. С. 150–157.

²⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 943. Л. 77–77 об.

²⁹ Там же. Л. 70–71.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1677. Л. 275.

³¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 940. Л. 34.

³² Рагер Ю. Б. О германо-советской концессии «Друзаг»... С. 75.

³³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 940. Л. 34.

³⁴ Там же. Л. 35.

³⁵ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1676. Л. 12 об.

³⁶ Управляющий Монгалт был заменен на управляющего Ф. Дитлова в 1925 г.

- ³⁷ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 3555. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1676. Л. 12 об.
- ³⁹ ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
- ⁴⁰ Там же. Л. 25.
- ⁴¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 254. Л. 1.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1678. Л. 321.
- ⁴³ ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 338. Л. 29.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1676. Л. 17.
- ⁴⁵ ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 338. Л. 27.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1080. Л. 40–42, 55–59. См. также: Плехотнюк Т. Н. Германские сельскохозяйственные концессии... С. 224.
- ⁴⁷ Из профсоюза были исключены И. Ф. Лессин, А. А. Геккель, П. К. Мошкин, А. Ф. Федан, С. П. Быков, Ф. И. Свиридов, В. Ф. Грунт, М. Я. Яценко, Г. Г. Герлингауз, В. П. Иванов и Г. М. Терещенко, который был помощником управляющего.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1082. Л. 115.
- ⁴⁹ Там же. Л. 118.
- ⁵⁰ Отчет о работе ГКК при СНК СССР за 1927/28 гг., 23.08.1929 // Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): Документы и материалы. Т. 2. М., 2005. С. 470, 489.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1157. Л. 87.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1680. Л. 115.
- ⁵³ Там же. Л. 203.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1631. Л. 3.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1628. Л. 205.
- ⁵⁶ Отчет о работе ГКК при СНК СССР за 1927/28 гг... С. 461.
- ⁵⁷ Цит. по: Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 160.
- ⁵⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1149. Л. 3–16.
- ⁵⁹ Цит. по: Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 165.
- ⁶⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1230. Л. 12.
- ⁶¹ Там же. Д. 1149. Л. 6.
- ⁶² Там же. Д. 1159. Л. 96.
- ⁶³ Там же. Л. 97.
- ⁶⁴ Там же. Л. 989.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1225. Л. 94.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1223. Л. 14.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 44 об.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1287. Л. 71–72.
- ⁷¹ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 44.
- ⁷² Там же. Л. 17.
- ⁷³ Там же. Л. 43–44 об.
- ⁷⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1283. Л. 2

⁷⁵ Там же. Л. 72–72 об.

⁷⁶ РКК — расценочно-конфликтная комиссия, существовавшая в СССР в 1922–1957 гг., первичный орган по примирительному разрешению трудовых споров, возникавших между работниками и администрацией в связи с применением, установлением и изменением условий труда. Комиссия создавалась из одинакового числа равноправных представителей администрации и фабричного, заводского, местного комитета профсоюза данного предприятия, учреждения. Для решения ряда трудовых споров, перечень которых был установлен законом, РКК являлась обязательной первичной инстанцией. По остальным вопросам, связанным с применением условий труда, работник мог обратиться в РКК или в народный суд. Решения комиссией принимались по соглашению сторон. В связи с принятием Положения о порядке рассмотрения трудовых споров 1957 г. функции РКК перешли в основном к комиссиям по трудовым спорам. См. подробнее: Юдина Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. Волгоград, 2009. С. 313–352.

⁷⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1283. Л. 116.

⁷⁸ Там же. Л. 143.

⁷⁹ Там же. Л. 160–160 об.

⁸⁰ Там же. Л. 161.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 8350. Д. 665. Л. 41.

⁸² Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 203–204.

⁸³ ГА РФ. Ф. 8350. Д. 665. Л. 34.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1283. Л. 126–126 об.; ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 18–18 об.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 18 об.

⁸⁶ На письмо была сделана приписка для Маркова: «Надо написать инспекции письмо поддержки, указав, что из соединения Кубгоссемкультуры и концессии “Друзаг” может получиться замечательный комбинат».

⁸⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1283. Л. 117–117 об.

⁸⁸ До 1927 г. концессия числилась в Кропоткинском районе Армавирского округа Северо-Кавказского края. С 1927 г. было проведено административное районирование. В результате концессия вошла в состав вновь образованного (немецкого) Ванновского района // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1224. Л. 156.

⁸⁹ Там же. Л. 136.

⁹⁰ Там же. Л. 164.

⁹¹ Там же. Л. 135.

⁹² Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — видный государственный деятель. С 1918 г. член коллегии Наркомата юстиции РСФСР. Был председателем Верховного революционного трибунала ВЦИК. С 1922 по 1929 гг. — заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР. 1929–1931 гг. — прокурор РСФСР; с 1931 г. — нарком юстиции РСФСР, а с 1936 г. — нарком юстиции СССР. Был организатором процессов Промпартии, Шахтинского дела. В 1938 г. был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г. См.: Залесский К. А. Кто есть кто в истории СССР. 1924–1953. М., 2009. С. 248–249.

⁹³ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 43.

⁹⁴ Рогинский Григорий Константинович (1895–1959) — государственный деятель. С 1918 г. стал работать в органах юстиции. В 1921–1924 гг. работал в системе Верховного суда РСФСР, сначала в Ростове-на-Дону, затем на Дальнем Востоке. В 1925–1927 гг. занимал должность прокурора уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР. С 1928 г. старший помощник Прокурора РСФСР. В 1929–1930 гг. Г. К. Рогинский был прокурором Северо-Кавказского края. С 1931 г. работал в Наркомате юстиции РСФСР. С 1933 г. работал в Прокуратуре СССР помощником прокурора, а с 1935 г. заместителем прокурора. Арестован в 1939 г., приговорен к 15 годам лагерей. В 1992 г. реабилитирован. См.: Звягинцев А. Г. Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения. М., 2008.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 42–42 об.

⁹⁶ Там же. Л. 37–41.

⁹⁷ Там же. Л. 45 об.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1626. Л. 11.

⁹⁹ Цит. по: Schlarp K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion... S. 466.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1626. Л. 12.

¹⁰¹ Там же. Л. 13.

¹⁰² Schlarp K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion... S. 466.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 12.

¹⁰⁴ Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Германии Н. Н. Крестинскому от 26 февраля 1930 г. См.: Дух Рапалло. Советско-германские отношения. Сб. док-в. 1925–1933 / под ред. А. Г. Севостьянова. Екатеринбург; М., 1997. С. 171.

¹⁰⁵ Schlarp K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion... S. 469.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1631. Л. 6.

¹⁰⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 6.

¹⁰⁹ ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 69. Л. 31 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹¹ Плохотнюк Т. Н. Другарг // Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 743.

¹¹² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1284. Л. 16–17.

¹¹³ Там же. Л. 20–21.

¹¹⁴ ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 69. Л. 41–41 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 45.

¹¹⁶ Там же. Д. 36. Л. 78.

¹¹⁷ Там же. Л. 70–74; Там же. Л. 93–94; Там же. Л. 118–121 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 68 об.

¹¹⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1284. Л. 199.

¹²⁰ Schlarp K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion... S. 471.

¹²¹ Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 205.

¹²² ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 69. Л. 4, 31 об.

¹²³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 242. Л. 112–113.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 4. Д. 71. Л. 75–75 об.

¹²⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 242. Л. 112.

¹²⁶ Алексеев И. И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. Краснодар, 1993. С. 69.

¹²⁷ Войчик Р. К. был обвинен по ст. 58–11 УК РСФСР (подготовка или совершение контрреволюционных преступлений) и дополнительно по ст. 58 (шпионаж). 4 апреля 1934 г. «особым совещанием» при коллегии ОГПУ был приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере на 3 года. См.: Алексеев И. И. Репрессии на Кубани... С. 66.

¹²⁸ Там же. С. 64.

¹²⁹ ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

¹³⁰ Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 215.

¹³¹ Там же. С. 218.

¹³² Schlarp K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion... S. 475. Однако В. В. Загорулько и В. В. Булатов называют сумму 1,8 млн германских марок и 238,4 тыс. американских долларов. См.: Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 221.

¹³³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 244. Л. 2.

¹³⁴ Там же. Л. 59.

¹³⁵ ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1363. Л. 31 об.

¹³⁶ АО «Ф. Круппа» в лице Э. Клепфера, Г. Рейтерна в присутствии присяжного поверенного А. Кейла, заведующего отделом Ф. фон Бюлова создали ООО «Крупповская сельскохозяйственная концессия “Маньч”» 23 мая 1923 г. с правлением в Берлине. Целью общества являлось приобретение, управление и эксплуатация земельных и лесных владений за собственный или чужой счет в Германии или за границей, в особенности управление предоставленной АО «Ф. Круппа» в Эссене правительством РСФСР сельскохозяйственной концессии «Маньч» (ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1772. Л. 84–85).

¹³⁷ Загорулько М. М., Булатов В. В. считают, что стремление Круппа получить аграрную концессию мотивировалось не столько желанием осваивать целинные земли, сколько заинтересованностью в создании на российской территории сбыта германских сельскохозяйственных орудий и оборудования. См.: Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 87.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2377. Л. 11.

¹³⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 842. Л. 2.

¹⁴⁰ Там же. Д. 828. Л. 41.

¹⁴¹ Там же. Д. 842. Л. 28–29.

¹⁴² Там же. Л. 77.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1941. Л. 1.

¹⁴⁴ Там же. Д. 118. Л. 5.

¹⁴⁵ Загорулько М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 89.

¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1519. Л. 16–19.

¹⁴⁷ Там же. Л. 20. См. также: Примечание // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 641.

- ¹⁴⁸ В Политбюро ЦК РКП(б) // Там же. С. 249.
- ¹⁴⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1501. Л. 175. См. также: Хромов С. С. Иностран-
ные концессии. Исторический очерк. Документы Ч. II. М., 2006. С. 151.
- ¹⁵⁰ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1519. Л. 16–20.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 15.
- ¹⁵² Цит. по: Марьин Д. А. Россия и Германия: опыт экономического со-
трудничества (На примере фирмы «Фридрих Крупн») // Экономическая
история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 6. Волгоград,
2004. С. 238.
- ¹⁵³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 842. Л. 102.
- ¹⁵⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1519. Л. 3.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁵⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 866. Л. 32.
- ¹⁵⁷ Там же. Д. 842. Л. 111.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1951. Л. 81.
- ¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 842. Л. 107.
- ¹⁶⁰ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1519. Л. 9.
- ¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1779. Л. 157.
- ¹⁶² Цит. по: Марьин Д. А. Россия и Германия: опыт экономического со-
трудничества... С. 238.
- ¹⁶³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 843. Л. 26.
- ¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 12. Л. 1–7.
- ¹⁶⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1229. Л. 14.
- ¹⁶⁶ В заметке Сакина «О концессии Круппа (Сальский округ)» говори-
лось, что концессия располагалась на землях бывшего хутора Пишванов-
ва // Трудовой Дон. 1923. 3 августа.
- ¹⁶⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 843. Л. 262–264. См. также: Плохотнюк Т. Н.
Германские сельскохозяйственные концессии... С. 220–221
- ¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 104–105.
- ¹⁶⁹ Там же. Оп. 3. Д. 12. Л. 9–10.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 18–19.
- ¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 48.
- ¹⁷² Там же. Л. 48 об.
- ¹⁷³ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1780. Л. 74.
- ¹⁷⁴ Однако в газете «Трудовой Дон» 3 августа 1923 г. была помещена
заметка, в которой сообщалось о начале работ концессионером с 15 июня
1923 г. // Сакин. О концессии Круппа (Сальский округ).
- ¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 83.
- ¹⁷⁶ В. Крупповская концессия «Маньч». Интервью с главноуполномочен-
ным Круппа П. О. Клетте // Трудовой Дон. 1923. 26 июля.
- ¹⁷⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 931. Л. 1–3 об.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 7.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁸⁰ П. Ф. Сельскохозяйственная концессия Круппа на Маньче // Юго-
Восток. 1924. № 7. С. 61.
- ¹⁸¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 931. Л. 60.
- ¹⁸² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 931. Л. 182.

- 183 Там же. Д. 1004. Л. 20.
- 184 Там же. Д. 117. Л. 177.
- 185 Там же. Д. 1004. Л. 28.
- 186 Там же. Л. 37.
- 187 Там же.
- 188 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1767. Л. 232.
- 189 Там же. Л. 253.
- 190 Там же.
- 191 Там же. Л. 254.
- 192 Там же.
- 193 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1005. Л. 16.
- 194 Там же. Д. 1004. Л. 218.
- 195 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1766. Л. 89.
- 196 ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 64. Л. 90.
- 197 ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.
- 198 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1763. Л. 19.
- 199 Там же. Л. 20.
- 200 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 11.
- 201 В июне 1926 г. договор с П. О. Клетте был прекращен, а с 1 сентября управляющим был назначен В. Герман (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1085. Л. 181).
- 202 Там же. Л. 12.
- 203 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 29.
- 204 Там же. Л. 31 об.
- 205 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 921. Л. 268.
- 206 Там же. Л. 269.
- 207 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 312. Л. 4–8.
- 208 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1231. Л. 46.
- 209 Там же. Д. 1230. Л. 122.
- 210 Отчет Главконцесскома при СНК СССР о своей деятельности в 1921–24 гг. // Хромов С. С. Иностранные концессии. Исторический очерк. Документы Ч. I. М., 2006. С.247.
- 211 Докладная записка председателя Главконцесскома при СНК и заместителя председателя Госплана при СТО Г. Л. Пятакова секретарю ЦК РКП(б) И. В. Сталину о концессионной деятельности за период между XI и XII съездами РКП(б) // Хромов С. С. Иностранные концессии... С. 228.
- 212 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1085. Л. 105.
- 213 Там же. Л. 104.
- 214 Однако А. А. Иоффе лукавил. 10 марта 1922 г. Государственный солонцово-мелиоративный научно-исследовательский институт прислал в НКЗ почвенно-агрономическую характеристику Сальского округа. В ней говорилось о низком содержании чернозема в почве и рекомендовалось создать скотоводческо-зерновой тип хозяйства (РГАЭ Ф. 478. Оп. 2. Д. 842. Л. 50–54).
- 215 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1161. Л. 69–71.
- 216 Там же. Л. 306.
- 217 Там же. Л. 305–305 об.
- 218 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д.1005. Л. 57.

- 219 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1162. Л. 12.
- 220 Там же. Л. 13.
- 221 Там же. Л. 128. Хотя в отчете о работе ГKK при СНК СССР за 1927/28 гг. указывалось, что численность рабочих составляла 300 человек. См.: Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): Документы и материалы Т. 2. М., 2005. С. 489.
- 222 Там же. Л. 129.
- 223 Там же. Л. 135.
- 224 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 312. Л. 96–98.
- 225 Там же. Л. 48.
- 226 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1229. Л. 34. В этот период к их творчеству власти были настроены достаточно негативно.
- 227 Там же. Л. 35.
- 228 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1773. Л. 71.
- 229 Марьин Д. А. Россия и Германия: опыт экономического сотрудничества... С. 242.
- 230 Там же. Д. 121. Л. 182.
- 231 Там же. Л. 182.
- 232 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1230. Л. 121.
- 233 Там же. Л. 121 об.
- 234 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1773. Л. 146.
- 235 Там же. Л. 153–154.
- 236 Там же. Д. 121. Л. 183.
- 237 Там же. Л. 184.
- 238 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1230. Л. 128.
- 239 Там же. Л. 128 об.
- 240 Там же. Л. 141.
- 241 ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1773. Л. 246.
- 242 Там же. Л. 274.
- 243 Там же. Д. 402. Л. 99–108.
- 244 Там же. Д. 3282. Л. 1–3.
- 245 В состав комиссии вошли от СК Крайфинуправления Пляони, СК Крайфин-правления СХЛР Зуйко, инспектор по концессиям Маркевич.
- 246 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1287. Л. 44–45.
- 247 Там же. Л. 80.
- 248 Там же. Л. 152–156.
- 249 Там же. Л. 157.
- 250 ГАРО. Ф. 3555. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.
- 251 Там же. Л. 12.
- 252 Загорulyкo М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 107.
- 253 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 455. Л. 87.
- 254 Загорulyкo М. М., Булатов В. В. Наркомземовские концессии... С. 107.
- 255 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1086. Л. 171.

Дискуссионные вопросы источниковедения аграрной истории России

М. А. Давыдов*

Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню?

В последние годы вновь актуализировалась проблема достоверности русской урожайной статистики** — в первую очередь в связи с дискуссией о причинах революций в России.

Такие исследователи, как С. А. Нефедов и А. В. Островский¹ убеждены в достоверности данных ЦСК МВД, в то время как П. Грегори, Б. Н. Миронов и автор этих строк², напротив, не считают «Урожай 18.. года» репрезентативным источником.

Точка зрения, что данные ЦСК МВД адекватно отражают размеры урожая, опирается, как известно, на работу Н. М. Виноградовой «Русская урожайная статистика».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, с одной стороны, что выводы Виноградовой — ненадежный фундамент для подобных заключений, а с другой, напомнить историческому сообществу о круге проблем, не связанных с урожайной статистикой как с видом массовых источников вообще и в принципе не позволяющих ей претендовать на тот уровень репрезентативности, который может быть основанием для масштабных выводов макроисторического характера.

В 2003 г. я писал: «Урожайная статистика России — своего рода Пизанская башня отечественной исторической науки, которая, в отличие от оригинала, радует глаз не столько красотой, сколько удобством, несмотря на очевидное отклонение от нормы. Вопрос о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД, как известно, был поставлен еще до революции, и уже тогда была хорошо

---

* Михаил Абрамович Давыдов — доктор исторических наук (Институт экономики РАН).

** В данной статье я рассматриваю только урожайную статистику ЦСК МВД.

известна ее сомнительность. Однако комфортность применения данного источника **всегда** перевешивала сомнения»³.

Непосредственно я столкнулся с рассматриваемой проблемой во время написания докторской диссертации, одна из глав которой была посвящена анализу соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков России в конце XIX — начале XX вв. и доказательству мифологического характера проблемы «голодного экспорта».

В числе прочего, меня, во-первых, интересовало, какая доля урожая хлебов вывозилась за границу в масштабах страны. Во-вторых, я хотел понять, как соотносились показатели урожая и перевозок из губерний, поставлявших основную массу товарного хлеба. При этом использовались данные, «очищенные» от «двойного счета»; это необходимое условие при анализе водно-железнодорожного сообщения.

Результаты получились обескураживающими.

Из приведенных далее табл. 1–4 следует, что доля перевозок от урожая в производящих губерниях колеблется в очень широком диапазоне. Однако мы видим, что в 84 случаях доля перевезенного хлеба в 1901–1903 гг. и 1908–1911 гг. аномально высока — от 50 % сборов и выше по данным ЦСК (эти цифры выделены курсивом), в 35 случаях — более 75 % урожая и в 18 — размеры отправления превышали урожай данного года, причем трижды, более чем вдвое (!). При этом 40 из 84 случаев падают на годы сильных неурожаев — 1901 г., 1911 г., а 8 случаев — на 1908 г. В ряде случаев завышенные показатели встречаются в годы локальных неурожаев.

Надо сказать, что и цифра 40–49 % транспортировки от сборов не кажется мне нормальным показателем товарности. Это скорее иллюстрация времен военного коммунизма или «Великого перелома».

Если бы речь шла только о губерниях, где велики объемы водно-железнодорожного сообщения — Херсонской, Екатеринославской, Самарской и Саратовской, можно было бы думать, что где-то ошибся я. Однако в табл. 3 представлен целый ряд губерний ЦЧР с минимальным развитием речных перевозок, а в табл. 4 — Терская область, в которой судоходных рек не было вовсе.

Во всем этом явно прослеживается определенная тенденция. Я предположил, что причина этого состоит в том, что *«в неурожайные годы происходило занижение урожайности респондентами ЦСК МВД, или, что то же самое, преувеличение масштабов бедствия»*². Ведь большинство губерний, которые фигурируют в

табл. 1–4 как «нарушители спокойствия», были активными получателями государственной продовольственной помощи.

Здесь важно отметить, что слабым местом транспортной статистики была регистрация речных перевозок. Если в основе железнодорожной статистики лежали официальные документы — железнодорожные накладные на перевозимые грузы, то речные перевозки учитывались путем опроса капитанов. Вследствие этого МПС вынужден был из года в год признавать, что «как и в предшествующих аналогичных выпусках Статистического Сборника, таковые не выражают собою абсолютно всего количества перевезенных товаров, так как при существующей системе регистрации перевозимых товаров учитывается только более или менее значительная часть товаров, составляющих, **вероятно**, около $\frac{3}{4}$ всего количества перевезенных товаров», однако никто этого не проверял. Статистики МПС полагали, что размеры недоучета, видимо, колеблются и по отдельным годам, и по бассейнам рек и губерниям: «Это предположение подтверждается замечающейся иногда неустойчивостью размеров водного вывоза и ввоза по тем губерниям, в транспорте которых внутренние водные пути играют значительную роль».

Безусловно, доля перевозок от урожая в Новороссийских губерниях была еще выше, чем показывают мои данные. Во-первых, огромную роль в них играл гужевой подвоз к большим и малым портам Черного и Азовского морей. Во-вторых, часть хлеба, перевозимого из Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний по Днепру, Южному Бугу и реке Молочной просто ускользала от регистрации. В «Статистических сборниках МПС» даются данные о прибытии хлеба в Херсон, к которым, однако, всегда делается примечание: «В прибытие в Херсон входят грузы как разгружавшиеся в самом Херсоне, так и прошедшие мимо Херсона в Одессу, Николаев и другие порты Черного моря». Аналогичное примечание сделано и к Николаеву.

Поскольку мысль об эффективном мониторинге сотрудниками МПС сотен средних и мелких судов, проплывавших мимо Херсона и Николаева, кажется слишком оригинальной, то понятно, что данные о перевозках хлеба преуменьшены. Следовательно, процент перевозок от урожая в Екатеринославской и Херсонской губерниях был еще выше, но соответственно выше были и размеры урожая.

Повторю, что не вызывает удивления частая повторяемость в табл. 1–3 Самарской, Саратовской, Оренбургской и Уфимской губерний, которые были в числе губерний с наибольшими продо-

вольственными долгами и недоимками, так же, как и ряд губерний ЦЧР и Средне-Волжских. Для того чтобы получить продовольственную помощь от правительства, нужно было заявить об очень серьезном бедствии (см. далее).

При этом завышенных показателей нет в Юго-Западных и Малороссийских (не считая данных об овсе по Черниговской губернии в 1901 и 1903 гг.) губерниях, не обремененных продовольственными долгами и недоимками.

Полагаю, сказанное достаточно наглядно демонстрируют ненадежность данных ЦСК МВД.

Таблица 1

Доля перевозок пшеницы от урожаев (%)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911
Бессарабская	21,8	37,1	37,9	22,2	17,6	19,7	12,6
Херсонская	34,4	51,5	56,5	36,5	47,5	46,0	47,6
Екатеринославская	27,5	25,6	47,2	24,3	37,9	46,6	47,4
Таврическая	18,2	20,1	31,5	34,8	38,5	32,2	43,0
Донская	39,4	24,5	38,4	39,0	35,8	87,1	78,9
Кубанская	21,3	28,7	27,9	26,6	38,4	31,6	49,6
Ставропольская	23,9	22,6	30,9	31,3	19,1	22,9	23,9
Район	27,2	30,5	39,9	31,0	36,2	43,0	46,6
Оренбургская	82,3	21,0	21,5	25,6	30,0	21,8	146,6
Самарская	115,1	45,3	64,9	44,4	58,1	84,3	218,8
Саратовская	128,0	44,2	63,6	47,6	56,9	69,5	112,5
Уфимская	82,1	17,9	16,4	17,5	33,3	36,8	137,5
Район	106,5	37,9	48,7	36,2	50,0	63,0	171,0
Киевская	27,6	34,8	37,9	9,3	25,3	24,5	28,7
Волынская	12,1	9,7	10,9	5,0	11,0	10,1	6,8
Подольская	17,2	23,3	27,2	11,3	18,3	15,8	14,4
Район	20,2	25,7	27,6	9,0	19,1	17,8	17,5
Воронежская	42,2	25,9	42,8	30,7	38,5	45,5	61,2
Харьковская	35,0	24,3	32,6	20,8	25,8	32,3	35,8
Полтавская	14,0	20,7	28,5	18,2	27,7	25,5	27,9
Район	26,8	23,1	34,1	21,4	29,6	32,3	38,0
Томская	0,2	2,8	0,8	14,5	15,0	4,5	11,9
Тобольская	19,0	7,8	11,0	28,1	53,6	10,7	56,3

Источники: Урожай 19... года. СПб.; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб., 1914. Ч.1; Статистические сборники МПС.

Таблица 2

Доля перевозок ржи от урожая (%)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911
Бессарабская	30,4	38,5	33,8	27,2	24,9	33,6	31,0
Херсонская	40,6	65	54,1	29,9	32,7	38,2	52,5
Екатеринослав.	36,2	57,4	103,9	90,2	18,3	36,7	63,6
Донская	77,4	42,8	56,9	113,4	27,5	42,4	69,2
Таврическая	23,6	39,5	38,5	23,5	13,4	21,5	42,0
Кубанская	44,4	27,2	12,5	23,5	18,1	10,1	35,1
Район	42,4	49,6	52,0	51,7	24,9	31,9	50,1
Самарская	52,9	29,1	18	29	29,3	21,3	58,1
Саратовская	33,6	20,7	13,7	22,9	12,9	15,9	13,1
Уфимская	11,8	18,5	10,5	20,1	46,4	22,5	81,8
Район	31,8	22,3	14,2	23,2	30,8	20,3	47,0

Источники: см. табл. 1.

Таблица 3

Доля перевозок овса от урожая (%)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911
Вятская	37,0	10,9	17,7	3,0	11,9	17,4	30,9
Пермская	38,4	12,0	8,7	4,8	9,1	10,8	23,3
Уфимская	202,1	19,2	9,7	7,4	17,2	33,5	276,1
Саратовская	97,8	36,2	54,2	43,8	37,9	54,5	159,0
Симбирская	101,9	31,6	93,1	27,6	14,0	49,6	124,5
Казанская	110,0	21,9	71,9	22,6	22,2	69,9	157,4
Тамбовская	68,5	50,0	62,7	68,3	55,3	62,1	80,2
Рязанская	73,3	48,7	73,0	64,5	58,6	65,1	68,7
Тульская	85,4	55,2	66,0	68,0	71,3	75,3	85,8
Орловская	58,1	33,9	44,2	48,5	34,2	42,5	64,0
Курская	39,1	29,4	39,8	34,9	27,6	27,8	41,8
Воронежская	23,3	16,0	27,3	24,1	23,8	23,8	30,1
Пензенская	47,7	17,8	42,1	57,1	27,6	40,8	74,6
Полтавская	30,3	30,0	48,3	35,9	40,2	21,7	35,4

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911
Харьковская	29,3	19,2	38,3	25,2	26,3	18,1	25,7
Черниговская	58,5	40,4	55,1	37,8	32,9	38,8	40,2
Киевская	10,7	8,4	10,3	8,7	11,5	5,7	11,0
Подольская	6,4	9,5	7,1	5,3	2,8	1,8	4,4

Источники: см. табл. 1.

Таблица 4

Доля перевозок ячменя России урожая (%)

Губернии	1901	1902	1903	1908	1909	1910	1911
Бессарабская	18,7	23,9	22,4	33,2	32,9	32,2	41,4
Херсонская	40,3	37,8	42,8	66,1	75,2	73,6	69,3
Екатеринославская	17,2	30,1	37,7	33,1	36,4	44,5	54,6
Таврическая	9,7	10,1	19,9	12,7	11,2	21,6	41,1
Донская	14,3	24,0	28,8	34,0	27,9	46,0	44,9
Кубанская	33,6	29,8	33,9	36,6	39,3	25,4	40,5
Ставропольская	37,2	30,3	23,3	23,5	24,9	30,0	36,9
Терская	147,2	120,5	121,6	44,2	113,3	70,4	90,0

Источники: см. табл. 1.

Мнение Нефедова о том, что зерно зимовало и транспортировалось на следующий год, на первый взгляд, кажется логичным, однако оно неосновательно. Разумеется, зерно прошлого урожая перевозилось и в следующем за ним году. Однако, как ясно следует из специального исследования П. И. Лященко, в указанных губерниях, да и в стране в целом еще не было элеваторов и зернохранилищ, которые могли бы вместить такие объемы хлеба.

Мой вывод о недостоверности данных ЦСК МВД в новом ракурсе подчеркивает то, о чем хорошо было известно еще до революции, — источники, так или иначе связанные с *опросом населения*, недостоверны едва ли не *принципиально*, поскольку респонденты в массе не были заинтересованы в сообщении правдивых сведений.

Тем не менее несмотря на недостоверность данных ЦСК МВД, мы вынуждены их использовать — за неимением других столь же масштабных. Ведь исследование, охватывающее как минимум

63 губернии, должно основываться, по возможности, на однотипных источниках, обрабатываемых по единой методике, поскольку в такой работе необходимы ориентиры, обладающие хотя бы *относительной устойчивостью* во времени и пространстве. К тому же вектор искажения урожайности известен. Нужно лишь понимать, что в действительности вывозилась куда меньшая часть урожая, чем следует из моих таблиц. Как ни странно на первый взгляд, но эту весьма тривиальную мысль в научном сообществе требуется специально объяснять.

Каким образом можно использовать урожайную статистику подобным образом *в принципе*, еще в 1899 г. показал К. Ф. Головин, попутно очертив круг предубеждений чисто психологического характера, связанных с урожайной (и не только) статистикой.

Критикуя тех, кто отвергал мнение о перепроизводстве хлеба в годы мирового аграрного кризиса, он пишет (важность цитаты оправдывает ее объем): «Статистика, говорят они, дает точные цифры для мирового урожая и для ввоза хлеба в потребляющие страны. Цифры эти неотразимо показывают, что хлеба не хватает, что, с одной стороны, рост его производства, а с другой — ввоз его в западноевропейские государства отстает от роста населения.

Не приходило в голову им одно лишь — усомниться в верности и убедительности этих цифр. А всякий раз, что точные вычисления приводят к нелепому выводу, следовало бы задаться вопросом, не вкрались ли в это вычисление две ошибки: одна — фактическая, касающаяся цифровых данных, другая — логическая, кроющаяся в оценке этих данных.

И, становясь на эту почву, **мы не можем не усомниться в достоверности статистики урожая**. Допустим, что в странах, где статистика эта ведется издавна и где аппарат для собирания сведений усовершенствован, словом — в наиболее культурных странах Западной Европы, сведения о собранных урожаях близки к истине.

Для таких стран, как Испания, Италия и балканские государства, не говоря уже о Турецкой империи, сомневаться в этом позволительно. Возможен скептицизм и по отношению к Соединенным Штатам, где, во-первых, население большинства западных хлебобородных штатов очень скудно и малообразованно, а во-вторых, обнародование официальных данных об урожаях находится под прямым воздействием крупных экспортеров, часто заинтересованных в их искажении.

А что сказать о прочих американских государствах, о Канаде, где площадь засеваемых земель среди незаселенных степей Манитобы растет не по дням, а по часам, о Чили, об Аргентине, о Мексике? Что сказать, наконец, об Индии и Австралии?

Неужели есть люди, серьезно верящие, что существует точная регистрация хлебного производства на всем пространстве Индостана, среди его полуварварского населения, или в пустынях Австралии? (Полагаю, это намек на А. Ф. Фортунатова, издавшего в 1898 г. книгу «Население и хозяйство Австралии». — М. Д.)

Признаемся, наконец, что и в нашем отечестве статистика оставляет поле для сомнений, хотя бы уже ввиду того, что эта статистика у нас многоглавая и каждое ведомство имеет свои, конечно, весьма точные, но далеко не тождественные данные.

Несомненно одно — за последнюю четверть века и засеваемая площадь, и хлебный экспорт у нас выросли в очень крупных размерах... Едва достигший в конце 80-х годов 250 мил. пуд. вывоз нашего зерна за трехлетие, с 1894–1896 гг. выражался цифрой, близкой к 630 мил. пуд.

Сколько бы ни говорили, что русский мужик недоедает — и понижение цен несомненно влечет за собою усиленную распродажу крестьянского зерна, — недоедание имеет свои пределы.

Если население, возросшее за 25 лет с 90 мил. душ до 130, тем не менее, вывозит почти втрое больше хлеба, нельзя не признать, что производство этого хлеба растет еще быстрее, чем населенность.

Что это именно так, видно из статистики урожаев, составляемой в министерстве земледелия. Об этой статистике мы, конечно, должны сказать то же, что повторяли не раз по отношению ко **всем** официальным цифрам, так усердно собираемым нашими ведомствами: **она обладает достоверностью лишь очень относительною.**

Но когда, тем не менее, она в целом ряде данных указывает на одно и то же постоянное явление, ей можно верить, если не безусловно, то, по крайней мере, признавая в ней несомненного указателя на наличность такого явления.

И вот, если взять цифры урожая за весь период с 1883–1898 гг., нельзя не остановиться перед одним поразительным фактом. За два несомненно урожайных года — 1887 и 1888 г., когда ни одна из внутренних губерний не пострадала от недорода, хлеба было собрано в Европейской России — в первом из этих годов 2541 мил. пуд., а во втором 2453 мил. Между тем, для двух далеко не благо-

получных годов — 1897 и 1898, когда в целом ряде черноземных губерний обнаружился прямой недостаток в продовольствии, соответствующие цифры были 2451 мил. п. и 2793 мил.

Таким образом, истекший год, во время которого несколько уездов Казанской, Симбирской и Самарской губерний голодали, даже превысил по валовому сбору зерна высокоурожайный 1887 г. **Это, несомненно, показывает, что сравниваются неодинаковые величины и что площадь посевов в настоящее время гораздо значительнее, чем десять лет назад.** И если бы в истекшем году урожай был повсеместным, как в 1887 и 1888 гг., мы получили бы, вероятно около 3,5 миллиарда пудов хлеба и не знали бы, куда его девать, то есть продавали бы по тем же ценам, как в 1894 и 1895 гг., надолго загромоздив амбары всей Европы запасами на будущее время»⁴.

Эти строки, на мой взгляд, прекрасный пример профессионального суждения о проблемах, решаемых на массовом статистическом материале. Головин хорошо показывает несурзность истовой, как бы механической, веры в кажущуюся точность *любых* цифр. Он отмечает также принципиальную связь между достоверностью урожайной статистики, с одной стороны, и размерами территории той или иной страны, уровнем культурности ее населения и способами собирания информации, с другой.

И это указывает на две из нескольких причин, по которым ни правительству, ни земствам не удалось сделать урожайную статистику добротным и репрезентативным источником.

Первая из них — российские просторы, вторая — методика сбора данных. Мы как-то не очень задумываемся о том, насколько в принципе сама по себе масштабна и сложна задача — наладить сбор полноценной массовой статистики, причем не в Бельгии, например, которая вся по площади практически равна одному Николаевскому уезду Самарской губернии, а в самой большой стране мира!

И одновременно Головин объясняет, почему об основных тенденциях развития изучаемых процессов можно судить, используя и не вполне репрезентативные данные, если известен вектор искажения. Особо хочется отметить актуальную мысль о том, что «недоедание имеет свои пределы».

Сказанное относится, разумеется, не только к урожайной статистике МГИ, но и к статистике МВД, и к статистике как «явлению мироздания» вообще, если она собирается корреспондентским способом.

Для большинства современников недостоверность урожайной статистики, в том числе и ЦСК МВД, была такой же *банальностью*, как для советских людей — приписки в этой советской жизни вообще и в колхозах в частности, только с обратным знаком. В колхозах показатели завышались, а до революции урожай, численность поголовья скота и т. д. занижались.

Занижение урожаев статистикой МВД закономерно вытекало из самой системы сбора сведений о них. Напомню, что ЦСК МВД рассылал в волостные правления (и землевладельцам) специальные опросные листки. Путем анкетирования выяснялась площадь посевов и высота урожайности на единицу площади, а затем умножение первого показателя на второй давало величину валовых сборов культур в отдельной волости. Сумма волостных данных принималась за урожай уезда, а сумма данных по уездам — за урожай губернии.

Между тем крестьяне, прежде всего из «податных опасений», негативно, а иногда и агрессивно воспринимали разного рода опросы, анкетирование и т. п., которые по-прежнему ассоциировались у них с переписями-ревизиями времен крепостного права, т. е. с податями, и которые были направлены на выяснение истинного положения дел в их хозяйстве, чему есть множество подтверждений в источниках⁵.

Крестьяне не доверяли статистике во всех ее видах; напомню, что и земская статистика в первую очередь была статистикой оценочной. Они, понятно, стремились платить как можно меньше, и несложно поэтому представить их отношение к людям, от мнения, т. е. от оценок которых прямо зависели размеры платежей. Очевидно, что статистика не воспринималась крестьянами как нечто, призванное облегчить им жизнь.

Соответственно и опросные анкеты ЦСК МВД о размерах посевов и урожайности, и бюджетные обследования трактовались ими (в том числе и волостными писарями, ведавшими этими анкетами) в подобном контексте. Дискуссия о способах преодоления недоверия и настороженности крестьян занимает видное место в земской статистической литературе⁶.

А. А. Кауфман писал: «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, конечно, повысило практическое значение статистики *для земства* — но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии *населения*.

Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения; раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случае, может зависеть, размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других, — отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасно-недружелюбное отношение населения** является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики»⁷.

Кауфман считает, что **«можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в составе корреспондентов, давать сознательно неверные сведения: реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще — в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями»**⁸.

Для данной темы интересен и важен рассказ правительственного агронома Виленской губернии К. П. Рудзита, руководившего в 1913 г. обследованием единоличных хозяйств в Трокском уезде этой губернии для землеустроительной анкеты. Крестьяне с тревогой и недоумением восприняли приезд агрономов, связывая его с новыми податями. «Впоследствии, когда счетчики выехали на места обследований, приходилось слышать боязливые вопросы вроде того, что не по той ли цене, что сейчас записывают в опросных листках, от них будут брать лошадей, а также скотину на мясо в случае войны.

Разговоры эти, однако, скоро прекратились. Дело в том, что во главе каждой партии обследователей находилось по одному правительственному агроному»⁹, которые для крестьян были «едва ли не единственными людьми, которым они *более или менее доверяют*. Все же по отчетам крестьян и по тому раздумью, с каким давались эти ответы, нетрудно было догадаться, что **в душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе: в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы...**

Крестьянин действительно очень часто не знает в точности высеваемого им количества зерна, а если к этому прибавить еще **стремление его всегда и во всем (из-за боязни увеличения по-**

дате́й или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния, то становится понятными вся медлительность и все ухищрения хуторянина при подаче ответов.

Подобное же явление наблюдается и при подсчете урожая. Здесь крестьянин первоначально начинает говорить, что плохо уродилось, затем уменьшает количество собранных копен или возов, а в конце концов уменьшает и умолот с копны или с воза. В одном случае, со слов крестьянина, выходило так, что он собрал гороха осенью менее, чем на другую весну посеял; на вопрос, где покупал семена гороха и по какой цене, он ответил, что своих семян хватило. Становилось ясным, что опять урожаем заведомо преуменьшен». «После этого, — говорит Рудзит, — начинаешь убеждать крестьянина говорить правду и не хитрить, но вряд ли можно быть убежденным, что последующие после этого ответы не будут опять преуменьшены»¹⁰.

Ключевые слова в этом сообщении — «стремление его (крестьянина. — *М. Д.*) всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния»¹¹.

Уже эти мнения ясно очерчивают первый пласт вопросов, связанных с проблемой репрезентативности урожайной статистики и бюджетных обследований.

Начиная с 1891 г., в России на невиданном прежде уровне развернулась правительственная продовольственная помощь, которая сопровождалась списанием многих десятков миллионов рублей долгов. Поэтому у крестьян появился дополнительный стимул преуменьшать размеры урожаев — они быстро поняли, что размеры этой помощи зависят от сведений о величине сборов, и отнюдь не стремились представить их в истинном свете (замечу на полях, что по времени этот процесс совпал со становлением урожайной статистики ЦСК МВД).

Председатель Темниковского уездного Комитета Красного Креста, кн. Н. Н. Енгальчев писал, в частности, на этот счет: «Неурожай 1906 года коснулся как озимой ржи, так и яровых хлебов и особенно трав. К сожалению, сведений об урожае не удалось получить своевременно ни правительственным органам, ни земским управам. Получение более или менее точных данных действительно связано с большими трудностями, вследствие неудовлетворительной постановки у нас сельскохозяйственной статистики. К очередным уездным земским собраниям в конце сентября

1906 года были представлены весьма гадательные подсчеты о количестве хлеба и корма, необходимых для продовольствия населения и прокормления скота. Объясняется это отчасти тем, что население приучено последними годами широкой раздачи пособий к мысли, что стоит только заявить о нужде, как помощь посылется как из рога изобилия. **Большинство крестьян-хозяев по этим соображениям уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород»**¹².

Государственный Совет и Дума в 1907–1908 гг. обратили внимание на «чрезвычайную неполноту сведений» МВД, на основании которых оно просило о продовольственных кредитах для ряда местностей. Деньги тем не менее были отпущены, однако А. С. Ермолов заявил в Государственном Совете, **«что при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение, МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может»**¹³.

В итоге состояние российской сельскохозяйственной статистики было таково, что правительственные органы и до Первой мировой войны зачастую не имели объективной картины положения на местах.

В издании «Производство, перевозки и потребление хлебов России в 1909–1913 гг.» говорится: **«Наибольшие возражения, по-видимому, вызывают комитетские данные (т. е. данные ЦСК МВД. — М. Д.) о посевных площадях. Есть немало авторитетных статистиков, которые готовы были считать эти данные чуть ли не за случайный набор цифр и, во всяком случае, не за статистические величины, пригодные для обоснования тех или иных выводов.** С противоположной стороны раздавались иногда осторожные указания на то, что по большим сравнительно совокупностям (уездам и губерниям) волостные данные дают в общем результаты, близкие к результатам экспедиционных обследований»¹⁴. Преуменьшить урожай проще всего за счет снижения размеров посевов.

Вместе с тем в конце XIX — начале XX в. были экономисты, считавшие данные ЦСК «достаточно надежными». Они подчеркивали «положительное значение однообразия и устойчивости

в методах урожайной статистики ЦСК сравнительно с приемами Министерства земледелия и земств, отмечали, что по закону больших чисел крайние отклонения даже в пределах одного года уравнивались»¹⁵.

На позиции этих специалистов нужно остановиться особо.

На мой взгляд, люди, обращающиеся к статистике, делятся на три категории (оставляя в стороне бухгалтерию).

Одни с ее помощью *хотят* лучше понять прошлое или настоящее. У других задача прагматически утилитарная — им *нужно* доказать то, что хочется или нужно доказать, неважно по каким причинам.

Полагаю, что именно в результате осмысления первыми усилий вторых и увидела свет известная мысль о статистике как одном из видов лжи. О третьем типе пользователей я скажу ниже.

Урожайная статистика еще в XIX в. стала предметом продолжающейся до наших дней дискуссии¹⁶ не только по причинам, так сказать, академическим.

В специфических российских условиях уже с 1870-х гг. данные урожайной статистики перестали быть нейтральной, т. е. справочной статистической информацией, поскольку аграрное развитие России из проблемы хозяйственно-экономической превратилось в проблему также и политическую.

Заведомо заниженная статистика урожаев — а иной она и не могла быть — как будто специально предназначалась для иллюстрации тяжелого положения крестьянства. И соответственно, начиная с Янсона, она сразу же стала играть важную роль в публицистической борьбе народников с правительством: утверждения о низком уровне урожайности и потребления населения, о «недоедании», удивительным образом не имеющем «пределов», были краеугольным камнем оппозиционных пропагандистских кампаний (в тех же целях ее использовала и советская историография).

Н. Осипов замечает по этому поводу: «Со времен Генгоборского принято считать, что вычисляемый урожай примерно на 10 % ниже действительности; и мнение это подтверждается, между прочим, тем обстоятельством, что в некоторые годы разность между чистым сбором и вывозом хлебов, при разделении этой цифры на численность населения, **давала такую потребительную норму, которая послужила даже поводом к утверждению, что в России будто бы происходит массовое недоедание** (Николай-он, «Очерки нашего пореформенного хозяйства»), — мнение, к счастью, до

сих пор не подтвержденное никакими прямыми и бесспорными фактами»¹⁷.

Нельзя не вспомнить, как характеризует данный труд Николая-она (Н. Ф. Даниэльсон) М. И. Туган-Барановский: «Эта работа долгое время считалась у нас образцом статистического искусства и знания. Но позднейшая критика обнаружила, что статистика г. Н-она, несмотря на свой более научный вид, столь же неудачна, как и статистика г. В. В. (В. П. Воронцова. — М. Д.). Отличительной чертой статистических построений обоих этих авторов — и даже г. Н-она еще более, чем г. В. В., — является крайне некритическое отношение к статистическим источникам, к которым они прибегают, соединенное с весьма небрежным пользованием этими источниками. **Оба они не только верят любой цифре, помещенной в официальных изданиях, как бы ни была очевидна несостоятельность этой цифры, но сплошь и рядом не вникают в имеющиеся в этих самых источниках разъяснения относительно того, что именно изображают эти цифры.** Поэтому, они нередко сравнивают абсолютно не сравнимое. Получаются фантастические статистические построения, дошедшие до своего апогея в трудах профессоров Карышева и Каблукова. Ввиду этого о статистике г. Н-она лучше умолчать»¹⁸.

Даниэльсон был марксистом, Воронцов и др. — народниками, однако манера обращения их со статистикой была одинаково не приемлемой — она была *ниже* дилетантизма. М. И. Туган-Барановский в своих работах вдоволь посмеялся над их «обратившими на себя общее внимание» опусами.

Не смешно, однако, было то, что эти люди имели большой авторитет у «передовой» читающей публики, которая глотала все, что угодно, лишь бы это было состряпано по социалистическим рецептам. Правда ей была не нужна, и профессиональную критику Туган-Барановского, кстати тоже социалиста, она пропускала мимо ушей.

В 1884 г. К. Ф. Головин, иронически оценивая стремление народнических экономистов доказать (без учета фактора плодородия почвы), что в общинных губерниях урожайность выше, чем в подворных, писал: «Наконец, а это главное, самые цифры, на которых основан этот фактический материал, заслуживают мало доверия, так как данные, относящиеся к одной и той же губернии, но взятые из различных источников, расходятся между собою гораздо сильнее, чем цифры, получаемые одним и тем же ведомством из различных губерний.

Нельзя, в самом деле, без смеха читать глубокомысленные соображения иных исследователей, ломающих себе голову, отчего это в таком-то уезде средняя урожайность ржи на какую-нибудь десятую часть четверти ниже, чем в другом, соседнем, и объясняющих это всевозможными условиями, климатическими, почвенными, культурными и даже этнографическими. А настоящее объяснение, между тем, зачастую лишь в том, что обе средние цифры урожая попросту неверны. Смешно это кропотливое добывание выводов из сомнительных, по меньшей мере, статистических данных, и невольно оно приводит на память ироническое замечание графа Толстого, когда по поводу административной деятельности Алексея Александровича Каренина он говорит, что на каждый запрос правительственного лица всегда получаются ответы самые точные и не допускающие сомнения. Искусственная точность всегда была идеалом бюрократии; жаль, что за последнее время ее стали добиваться и ученые исследователи»¹⁹.

С 1880–1890-х гг. народнически настроенные авторы начали осторожно проводить мысль о том, что урожайная статистика ЦСК может считаться приемлемой, поскольку размеры занижения ею сборов не настолько велики. Полагаю, что не в последнюю очередь данный тезис был связан с пропагандистскими «удобствами».

В этом смысле очень показательна популярная в свое время книга П. И. Лященко «Очерки аграрной эволюции России» (1908), самая марксистская из его дореволюционных работ.

Лященко, в частности, должен был показать, как разоряется крестьянство под влиянием наступившего капитализма и вовлечения в сельскохозяйственный рынок. Для марксистов, в отличие от народников, этот процесс был не предметом скорби, а естественным и позитивным проявлением «непреложных закономерностей» исторического развития, по поводу чего этикет, однако, требовал пролить скупую марксистскую слезу.

П. И. Лященко, безусловно, был по-настоящему крупным ученым, прекрасно знавшим предмет исследования и хлебный рынок в частности, однако изначальная *идеологическая* заданность вектора исследования и соответственная ограниченность его пространства на пользу еще никому не шли. И поэтому профессионал в нем постоянно борется с марксистом.

Сначала он обозначает уровень сложности решаемых проблем: «Непосредственный статистический учет, например, хлеботоргового обмена — главного вида обмена в хозяйстве сельского населе-

ния — т. е. статистический учет размеров хлебных продаж сельским производительным населением, с одной стороны, и размеров хлебного снабжения несельского потребляющего населения, с другой, **представляется гораздо более трудным, чем даже учет общего хлебного производства, также весьма несовершенный**»²⁰.

Это вступительное заявление абсолютно справедливо, как и мысль о том, что урожайная статистика «весьма несовершенна». Однако тут же автор дает такую характеристику ее репрезентативности: «Наша урожайная статистика имеет свою весьма обширную критическую литературу; в ней достаточно уже выяснено, насколько точными должны считаться собираемые официальными органами сведения и подводимые на основании их абсолютные итоги урожая».

Вместо господствовавшего прежде огульного осуждения волостной статистики, на основании которой Центральный статистический комитет строит свои данные, такие компетентные исследователи, как Янсон, Фортунатов, Грасс и другие далеко не разделяют взгляды о полной непригодности волостной статистики. Для нас, однако, более важен не столько вопрос об абсолютной точности урожайных данных, сколько вопрос об относительной их точности, т. е. о сравнимости их на протяжении ряда лет между собою и с другими статистическими данными об условиях и характере хлебных цен»²¹.

Этот абзац, с одной стороны, показывает диапазон существовавших мнений о достоверности урожайной статистики, а с другой, демонстрирует те противоречия, которые в полной мере проявятся в дальнейшем анализе Лященко.

На одном полюсе — «огульное осуждение волостной статистики», на другом — мнение народнически настроенных авторов, которые «далеко не разделяют взгляды о *полной непригодности* волостной статистики». Даже если Лященко не совсем точно сформулировал свою мысль, из этой последней фразы следует что угодно, но только не тезис о том, что эта статистика достоверна.

Автор не говорит об «абсолютной точности урожайных данных» — ему очевидна их неточность. Однако при этом Лященко важно иметь хоть какую-то точку отсчета, чтобы анализировать данные о перевозках. Понятно, что комфортнее при этом в своих изысканиях отталкиваться не от взгляда о полной «непригодности волостной статистики», а от мнения Янсона, Фортунатова и Грасса о том, что она не так уж плоха.

Однако тут же возникает не самый удобный вопрос: а насколько она все-таки плоха? Сколько у статистики может быть степеней «непригодности», пусть не «полной»? Какую из них следует предпочесть исследователям и т. д.?

Излагая историю становления урожайной статистики после 1861 г., Лященко резюмирует: «Таким образом, данные ЦСК даже на протяжении последних 15 лет не отличаются полным однообразием ни по способу собирания, ни по способу обработки сведений, ни по району, который они охватывают. **Особенно важным внутренним недостатком является отсутствие правильных данных о посевных площадях, ставящее и все дальнейшие исчисления на зыбкую почву**»²².

Это вывод профессионала, в дальнейшем, однако, побеждаемого «партийностью». С одной стороны, Лященко постоянно извиняется за то, что делает категорические и притом «глобальные» выводы на очень куцем материале, источниковедческую уязвимость которого и сам прекрасно сознает, но, с другой стороны, он упорно их делает!

Получается довольно забавно.

Автор предпринимает «статистическое изучение» внутреннего сельскохозяйственного рынка на основании торговой, урожайной, транспортной и ценовой статистики, *неустанно говоря при этом о слабости своей статистической базы*. Так, описывая отношения крестьянского хозяйства к рынку и наоборот, Лященко вновь заранее оговаривается, что в его распоряжении нет «каких-либо общих, исчерпывающих статистических данных» на этот счет, а лишь «ряд описательных иллюстраций из богатой в этом отношении земской литературы, хотя, конечно, уже несколько устаревшей по этому живому вопросу»²³. Тем не менее «описательные иллюстрации» становятся поводом для жестких выводов: российские крестьяне вынуждены продавать не только излишки урожая, но и тот хлеб, «который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»²⁴ и т. д.

Увы, Лященко был не первым и не последним, кто признавал и признавал неточность урожайной и бюджетной статистики, несовершенство и даже ущербность используемой для оценки потребления населения методики, однако делал, тем не менее, с их помощью весьма широкие, а главное — пессимистические обобщения.

Подобная порочная метода — типичная черта работ оппозиционных авторов. Особенно обидно, что пользовались ею не только

доморощенные «экономисты» типа Даниэльсона или Воронцова, которые *просто не понимали статистики*, а профессионалы высшей квалификации, как А. А. Кауфман или П. И. Лященко, поставленные партийными симпатиями в неприемлемую для настоящего ученого ситуацию — писать то, чего не думаешь, восполняя отсутствие значимой информации публицистичностью.

Характерно и притом интересно, что в последующих работах Лященко, написанных до 1917 г. и сохраняющих научное значение и сегодня, либо и намека нет на этот агитационный стиль, либо он очень сильно сглажен²⁵.

В 1915 г. Д. Н. Иванцов опубликовал свою знаменитую работу «К критике русской урожайной статистики», актуальную и в наши дни. Причины, побудившие его взяться за перо, таковы: «Оправданием настоящей критической попытки служат следующие довольно общеизвестные обстоятельства. С выхода в свет монументальных трудов Л. И. Грасса и А. Ф. Фортунатова прошло с лишком 20 лет, и содержащаяся в них оценка пореформенной урожайной статистики не удовлетворяет современного исследователя уже по тому одному, что затрагивает первые ее шаги, когда физиономия главных источников едва успела сложиться.

Новейшие же авторы или оперируют с территориально узким материалом, лишаящим их выводы общего значения, или сосредоточиваются на чисто методологических изысканиях и отдают числовому анализу ничтожное место. Мало этого: в своих итогах они нередко категорически расходятся с Л. И. Грассом и А. Ф. Фортунатовым, и, таким образом, не заменяя их трудов, еще дискредитируют их...

Как известно, заключения *Грасса* и *Фортунатова* носят довольно оптимистический характер. В противоположность этому, Гудзь пишет («Труды Комиссии по вопросам земской статистики»): «Нынешний тип регистрации урожаев должен считаться совершенно непригодным, по крайней мере, для двух весьма важных отраслей земского хозяйства, какими являются оценочная статистика и продовольственное дело». Составитель XV-й главы материалов «Комиссии 16 ноября 1901 г.», констатируя значительный рост сборов за 40-летие 1861–1900, отказывается придавать соответствующим цифрам серьезное значение, подчеркивая подавляющее воздействие на них формально-статистического момента. *Осинов*, предлагая свой проект реорганизации урожайной статистики, даже не аргументирует ее настоятельности, как будто

непригодность существующих данных уже доказана или ясна без доказательств. В. Г. Михайловский заявляет на XII съезде Естествоиспытателей и врачей: «В общем насчитывается не меньше 15 различных источников сведений об урожаях, и несмотря на такое перепроизводство урожайной статистики, в конце концов нельзя даже с уверенностью сказать, каковы результаты в данном году, большой ли у нас урожай или голодный год»²⁶.

Сопоставляя размеры ежегодных урожаев по разным источникам, выявив существенные различия между ними, «Д. Н. Иванцов пришел, видимо, к **справедливому выводу, что ежегодные данные об урожайности непригодны для практической утилизации...** Наконец, Д. Н. Иванцов пытался проверить близость сведений ЦСК и земств по размерам посевных площадей... Вывод был тот, что полагаться на данные ЦСК и земств о посевных площадях нельзя»²⁷. Важно подчеркнуть, что эти заключения делает И. Д. Ковальченко.

Среди недостатков статистики ЦСК МВД Иванцов выделяет «исключительную роль, выпадающую при собирании материала на долю низшей сельской администрации, заваленной другими делами, в массе случаев невежественной, при всем желании не способной удовлетворительно выполнять возложенные на нее статистические функции; полное отсутствие контроля и недостаточную тщательность и аккуратность при разработке собранного материала». Этим «далеко не исчерпываются слабые стороны комитетской статистики, **но очевидно, что и их одних достаточно, чтобы породить резкое недоверие к комитетским данным** и особенно к данным о площадях посевов, в применении к которым даже руководители Центрального Комитета находят свой метод «не строго научным и притом спешным»²⁸.

Работа Иванцова стала важной вехой в изучении российской урожайной статистики. Напомню мнение П. Грегори, справедливо считающего, что «основной предмет обсуждения» дореволюционной сельскохозяйственной статистики — «это так называемые исправления Иванцова, которые использовались Госпланом в середине 1920-х гг. для того, чтобы скорректировать цифровые данные Центрального статистического комитета, повысив их на 19 %. Можно себе представить, что столь значительная корректировка данных создает большую разницу в оценках выпуска и рынков продукции». Есть увеличивающая поправка в 10 %, к которой склоняется Б. Н. Миронов. Сам Грегори обосновывает цифру в 7 %²⁹.

В 1925 г. вышла статья Н. М. Виноградовой «Русская урожайная статистика», также ставшая в своем роде рубежом в историографии вопроса.

Виноградова ставит проблему следующим образом: «Уже одно то обстоятельство, что в литературе нередко вся острота спора о пригодности или непригодности сведений ЦСК сосредоточивалась на квалификации волостных писарей, как органов статистической службы, заставляет и нас поставить вопрос о том, к чему же на практике сводилось участие волостных писарей в собирании данных об урожаях?»³⁰.

После сравнительного анализа методики сбора данных об урожаях Департаментом земледелия, земствами и ЦСК в 1883–1915 гг. она приходит к следующему выводу: «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*»³¹. И это — заслуга волостных писарей, поскольку, по мнению автора, сообщения, поступавшие в ЦСК «в огромном большинстве случаев основывались на субъективных оценках среднего урожая, сделанных волостными управлениями применительно к условиям данной местности и данного типа хозяйства»³².

Роль волостных писарей, нарушавших инструкцию, по ее мнению, «не сводилась к простой передаче полученных от хозяев и исключительно последними заполнявшихся бланков об урожае. И именно последнему обстоятельству следует приписать **доброкачественность** данных Центрального Статистического Комитета и в то же время признать, что **в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае**»³³.

А. Л. Вайнштейн сразу же прокомментировал данное заключение: «Этот вывод Н. Виноградовой сам по себе очень интересен, ибо наносит сильный удар общепринятому в настоящее время положению о необходимости поправок и очень значительных к абсолютному уровню довоенной урожайности, по данным ЦСК»³⁴.

На деле удар оказался не сильным, а попросту сокрушительным, т. к. после него упомянутые поправки исчезли из отечественной литературы и историографии как факт.

Однако, при всем уважении к качеству статистического анализа, проведенного Н. Виноградской, я не могу согласиться с ее выводом по двум, как минимум, соображениям (не касаясь того, что число губерний, по которым проводится исследование, на мой взгляд, явно недостаточно для полноценных заключений).

Во-первых, он кажется умозрительным, поскольку не слишком убедительно вытекает из предыдущего авторского изложения. У меня нет возможности проводить здесь текстологический анализ обширной статьи Н. М. Виноградской. Однако ее непредвзятые читатели должны согласиться, что вся она, по сути, посвящена ответу на поставленный мной выше, применительно к рассуждениям П. И. Лященко, вопрос о том, каким числом процентов можно измерить «непригодность», пусть и «неполную», имеющейся урожайной статистики, в том числе и волостной.

Ведь задача Виноградской сводилась к определению того, какой из трех источников *надежнее* других. А задачу выяснить, какой из них *«настоящий»*, она и не могла себе ставить, ибо такового среди них не было изначально. Это было хорошо известно научному сообществу того времени, и если она взялась опровергать общепринятую точку зрения, то ей следовало мотивировать это более серьезно.

В результате своего анализа она выбрала из трех заведомо недостоверных источников тот, который заслуживает большего доверия, — урожайную статистику ЦСК МВД (с чем я согласен). Но из этого никак не следует вывод о том, что «данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*». Здесь явно не хватает придаточного (условного) предложения — «насколько мы можем представить себе действительность по этим источникам».

Да, Н. М. Виноградова определила более качественный, чем два других, динамический ряд данных, но и только! Однако она ничем *не* доказала, что он соответствует «действительности»!

Во-вторых, она не разбирает возражения критиков статистики ЦСК МВД по существу вопроса, а просто постулирует тезис о том, что «в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае». Подобный вывод был бы неоспорим, если бы в ее (и нашем) распоряжении были нарративные источники, подтверждающие этот вывод, но как итог *сугубо статистического* исследования он

неубедителен. Вспоминается мысль Дж. Коллингвуда о том, что статистика для историка хороший слуга, но плохой господин.

Сам по себе переход от «общепринятого» мнения о «необходимости поправок, и очень значительных», к урожайной статистике ЦСК к утверждению *о полной достоверности источника* выглядит уж очень неожиданным и однозначно требует более солидного обоснования, чем то, которое дает Виноградова, при том, что и в рамках ее текста, повторюсь, это утверждение не кажется вполне логичным.

Виноградова продолжает «оптимистическую» линию в отношении данных ЦСК, начатую Гроссом и Фортунатовым и поддержанную П. Лохтиным и Лященко, и повторяет аргументы Лохтина, подводя определенную статистическую базу под идею о том, что писари как исполнители были не так уж и плохи. Они давно несли государственные обязанности, в которые входило и предоставление статистики вышестоящим инстанциям, следовательно, они привыкли это делать, механизм был уже отлажен и т. п.

Спора нет — и механизм был отлажен, и статистику «наверх» они подавали десятилетиями, хотя само по себе это слабая гарантия ее надежности. Вопрос в том, *как* они делали это! Можно ли говорить о том, что и остальные свои «государственные» обязанности они выполняли «доброкачественно»?

Ясно, что о всех писарях в 15 тысячах волостей мы судить не можем, но можем использовать свидетельства компетентных современников о том, что для них было очевидно и понятно.

Не могу сказать, что дореволюционная литература подтверждает мысли Лохтина и Виноградовой. Совсем наоборот.

В 1887 г. К. Ф. Головин, рассуждая о том, что община вовсе не спасает крестьянство от пролетаризации, писал: «Статистических сведений о числе безлошадных дворов по губерниям у нас чрезвычайно много. И как оно всегда бывает с нашей статистикой, сведения эти довольно разноречивы... Наша статистика, и правительственная и земская, в конце концов, не может обходиться без просвещенного содействия волостных писарей; а всем достаточно известно, до какой степени эти почтенные деятели фантазируют, когда им приходится отвечать на официальные запросы. До какой степени перепись скота и лошадей дело нелегкое, даже при полной добросовестности исследователей, мы видим из отчета г. Армфельда о скотоводстве во Владимирской губ. Г. Армфельд приводит четыре различные цифры о числе голов рогатого ско-

та в этой губернии. И крайнее колебание этих цифр превышает 100 000 голов»³⁵.

В 1895 г. тот же автор констатирует: «Статистика вообще очень неверное зеркало экономического быта, а там, где она вынуждена полагаться на показания волостных писарей, ей нельзя доверять и по-прежнему»³⁶.

Возможно, кто-то упрекнет Головина в чрезмерно строгих оценках деловых качеств последних. Однако волостные писари вообще не являются положительными героями литературы начала XX в., будь то воспоминания С. Т. Семенова «25 лет в деревне» (за одним, впрочем, исключением) или специальная монография Н. К. Бржеского «Недоимочность и круговая порука сельских обществ». Из нее, например, никак не заметна озабоченность писарей, в основном занятых своими житейскими проблемами, предоставлением каких бы то ни было качественных статистических материалов.

Напротив, через всю книгу проходит мысль о «полной беспорядочности», о «крайне беспорядочном состоянии», о «запутанности» податного счетоводства вследствие ли «безграмотности старшин» или же того, что «взимание податей существенно зависит от волостных писарей — людей часто весьма мало пригодных»³⁷. А ведь податное дело априори было куда более важной сферой деятельности волостных писарей, чем ведомственная статистика урожаев.

В 1901 г. Н. Осипов представил Статистическому совещанию при Министерстве финансов свой проект реформы статистики, который по распоряжению председателя этого совещания был опубликован в брошюре «К вопросу о статистике урожаев». Это тот самый проект, о котором упоминает Д. Н. Иванцов.

Реформа должна была основываться на коренном изменении самой системы сбора различными ведомствами местной статистической информации через волостных писарей. Соответственно автор, с одной стороны, должен был продемонстрировать недостатки статус-кво, а с другой, убедить читателей, что предлагаемое им преобразование возможно. Сейчас нас больше интересует первое.

Оценивая проблемы урожайной статистики в целом, Осипов говорит, что даже в странах Запада сведения о посевах и урожаях «крайне неточны». В подтверждение этой мысли он приводит мнение статистика Конрада, вообще усомнившегося «в полезности статистики урожаев». А ведь на Западе они собираются в «до

бесконечности» более легких, в сравнении с Россией, условиях, прежде всего за счет неизмеримо меньшей территории и несравненно более высокой культурности населения.

Неудивительно, принимая во внимание те условия, в которые поставлена российская урожайная статистика, «что статистика посевов и урожаев является у нас крайне неточной и — по нашему глубокому убеждению — должна таковою оставаться еще долгое время — до тех пор пока не изменятся те условия, непременным результатом которых эта неточность является»³⁸.

Что же это за условия?

«Огромность и разбросанность культурного пространства, миллионы и даже десятки миллионов независимых сельских хозяйств, их почти поголовная неспособность дать письменные ответы на письменные же вопросы, наконец, собирание сведений о посевах и урожае хлебов главным образом **для правительственных целей** — таковы коренные условия организации статистики посевов и урожаев в России, условия — очевидно не похожие на западноевропейские и североамериканские и игнорирование которых может привести к совершенно напрасной трате сил и материальных средств без достижения цели»³⁹.

Вместе с тем автор считает, что недостатки нашей статистики постепенно могут быть устранены, но для этого нужна разумная реформа и время (возможно, не один десяток лет).

Осипов называет 4 пункта, на которых базировалось мнение исследователей о занижении величины урожая: «1) Сведения об урожае собираются волостным правлением — учреждением, имеющим близкое соприкосновение с органами фиска и потому не располагающим население к откровенности в отношении размеров его благосостояния, главнейшим определителем которого является урожай.

2) Заведомая небрежность волостных писарей в составлении всякого рода сведений, вследствие которой всего вероятнее ожидать пропусков, чем прибавлений.

3) Отсутствие у населения записей о площадях посевов и урожаев, вследствие чего даже при желании населения дать добросовестные показания и при полной аккуратности волостных писарей все-таки возможны по причине естественной забывчивости более или менее крупные пропуски в площадях посева, ведущие, конечно, к преуменьшению урожая.

4) Наконец, нет никаких поводов ни у населения, ни у волостных писарей преувеличивать показания об урожаях.

Что касается до частных владельцев, которые сами доставляют полицейским чинам сведения об урожае, то к ним, за немногими исключениями, вполне применимы пункты 2-й, 3-й и в значительной степени — по крайней мере к мелким землевладельцам из недворянских сословий — п. 1-й. Случаи, когда частные владельцы преувеличивают достоинство своих земель, очень немногочисленны вообще — это именно при закладе и при продаже земель — и притом не имеют никакого отношения к ежегодному определению урожая.

...Можно признать за достоверное, что существующие сведения об урожаях преуменьшены против действительности в более или менее значительной степени; но как велико это преуменьшение — на 10 ли процентов, как полагал Тенгоборский, более или менее — положительных данных на это нет»⁴⁰.

Отметим, что упрек в небрежности предъявляется не только волостным писарям, но и землевладельцам; это необычно и заслуживает внимания.

Содержание пунктов 1-го и 4-го раскрывает следующая мысль Осипова: «Регистрация (сведений об урожаях. — М. Д.) в глазах населения долгое время, если не навсегда, сохранит **фискальный характер**; да и в действительности она, без сомнения, имеет таковой оттенок, так как, в конце концов, главнейшая ее цель — по крайней мере в России — заключается или в определении податной силы населения... или в выяснении продовольственных потребностей. Далее, какие бы формы не были придуманы для регистрации... все-таки регистрация эта будет вторжением в частнохозяйственную жизнь населения, которое равно неприятно как для регистраторов, так и для населения; и это последнее всегда будет относиться к ним, по меньшей мере, недружелюбно»⁴¹.

Очень интересно его мнение о главных действующих лицах предлагаемой им реформы: «О волостных писарях вообще и, в частности, как статистиках существует столь всеобщее и столь давнишнее предубеждение, что об этом предмете необходимо высказаться с полной подробностью... Старый тип волостного писаря — невежественного, нетрезвого, трусливо-плутоватого, живущего взяточничеством, вымогательством и вообще незаконными доходами, рабски подчиненного всем уездным начальствам и вместе с тем крестьянству — хорошо всем известен»⁴².

Хотя этот «прежний тип... в настоящее время уже выводится... тем не менее, — продолжает автор, — отнюдь не следует само-

обольщаться относительно истинных свойств этого разряда должностных лиц волостного управления. Без сомнения, они далеко выше прежнего; но не подложит также сомнению, что они далеки и от того, чем бы должны быть.

Все-таки огромное большинство волостных писарей рекрутируется из неудачников на других поприщах службы или деятельности, преимущественно по причине недостаточности образования...

Это представление о волостном писаре... почти никогда не принимается в расчет при требованиях, обращенных к волостному правлению в области статистики, а между тем оно-то и должно быть положено в основу при обсуждении вопроса, какие статистические сведения может — а потому и должно дать волостное правление, и каких, напротив, оно не может дать, а потому, если оно дает их, то о них заведомо можно сказать, что они вздорные, и если могут быть верными, то лишь при особо благоприятных условиях и притом случайно»⁴³.

Дальнейшее изложение подводит читателя к ключевой мысли: «Волостная статистика в настоящее время плоха не потому, что волостной писарь не может быть низшим статистическим агентом, а потому, что она совершенно дезорганизована.

Дезорганизация заключается в том, что многие статистические программы выше интеллектуального уровня волостных писарей, что последние никем не инструктируются, не контролируются и потому совершенно безответственны в отношении собирания статистических сведений; наконец, благодаря тому, что нет ведомства, которое не обращалось бы в волостные правления чрез своих местных агентов, писаря чрезвычайно обременены статистической работой и вынуждены исполнять ее небрежно»⁴⁴.

Осипов колоритно описывает обстановку, в которой происходит статистическая деятельность волостных писарей.

Почти во всех министерствах с удивительной легкостью и быстротой составляются разнообразные статистические программы, большая часть которых просто непонятна волостным писарям «вследствие невозможности уложить в заранее придуманную программу все разнообразие жизненных явлений...

О добром старом времени рассказывается случай, что на вопрос одной программы: «каковы в данной местности фауна, флора и климат» получился убежденный ответ: «ни флоры, ни фауны нет, а вместо климата — один только зной палящий». Весьма веро-

ятно, что это статистический анекдот, о котором, однако, можно сказать: *Si non e vero, e ben trovato*»⁴⁵.

Осипов приводит конкретный пример программы для сбора сведений об общинном землевладении в Сибири, на основании которой писались научные работы. Он лично видел в волостных правлениях черновики ответов на вопросы этой программы, сам собирал аналогичные сведения и «может удостоверить, что ничего похожего на действительность он в этих черновиках не нашел. И причина этого была совершенно ясна и понятна: волостной писарь в программе ровно ничего не понимал. Он видел перед собой слова и предложения, но смысла их не понимал — не понимал самого первого слова этой программы: “община” — слово, которое нигде, кроме науки и литературы, не употребляется. Обязанный отвечать на поставленные вопросы, он в каждое слово их влагал, после долгих догадок и обдумываний, свой собственный смысл и на него-то уже писал ответ, в котором чувствовалось что-то похожее на действительность, но что ни в каком случае не было ею и на чем, конечно, нельзя было делать ни выводов, ни обобщений, ни заключений, потому что все это, взятое в общем, было, в сущности, какой-то фантазмагорией»⁴⁶.

«До сих пор, — пишет автор, — к волостным правлениям постоянно обращаются с вопросами, которые превышают “их обычный интеллектуальный уровень”. Беда, однако, в том, что “от этих безрассудных статистических требований страдают” не только те, кто придумывает эти программы — “страдает вся статистика, базируемая на волостном писаре”. Отвечая решительно на всякую программу и видя, как все это сходит с рук, волостной писарь, сначала с уважением относящийся к статистическим программам, **постепенно делается развращеннейшим (sic!) в статистическом отношении существом (!)**: для него нет трудностей, нет неисполнимых программ, нет недобываемых сведений. И если бы он получил вопрос определить, “какое, примерно, число лучей, падающих на землю от Сириуса, приходится на каждого жителя N-ской волости”, то он нимало не затруднился бы ответить на этот вопрос».

Автор, имевший «очень много... дела с волостными писарями», говорит, что «первое, что нужно было сделать, чтобы пользоваться их услугами, — это искоренить в писаре убеждение, что он может доставить какие угодно сведения. Нужно было сначала до осязательности ясно показать писарю, до какой степени “непросто” дать ответ на самый простой вопрос, например, о числе дворов или до-

мохозяев в данном селении? Чего, кажется, проще — а между тем, сколько недоразумений может быть из-за этого коротенького, в 5 букв, словечка»⁴⁷. Приводимый Осиповым пример, на котором я не могу остановиться подробнее за недостатком места, надо сказать, из ряда весьма впечатляющих.

Писарей необходимо отучить от «зловредной мысли, что статистика не требует ни ума, ни знания и есть не что иное, как только разграфленная бумага, наполненная цифрами, которые могут обозначать что угодно». Именно с этого нужно начинать исправление волостной статистики⁴⁸.

Пока же существует «такое нелепое положение, что несколько ведомств, получив от подчиненных им органов различные донесения об одном и том же явлении, например, об урожае, вступают между собой в пререкания, взаимно стремясь опорочить цифры другого ведомства» (с этим сюжетом историография, кажется, не знакома).

Единственным источником информации для всех них (кроме корреспондентов МГИ) является волостное правление.

Казалось бы, сведения «должны бы быть тождественны».

А между тем это не так, во-первых, из-за различия в формах анкет, а во-вторых, по причине «небрежности или недальновидности волостных писарей: **аккуратный или умный писарь всегда будет подгонять (что, впрочем, не всегда возможно) сведения к первоначально посланным им куда-нибудь сведениям, небрежный писарь будет их выдумывать, а недальновидный — вновь собирать по новой форме**».

И разнобой между сведениями разных министерств об урожае, и «шаткость этих сведений» вытекают также из того, что волостное правление, буквально заваленное «всевозможными статистическими требованиями», одновременно «лишено всякого живого инструктирования по этой части». Все вышестоящие инстанции считают себя вправе требовать любые сведения, но инструктировать волость в этом отношении полагают не обязательным.

Кроме того, практическое отсутствие контроля и ответственности волостных писарей за представленную информацию также не идут на пользу делу. Простота и понятность статистических программ, даже и «хорошо разъясненных исполнителям», все равно не гарантируют успеха: «Как показывает всеобщий опыт, можно ожидать ошибок, происходящих от тупости или недобросовестности исполнителей. Контроль в статистике столь же полезен,

как и во всяком деле, хотя бы даже он не давал непосредственно осязательных результатов — самое бытие его уже полезно, возбуждая в тупых усиливая понять дело, а в недобросовестных — исполнительность. **В настоящее время волостной писарь, что захочет, то и напишет, и ошибки его будут замечены разве в том случае, если он площадь измерит часами, а время аршинами.** Какие бы сведения волостные правления не доставили — они без проверки подсчитываются в том учреждении, которое их требовало, без всякой гарантии какого бы то ни было сходства этих сведений с действительностью. Само собой разумеется, что одно это обстоятельство способно деморализовать даже добропорядочных волостных писарей и в значительной степени парализовать благие последствия осуществления двух первых условий упорядочения волостной статистики»⁴⁹.

Хотя волостные правления обременены сбором различной статистики, но «в лестнице обязанностей волостных писарей» эта обязанность «считается очень второстепенной». Им важно вовремя представить необходимые сведения, и они «заботятся лишь о чистоте переписки, — смотря по начальству, которому сведения должны быть представлены. **Что же касается до верности самых цифр, то об этом писаря всего менее заботятся, и они верны лишь постольку, поскольку вообще это возможно при нынешнем состоянии волостной статистики**»⁵⁰.

Сейчас ЦСК «с величайшей поспешностью и с таким же количеством ошибок» выпускает ежегодно два издания с урожайной статистикой. Для большей оперативности он «получает все сведения о посевах и урожаях непосредственно от волостных правлений и чинов уездной полиции. **Сколько в этих листочках пишется вздору — это хорошо известно** не только Центральному Статистическому Комитету, не только лицам, занимающимся сельскохозяйственной статистикой, но всем землевладельцам, всем становым, всем волостным писарям»⁵¹.

Информация об урожае «озимых» поступает в ЦСК к 15 сентября, а об урожае яровых — к 15 октября. Но к этому времени «получается лишь сырой и непроверенный материал; худо ли, хорошо ли, но Центральный Статистический Комитет делает этому материалу некоторую проверку в том хотя бы направлении, чтобы исключить из подсчета **сведения явно вздорные или прямо нелепые**, на что, конечно, уходит немало труда и времени». После этого ЦСК проводит огромную работу по перемножению площа-

дей на урожаи и по суммированию этих произведений по волостям и уездам⁵².

«В результате — когда, на основании таким образом собранного материала, ЦСК начинает делать свои выводы об урожаях, в полученных цифрах является общая неуверенность, не исключая самого ЦСК. Эта неуверенность остается, обыкновенно, без последствий, так как в годы хорошего и среднего урожая к цифрам, публикуемым ЦСК, относятся без должного внимания.

Напротив, в годы неурожаев цифры эти подвергаются справедливой критике, получается общая сумятица, и сам ЦСК теряет под собой почву, так как не может опереться на свидетельство местных начальств, мимо которых прошел весь основной цифровой материал и которые, при малейшем затруднении в продовольственном деле, начинают вновь собирать сведения об урожае, решительно игнорируя сведения ЦСК, который, в свою очередь, и сам не решается на них настаивать»⁵³. В итоге отсутствие местной проверки сведений об урожаях, которая приносится в жертву быстроте получения их ЦСК, «лишает их всякой полезности именно тогда, когда они всего нужнее, т. е. в годы неурожаев».

Разумеется, слова Осипова не могут поголовно относиться ко всем 15 тысячам волостных писарей, среди которых, как мы уже знаем, есть и «аккуратные», и «умные», и «добропорядочные», и те, кто «сначала с уважением относится к статистическим программам», однако тенденцию эти негативные мнения, полагаю, демонстрируют вполне отчетливо.

Проект Осипова относится к 1901 г., однако нет оснований считать, что в дальнейшем ситуация исправилась. По окончании продовольственной кампании 1906–1907 гг. МВД затребовало отзывы местных крестьянских учреждений о необходимости реформы продовольственного дела. Отзывы были получены из 23 губерний Европейской России: «**Почти отовсюду** указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае... При этом указывается **на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей**»⁵⁴.

В 1915 г. А. А. Кауфман вновь констатирует уже знакомую нам мысль: «Никакими разъяснениями нельзя устранить того несомненного факта, что крестьянину и целому крестьянскому обществу так-таки *выгодно*, или может быть выгодным, давать неверные показания, преуменьшать размеры своей земельной обе-

спеченности и своего имущественного благосостояния, ибо их показания, без всякого сомнения, *могут* отразиться на размерах обложения, повлиять на исход тех или других земельных ходатайств, предрешить размер продовольственной помощи или отказ в ней и т. п.»⁵⁵.

В своем учебнике «Теория и методы статистики» Кауфман пишет, что «о крестьянском скотоводстве и земледелии мы получим несравненно более полные и достоверные данные, если прибегнем к специальному, правильно организованному опросу, чем, если обратимся к не представляющим **никаких гарантий достоверности реестрам, которые ведутся в волостных правлениях...** Весьма различною может оказаться степень пригодности материалов вторичной статистики и в зависимости от их характера. **Трудно надеяться извлечь достоверные сведения об урожаях из записей волостных правлений**»⁵⁶, замечая, что писари, «при достаточной добросовестности, со своей стороны опрашивают некоторое число попадающихся им, так сказать, под руку крестьян».

Но мы уже знаем, что далеко не все писари были добросовестными, а у крестьян не всегда был резон говорить им правду.

Еще один пример. В 1912 г. правительственные агрономы, работавшие при Саратовской губернской землеустроительной комиссии, сопоставили, как это очень часто бывало в те годы в разных губерниях, урожаи на показательных полях и в соседних крестьянских хозяйствах. Специфика этого сравнения состояла в том, что агрономы в отчете привели две оценки крестьянского урожая — свою собственную, с одной стороны, и губернской земской управы, с другой. Эти сопоставления занимают несколько страниц.

Автор отчета приходит к следующему заключению: «В таблицах резко бросается в глаза чрезвычайно большая разница в высоте урожаев на соседних с показательными учреждениями крестьянских полях — по определениям агрономического персонала со статистическими сведениями губернского земства о средних урожаях в 1912 году — на основании сообщений волостных правлений.

Только в двух случаях для ржи и в одном для проса средний урожай по статистическим сведениям превышает таковой же по наблюдениям агрономов; во всех остальных случаях (порядка сотни. — *М. Д.*) по отношению ко всем пяти главным хлебам, наоборот, высота среднего урожая по данным статистики гораз-

до меньше зарегистрированного агрономами урожая на соседних (с показательными) крестьянских полях, причем разница нередко достигает до 100 и даже 150 %.

...Приведенный факт, по нашему мнению, **лишний раз подтверждает общеизвестное явление — неуклонную тенденцию волостных правлений уменьшать в своих сведениях высоту полученного сбора хлебов**⁵⁷.

Вся эта аргументация Н. М. Виноградовой просто игнорируется, хотя как минимум с частью ее она, безусловно, была знакома. С одной стороны, это и понятно, поскольку эти свидетельства показывают явную несостоятельность ее тезиса о «достаточно надежном аппарате волостных писарей». Но, с другой стороны, лично для меня во всем этом есть безусловная странность.

Напомню о трех категориях людей, работающих со статистикой.

Для двух первых статистика — источник сведений, необходимых либо для удовлетворения своей любознательности, либо для выполнения «личного» или социального заказа. Исходя из этого, Д. Иванцова, например, я отношу к первой категории, а П. Лохтина — ко второй.

При этом в обоих случаях речь идет о людях с повышенной степенью *личной* заинтересованности, сейчас неважно по каким мотивам.

Но есть и третья категория тех, кто пользуется и пользовался статистикой. Они по роду деятельности должны были применять свои навыки в обработке статистических материалов, ибо такова их профессия.

Они приходили на службу, допустим, в середине и второй половине 1920-х гг. «в Главк», и за жалование должны были подсчитывать что угодно — от импорта грузов через Ленинградскую таможню и добычи угля в Сталино до урожаев в Ульяновской и Центрально-Черноземной областях и т. д. По роду своей деятельности им приходилось также иногда сравнивать эти данные с ввозом товаров через таможню Санкт-Петербурга, добычей угля в Юзовке и урожаями в Симбирской, а также Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях в 1913 г.

Мало того, что при этом им приходилось пуды переводить в тонны, — ведь в случае с урожайностью нужно было еще учитывать, какие уезды после 1917 г. отрезали от указанных губерний или включили в них. Несложно представить, что в этих условиях

пересчет валовых сборов с дополнительной поправкой мог вызывать у множества статистиков, работавших в советских экономических учреждениях, элементарную идиосинкразию. Тем более что в 1920-е гг. эти данные потеряли житейскую, повседневную, если так можно выразиться, актуальность и по большому счету после 1917–1922 гг. не были важны — та жизнь ушла. Этим людям, безусловно, было удобнее открыть источник и просто брать оттуда цифры. Тут, конечно, тоже есть личная заинтересованность, но в несколько ином варианте.

Разумеется, я не настаиваю на этом предположении, но, думаю, что оно имеет право на существование именно как предположение. Лично я склоняюсь к нему, потому что, на мой взгляд, исследовательский уровень Виноградовой сам по себе и вся стилистика ее статьи не предполагают такого неожиданного и как бы нарочито скомканного вывода о «надежности» волостных писарей.

Как будто виртуоз вышел на сцену и закончил «Кампанеллу» «Собачьим вальсом».

С этой версией логически связана еще одна.

То, что зрелая советская историография не испытывала потребности в правдивой дореволюционной урожайной статистике, понятно. Но, может быть, уже в 1925 г. в связи с надвигающимся построением социализма в «одной отдельно взятой стране» повышенные сборы зерна в конце XIX — начале XX в. тоже начали кому-то мешать? Было ли это эпизодом известного противостояния между Госпланом и ВСНХ или чего-то в этом роде?

Пока это неизвестно. Но помнится, что в советское время вот так — выходом одной категорической, «приговорной» статьи — нередко заканчивались дискуссии по острым вопросам. В любом случае — даже если это и не входило в планы Виноградовой — здесь произошло именно так.

Советская историография после ее статьи перестала сомневаться в достоверности данных ЦСК МВД. Б. Н. Миронов показал, как влияли «идеологические» моменты на обсуждение проблем урожайности на примере дискуссии о губернаторских отчетах⁵⁸.

Разумеется, не случайно, что в наши дни идея о *полной* достоверности урожайной статистики снова возникла из небытия, когда оказалась востребованной пессимистическая версия причин русских революций. Разумеется, увеличивающие поправки к статистике ЦСК МВД в нее не вписываются. Ведь тогда другим будет душевное потребление хлеба и фуража, а это такой, на первый

взгляд, неотразимый аргумент в пользу квалификации русской революции как голодного бунта, а не как следствия проигрываемой тотальной войны!

В связи с этим нельзя не коснуться вопроса о средних душевых показателях потребления.

Когда-то народники для удобства пропаганды изобрели фикцию под названием «русский крестьянин», абстракцию такой заоблачной высоты, что впору надевать кислородную маску. Это *слишком* сложно сочиненное среднее арифметическое вполне отражало классовое, т. е. упрощенное восприятие окружающего мира этой публикой.

Едва ли не главная характеристика этой фикции — пресловутые душевые показатели потребления хлеба, получаемые в результате деления заниженного урожая на число жителей, которые затем сопоставляются с аналогичными показателями стран Запада. Из этих сравнений следует, что Россия была страной дистрофиков, а вовсе не мировой державой. К тому же — страной полуодетых дистрофиков, если привлекать сведения о душевом потреблении, например, хлопчатобумажных тканей. Какие претензии к карте мира могло выдвигать ее правительство с такими «стартовыми характеристиками» — мне лично непонятно.

Мне также неизвестно, задумывались ли авторы, приводящие в своих работах эти сравнительные данные, о проблеме их сопоставимости, о том, одинаковой ли была методика подобных подсчетов в разных странах, или же они попросту некритически заимствовали материалы из соответствующей литературы.

Сопоставимость расчетов как бы подразумевается сама собой, но так ли это на деле? Для меня очевидно, что данный сюжет требует обстоятельного изучения. В этом смысле три странички приложения к вышеупомянутой статье Н. В. Виноградовой об урожайной статистике других стран мне не кажутся достаточными. И пока мы не знаем в деталях, как собирались аналогичные сведения о поддушевом потреблении чего угодно в Англии, Германии, в Австро-Венгрии и т. д., какая методика лежала там в основе статистических обследований, подобные сравнения нельзя считать корректными. Это основы профессии.

Тут есть и такой нюанс. Сравнение душевых показателей потребления хлеба ущербно еще и потому, что исходит из тезиса об идентичности структуры питания жителей разных стран, а это неверно. В. Г. Тюкавкин, приводя, в частности, данные А. А. Кауф-

мана «о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США — 7,2 пуда, в Англии — 9,4; во Франции — 12,3; в Германии — 14,2 и в России — 12 пудов на человека в год», тонко замечает: «Невольно вспоминаются записки одного из крупных немецких разведчиков кануна Первой мировой войны о том, что самым тяжелым бременем в его работе в Англии было ограничение в потреблении хлеба, чтобы не выделяться из окружающей среды»⁵⁹.

Наконец, в конце XIX — начале XX в. душевое потребление хлеба перестает быть главным и безусловным критерием уровня потребления населения.

В «Материалах по вопросам разработки общего плана продовольствия населения», ставших итогом кропотливой работы А. В. Чаянова и его сотрудников над бюджетами, есть принципиально важные выводы, не замеченные традиционной историографией.

По мнению авторов, «душевое потребление хлеба в среднем по губерниям (без Херсонской и Олонецкой), захваченным бюджетными обследованиями равно 16 пудам хлебных продуктов (более точно 15,99)».

Данные по отдельным губерниям и уездам дают большие отклонения от средней: по Симбирской губ. — 124 % (19,45 пуд.), по Тульской — 82 % (12,77 пуд.). И даже в пределах одной губернии наблюдается большая разница в потреблении хлеба по районам губернии — плюс-минус 10–12 % от средней по губернии.

Авторы считают, что **«разница в потреблении хлеба зависит от различия форм экономической жизни населения, и чем резче разница в формах экономической жизни по тем или иным местностям, тем больше разницы в потреблении хлеба мы находим...**

Средняя норма по всем губерниям имеет **чисто условный характер**, зависящий от характера той совокупности губерний и уездов, которые подверглись бюджетным обследованиям.

Характерным для потребления не только хлебов, а, как увидим дальше, и других продуктов является постоянная разница по отдельным районам, обусловленная различными экономическими особенностями их. Поэтому необходимо наибольшее внимание обратить на это различие в потреблении и наблюдение правильностей и зависимости его от местных условий»⁶⁰.

Иными словами, характер и величина крестьянских внеадельных заработков, прямо влияя на бюджет жителей, определяли

структуру их питания. Например, в промышленной Костромской губернии потребление хлеба было ниже, чем в преимущественно земледельческих уездах Вятской губернии, и объясняется это тем, что костромские крестьяне больше зарабатывали, и их питание начало меняться.

Авторы делают вывод о том, что «потребление зерновых продуктов за последние 20–30 лет сократилось и было отчасти заменено потреблением других пищевых средств»⁶¹.

Из сказанного следует принципиально важная мысль о том, что «более низкое потребление хлеба» *не является синонимом нужды*. С ней связан не менее значимый тезис о постепенных переменах в «построении потребления» населения.

Чаянов, разумеется, был не первым исследователем, говорившим об эволюции структуры питания. К. Ф. Головин еще в 1899 г., разбирая аргументы противников идеи перепроизводства хлеба в конце XIX в., специально останавливается на том, что показатели его ввоза в страны-потребительницы отстают от роста населения в них, и вопрошает: «Разве это сравнительное ослабление импорта доказывает недостаток хлеба на всем пространстве земного шара? Разве мы, напротив, здесь не наталкиваемся на самый узел вопроса — на коренную причину упадка цен?»

На эти вопросы он дает точный ответ: «Да, потребление хлеба в культурных странах слабеет, но не оттого, что мало производится зерна, а оттого лишь, что изменяется характер пищи.

Рост благосостояния позволяет рабочему в Западной Европе и Америке все больше потреблять овощей, мяса и молочных продуктов, а стало быть, заменять хлеб пищей более сытной и вкусной. **Мы (же) продолжаем твердить за гг. статистиками и на основании данных, относящихся к началу 70-х годов, что в среднем на жителя Англии, Бельгии, Франции приходится в год от 19–25 пуд. муки, и чистосердечно ему завидуем, воображая, что чем богаче народ, тем больше он ест хлеба.**

Упускаем мы из вида одно лишь, — что за последнюю четверть века производство картофеля повсеместно увеличилось (а картофель дает с гектара в 10 раз больше пищевого продукта, чем любой хлеб), и что одновременно с этим, еще в больших размерах, увеличилось потребление мяса, сыра, коровьего масла, овощей и плодов. Между этим явлением и упадком цен на зерно не только причинная связь, но и взаимодействие»⁶².

Головин в присущей ему язвительной манере указывает на то, что время «хлебоцентристского» подхода к потреблению населения проходит, а кое-где в мире уже прошло, и отмечает общемировой вектор эволюции потребления — вытеснение муки овощами, молочными продуктами и мясом.

Данный процесс в конце XIX — начале XX в. начался уже и в России, хотя в разных регионах шел, понятно, по-разному⁶³. Его изучение, полагаю, куда более важная задача для историографии, чем порядком набившие оскомину «хлебофуражные нормы», особенно высчитанные Министерством продовольствия в самое подходящее для этого время — после корниловского мятежа, в сентябре 1917 г.

К тому же замечу, что эти нормы были получены не на горе Синай и даже не в Парижской палате мер и весов, — их подсчитывали живые люди, имевшие на этот счет свои представления.

Не касаясь «метафизических» аспектов проблемы абсолютной достоверности, хочется, перефразируя К. Ф. Головина, спросить: «Неужели есть люди, серьезно верящие, что существует точная регистрация хлебного производства на всем пространстве» необъятной России?

Неужели в профессиональном сообществе нужно всякий раз специально доказывать, что изучаемые масштабные процессы фиксируются лишь на уровне тенденции — больше или меньше?

Уместно здесь привести мнение Б. Н. Миронова: «При оценке точности данных любой статистики, в том числе сельскохозяйственной, нужно принимать во внимание, что абсолютно надежных данных не бывает в принципе. Колебания данных в разных источниках закономерны, если они в пределах 10–20 %, то они приемлемы для научного анализа. При современном учете, неизмеримо более совершенном, чем 100–200 лет назад, точных данных также не существует. Английский статистик О. Моргенштерн установил, что в США статистические данные, разрабатываемые двумя главными центрами сельскохозяйственной статистики, Бюро цензов и Министерством сельского хозяйства, в 1950-е гг. отличались друг от друга по уборочной площади основных культур от +0,6 до –24,6 %, по производству — от +6,0 до –13,4 %»⁶⁴.

Подведем некоторые итоги.

Урожайная статистика ЦСК МВД, по моему мнению, не является достоверным источником. Но это не значит, что «Пизанскую

башню», условно говоря, нельзя выпрямить, или хотя бы уменьшить «угол наклона».

При *квалифицированном* профессиональном обращении данные ЦСК, безусловно, могут использоваться в исследованиях.

Только не нужно их воспринимать как нечто абсолютное и притом абсолютно достоверное.

К статистике — какой бы то ни было — так вообще лучше не относиться.

Поэтому мой вывод таков: введение современными авторами (П. Грегори и Б. Н. Мироновым) в проводимых ими исследованиях поправок к сведениям ЦСК МВД об урожаях с источниковедческой точки зрения необходимо и оправданно.

Примечания

¹ Нефедов С. А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 31–34 и др.; Нефедов С. А. К дискуссии об уровне потребления в предреволюционной России // Российская история. 1911. № 1. С. 73–86; А. В. Островский. О модернизации в книге Б. Н. Миронова. Вопросы истории. 2010. № 10. С. 119–140; Островский А. В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 129–144.

² Грегори Пол. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 111; Б. Н. Миронов. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах Русской революции. С. 118–125; Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 279–297; Давыдов М. А. К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX — начале XX века // Российская история. 2009. № 2; Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя. 2010. С. 68–73, 231–233.

³ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М., 2003. С. 62–63. Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит их авторам, выделение жирным шрифтом — мне (М. А.)

⁴ Головин К. Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С. 101–104.

⁵ См., напр.: Отчет землеустроительной комиссии Области Войска Донского за 1913 г. Новочеркасск, 1914. С. 67, 70, 75.

⁶ Фирсов П. П. К вопросу об оценке земель как предмета земского обложения (Историко-критический этюд). Херсон, 1894; Кауфман А. А. К вопросу о бюджетных исследованиях // Кауфман А. А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика М., 1915; Там же. Земская статистика и статистическая методология.

- ⁷ Кауфман А. А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара. 1916. С. 4–5.
- ⁸ Там же. С. 17–18.
- ⁹ Юрьевский Б. Возрождение деревни. Пг., 1914. С. 162–163.
- ¹⁰ Там же. С. 164–168.
- ¹¹ Там же. С. 167–168.
- ¹² Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 1. С. 378–379.
- ¹³ Ермолов А. С. Наши неурожаи... Т. 1. С. 540–541.
- ¹⁴ Производство, потребление и перевозки хлебов России в 1909–1913 гг. СПб., 1916. С. X.
- ¹⁵ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 251.
- ¹⁶ Миронов Б. Н. Благополучие населения... С. 279–295.
- ¹⁷ Осипов Н. К вопросу о статистике урожаев. СПб., 1901. С. 20.
- ¹⁸ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 514–515.
- ¹⁹ Головин К. Ф. Разрешен ли крестьянский вопрос? // Русское обозрение. 1894. Ноябрь. С. 211–212.
- ²⁰ Лященко П. Очерки истории аграрной эволюции России. СПб., 1908. Т. 2. С. 279.
- ²¹ Там же. С. 283–284.
- ²² Там же. С. 286.
- ²³ Там же. С. 388.
- ²⁴ Там же. С. 398, 416.
- ²⁵ Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912; Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915.
- ²⁶ Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915.
- ²⁷ Массовые источники... С. 256–257.
- ²⁸ Иванцов Д. Н. К критике... С. 3.
- ²⁹ Грегори Пол. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 111.
- ³⁰ Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. № 10–12. С. 38.
- ³¹ Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. № 1–6. С. 90.
- ³² Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. № 10–12. С. 39.
- ³³ Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. № 1–6. С. 99.
- ³⁴ Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем // Избранные труды. Советская экономика в 20-е годы. М., 2000. Кн. 1. С. 293.
- ³⁵ Головин К. Ф. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 153–154.

³⁶ Головин К. Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика. СПб., 1895. С. 71.

³⁷ Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897. С. 215, 240, 251 и др.

³⁸ Осипов Н. К вопросу о статистике урожаяев... С. 19.

³⁹ Там же. С. 15.

⁴⁰ Там же. С. 20–21.

⁴¹ Там же. С. 47–48.

⁴² Там же. С. 27–28.

⁴³ Там же. С. 28–30.

⁴⁴ Там же. С. 72.

⁴⁵ Там же. С. 30–31.

⁴⁶ Там же. С. 31–32.

⁴⁷ Там же. С. 33–34.

⁴⁸ Там же. С. 36.

⁴⁹ Там же. С. 40–41.

⁵⁰ Там же. С. 41–42.

⁵¹ Там же. С. 71, 67.

⁵² Там же. С. 69–70.

⁵³ Там же. С. 67–68.

⁵⁴ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 2. Приложение. С. 6.

⁵⁵ Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 466.

⁵⁶ Там же. С. 257.

⁵⁷ Деятельность правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии в 1912 г. Саратов, 1913. С. 71–72.

⁵⁸ Миронов Б. Н. Благосостояние населения... С. 279–295.

⁵⁹ Тюкавкин В. Г. Великоорусское крестьянство. Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 67.

⁶⁰ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия / под ред. А. В. Чайнова. Вып. I. М., 1916. С. 33–35.

⁶¹ Там же. С. 33–34.

⁶² Головин К. Ф. Наша финансовая политика... С. 104–105.

⁶³ Знал бы К. Ф. Головин, что и в начале XXI в. в России будут защищать диссертации, авторы которых «приговаривают» большую часть дореволюционного крестьянства к пожизненному существованию «на хлебе и воде»!

⁶⁴ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 292.

И. А. Кузнецов*

Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии

Накал дискуссий об уровне развития и тенденциях сельского хозяйства царской России, об уровне благосостояния крестьян и о результативности реформ второй половины XIX — начала XX в. достиг в последние годы такого градуса, что у многих наблюдателей складывается впечатление, будто оппоненты ведут речь уже не об одной стране, а о разных¹. На самом деле, страна, конечно, была одна — слишком сильно разнятся идеологемы историков. С одной стороны, в 2000-е гг. вышел ряд работ, которые рисуют картину устойчивого динамичного роста сельскохозяйственного производства, следствием этого роста видится рост внутреннего и внешнего рынка, рост потребления и уровня жизни крестьян, а реформы (1861 и 1906–1914 гг.) предстают в этом контексте исключительно успешными, особенно вторая. Это направление пришло в столкновение с парадигмой объяснения российских революций через концепцию аграрного кризиса. Одним из основных источников, к которому так или иначе обращаются все исследователи, занимающиеся данными вопросами, является урожайная статистика. Не удивительно, что вокруг нее снова ломаются копья.

Данная статья имеет целью, не вторгаясь в содержательное поле большой дискуссии, по возможности кратко охарактеризовать особенности этого источника, резюмировать аргументы и выводы тех исследователей, которые обращались к нему до революции, в 1920-е гг. и позднее.

* * *

Начну с конца. В современной литературе наиболее резкие, уничижительные оценки правительственной урожайной статистики принадлежат М. А. Давыдову, прямо утверждающему ее «недоверенность»². Тенденция искажения видится однозначно —

---

* Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук (Рязань).

занижение реального уровня. Ему же принадлежит замечательное образное сравнение: «Урожайная статистика России — своего рода Пизанская башня отечественной исторической науки, которая, в отличие от оригинала, радует глаз не столько красотой, сколько удобством, несмотря на очевидное отклонение от нормы»³. И такое заявление: «К сожалению, представляется, что именно урожайная статистика во многом препятствует адекватному анализу аграрного развития России в конце XIX — начале XX в.»⁴

В качестве аргументов исследователем приводятся два довода. Один априорный: крестьяне при опросах систематически занижали высоту урожая. Мотивы могли быть двоякими: либо они опасались повышения податей, либо они, особенно это относится к неурожайным годам и местностям, надеялись на продовольственную помощь от правительства. В подтверждение цитируются наблюдения некоторых современников.

Второй довод статистический. М. А. Давыдов сопоставляет данные Центрального статистического комитета о валовых сборах отдельных хлебов за отдельные годы в 11 губерниях с данными транспортной статистики о вывозе тех же хлебов из тех же губерний в те же годы. Культуры были взяты разные, годы для всех одни и те же: 1901–1903, 1908–1911. Выбор хронологии обусловлен наличием готовых материалов железнодорожной статистики, разработанных для указанных лет по губерниям еще специалистами Особого совещания по продовольствию в 1915–1916 гг.⁵, тогда как за другие годы подобной погубернской сводки не существует. Все данные М. А. Давыдов берет не суммарно и не по среднегодовым значениям, а год — к году. Его таблицы за недостатком места я воспроизводить не буду, желающие найдут их в оригинале⁶. Важен результат: в 12 случаях «суммарное отправление зерна *превышает* (курсив автора. — И. К.), иногда более чем вдвое (!), урожай данного года»⁷. Еще в ряде случаев оно не превышает, но явно непропорционально велико. Автор полагает, что этому факту «весьма непросто найти рациональное объяснение».

Однако такое объяснение есть, и оно довольно простое. Сопоставление М. А. Давыдова некорректно. Для корректного решения задачи надо не просто указать, сколько было вывезено зерна из данной губернии в данном году, но доказать, что это зерно было произведено на полях именно этой губернии и именно в этом году. На основании транспортной статистики, которой оперирует М. А. Давыдов, этого сделать, разумеется, невозможно.

Не странно ли, что никто прежде не проводил таких сопоставлений? Неужели дореволюционные статистики не знали о фактах, обнаруженных современным историком? Конечно, знали. И даже находили порой еще более впечатляющие несуразности. Так, специалист по транспортной статистике И. А. Поплавский ссылался на такой «алогический результат»: «В районе Нижегородской губернии, тяготеющем к Нижегородской железной дороге, валовой сбор хлебов в 1909 г. определяется в 4351,3 тыс. пудов, отправление же хлеба с железнодорожных станций рассматриваемого района достигает 13 225,6 тыс. пудов, т. е. в 3 раза больше валового сбора хлебов»⁸. Однако вместо вывода о недостоверности урожайной статистики он заключал отсюда о недостатках транспортной статистики (двойной счет и переотправки) и выдвигал ряд предложений по ее реформированию. «Вопрос заключается в том, — пояснял он, — что, пользуясь данными железнодорожной статистики, мы не всегда можем установить место происхождения груза, несмотря на то что место отправления регистрируется самым точным образом»⁹.

С тем же явлением столкнулись специалисты Особого совещания, материалами которых пользовался М. А. Давыдов: «Границы транспортных районов (т. е. районов тяготения к тем или иным станциям, пристаням, портам, таможням) часто не совпадают с границами тех административно-территориальных совокупностей, по которым приходится учитывать производство и делать выводы»¹⁰. По этим причинам транспортная статистика дала сильные искажения, в частности, в северокавказских губерниях; в Черноморской губернии величина потребления, если верить железнодорожной статистике, вообще оказалась отрицательной. В этом регионе огромное влияние имели не учитываемые гужевые перевозки к портам и каботаж. Попутно выяснился примечательный факт, что 20 % территории Пензенской губернии обслуживается железнодорожными станциями соседних губерний¹¹. Это значит, что ввоз и вывоз с этой территории транспортная статистика учитывает как ввоз/вывоз из соседних губерний.

Специалисты Особого совещания видели и хронологическую несопоставимость урожайной и транспортных статистик по принципу «год — к году»: «Отчеты по перевозкам даются за календарный год, который не совпадает с сельскохозяйственным, и

поэтому данные о производстве главнейшего из продовольственных продуктов — хлеба не вполне соизмеримы с данными о вывозе и ввозе»¹². Следовательно, вопрос о том, какая доля в объемах перевозок относится к урожаю того или иного года в той или иной губернии, должен быть предметом специального исследования. Поскольку такого исследования никто не проводил, цифры М. А. Давыдова являются не более чем статистическим казусом.

Главная причина появления этого казуса очевидна: большую часть данного года в перевозках участвует зерно прошлогоднего урожая или даже более поздних годов. Если воспользоваться таблицами М. А. Давыдова и просто пересчитать проценты перевозок к объему урожая не год — к году, а со сдвигом на год, то все казусы исчезают сами собой. Так, вывоз овса из Уфимской губернии в 1911 г., который составил 276,1 % от урожая 1911 г., — это лишь 34,8 % от урожая 1910 г.; 146,6 % урожая пшеницы, вывезенного из Оренбургской губернии в 1911 г., составляют лишь 13,7 % от прошлогоднего урожая и т. д. Кстати, за столь резкими изменениями процентных долей, которые мы видим при пересчетах, стоит хорошо известное резкое колебание российских урожаев год от года, которое вообще делает некорректным любое сопоставление данных сельскохозяйственной статистики по отдельным годам. Аксиомой для серьезного исследователя всегда являлось положение, что вопрос об уровне урожаев можно рассматривать только на основании средних за ряд лет данных, как минимум, пятилетних средних. Если же соотнести суммарное производство всех хлебов и картофеля по России за пятилетие 1909–1913 гг. с объемом их перевозок за тот же период, пользуясь теми же источниками, что и М. А. Давыдов, то окажется, что перевозки составляют 15,8 % от сбора, а только по 4 главным хлебам — 21,9 % (подсчеты Н. Д. Кондратьева)¹³. Никакого нарушения здравого смысла, как видим, в урожайной статистике нет.

Кстати, М. А. Давыдов верно подметил, что наибольшее несоответствие цифр обнаружилось в неурожайные годы (1901 и 1911), однако вместо логичного вывода, что следует учесть запасы прошлых лет или прошлогодний урожай, он, следуя своей цели доказать отсутствие голодовок у крестьян, выдвинул иную версию: «В неурожайные годы происходило занижение урожайности респондентами ЦСК МВД (курсив автора. — И. К.), или что то же самое, преувеличение масштабов бедствия»¹⁴. Увы, эта догадка противоречит опыту земских статистиков, который показывал,

что скорее следует ожидать занижения, наоборот, в урожайные годы. А. Ф. Фортунатов писал: «Год исследования влияет на степень лганья и на степень охоты, с какой даются показания. И в Московской, и в Нижегородской губернии было, например, замечено, что в неурожайные годы крестьяне с большею охотой дают сведения об урожаях, и сведения эти ближе к истине, чем в годы урожайные»¹⁵. Впрочем, сам факт «лганья» крестьян при опросах статистики никогда не отрицали.

В современной литературе встречается критика урожайной статистики и с противоположной стороны. Один из оппонентов М. А. Давыдова, М. И. Роднов, сделал сопоставление данных ЦСК по Уфимской губернии за 1898–1914 гг. с данными земской статистики и нашел, что в 15 случаях из 17 официальные цифры валовых сборов озимой ржи были выше (а не ниже), чем данные земства. Причем порой разница впечатляет: в 1898 г. расхождение на 59 %, в 1903 и 1906 — на 32 %, 1911 — на 33 % в пользу официальной статистики¹⁶. Ссылаясь на эту работу, известная исследовательница истории хлебной торговли Т. М. Китанина поспешила недавно заявить, что «показатели урожайной статистики Центрального статистического комитета МВД признаны завышенными»¹⁷. Однако, кем признаны?

Современная историография, к сожалению, вообще оставляет впечатление слабого знакомства с традицией изучения нашей урожайной статистики. Да и саму эту статистику сводит почти исключительно к статистике валовых сборов. Это заставляет меня вернуться к началу.

* * *

Прежде всего, в дореволюционной России была не одна, а несколько урожайных статистик, существовавших параллельно. Правительственных статистик было две: одну вел Центральный статистический комитет МВД, другую — соответствующий отдел ведомства, курировавшего земледелие (далее условно — Министерство/Департамент земледелия)¹⁸. Негосударственную статистику представляли земства. Урожайная статистика ЦСК и Министерства земледелия появились почти одновременно в 1881–1883 гг., земская — позже, в некоторых губерниях — значительно позже (см. табл. 1).

Время появления земской урожайной статистики в различных губерниях

Организация урожайной статистики впервые возникает в годы	Губернии, в которых возникшая организация существовала без перерыва	Губернии, в которых возникшая организация существовала с перерывами
До 1890 г.	Московская (1884) Казанская (1885) Воронежская (1886) Орловская (1886) Полтавская (1887) Херсонская (1887) Самарская (1890)	Курская (1880–1882, 1896, 1898) Рязанская (1889–1891, 1897) Саратовская (1888–1891, 1899–1906, 1909) Таврическая (1887–1888, 1899)
В 1891–1895 гг.	Пермская (1893) С.–Петербургская (1893) Костромская (1894) Псковская (1894)	Вятская (1892–1908, 1912) Нижегородская (1891–1903, 1907) Тверская (1893–1904, 1908) Тульская (1895–1898, 1908) Харьковская (1891–1893, 1901)
В 1896–1900 гг.	Калужская (1896) Уфимская (1896) Ярославская (1897) Екатеринославская (1900)	Владимирская (1896–1900, 1902–1907, 1914) Симбирская (1900–1904, 1910) Смоленская (1900–1906, 1912) Тамбовская (1896–1897, 1899)
В 1901–1905 гг.	Вологодская (1901) Черниговская (1904)	Олонецкая (1901–1903, 1911)
С 1906 г.	Бессарабская (1908) Киевская (1913) Пензенская (1909)	–

Источник: Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика (организация и методы) // Вестник статистики. 1925. Кн. XXIII. (№ 10–12). С. 41.

Велись и другие статистики урожаяев (например, сведения податных инспекторов и биржевых комитетов, публиковавшиеся «Биржевыми ведомостями» и др.), но именно названные три всегда рассматривались в качестве основных. Из них лишь две были вполне самостоятельными — статистика ЦСК и земств, — поскольку они располагали помимо урожайных данных и собственной статистикой посевных площадей. Статистика же Министерства земледелия опиралась на данные земельной статистики ЦСК, а в некоторых случаях заимствовала оттуда и сведения об урожайности по некоторым регионам. Статистика ЦСК велась на

регулярной основе, ежегодно в течение 33 лет до революции, сохраняя в основных чертах единство принципов сбора и обработки данных. Статистика земств собиралась нерегулярно, охватывала территории отдельных губерний из числа 34 «земских» губерний Европейской России или отдельных уездов внутри них, и методы ее сбора и разработки широко варьировались. Строго говоря, земская статистика — это не единый массив данных, а общее обозначение для большой совокупности различных локальных статистик. Она не может дать не только общероссийской картины, но часто и единого динамического ряда данных для отдельной губернии. Вполне естественно, что взоры исследователей, которых интересовали именно общероссийские тенденции, всегда обращались в сторону статистики ЦСК. Именно о ней идет основной спор в литературе, к ней же относятся и все цитированные выше оценки историков. К ней я далее и перейду.

ЦСК начал собирать сведения об урожаях в 1880 г., а публиковать их с 1883 г. в специальном издании «Урожай... года». До этого статистику брали из ежегодных отчетов губернаторов. В приложениях к губернаторским отчетам содержались сведения по 6 хлебам и картофелю, в «самах». Они составлялись губернскими статистическими комитетами по данным волостных правлений. Качество этих сведений резко критиковалось современниками, что и привело в конце концов к созданию новой системы. Поводом послужили известия о неурожае 1880 г. в ряде регионов. Озабоченный получением максимально точных данных, тогдашний «диктатор» России М. Т. Лорис-Меликов выступил инициатором реформы урожайной статистики. В основу новой системы легли предложения П. П. Семенова-Тяншанского, выдвигавшиеся им еще с 1860-х гг. Их суть сводилась к следующему: 1) ежегодное выборочное собирание сведений об урожайности сельскохозяйственных культур с единицы площади в каждой местности, и 2) периодические, раз в несколько лет, сплошные переписи земель и сельскохозяйственных угодий с распределением их по высеваемым культурам. Умножение урожайности на посевную площадь давало бы валовой сбор соответствующей культуры.

Общая канва истории возникновения урожайной статистики ЦСК и становления методов ее разработки в достаточной мере известны¹⁹. Что мы имеем в итоге?

В «Урожаях... года» 1883–1887 гг. содержатся данные по 11 культурам в 50 губерниях Европейской России, поездам. Куль-

туры учтены следующие: озимая и яровая рожь (в сумме), озимая пшеница, яровая пшеница, овес, ячмень, полба, гречиха, просо, горох, кукуруза и картофель. С течением времени территория и состав культур, подлежащих учету, расширялись. С 1888 г. статистика распространилась на 10 губерний Польши; с 1892 г. добавились три губернии Северного Кавказа: Кубанская, Ставропольская и Терская; с 1893 г. — две губернии Западной Сибири: Тобольская и Томская; с 1895 г. — еще 6 губерний и областей Сибири и Средней Азии; остальные присоединились после 1905 г. К 1913 г. были охвачены почти все губернии, области и округа России, кроме Финляндии, Камчатки и Сахалина. С 1888 г. к основным полевым культурам добавились: бобы, чечевица, лен, конопля и сено, а также стали разделяться озимая и яровая рожь. С 1889 г. у зерновых культур кроме зерна стал учитываться и урожай соломы. С 1906 г. раздвоился ячмень, на озимый и яровой. С 1912 г. добавился подсолнечник. Итого получилось 18 культур: 3 озимых и 15 яровых. В Средней Азии учитывались также рис, сорго и хлопок. Огородные, бахчевые и плодовые растения урожайной статистикой не учитывались.

В современных дискуссиях авторы обычно обращаются к цифрам валовых сборов хлебов. Однако валовой сбор лишь один из целой системы показателей урожайной статистики. Рассмотрим структуру таблиц и публикуемых показателей статистики ЦСК.

Все данные в основных таблицах «Урожаев... года» располагались по губерниям, внутри губерний — по уездам и культурам. В полном виде состав показателей сложился к 1894 г. С этого времени для каждой зерновой культуры поуездно указывались:

- посевная площадь;
- средний сбор с 1 десятины;
- средний посев на 1 десятину;
- валовой сбор;
- валовой посев;
- «остаток за вычетом посева», т. е. чистый сбор;
- «остаток» (чистый сбор) на душу населения;
- урожай — «сам»;
- вес четверти зерна;
- сбор соломы с 1 десятины;
- валовой сбор соломы.

Для льна иконопли вместо соломы давались сбор волокна с десятины и валовой, а сбор семян на душу населения не рассчиты-

вался. Кроме того приводились сведения об укосах сена, отдельно с заливных и незаливных лугов.

До 1894 г. все урожаи и валовые посевы считались в четвертях, традиционных объемных единицах, а посевы на десятину — в мерах (четвериках). Вес четверти в пудах ЦСК стал запрашивать у респондентов и публиковать с 1888 г., позднее опубликовал эти сведения отдельной книгой за 12 лет²⁰. С этого же года чистый сбор на душу населения стал рассчитываться в пудах, т. к. статистика продовольственных запасов изначально велась в пудах. Солому, с появлением ее в статистике с 1889 г., также мерили в пудах. Но переход всех урожайных показателей на пуды произошел только с 1895 г., при этом продолжали публиковаться и данные о весе четверти.

Каким образом получались все эти показатели?

В каждую волость ЦСК ежегодно рассылал по 12 анкет: 6 анкет для крестьянских хозяйств, сеющих на наделных (общинных) землях, 6 — для частновладельческих хозяйств «в районе волости»²¹. В них требовалось указать, сколько того или иного хлеба было посеяно и обмолочено в данном году в данном хозяйстве, и указать площадь. Анкеты для крестьян направлялись в волостные правления, которые обязывались раздать их поровну крестьянам, «имеющим большие, средние и малые наделы». Конкретные параметры не оговаривались, оставлялись на усмотрение местных властей. Ответы неграмотных респондентов мог зафиксировать волостной писарь. Анкеты для частновладельческих хозяйств раздавались через чинов уездной полиции, аналогично «с подразделением на хозяйства крупные, средние и малые». Заполненные анкеты передавались сначала в губернские статистические комитеты, которые должны были неким образом оценить степень их достоверности и затем переслать в ЦСК. С 1894 г. с целью ускорения заполненные анкеты стали присылать с мест непосредственно в ЦСК, минуя губернские статистические комитеты. После этого количество возвращающихся анкет возросло примерно на 10 %, очевидно, ранее они «застревали» в губерниях.

Из этих анкет выводились данные об урожайности — сбор с единицы площади и «сам» — для каждой из культур в волости, причем отдельно для наделных земель и для частновладельческих. Средняя урожайность по уезду считалась как среднеарифметическая из волостных средних. Средняя урожайность по гу-

бернии выводилась из уездных средних, как средневзвешенная с учетом пропорции посевных площадей.

Статистика посевных площадей до 1893 г. собиралась и публиковалась отдельно от урожайных сведений. Первое обследование пахотных земель ЦСК провел в 1881 г. В основе этого обследования лежали материалы первой российской земельной переписи 1877–1878 гг., зафиксировавшей общие размеры и принадлежность земельных владений, количество пашни, «удобной» и «неудобной» земли по уездам. Именно в принципах той земельной переписи было заложено деление земель на две основные категории владения — общинные и частные. Перепись считала земли крестьянских общин в границах, определенных уставными грамотами или владенными записями, без арендованных земель и земель, приобретенных крестьянами после реформы 1861 г. Теперь же ЦСК запросил анкетным методом от каждого сельского общества и каждого частного землевладельца по 50 губерниям данные о распределении их «удобной» земли по видам сельскохозяйственных угодий и о размерах посевных площадей под каждой культурой. Разработка полученных ответов была закончена к 1883 г., тогда же ЦСК смог впервые рассчитать валовой сбор.

Для определения валового сбора данной культуры ее средняя урожайность с наделных земель умножалась на известную площадь наделных посевов в уезде; аналогично считался сбор с владельческих земель. Сумма полученных крестьянского и владельческого сборов давала валовой сбор по уезду. Валовые сборы по губернии (также в трех значениях: крестьянский, владельческий и общий) считались как суммы соответствующих уездных сборов. (Поэтому, если умножить средневзвешенные губернские показатели урожайности из «Урожаев... года» на площади соответствующих культур по губернии, то полученное значение будет отличаться от того, которое стоит в публикации.) Разность валового сбора и валового посева давала «остаток», т. е. чистый сбор.

Проводить ежегодные обследования посевных площадей было нелегко. В следующий раз эти сведения были получены в ходе земельной переписи 1887 г., а их разработка закончена лишь к 1890 г. Поэтому валовые сборы в 1883–1889 гг. рассчитывались путем умножения ежегодных данных об урожайности на старые цифры посевных площадей 1881 г. Данные 1887 г. легли в основу расчетов урожаев 1890 и 1891 гг. Новое обследование угодий планировалось комитетом на 1891 г., но было отменено из-за разрыв-

шегося голода. В ЦСК понимали, что в неурожайных районах посевные площади должны существенно сократиться. Поэтому в 1892 г. МВД повелело губернаторам собрать сведения об изменениях посевных площадей по сравнению с 1887 г. Сведения собирали полицейские — уездные исправники, становые приставы; в волостях — волостные правления, которых проверяли земские начальники, затем они сверялись «местами», как сказано в источнике, со сведениями, имеющимися в земских управах и у податных инспекторов казенных палат²². Урожай 1892 г. был вычислен на основании этих уточненных данных. С 1893 г. ЦСК принял решение запрашивать с мест данные о площадях таким же способом ежегодно и с этого времени до 1915 г. рассчитывал валовые сборы на их основе. Если сведения о посевных площадях в отдельных губерниях запаздывали, считали по прошлогодним.

Посевные площади в «Урожаях... года» публикуются с 1893 г. Цифры 1881 и 1887 гг. нужно искать в публикациях соответствующих переписей²³, либо в отдельном специальном издании²⁴.

Для расчетов подушевых показателей ЦСК использовал свои сведения о примерной численности населения. «Примерный», в данном случае, — это термин источника. Данные для этих расчетов за ранние годы брались с опозданием. Так, в 1883 г. ЦСК использовал данные о сельском населении по земельной переписи 1877–1878 гг., в 1884–1885 гг. — данные за 1882 г.; в 1886 г. — за 1883 г., в 1887–1891 гг. — данные 1885 г.; при необходимости их следует искать в разных изданиях²⁵. В 1892–1893 гг. использовались скорректированные данные 1885 г. с учетом прироста к 1890 г. по данным о движении населения, которые вел ЦСК²⁶. С 1893 г. ЦСК стал включать свои текущие сведения о сельском населении в состав урожайных таблиц. С 1900 г. для подушевых расчетов сочли более правильным использовать численность всего населения, а не только сельского.

Таким образом, урожайная статистика ЦСК представляет собой целую систему показателей, рассчитываемых разными методами. В качестве первичных выступают данные об урожайности, посевах на десятину и весе четверти зерна. Они получены, во всяком случае, должны были получаться на основе сведений о конкретных хозяйствах. Данные о валовых, чистых и подушевых сборах и посевах являются по отношению к ним вторичными, они рассчитываются на основе первичных показателей и различных других статистик. Если ставится вопрос о достоверности урожай-

ной статистики, то очевидно, что степень достоверности заведомо различна для показателей разного рода. Причем цифры валовых, чистых и подушевых сборов и посевов — производные от статистики площадей — до 1893 г. являются сугубо условными.

Это различие качества своих данных понимали и сами сотрудники ЦСК. Издавая сборник сведений о посевных площадях, редакторы сделали весьма примечательное признание: «Понятно, Комитет сознавал несовершенство употребленного способа (сбора сведений о площадях через волостные правления и уездную полицию. — *И. К.*), но должен был примириться с его не вполне статистическим характером и с большим или меньшим, вследствие этого, отклонением от действительности, т. к. целью и задачей урожайной статистики видит... при посредстве *возможно* (курсив источника. — *И. К.*) большего количества достоверных первичных данных о размерах урожая и площади посевов, — в установлении и определении относительных и типичных средних величин. Валовое же подытоживание абсолютных данных урожаев и посевных площадей всегда будет грубо-приблизительным, какая бы ни была применена идеальная постановка и организация при собирании данных и как бы много ни расходовалось на нее денежных средств. Пригодность такого подытоживания имеет лишь значение для *общих*, и притом в более или менее приблизительных пределах, соображений»²⁷. То есть ЦСК четко различал два рода показателей своей статистики и ставил целью максимально возможную точность «относительных и типичных средних величин» урожайности. В отношении же посевных площадей и валовых сборов Комитет заведомо соглашался с критиками, признавая свои цифры «грубо приблизительными» и даже сомневаясь в их практической значимости.

Кстати, в чем заключалось практическое значение урожайной статистики? Прежде всего стоит уточнить: правительственная урожайная статистика до революции никогда не использовалась в фискальных целях, и такая задача перед ней не ставилась. Урожайная статистика МВД была нужна главным образом для мониторинга продовольственного положения страны, выяснения средней обеспеченности населения, районов хлебных избытков и недостатков, т. е. для «соображений по продовольственному делу». Поуездные показатели душевых «остатков» обязательно отражались на одной из картограмм, прилагавшихся к тому «Урожай... года». Примечательно, что с 1897 по 1904 г., пока в ЦСК шла раз-

работка данных первой всероссийской переписи населения, ежегодное исчисление текущей численности населения сохранялось исключительно для нужд урожайной статистики²⁸.

Каковы особенности двух других статистик?

Вторая официальная статистика — Министерства земледелия — имела задачу, соответствующую компетенции данного ведомства: получать сведения о производительности и развитии сельского хозяйства в разных районах страны. Министерство собирало сведения с мест об урожайности от добровольных корреспондентов. Недостатки этой системы не раз анализировались в литературе. Сеть корреспондентов, по сравнению с ЦСК, была на порядок малочисленнее (от 2,3–3 тыс. в ранние годы до 9–10 тыс. человек в последние, по сравнению с 100–120 тыс. и до 300 тыс. анкет ЦСК) и распределена по губерниям крайне неравномерно. Среди добровольных корреспондентов преобладали более культурные, рачительные и зажиточные хозяева, причем в ранние годы — не крестьяне. По общему мнению дореволюционных авторов, сообщаемые ими сведения были недостаточно репрезентативны, как правило, завышены²⁹. Для вычисления валовых сборов, напомним, ведомство использовало статистику посевных площадей ЦСК. Для тех уездов, где корреспондентов не было или было слишком мало, из статистики ЦСК заимствовались и сами данные об урожайности. Результаты публиковались в издании «Год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев», выходявшем в 1881–1916 гг.

В целях и методах сбора данных земскими статистиками не было единообразия. Прежде всего, земская статистика делилась на основную и текущую. Основная имела целью оценку имущества и доходов для нужд местного налогообложения. Для этого, помимо прочего, фиксировалась некая средняя типичная урожайность для каждой данной местности, часто в связи с различиями в качествах почв. Эти сведения собирались обычно экспедиционным методом далеко не каждый год. В рамках текущей статистики урожайные исследования не всегда проводились с той же целью (если они вообще проводились), часто с их помощью земства также пытались выяснять продовольственные нужды населения. Текущая статистика могла использовать разные методы, но на раннем этапе это были преимущественно сведения добровольных корреспондентов по образцу Министерства земледелия.

Дореволюционная литература не испытывала недостатка в сомнениях относительно достоверности сведений урожайной статистики. Однако эмпирически проверить ее качество можно лишь путем сравнения данных разных статистик между собой. При этом в трех урожайных статистиках только один показатель — урожайность (сбор с единицы площади) — обладает относительной сопоставимостью. Данные о посевных площадях в одном из трех отсутствуют, а в двух других вряд ли сопоставимы. Дело в том, что ЦСК делил земли по форме владения на крестьянские наделные и частновладельческие, реальное же крестьянское хозяйство выходило далеко за рамки наделного землепользования и с каждым годом после 1861 г. — все больше. Посевы крестьян на вненаделных землях — арендованных, частных собственных, коллективных, государственных и прочих — считались официальной статистикой как владельческие. Современники указывали на путаницу, царившую у местных властей в вопросе отнесения посевов к той или иной категории владения, но общий принцип этой статистики был именно таков. Земская статистика, наоборот, стремилась учитывать фактическое землепользование. Различие в методологии учета посевных площадей делает некорректным сопоставление валовых сборов по версии ЦСК с земской статистикой, т. к. валовые сборы есть производное урожайности и площади, а урожайность помещичьих полей и полей крестьянских различалась. Единственным эталоном для сравнения посевных площадей может служить только сельскохозяйственная перепись 1916 г., разумеется, лишь для одного данного года.

Практическая постановка вопроса о качестве урожайной статистики в отечественной науке восходит к А. Ф. Фортунатову. В своем исследовании 1893 г. об урожаях ржи в Европейской России он систематизировал основные методы сбора урожайных данных и впервые провел сравнение показаний четырех статистик: губернаторских отчетов, ЦСК, Департамента земледелия и земств. Однако его подсчеты охватывали только первые 7 лет существования новой статистики — 1883–1889 гг. — и только одну культуру — рожь. Сравнивались только показатели урожайности — сборы с десятины.

В частности, А. Ф. Фортунатов подсчитал, что сведения Департамента земледелия об урожайности на крестьянских землях (по тем 116 уездам, где эти сведения не заимствовались у ЦСК) в

среднем на 4,3 % выше, чем сведения ЦСК. В частных хозяйствах (по 163 уездам) разница достигала 9,8 %³⁰. Сравнение с земской статистикой выявило еще большую разницу. Основная земская по крестьянским урожаям ржи (по 124 уездам 18 губерний) показывала средний уровень на 7,1 % выше ЦСК, по владельческим урожаям (по 52 уездам 12 губерний) — на 19,0 % выше. Текущая земская (по 34 уездам 4 губерний) была еще на 13,1 % выше³¹. Ниже данных ЦСК были только сведения губернаторских отчетов. А. Ф. Фортунатов не высказывал мнения о преобладающем качестве земских данных по сравнению с официальными, зато много внимания уделил различиям в подходах к статистике у разных земств и в методах работы земской статистики. Он предполагал, что истина, т. е. близкая к действительности величина урожайности, лежит посередине между данными ЦСК и Департамента земледелия. «По априорному соображению истина должна была находиться между показаниями этих двух источников», — писал он³². Иных аргументов кроме «априорных соображений» и, вероятно, личного опыта работы в земских экспедициях у А. Ф. Фортунатова не было. Далее, при анализе связей урожайности ржи с различными факторами он пользовался данными различных статистик, не пытаясь выстраивать единого ряда.

По-видимому, именно от А. Ф. Фортунатова в литературе закрепилось положение, что сведения ЦСК «несколько ниже действительности». В последующих работах он неоднократно транслировал это свое заключение: «Урожайные сведения ЦСК обыкновенно несколько ниже действительности, цифры же Департамента земледелия, особенно об урожаях владельческих, несколько выше действительности, т. к. относятся большей частью к хозяйствам, стоящим выше среднего уровня по технике земледелия»³³. Позднее этот тезис получил уточненную формулировку: «Данные губернаторских отчетов и ЦСК ниже действительных средних урожаев; данные добровольных корреспондентов несколько выше, т. к. посылаются большей частью из таких хозяйств, где техника стоит выше среднего уровня». К данным добровольных корреспондентов здесь уже относилась и текущая земская статистика «в громадном большинстве случаев»³⁴. Мнение о некоем занижении урожайности в статистике ЦСК до 1926 г. никем не оспаривалось.

С именем А. Ф. Фортунатова в современной литературе связывают 7 %-ю повышательную поправку к урожайной статисти-

ке ЦСК. О «поправке Фортунатова» пишет П. Грегори³⁵, на которого ссылаются некоторые российские коллеги³⁶. Однако я у А. Ф. Фортунатова такой поправки не нашел. Единственный раз слово «поправка» применительно к урожайной статистике он употребил, когда обнаружил расхождение между данными ЦСК и Департамента земледелия по владельческим урожаям около 10 %. Следуя своей логике искать истину посередине, он уточнил, что «средняя поправка к сведениям ЦСК о владельческих урожаях не превышает +5 %»³⁷. Но ни здесь, ни в более поздних работах он не высказывал мнений о возможности каких-либо поправок в урожайную статистику ЦСК в целом. Вообще, мне не известно, чтобы кто-то из профессоров, читавших до революции курсы сельскохозяйственной экономии, сельскохозяйственной или общей статистики выступал бы с предложениями о поправках к данным текущей урожайной статистики. (Разумеется, это несколько не говорит в пользу точности самой статистики.)

Наиболее серьезными работами, в которых подвергалась анализу наша урожайная статистика, до сих пор остаются книга Д. Н. Иванцова, написанная им как дипломная работа в семинаре профессора Н. А. Каблукова в 1913 г., вышедшая в свет 2 года спустя и заслуженно удостоенная серебряной медали Русского географического общества³⁸, и большая статья сотрудницы Центрального статистического управления СССР Н. М. Виноградовой, ученицы А. А. Чупрова, опубликованная с продолжением в 1925–1926 гг.³⁹

Первая из этих работ по цитируемости заметно опережает вторую, причем к Иванцову, как это ни странно на первый взгляд, апеллируют и сторонники, и оппоненты урожайной статистики. Дело в том, что этот исследователь развел и раздельно оценил два возможных направления использования, или, в его терминах, «утилизации» данных статистики: 1) использование показателя урожайности как индикатора состояния и развития зернового производства и 2) пользование данными об абсолютных размерах сборов зерна в каких-либо утилитарных, коммерческих целях.

Метод Д. Н. Иванцова заключался в измерении степени близости трех рядов статистики: ЦСК, Министерства земледелия и земств. В двух первых главах книги сравнивались только данные по урожайности (подесятинные сборы, называемые автором иногда «валовыми сборами с десятины»), в третьей, кроме них, еще посевные площади. В первой главе изучались статичные средние

данные, во второй — динамические ряды данных. Общая схема и там и там была одна: сначала анализировались значения за весь период наблюдений, затем — за определенные отрезки времени, затем — по районам, губерниям и уездам, затем — соотношение данных по владельческим и крестьянским хозяйствам. Всюду сначала делались сопоставления по урожаям ржи, затем иногда добавлялись аналогичные таблицы по другим основным хлебам. В третьей главе сравнивались абсолютные значения урожайности и посевных площадей за отдельные годы по губерниям, только по ЦСК и земским данным. Для официальных данных Д. Н. Иванцов рассматривал 24-летний период (1885–1908) и 50 губерний, для земской статистики — те периоды и губернии, которые смог привлечь для сравнения. Цифры валовых сборов в работе не анализировались, урожайность «сам» также осталась за рамками работы.

Д. Н. Иванцов пользовался различными математическими критериями близости данных. При сравнении средних данных вычислялось среднеквадратическое отклонение, которое соотносилось с расчетным значением допустимой погрешности. При анализе географического аспекта и динамики вычислялись коэффициенты корреляции (наличие связи констатировалось при значении более +0,5). В третьей главе использовался лишь процент различия между данными (пороговыми считались расхождения свыше 10 и 15 %).

Каковы были выводы исследователя? По первым двум главам они были весьма благоприятны для статистики: «Существующие данные о высоте средних за ряд лет сборов — в огромной массе — удовлетворяют принятому нами критерию минимальной достоверности и вполне пригодны для утилизации их в исследованиях, не претендующих на большую точность, причем степень их удовлетворительности меняется как по отдельным источникам, так и внутри каждого источника по районам, периодам и сословным группам... Имеющиеся материалы о движении средних сборов в огромной массе правдоподобны и однородны и, следовательно, пригодны для утилизации в исследованиях, не претендующих на большую точность»⁴⁰.

Оговорки насчет точности исследования связаны с тем, что сам предел случайных отклонений в вычислениях Д. Н. Иванцова оказался весьма широким, т. к. чрезвычайно широк был диапазон естественных колебаний урожайности в России год от года. Например, среднее расхождение значений урожайности ржи по вер-

сии ЦСК и Министерства за весь период по 50 губерниям составило 10 % как для крестьянских земель, так и для владельческих (при максимально допустимом 20 и 22 % соответственно)⁴¹. Среднее расхождение уровней ЦСК и земств, за все имеющиеся периоды наблюдений (от 7 до 26 лет по 18 губерниям), оказалось 9 % по крестьянским землям (при максимально допустимом 27 %) и 10 % по владельческим (при максимально допустимом 26 %)⁴². По другим хлебам было сделано аналогичное сопоставление лишь по нескольким губерниям, и его результат не вышел за пределы тех же отклонений. Д. Н. Иванцов счел эти результаты очень хорошими, особенно с учетом того, что земская статистика использовала различные принципы в разных губерниях на разных отрезках времени. Естественно, при переходе к анализу этого же показателя за 8-летние отрезки оказывалось, что разноречивость источников усиливается и беспорядочно колеблется, но все же — в рамках допустимой нормы случайных отклонений.

Примечательно, что динамика урожайности оказалась отраженной тремя источниками даже более однородно, чем средние по периодам значения. Так, коэффициенты корреляции между рядами данных ЦСК и земств по 18 губерниям за все имевшиеся периоды наблюдений не опускались ниже +0,7, а средние коэффициенты равнялись по владельческим землям +0,89, по крестьянским +0,92⁴³. Однако степень однородности снижалась по мере того, как исследователь переходил с общероссийского уровня на уровень губерний, и еще сильнее — на уровне уездов. При анализе динамики соотношения урожайности на крестьянских и владельческих землях однородность источников исчезала вовсе. Но этот результат Д. Н. Иванцов считал закономерным, ибо критерии отнесения посевов к той или иной социальной категории у земств и официальной статистики были различны.

Д. Н. Иванцов в ряде случаев пытался также предлагать свои варианты ответа на вопрос, какой из трех источников может быть относительно более достоверным. Так, он полагал, что по средней урожайности «из отдельных источников наиболее достоверные сведения дает текущая земская статистика», а в отношении динамики урожайности «наибольшее доверие внушают из отдельных источников — ЦСК, а из отдельных групп сообщаемых источниками данных — крестьянские данные»⁴⁴. Однако эти выводы автора могут быть легко поставлены под сомнение, т. к. его метод — сопоставление сопряженности трех источников — не способен дока-

зять истинность или ложность показаний того или иного из них. Автор в данном случае оговаривался, что его суждения априорны. В обоих случаях он назвал в качестве наиболее достоверных те источники, показания которых занимали средние положения между двумя остальными: в статике им оказалась земская статистика, в динамике — ЦСК.

Выводы Д. Н. Иванцова по третьей главе были, наоборот, отрицательными: «Ни один источник не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к урожайной статистике со стороны практических целей, связанных с учетом ежегодных общих сборов»⁴⁵. Сопряженность данных ЦСК и земств о высоте урожайности за отдельные годы оказалась недопустимо низкой, местами отсутствовала. Также автор констатировал полную разноречивость данных по посевным площадям. К тому же земских данных о посевной площади у автора было очень мало: всего по 4 целым губерниям и по 2 уездам пятой.

На страницах книги неоднократно повторялась мысль о «ненормальности общего положения русской урожайной статистики», нуждающейся в реформе, однако автор не высказывался о том, каким ему видится направление этой реформы.

В заключении Д. Н. Иванцов снова указал, что «на вопрос о ценности русской текущей статистики урожаев не может быть общего ответа»⁴⁶. По намеченным им двум возможным направлениям использования статистики его выводы различались.

1) Если исследователя интересует «симптоматическая ценность урожайных цифр», т. е. показатели урожайности рассматриваются как индикаторы аграрного развития, то вполне возможно использование данных любой из трех статистик о подесятинных сборах, причем как для изучения статистики, так и динамики урожайности. «Очевидно, что возражения, выставляемые против серьезной утилизации урожайных цифр в чисто теоретических работах, основаны на недоразумении и должны быть оставлены без внимания», — подчеркнул он⁴⁷.

2) Если же целью является «узкопрактическая утилизация» годовых данных, т. е. знание о конкретной величине сбора в определенном году и в определенных местностях, то данные урожайной статистики для этого непригодны.

Можно вполне уверенно сказать, что первый из этих выводов нашел свое эмпирическое подтверждение в конкретных исследованиях. Еще перед революцией профессора статистики давали

своим студентам темы, предполагавшие поиск взаимосвязей колебаний урожайности с различными социальными явлениями. Так, из семинара Н. А. Каблукова в Московском университете, помимо книги Д. Н. Иванцова, вышла монография С. А. Первушина о влиянии урожаев на потребление спиртных напитков⁴⁸. Студенты А. А. Чупрова в Петербургском политехническом институте при помощи коэффициентов корреляции искали связь урожаев с данными о пожарах, о потреблении водки и др.⁴⁹ Во всех случаях урожайная статистика нормально коррелировала с различными, не связанными с ней статистическими рядами, выяснялись определенные закономерности, что вряд ли было возможно, если бы статистика была неадекватна.

В 1920-е гг. работы с дореволюционной урожайной статистикой велись в ЦСУ под руководством Н. С. Четверикова и его сотрудника В. М. Обухова. Эти работы имели не историческую, а сугубо практическую направленность. По материалам урожайной статистики ЦСК 1883–1915 гг. различными математическими методами определялись зависимости колебаний урожайности от климатических факторов, взаимосвязи колебаний урожайности отдельных культур между собой, регионы согласованных колебаний урожайности, связь хлебных цен с урожайностью и т. д.⁵⁰ Использовались как подесятинные показатели урожайности, так и урожайность «сам». По поводу достоверности исходных данных Н. С. Четвериков отвечал просто: «Внутренняя согласованность, ясность и правдоподобность результатов исследования будут свидетельствовать о доброкачественности материала»⁵¹. Одним из итогов той работы явился свод урожайных данных ЦСК за все годы на крестьянских землях по 53 губерниям — извлечение погубернских данных из томов «Урожай... года», — где для 8 главных хлебов даны уравнения параболических кривых, описывающих эволюцию урожаев «сам» на протяжении 33-летнего периода, и рядом с ними рассчитанные показатели рассеяния⁵².

В. М. Обухов, помимо изучения климатических факторов урожайности, сделал анализ эволюции урожайности в погубернском разрезе за весь период статистики ЦСК⁵³. Он считал данные ЦСК «несколько пониженными против действительности (на 5–7 %)», но при изучении динамики абстрагировался от этого, привлекая при необходимости данные и по валовым сборам, и по площадям. Параллельно в чаяновском НИИ сельскохозяйственной экономики в том же направлении со статистикой ЦСК работал

А. Л. Вайнштейн. Его отношение к источнику было аналогичным: «Хотя абсолютный уровень урожайности по данным ЦСК... вероятно, несколько преуменьшен против действительного... но динамику эти данные передают достаточно точно вследствие большей однородности методов собирания на протяжении всего периода в 33 года»⁵⁴. Оба исследователя получили весьма содержательные выводы. Не их вина, что результаты их работы остались в свое время невостребованными.

Второй из выводов Д. Н. Иванцова — о непригодности нашей урожайной статистики для определения точной величины сбора в конкретном году — повис в воздухе. Ни современники, ни историки не спешили ему поверить, у каждого были для этого свои причины.

В ранней советской историографии данные о сельском хозяйстве царской России «утилизировались» преимущественно для демонстрации успехов социалистического земледелия. Чем ниже были цифры, тем ярче успехи. Позднее И. Д. Ковальченко на основе работы Д. Н. Иванцова пришел к убеждению, что по ежегодным данным об урожайности «нельзя судить об уровне развития производительных сил в земледелии»⁵⁵. Однако этот вывод остался без последствий, поскольку основная проблематика советских историков-аграрников 1960–1980-х гг. лежала в иной плоскости.

В современной историографии Д. Н. Иванцову порой приписывается авторство 19 %-й повышательной поправки к урожайной статистике ЦСК. Отечественные историки ссылаются при этом на П. Грегори, который в свою очередь признается, что книгу Иванцова не читал и знаком с ней по статьям С. Г. Струмилина начала 1920-х гг.⁵⁶ Сам С. Г. Струмилин, олицетворявший тогда Госплан, выступал за максимальные поправки к советской урожайной статистике. Аргументы черпались из дореволюционного опыта: «В довоенное время наиболее точной считалась земская статистика, — безапелляционно заявлял он. — По сравнению с ней данные ЦСК о крестьянских землях, ныне положенные в основу исчислений ЦСУ, были преуменьшены и нуждались в поправке; по Иванцову, в отношении урожайности в среднем процентов на 9, а в отношении посевов — тоже на такой же процент. Валовые сборы по ЦСК нуждались поэтому в поправке не свыше 19 % ($1,0 \% \times 1,09 = 1,19$)»⁵⁷. В действительности Д. Н. Иванцов не предлагал никаких поправок ни к урожайным данным, ни к посевам. Это противоречило бы всем его выводам. Поправка была бы возможна, если

бы значение разногласий оказалось на всем протяжении рядов приблизительно одинаковым или отклонения подчинялись бы какой-то закономерности, но на деле он не обнаружил никакой закономерности в отклонениях. Разумеется, о поправках нет и речи на указанных Струмилиным страницах его книги (26 и 129). Зато в других местах есть ясно высказанное мнение о невозможности поправки как к данным о подесятинных сборах (с. 117–118), так и к данным о площадях (с. 135). Так называемые поправки Иванцова — это поправки самого С. Г. Струмилина. Но о них позже.

* * *

В 1920-е гг. математический подход к оценке достоверности урожайной статистики, реализованный Д. Н. Иванцовым, был дополнен Н. М. Виноградовой сравнительным анализом методологии тех же трех урожайных статистик. Можно ли все-таки решить, какая из трех ближе к истине, — вот задача Н. М. Виноградовой. Не оспаривая выводов Д. Н. Иванцова, она исходила из логической предпосылки, что отклонения рядов данных друг от друга не могут являться показателем их общей недостоверности, и степень приближения ряда к действительности не может быть доказана путем взаимного сравнения рядов. Каким же путем она может быть доказана?

Автор констатировала отсутствие «возможности непосредственного — не опирающегося на показания самих хозяев — учета суммы сбора на всей площади посева». Надежность же учета, опирающегося на показания хозяев, зависела от двух факторов: 1) числа и распределения показаний, 2) качества единичного показания. Под этим углом зрения она и провела сопоставление наших урожайных статистик. Рассматривался только один урожайный показатель, с которым преимущественно оперировал и Д. Н. Иванцов, — урожайность (сбор с единицы площади) только по ржи и только на крестьянских землях; проблема учета площади посева и валовых сборов не рассматривалась. Вывод исследовательницы известен: с точки зрения выдвинутых ею критериев, наибольшей надежностью обладали данные ЦСК.

Основные моменты аргументации Н. М. Виноградовой, вероятно, требуют пояснения. Причины, по которым были отвергнуты данные Министерства земледелия, думаю, ясны: они заведомо уступали по обоим параметрам. По первому критерию — числу и географической равномерности распределения показаний — при-

оритет принадлежал ЦСК. Но как быть с надежностью отдельных показаний? Здесь приоритет, казалось бы, надо отдать земствам, как институтам, стоящим ближе к населению и более заинтересованным в выяснении истины. Н. М. Виноградова впервые подвергла методологию земской статистики тщательному анализу.

Она констатировала сильное различие в качестве текущей и основной земских статистик не в пользу качества текущей. Высокие оценки, которые традиционно давались в литературе основной земской статистике, нельзя распространять на текущую. Автор выяснила, с какого времени и за какой период вообще имеется земская урожайная статистика в губерниях. «Даже там, где текущая статистика удерживается в течение долгого времени при относительно благоприятных внешних условиях, мы редко встречаемся со стремлением к систематическому улучшению организации собирания сведений и осмысливанию приемов работы», — отмечала Н. М. Виноградова⁵⁸. Текущая урожайная статистика в большинстве случаев была оторвана от статистики площадей, которая велась далеко не всяким земством. Способы сбора сведений в разных губерниях в разное время практиковались различные, причем не всегда в публикациях указывалось, каким именно способом получены данные. Н. М. Виноградова классифицировала основные способы:

1) сообщение «субъективных» оценок среднего урожая в местности добровольными корреспондентами земства;

2) то же, но не корреспондентами, а сельской или волостной администрацией;

3) получение «конкретных записей» об урожаях в отдельных хозяйствах через добровольных корреспондентов; этот прием распался в свою очередь еще на три:

а) конкретные данные о сборах в своем хозяйстве,

б) о чужих «хорошо известных» хозяйствах,

в) о чужих, путем опроса соседей;

4) то же, но не через корреспондентов, а через сельскую или волостную администрацию⁵⁹.

Сравнительный анализ сведений, полученных разными способами, позволил автору установить некоторые закономерности. Наиболее высокий уровень имели те земские данные, которые были получены из корреспондентских сообщений об урожае в собственном хозяйстве. Очевидно, как и в случае с добровольными корреспондентами Министерства, корреспондентами земств

становились наиболее высококультурные крестьяне с урожаями выше средних. Затем, по убыванию, шли: субъективные оценки корреспондентов урожая в чужих хозяйствах; данные, полученные путем опроса корреспондентами своих соседей; субъективные оценки урожайности местной администрацией; наконец, данные опросов крестьян, проведенных через сельскую администрацию⁶⁰. Причем в последнем случае наименьший уровень оказывался там, где земства получали сведения от сельских старост, а не от волостных правлений.

В соответствии с различиями в методах земской статистики оказывалось различным и соотношение показателей урожайности по версии земств и ЦСК. Поскольку и в современной литературе бытует суждение о якобы заведомо большей точности земской урожайной статистики, без различия места и времени, позволю себе полностью привести таблицу, составленную Н. М. Виноградовой (табл. 2).

Из таблицы следует, что сведения, получавшиеся тем или иным способом от добровольных корреспондентов или через них, в среднем обычно выше данных ЦСК, а сведения, получавшиеся с участием местной администрации, в среднем ниже данных ЦСК.

Привлекает внимание Орловская губерния, где корреспондентские оценки дали особенно резкие колебания по периодам. Если в 1896–1900 гг. они превышали уровень ЦСК на 5,2 %, то в 1905–1910 гг. уже на 31,1 %, а в 1911–1913 гг. стали ровень с ним. При этом данные, получавшиеся через сельскую администрацию, все время стояли стабильно ниже уровня ЦСК примерно на 10 %. Н. М. Виноградова справедливо предположила, что за этим следует искать не скачки урожайности, а изменения методов работы земства с корреспондентскими данными. Действительно, в 1905–1910 гг. от корреспондентов требовался раздельный учет урожайности на удобренных и неудобренных землях, причем удобренные входили в итоговый подсчет с непропорционально большим весом.

Автор сделала наблюдение, что чем моложе была земская статистика в губернии, тем сильнее были расхождения сведений ее корреспондентов с данными ЦСК (в пользу корреспондентов). Интерпретация этого факта была вполне логична: малая сеть корреспондентов вначале давала менее репрезентативные данные, при расширении сети репрезентативность росла, данные сближались.

Средний урожай озимой ржи в крестьянских хозяйствах по данным земской статистики в % к среднему урожаю по данным ЦСК

Губернии	Годы	Род земских данных об урожае						Экспедиционное обследование
		Субъективные оценки крестьянских хозяйств	Данные корреспондентов о своих хозяйствах	Опрос крестьян через корреспондентов	Смешанный опрос (через корреспондентов и администрацию)	Опрос крестьян через администрацию	Субъективные оценки волостных правлений и сельских старост	
Нижегородская	1892–1901	107,7			96,4			
	1907–1913	106,1			93,3			
Владимирская	1896	99,7			98,2			
	1898–1900	102,5			97,3			
	1902–1903	103,7		102,6				
	1905	98,4			85,4			
Орловская	1896–1900	105,2	111,1			90,2		
	1905–1910	131,1				90,4		
	1911–1913	99,1				89,7		
Ярославская	1898–1901	101,9	114,3			88,8		
	1903–1909	92,4	113,3	95,5				
	1912–1915							99,2
Тверская	1908–1909		103,0	106,3		87,0		
Уфимская	1899–1903	100,2				88,7		
	1904–1912			98,0		83,1		
Костромская	1909–1911	101,0		106,9		96,2		

Пензенская	1909–1913		116,9				100,0
	1912–1913	116,2	122,9				104,1
Самарская	1911–1915	115,3					93,2
Саратовская	1903–1905	114,0					95,0
Симбирская	1910–1912		120,7	111,7			
	1910–1912	115,8		93,9			81,0
Воронежская*	1886–1909	102,0					
	1886–1892	103,0					
Московская*	1886–1910	103,0					
	1885–1892	115,0					
Черниговская*	1904–1910	106,0					
	1886–1892	116,0					
Полтавская*	1892–1900	100,0					
	1901–1915	103,1			97,3		

Источник: Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика (организация и методы) // Вестник статистики. 1926. Кн. XXIV (№ 1–6). С. 88. Знаком «*» отмечены данные, заимствованные Н. М. Виноградовой из работы Д. Н. Иванцова.

Сама Н. М. Виноградова считала, что наиболее надежными являются сведения добровольных корреспондентов о соседних хозяйствах, будь то субъективные оценки среднего по местности урожая или конкретные данные по опросу соседей: «Сообщениями корреспондентов о чужих хозяйствах абсолютная высота урожая устанавливалась наиболее близко к действительности»⁶¹. Тогда как при непосредственных опросах самих хозяев (неважно, выборочных или сплошных) больше вероятность занижения урожайности. Помимо прочего, к такому заключению ее подталкивало изучение опыта урожайной статистики зарубежных стран, которая базировалась, как правило, на сети специальных агентов правительства, сообщавших с мест именно такого рода сведения.

С этой точки зрения Н. М. Виноградова предложила по иному взглянуть на статистику ЦСК. В том, что анкеты ЦСК заполнялись действительно крестьянами, давно существовало сомнение, бланки, приславшиеся из одной волости, зачастую оказывались заполнены одной рукой — волостного писаря. Волостные писари работали «ненадежно», в смысле, не передавали анкеты крестьянам, а сами вносили в них сведения. В таком случае, почему бы не считать волостных писарей теми самыми «специальными агентами» урожайной статистики, которые сообщают если не конкретные данные по опросу крестьян, то субъективные оценки среднего по местности урожая? То, что считалось недостатком статистики ЦСК — заполнение анкет не самими крестьянами — Н. М. Виноградова предложила считать достоинством: «И именно последнему обстоятельству следует приписать доброкачественность данных ЦСК и в то же время признать, что в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае»⁶². С учетом того, что сеть корреспондентов ЦСК была самой многочисленной и наиболее равномерно распределялась по территории страны, автор и делала свой вывод: «Из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального статистического комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности* (курсив автора. — И. К.)»⁶³. Это заключение расходилось с общепринятым взглядом. Тезис о пониженности абсолютного уровня данных ЦСК впервые был поставлен под сомнение.

Выводы Н. М. Виноградовой не противоречат выводам Д. Н. Иванцова, во всяком случае они полностью совпадают в том,

что официальная урожайная статистика дает вполне надежный материал для изучения динамики урожайности и ее сопоставления по периодам и регионам. Исследование Н. М. Виноградовой показало, что мнение о заведомо большей надежности земской статистики по сравнению с официальной неправомерно. Уровень урожайности в земской статистике решающим образом зависел от методов сбора сведений. Н. М. Виноградова, безусловно, права в том, что взаимные отклонения данных ЦСК и земств не могут толковаться однозначно в пользу земских данных. Причину всякий раз стоит искать прежде всего в методологических колебаниях земской статистики, имея в виду, что методология ЦСК оставалась стабильной. Однако ее конечный вывод о соответствии статистики ЦСК реальной действительности остался без должного внимания в историографии, он не был ни принят, ни опровергнут последующими исследованиями.

* * *

В 1915 г., когда появилась книга Д. Н. Иванцова, от урожайной статистики современники ждали уже не «симптоматической ценности», а именно узкопрактической пользы. Под влиянием войны рвались рыночные связи, на повестке дня стояли проблемы снабжения продовольствием армии и городов, идея продрозверстки уже захватила умы и искала форму своего воплощения. Чтобы планировать и разверстывать, требовалось знать конкретные размеры урожая и запасов. Урожайная статистика должна была заработать по своему прямому назначению, «для соображений по продовольственному делу». Особое совещание по продовольствию с 1915 г. занялось составлением «общей имперского плана снабжения хлебными продуктами армии и населения». За основу плана, в качестве норм потребления специалисты Совещания предполагали взять среднегодовые показатели последних предвоенных лет. Именно в ходе той работы были собраны и сопоставлены материалы статистики перевозок, железнодорожной и водной, различных сельскохозяйственных статистик, впервые сведены воедино разрозненные данные земских бюджетных исследований о потреблении продуктов питания горожан и селян. Материалы в значительной степени были опубликованы⁶⁴.

В отношении урожайной статистики ЦСК Совещанием выражались традиционные сомнения, особенно по данным о посевных площадях. Однако попытка запросить такие сведения у земств за

1914 и 1915 гг. провалилась: они были признаны разнородными и малодостоверными⁶⁵. Максимум, что можно было сделать для нормализации «ненормального» состояния сельскохозяйственной статистики в тех условиях — это провести сельскохозяйственную перепись. Именно так в 1916 г. и поступили. Сведения для переписи получались путем сплошного подворного опроса сельских хозяйств. Организация и руководство переписью находилось в руках не ЦСК, а деятелей земской статистики, работавших под эгидой Особого совещания. Перепись 1916 г. не имела целью получить данные об урожае, она проходила в мае — июле, т. е. после посева до уборки, но она дала сведения о площадях посевов. Конечно, остаются открытыми вопросы: какое влияние успела оказать война на то положение сельского хозяйства, которое зафиксировала перепись? насколько квалифицированно происходил сбор первичных сведений для переписи на местах? Но по самому методу сбора информации сведения переписи надо признать, конечно, более достоверными, чем текущей статистики.

Нас интересует сравнение данных переписи по площадям с данными, полученными в том же году ЦСК своим обычным способом. В обобщенной форме такое сравнение было проведено сразу же. Итоги по основным культурам и районам существуют в виде таблицы в двух вариантах: в материалах самой переписи и в материалах издания «Производство, перевозки и потребление хлебов»⁶⁶. Цифры в них существенно различаются, т. к. применялась разная группировка губерний по районам. Историки обращают внимание на удручающий разброс отдельных значений, получившийся особенно выразительным в той группировке, которая применена в транспортных материалах. Ссылаясь именно на них, Б. Н. Миронов отмечает: «Посевы по сведениям переписи и ЦСК различались по всем хлебам весьма существенно, иногда преуменьшая их в 8,4 раза (по пшенице в Северном регионе) или преувеличивая в 6,1 раза (по картофелю в Приуральском регионе)»⁶⁷. Однако в использованной им таблице под Северным регионом скрывалась одна Архангельская губерния, пшеница в которой занимала ничтожно малый процент посевов. В материалах переписи в Северный район входили 2 губернии: Архангельская и Вологодская, поэтому отклонение от данных ЦСК составило 16,9 %, а не 8,4 раза. Приуральский район в варианте, которым воспользовался Б. Н. Миронов, состоял из одной Пермской губернии, а в материалах переписи — снова из двух, Вятской и Пермской, и

отклонение по площади картофеля в таком случае оказалось всего 11,2 %, а не 6,1 раза. Во всех этих случаях специалисты Особого совещания, в отличие от Б. Н. Миронова, не увидели повода для серьезных выводов: «Вышеприведенные цифры показывают, что наибольшая амплитуда расхождений наблюдается по тем культурам, которые в данном районе играют второстепенную роль; следовательно, расхождение источников не может иметь здесь слишком большого значения»⁶⁸.

В целом по России перепись не только не выявила значительных сокрытий посевной площади, в чем подозревалась статистика ЦСК, но в сумме по 7 основным культурам показала площадь на 2,4 % меньше, чем ЦСК. Причем по двум важнейшим продовольственным культурам даже существенно меньшую площадь: по ржи на 6,5 %, по картофелю на 11,6 %. По пшенице, овсу и ячменю площади почти совпали; лишь относительно малозначительные гречиха и просо дали существенное превышение по сравнению с ЦСК. «Расхождение цифр по отдельным районам для отдельных культур и для итога по 7 культурам наблюдается в обе стороны и, стало быть, не может быть объяснено одной какой-либо тенденцией — к преуменьшению или к преувеличению данных тем или другим источником», — констатировали разработчики переписи⁶⁹. Это дало основание специалистам Особого совещания сделать вывод: «Расхождения в итогах по отдельным главнейшим культурам оказываются настолько небольшими, что можно признать показания ЦСК о посевных площадях по таким большим совокупностям довольно достоверными»⁷⁰.

По горячим следам специалисты отметили два региона максимальных расхождений между переписью и ЦСК: север (перепись показала больше, чем ЦСК) и центрально-промышленный район (по 7 основным культурам на 21,5 % меньше, чем ЦСК). Объяснения были выдвинуты следующие. На севере крестьяне меряют площадь по объему высева, а волостные правления вычисляют с их слов площадь в десятинах, используя условные нормы высева, вероятно, неправильные. Между тем «ошибка в высева на 1–2 пуда на десятину способна была уменьшить или увеличить посевную площадь на 10 и более %». В центральных промышленных губерниях, где земледелие часто имеет уже подсобное значение, крестьяне не засевают часть своих полос, отсюда в текущей волостной статистике возникают преувеличения. «Вывод, — заключали специалисты в 1916 г., — можно сформулировать так: в

южных губерниях данные ЦСК о посевных площадях под главными хлебами, в общем, по-видимому, достаточно достоверны; для решения же этого вопроса относительно северных губерний пока не имеется достаточного материала (главным образом достоверных данных о густоте посева). Во всяком случае, и по этим губерниям как будто нет оснований отрицательно относиться к данным Центрального комитета...»⁷¹. О возможности каких-либо поправок в земельную статистику ЦСК речь, разумеется, не шла.

Как с этих позиций в Особом совещании оценили достоверность данных ЦСК о валовых сборах? Снова высказывалось априорное убеждение, что ЦСК имеет тенденцию к преуменьшению урожайности. Однако в самих данных ЦСК специалисты усмотрели и внутренне заложенную поправку, суть которой в следующем: «Это обстоятельство (занижение урожайности. — *И. К.*) могло бы вести к преуменьшению размеров валовых сборов хлебов, если бы оно не сталкивалось с другой присущей данным ЦСК особенностью. Дело в том, что он коэффициенты десятичной урожайности у крестьян прилагает лишь к надельным землям, а сбор со всей остальной площади посева исчисляет по высоте урожая на владельческих землях, хотя значительная часть этой площади используется крестьянами на началах аренды, и по урожаю мало отличается от надельных земель»⁷². Таким образом, подсчет сборов с арендованных крестьянами земель по более высокой урожайности помещий должен давать повышательную «поправку» к общей сумме валового сбора. Тут же было проведено сопоставление среднегодовой урожайности ЦСК, Министерства земледелия и земств, за пятилетние отрезки по 5 культурам по тому количеству губерний, по которым есть сравнимые данные, отдельно: на крестьянских землях и по сумме всех земель. Итог: по крестьянским землям ЦСК действительно давал наименьшие величины, но по общей урожайности — отклонения от земств везде оказались менее 1 %⁷³. Тем самым было эмпирически подтверждено, что разнонаправленные отклонения, одновременно присутствующие в статистике ЦСК, при подсчетах средних урожаев по большим территориальным единицам взаимно погашаются.

Очевидно, что величина такой имплицитной «поправки» в каждой отдельной губернии зависела от соотношения владельческих и крестьянских земель: чем большей была площадь владельческих земель, находящихся в пользовании крестьян, тем выше получалась «поправка». В тех губерниях, где помещичьей запаш-

ки не было или ее доля была мала, как на европейском Севере, Урале, Кавказе и т. д., эта «поправка» не действовала.

В итоге, исчерпав аргументы и контраргументы, специалисты Особого совещания в 1916 г. приняли данные ЦСК о валовых сборах в губерниях Европейской России за предвоенное пятилетие для своих расчетов по продовольственному делу без каких-либо дополнительных поправок. Таким образом, урожайная статистика ЦСК МВД в условиях войны была признана годной для использования по прямому назначению. Следует, однако, понимать, что степень этой пригодности была относительной, и благоприятный для статистики вердикт был вынужденным. Нельзя сказать, что здесь была признана достоверность статистики валовых сборов ЦСК, скорее была осознана ее безальтернативность.

* * *

С приходом к власти большевиков потребность правительства знать размер валового сбора многократно усилилась. Урожайная статистика стала основой фискальной политики. На базе представлений о валовом урожае ежегодно составлялись не только планы продразверстки, но и сменившего ее продналога. Между тем прежняя система сбора информации с мест совершенно развалилась. В этот период спор о достоверности цифр и величине необходимых поправок вышел на политический уровень, где окончательно утратил свой академический характер. Дореволюционная статистика присутствовала в этих спорах отчасти в качестве объекта, отчасти — аргумента. Именно оттуда, из эпохи наркомпродовской продразверстки, идет современная историографическая дискуссия, так называемый спор о поправках.

Предлагая поправку якобы Иванцова, С. Г. Струмилин отстаивал свой «балансовый метод», примененный им еще до революции для проверки статистики сборов льна. Суть его в том, чтобы корректировать данные о посевах и сборах при помощи данных о потреблении, переработке и вывозе. В начале 1920-х гг. он по аналогии попытался рассчитывать данные о валовых сборах зерновых. Однако между льном и хлебом есть разница. Лен — техническая культура, которая перед революцией выращивалась крестьянами уже почти исключительно на продажу. Уходя из рук крестьянина, лен мог достаточно полно отражаться в транспортной статистике и статистике промышленной переработки. Сопоставлением этих показателей действительно можно корректировать урожайную

статистику. Иное дело зерно, огромная часть которого потребляется самими производителями, не отражаясь больше ни в каких статистиках. Тем не менее С. Г. Струмилин считал, что справился с задачей: «Сделанная нами в Госплане поверка балансовым методом итогов валовых сборов ЦСК за 1906–1914 гг. путем сопоставления их с данными о потреблении и вывозе хлебов дала расхождение указанных данных в 19,3 %»⁷⁴. Таким образом, ссылка на авторитет Д. Н. Иванцова служила С. Г. Струмилину лишь подкреплением его собственных расчетов.

Современные критики урожайной статистики ЦСК, как и С. Г. Струмилин, обычно строят свою аргументацию на принципах баланса. Для составления такого баланса, помимо прочего, требуется статистика личного и внутрихозяйственного потребления крестьян. Ввиду отсутствия таковой в качестве суррогата используются условные нормы потребления. Основой для вычисления этих норм в некоторой степени могут служить разрозненные данные локальных бюджетных исследований. Однако на практике обосновать правомерность применения той или иной «нормы» именно как нормы часто оказывается просто невозможно, и в этом коренится основная проблема «балансового метода».

Впервые эта проблема, насколько мне известно, оказалась предметом научной дискуссии в 1897 г. в связи с выходом в свет двухтомного коллективного труда «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Авторы под руководством известных ученых народнического направления А. И. Чупрова и А. С. Посникова определили потребность крестьянского хозяйства в хлебе в 26,5 пудов на душу (18 на продовольствие + 1 на помол + 7,5 на фураж). Сопоставив эту норму с данными об урожаях и населении по ЦСК, которые не ставились под сомнение, они пришли к удручающим выводам: в 40 губерниях Европейской России (из 50) надельные земли не покрывают продовольственных нужд населения, товарные излишки зерна имеют крестьяне лишь 6 губерний, а из общего числа крестьян лишь 9 % получают с надельных земель урожай выше «нормы» и т. п. Тогда же их выкладки подверглись разгромной критике оппонентами⁷⁵.

С. Г. Струмилин и те из современных историков, кто считают сведения урожайной статистики заниженными, идут, в сущности, тем же путем, но с другого конца. На основе априорно принятых «норм» потребления они пытаются вывести повышательные поправки к статистике сельскохозяйственного производства, чтобы

иметь основание для утверждений о реальном существовании более высокого уровня потребления. Однако в основе этой логики лежит тавтология, что не позволяет признать такого рода «балансовый метод» научным.

* * *

Итак, еще до революции и в 1920-е гг. исследования специалистов доказали, что статистика урожайности — и официальная, и земская — не плод фантазии и не набор произвольных цифр. За ней стоит определенная объективная реальность, описываемая тремя различными, не связанными друг с другом, рядами данных достаточно близко в абсолютном исчислении, и согласованно — в динамике.

Наибольшей представительностью и внутренней сопоставимостью обладают данные ЦСК. В системе показателей урожайной статистики ЦСК можно выделить первичные показатели — урожайность (сбор с десятины и «сам»), посев на десятину и вес четверти полученного зерна; и вторичные — данные о валовых, чистых и подушевых сборах и посевах, которые рассчитываются на основе первых с привлечением других статистик: статистики посевных площадей и населения. Степень надежности этих показателей различна.

Достаточно высокая надежность сведений ЦСК об урожайности при решении задач, в которых требуются относительные или средние величины, включая их динамику, была теоретически обоснована в работах Д. Н. Иванцова и Н. М. Виноградовой и подтверждена эмпирическими исследованиями М. М. Виноградовой, Н. С. Четверикова, В. М. Обухова, А. Л. Вайнштейна и др.

Вопрос о точности абсолютных значений урожайности остается открытым. По имеющимся подсчетам, относящимся преимущественно к культуре ржи, наивысший уровень средних многолетних значений урожайности показывает статистика Департамента/Министерства земледелия, чуть ниже — уровень земской статистики, еще ниже — ЦСК. Уровень Департамента/Министерства, в согласии с мнением всех авторитетных дореволюционных статистиков, следует считать максимальным пределом, т. к. он определялся по сведениям добровольных корреспондентов, хозяйства которых были поставлены более добротнее, чем у основной массы, и у которых не было мотива исказить информацию. Расхождения между средними значениями Департамента/Министерства и

ЦСК составляют порядка 10 %. Исходя из этого, думается, имеет основание предположение о среднем уровне урожайности, который мог быть выше уровня ЦСК порядка 5 %. Имеет право на существование и точка зрения (Н. М. Виноградовой), что уровень урожайности по ЦСК был наиболее близким к действительности, т. е. описывал реальность в пределах статистической погрешности. Представления же о значительно большем отклонении статистики ЦСК от реального среднего уровня, таком отклонении, за которым мог бы скрываться некий *качественно* иной уровень зернового производства в дореволюционной России, являются необоснованными.

Однако никакие соображения о высоте многолетнего среднего уровня урожайности не могут дать оснований для вычисления определенной поправки в сведения за отдельные годы, по отдельным культурам и губерниям. По-видимому, надо признать, что перед нами неустранимый недостаток источника.

Сведения ЦСК о посевных площадях, о валовых и чистых сборах, сегодня, как и в момент их первой публикации, «имеют лишь значение для общих, и притом в более или менее приблизительных пределах, соображений» и «в исследованиях, не претендующих на большую точность». Факт в том, что сравнение текущих сведений ЦСК о посевных площадях с результатами сельскохозяйственной переписи 1916 г. в масштабах страны и крупных регионов не подтвердило опасений о наличии существенных сокрытий.

Думается, при оценке правительственной урожайной статистики 1883–1914 гг. следует учесть, что она была все же более надежна, чем аналогичные статистики в предшествующий и последующий исторические периоды. Точная же статистика посевных площадей вообще вряд ли возможна без аэрофотосъемки.

Так или иначе, основная проблема историографии заключается не в том, каким образом надо скорректировать нашу статистику, а в том, для решения каких задач может быть корректно использована имеющаяся статистика. И, разумеется, не надо забывать, что любая статистика по своей природе есть не результат простого и точного измерения, а количественное выражение средних, относительных и вероятностных величин.

Примечания

¹ Прежде всего имеется в виду дискуссия вокруг работ Б. Н. Миронова, см.: О причинах русской революции. М., 2010; ряд статей диспутантов в журналах, см.: Российская история. 2009. № 2; Вопросы истории, 2010. № 10; Там же. 2011. № 3, 4, 5, 10.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. М., 2010. С. 231, 157 и др. Главы по сельскому хозяйству в этой книге повторяют текст предыдущей монографии того же автора, см.: Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. М., 2003 (я буду ссылаться на страницы более позднего издания).

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 67–68.

⁵ Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими государствами. Перевозки по русским железным дорогам. Ч. 1–2. СПб., 1914.

⁶ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 69–71.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Поплавский И. А. О товарной железнодорожной статистике // Статистический вестник. 1914–15. Кн. 3. С. 66.

⁹ Там же.

¹⁰ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909–1913 гг. Вып. 1. Пг., 1916. С. III.

¹¹ Там же. С. XIX.

¹² Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. IV.

¹³ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 97.

¹⁴ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 71.

¹⁵ Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893. С. 24.

¹⁶ Роднов М. И. Осторожно, статистика! // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 172–174.

¹⁷ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2011. С. 29.

¹⁸ В разные годы это ведомство меняло название и статус: Департамент земледелия Министерства государственных имуществ — Министерство земледелия и государственных имуществ — Главное управление землеустройства и земледелия — снова Министерство земледелия; его подразделение, ведавшее статистикой, с 1894 г. именовалось Отделом сельской экономики и статистики.

¹⁹ См.: Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX вв. М., 2004. С. 39–62, 106–108; Юбилейный сборник Центрального статистического комитета МВД. 1863–1913. СПб., 1913. Отд. III; предисловия к изданиям: Урожай 1883 года. СПб., 1884; Урожай 1892 года. СПб., 1893; и др.

²⁰ Вес четверти зерна отдельных хлебов в 1888–1899 гг. по показаниям, полученным при собирании сведений об урожае // *Временник ЦСК.* № 47. СПб., 1900.

²¹ Волости являлись не административно-территориальными единицами, а органами крестьянского самоуправления, поместья к волостям не относились.

²² Урожай 1892 года. СПб., 1893. Предисловие.

²³ Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год // *Статистический временник Российской империи.* Серия III. Вып. 4. СПб., 1884; Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. // *Статистика Российской империи.* Т. XXII. Вып. 1–50. СПб., 1892–1900; Т. XXIII. Вып. 51–60. СПб., 1893.

²⁴ Посевные площади, принимавшиеся ЦСК при разработке урожая в 1881, 1887 и 1893–99 гг. по 50 губерниям Европейской России // *Временник ЦСК.* № 48. СПб., 1901.

²⁵ Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884. С. 50–51; Сборник сведений по России за 1883 год // *Статистический временник Российской империи.* Серия 3. Вып. 8. СПб., 1886. С. 28–61; Сборник сведений по России за 1884–85 гг. СПб., 1887. С. 8–9.

²⁶ Данные за 1885 и 1890 г. см.: Урожай 1892 года. Приложение III.

²⁷ Посевные площади... // *Временник ЦСК.* № 48. СПб., 1901. С. 2.

²⁸ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета... Отд. II. С. 45.

²⁹ Выразительную подборку мнений на этот счет А. Ф. Фортунатова, А. А. Кауфмана, Н. А. Каблукова можно найти в статье не менее авторитетного статистика Г. И. Баскина, см.: Г. И. Баскин. Основные вопросы статистической методологии в земельной оценке // *Статистический вестник.* 1914. Кн. 1–2. С. 70–110.

³⁰ Фортунатов А. Ф. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893. С. 50–51.

³¹ Там же. С. 56–58.

³² Там же. С. 206.

³³ Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. С. 188.

³⁴ Фортунатов А. Ф. Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства. 4-е изд. М., 1918. С. 63.

³⁵ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). М., 2003. С. 111, 115.

³⁶ Миронов Б. Н. Страсти по исторической антропометрии // *Вопросы истории.* 2011. № 4. С. 129; Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 156.

³⁷ Фортунатов А. Ф. Урожай ржи... С. 51.

³⁸ Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915.

³⁹ Виноградова Н. М. Русская урожайная статистика (организация и методы) // *Вестник статистики.* 1925. № 10–12. (Кн. XXIII) С. 29–84; 1926. № 1–6. (Кн. XXIV) С. 51–104.

⁴⁰ Иванцов Д. Н. Указ. соч. С. 61, 104.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Там же. С. 26.

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ Там же. С. 61, 104–105.

⁴⁵ Там же. С. 145.

⁴⁶ Там же. С. 148.

⁴⁷ Там же. С. 149.

⁴⁸ Первушин С. А. Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М., 1909.

⁴⁹ См.: Виноградова М. М. Потребление водки в России и урожай. Пг., 1916. Автор этой монографии — сестра Н. М. Виноградовой.

⁵⁰ Ряд работ Н. С. Четверикова по данной тематике см. в сборнике: Четвериков Н. С. Статистические и стохастические исследования. М., 1963. С. 57–169; а также см.: Он же. Обзор работ научного отдела статистической методологии за время с 1921 по 1923 гг. // Вестник статистики. 1923. № 7–12 (Кн. XV) М., 1923. С. 193–199.

⁵¹ Четвериков Н. С. Колебания урожаев, как фактор, влияющий на устойчивость сельского хозяйства России // Вестник статистики. 1923. № 4–6 (Кн. XIV) С. 22.

⁵² Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы Ц. С.К. по урожаям на надельных землях). М., 1928.

⁵³ Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927. С. 1–159.

⁵⁴ Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития. (Отдельный оттиск) М., 1927. С. 18.

⁵⁵ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 48.

⁵⁶ Грегори П. Указ. соч. С. 115 (сноска).

⁵⁷ Струмилин С. Г. Избранные произведения в 5 т. Т. 1. М., 1963. С. 225.

⁵⁸ Виноградова Н. М. Указ. соч. // Вестник статистики. 1925. Кн. XXIII. С. 46.

⁵⁹ Там же. С. 48.

⁶⁰ Там же. Кн. XXIV. С. 69–89.

⁶¹ Там же. Кн. XXIV. С. 93.

⁶² Там же. С. 99.

⁶³ Там же. С. 90.

⁶⁴ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1–3. Пг., 1916; Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909–13 гг. Вып. 1–2. Пг., 1916–1917; и др.

⁶⁵ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. С. IV.

⁶⁶ Ср.: Предварительные итоги... С. XVIII; Производство, перевозки и потребление... Вып. 1. С. X.

⁶⁷ Миронов Б. Н. Страсти... С. 130.

⁶⁸ Производство, перевозки и потребление хлебов... С. XI.

⁶⁹ Предварительные итоги... С. XVIII.

⁷⁰ Производство, перевозки и потребление хлебов... С. XI.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. XII.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 225.

⁷⁵ См.: Влияние урожаев и хлебных цен на разные стороны экономической жизни. Доклад А. И. Чупрова и прения в III отделении Императорского Вольного экономического общества 1 и 2 марта 1897 г. Стенографический отчет. СПб., 1897.

М. А. Давыдов

О границах здравого смысла (ответ И. А. Кузнецову)

Я благодарен редколлегии издания «Экономическая история. Ежегодник» за предоставленную возможность высказать свое мнение о статье И. А. Кузнецова «Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии».

На мой взгляд, получилось весьма удачно, что в данном «Ежегоднике» помещены рядом два текста, в чем-то дополняющие друг друга, но позиции авторов которых не вполне совпадают.

Полемика всегда полезна, потому что заставляет строже проверять старые выводы и расширять круг новых аргументов.

Собственно, с одной стороны, полемики как бы и нет, поскольку Кузнецов в итоге делает вывод о том, что «вопрос о точности абсолютных значений урожайности остается открытым», предполагая при этом, что «средний уровень урожайности... мог быть выше уровня ЦСК в пределах 5 %».

Замечу, что и одна двадцатая — совсем не пустяк. Так, 5 % от суммарного урожая только главных хлебов 63 губерний, по данным ЦСК МВД, в 1913 г. равного 4506 млн пуд., составляют 225,3 млн пуд. Это на 3 млн пуд. больше величины изъятых большевиками по продразверстке хлеба в 1919–1921 гг. в 12 губерниях Поволжья и Приуралья, из-за чего они стали главным очагом страшного голода 1921–1922 гг.¹

Однако, с другой стороны, И. А. Кузнецов оспаривает те подходы, благодаря которым я пришел к выводу о том, что данные ЦСК уменьшают размеры сборов. И на этом я хотел бы кратко остановиться.

Думаю, в своей статье я заочно ответил на некоторые вопросы Кузнецова, прежде всего относительно «априорного» довода о занижении крестьянами размеров сборов. Определение «априорный» здесь едва ли уместно, поскольку речь идет об элементарных для статистики вещах.

Еще в 1809 г. Карл Герман, один из первых российских статистиков, писал, что «каждое статистическое исчисление, производимое правительством... в первых годах бывает обыкновенно оши-

бочно и неверно. Нижние чиновники почитают для себя такие новые труды тягостями», «обыватели имеют при том различные опасения, а потому те и другие согласны между собой в том, чтобы трудное и неприятное такое препоручение кончить только как можно скорее». А. А. Кауфман так комментирует эти мысли: «Мы узнаем здесь с полною ясностью выраженный принцип современной методологии, касающейся влияния “привычки населения” на качество получаемых статистических данных. Основное правило критики последних сводится к тому, что “чем более для людей может быть выгодно скрывать истину”, тем статистик “должен быть недоверчивее к показаниям их”»².

В этом смысле ссылка Кузнецова на мнение А. Ф. Фортунатова образца 1893 г. неубедительна, поскольку только в июле 1892 — июне 1893 гг. произошло первое масштабное списание Александром III продовольственных долгов на сумму около 52 млн руб. А 14 ноября 1894 г. по случаю свадьбы Николая II с населением было сложено еще около 50 млн руб. продовольственных долгов и т. д.³ Это быстро и радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью, и понятно, в каком направлении: «Все Всемиловнейше дарованные льготы по возврату ссуд, благодетельные по своим намерениям, так как ими имелось в виду снять с населения лежавшие на нем тяготы, освободив его от обязанности возврата долгов, зачисленных за ним в бедственные годы неурожаев, внушили, однако, крестьянам ту пагубную мысль, что продовольственная помощь оказывается им безвозвратно и что продовольственной ссуды с них обратно взыскивать не будут... Население все более и более приучалось смотреть на предъявляемые к нему местными крестьянскими учреждениями требования об уплате продовольственных долгов, как на исполнение пустой формальности, а на полученные им ссуды, как на безвозвратное пособие — “Царский паек”»⁴.

Ту же линию правительство продолжало вплоть до конца 1900-х гг., списывая сотни миллионов рублей продовольственных долгов. Так, за 1891–1900 гг. из средств Казначейства и из общеимперского продовольственного капитала на различные формы поддержки населения в годы неурожаев было отпущено примерно 232 млн руб., из которых 211 млн руб. подлежали возврату. Однако на деле население вернуло лишь около 19 млн руб., а большая часть долгов была аннулирована правительством⁵.

Рождение цесаревича Алексея стало поводом для списания еще как минимум 73 млн руб. и т. д. Львиную долю почти полумил-

лиарда рублей правительственной продовольственной помощи получили крестьяне тех же 15 общинных губерний, на которые падало и свыше 90 % недоимок по окладным сборам и выкупным платежам⁶.

Так что причины преувеличивать размеры неурожаев у крестьян и именно после 1893 г. были и причины более чем веские.

Не могу признать основательной и мысль Кузнецова о том, что урожайная статистика ни разу не использовалась в фискальных целях. Для рассматриваемых сюжетов это не имеет значения. Население России было настолько жестко воспитано предшествующей историей страны, что ему вполне хватало и сознания потенциальной возможности такого использования, чтобы прибегать к проявлению искренности для других случаев.

Теперь об аргументах, связанных со статистикой.

1. Некоторое удивление вызывает идея И. А. Кузнецова о некорректности «любого сопоставления данных сельскохозяйственной статистики по отдельным годам» и о том, что «аксиомой для серьезного исследователя всегда являлось положение, что вопрос об уровне урожаев можно рассматривать только на основании средних за ряд лет данных, как минимум, пятилетних средних».

Если автор точно выразил свою мысль, то это — открытие.

Я, конечно, не стремлюсь считаться «серьезным исследователем» в глазах И. А. Кузнецова и честно скажу, что данная «аксиома» мне странным образом неизвестна. Я всегда думал, что в работе со статистикой все зависит от характера конкретных задач. В моих работах, с которыми Кузнецов, кажется, знаком, в изобилии можно встретить различные «хронологические» варианты анализа, все они дополняют друг друга, ни один не является лишним. Об этом же говорит и измерение корреляции между урожаями, перевозками и экспортом главных хлебов, а также транспортировкой важнейших народнохозяйственных грузов (см. далее). Впрочем, в любом случае я остаюсь в весьма приличной компании, вместе, например, с В. Г. Михайловским, П. И. Лященко и Н. С. Четвериковым.

Считая мои сопоставления «некорректными», Кузнецов пишет: «Для корректного решения задачи надо не просто указать, сколько было вывезено зерна из данной губернии в данном году, но доказать, что это зерно было произведено на полях именно этой губернии и именно в этом году. На основании транспортной статистики, которой оперирует М. А. Давыдов, этого сделать, разумеется, невозможно».

Напрасно И. А. Кузнецов так ограничивает возможности «Сводной статистики». Сошлюсь на свою работу: «Именно с перевозками по внутренним водным путям связана одна из наиболее острых и, если так можно выразиться, неприятных проблем транспортной статистики — проблема переотправок, она же проблема двойного счета, она же проблема передачи грузов с рельсовых путей на водные и наоборот. Характеризуя ее, П. И. Лященко писал, что “в общей массе движения хлебных грузов часто или на водные пути переходят грузы с железных дорог, или, наоборот, грузы с водных путей переходят на железные дороги. Хотя выделение этих самостоятельных грузов из общего движения *представляется в высшей степени важным* во избежание двойного учета, однако оно трудно исполнимо и требует сложных подсчетов”».

Для данной работы преодоление этих трудностей совершенно необходимо. Сначала, впрочем, ознакомимся с этой проблемой на реальных фактах и в качестве примера возьмем Самарскую губернию, в которой было две пристани, соединявшиеся с рельсовыми путями, — Самара и Покровская Слобода. Из табл. 1 следует, что в 1901 г., например, со станций Самарской губернии было отправлено 18 607 тыс. пуд., а с пристаней — 29 878 тыс. пуд., т. е. в сумме 48 485 тыс. пуд. пшеницы. Эта цифра точна постольку, поскольку характеризует работу транспортной сети на территории Самарской губернии. Однако она, несомненно, превышает количество пшеницы, которое перевозилось по смешанному железнодорожно-водному пути, поскольку дважды учитывает одно и то же зерно.

Сначала оно было отправлено по железной дороге в Самару и Покровскую Слободу как из Самарской губернии, так из других губерний и областей (Оренбургской, Уфимской, Уральской, Тургайской) и *уже* зафиксировано как отправленное из них, а затем, после перегрузки на воду, посчитано еще раз и вновь как отправленное.

Так, по данным табл. 1, в 1901 г. Самара получила по железной дороге 8031 тыс. пуд. пшеницы. Согласно данным «Сводной статистики» из них 4609 тыс. пуд. приходилось на Самарскую губернию, 3346 тыс. пуд. — на Оренбургскую и 34 тыс. пуд. — на Уфимскую губернию. С пристаней Самары в том же году отправлено 8654 тыс. пуд. пшеницы. В Покровской Слободе в том же году было получено 8017 тыс. пуд. пшеницы, из которых 6314 тыс. пуд. было отправлено со станций Самарской губернии, а остальные — из Уральской области (1649 тыс. пуд.) и Саратовской губернии (54 тыс. пуд.)⁷ и т. д.

Так что в смысле «доказательств» не все так плохо, как представляется И. А. Кузнецову.

Предложенная мной методика учета переотправок принципиально нацелена на то, чтобы обезопасить анализируемые сведения от возможности искусственного завышения⁸.

Примеры, приводимые Кузнецовым в подтверждение азбучной истины о несовпадении административных границ и границ транспортных районов, в данном случае не работают. Я рассматриваю перевозки только из производящих губерний, и Нижегородская губерния в моих таблицах не фигурирует, равным образом как и Черноморская. Ее я вообще исключаю из *всех* своих подсчетов, присоединяя ее данные к данным Кубанской области. Нетрудно догадаться, какова по данным статистики величина потребления у Новороссийского порта и его окрестностей.

Сложные транспортные варианты (прежде всего Самарская, Саратовская и Херсонская губернии) были предметом моего специального анализа.

2. Кузнецов считает данные, которые в расширенном виде я даю в таблицах 1–4 (см. выше статью И. А. Кузнецова), «статистическим казусом». Не буду дискутировать о семантике слова «казус», но мне кажется, что количество «спорных» цифр в моих таблицах слишком велико, чтобы подпадать под это определение.

Он пишет: «Главная причина появления этого казуса очевидна: большую часть данного года в перевозках участвует зерно прошлогоднего урожая или даже более поздних годов. Если воспользоваться таблицами М. А. Давыдова и просто пересчитать проценты перевозок к объему урожая не год — к году, а со сдвигом на год, то все казусы исчезают сами собой. Так, вывоз овса из Уфимской губернии в 1911 г., который составил 276,1 % от урожая 1911 г., — это лишь 34,8 % от урожая 1910 г.; 146,6 % урожая пшеницы, вывезенного из Оренбургской губернии в 1911 г., составляют лишь 13,7 % от прошлогоднего урожая и т. д. ...Кстати (!), М. А. Давыдов верно подметил, что наибольшее несоответствие цифр обнаружилось в неурожайные годы (1901 и 1911), однако вместо логического вывода, что следует учесть запасы прошлых лет или прошлогодний урожай, он, следуя своей цели доказать отсутствие голодовок у крестьян, выдвинул иную догадку», т. е. тезис о занижении крестьянами размеров сборов в неурожайные годы.

Видимо, границы здравого смысла у И. А. Кузнецова и у меня, подобно границам административных и транспортных районов, не вполне совпадают.

Попробуем разобраться.

Коэффициенты корреляции между урожаями, железнодорожными перевозками и стоимостью вывоза главных хлебов и питейным доходом в 1894–1913 гг.*

Урожай	Экспорт	Перевозки	Стоимость хлеб. экспорта	Питейный доход
Рожь	-0,13	0,16	0,21	0,27
Овес	-0,05	0,58	0,55	0,58
Пшеница	0,48	0,86	0,72	0,74
Ячмень	0,88	0,92	0,88	0,89

Источники: Урожай 189... года. СПб.; Ежегодник Министерства финансов на 189.. год. СПб.; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С. 14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб.; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189... год. СПб.

* Урожай — по 63 губерниям Европейской России, остальные показатели — вся империя.

Табл. 1 фиксирует ряд важных моментов в истории хлебного рынка России в конце XIX — начале XX в. Нетрудно видеть, что связь между урожаями ржи и овса и их экспортом практически отсутствует (предупреждая возможные вопросы, скажу, что подсчет корреляции с лагом этого вывода никак не поколебал, да и эта идея сама по себе в данном случае весьма уязвима). Средней оказывается связь урожая и экспорта для пшеницы (0,48), и действительно значима она для ориентированного на экспорт ячменя (0,88).

Коэффициенты корреляции между величиной сборов главных хлебов и их транспортировкой по железной дороге в целом отражают уровень товарности каждого из них. В 1901–1903 гг. перевозка ржаных грузов составляла 13,8 % урожая, в 1912–1913 гг. — 11,4 %. Ту же тенденцию мы видим и у овса — снижение с 19,5 % до 16 %. Динамика транспортировки пшеничных грузов прихотлива и колеблется вокруг половины урожая, и только доля перевозимого ячменя от урожая неуклонно растет — с 15,9 % в 1901–1903 гг. до более четверти к концу рассматриваемого периода.

Очень слабый коэффициент корреляции между сборами ржи и ее железнодорожной перевозкой, возможно, несколько занижен, потому что немалые объемы ржи перевозились в бассейне Волги, не попадая на рельсовые пути; это же относится и к овсу⁹. Однако в любом случае ясно, что не следует преувеличивать степень то-

варности серых хлебов, которые в массе, конечно, потреблялись на месте.

Также эти данные подтверждают высказанное еще век назад мнение о постепенном падении значения ржи в общем объеме зернового производства империи: в 1906–1913 гг. средние сборы по сравнению с 1894–1905 гг. выросли лишь на 2,2 %, а остаток ржи (урожай минус вывоз) — на 5,4 %. Для овса аналогичные показатели соответственно равны 16,2 и 19,3 %, для пшеницы — 31,7 % и 40,8 %, для ячменя — 47,5 и 32,5 %. Товарность красных же хлебов, особенно ячменя, заметно выше. Об этом говорит и достаточно сильная связь их урожаев с питейным (0,74 и 0,89) и остальными акцизными сборами, а также и с перевозками подавляющего большинства грузов (порядка 0,8–0,9)¹⁰.

В табл. 2 дается транспортно-производственное сальдо применительно к перевозкам пшеницы в Оренбургской губернии за ряд лет в начале XX в.

Таблица 2

Перевозки пшеницы в Оренбургской губернии в начале XX в.:
транспортно-производственное сальдо (тыс. пуд.)

По данным «Статистических сборников МПС»										
Годы	Хлеб в зерне			Хлеб в муке				Трансп. сальдо	Урожай	Трансп.-произв. сальдо
	От-правл.	При-было	Сальдо в зерне	От-правл.	При-было	Сальдо в муке	Сальдо в зерне			
1900	17 366	68	-17 298	4060	24	-4036	-5381	-22 679	45 447	22 768
1901	16 670	62	-16 608	3777	52	-3725	-4967	-21 575	20 238	-1337
1905	18 440	418	-18 022	4310	228	-4082	-5443	-23 465	68 944	45 479
1906	20 001	1300	-18 701	6419	172	-6247	-8329	-27 030	23 743	-3287
1909	16 279	6832	-9447	6940	1236	-5704	-7605	-17 052	61 461	44 409
1910	11 900	1383	-10 517	9172	355	-8817	-11 756	-22 273	53 901	31 628
1911	5773	6259	486	7694	884	-6810	-9080	-8594	5049	-3545
1912	4952	11 918	6966	6051	746	-5305	-7073	-107	40 329	40 222
По данным «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам»										
1901	16 659	63	-16 596	3786	16	-3770	-5027	-21 623	20 238	-1385
1909	18 417	3208	-15 209	8256	440	-7816	-10 421	-25 630	61 461	35 831
1910	11 727	1303	-10 424	10 077	358	-9719	-12 959	-23 383	53 901	30 518
1911	7403	7140	-263	8415	870	-7545	-10 060	-10 323	5049	-5274

Источники: Российский государственный исторический архив. Ф. 273. Оп. 17. Д. 112. Л. 58; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб., 1914. Ч. 1.

Не вдаваясь в природу расхождений данных «Статистических сборников МПС» и «Сводной статистики», отмечу согласованную фиксацию обоими источниками значительных отправок пшеницы в неурожайные годы. И если в 1911 г. они отчасти компенсируются примерно таким же прибытием пшеницы в зерне на станции губернии, то ни в 1901, ни в 1906 г. ничего подобного мы не видим.

Перевозка хлеба урожаев предшествующих лет в каждом данном году — банальность. Однако этот фактор должен действовать в каждом году, но, конечно, не с одинаковой силой, потому что вывоз хлеба из пострадавшей от недорода губернии — некоторый нонсенс. Ведь цена хлеба в этой губернии возрастает, что лишает смысла перевозки из нее на дальние расстояния. Конечно, часть хлеба запродавалась заранее, и все же забывать об этом нельзя. Пункты о форс-мажоре к этому времени были вполне усвоены русским бизнесом.

Известно, что во время организации продовольственной помощи было немало случаев нерациональной организации транспортировки хлеба. Предположим, что этот хлеб предыдущего сбора был вывезен из Оренбургской губернии (где практически не было речных перевозок) в самые первые месяцы 1901, 1906 (также неурожайного) и 1911 гг., т. е. до того, как стало известно, что год неурожайный. Правда, настораживают объемы вывоза, но допустим, что это так.

Однако статистика перевозок овса в Уфимской губернии сокращает пространство сомнений. В ней речные перевозки явно доминировали над железнодорожными.

Позволю себе привести выдержку из моего ответа оппоненту «с противоположной стороны», по определению И. А. Кузнецова, М. И. Роднову: «Сопоставив величины урожаев овса в Уфимской губернии по данным ЦСК и земства, Роднов резюмирует: “Сведения ЦСК по валовому сбору овса, которые приводит Давыдов, превышают более близкие к реальности показатели уфимской статистики на 33, 24, 30 и 31 %” для 1908–1911 гг. соответственно, а затем патетически восклицает: “Как видим, величина расхождений такова, что все выводы Давыдова по Уфимской губернии нужно пересчитывать”».

Делать нечего, я пересчитал. Результаты этой процедуры можно видеть в следующей таблице.

Таблица 3

Сопоставление урожаев и транспортировки овса из Уфимской губернии в 1908–1911 гг. (тыс. пуд.)

Год	По данным ЦСК МВД Урожай	По данным земства Урожай	Отправление по ж. д.	Отправление по реке	Отправление Сумма	Доля отправления от урожая по данным МВД (%)	Доля отправления от урожая по данным зем- ства (%)	Разница (%)
1908	23 647	17 721	133	1610	1743	7,4	9,84	2,44
1909	33 717	27 128	395	5405	5800	17,2	21,38	4,18
1910	30 993	23 797	723	9666	10 389	33,5	43,66	10,16
1911	3905	2990	483	10 299	10 782	276,1	360,6	84,5

В колонке 2 этой таблицы помещены данные об урожаях, которые приводит ЦСК МВД, в колонке 3 — данные земской статистики, которые считает достоверными Роднов.

Как можно видеть, в 1908 г. суммарное отправление овса с железнодорожных станций и пристаней, расположенных на территории Уфимской губернии по данным ЦСК МВД (колонка 7) составило 7,37 % от урожая овса, собранного в этой губернии, и 9,84 % — по данным земства (колонка 8), в 1909 г. — 17,2 и 21,38 %, в 1910 г. — 33,52 и 43,66 %, а в 1911 г. — 276,11 % и 360,6 % соответственно.

Для 1908 г., как можно видеть из колонки 9, расхождение «со всеми выводами Давыдова по Уфимской губернии» составило 2,46 %, для 1909 г. — 4,18 %, для 1910 г. — 10,14 % и для 1911 г. — 84,49 %.

Я не могу лишить Роднова права считать, что это кардинально меняет смысл моих рассуждений, но пусть читатели сами судят о том, в какой мере соответствуют приведенные цифры тревожному пафосу моего рецензента.

Ведь и более значительные, на первый взгляд, показатели 1911 г. «работают», увы, не на Роднова. Может быть, он объяснит, каким

образом в неурожайном 1911 г. отправление овса из губернии превысило сбор по сведениям ЦСК в 2,8 раза, а по данным земства — в 3,6 раза? Цитируя его самого, «почувствуйте разницу»!

От «реальности», видимо, одинаково далеки оба источника. Но не значит ли это всего лишь то, что земская статистика занижала урожай *еще больше, чем ЦСК МВД*, по крайней мере, в данном случае¹¹?

Навигация на реке Белой и ее притоках открывалась отнюдь не в январе, а тогда, когда в той или иной степени можно было судить о видах на урожай. И в границы *моего* здравого смысла плохо вписывается факт именно водной отправки миллионов пудов овса из Уфимской губернии (прежде всего в Петербург) в неурожайные годы¹². Транспортно-производственное сальдо перевозок овса в этой губернии, вычисленное по методике, представленной в табл. 2, в 1901 г. составляет минус 6824 тыс. пуд., 1906 — минус 6613 тыс. пуд. и в 1911 г. — минус 5255 тыс. пуд.¹³

Аналогичный показатель перевозок пшеницы в Саратовской губернии в 1897 г. равняется минус 7488 тыс. пуд., в 1898 г. — минус 10 785 тыс. пуд., в 1905 г. — минус 8605 тыс. пуд., в 1906 г. — минус 19 632 тыс. пуд., в 1911 г. — минус 14 446 тыс. пуд.¹⁴

Транспортно-производственное сальдо перевозок пшеницы в Самарской губернии в 1895 г. составляет минус 1849 тыс. пуд., в 1897 г. — минус 11 188 тыс. пуд., в 1898 г. — минус 9062 тыс. пуд., в 1901 г. — минус 7953 тыс. пуд., в 1905 г. — минус 2125 тыс. пуд., в 1906 г. — минус 10 921 тыс. пуд., в 1911 г. — минус 37 945 (!) тыс. пуд.¹⁵

Обсуждаемое явление обладает явной устойчивостью.

Напомню одно из приведенных в моей статье мнений Н. Осипова. Получив «лишь сырой и непроверенный материал» об урожае, ЦСК, сообщает он, «делает этому материалу некоторую проверку в том хотя бы направлении, чтобы исключить из подсчета *сведения явно вздорные или прямо нелепые*, на что, конечно, уходит немало труда и времени». После этого ЦСК проводит огромную работу по перемножению площадей на урожай и по суммированию этих произведений по волостям и уездам¹⁶.

«В результате, когда на основании таким образом собранного материала ЦСК начинает делать свои выводы об урожаях, в полученных цифрах является общая неуверенность, не исключая самого ЦСК. Эта неуверенность остается, обыкновенно, без последствий, так как в годы хорошего и среднего урожая к цифрам, публикуемым ЦСК, относятся без должного внимания».

Перед нами — примеры такой «неуверенности». Потому что «болевые точки» любой системы стануются заметны именно в кризисные, а отнюдь не в нормальные моменты. Естественно, что средние валовые сборы за пятилетия маскируют такие «ляпы».

Термин Осипова «неуверенность», как мне кажется, прекрасно характеризует и данные таблиц 1–4 моей статьи в целом. Потому что эти цифры показывают, насколько «все висит на тоненького», да простится мне это неакадемичное выражение. При этом я, разумеется, не настаиваю на том, что *каждая* из выделенных мной цифр является сигналом источниковедческой «опасности».

Словом, И. А. Кузнецов не убедил меня, хотя я буду рад любому *доказательному* уточнению моих построений. Работая со статистикой невозможно не ошибаться.

Замечу далее, что не считаю, будто данные ЦСК МВД скрывают «некий *качественно* иной уровень зернового производства в дореволюционной России», поскольку его не обозначают, на мой взгляд, даже 19 %-ные поправки Струмилины.

Относительно урожайности в 7 ц с га, такой уровень, полагаю, — это урожайность, по крайней мере, 14–15 ц. До таких показателей России еще оставалось не менее 10–15 лет — после окончания Первой мировой войны, не случись 25 октября 1917 г.

В 1906–1913 гг. агротехнологическая революция в стране только начиналась. Но то, что сборы хлебов в производящих губерниях были выше, чем показывают данные ЦСК МВД, — для меня бесспорно.

* * *

В заключение необходимо сказать о следующем.

Первая фраза статьи И. А. Кузнецова — безусловно, верная мысль, которая выходит далеко за рамки споров о достоверности урожайной статистики: «Накал дискуссий об уровне развития и тенденциях сельского хозяйства царской России, об уровне благосостояния крестьян и о результативности реформ второй половины XIX — начала XX в. достиг в последние годы такого градуса, что у многих наблюдателей складывается впечатление, будто оппоненты ведут речь уже не об одной стране, а о разных. На самом деле, страна, конечно, была одна — слишком сильно разнятся идеологемы историков».

Увы, Кузнецов неправ.

Речь действительно идет о двух разных странах с одним названием.

Одна — это нищая Россия из народнической публицистики и советских учебников, плод идеологизированного, предвзятого и потому негативистского подхода к окружающему миру, а также и сознательных махинаций, в том числе и со статистикой. Эта Россия должна была быть нищей — иначе зачем и от кого социалистам нужно было бы ее спасать?

Другая — страна с трагической и величественной историей, которая медленно, но верно расставалась со своим прошлым, выкарабкиваясь после 1861 г. из средневековья и крепостничества, что сделать было куда труднее, чем кажется нам 150 лет спустя. И несмотря ни на что доказывала свою состоятельность, в том числе и интеллектуальную.

В 1970-х гг. Ф. А. Искандер высказал изумительно точную и, увы, до сих пор актуальную мысль: «У нас в стране наука настолько политизирована, что люди как-то забывают, что истина и сама по себе интересна».

И. А. Кузнецов обронил в своей статье фразу: «Давыдов... следуя своей цели доказать отсутствие голодовок у крестьян», употребил слово «голодовки» как нечто само собой разумеющееся применительно к российскому крестьянству конца XIX — начала XX в.

Я хочу напомнить о вполне тривиальных вещах.

Будущие историки с первых курсов должны усваивать банальную, но коварную в своей кажущейся простоте истину: при обращении к любому историческому периоду необходимо постоянно помнить о том, что с течением времени многие элементарные понятия меняют смысл. «Презентизм», т. е. механическое проецирование (перенесение) нашего сегодняшнего понимания отдельных явлений, терминов и т. д. на прошлое, недопустим, поскольку способен извратить его понимание.

По ряду причин пореформенной эпохе в этом отношении чрезвычайно не повезло, хотя, казалось бы, она была совсем недавно.

Между тем люди того времени, т. е. не самые далекие наши предки, в понятия «голод», «нужда», «непосильные платежи», а также «насилие», «произвол» и др. вкладывали совсем не тот смысл, который вкладываем мы сейчас.

Простой пример. После распада в 1909 г. картельного соглашения рафинеров, то есть производителей рафинада, производство сахара-рафинада за 1909–1910 операционный год, выросло на 17 % (!) по сравнению с 1908–1909 г. и превысило 50 млн пуд. Рынок оказался переполнен рафинадом, цены на который резко

снизились. В то же время в стране стала ощущаться нехватка песка, во-первых, из-за неурожая свекловицы, а во-вторых, потому, что рафинеры внепланово изъяли с рынка для переработки более 7 млн пуд. сахарного песка¹⁷.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ряде городов России «нельзя было найти какого-нибудь вагона песка», а с другой — рынок был буквально завален рафинадом, который в итоге сравнялся в цене с песком. Поэтому потребители начали покупать быстрорастворимый рафинад и толочь его в песок для варки варенья¹⁸.

И вот эта ситуация в тогдашней прессе совершенно серьезно именовалась «сахарным голодом»!

Я, понятно, не буду сопоставлять этот слегка водевильный для нас эпизод с трагедией 1891–1892 гг. (отмечу мнение Б. Н. Миронова о том, что большую часть жертв этого катаклизма унесла холера, которую не умели тогда лечить). Однако он заставляет задуматься о многом.

Если в России конца XIX — начала XX в. цена, положим, пуда железа вырастала на 0,2 коп. за пуд, то в стране немедленно начинался «металлический» голод.

Некоторое представление о том, насколько легко и безответственно (с нашей точки зрения) употреблялся этот термин, дают следующие факты.

Например, в популярнейшей газете «Русское слово» в 1912 г. в № 80 говорится о «мануфактурном кризисе», в № 90 — о «чугунном голоде» и «лесном кризисе», в № 126 — о «чугунном голоде», в № 172 — о «нефтяном голоде», в № 238 — о «мясном кризисе», в № 239 — о «дровяном голоде», в № 248 — об «угольном голоде», в № 250 — опять о «нефтяном голоде», в № 259 — о том, что «стране грозит мясной голод, а мы снабжаем Германию дешевым мясом», в № 260 и 287 — вновь об «угольном голоде». В № 265 рассуждают о «борьбе с дороговизной», т. е. о «необычайном зрелище, когда крестьяне жалуются на низкие цены сельскохозяйственных продуктов, а горожане этих цен не видят». И это далеко не все. О наличии в газете постоянной рубрики «На голоде», в которой описывалась ликвидация правительством последствий неурожая 1911 г., в негативном, естественно, ключе, я и не упоминаю.

При этом напомним, что речь идет не о временах военного коммунизма, а о предпоследнем году выдающегося экономического подъема 1909–1913 гг.!

Это значит, что слово «голод» характеризовало не только ситуацию недорода хлебов, оно было дежурным обозначением малейшего нарушения ценового статус-кво в сторону удорожания.

Наши современные представления об этих феноменах вытекают из исторического опыта советской эпохи, а он был принципиально *иным* и неизмеримо более трагичным.

У каждого времени и у каждого народа свой «среднестатистический» порог печали и страданий. Многие тысячи страниц, опубликованных до 1917 г., изображали «народное горе», «бедственное» и т. п. положение жителей России, и, думаю, значительная часть писавших была искренна. Трудно предположить, например, что кривил душой В. Г. Короленко. В рамках представлений своего времени, в тогдашней системе координат «плохо/хорошо», когда голодом категорически именовался не только реальный голод 1891–1892 гг., но и любой неурожай, эти авторы, если они старались быть объективными, часто были правы.

Все эти описания фактически одномоментно обесценились, когда обыденностью стали «красный террор», продовольственная диктатура, продотряды и продразверстка, людоедство и голод 1921–1922 гг., не говоря о коллективизации и голоде 1932–1933 гг.

Переворот 25 октября 1917 г. создал новую, чудовищно жестокую систему координат во всех сферах бытия, и старые стандарты соотносились с ней примерно так же, как обиды ребенка и трагедия человека, идущего на эшафот.

Если постоянно не иметь этого в виду, то об объективном изучении истории России можно забыть.

Что написал бы по поводу карточной системы времен военного коммунизма, например, А. И. Шингарев, сделавший себе имя на брошюре «Вымирающая деревня» (1901), если бы его не растерзал «революционный караул» в 1918 г.? А как оценил бы плакат Моора «Помоги» (1921) умерший в 1919 г. в горе и раскаянии А. А. Кауфман?

Короленко летом 1921 г., незадолго до смерти, избрали почетным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, и он написал Горькому, что «у нас голод не стихийный (как было до революции. — М. Д.), а искусственный»¹⁹. Он успел не только ощутить себя в новой системе ценностей, но и высказать свое к ней отношение — к ярости Ленина, кстати.

Сказанное, понятно, не делает нужду и недоедание людей во время неурожая конца XIX — начала XX в. фикцией, однако по-

казывает, что они должны оцениваться в контексте *всех* наших знаний и по своей настоящей «цене».

Если мы претендуем на цельное понимание своей истории, если мы хотим трактовать ее как единый глобальный и непрерывный процесс, то мы обязаны выработать точные критерии, четкую терминологию для обозначения различных градаций одних и тех же константных исторических явлений, чтобы история не представлялась, условно говоря, собранием отдельных «картин-эпох», а была бы цельным полотном.

До революции ликвидация последствий неурожая сопровождалась многомиллионной правительственной продовольственной помощью, иногда сопоставимой с расходами на оборону (63 % от этих расходов в 1891 г.).

Если называть данный феномен, как это делают Нефедов и Кузнецов, «голодовками», то из какого словаря брать слова для обозначения перечисленных выше катастроф в советское время?

Невозможно, чтобы недороды конца XIX — начала XX в. и блокадный голод Ленинграда именовались одинаково.

Пора бы уже осознать, что наши предки всего сто лет жили в мире, где бесконечные заклинания о «голоде» и «кризисах» и нагнетание апокалиптической атмосферы были необходимым компонентом описания окружающей действительности большинством авторитетных СМИ и публицистикой. К реальной жизни страны это относилось совсем не так, как считала советская историография и как продолжают считать ее вольные и невольные наследники.

Пора бы уже понять, что мы вплотную стоим перед необходимостью радикального пересмотра доставшегося нам от историографии XIX–XX вв. весьма спорного наследства. Ведь кажущиеся незыблемыми догматы, вроде «грабительской» якобы крестьянской реформы, парадигма «обнищания» и «аграрного кризиса» со всеми их компонентами и т. п. не выдерживают проверки совокупностью источников — статистических и нарративных.

Каждый исследователь сейчас делает свой выбор.

Либо, исходя из того, что «истина и сама по себе интересна», он пытается понять, что же было на самом деле в нашей Истории, либо он по-прежнему тратит свой интеллектуальный потенциал на доказательство легенд и мифов XX века, снова конструируя прошлое, из которого якобы вытекает настоящее и, что особенно опасно, будущее.

Примечания

¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 440. Автор пишет: «По отношению к общей сумме хлебных заготовок за два года по всей РСФСР эти цифры составляют 44 %». Губернии: Уральская, Оренбургская, Челябинская, Уфимская, Екатеринбургская, Вятская, Трудовая Коммуна немцев Поволжья, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии и Татарская республика.

² Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. М., С. 8–9.

³ Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. СПб., Алетейа. С. 264–265.

⁴ Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С. 109–110.

⁵ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 265–266.

⁶ Губернии: Казанская, Самарская Воронежская, Нижегородская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Тульская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Оренбургская, Пермская, Курская, Уфимская, Псковская.

⁷ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 50–51.

⁸ Там же. С. 50–53.

⁹ Там же. С. 50–59, 204–224.

¹⁰ Давыдов М. А. Проблема «голодного экспорта» в истории Российской империи. URL: <http://www.polit.ru/article/2012/06/26/hunger/>

¹¹ Давыдов М. А. Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011 г. № 3. С. 133–134.

¹² Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 53–59.

¹³ РГИА. Ф. 273. Оп. 17. Д. 112. Л. 87.

¹⁴ Там же. Л. 76.

¹⁵ Там же. Л. 74.

¹⁶ Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 69–70.

¹⁷ Давыдов М. А. Монополия и конкуренция в сахарной промышленности России начала XX века. М., 1986. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. С. 15.

¹⁸ Вестник сахарной промышленности. Киев, 1910. № 30. Телеграмма из Варшавы от 22 июля 1910 г. См. также: № 24, 31–33.

¹⁹ Кристалл А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 25.

История финансов и банков

С. А. Саломатина*

Инвестиционные операции коммерческих банков в дореволюционной России: поиск оптимальной модели¹

Введение

Данное исследование посвящено инвестиционным операциям дореволюционных коммерческих банков. В частности, в центре внимания находится комплекс инвестиционных операций коммерческих банков, связанных с выводом на рынок ценных бумаг частных компаний. В рамках этих операций банки, выступая в роли организаторов эмиссии, выкупали весь выпуск акций, а затем продавали его на вторичном рынке. Этот комплекс услуг мог сочетаться с краткосрочным оборотным кредитованием компании-клиента и с кредитованием вторичных покупателей акций; долгосрочного кредитования эта система операций не включала.

Инвестиционные операции такого типа впервые стали массовым явлением в России в 1890-е гг. В работе показаны предпосылки этого всплеска, уходящие корнями в 1880-е гг.; особенности инвестиционной банковской специализации в России в 1890-е гг.; трудности банков в период кризиса 1899–1903 гг., обусловленные недостаточной диверсификацией операций в предыдущий период, а также интеграция инвестиционных операций в модель универсального банка в первой половине 1910-х гг.

В этой работе делается попытка взглянуть на появление и эволюцию комплекса инвестиционных операций с точки зрения эволюции банковских моделей и, в частности, доказывается, что инвестиционные операции 1890-х гг. были продолжением традиционной деятельности группы коммерческих банков Петербурга,

---

* Саломатина Софья Александровна — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова).

связанной с обслуживанием рынка государственных и ипотечных ценных бумаг и интенсивными валютными спекуляциями в условиях бумажно-денежного обращения. Однако в период самого бурного экономического роста дореволюционной России в 1890-е гг. на рынке впервые возник массовый спрос на инвестиционные банковские услуги со стороны частных промышленных компаний, и петербургские банки «переключились» на промышленные акции как на новый вид биржевых ценностей. В то же время аналогичный комплекс инвестиционных операций наблюдался и у некоторых банков за пределами Петербурга. В период кризиса выявились слабости новой модели операций, которые были преодолены к 1910-м гг. через усиление тенденций универсализации банковского дела.

В той степени, в какой этого требует заявленная тема, в работе синтезируются результаты исследований экономических историков по нескольким направлениям: в частности, исследования дореволюционного экономического роста (П. Грегори, Л. Б. Кафенгауз²), структура фондового рынка (И. Ф. Гиндин, В. И. Бовыкин³), деятельность банковских синдикатов по размещению на внутреннем и внешних рынках российских ценных бумаг (Б. В. Ананьич, С. К. Лебедев⁴), история борьбы правительства за стабилизацию рубля в 1880–1890-е гг. (П. В. Лизунов⁵), основные тенденции во взаимоотношениях банков и промышленности (В. И. Бовыкин⁶), факты и тенденции из истории банков Петербурга и Москвы (В. И. Бовыкин, Ю. А. Петров, С. К. Лебедев⁷), общая эволюция банковской системы и моделей операций банков разных типов (С. А. Саломатина⁸).

В статье также использованы результаты анализа публичной финансовой отчетности дореволюционных коммерческих банков.

В четырех разделах работы анализируются, во-первых, предпосылки расцвета инвестиционных банковских услуг в 1890-е гг.; во-вторых, особенности инвестиционных операций в 1890-е гг.; в-третьих, проблемы инвестиционной модели операций в период кризиса 1899–1903 гг.; в-четвертых, качественные изменения в моделях банков в связи с приходом эпохи универсальных банков в первой половине 1910-х гг.

В целом данный текст подводит итоги многим важным линиям изучения банков и биржи в российской экономической истории.

Факторы становления практики массовых инвестиционных операций

Факторы, создавшие условия для массовых инвестиционных операций именно в 1890-е гг., можно условно разделить на четыре группы. Во-первых, это начало нового периода промышленного и банковского роста; во-вторых, это развитие фондового рынка; в-третьих, становление группы банков, имевших явную специализацию на обслуживании фондового рынка; в-четвертых, это последствия подавления российским правительством спекуляции на курсе кредитного рубля. Подробная характеристика этих четырех факторов необходима для понимания ситуации, в которой инвестиционные операции смогли стать заметным явлением экономической жизни Российской империи.

Возобновление промышленного и банковского роста к началу 1890-х гг.

Период 1880-е гг. — 1913 г. приходится в Российской империи на так называемый период современного роста в соответствии с концепцией С. Кузнецца. В этот период наблюдались общие для всех стран на данном этапе развития тенденции: рост промышленности, уменьшение доли сельского хозяйства, рост доли услуг, изменения в распределении доходов⁹.

Последние 25 лет перед Первой мировой войной промышленное производство в России росло исключительно быстрыми темпами. Годовые темпы роста крупной промышленности варьируются от 5,1 % по индексу Р. Голдсмита до 6,65 % в год по индексу Л. Б. Кафенгауза¹⁰. В первом случае промышленный рост России конкурировал с главными быстроразвивающимися странами, во втором случае промышленность России росла более быстрыми темпами. В то же время страна все еще сильно отставала по среднедушевым экономическим и социальным показателям¹¹.

Наиболее быстрым развитие было в период примерно с 1889–1892 по 1901–1904 гг. В этот период произошло радикальное преобразование промышленности на основе машинной техники, механического транспорта и минерального топлива, коксового угля, цемента, новейших химических материалов, хотя этот процесс медленно шел с середины XIX в. Реконструкция шла в первую

очередь в железнодорожном, городском и промышленном строительстве. До 1890-х гг. строительство велось в значительной мере за счет импорта металлов и полуфабрикатов. В 1890-е гг. Россия решала проблему создания собственной тяжелой промышленности, спрос на продукцию которой уже давно было обеспечен¹².

Система коммерческих банков России возобновила рост тоже только в 1890-е гг. Следует отметить следующие моменты ее истории. Банковская система современного типа начала формироваться в России с 1860-х гг. Первый коммерческий банк появился в 1864 г., в 1873 г. коммерческих банков было уже 36¹³, а в 1917 г. — немного больше — 53¹⁴.

Если до 1875 г. банковская конъюнктура была относительно благоприятной, то с 1875 г. в сфере финансов в России начинается спад, сменившийся депрессией. Совокупный объем банковских активов 1875 г. был превышен только в 1891 г. (см. рис. 1, 2)¹⁵, примерно в это время начинается стабильный рост системы коммерческих банков.

Развитие предыдущих десятилетий нашло выражение в стремительном количественном и качественном рывке в 1890-е гг. Не случайно это десятилетие считается самым ярким периодом экономического развития дореволюционной России.

Рис. 1. Активы коммерческих банков, 1865–1891 гг., млн руб.

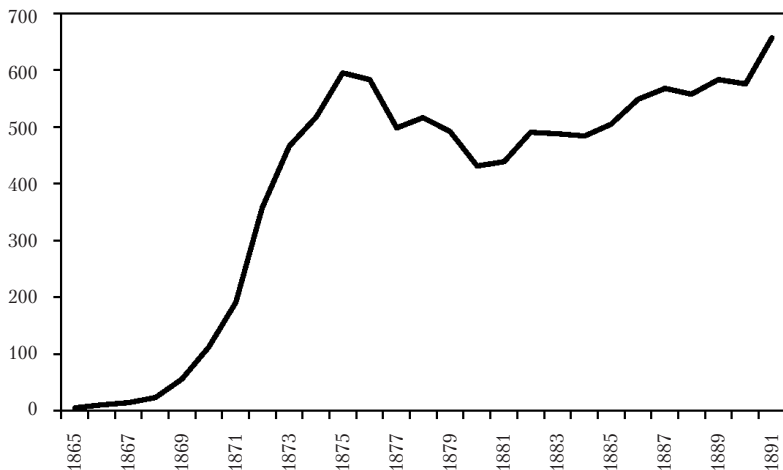
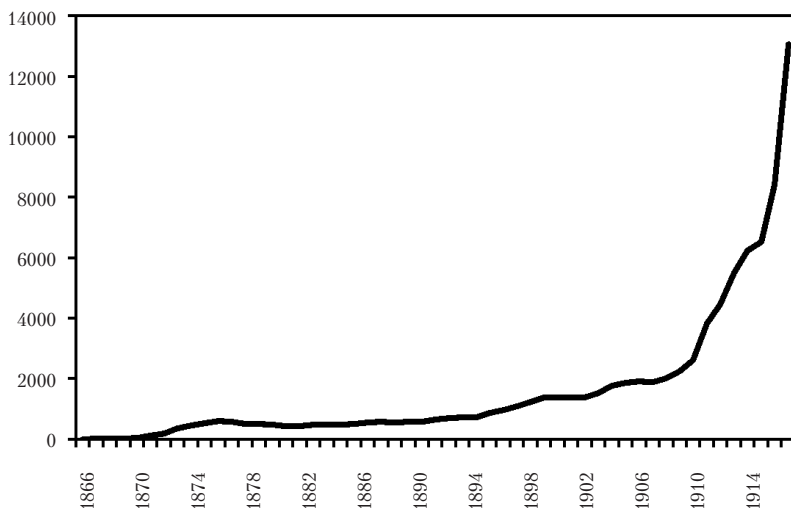

Рис. 2. Активы коммерческих банков, 1865–1917 гг., млн руб.

Источник рис. 1, 2:

На 1 января 1865–1916 гг., см.: Русские акционерные коммерческие банки в цифровых данных за 1915 г. в сравнении с 1914 г. Пг., 1916. С. 54–55.

На 1 января 1917 г., см.: Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России. Январь. 1917 г. Пг., 1917. С. 2.

Исторический опыт рынка российских ценных бумаг в 1860–1880-е гг.

Биржевой подъем 1890-х гг. состоялся на уже достаточно развитом фондовом рынке. Причем в этой связи необходимо рассматривать рынок российских ценных бумаг в России и за рубежом. Этот рынок медленно развивался с начала XIX в., однако процесс его формирования в основных чертах прошел с конца 1850-х до середины 1870-х гг., когда окончательно сформировались основные типы эмитентов, инвесторов, биржевых институтов в целом, и общество стало свидетелем первых биржевых взлетов и падений в современном смысле этого слова¹⁶.

Количественные данные о развитии фондового рынка за период 1893–1900 гг. представлены в табл. 1. Эти данные были систематизированы И. Ф. Гиндиным и немного уточнены В. И. Бовыкиным¹⁷.

Фондовый рынок Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. отличался обилием государственных и ипотечных ценностей при относительно малой доле акций частных компаний.

Во второй половине XIX в. 60–70 % российских эмиссий приходилось на долгосрочные государственные займы. Особую группу среди этих ценностей составляли займы на строительство железных дорог. Более того, до 90 % основных капиталов частных железных дорог в разной форме были гарантированы правительством, поэтому железнодорожные фонды, по сути, были приравнены к государственным ценным бумагам¹⁸.

На рынке ипотечных облигаций были представлены бумаги двух государственных банков — Крестьянского поземельного банка (с 1882 г.) и Государственного дворянского земельного банка (с 1885 г.).

Таблица 1

Рынок российских ценных бумаг в 1893 и 1900 г.

	Ценные бумаги российских эмитентов		Из них размещенные в России		Из них размещенные за границей	
	1893	1900	1893	1900	1893	1900
Номинальная стоимость, млн руб.	8 231	11 990	5 369	7 445	2 862	4 545
Государственные и правительством гарантированные бумаги без облигаций Дворянского и Крестьянского банков, %	71,1	60,9	58,4	45,8	94,8	85,7
Облигации Дворянского и Крестьянского банков, %	2,5	4,7	3,9	6,2	0	2,2
Закладные листы акционерных земельных банков, %	14,9	14,9	22,8	24,0	0	0
Облигации займов городов, %	0,2	0,7	0,3	1,1	0	0,1
Акции и облигации частных компаний, %	11,3	18,8	14,6	22,9	5,2	12,0
Итого, %	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. С. 102–104.

За пределами рынка государственных и гарантированных правительством ценных бумаг находился крупный внутренний рынок ипотечных облигаций, сформировавшийся в 1860–1870-е гг. Доля

этих ценностей к 1893 г. составляла 22,8 % внутреннего фондового рынка и продолжала расти.

Акции и облигации частных компаний составляли наименьшую долю среди российских ценных бумаг — лишь 11,3 % к 1893 г., этот сегмент рынка только начал расти.

Во второй половине XIX в. ценные бумаги обращались на российских биржах: на главной российской бирже — Петербургской, а также на биржах Варшавы, Москвы, Риги, Одессы и некоторых других городов. Однако необходимо отметить лидирующую роль Петербургской биржи и столичного фондового рынка в Российской империи. Причем разница между центром и регионами была довольно значительной.

Российские ценные бумаги обращались также на европейских рынках. В 1860–1870-е гг. преобладали рынки Великобритании и Франции. Затем с 1884 г. в результате бойкота российских ценностей Ротшильдами русские ценности в существенной мере перетекли из Великобритании в Европу, в особенности в Германию. Однако с 1887 г. начинается таможенная и торговая конфронтация между Германией и Россией, в результате возросла роль французского и внутреннего российского рынка. В начале 1890-х гг. неблагоприятная экономическая конъюнктура препятствовала размещению русских ценностей в Западной Европе в объеме, желательном для российского правительства, что еще больше повысило статус внутреннего рынка в операциях с российскими ценными бумагами¹⁹.

На рынке российских ценных бумаг постоянно происходили новые эмиссии.

Так, в 1860–1870-е гг. состоялось порядка 10 эмиссий долгосрочных государственных займов, из них 6 — внешние²⁰. Затем за 1880-е гг. — 1894 г. состоялось еще более 10 эмиссий, существенную часть из которых составляли конверсии, проводившиеся во второй половине 1880-х гг. в условиях общего понижения учетного процента и повышения стоимости ценных бумаг в Европе²¹.

В дополнение к государственным ценным бумагам на рынок массово выпускались железнодорожные ценные бумаги, в большинстве также гарантированные правительством. За период 1860–1890 гг. состоялся 51 выпуск облигаций российских железнодорожных обществ, причем облигации выпускались с паритетом на золотую валюту. В дополнение в 1886–1893 гг. выпущено

26 займов железнодорожных обществ в кредитных рублях, также гарантированных правительством²².

К этому необходимо добавить регулярную эмиссию закладных листов акционерных земельных банков и пока еще слабый поток бумаг городов и частных компаний.

Таким образом, к 1890-м гг. Россия подошла с фондовым рынком, прошедшим достаточный путь развития, хотя этот рынок был сосредоточен на государственных и ипотечных бумагах. Однако даже такого рынка было достаточно, чтобы вырастить коммерческие банки с заметной фондовой специализацией, о чем пойдет речь далее.

Становление инвестиционной деятельности петербургских коммерческих банков в 1880-е гг.²³

К началу 1890-х гг. в России набрали силу банки, имевшие большой опыт в работе с ценными бумагами. На процессах, проходивших в этих банках в 1880-е гг., имеет смысл остановиться подробнее.

В целом акционерные коммерческие банки к 1 января 1893 г. занимали 58,6 % в системе краткосрочного кредита²⁴, включавшей также коммерческие операции Государственного банка, банкирские дома и конторы, общества взаимного кредита и городские общественные банки. Большинство российских коммерческих банков было сосредоточено на краткосрочном кредитовании и банковском обслуживании региональных торгово-промышленных предприятий.

Однако Петербург как центр фондового рынка Российской империи существенно повлиял на банки, располагавшиеся в столице, в первую очередь на Петербургский Международный коммерческий банк (ПМКБ) и Петербургский Учетный и ссудный банк (ПУСБ), будущих лидеров инвестиционных операций в 1890-е гг. Начиная с 1880-х гг. через их правления прошли почти все государственные, железнодорожные и ипотечные эмиссии, предназначенные как для внутреннего, так и для европейских рынков. Через эти банки российская банковская система воспринимала опыт эмиссионной деятельности. Партнерами ПМКБ и ПУСБ выступали Русский для внешней торговли банк (РВТБ) и Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ). Многие регио-

нальные банки становились субучастниками эмиссий, причем некоторые из них впоследствии значительно развили в системе своих операций инвестиционную деятельность, а некоторые — нет. Из самых активных субучастников стоит упомянуть банки: Петербургский частный коммерческий, Московский купеческий, Варшавский коммерческий, Рижский биржевой, Петербургско-Московский коммерческий, Московский торговый, Рижский городской учетный.

В целом, можно говорить, что фондовый рынок России развивался в значительной степени как банковско-ориентированный, т. е. с решающей ролью банков в важнейших эмиссиях.

Российские ценные бумаги выпускались международными банковскими синдикатами с большим количеством участников, возглавлявшимися представителями крупнейших европейских банков. До 1880-х гг. роль российских банков ограничивалась посредничеством в переговорах. Однако с 1880-х гг. они постепенно стали полноценными участниками синдикатов, даже получили возможность влиять на их работу.

Именно с 1880-х гг. международные связи русских банков систематически выявляются благодаря документам архива Петербургского Международного банка. В частности, сохранилась переписка руководства банка за 1880–1890-е гг., в результате чего финансовые связи российских банкиров можно узнать в деталях. Подробности этой борьбы за синдикаты представлены в работах С. К. Лебедева.

В первой половине 1880-х гг. за право проведения российских эмиссий боролись две группы, причем имеет смысл указать лишь самых активных участников. Во-первых, это группа во главе с немецким банком *Direction der Disconto-Gesellschaft* с участием берлинских домов «*Mendelssohn & Co*», «*Robert Warschauer & Co*», а также *Deutsche Bank*. С российской стороны в группу входили ПМКБ и РВТБ. Во-вторых, им противостояла группа Ротшильдов²⁵ и их союзников — берлинский дом «*S. Bleichröder*», банк *Berliner Handels-Gesellschaft* и амстердамский дом «*Lippmann, Rothenthal & Co*». С российской стороны в эту группу входили ПУСБ и иногда ВККБ. С 1887 г. группы объединились. Доля участия российских банков в объединенной группе обычно составляла $\frac{1}{3}$ часть сделки. Причем, ПМКБ и ПУСБ имели примерно равные доли, хотя ПМКБ занимал лидирующие позиции и вел российские счета синдикатов.

В 1888–1891 гг. в связи с проблемами русских бумаг на германском рынке к русским эмиссиям присоединилась французская группа во главе с PARIBAS и при активной роли банкирского дома «Hoskier E. & Cie», который сумел открыть французский рынок для русских ценных бумаг при посредничестве ПМКБ в переговорах с российским министерством финансов. Доля русских банков во французском синдикате была 20 %, лидером русской группы опять же был ПМКБ. С французской стороны в синдикатах участвовали банки: Comptoir National d'Escompte de Paris, Société Générale pour favoriser le développement du Commerce et de l'Industrie en France, Banque d'Escompte de Paris, Crédit Lyonnais, Société Générale de Crédit Commercial et de Industriel.

Лидировал в группе, как правило, банк, в стране которого происходила большая часть эмиссии. Однако посредническая роль, которую занимали ПМКБ и ПУСБ, между синдикатом и правительством, железнодорожными компаниями, ипотечными обществами давала этим двум банками существенные возможности влиять на работу синдикатов. Их роль постоянно усиливалась по мере возрастания значения внутреннего рынка в эмиссиях.

Участники русских синдикатов вели ожесточенную конкурентную борьбу на европейских рынках, стремясь не допустить других банкиров к русским эмиссиям. Однако активная борьба шла и внутри синдикатов: между русской и иностранной группами, между ПМКБ и ПУСБ. Причина конфронтации между банками, лидирующими в русской группе, заключалась в общем поле деятельности обоих банков. Они имели схожую модель операций и однотипную клиентуру. Оба банка были близки к Министерству финансов. Директор ПМКБ Владислав Ляский (ум. в 1889 г.) и директор ПУСБ Абрам Зак (до 1893 г.) играли роль финансовых советников при министре финансов И. А. Вышнеградском (1888–1892). Министра подозревали в близости к группе Ротшильдов. Его тесные контакты с ПМКБ начались до назначения на министерский пост, когда И. А. Вышнеградский был вице-председателем правления Общества Юго-Западных железных дорог, обслуживавшимся ПМКБ. В этом обществе начиналась частная карьера С. Ю. Витте, сменившего впоследствии И. А. Вышенградского на министерском посту. ПМКБ пользовался покровительством правительства, и даже задействовал аппарат Госбанка при размещении займов внутри страны. После смерти Ляского его место в

банке занял Адольф Ротштейн, который сохранил привилегированный статус банка при министре С. Ю. Витте (1892–1903).

Таким образом, к началу 1890-х гг. в российской банковской системе произошло восприятие техники эмиссионных синдикатов. В России было по крайней мере два банка для которых такого рода деятельность стала важной частью их модели бизнеса. Их банки-партнеры постепенно втягивались в операции, возглавляемые ПМКБ и ПУСБ.

Конец спекуляции кредитным рублем

Роль коммерческих банков была значительной не только на рынке капитала, но и на валютном рынке Российской империи. Валютный рынок Европы и России в конце 1880-х — начале 1890-х гг. стал ареной интенсивной спекуляции на курсе российского рубля. Сведения дореволюционных источников об этой спекуляции систематизированы П. В. Лизуновым²⁶.

В этот период рубль не имел твердого обеспечения. В первой половине 1880-х гг. бумажный рубль в среднем стоил около 63 коп. золотом. С 1885 г. курс стал падать, к 16 февраля 1888 г. дошел до 50 коп., затем к осени 1890 г. вырос до 81,83 коп., а к 7 ноября 1891 г. — опять упал до 57,8 коп. Сильные колебания рубля наблюдались даже в течение одной биржевой сессии. Основными центрами спекуляции являлись Петербургская и Берлинская биржи, причем для некоторых немецких банкирских фирм спекуляция рублем стала важной частью их бизнеса, для чего они держали в Петербурге своих представителей. Пресса обвиняла кредитные учреждения в вывозе кредитных рублей за границу для спекуляции. Внешнеэкономическая деятельность испытывала постоянные трудности в связи с нестабильностью российской валюты.

Министерство финансов активно играло на российском и европейском рынке против спекулянтов. Для повышения курса в Европе министерство финансов использовало трассировку на Россию из-за границы, а также скупку рублей на иностранных биржах с требованием уплаты в срок не разницы, а всей наличности. Данные операции велись через иностранных агентов российского правительства, например, через «S. Bleichröder» в 1888 г.

Для понижение курса рубля Министерство финансов проводило дополнительные эмиссии.

Но если в период министерства И. А. Вышнеградского правительство прямо не вмешивалось в дела биржи, то с приходом С. Ю. Витте началось административное давление на спекулянтов в связи с подготовкой к введению в России золотого стандарта, состоявшееся в 1897 г. Это новое направление экономической политики появилось в 1893 г. Стоит заметить, что в России официально и до этого были запрещены срочные сделки, но это не мешало подобной практике процветать. Однако законы, изданные в 1893 г., подтвердили запрет срочных сделок с валютой и ввели ограничения на все банковские операции, через которые можно было спекулировать валютой. У Министерства финансов появилась возможность назначать ревизию в кредитном учреждений по подозрению в спекуляции валютой, а также возможность административного нажима на биржевых маклеров, членов правлений и директоров кредитных учреждений вплоть до ликвидации предприятия. 29 марта 1893 г. была введена таможенная пошлина на вывоз кредитных билетов.

В дореволюционных публикациях нет сведений о жертвах применения законов 1893 г., однако аналитики описывали затишье, наступившее на Петербургской бирже в этом году: возможностей для спекуляции не стало. Если, например, колебания вексельного курса из Лондона на Петербург оставляли в 1891 г. 28 %, то в 1892 г. — уже 9,6 %, в 1893 г. — 6 %, 1894 г. — 1,94 %, в 1895 г. — 0,54 %. Директор ПМК Адольф Ротштейн в письме С. Блейхредеру в Берлин от 11/23 апреля 1895 г. анализировал варианты введения золотого стандарта в России, известные ему по результатам общения в Министерстве финансов²⁷. Эпоха разнузданной валютной спекуляции завершилась.

* * *

С октября 1893 г. появилась новая тенденция: пошли вверх акции банков, затем промышленных обществ. На бирже вновь появилось оживление, ушедшее в предыдущие месяцы²⁸. Начался биржевой подъем 1890-х гг. К слову, законы 1893 г. не только запрещали срочные сделки с валютой, но и впервые узаконили срочные сделки с частными акциями.

Таким образом, к 1893 г. в России сложилась ситуация, когда совпали факторы, послужившие толчком к массовым инвестици-

онным операциям банков с акциями частных компаний: экономический и банковский подъем, сформировавшийся фондовый рынок высоконадежных ценных бумаг, на котором доминировали опытные в эмиссиях банки (некоторые из них имели международное значение). Большой этап в жизни российского денежного рынка, связанный с нестабильной валютой, подошел к концу.

Массовые инвестиционные операции банков в 1890-е гг.

Символом российских коммерческих банков в 1890-е гг. стали массовые инвестиционные операции, связанные с эмиссией акций частных компаний. В результате, 1893–1899 гг. стали ярким периодом участия коммерческих банков в финансировании российской индустриализации.

Необходимо отметить, что для России XIX — начала XX в. не идет речь об инвестиционном банке как отдельном институте. Инвестиционной деятельностью в России занимались обычные коммерческие банки, для которых это стало одной из специализаций. Причем у некоторых банков с правлениями в Петербурге эта компонента в 1890-е гг. получила настолько существенное развитие, что негативно повлияла на устойчивость этих банков в период кризиса 1899–1903 гг. Инвестиционные операции как часть модели операций банка являются предметом данного раздела.

Точной обобщенной статистики инвестиционных операций коммерческих банков в 1890-х гг. не существует, но в табл. 2 приводятся все косвенные данные, которыми на сегодняшний день располагают историки.

Таблица 2

Капиталы акционерных компаний в России в 1893–1900 гг.

	1 января 1893 г.	1 января 1900 г.	Прирост
(1) Акционерные капиталы всех российских обществ, млн руб.	852,9	2037,1	1184,2
<i>Из них</i> (2) Акционерные капиталы российских торгово-промышленных обществ, млн руб.	476	1277,5	801,5
(2) / (1), в %	55,8	62,7	6,9 п.п.

	1 января 1893 г.	1 января 1900 г.	Прирост
Прирост акционерного капитала тяжелой промышленности, размещенного в России, млн руб.			300*
<i>Из них</i> Прирост капитала тяжелой промышленности, эмитированного при посредничестве банков			150**
Акционерные капиталы иностранных торгово-промышленных обществ, действующих на территории России, млн руб.	69,9	281,4	211,5

* Оценка В. И. Бовыкина.

** Оценка И. Ф. Гиндина (Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 90–91).

Источники: Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 202–203, 207.

Бурный рост фондового рынка 1890-х гг. затронул в первую очередь акции частных компаний. Такое в России было впервые. Если общий прирост ценных бумаг, размещенных в России, составил почти 50 %, то по акциям частных компаний прирост составил почти 140 %, а по акциям торгово-промышленных компаний — 168,4 % (табл. 2). В результате доля частных акций в общей сумме ценных бумаг, находящихся в стране, поднялась с 14,6 до 22,9 % (табл. 1). Причем среди частных акций преобладали акции торгово-промышленных компаний 62,7 % (табл. 2). Наибольший прирост дали горнопромышленная, металлургическая и металлообрабатывающая, химическая отрасли.

В этот период частные акции становятся основным объектом биржевых спекуляций на Петербургской бирже, причем лидируют именно предприятия тяжелой и добывающей промышленности: Общество Брянского рельсопрокатного, железодельательного и механического завода, Общество Путиловских заводов, Товарищества Сергино-Уфалейских горных заводов, Общество Русско-Балтийского вагоностроительного завода в Риге, Общество железодельательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово», Общество Мальцовских заводов, нефтяная компа-

ния «Каспийское товарищество», *Бакинское нефтепромышленное общество*²⁹.

По оценкам И. Ф. Гиндина, подтвержденным В. И. Бovyкиным, участие русских акционерных коммерческих банков в эмиссиях акций промышленных предприятий за 1893–1900 гг. составляло не менее 150 млн руб., что составляло половину прироста капитала тяжелой промышленности³⁰.

Эта сумма в 150 млн руб. по всем коммерческим банкам является примерной оценкой, полученной И. Ф. Гиндиным на основе анализа публичной финансовой отчетности коммерческих банков. Можно ли использовать эти источники для оценки доли инвестиционных операций в деятельности каждого коммерческого банка? К сожалению, российская банковская отчетность составлялась так, что интересующие нас показатели не могут быть рассчитаны в чистом виде. При оценке инвестиционной деятельности историки вынуждены довольствоваться косвенными показателями. В частности, используется сумма балансовых остатков по операциям, связанным с частными ценными бумагами, к которым относились акции и облигации частных компаний, облигации частных ипотечных учреждений и облигации займов российских городов³¹.

В терминологии тех лет частные ценные бумаги обозначались как ценные бумаги, негарантированные правительством, в отличие от ценных бумаг, государственных и правительством гарантированных, т. е. государственных займов, облигаций государственных ипотечных банков и гарантированных правительством ценных бумаг железных дорог. Далее в тексте будет использоваться термин «негарантированные ценные бумаги» для обозначения частных ценных бумаг.

Негарантированные ценные бумаги фиксировались в четырех статьях баланса, причем, как известно, балансовые данные характеризуют остатки денежных сумм на счетах в определенный момент времени. В частности, в разделе баланса «Ценные бумаги, принадлежащие банку», с середины 1890-х гг. начинает постепенно появляться отдельная статья по негарантированным ценным бумагам. В трех остальных случаях негарантированные ценные бумаги являлись залогом по кредитам: 1) по срочным ссудам, 2) по специальным (кредитным) текущим счетам, другое название — онкольные счета, или онколь, 3) по корреспондентским счетам «лоро». Срочные ссуды — это, как правило, краткосрочный кредит бизнесу. Через онкольные счета могли кредитоваться как

торгово-промышленные предприятия, так и биржевые спекулянты. Корреспондентские счета служили для различных межбанковских расчетов, в частности, счета типа «лоро» использовались для бухгалтерского учета операций биржевых синдикатов коммерческих банков, причем вел эти счета банк, занимающий высокие позиции в иерархии синдиката.

Однако если инвестиционную деятельность считать как сумму операций с негарантированными бумагами, мы сталкиваемся с несколькими большими трудностями.

Во-первых, операции с негарантированными ценными бумагами, показанные в отчетности банков, существенно шире понятия «инвестиционные операции банков», потому что включают большую долю краткосрочного предпринимательского кредитования. Особенно неоднозначными в этом смысле выглядят онкольные счета. Например, в литературе хорошо описано, как эти счета использовались в Петербурге для поддержки биржевой игры, а в Москве — для кредитования текстильных фабрикантов под залог собственных паев³². Исследователь может разделить онкольные счета по видам деятельности только по бухгалтерским книгам в архиве банка. Например, самый беглый просмотр онкольных книг банка Рябушинских в Москве за 1910 и 1912 гг. показал, что онкольная клиентура делится, условно говоря, на предпринимателей, рантье, оперирующих гарантированными ценными бумагами, и биржевых спекулянтов, торгующих «голубыми фишками» — акциями частных компаний и банков³³.

Во-вторых, в банковской статистике нет разделения частных бумаг по видам: акции и облигации компаний, ипотечные и муниципальные облигации.

В-третьих (и это, пожалуй, главная проблема), не все банки показывали отдельно отчетность по гарантированным и негарантированным ценным бумагам. Фактически, в конце 1890-х гг. разделение ценных бумаг в отчетности произошло только в банках, имевших подразделение (правление или отделение) в Петербурге. Здесь нужно некоторое пояснение. Теоретически, банку важно отдельно показывать отчетность по ценным бумагам разной степени надежности. Однако пока частных ценных бумаг было мало, потребности в раздельном учете, видимо, не было. Когда с 1890-х гг. доля частных бумаг стала расти, раздельный учет бумаг в портфеле банка, т. е. в собственности, не составил труда, а вот раздельный учет залогов по кредитам, видимо, оказался воз-

можным не для всех банков. Дело в том, что залог по кредиту мог быть смешанным (гарантированные и негарантированные ценные бумаги). В архиве банка это можно увидеть, если онкольные счета ведутся в книге, в которой на левой странице разворота помещались записи по счету, а на правой странице фиксировались изменения залога. Например, так велись онкольные счета в 1913 г. в Соединенном банке и в московском отделении банка «Лионский Кредит»³⁴. Для раздельного учета залогов нужны дополнения в порядок работы бухгалтерского отдела банка. Изменения могли произойти, когда негарантированных ценных бумаг стало много, а также появилось довольно много счетов с однородным негарантированным залогом. Видимо, эти процессы только в Петербурге привели к разделению залогов в отчетности банков.

В то же время, несмотря на недостатки, банковская отчетность конца 1890-х гг. однозначно показывает разницу между банковским делом Петербурга и провинции, свидетельством чего являются данные табл. 3. Для оценки был использован сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1898 г., изданный Комитетом съездов представителей акционерных коммерческих банков³⁵. Выбранная дата дает возможность оценить состояние дел в банках в период расцвета промышленного подъема 1890-х гг. В сводку вошли все 40 коммерческих банков Российской империи за исключением Русско-Китайского банка, баланс которого не может быть проанализирован по данной методике, потому что отчетность этого банка была слабо диверсифицирована по видам залога.

Как уже было отмечено, рост фондового рынка в 1890-е гг. коснулся прежде всего акций промышленных компаний в Петербурге. Банковские синдикаты выпускали эти акции на рынок, кредитовали биржевых инвесторов под покупку этих акций на вторичном рынке, принимали эти акции в залог по онкольным счетам как от биржевой публики, так и от самих предприятий-эмитентов, к тому же эти акции могли просто храниться в собственном портфеле банка. В итоге в Петербурге по сравнению с провинцией были развиты статьи: портфель негарантированных бумаг, онкольные счета и корреспонденты «лоро» под залог негарантированных бумаг. Однако прямое сравнение этих статей в Петербурге и провинции затруднено, потому что провинция почти совсем не давала детализации по онкольным счетам. Сравнение возможно только в том случае, если укрупнить балансовые статьи и анализировать

отчетность по всем видам ценных бумаг в целом, и только тогда получится явно показать, что доля операций с ценными бумагами в Петербурге значительно выше, чем в провинции. В Петербурге 33 % активов касались операций с негарантированными ценными бумагами и 54 % активов — со всеми видами ценных бумаг в целом, а в провинции первый показатель не может быть рассчитан, а второй составляет всего 27 %.

Таблица 3

**Средняя доля операций с ценными бумагами
в сумме активов банка по региону на 1 января 1898 г., в %**

	В портфеле		В залоге по срочным ссудам		В залоге по кредитным (онкольным) счетам		В залоге по корреспондентским счетам «лоро»	
	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)
Операции в Петербурге*	2	10	0,2	1	19	24	12	19
Операции в провинции:								
Банки с правлением или отделением в Петербурге*	1	4	2	5	13	17	2	3
Остальные банки**	1	8	4	8	***	9	1	2

Примечания

В таблице представлены средние значения, взвешенные по размеру активов банков в регионе.

(1) — негарантированные ценные бумаги в тех банках, которые отдельно опубликовали информацию по этой статье отчетности.

(2) — все виды ценных бумаг (государственные и гарантированные правительством, а также негарантированные), статья представлена в отчетности подавляющего большинства банков.

* Включены 11 правлений и отделений: Петербургский Международный, Петербургский учетный и ссудный, Петербургский частный, Петербурго-Азовский, Петербурго-Московский, Русский для внешней торговли, Русский торгово-промышленный, Банк «Лионский кредит», а также петербургские отделения Московского купеческого банка и Коммерческого банка в Варшаве. Петербургское правление Волжско-Камского банка включено только в расчеты по всем видам ценных бумаг.

** Рассчитано по 29 банкам, кроме указанных в примечании*.

*** Статья опубликована 2 банками из 29, чего недостаточно для корректного расчета.

Рассчитано по: Сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1898 г. СПб., 1898. С. 1–7.

Таким образом, сумма операций с негарантированными ценными бумагами может быть рассчитана для банков, которые вели отдельный учет бумаг этого вида, что само по себе является косвенным признаком участия банка в инвестиционном подъеме 1890-х гг. В этом случае очевидно, что негарантированные ценные бумаги в некоторых банках останутся недоучтенными по причине недостаточной детализации отчетности. Прежде всего это касается огромных онкольных счетов Волжско-Камского банка, а также балансов всех московских банков, кроме Московского купеческого банка. Если анализировать данные по ценным бумагам в целом, результат будет более корректным, хотя и значительно более обобщенным, показывая степень вовлеченности банка в деятельность на рынке капитала в целом.

В табл. 4а и 4б представлены по 10 банков, вложивших наибольшие активы в негарантированные ценные бумаги (табл. 4а) и во все виды ценных бумаг (табл. 4б). В приложении 1 и 2 публикуются данные по всем банкам. Таблицы позволяют сделать три важных вывода.

Во-первых, однозначно выявляется лидирующая роль петербургских правлений ПМКБ и ПУСБ в операциях со всеми видами ценных бумаг, притом что если правление ПМКБ — второй банк страны по размеру активов, то ПУСБ занимал лишь шестое место. В первую десятку по операциям с негарантированными ценностями попали близкие по модели операций к ПМКБ и ПУСБ банки: Петербургский частный коммерческий, Петербургско-Московский коммерческий и Петербургско-Азовский коммерческий банки. Деятельность этих банков проходила главным образом в Петербурге при минимальном числе филиалов в провинции. Именно за этими банками в прессе и экономической публицистике утвердилось условное наименование «деловые банки». Доля операций с негарантированными ценностями была в этих банках максимальна — 33–43 % активов.

Таблица 4а

**Крупнейшие комплексы операций
с негарантированными ценными бумагами на 1 января 1898 г.**

№ п/п	Банк	Сумма всех операций, тыс. руб.*	Доля в активах банка в регионе, %	Рейтинг активов, 1 — max
1	Петербургский Международный коммерческий банк (ПМКБ)**	32 363	37	2
2	Петербургский учетный и ссудный банк (ПУСБ)**	24 885	39	6

№ п/п	Банк	Сумма всех операций, тыс. руб.*	Доля в активах банка в регионе, %	Рейтинг активов, 1 – max
3	Московский купеческий банк (МКБ)***	18 636	23	3
4	Русский для внешней торговли банк (РВТБ)**	14 023	28	8
5	Петербургско-Азовский коммерческий банк (ПАКБ)**	10 628	38	16
6	Петербургско-Московский коммерческий банк (ПМКБ)**	10 178	37	18
7	Русский торгово-промышленный банк (РТПБ)**	9863	29	11
8	Петербургский частный коммерческий банк (ПЧКБ)**	8931	33	19
9	Петербургский Международный коммерческий (ПМКБ)**	7438	24	14
10	Московский купеческий банк (МКБ)**	7054	43	26

Таблица 4б

**Крупнейшие комплексы операций
со всеми видами ценных бумаг на 1 января 1898 г.**

№ п/п	Банк	Сумма всех операций, тыс. руб.****	Доля в активах банка в регионе, %	Рейтинг активов, 1 – max
1	Петербургский международный коммерческий банк (ПМКБ)**	48 789	55	2
2	Петербургский учетный и ссудный банк (ПУСБ)**	40 045	63	6
3	Московский купеческий банк (МКБ)***	31 799	40	3
4	Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ)**	31 118	59	7
5	Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ)**	27 460	26	1
6	Русский для внешней торговли банк (РВТБ)**	20 062	41	8
7	Русский торгово-промышленный банк (РТПБ)**	17 518	51	11
8	Петербургский частный коммерческий банк (ПЧКБ)**	16 220	58	16
9	Петербургский Международный коммерческий банк (ПМКБ)**	15 982	58	18
10	Азовско-Донской коммерческий банк (АДКБ)***	13 400	20	5

Примечания к таблицам

* Сумма операций: негарантированные ценные бумаги в портфеле банка, а также срочные ссуды, кредитные (онкольные) текущие счета и корреспондентские счета «лоро» под залог негарантированных ценных бумаг.

** Операции правления или отделения в Петербурге.

*** Операции правления или отделений в провинции.

**** Сумма операций: все виды ценных бумаг в портфеле банка, а также срочные ссуды, кредитные (онкольные) текущие счета и корреспондентские счета «лоро» под залог всех видов ценных бумаг.

Рассчитано по: Сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1898 г. СПб., 1898. С. 1–7.

Во-вторых, крупные банки с обширными филиальными сетями — Русский для внешней торговли банк (РВТБ) и Русский торгово-промышленный банк (РТПБ) — сосредоточили инвестиционную деятельность в Петербурге в чуть меньшей доле, чем деловые банки — 28–29 % активов.

В-третьих, к инвестиционной деятельности в 1890-е гг. обратились, как ни странно, два крупнейших российских банка, сосредоточенные, в первую очередь, на традиционном кредитовании. Речь идет о петербургском правлении Волжско-Камского коммерческого банка (ВККБ) и петербургском отделении Московского купеческого банка (МКБ). Высокие позиции банков в таблицах 4а и 4б обусловлены большой суммой онкольных счетов, которые в большей степени относятся к предпринимательскому кредитованию, как показывает накопленный опыт изучения этих банков³⁶. Однако петербургские подразделения ВККБ и МКБ статистически больше похожи на деловые банки, чем на банковские учреждения в провинции.

Таким образом, банковская статистика операций с ценными бумагами количественно и структурно ставит на первое место банки Петербурга. Однако на сегодняшний день о банках первой десятки известно не только из статистики, что создает глубокий контекст, приводимым выше количественным данным.

Флагманом инвестиционных операций в 1890-х гг. стал ПМКБ. К началу XX в. в сфере его интересов оказались несколько десятков промышленных предприятий: металлургических, угледобывающих, нефтяных, машиностроительных, электротехнических, стекольных и других. По меньшей мере шесть из них контролировались банком: Русское общество машиностроительных заводов Гартмана, Никополь-Мариупольское горное и металлургическое

общество, Российское золотопромышленное общество, Биби-Эйбатское нефтяное общество, Московское стеклопромышленное общество, Товарищество Ревельского спиртоочистительного завода. В дополнение к этому подтверждены личные унии банка по меньшей мере с 10 широко известными дореволюционными промышленными компаниями, среди которых Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, Общество Путиловских заводов, Общество Тульских меднопрокатных и патронных заводов, Общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске»³⁷.

Не отставал от ПМКБ его младший партнер и одновременно конкурент — ПУСБ. Установлены факты операций банка с крупными пакетами акций более 20 акционерных промышленных обществ, среди которых Бакинское нефтяное общество, Товарищество Глухоозерского порتلандцементного завода, Донецко-Юрьевское металлургическое общество, Акционерное общество машиностроительного, чугунолитейного и кабельного заводов «Лесснер Г. А.», нефтепромышленные и торговые общества «Мазут» и «Манташев А. И. и К°», Никополь-Мариупольское металлургическое общество, Русско-бельгийское металлургическое общество, Акционерное общество железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово»³⁸.

Петербургский частный коммерческий банк, как правило, выступал партнером ПМКБ и ПУСБ. Два других «деловых» банка — Петербургско-Московский и Петербургско-Азовский — входили в быстро растущую в 1890-е гг. финансово-промышленную группу известного предпринимателя и банкира Лазаря Полякова (1842–1914). В первом из двух банков Л. Поляков был председателем совета, а во втором — крупным акционером. Ядром группы был банкирский дом Л. Полякова в Москве³⁹.

Модель операций вышеупомянутых пяти банков имела ряд общих черт в 1890-е гг. В среднем 25 % валовой прибыли они получали за счет прямой купли-продажи ценных бумаг, хотя в отдельные годы у некоторых банков эта доля могла повышаться до 30–35 %. В целом курсовые и комиссионные доходы этих банков, т. е. доходы, полученные за пределами кредитной операции, составляли 40–50 % валовой прибыли⁴⁰.

Модель привлечения ресурсов русских «деловых» банков включала, как правило, значительные собственные средства. Например, по данным за 1898 г. собственные средства Международ-

ного банка составляли 38 % среднегодового пассива, Учетного и ссудного — 23 %, Частного — 36 %. Из других ресурсов эти банки полагались на кредиты от других банков по корреспондентским счетам и текущие счета клиентов. Срочных вкладов эти банки практически не привлекали⁴¹.

Термин «деловые» банки дореволюционная публицистика распространяла и на РВТБ и РТПБ, что скорее характеризует их петербургские правления, чем модель операций этих банков в целом. В обширных филиальных сетях этих банков в провинции (13 и 39 отделений соответственно) основной доход приносило кредитование торгово-промышленной клиентуры.

В 1890-е гг. РВТБ выступил в качестве руководителя группы учредителей Общества железодельных, сталелитейных и механических заводов «Сормово», Русско-бельгийского металлургического общества, Балаханского нефтепромышленного общества, Нефтепромышленного общества «Манташев А. И. и К^о». Банк являлся партнером ПМКБ по синдикатам еще с 1880-х гг., в 1890-е гг. банки сотрудничали при выпуске акций Русского общества машиностроительных заводов Гартмана, Общества Коломенского машиностроительного завода, Товарищества Ревельского спиртоочистительного завода⁴².

Инвестиционные операции РТПБ были связаны с деятельностью держателей контрольного пакета банка — братьев Павла и Сергея фон Дервизов — предпринимателей, благотворителей, меценатов, сыновей крупного железнодорожного дельца эпохи Александра II — Павла фон Дервиза. Братья фон Дервизы использовали ресурсы банка для финансирования учреждаемых ими предприятий и спекуляций на бирже. С семейством фон Дервизов связано несколько железнодорожных и пароходных, а также промышленных обществ, среди которых Общество Московских электромеханического и машиностроительного заводов (бывшее К. А. Вейхельт), Глухоозерский портланд-цементный завод и др.⁴³

Бурный рост Петербургского фондового рынка в 1890-е гг. не оставил в стороне банки, которые традиционно ассоциировались с депозитной моделью операций.

Так, 20 отделений Волжско-Камского коммерческого банка в провинции в сумме составляли крупнейший актив в системе коммерческих банков. Ведущей операцией банка был учет торговых векселей (35–40 % активов), причем в провинции объемы этой

операции были вдвое выше, чем в столице. Другие черты операций ВККБ также демонстрируют его яркий учетно-ссудный и депозитный характер: 25 % пассивов — срочные вклады, из которых существенная часть привлечена в провинции; небольшой основной капитал (12 %), соответственно самая высокая рентабельность среди российских банков (34–36 % в 1890-е гг.), самый высокий дивиденд, самая высокая рыночная цена 250-рублевой акции (более 1000 руб.)⁴⁴. Несмотря на эти традиционные черты активность петербургского правления на фондовом рынке, как уже говорилось, была сопоставима с другими петербургскими банками. Известно, что промышленным учредительством банк не занимался, однако в 1880–1890-е гг. банк участвовал в операциях по выпуску и размещению облигаций займов железных дорог. Доходы банка на фондовом рынке составляли 11–13 % валового дохода⁴⁵.

Московский купеческий банк считался банком московской деловой элиты, прежде всего текстильных фабрикантов Центрального промышленного района. Банк входил в тройку крупнейших банков России второй половины XIX в., располагал одним из самых крупных вексельных портфелей в России, составлявшим до 50 % активов банка. Ресурсная база Московского Купеческого банка опиралась на срочные вклады (от 30 до 50 % пассивов в разное время)⁴⁶. Однако Петербургское отделение банка по масштабам операций с ценными бумагами входило в первую десятку.

Таким образом, анализ финансовой отчетности банков за 1890-е гг. позволяет сделать вывод, что в этот период в России наблюдалась банковская специализация, связанная с извлечением дохода из фондового рынка, хотя в чистом виде инвестиционного банка в России не появилось. Эта специализация выражалась в том, что курсовые и комиссионные доходы в структуре валовой прибыли начинали превалировать над традиционным кредитованием предпринимательской клиентуры в форме учета векселей. Соответственно активы банков, связанные с владением ценными бумагами, кредитованием под залог ценных бумаг, синдикатскими операциями, начинают вытеснять активы, связанные с учетом векселей. Например, учет векселей в ПМКБ составлял в 1895–1899 гг. в среднем 14 % активов, в ПУСБ — 11 %, ПЧКБ — 15 %⁴⁷.

Те же самые тенденции 1890-х гг. в пассиве выражались в наращивании собственных средств, в отказе от развития срочных депозитов, получении до половины ресурсов от корреспондентов. Максимально эти тенденции проявились в деятельности петер-

бургских деловых банков, в модели операций других банков с петербургскими правлениями эти тенденции оставили менее значительный след, а большинство провинциальных банков оказалось не затронутыми ими вовсе⁴⁸.

Важно отметить, что за счет этих тенденций «деловые» банки создали наиболее прибыльную модель банковского предприятия даже по данным официальной финансовой отчетности. Например, чистая прибыль на единицу активов в 1890-е гг. у «деловых» банков была 3–4 %; в частности, у ПЧКБ — 4,18 %, у ПМКБ — 3,79 %, у ПУСБ и РВТБ — по 3,11 %. У депозитных банков этот показатель был ниже 3 %: например, Волжско-Камский банк — 2,82 %, Московский купеческий — 2,27 %, что характерно в целом для российской банковской провинции. Получается, что в 1890-е гг. новые возможности зарабатывать на фондовом рынке были максимально использованы «деловыми» банками⁴⁹.

К концу 1890-х гг. ценные бумаги акционерных обществ глубоко проникли в модель операций деловых банков, сделав их очень зависимыми от курса этих ценностей. К 1900 г. ценные бумаги новых компаний, не гарантированных государством, лежали в портфелях, в залогах по кредитным и корреспондентским счетам. Пока не удалось найти ни одного свидетельства, что кто-нибудь из банкиров в конце 1890-х гг. всерьез думал о какой-либо специальной стратегии по страхованию банковской деятельности от падения курса ценных бумаг. Хотя в некоторой степени на это указывает, пожалуй, наращивание собственных средств деловыми банками⁵⁰.

Интересно, что Адольф Ротштейн, директор ПМКБ, пишет осенью 1898 г. А. Ротшильду о недостатке средств, появившемся на российском рынке в этот период. В частности, он отмечает, что в России «с деньгами тоже туго», как и в Европе, «промышленность нуждается в огромных суммах». Подразумевалось, что многочисленные новые предприятия, основанные при посредничестве банков, еще не завершили период становления. Ротштейн отдавал себе отчет в том, что очень быстро все крупные фабрики исчерпали имевшиеся ранее весьма значительные суммы на своих счетах в ПМКБ и «совершенно незаметным образом» перешли на положение должников банка. Вывод из отмеченной тенденции Ротштейн делает тем не менее на удивление оптимистический, заявляя, что эти компании использовали лишь первый кредит, и

в течение короткого времени они привлекут к себе новые деньги выпуском облигаций или акций⁵¹.

Однако стеснение денежного рынка осенью 1898 г. было одним из первых предвестников кризиса. Весной на Петербургской бирже стала проявляться тенденция к понижению курсов ценных бумаг, летом общественность была взбудоражена банкротством нескольких известных предпринимателей, а в конце сентября 1899 г. на Петербургской бирже начинается обвал всех курсов. Вслед за биржевым кризисом постепенно в 1900 г. наступает общий экономический кризис⁵².

Проблема устойчивости банков в период кризиса 1899–1903 гг.

В 1899–1903 гг. в России разразился экономический кризис, который был частью общеевропейского экономического спада. Самым тяжелым временем стали 1901–1902 гг., когда глубокий промышленный кризис охватил наибольшее число отраслей. С 1903 г. появились признаки постепенного улучшения конъюнктуры, однако последовавшие неудачная Русско-японская война (1904–1905 гг.) и первая русская революция (1905–1907 гг.) не дали экономике подняться, подорвали кредитный рынок, в результате в некоторых отраслях застой продолжался до 1908–1909 гг.⁵³

Кризис начала XX в. был фактически кризисом «новой экономики», появившейся в предыдущее десятилетие. Новые предприятия переживали кризис особенно тяжело. Они выросли в связи с потребностями железнодорожного строительства, были связаны с иностранными капиталами и накопили существенные запасы в условиях роста промышленности и торговли в 1890-е гг.⁵⁴

Вместе с новой экономикой под удар попали банки, при участии которых эта экономика выросла. Обесценившиеся ценные бумаги новых акционерных обществ осели в портфелях банков, которые теперь оказались связанными с промышленностью в буквальном смысле этого слова. Тем самым была заложена основа тесных и долговременных отношений банков с предприятиями-эмитентами⁵⁵.

С началом кризиса по России прошла имевшая большой общественный резонанс волна падения биржевых курсов, списания убытков, банковских паник и крахов. Кризис не ограничился об-

валом фондового рынка, а выявил банки, проблемные по многим параметрам: ликвидность, качество фондового портфеля, качество кредитного портфеля. К 1903 г. фондовый рынок стабилизировался на невысоком уровне, однако впереди еще были события, связанные с войной и революцией, трудностями государственного кредита и рынка ипотечных ценных бумаг в 1904–1908 гг.⁵⁶

Главный удар кризиса в банковской сфере принял на себя ПМКБ. В отчете за 1900 г. заявлен крупнейший среди коммерческих банков убыток, напрямую связанный с обвалом фондового рынка, — 1487,9 тыс. руб. или 22 % валового дохода банка в тот год⁵⁷. В целом за период 1900–1903 гг. только в связи с падением курсов ценных бумаг банку пришлось списать не менее 3,98 млн руб. только по данным публичной отчетности⁵⁸. Крупные пакеты акций оказались заморожены в портфеле банка, в частности, банк оказался владельцем почти половины акций и большей части облигаций Никополь-Мариупольского горно-металлургического общества и Русского общества машиностроительных заводов Гартмана⁵⁹.

Ревизия Министерства финансов в 1901 г. выявила крупные долги банку промышленных обществ. Главными должниками стали 5 обществ, их задолженность в сумме составила 14 млн руб. В этот список вошли (кроме Никополь-Мариупольского общества): Золотопромышленное, Тульских патронных заводов, Московское стеклопромышленное и Жилловских каменноугольных копей. Ревизия отметила, что «банк в деятельности своей вышел из строгих пределов устава, поместив значительные суммы в возникавшие промышленные предприятия как через приобретение акций таких предприятий, так и через открытие им кредита»⁶⁰.

Со всех сторон слышались обвинения банка именно в увлечении промышленными ценностями, в которых даже всякий обыватель или мелкий акционер видел в тот период главное зло и корень проблем. С. К. Лебедев собрал свидетельства общественной истерии вокруг отчета банка за 1900 г. В частности, «Русские ведомости» писали, что банк стал примером «самого беспочвенного, легкомысленного, невежественного грюндерства... Что ни дело, то затея как будто, чтобы дать возможность получить лишнюю синектуру, биржевикам — материал для игры, а синдикатам, во главе которых все те же финансовые гении — источник наживы»⁶¹. Миноритарии обвиняли правление в покупке дутых акций, под которыми понимались акции, не гарантированные правительством, в

отличие от привычных русскому рантье гарантированных акций. Звучали призывы «очистить портфель от фиктивных ценностей», что опять же подразумевало частные ценные бумаги, в первую очередь промышленные⁶².

На помощь ПМКБ пришел Госбанк. Несмотря на то что отношения его директора А. Ротштейна и министра финансов С. Ю. Витте, до этого довольно дружественные, были окончательно испорчены, банку был открыт льготный кредит в Госбанке, причем было разрешено показывать этот счет в отчетности не в статье «Специальный счет в Государственном банке», а в общей сумме корреспондентов. По этому счету банк был обязан ежемесячно отчитываться перед Кредитной канцелярией. Правительство обещало содействие банку в восстановлении счетов железнодорожных компаний, ушедших из банка вследствие упавшей репутации ПМКБ, «а до тех пор внести со счета Госбанка на текущие счета банка известную сумму за умеренный процент»⁶³.

Ситуация в других деловых банках во многих деталях повторяла историю ПМКБ, хотя различия тоже заслуживают внимания.

Так, Русский банк для внешней торговли в 1900 г. в связи с переоценкой портфеля ценных бумаг списал в убыток 1058,24 тыс. руб. или 20 % валового дохода⁶⁴. За период 1899–1901 гг. списания составили не менее 3418,98 тыс. руб.⁶⁵ Однако за счет филиальной сети банк сумел стабилизировать свое положение.

Точно также занимались списанием убытков и по ценным бумагам, и в целом сомнительных долгов Петербургский учетный и ссудный и Петербургский частный коммерческий банки⁶⁶. Более сложно развивались события с ПЧКБ, который не смог самостоятельно оздоровить активы за 1900-е гг. В 1910 г. была проведена реорганизация банка иностранной финансовой группой в составе *Crédit Mobilier Français*, «J. Loste et C°», «M-rs Thalmann et C°» и «L. Hirsch and C°» при содействии Министерства финансов⁶⁷.

Судьба Русского торгово-промышленного банка получила значительный общественный резонанс, несмотря на скромные (по петербургским меркам) инвестиционные операции. Летом 1899 г. обанкротился фактический владелец банка П. П. фон Дервиз. Как только информация об этом распространилась, банк стал жертвой панического оттока вкладов. Как всегда на помощь пришел Государственный банк. Списав долги за первые годы кризиса, собрание акционеров в 1902 г. приняло решение об отказе от спекулятивной деятельности и переносе центра деятельности банка на кредитование торговли, преимущественно в провинции⁶⁸.

Суммарные убытки Волжско-Камского банка, хоть и составили 793 440 руб. в 1900 г., но в долях это было не более 8 % валового дохода⁶⁹. В отчетах Московского купеческого банка за кризисный период не показано какого бы то ни было серьезного убытка.

Судьба банков, связанных с Лазарем Поляковым, оказалась наиболее сложной. В 1901 г. стало ясно, что сам Поляков и его московский банкирский дом являются банкротами. Многомиллионные долги Полякова повисли на его банках, причем положение петербургской части группы оказалось наиболее тяжелым. Петербургско-Азовский банк объявляет несостоятельность в 1902 г. Петербургско-Московский банк прекращает операции в 1904 г. «Поляковские банки» в Центральном промышленном районе — Московский Международный торговый, Орловский коммерческий и Южно-русский промышленный банки — перешли под контроль Госбанка, выкупившего долги группы. По результатам ревизии три банка были признаны в основе здоровыми учреждениями, однако отягощенными долгами бывшего владельца. В 1900-х гг. европейского инвестора для группы найти не удалось, несмотря на все усилия. В 1908–1909 гг. Минфин и Госбанк провели слияние «поляковских» банков в один новый — Соединенный банк, причем из суммарного основного капитала трех банков в 25 млн руб. в убыток было списано 17,5 млн руб. Некоторая часть личной задолженности Полякова так и осталась на счетах в Госбанке⁷⁰.

Подводя итоги борьбы с кризисом, необходимо отметить, что падение фондового рынка переносилось банком тем легче, чем в большей степени он сохранил кредитные сети за пределами Петербурга. Не стоит недооценивать резервы, накопленные крупными деловыми банками к началу 1900 гг. и сыгравшие заметную роль в противостоянии кризису. Другими словами, далеко не все банки заигрались на фондовом рынке настолько, что их можно упрекнуть в недиверсифицированности операций и в полном отсутствии резервов. Обанкротились мелкие банки, за которыми кроме проблем с ценными бумагами тянулся, с одной стороны, длинный шлейф накопленных ошибок и в других сферах банковской деятельности, а с другой стороны, они пали жертвами отказа Госбанка спасти их.

В то же время крупные банки устояли в самый тяжелый период благодаря широким неформальным возможностям добиваться помощи Государственного банка, подчиненного Министерству

финансов. Дело в том, что политика российского правительства отличалась стремлением во что бы то ни стало не допускать банкротств банков, особенно крупных, эта традиция идет еще из 1870-х гг., когда нестабильная конъюнктура и проблемы в банковском секторе 1873–1875 гг. привели к формированию отношений государства с банковским сектором, при котором государство обставляет большим количеством ограничений процесс создания новых банков, пытается их контролировать намного более мелко, чем в Европе в конце XIX в., но банкротство рассматривается как нежелательное потрясение для финансового рынка, которое можно допустить лишь для второстепенных банков, не обремененных большим количеством обязательств по отношению к разным сферам экономики.

Госбанк не только экстренно кредитовал банки, но и участвовал в работе интервенционного синдиката, созданного по инициативе С. Ю. Витте в октябре 1899 г. в составе 15 петербургских банков и банкирских домов. К июню 1900 г. синдикат израсходовал 4 млн руб., хотя эффективность его работы еще недостаточно изучена. Из других мер стоит отметить разрешение Госбанку принимать в залог и приобретать в собственность выпуски облигаций жизнеспособных предприятий с согласия Министерства финансов, превратившееся в массовое антикризисное кредитование предприятий, недавних клиентов крупных банков⁷¹.

Таким образом, кризис, разразившийся с 1899 г., выявил слабые стороны банков, вложивших много средств в инвестиционные проекты: недостаточную диверсификацию активов, слабые механизмы страхования от падения курсов ценных бумаг. Главную роль в краткосрочной стратегии выхода из кризиса сыграл Государственный банк, взявший на себя главное финансовое бремя по предотвращению банковской паники и преодолению кризиса ликвидности в частном банковском секторе. Однако в среднесрочной перспективе груз преодоления проблем банковской системы лег на сами банки. На поиск нового места инвестиционной деятельности в системе банковских операций ушли все 1900-е гг.

Универсализация банковского дела

Накануне Первой мировой войны облик российской системы коммерческих банков существенно меняется. Процесс, результатом которого стали эти изменения, был запущен в связи с кризи-

сом начала XX в., который выявил слабости и риски инвестиционной деятельности.

В первое десятилетие XX в. банкам пришлось не только заниматься антикризисным управлением, но и вырабатывать новые правила, нацеленные на страхование рисков при работе с промышленными предприятиями и их ценными бумагами. Процесс оздоровления кредитных портфелей занял около 8 лет и стоил банкам много усилий. Стратегия заключалась в создании мощного противовеса операциям на фондовом рынке в виде оборотного кредитования торгово-промышленных фирм в форме учета векселей или онкольных счетов. Поставщиком такой клиентуры стала российская провинция, для обслуживания которой весь банковский Петербург в 1900-е гг. начал наращивать сеть отделений. С новым экономическим подъемом в 1910-е гг. доля учетно-ссудных операций опять начинает снижаться за счет операций с ценными бумагами, однако это происходит уже в незначительной степени, дисбалансов в структуре операций, характерных для 1890-х гг., не наблюдается.

В предвоенный период главным учреждением в системе краткосрочного коммерческого кредита становится универсальный банк, который более-менее равномерно распределял активы между учетом векселей, онкольными ссудами и операциями с ценными бумагами. Такой банк кредитовал торгово-промышленный оборот и участвовал в проектах финансирования основного капитала новых и преобразуемых акционерных обществ. В пассиве универсального банка сочетались небольшие собственные средства, депозиты (доля текущих счетов была больше, чем доля вкладов) и средства, привлекаемые с российского и международного рынков межбанковских кредитов. Крупные универсальные банки активно работали не только на внутреннем финансовом рынке, но и за рубежом⁷².

Вышеуказанные черты в полной мере подходят для характеристики первой пятерки российских коммерческих банков по размеру активов на 1 января 1914 г. Это петербургские банки: Русско-Азиатский, затем Русский для внешней торговли, Международный, Азовско-Донской и Русский Торгово-промышленный (таблице 5а).

В таблицах 5а, 5б и 5в прослежена судьба банков — лидеров инвестиционных операций 1890-х гг., представленных ранее в таблицах 4а, 4б. Группировка банковских операций с частными цен-

ными бумагами, аналогичная той, что была сделана в таблицах 4а и 4б, для 1910-х гг. уже не помогает выявить никаких тенденций. Инвестиционные операции как бы окончательно растворились в разных статьях банковских отчетов. Однако тенденции универсализации банковского дела можно выявить по-другому. Эти данные представлены в таблицах 5а, 5б, 5в.

Банки в этих таблицах сгруппированы по следующему принципу: во-первых, ведущая пятерка российских коммерческих банков. Их правления располагались в Петербурге. К ним добавлен ведущий универсальный банк Москвы — Соединенный банк. Во-вторых, отдельно представлены Волжско-Камский и Московский купеческий банки. Несмотря на сильные фондовые отделы в Петербурге, эти банки в 1910-е гг. продолжали в целом олицетворять модель операций, сосредоточенную на кредитовании и приеме вкладов, далекую от рынка ценных бумаг. В-третьих, мелкие банки, которые придерживались деловой модели 1890-х гг. и в 1910-е гг. сохранили много таких черт — Петербургский учетный и ссудный и Петербургский Частный коммерческий банки.

В таблицах 5а, 5б, 5в отражены следующие тенденции. Во-первых, деловые банки 1890-х гг. повышают долю учета векселей в активах к 1910-м гг. (таблица 5а). В 1910-е гг. не встречается доля учета ниже 20 % активов, тогда как в 1890-е гг. она опускалась до 11–15 %.

Во-вторых, число отделений ведущих банков 1910-х гг. в сумме вырастает примерно в пять раз по сравнению с 1890-ми гг. Именно провинция являлась источником традиционной кредитной клиентуры и депозитов. При этом для банков-лидеров становится нормой иметь отделения в ведущих европейских и азиатских финансовых центрах. Таким образом, крупный российский коммерческий банк обязательно включен в такую специализацию как международное банковское дело (таблица 5б).

В-третьих, происходит существенное, более 10 процентных пунктов, снижение доли операций с ценными бумагами, хотя в абсолютных цифрах это все равно были значительные прибыли, зарабатываемые крупными фондовыми отделами с большими оборотами операций (таблица 4в).

Универсальные банки предвоенного периода имеют разное происхождение. Во-первых, это деловые банки, эволюционировавшие в универсальные. Чтобы развить учетно-ссудные операции и привлечь вклады, многим из них пришлось обратить внимание на

российскую провинцию и создать или увеличить обширные филиальные сети. Примерами таких банков прежде всего являются Петербургский Международный, Русский для внешней торговли, Русский торгово-промышленный. Во-вторых, прочные позиции в банковской системе сразу же заняли новые банки, часто преобразованные из проблемных банков или бурно развивающихся банкирских домов. Эти новые банки сразу же заявили о себе как универсальные учреждения, среди них в первую очередь необходимо упомянуть Русско-Азиатский с правлением в Петербурге, а также новый московский банк — Соединенный.

Ведущие банки 1910-х гг.

Эволюция модели операций банков от 1890-х гг. к 1913/1914 г.

Таблица 5а

Рейтинг активов. Эволюция учетной операции

Банки	Активы на 1.01.1914.		Средняя доля учета векселей, % от активов		(4) - (3) (4)
	тыс. руб.	Рейтинг, 1 — max	1895–1899 (σ)	1908–1913 (σ)	
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Русско-Азиатский банк (РАБ)*	834,941	1	–	26 (6)	–
Русский для внешней торговли банк (РВТБ)	628,354	2	17 (3)	22 (1)	+5
Петербургский Международный коммерческий банк (ПМКБ)	617,494	3	14 (4)	20 (2)	+6
Азовско-Донской коммерческий банк (АДКБ)**	543,540	4	25 (2)	26 (3)	+1
Русский торгово-промышленный банк (РТПБ)	496,245	5	21 (4)	32 (2)	+11
Соединенный банк (СБ)****	333,776	7	–	34 (2)	–
Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ)	424,686	6	34 (3)	35 (2)	+1
Московский купеческий банк (МКБ)	279,861	8	37 (4)	41 (7)	+5
Петербургский учетный и ссудный банк (ПУСБ)	208,029	11	11 (2)	21 (2)	+10
Петербургский частный коммерческий банк (ПЧКБ)	182,741	12	15 (2)	29 (8)	+14

Эволюция филиальной сети

Банки	В России		За рубежом	
	Число отделений на 1.07.1913	Разница с 1898 г.	Число отделений на 1.07.1913	Разница с 1898 г.
Русско-Азиатский банк (РАБ)	87	—	12	—
Русский для внешней торговли банк (РВТБ)	59	+46	4	+1
Петербургский Международный коммерческий банк (ПМКБ)	38	+35	2	+2
Азовско-Донской коммерческий банк (АДКБ)	69	+37	1***	+1
Русский торгово-промышленный банк (РТПБ)	96	+57	2	+2
Соединенный банк (СБ)	92	—	3	—
Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ)	57	+37	0	0
Московский купеческий банк (МКБ)	2	-1	0	0
Петербургский учетный и ссудный банк (ПУСБ)	6	+5	0	0
Петербургский частный коммерческий банк (ПЧКБ)	0	-2	0	0

Таблица 5в

Доход от купли-продажи ценных бумаг

Банки	1898		1913		Разница, 1913–1898	
	тыс. руб.	% от вал. дохода	тыс. руб.	% от вал. дохода	тыс. руб.	п.п.
Русско-Азиатский банк (РАБ)	—	—	2 294	5,3	—	—
Русский для внешней торговли банк (РВТБ)	157	12	917	3,3	+760	-8,7
Петербургский Международный коммерческий банк (ПМКБ)	819	24	2 619	7,6	+1800	-16,4
Азовско-Донской коммерческий банк (АДКБ)	52	10	1 919	6,0	+1867	-4,0
Русский торгово-промышленный банк (РТПБ)	367	15	552	2,1	+185	-12,9
Соединенный банк (СБ)****	—	—	1 049	5,4	—	—
Волжско-Камский коммерческий банк (ВККБ)	345	11	154	0,7	-191	-10,3
Московский купеческий банк (МКБ)	159	7	158	1,1	-1	-5,9
Петербургский учетный и ссудный банк (ПУСБ)	725	26	1 443	14,1	718	-11,9
Петербургский частный коммерческий банк (ПЧКБ)	296	17	628	5,2	332	-11,8

Примечания к таблицам

Правления всех банков расположены в Санкт-Петербурге, кроме Соединенного и Московского купеческого банков, у которых правления в Москве.

Три раздела таблицы включают: 1) 5 крупнейших петербургских банков и Соединенный банк — крупнейший в Москве; 2) крупные депозитные банки; 3) мелкие деловые банки 1890-х гг.

* Русско-Азиатский банк основан в 1910 г.

** Азовско-Донской коммерческий банк переведен в Петербург в 1903 г. из Таганрога, в 1890-е гг. — крупнейший банк в провинции.

*** Азовско-Донской коммерческий банк владел контрольным пакетом Banque des Pays du Nord в Париже.

**** Соединенный банк основан в 1909 г.

Источники

Активы на 1 января 1914 г., см.: Сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1914 г. СПб., 1914. С. 1–15.

Средняя доля учета векселей в активах, см.: Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 129–135.

Филиальная сеть 1898 г. представлена по данным на 1 декабря 1899 г. по изданию: Русские банки: Справ. и стат. сведения о всех действующих в России гос., част. и обществ. кредит. учреждениях. Год 3 / под ред. А. К. Голубева. СПб., 1899. С. 24–40.

Филиальная сеть 1913 г., см.: Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным. М., 1913. С. 464–480.

Доход от купли-продажи ценных бумаг в 1898 г., см.: Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 147, 159.

Доход от купли-продажи ценных бумаг в 1913 г., см.: Русские акционерные коммерческие банки по отчетам за 1913 г. в сравнении с 1912 г. СПб., 1914. С. 32, 36.

Волжско-Камский банк, относящийся в XIX в. к депозитному типу, в предвоенный период потерял лидирующее положение по размеру активов, какое он сохранял всю вторую половину XIX в. К 1 января 1914 г. он переместился на шестое место. Банк сохранил депозитную и учетно-ссудную структуру операций, опиравшуюся на провинциальные отделения, практически не занимался финансированием промышленности, кредитуя оборотными средствами торгово-промышленную клиентуру⁷³.

С приходом эпохи универсальных банков Соединенный банк оттеснил на второе место в Москве старый депозитный Московский купеческий банк. Соединенный банк сосредоточился на учетно-ссудных операциях, а к фондовому рынку обращался дозировано, чтобы очистить репутацию от «наследия» бывшего владельца Л. С. Полякова⁷⁴, потерпевшего крах на рискованных про-

ектах. Поскольку Соединенный банк был создан на основе группы фактически обанкротившихся поляковских банков, он не имел больших возможностей развивать вкладную операцию, поэтому ему приходилось вести операции за счет кредитов российских и зарубежных банков⁷⁵.

Как тенденцию необходимо отметить, что крупные банки, сохранившие приверженность модели XIX в., начинают сдавать позиции, это относится к Волжско-Камскому и Московскому купеческому банкам. Мелкие банки, не внесшие существенных изменений в модель операций, сохраняют места во второй десятке. Например, типичным деловым банком остался Петербургский частный коммерческий банк, операции Петербургского учетного и ссудного банка стали более универсальными в плане развития традиционного кредитования, однако фондовый рынок все равно приносил ему существенно большую долю дохода по сравнению с крупными универсальными банками⁷⁶.

Таким образом, процесс универсализации банковского дела в России — это в первую очередь стратегия создания сильного учетно-ссудного банка с большой сетью отделений, которые страхуют инвестиционный отдел в Петербурге или Москве. В дополнение к этому банк имеет крупный иностранный отдел, опирающийся на несколько отделений за рубежом. Очевидно, что универсальный банк накануне Первой мировой войны становится наиболее сильным учреждением, и банки, придерживающиеся традиционных операционных моделей, начинают не выдерживать конкуренции. Если бы не война и революция, российскую банковскую систему ждала бы своя эпоха слияний и поглощений.

Заключение

Символом экономического подъема 1890-х гг. в банковской сфере стал комплекс операций с акциями частных компаний. Инвестиционная деятельность в первую очередь затронула те коммерческие банки страны, для которых фондовый рынок уже стал к тому времени традиционной нишей. Процесс становления таких банков прошел в 1880-е гг.

Во второй половине XIX в. на российском рынке преобладали ценные бумаги, выпущенные от имени или с гарантиями правительства. Существенная часть работы по организации эмиссий

велась в контакте между Петербургом и европейскими финансовыми столицами. К тому же для российского фондового рынка был характерен андеррайтинг, т. е. принятие на себя всей суммы эмиссии группой (синдикатом) банков с последующей продажей ценных бумаг на вторичном рынке. В итоге Петербург развивался как доминирующий центр обращения ценных бумаг в Российской империи.

Два банка — крупный Петербургский Международный коммерческий банк и средний по размерам активов Петербургский Учетный и ссудный банк — играли важную роль в международных синдикатах по размещению российских ценных бумаг, причем ПМКБ чаще всего выступал в роли лидера российской группы банков. Все банки, имевшие подразделение в Петербурге, активно работали на столичном фондовом рынке, независимо от модели операций банка в провинции. Через петербургские банки посреднические сети по торговле ценными бумагами могли быть распространены на всю страну.

Специализация банка на нетоварных биржевых операциях в конце XIX в. включала не только операции с ценными бумагами, но и с валютой. Однако к середине 1890-х гг. банки потеряли традиционную нишу валютной спекуляции — игру на курсе кредитного рубля. Российская валюта была стабилизирована к 1895 г. В результате петербургские банки переместились на новый растущий рынок акций частных компаний.

В статье прослежена эволюция инвестиционной специализации в России. К обслуживанию облигационного рынка государственных и ипотечных ценных бумаг добавились инвестиционные услуги частным компаниям в 1890-е гг. Инвестиционная специализация достигла максимального развития в 1890-е гг., испытала удар кризиса в 1899–1903 гг, и к 1910-м гг. стала частью модели универсального банка.

Инвестиционное банковское дело в России не сформировало для себя специального банка и развивалось в рамках традиционной модели коммерческого банка, в основе которой было по активу: в первую очередь кредитование региональной торгово-промышленной клиентуры при помощи учета векселей и ссуд, а затем курсовые и комиссионные операции; а по пассиву: в первую очередь сочетание собственных средств и депозитов (текущих счетов и вкладов). Именно такая форма коммерческого банка была закреплена в России законом 31 мая 1872 г.

Вообще, банковская специализация в классическом понимании, когда разные виды банковской деятельности распределены по разным институтам, — явление невозможное для Российской империи, потому что банков было мало как по чисто экономическим причинам, так и по причине ограничений, налагаемых правительством. Рост банковской системы шел через новые отделения, а не через новые банки, и любому российскому банку неизбежно приходилось заниматься всеми операциями, на которые был спрос в регионе. Именно специфика местных рынков определяла различия в операциях российских банков. И если особенности петербургских банков очень заметны даже по их официальной отчетности, значит петербургский фондовый рынок в 1890-е гг. давал возможности получать ощутимую прибавку к комплексу операций предпринимательского кредитования.

Однако акцент на фондовые операции был сделан в деятельности банков с подразделением в Петербурге только в 1890-е гг., а дальше, пострадав от кризиса, банки ушли от практики чрезмерного увеличения доли операций с ценными бумагами в активах, хотя роль петербургского фондового рынка оставалась в России такой же приоритетной вплоть до 1917 г.

Этот феномен может быть описан в рамках проблемы управления рисками. До начала периода активной работы с промышленными ценностями риски банков, работавших на фондовом рынке с преобладанием гарантированных ценностей, были в основном связаны с проблемами отдельных европейских рынков и с колебаниями валютных курсов. В 1890-е гг. массовые инвестиционные операции с акциями частных компаний были новым явлением. Возможно, именно поэтому оказался сильно недооцененным основной риск этих ценных бумаг, связанный с промышленным циклом, в котором время от времени происходит спад, грозящий падением курса акций.

В период кризиса 1899–1903 гг. стало ясно, что за период 1895–1899 гг. иммобилизация банковских ресурсов в промышленных проектах достигла существенного объема. В кризис банки стали владельцами огромных пакетов неликвидных промышленных акций и вынуждены были стать не инвесторами, а управляющими собственниками компаний, учрежденных или реорганизованных в 1890-е гг.

В краткосрочной перспективе важную роль в преодолении кризиса сыграли крупные основные капиталы банков, а также ан-

тикризисные меры Министерства финансов и Государственного банка. Стоит заметить, что в истории становления и развития инвестиционной банковской специализации государство выступало в роли главного эмитента фондового рынка, валютного регулятора, контролера учредительской деятельности, кредитора последней инстанции. Однако государственной поддержки было недостаточно с точки зрения среднесрочной и долгосрочной стратегии страхования рисков инвестиционной деятельности. В 1900-е гг. шел поиск новой стабильности, которая была найдена в универсализации банковского дела.

В начале XX в., сохранив связи с промышленными компаниями, получив богатый опыт инвестиционной деятельности, банки интегрировали эти операции в модель универсального банка. Для этого банки пошли по пути усиления клиентских сетей предпринимательского кредитования, а также по пути создания больших филиальных сетей. Отделения в провинции стали богатым источником вкладов и региональной торгово-промышленной клиентуры. При этом инвестиционная деятельность оставалась за столичными правлениями. В дополнение к этому крупный российский универсальный банк занимался внешнеэкономической деятельностью через сеть зарубежных отделений.

В 1910-е гг. универсальный банк доминирует в российском банковском секторе. Банки, оставшиеся в рамках традиционных, не универсальных, специализаций XIX в., начинают постепенно сдавать позиции. Быстрый рост универсальных банков предвещал бурное перераспределение сил через слияния и поглощения, однако эти тенденции оказались нереализованными из-за Первой мировой войны и революции.

**Операции с негарантированными ценными бумагами,
опубликованные в отчетности отдельными статьями на 1 января 1898 г.**

№ п/п	Банк	Сумма всех операций, тыс. руб.*	Доля в активах банка в регионе, %	Рейтинг активов, 1 – max
№ 1–10 представлены в таблице 4а				
11	Харьковский торговый банк	6 713♦	56	32
12	Коммерческий банк в Варшаве ***	6 395	18	10
13	Банк «Лионский Кредит» **	6 380	39	27
14	Сибирский торговый банк	5 454♦	18	15
15	Русский банк для внешней торговли ***	4 743	14	12
16	Коммерческий банк в Варшаве **	3 678	24	28
17	Московский торговый банк	3 671♦	11	13
18	Петербургский частный коммерческий банк ***	2 958	28	33
19	Банк «Лионский Кредит» ***	2 597	20	29
20	Рижский городской учетный банк	2 506♦	24	34
21	Волжско-Камский коммерческий банк **	2 075♦	4	7
22	Московский Международный торговый банк	1 758♦	4	9
23	Рижский биржевой банк	1 291♦	6	24
24	Петербургско-Азовский коммерческий банк ***	1 231	16	39
25	Азовско-Донской коммерческий банк	1 178♦	2	5
26	Одесский учетный банк	1 089♦	5	22
27	Русский торгово-промышленный банк ***	1 018	4	21
28	Тифлисский коммерческий банк	755♦	1	4
29	Волжско-Камский коммерческий банк ***	479♦	1	1
30	Минский коммерческий банк	459♦	6	37
31	Петербургский учетный и ссудный банк ***	452	22	46
32	Московский учетный банк	403♦	2	20
33	Орловский коммерческий банк	305	1	23
34	Рижский коммерческий банк	299♦	1	17
35	Лодзинский торговый банк	292	2	25
36	Псковский коммерческий банк	218	2	36
37	Южнорусский промышленный банк	135♦	1	31
38	Виленский частный коммерческий банк	126♦	1	35
39	Лодзинский купеческий банк	85♦	3	45
40	Воронежский коммерческий банк	75♦	1	40
41	Варшавский учетный банк	63♦	1	38

№ п/п	Банк	Сумма всех операций, тыс. руб.*	Доля в активах банка в регионе, %	Рейтинг активов, 1 – max
42	Либавский биржевой банк	40	2	47
43	Екатеринославский коммерческий банк	37♦	1	43
44	Костромской коммерческий банк	28	1	48
45	Киевский частный коммерческий банк	20♦	0	30
46	Нижегородский купеческий банк	14♦	0	41
47	Казанский купеческий банк	13♦	0	42
48	Коммерческий банк в Белостоке	4♦	0	49
49	Ростовский купеческий банк	0♦	0	44
50	Среднеазиатский коммерческий банк	0♦	0	50

Приложение 2

Таблица 1

**Операции со всеми видами ценных бумаг
по отчетности на 1 января 1898 г.**

	Банк	Сумма всех операций, тыс. руб.****	Доля в активах банка в регионе, %	Рейтинг активов, 1 – max
№ 1–10 представлены в таблице 46				
11	Московский учетный банк	12 540	51	20
12	Московский торговый банк	11 610	34	13
13	Сибирский торговый банк	10 864♦♦	36	15
14	Петербургский частный коммерческий банк**	10 454	39	19
15	Русский для внешней торговли банк***	10 027	29	12
16	Банк «Лионский Кредит»**	9 753	60	27
17	Петербургский Международный коммерческий банк***	9 748	32	14
18	Коммерческий банк в Варшаве***	9 131	26	10
19	Московский купеческий банк**	8 504	52	26
20	Харьковский торговый банк	8 283♦♦	69	32
21	Московский Международный торговый банк	7 463♦♦	16	9
22	Рижский биржевой банк	7 084	34	24
23	Киевский частный коммерческий банк	6 034	47	30

24	Лодзинский торговый банк	5 339	31	25
25	Одесский учетный банк	5 009	21	22
26	Орловский коммерческий банк	4 936	22	23
27	Банк «Лионский Кредит» ^{***}	4 849	37	29
28	Рижский городской учетный банк	4 730	46	34
29	Коммерческий банк в Варшаве ^{**}	4 617	30	28
30	Тифлисский коммерческий банк	4 585	6	4
31	Псковский коммерческий банк	3 936	43	36
32	Южнорусский промышленный банк	3 511	29	31
33	Петербургский частный коммерческий банк ^{***}	3 214	31	33
34	Петербургско-Азовский коммерческий банк ^{***}	2 796	37	39
35	Русский торгово-промышленный банк ^{***}	2 295	9	21
36	Виленский частный коммерческий банк	2 221	22	35
37	Рижский коммерческий банк	1 888♦♦	7	17
38	Варшавский учетный банк	1 834	24	38
39	Воронежский коммерческий банк	1 410	27	40
40	Либавский биржевой банк	1 307	64	47
41	Минский коммерческий банк	831	10	37
42	Нижегородский купеческий банк	751	16	41
43	Казанский купеческий банк	693	17	42
44	Екатеринославский коммерческий банк	670	23	43
45	Петербургский учетный и ссудный банк ^{***}	597	29	46
46	Костромской коммерческий банк	352	18	48
47	Лодзинский купеческий банк	154♦♦	5	45
48	Ростовский коммерческий банк	103♦♦	4	44
49	Среднеазиатский коммерческий банк	95♦♦	10	50
50	Коммерческий банк в Белостоке	14♦♦	1	49

Примечания к таблицам

* Сумма операций: негарантированные ценные бумаги в портфеле банка, а также срочные ссуды, кредитные (онкольные) текущие счета и корреспондентские счета «лоро» под залог негарантированных ценных бумаг.

** Операции правления или отделения в Петербурге.

*** Операции правления или отделений в провинции.

**** Сумма операций: все виды ценных бумаг в портфеле банка, а также срочные ссуды, кредитные (онкольные) текущие счета и корреспондентские счета «лоро» под залог всех видов ценных бумаг.

♦ Отчетность по негарантированным ценным бумагам не полностью отделена от отчетности по другим видам ценных бумаг.

♦♦ Отчетность по всем видам ценных бумаг не полностью отделена от других видов отчетности.

Рассчитано по: Сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1898 г. СПб., 1898. С. 1–7.

Примечания

¹ Статья написана по материалам доклада «Investment banking in Russia, 1890–1917: ups and downs» на XV Мировом конгрессе экономической истории в Утрехте (Голландия), 3–7 августа 2009 г. Доклад был представлен на секции «Investment Banking History (19th – 21st Centuries)».

² Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999 / под ред. В. И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 471–500; Грегори П. Экономическая история России, что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000 / под ред. Л. И. Бородкина и Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 7–97; Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 22–23, 70.

³ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 391–405, 444–447; Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. С. 93–111.

⁴ Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. С. 213–346, 462–475; Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Участие банков в выпуске облигаций железнодорожных обществ (1860–1914 гг.) // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – XX в.: К проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. С. И. Потолова. Л., 1987. С. 3–41; Лебедев С. К. Петербургский Международный коммерческий банк в консорциумах по выпуску частных железнодорожных займов 1880-х – начала 1890-х гг. // Там же. С. 41–65.

⁵ Лизунов П. В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 241–251.

⁶ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 203–291; Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М., 1984. С. 128–156.

⁷ Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 79–124, 142–164; Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1998. С. 81–99, 133–140; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк... С. 347–401.

⁸ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 115–198; Саломатина С. А.

Модели коммерческих банков в Санкт-Петербурге и Москве, 1864–1917 гг. // Кредит и банки в России до начала XX в.: Санкт-Петербург и Москва. Под ред. Б. В. Ананьича и Ю. А. Петрова. СПб., 2005. С. 328–343.

⁹ Грегори П. Экономическая история России... С. 9, 13–23.

¹⁰ Грегори П. Поиск истины в исторических данных. С. 478.

¹¹ Грегори П. Экономическая история России... С. 18.

¹² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 22–23. Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 201.

¹³ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России... С. 107–108.

¹⁴ 15 банков в Петрограде, 8 – в Москве, 21 – в провинции, 9 – на оккупированных территориях, см.: Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России. Январь. 1917 г. Пг., 1917. С. 2, 4.

¹⁵ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России... С. 105.

¹⁶ См.: Лизунов П. В. Фондовый рынок // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2008. С. 573–574.

¹⁷ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 425; Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России... С. 102–105.

¹⁸ Сорокин А. К. Займы // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2008. С. 456–457. Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 328.

¹⁹ С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 233, 235–236, 249, 252–255, 261, 267–272, 344–346.

²⁰ Рассчитано по: Сорокин А. К. Займы. С. 798–800.

²¹ Рассчитано по: С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 462–466.

²² Рассчитано по: Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Указ. соч. С. 3–41; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 330; Лебедев С. К. Петербургский Международный коммерческий банк в консорциумах по выпуску частных железнодорожных займов 1880-х – начала 1890-х гг. С. 41–65.

²³ В данном разделе сведения о международных банковских синдикатах по размещению на рынке российских ценных бумаг систематизированы по: Лебедев С. К. С.-Петербургские Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 213–346, 462–475.

²⁴ Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 69.

²⁵ Банкирские дома «Rothschild Frères» (Париж), «M. A. von Rothschild» (Франкфурт-на-Майне), «N. M. Rothschild & Son» (Лондон).

²⁶ Лизунов П. В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. 241–251.

²⁷ Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / под общ. ред. и с предисл. В. И. Бовыкина, пер. И. А. Дьяконовой. М., 1996. С. 84–87.

²⁸ Лизунов П. В. Указ. соч. С. 254–255.

²⁹ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 203.

³⁰ Там же. С. 207.

³¹ Этот принцип лежит в основе методики работы с банковской отчетностью, разработанной Гиндиным, см.: Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 385.

³² Систематическую сводку информации об онколе как инструменте биржевой спекуляции см: Лизунов П. В. Указ. соч. С. 263–287. О роли онколя под залог паев в кредитовании предприятий Центрального промышленного района см: Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. С. 57–80.

³³ ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 129, 246, 249.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 270. Оп. 2. Д. 35, 36; Ф. 319. Оп. 1. Д. 505.

³⁵ Сводный баланс акционерных коммерческих банков на 1 января 1898 г. СПб., 1898. С. 1–7.

³⁶ Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 117–125, 190–211.

³⁷ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 208–260, 276–291; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 102–105; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 336–388.

³⁸ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 270–272; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 103–105.

³⁹ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 273–274; Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. С. 141–142.

⁴⁰ Рассчитано по счетам прибылей и убытков. За 1894–1900 гг., см.: Статистика краткосрочного кредита. Операции акционерных банков коммерческого кредита. Т. 1. 1894–1900. СПб., 1905.

⁴¹ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 164–171.

⁴² Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 270; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 144–147.

⁴³ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 272–273; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 147–149.

⁴⁴ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 129–135, 143, 152, 165–167, 177; Русские банки: Справ. и стат. сведения о всех действующих в России гос., част. и обществ. кредит. учреждениях. Год 1 / под ред. А. К. Голубева. СПб., 1896. С. 23–24.

⁴⁵ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 158–160; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 122–123.

⁴⁶ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 129–135, 165–167; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 190–201;

⁴⁷ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России. С. 129–135.

⁴⁸ Там же. С. 164–170.

⁴⁹ Там же. С. 170.

⁵⁰ Там же. С. 165–166.

⁵¹ А. Ротштейн — А. Ротшильд, 26 октября / 7 ноября 1898 г. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы... С. 146.

⁵² Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 388–391; Бovyкин В. И. Формирование финансового капитала в России. С. 128–129.

⁵³ Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 70.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Бovyкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. С. 202–203.

⁵⁶ Бovyкин В. И. Формирование финансового капитала в России. С. 121–156.

⁵⁷ Рассчитано по: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью. 1901. № 17. С. 498.

⁵⁸ Рассчитано по годовым отчетам банка за 1900–1903 гг., опубликованным в еженедельнике «Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью» в 1901–1904 гг.

⁵⁹ Бovyкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 105.

⁶⁰ Там же. С. 103–105.

⁶¹ Русские ведомости. 1901. 19 февраля. № 106. (Цит. по: Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 394).

⁶² Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 395.

⁶³ Там же. С. 398.

⁶⁴ Рассчитано по: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью. 1901. № 15. С. 397.

⁶⁵ Рассчитано по годовым отчетам банка за 1899–1901 гг., опубликованным в еженедельнике «Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью» в 1900–1902 гг.

⁶⁶ Бovyкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 88–89, 105–106.

⁶⁷ Там же. С. 91–95.

⁶⁸ Там же. С. 148–149.

⁶⁹ Рассчитано по: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью. 1901. № 16. С. 470.

⁷⁰ Бovyкин В. И. Формирование финансового капитала в России. С. 141–142; Бovyкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. С. 243–248.

⁷¹ Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века. С. 392–393.

⁷² Саломатина С. А. Модели коммерческих банков в Санкт-Петербурге и Москве... С. 342.

⁷³ Там же. С. 342.

⁷⁴ Бovyкин В. И., Петров Ю. А. Указ. соч. С. 249–250.

⁷⁵ Саломатина С. А. Модели коммерческих банков в Санкт-Петербурге и Москве... С. 342.

⁷⁶ Там же. С. 343.

Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии

Статья посвящена Русско-Китайскому банку в конце XIX — начале XX вв., причем в центре внимания находятся регулярные операции банка в России и за рубежом, прежде всего в Азии.

О Русско-Китайском банке известно очень мало. Фундаментальных исторических исследований, посвященных этому крупному финансовому институту, до сих пор нет, за исключением работ Ольги Крист¹ и Розмари Квестед², положивших начало изучению этой темы. Р. Квестед указывает, что «такой сложный институт», как Русско-Китайский банк, «необходимо изучать в трех аспектах: международные операции банка *per se*; скрытая борьба за контроль над банком между российским и французским правительствами, а также между французскими, бельгийскими и германскими банковскими группами; роль банка как орудия царского империализма в Китае». Р. Квестед отмечает, что предметом ее изучения стали второй и третий аспекты, тогда как первый остался незатронутым³. В исследованиях современных российских историков также не уделяется внимания «аспекту деловой активности»⁴. Новые исследования Нобутаки Шинонаги⁵ и Юбера Бонина⁶ по-новому освещают франко-китайские отношения через операции французских банков за рубежом, однако российское участие в этих процессах остается за рамками этих работ.

Необходимо уделить внимание тем вопросам, которые дают возможность рассматривать Русско-Китайский банк в более широком контексте, наряду с банками — международными посредниками из Великобритании, Германии или Японии. Банк был основан по инициативе Франции и России, у него не было отделения

---

*Казухико Яго — профессор экономической истории (Университет Васэда, Токио, Япония). Пер. с англ. и ред. С. А. Саломатина (Исторический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова).

в Лондоне, вместо этого было основано Парижское отделение⁷. Как Русско-Китайский банк мог организовать международный банковский бизнес без агента в Лондоне, в то время как другие банки — международные посредники стремились наладить отношения с Лондонским Сити? Также известно, что Франция в этот период была страной с высокой нормой сбережений, большими золотыми резервами и значительными таможенными пошлинами. В то же время французские инвестиции в российские государственные ценные бумаги через французские депозитные банки составляли огромную сумму⁸. Какой была роль Русско-Китайского банка в контексте этой особенной позиции Франции на международном рынке?

В данном исследовании предпринята попытка ответить на упомянутые выше вопросы о специфике регулярных операций банка на основании опубликованных балансов, а также документов французских и российских архивов.

Работа состоит из следующих частей: после краткого раздела, посвященного периоду основания банка, созданного как инструмент русско-французской дипломатии (I), освещается структура управления банком (II) и анализируются балансы банка в целом (III, IV и V).

I. Учреждение Русско-Китайского банка: франко-русская дипломатия

Учреждение Русско-Китайского банка связано с событиями Японо-китайской войны (1894–1895). После поражения в войне на китайскую династию Цин была наложена огромная контрибуция. Для выплаты этой суммы французские и российские банки организовали в 1895 г. синдикат для размещения на рынке бумаг китайского займа⁹. Затем российский министр финансов С. Ю. Витте предложил учредить банк для управления займами, выпускаемыми при посредничестве этого международного синдиката. В ответ на план С. Ю. Витте Адольф Ротштейн, директор Петербургского Международного коммерческого банка, с российской стороны, и Эдуард Нетцлин, президент Парижско-Нидерландского банка (Paribas), с французской стороны, заключили соглашение о формировании капитала Русско-Китайского банка. Банк открыл действия 21 января 1896 г.¹⁰ в Петербурге¹¹.

Из других мотивов основания банка, кроме операционного обслуживания синдиката, необходимо в первую очередь отметить помощь строительству Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эта магистраль стала частью Великой Сибирской, или Транссибирской магистрали (Транссиб), строившейся российским правительством с 1891 г. Развитие Транссиба в целом привело к значительным изменениям в экономической и военно-политической ситуации в Азии. Строительные работы на КВЖД велись с 1898 г., а регулярное движение было открыто в 1903 г. В период Русско-японской войны магистраль служила важной транспортной артерией между Европейской и Азиатской частями России. Русско-Китайский банк должен был выпускать займы на строительство КВЖД, управлять и обеспечивать финансами это предприятие.

Перед банком была поставлена еще одна задача — финансирование торговли между Россией и Китаем. Российский торговый баланс в 1902–1906 гг. составлял 1008 млн руб. экспорта против 673,6 млн руб. импорта, таким образом, сальдо составляло 334,4 млн руб. Цифры за 1907–1911 гг. почти такие же: 1303,9 млн руб. экспорта, 982,5 млн руб. импорта и 321,4 млн руб. сальдо¹². В тот период Россия вывозила в Китай пеньку (мешковина, веревки и льняные холсты), нефть и чугун, а взамен ввозила чай через Ханькоу¹³. Однако расчеты за этот товарообмен русские купцы должны были вести через иностранные банки, главным образом через банк «Гонгконгско-Шанхайская банковская корпорация» (The Hongkong and Shanghai Banking Corporation Limited, HSBC). Векселя русских купцов посылались в Лондон для оплаты (на инкассо), что делало торговлю зависимой от курса рубля к фунту стерлингов. Более того, иностранные первоклассные банки, специализирующиеся на международных расчетах, отказывались открывать счета не крупным российским торговцам, что затрудняло участие последних в чайной торговле. Такая ситуация требовала учреждения международного банка, представлявшего российские коммерческие интересы в Китае¹⁴.

В 1896 г. французский депозитный банк «Парижская национальная учетная контора» (Comptoir National d'Escompte de Paris, СNEP)¹⁵, действовавший также и в Азии, уступил Шанхайское отделение Русско-Китайскому банку, а остальные отделения в Китае закрыл. Обновленное Шанхайское отделение стало одним из наиболее активных подразделений Русско-Китайского банка

и единственным филиалом, выпускавшим траты в рублях в Китае. В том же 1896 г. Русско-Китайский банк открыл отделение в Ханькоу для русско-китайских чаоторговых поселений. Таким образом, Русско-Китайский банк успешно развернул китайский бизнес с момента своего основания.

II. Структура управления

Рассмотрим систему управления банком¹⁶. Франко-бельгийская группа синдиката получила $\frac{5}{8}$ частей из 6 млн руб. основного капитала, т. е. большую часть. Другая группа, включавшая германские (и русские) банки, приняла на себя $\frac{3}{8}$ всех акций. Таким образом, французское влияние изначально преобладало (табл. 1). В августе 1896 г. китайское правительство (Цинская династия) внесло в банк 5 млн купинских таэлей¹⁷ (около 83 млн фунтов стерлингов) в качестве части капитала (*capital de commandite*) на строительство КВЖД, что следовало из Русско-Китайского договора. Эта сумма пересчитывалась каждый год по курсу на первое января и показывалась на обеих сторонах баланса. Китайское правительство не имело возможности влиять на управление банком, хотя этот огромный взнос был единственным «капиталом», который Цинская династия вложила в иностранную компанию за более чем 300-летний период своего правления. КВЖД была завершена в 1903 г., но банк не выплатил эти 5 млн купинских таэлей правительству Китая, как было указано в договоре.

Таблица 1

Акционеры Русско-Китайского банка, 1896

Банки	Число акций	Число голосов
Петербургский Международный коммерческий банк	5090	20
Банк «Парижская Национальная учетная контора» (Comptoir National d'Escompte de Paris, CNEP)	4000	20
Парижско-Нидерландский банк (Banque de Paris et des Pays-Bas, Paribas)	3000	20
«Готтингер и К ^о » (Hottinguer et Cie)	1800	19
«Штерн и К ^о » (Stern et Cie)	1300	14
Банк «Генеральное общество Бельгии» (Société Générale de Belgique)	1200	13
Банк «Лионский Кредит» (Crédit Lyonnais)	1100	12
Петербургский учетный и ссудный коммерческий банк	1000	11

Банки	Число акций	Число голосов
Э. Нетцлин (E. Noetzlin)	900	10
Банк промышленного и торгового кредита (Crédit Industriel et Commercial)	750	9
А. Ротштейн (A. Rothstein)	725	8
Э. Госкье (E. Hoskier)	700	8
Итого	21 565	164
Другие	18 605	301
Всего	40 170	465

Источник: Archives de BNP Paribas. Banque Russo-Chinoise. Assemblée Générale Extraordinaire du 23 Novembre, s/r. 1896.

В 1898 г. в связи с увеличением капитала банка до 9 млн руб. Государственный банк принял в свой портфель все 12 000 новых акций и, таким образом, стал мажоритарным акционером. С тех пор представители России занимали ведущие позиции в управлении банком. В 1902 г., когда капитал был увеличен до 15 млн руб., российское правительство снова оставило за собой весь выпуск акций. Французское правительство пыталось противостоять этому захвату. После дипломатического конфликта Россия предложила учредить Франко-Китайский банк (Banque Franco-Chinoise) и «разделить» Китай на две части, северную и южную, оставив северную часть для Русско-Китайского банка, а южную часть — для операций нового Франко-Китайского банка. Этот план, однако, был заморожен после другого русско-французского конфликта, речь о котором пойдет в разделе, посвященном Гонконгскому отделению Русско-Китайского банка¹⁸. В конце концов, в 1909 г. Русско-Китайский банк, обремененный крупным долгом из-за хлопкового кризиса в России, слился с Северным банком. В результате появился Русско-Азиатский банк, который по сравнению с Русско-Китайским банком был больше ориентирован на внутренний рынок.

В правление банка входили 6 представителей от России и 3 — от Франции. В 1903 г. председателем правления был князь Е. Е. Ухтомский. Среди членов правления были представители французской банковской элиты (hautes banques), такие как Э. Нетцлин и Ж. Готтингер, а также агенты российского правительства, в частности А. А. Вышнеградский. Однако необходимо отметить, что французские члены правления не обязательно защищали интересы своего правительства, поэтому на самом деле французская

позиция могла быть слабее, чем это следовало из формальной расстановки сил¹⁹.

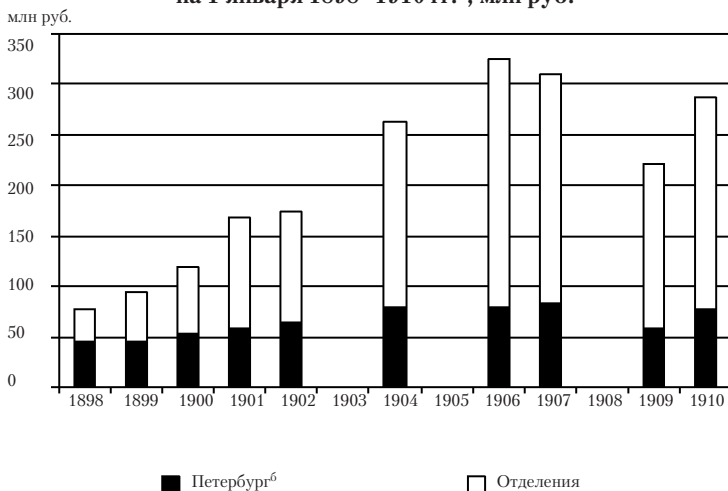
В итоге в управлении Русско-Китайским банком преобладали русские интересы, по крайней мере с 1898 г., и банк состоялся не как французский, а как русский международный банк.

III. Балансы Русско-Китайского банка: основные тенденции

Балансы банка являются главными документами, анализируемыми в данной работе²⁰. На рис.1 и 2 представлен рост активов Русско-Китайского банка. Из этих данных следует, что доля иностранных отделений в совокупных активах постепенно росла с момента основания банка до Русско-японской войны, причем доля активов китайских отделений также увеличивалась. Эта тенденция резко изменилась после Русско-японской войны: доля китайских отделений уменьшилась, в то время как отделения внутри России продолжали расти, и правление также упрочило свой вклад в общую сумму активов. Этот тренд отражает принципиальный поворот в деятельности банка после войны: от международных к внутренним операциям.

Рассмотрим структуру активов и пассивов банка на примере баланса за 1897 г., т. е. на 1 января 1898 г., а затем проанализируем эти данные.

Рисунок 1. Активы Русско-Китайского банка на 1 января 1898–1910 гг.^а, млн руб.

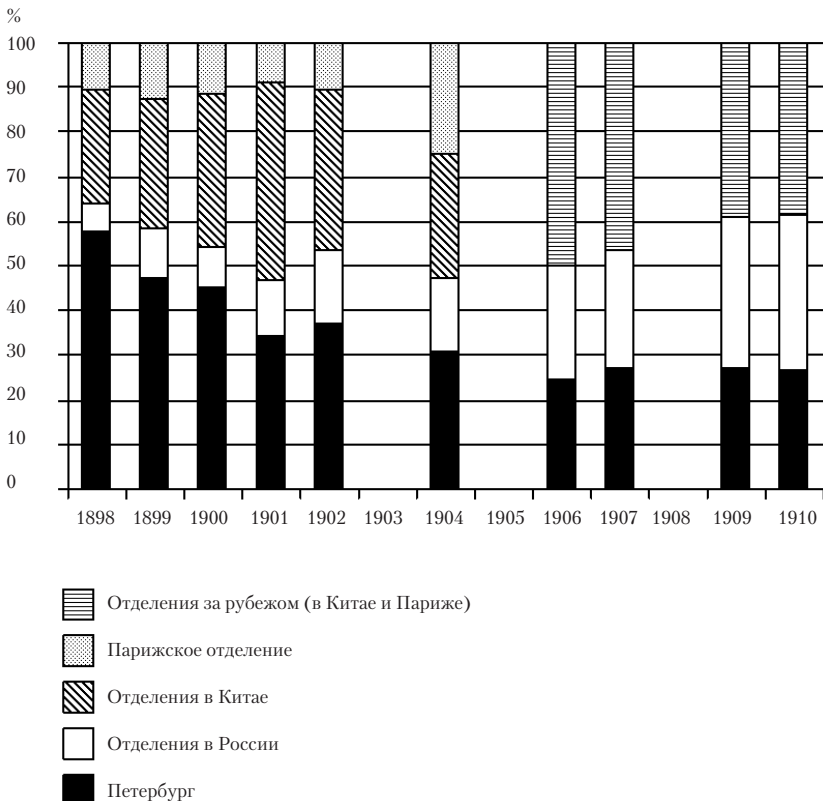

^а Данные на 1 января 1903, 1905, 1908 г. недоступны.

^б В данных на 1 января 1898–1904 гг. объединены Москва и Петербург, с 1905 г. банк переходит к традиционному для российской банковской отчетности региональному делению на «Правление», «Отделения в России» и «Иностранные отделения». В результате данные по Московскому отделению начинают учитываться в разделе «Отделения в России». Тем не менее вышеуказанной сопоставимостью данных можно пренебречь при анализе общих тенденций, потому что при крупных размерах банка Московское отделение было единственным в Европейской России. — *Примеч. пер.*

Источники: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1897–1909 гг. СПб., 1898–1910.

Рисунок 2. Распределение активов Русско-Китайского банка по отделениям на 1 января 1898–1910 гг.^а, %

^а См. примеч к рис. 1.

Источники: см.: Источники к рис. 1.

Активные счета баланса представлены в табл. 2:

1. *Корреспонденты банка, счета «Loro»*: раздел включает данные по Европейской России (Петербургу и Москве), а также по всем остальным отделениям. В 1897 г. на две столицы приходилось 39,5 % всех счетов «Loro», на отделения — 61,5 %. В 1903 г. превосходство отделений по этому показателю стало более явным — почти 86 %²¹.

2. *Корреспонденты банка, счета «Nostro»*: в 1897 г. 36,7 % этих счетов приходилось на Петербург и Москву, а 63,3 % — на другие отделения. Счета «Nostro» были как на стороне актива, так и пассива, т. е. обе цифры представляют собой валовые показатели. О пассивных счетах речь пойдет ниже.

3. *Счета отделений*: по балансам Русско-Китайского банка выявляется особенность учета операций отделений, выражавшаяся в *двойном счете* операций отделений по счету с правлением по активу и по пассиву. Например, в 1897 г.:

а) в разделе «Счета Правления с отделениями» указаны суммы, выделенные правлением отделениям в Шанхае, во Владивостоке и в Париже;

б) в разделе «Счет Шанхайского отделения с другими отделениями» указаны операции с отделениями, подотчетными Шанхаю;

в) в балансе правления имеются также другие счета Шанхайского отделения.

Если пересчитать цифры, то сумма всех счетов правления с отделениями примерно равна сумме всех счетов отделений с правлением. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении счета Шанхайского отделения с местными подразделениями и счета местных отделений с Шанхаем. Другими словами, итоговый баланс Русско-Китайского банка включает вышеупомянутый *двойной счет*, и, чтобы получить «чистый» баланс, нужно вычесть все дублирующие счета. Но даже при искусственно увеличенном балансе видна важность китайских отделений, исходя из упомянутой выше структуры операций.

4. *Текущие счета в частных банковских учреждениях*: в 1897 г. эти счета представлены только в балансе правления (75,3 %) и Парижского отделения (24,7 %). В Париже в совокупных активах эта статья составляла 14,29 %.

5. *Ссуды под залог процентных бумаг и товаров (avances contre nantissements de fonds et de marchandises)*: появляется только в от-

делениях. Из всей суммы активов китайских и японских отделений на этот счет приходилось 29,53 %, причем эта операция являлась для них ведущей.

Таблица 2

Активные счета Русско-Китайского банка в 1897 г., %

Текущие счета в частных банковских учреждениях	6,4
Касса и драгоценные металлы	2,69
Ссуды под залог процентных бумаг и товаров	10,38
Векселя	11,59
«Loro»	22,65
«Nostro»	12,04
Счета отделений	24,83
Оборотный вклад Императорского Китайского правительства по курсу на 1 января 1897 г.	9,36
Разные счета	0,06
Итого	100

Источник: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1897 г. СПб., 1898.

Рассмотрим важнейшие пассивные счета баланса (табл. 3).

1. *Раздел «Корреспонденты банка», статьи «Счета “Loro”» и «Счета “Nostro”»:* эти счета являлись крупнейшими статьями пассива. Если в 1897 г. 90,6 % счетов «Loro» приходилось на правление, то в 1903 г. эта доля уменьшилась до 41,2 %, что свидетельствует, что за это время увеличились ресурсы, привлекаемые по другим пассивным счетам в отделениях. Что касается «Nostro» счетов, то в 1897 г. доля китайских и японских отделений уже составляла 71 %, что указывало на раннее развитие модели привлечения ресурсов такого рода в отделениях.

2. *Статья «Вклады на текущие счета»:* цифры по этой статье появляются только в балансе отделений, из которых на Владивосток приходилось 13 % всех депозитов, на Париж — 34,5 %, а на Китай и Японию — 52,5 %. Именно китайские отделения привлекали наибольшее количество депозитов на протяжении многих лет существования банка.

3. *Счета отделений:* эти счета на стороне пассива образуют единую систему со счетами отделений в активе. Фактически статьи баланса, включающие счета правления с отделениями в дебете

(актив) почти равны статьям баланса, включающим счета отделений с правлением на кредитной (пассив) стороне.

Таблица 3

Пассивные счета Русско-Китайского банка в 1897 г., %

Складочный капитал	11,49
Оборотный вклад Императорского Китайского правительства по курсу на 1 января 1897 г.	9,36
Вклады на текущие счета	5,68
Счета отделений	27,95
«Logo»	27,2
«Nostro»	4,02
Оборотный вклад Императорского Китайского правительства по курсу на 1 января 1898 г.	7,95
Разные статьи	6,35
Итого	100

Источник: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1897 г. СПб., 1898.

IV. Операции банка

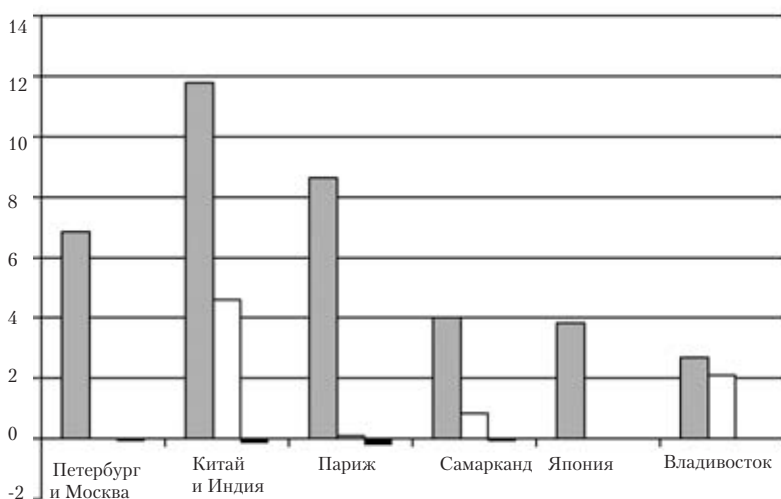
После анализа общих цифр в балансе Русско-Китайского банка необходимо рассмотреть некоторые операции в деталях.

1. Прежде всего проанализируем *операции с векселями*. Детализация по разделу «Векселя» появляется с 1899 г. Векселя в отчетности банка делятся на «учтенные векселя» (*effets à l'escompte*) и «векселя на инкассо» (*effets à l'encaissement*) в активе, к пассивным операциям с векселями относится переучет векселей в других кредитных учреждениях (*effets escompté; effets à payer*).

На рис. 3 представлены операции с векселями в Петербурге и Москве и в отделениях в 1903 г. Китайские и индийские отделения в наибольшей мере занимались учетом векселей; в Париже, Самарканде и в японских отделениях учет значительно превосходил объем операций по статье «Векселя на инкассо», из чего следует что, во-первых, в Париже главным видом деятельности было акцептование векселей клиентов, участвовавших в международ-

ных расчетах*, во-вторых, в Самарканде и в Японии преобладало кредитование местных клиентов. Во Владивостокском отделении, напротив, векселя на инкассо были почти равны учтенным векселям.

Рисунок 3. Операции с векселями в Русско-Китайском банке в 1903 г., млн руб.

Обозначения: серый цвет — учет векселей,
 белый цвет — векселя на инкассо,
 черный цвет — переучет.

Источник: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1903 г. СПб., 1904.

2. Статьи «Депозиты» (вклады и текущие счета) и «Выпущенные в обращение банкноты»: как уже было сказано, крупнейшим источником депозитов были китайские отделения во главе с Шанхайским. По данным табл. 4 можно проанализировать изменение доли депозитов иностранных отделений в общей сумме депозитов банка. Если в 1897 г. депозиты в иностранных отделениях состав-

*В данном случае имеется в виду предоставление банковской гарантии по уплате суммы, указанной в векселе клиента. — *Примеч. пер.*

ляли более 80 % всех вкладов на текущие счета, то к 1909 г. их доля уже была чуть более 50 %. В то же время Шанхайское отделение было единственным подразделением банка, которое выпускало банкноты, например, в 1899 г. они составляли 1,3 % всех обязательств китайских отделений и 0,4 % пассивов банка в целом.

Таблица 4

Депозиты Русско-Китайского банка в 1898, 1904 и 1910 г.

	1 января 1898 г.		1 января 1904 г.		1 января 1910 г.	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Петербург ^а					21 921 018,09	22
Владивосток	598 495,44	13	4 566 203,51	16		
Самарканд			2 175 004,00	8		
Все отделения в России					24 814 789,66	25
Отделения в Китае, Японии и Индии	2 421 931,70	53	16 218 034,90	57		
Парижское отделение	1 589 431,25	34	5 451 932,00	19		
Все иностранные отделения					53 049 301,76	53
Итого	4 609 858,39	100	28 411 174,41	100	99 785 109,51	100

^а Операции в Петербурге и Москве в 1898 и 1904 гг.; операции в Петербурге в 1910 г.

Источник: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1897 г. СПб., 1898; Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1903 г. СПб., 1904; Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1909 г. СПб., 1910.

3. В заключение раздела рассмотрим «Счет прибылей и убытков»: структура этого документа была различна в разные годы, однако распределение доходов и расходов между правлением и отделениями оставалась почти неизменным (рис. 4а, 4б; табл. 5).

а) Что касается соотношения правления и отделений в прибыли банка, то, обобщенно говоря, доля отделений год от года увеличивалась. На рис. 4а, 4б представлены прибыли банка за 1897 и 1903 гг. Если в 1897 г. правление, точнее Петербург и Москва, получало прибыль по курсовым и товарным операциям, сопоставимую с отделениями, то в 1903 г. практически все прибыли получены в отделениях;

Рисунок 4а. Прибыли Русско-Китайского банка в 1897 г.^а

тыс. руб.

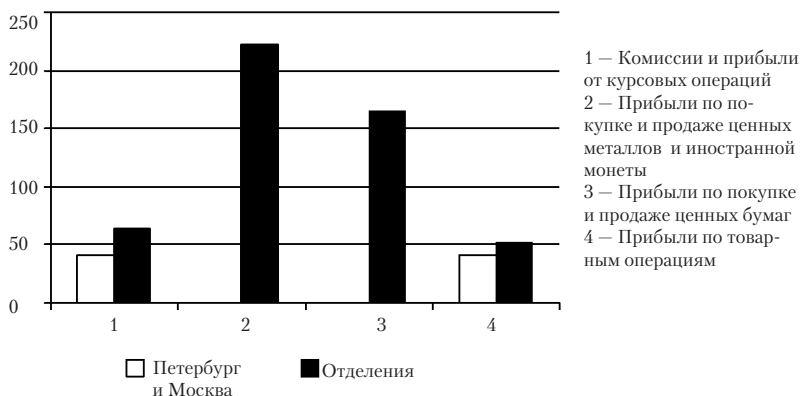
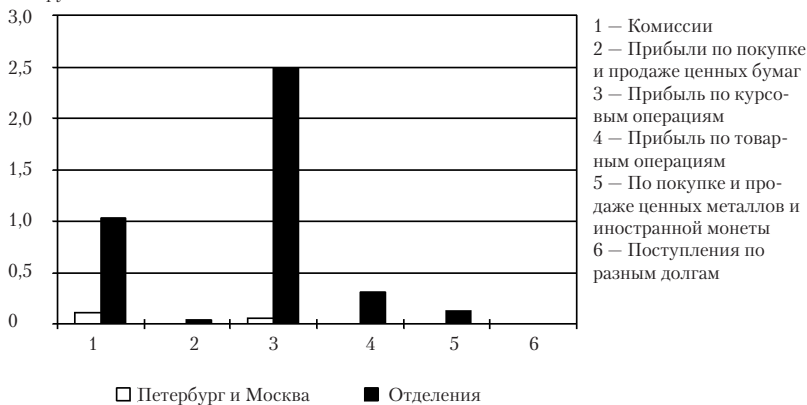

Рисунок 4б. Прибыли Русско-Китайского банка в 1903 г.*

млн руб.

^а Без прибыли от учета векселей и ссуд, которая включена в расчеты, представленные в табл. 5.

Источники: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1897 г. СПб., 1898; Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1903 г. СПб., 1904.

б) Что касается прибылей отделений, то китайские отделения был ее основным источником, хотя данные о прибылях отделе-

ний появляются в отчетности после 1897 г. Для примера в табл. 5 представлены прибыли за 1903 г. В китайских отделениях, особенно в Шанхайском, были очень высокие прибыли по срочным ссудам. В этом была специфика китайских отделений, потому что Петербург и Москва получали большую часть прибыли по другим операциям. Следующим отделением по прибыльности было Самаркандское, которое специализировалось на кредитовании и учете векселей. Третьим было Парижское отделение, получавшее прибыль почти целиком за счет акцептных кредитов;

в) Индексы, характеризующие уровень чистой прибыли Русско-Китайского банка в 1903 г., были 0,72 % (ROA*) и 1,42 % (ROE**), они выглядят довольно низкими по сравнению с другими банками — международными посредниками.

Таблица 5

Валовая прибыль отделений Русско-Китайского банка в 1903 г., %

Петербург (правление) и Москва	1,13
Владивосток, Сретенск, Чита, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре	6,89
Иркутск, Кяхта, Верхнеудинск, Красноярск, Бодайбо, Бийск	2,10
Благовещенск, Зейская пристань	0,25
Самарканд, Коканд, Бухара, Новый Маргелан, Ташкент, Батум, Верный, Кашгар, Кульджа, Чугучак	11,95
Манчжурия	2,64
Монголия	0,39
Китай и Индия	62,93
Япония	0,87
Париж	10,83

Источник: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1903 г. СПб., 1904.

* ROA (Return on assets) — доходность активов, т. е. выраженное в процентах отношение чистой прибыли к среднегодовым активам. — *Примеч. пер.*

** ROE (Return on equity) — рентабельность акционерного капитала, т. е. выраженное в процентах отношение чистой прибыли к среднегодовому размеру акционерного капитала. — *Примеч. пер.*

V. Операции в отделениях

В данном разделе рассматриваются несколько вопросов, связанных с операциями отделений Русско-Китайского банка.

1. *Развитие филиальной сети*: в табл. 6 представлены отделения банка за разные годы, а также филиалы Русско-Азиатского банка — преемника Русско-Китайского банка. Из таблицы следует, что отделения располагались вдоль Транссибирской железной дороги. В 1902 г. филиальная сеть распространилась на Северный Китай и Среднюю Азию.

В 1907 г., в период максимального расширения филиальной сети, банк имел отделения в Сан-Франциско, Калькутте и Гонконге, а также во многих городах Сибири и Кавказа. Важно отметить, что у Русско-Китайского банка было Парижское отделение, тогда как Русско-Азиатский банк учредил филиал в Лондоне: такое перемещение «окна» в Западную Европу отражает изменения в характере российских международных финансовых связей.

Таблица 6

Отделения Русско-Китайского банка (1898, 1902, 1907 г.) и Русско-Азиатского банка (1912 г.)

1898

Европейская Россия	Петербург (правление), Москва
Отделения в России	<i>Благовещенск, Верхнеудинск, Владивосток, Иркутск, Кяхта, Николаев, Чита</i>
Китай	Ньючванг (Нью-Чжуан), Пекин, Тяньцзинь, Ханкоу, <i>Чифу, Шанхай</i>
Япония	<i>Кобе, Йокогама</i> , Нагасаки
Западная Европа	Париж

1902

Европейская Россия	Петербург (правление), Москва
Отделения в России	Благовещенск, Верхнеудинск, <i>Витим</i> , Владивосток, Иркутск, <i>Кашгар, Коканд, Красноярск</i> , Кяхта, Николаев, <i>Самарканд, Сретенск, Хабаровск</i> , Чита; + 4 агентства
Китай	<i>Далянь, Куанчендзы</i> , Ньючванг (Нью-Чжуан), Пекин, Тяньцзинь, <i>Хайлар</i> , Ханкоу, <i>Харбин, Цзилинь</i> , Чифу, Шанхай; + 4 агентства
Япония	Кобе, Йокогама, Нагасаки
Западная Европа	Париж

1907

Европейская Россия	Петербург (правление), Москва
Отделения в России	Благовещенск, Верхнеудинск, Витим, Владивосток, Иркутск, Кашгар, Коканд, Красноярск, Кяхта, Николаев, Самарканд, Сретенск, Хабаровск, Чита; + 4 агентства
Китай	<i>Гонконг</i> , Далянь, Куанчендзы, Ньючванг (Нью-Чжуан), Пекин, Тяньцзинь, Хайлар, Ханкоу, Харбин, Цзилинь, Чифу, Шанхай; + 4 агентства (2 временно закрыты)
Япония	Кобе, Йокогама, Нагасаки
Западная Европа	Париж
Индия	<i>Бомбей, Калькутта</i>
США	<i>Сан-Франциско</i>

1912 (Русско-Азиатский банк)

Европейская Россия	Петербург (4 городских отделения)
Отделения в России	Благовещенск, Иркутск, Кашгар, Коканд, Красноярск, Кяхта, Сретенск, Хабаровск; + 35 агентств
Китай	Гонконг, Куанчендзы, Хайлар, Ханкоу, Харбин, Чифу
Япония	Кобе, Йокогама, Нагасаки
Западная Европа	Лондон
Индия	Бомбей, Калькутта

Примечание: курсивом отмечены новые изменения в списке отделений по сравнению с предыдущим годом, представленным в таблице.

Источники: The Banking Almanac. 1898; The Banking Almanac. 1902; The Banking Almanac. 1907; The Banking Almanac. 1912.

2. *Гонконгское отделение:* Русско-Китайский банк основал отделение в Гонконге в 1903 г. Как уже было отмечено выше, Россия и Франция заключили договор о «разделе» Китая на две части. Соглашение подразумевало, что французский Индокитайский банк (*Banque de l'Indochine*) не будет открывать никаких отделений севернее Шанхая, а в тех местностях, где действовали отделения Русско-Китайского банка, Индокитайский банк будет выступать в роли корреспондента Русско-Китайского банка. По этому договору Русско-Китайский банк брал на себя аналогичные обязательства в отношении территорий южнее Шанхая. Но по документам Индокитайского банка Русско-Китайский банк не выполнял условий соглашения.

В конце концов, конфликт был разрешен путем компромисса: Русско-Китайский банк получил возможность открыть Гонконгское отделение в обмен на право французского банка предостав-

лять банковские услуги Джингханьской железной дороге*. Этот инцидент окончательно укрепил негативное отношение французской стороны к российскому банку²². Для Русско-Китайского банка открытие Гонконгского отделения было делом величайшей важности. В эпоху Русско-Азиатского банка, наследовавшего Русско-Китайскому, Гонконгское отделение стало ключевым филиалом в портовом центре Южного Китая после закрытия шанхайского отделения.

3. *Шанхайское и другие китайские отделения*: как уже было показано выше, совокупный баланс китайских отделений составлял 40 % баланса банка в период максимального расширения филиальной сети. Далее деятельность этих отделений анализируется по балансам годового отчета.

а) В 1903 г. почти 33 % активов приходилось на счета отделений с правлением. Выше уже было отмечено, что расчеты велись между правлением и Шанхайским отделением на исключительно благоприятных условиях, а затем Шанхайское отделение открывало счета с другими китайскими отделениями;

б) В активе баланса китайских отделений кредитование отражали два счета: во-первых, «ссуды под залог процентных бумаг и товаров» и, во-вторых, ссуды, имеющие местную специфику — «native orders loans (shop loans)» — аналог бланковых (беззалоговых) кредитов местным клиентам, оформляемых в виде долговых расписок (ордеров). Оба вида кредита были высокодоходными для банка, но рискованными. В отчете инспектора отделений приводятся несколько примеров таких рискованных случаев²³;

в) Одной из уникальных особенностей Шанхайского отделения были операции по обмену серебра. Русско-Китайский банк как главный акционер КВЖД занимался обменом местных валют, основанных на серебряном стандарте, чтобы платить зарплату китайским железнодорожным рабочим медной монетой. На КВЖД работало 200 000 рабочих, и банк вышел на лидирующие позиции на Шанхайском рынке драгоценных металлов²⁴. В 1903 г. по счету валютнообменных операций была наибольшая прибыль.

4. *Российские отделения: Сибирь и Средняя Азия*. Эти филиалы можно обобщенно разделить на две большие группы — в Сибири и в Средней Азии. Рассмотрим каждую из групп.

---

* Джингханьская железная дорога (Jing-Hang Railway) проходила из Пекина в Ханькоу в провинции Хубей. — *Примеч. пер.*

На сибирские отделения приходилось в 1901 г. более 10 % совокупного баланса банка. Крупнейшим в Сибири было Владивостокское отделение, которое возглавляло другие отделения в регионе, в частности Читинское, Благовещенское, Хабаровское. В активе этих подразделений важнейшим счетом был «Корреспонденты “Лого”», на котором фиксировались ссуды под разные залогов, включая товарные. С другой стороны, в 1903 г. 22 % активов сибирских отделений составляли счета с правлением. На группу высоколиквидных активов (касса и текущие счета в других банках) приходилось 26 % активных счетов. В то же время по пассиву в 1903 г. эти отделения привлекли значительные депозиты, покрывавшие сокращение депозитов в Парижском отделении.

В Средней Азии у банка было Самаркандское отделение. К 1903 г. его баланс значительно вырос в связи с развитием Среднеазиатской железной дороги, которая в 1906 г. через линию Оренбург — Ташкент соединилась со всей сетью железных дорог России²⁵. В 1903 г. в активе отделения статьи, связанные с разного рода товарными операциями, составляли 31 %, тогда как учет векселей составляли лишь 14 %. Эти особенности характеризуют отделение как ориентированное на внутренний рынок, главным образом на операции под залог товаров вдоль железной дороги. В пассиве наблюдалась еще одна интересная операция — переучет векселей. В банке только Самаркандское отделение занималось переучетом, чтобы получить дополнительные средства для своей деятельности в регионе. Упомянутые выше особенности отразились в счете прибылей и убытков отделения: в 1903 г. 50,4 % валовой прибыли приходилось на разные операции под залог товаров, однако крупнейший процентный доход приносила статья «Учет векселей».

5. *Парижское отделение* было единственным для банка «окном» в Западную Европу, потому что банк не имел отделения в Лондоне. С 1901 по 1903 г. баланс Парижского отделения увеличился, превысил баланс китайских отделений и стал крупнейшим среди отделений банка.

Баланс Парижского отделения был уникальным. В активе ссуды по корреспондентским счетам «лоро» под залог государственных и гарантированных правительством ценных бумаг насчитывали 55 % всех кредитов отделения. Это значит, что отделение кредитовало счета клиентов во французских франках, принимая в залог российские государственные ценные бумаги или француз-

ские казначейские векселя. Другой важной статьей актива был учет векселей. В 1903 г. для 91 % таких векселей место платежа было указано во Франции.

В пассивах Парижского отделения значительную роль играли депозиты. В 1903 г. счет депозитов составлял лишь 10 % всех пассивов отделения, но как только сумма депозитов была конвертирована в рубли, Париж стал вторым отделением банка по сумме привлеченных депозитов. Тем не менее после 1903 г. доля депозитов Парижского отделения уменьшилась пропорционально увеличению доли депозитов сибирских отделений.

Другой важной операцией этого отделения являлся акцепт (предоставление гарантий по международным платежам клиентов. — *Примеч. пер.*). Фактически Париж был единственным отделением, занимавшимся акцептом тратт (векселей в иностранной валюте. — *Примеч. пер.*), присылаемых в основном из сибирских отделений. Акцептованные векселя в Парижском отделении были отражены в пассиве в статье «Корреспондентские счета “лоро”», тогда как сибирские и Владивостокское отделения наращивали статью «Корреспондентские счета “лоро”» в активе — это означало, что Парижское отделение акцептовало векселя, идущие из сибирских отделений, под залог их депозитов. Таким образом, Парижское отделение было ключевым элементом обращения векселей и кредитных потоков внутри банка.

Заключение

Русско-Китайский банк был основан для выполнения трех функций: инвестиции (китайские займы), управление (Транс-сибирская и Восточно-Китайская железные дороги) и торговля (учетные операции). Вначале банк был полноценным банком — международным посредником, или международным банком, однако позже он стал региональным банком. Одним из факторов этих изменений стало перемещение возможностей получать наибольшую прибыль из области международной торговли в сферу внутреннего кредитования.

Операции отделений явно отражали эти изменения, обусловленные Русско-японской войной. Владивосток был ключевым отделением на Дальнем Востоке России, учитывавшим главным образом векселя с местом платежа за рубежом, но позже отделение

увеличило внутренние кредитные операции, ресурсами для которых были местные депозиты. Самаркандское отделение представляло Среднюю Азию, играя важную роль в коммерческих сделках, а также в местной операции переучета векселей. Китайские отделения, возглавляемые Шанхайским отделением, были наиболее обещающими с точки зрения привлечения депозитов и получения прибылей в течение всего периода деятельности банка, но наибольший доход приносили услуги, снабжавшие кредитом компрадоров (посредников между иностранными фирмами и местными покупателями. — *Примеч. пер.*).

С французской точки зрения, международные коммерческие операции банка могли проводиться при помощи акцепта векселей Парижским отделением. При отсутствии лондонского отделения, банк мог проводить расчеты по векселям в Париже, во всяком случае, в ограниченном объеме. Парижское отделение поддерживало вексельное обращение принятыми на парижском рынке способами, которые должны стать предметом изучения в будущем.

В контексте международной позиции Франции развитие Русско-Китайского банка шло по французской (и российской) траектории: в то время как Франция и Россия мечтали о выгодном проникновении в Китай не только через займы и инвестиции, но и через торговлю, банк был «смешанным банком», или «банком, готовым на все» (*banque à tout faire*). Но когда Франция отказалась от своих амбиций в Северном Китае и решила сконцентрировать усилия на южной части Китая и в Индокитае, банк увеличил внутренние операции, чтобы стать просто «коммерческим банком»²⁶ (хотя он все еще играл определенную роль как агент российских государственных фондов в Париже). Другими словами, в ранние годы своего существования Русско-Китайский банк сделал усилия, чтобы преодолеть структурные ограничения французской финансовой позиции, но это оказалось невозможным. Таким образом, с точки зрения французских интересов (в некоторой степени с российской точки зрения), Русско-Китайский банк был банком — международным посредником только в самом начале XX в., позже он стал преимущественно внутренним российским банком.

Примечания

¹ Crisp. O. The Russo-Chinese Bank: An Episode in Franco-Russian Relation // The Slavonic and East European Review. Vol. 52. 1974. April. No. 127. P. 197–212.

² Quested R. K. I. The Russo-Chinese Bank a Multinational Financial Base of Tsarism in China. Birmingham, 1977.

³ Ibid. P. 2.

⁴ Лукоянов И. В. Русско-Китайский банк (1895–1904 гг.) // Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 2. С. 177–202; Мясников В. С. Русско-Китайский Банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Востокведение и мировая культура. М., 1998. С. 234–271. Статья И. В. Лукоянова основана на материалах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, в ней приводится полный список акционеров-учредителей. Статья В. С. Мясникова, очень подробная и затрагивающая экономические факторы, все же посвящена в первую очередь политическим и дипломатическим вопросам.

⁵ Shinonaga N. L'Impérialisme française en Chine avant la Première Guerre Mondiale. Shumpusha, Tokyo, 2008 (на японском языке).

⁶ Bonin H. Les banquiers français à Shanghai dans les années 1860–1940 // Le Paris de l'Orient. Présence française à Shanghai, 1849–1946. Musée Albert Kahn, Boulogne-sur-Seine, 2002. P. 113–119.

⁷ Le marché financier français au XIXe siècle. V.1. Récit / sous la direction de Pierre-Cyrille Hautcœur. Paris: Publications de la Sorbonne, 2007. Работа дает новую картину парижского финансового рынка, который был вторым в мире в этот период по объему долгосрочных средств.

⁸ Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914. Paris: Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 1999, 624 p. См. также первое издание: Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914. Publications de la Sorbonne, Paris, A. Colin, 1973, 624 p.

⁹ См. о договорах и соглашениях, касающихся китайского займа: Treaties and agreements with and concerning China, 1894–1919 / ed. by J. MacMurray. New York, 1921. P. 35–42, 74–91, 356–369.

¹⁰ Дата учреждения банка по старому стилю — 10 января 1896 г. — *Примеч. пер.*

¹¹ Об учреждении банка см.: Crisp. Op. cit.; Girault R. Op. cit. P. 305–308.

¹² Miller M. The economic development of Russia. London, 1926. P. 66.

¹³ Ханькоу — Город в центральном Китае, расположенный в месте слияния рек Янцзы и Ханьшуй, который во второй половине XIX в. был открыт для иностранной торговли, здесь также были учреждены концессии нескольких государств, включая Россию. В настоящее время является районом г. Ухань. — *Примеч. пер.*

¹⁴ Archive de BNP Paribas. Banque Russo-Chinoise. Note “Besoins auxquels répondait la création de la banque”. s. d.

¹⁵ Gonjo Y. International operations of the CNEP in the second half of the 19th century: French overseas banks and the Far-Eastern market (на японском языке) // Kinnyuu Keizai. No. 175–176. 1979. April – June; Bonin H. Une grande entreprise bancaire: le Comptoir national d'escompte de Paris dans l'entre-deux-guerres // Etudes et Documents. No. IV. Comité pour l'histoire économique & financière de la France. Décembre. 1992. P. 225–382.

¹⁶ Данный раздел основан на работе Р. Квестед (Quested R. K.I. Op. cit. P. 6–20), если не указано иначе.

¹⁷ Купинский лян, казначейский лян, таэль — одна из денежных единиц в эпоху Цинской династии, основанная на серебряном стандарте и использовавшаяся, в частности, для выплаты налогов. — *Примеч. пер.*

¹⁸ См. о гонконгском отделении в разделе V настоящей статьи.

¹⁹ Французский акционер М. Верстрат в письме французскому министру финансов на самом деле обвинял другого французского акционера Нетцлина, что тот «никогда не защищает французские интересы» (Archives Economique et Financière. B0 031 260. Correspondence. M. Verstrate (Banque du Nord). St. Petersburg. Le 6/19 Juillet 1902).

²⁰ Балансы Русско-Китайского банка доступны в Российской Национальной библиотеке (РГБ) в Москве, Архиве экономики и финансов Франции (Archives Economique et Financière de la France), а также в Архиве Министерства иностранных дел Японии (Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan). Автор собрал коллекцию балансов за весь период существования банка с 1896 по 1909 г., кроме 1896, 1902, 1904 и 1907 г. Балансы датированы последним днем каждого отчетного года или первым днем следующего года.

При переводе на русский язык балансы сверялись по отчетам Русско-Китайского банка за 1897–1900, 1905–1906, 1908–1909 гг., доступным в РГБ (Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1897–1909 гг. СПб., 1898–1910). Для сверки баланса на 1 января 1904 г. использован фрагмент отчета за 1903 г., опубликованный в еженедельнике «Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью» (1904. № 28. С. 1268–1271). — *Примеч. пер.*

²¹ Необходимо отметить, что в российской банковской практике на корреспондентских счетах учитывались суммы, которые по европейским стандартам бухгалтерского учета должны были бы показываться на текущих счетах. Например, известный практик банковского дела той эпохи отмечал, что корреспондентские счета в российских коммерческих банках не более чем на $\frac{1}{5}$ представляли собой «настоящие операции с корреспондентами». См.: Epstein E. Les banques de commerce russes, leur rôle dans l'évolution économique de la Russie, leur nationalisation. Paris, 1925. P. 24–25.

²² Archives Economique et Financière. Ministre des Finances. B0 031 260, note, le 20 octobre 1909.

²³ Archives de BNP Paribas, Banque Russo-Chinoise. Rapport sur Tientsin. Tientsin. Le 10 janvier 1908; Archives de BNP Paribas. Banque Russo-Chinoise. Rapport sur Peking. Tientsin. Janvier 1908, etc.

²⁴ Quested R. Op. cit. P. 34.

²⁵ Miller M. The Economic Development of Russia 1905–1914. Second Edition. London, 1967. P. 182–201; Ian Blanchard I. Russian railway construction and the Urals charcoal iron and steel industry, 1851–1914 // Economic History Review. Vol. LIII. 2000. № 1.

²⁶ Имеется в виду банк, занимающийся кредитованием, прежде всего бизнеса, и приемом депозитов. — *Примеч. пер.*

О. В. Чистова*

Кредитная клиентура банка Рябушинских в период экономического подъема 1909–1913 гг.

Введение

Данная статья посвящена банковскому делу семьи Рябушинских в Москве в 1909–1913 гг. В этот период действовал Банкирский дом братьев Рябушинских (1902–1911), преобразованный затем в Московский банк (1912–1917) фактически с полной ответственностью управления и делопроизводства.

В центре внимания исследования находится клиентура банка по учету векселей — ведущей кредитной операции эпохи, — при которой банк выдавал деньги без залога клиенту, основываясь на информации о его деловой репутации и характере кредитуемой сделки. Вексель — это составленное по определенным правилам долговое обязательство. Кредитная операция с векселем заключалась в том, что банк покупал вексель у держателя, в результате держатель получал деньги по векселю, а должник по векселю становился должником банка¹.

Исследование сосредоточено на периоде предвоенного экономического подъема 1909–1913 гг., когда наблюдались быстрый рост промышленности, оживление в сельском хозяйстве и, как следствие, расширение денежного рынка страны. В результате возросли объемы банковских операций, в том числе кредитования в форме учета векселей, расширилась группа клиентов, пользовавшихся кредитом.

В работе ставится цель изучить изменения в банковском кредитовании в 1909–1913 гг. на микроуровне, через отдельные кредитные сделки: какими были особенности деловой практики, каким был состав клиентуры банка Рябушинских, как этот состав менялся в условиях экономического роста?

---

* Чистова Ольга Владимировна — выпускница исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Подобные исследования клиентуры в настоящее время особенно актуальны, поскольку большинство суждений о кредитной клиентуре в науке до сих пор были сделаны на основе анализа публикаций дореволюционных экономистов и сводной банковской статистики, а первичная документация банковских архивов пока еще мало привлекается для исследований по данной теме.

В целом, стоит отметить, что работ по вексельному кредитованию очень мало, причем дореволюционные труды анализируют это явление с юридической и теоретико-экономической точек зрения².

Наиболее фундаментальный анализ промышленного и торгового кредитования, включая вексельные операции, содержится в трудах И. Ф. Гиндина³. В частности, Гиндин пишет о преобладании векселей промышленников и крупных торговцев, в то время как в среднее звено предпринимателей векселя проникали очень слабо. Торговля в целом не испытывала недостатка в кредитах, тогда как в некоторых отраслях промышленности банковское кредитование было представлено слабо. Учет векселей, которые промышленник получал от продажи своей продукции оптовым торговцам, на первый взгляд, является кредитом торговле, но на самом деле это вариант промышленного кредита. Гиндин проводит мысль о том, что кредиты могли получить лишь те лица, которые пользовались известностью в деловом мире. В то же время Гиндин разделяет банковскую промышленную клиентуру на патронируемые банком предприятия, которые получали контокоррентный (онкольный, т. е. в виде текущего счета) кредит, и «случайных клиентов», кредитование которых осуществлялось через учет векселей⁴.

В работах Гиндина текстильная отрасль Центрального промышленного района рассматривается как самая благополучная с точки зрения банковского кредитования. Эти предприятия отличались высокими прибылями, что обеспечивало возможность накопления денежных средств. Такие фирмы в основном нуждались в кредитах, близких по типу к торговым, для возмещения оборотных средств. С другой стороны, правления московских банков почти целиком состояли из текстильных фабрикантов. В качестве одного из примеров приводится Московский банк Рябушинских, который объявил целью своей деятельности «содействовать текстильной промышленности — хлопчатобумажной, льняной и суконной»⁵.

Гиндин пишет также о долгосрочности российского векселя, объясняя это низким уровнем торгового оборота в стране. Осно-

вываясь на отчетности Волжско-Камского банка, автор выделяет три группы векселей по срокам: половина из них (50 %) было сроком от 3 до 6 месяцев; более 30 % — от 6 до 9 месяцев и лишь около 20 % векселей были действительно краткосрочными — до 3 месяцев. Отмечается и крупная валюта учитываемых векселей, достигавшая 1700 руб., потому что доступ к кредиту получали в основном крупные торговцы и промышленники. Важной чертой вексельного кредита оставалось «обилие векселей неторгового происхождения», или «поручительский портфель»⁶.

Еще один пример изучения клиентуры и вексельного кредитования по материалам банковской статистики представлен в работах С. А. Саломатиной, в которых вопрос о клиентуре и учете векселей является частью вопроса о моделях операций банков. В этих исследованиях затрагивается теория предпринимательских сетей, которая в приложении к изучению банковского дела XIX — начала XX в. обосновывает, что доступ к кредиту могли получить лишь лица, бизнес которых был хорошо известен банку и чья деловая репутация не вызывала сомнения. Таким образом, вокруг банка формировалась предпринимательская сеть, гарантирующая качество поступающей информации о сделках и кредитоспособности клиентов банка⁷. Автор приходит к выводу, что учет векселей мог составлять от 10 до 90 % активов банка в зависимости от модели его операций и исторического периода. Минимальная доля учета была в некоторых петербургских банках в 1890-е гг., максимальная — в мелких провинциальных банках. В Московском банке доля учета была 31 % (± 7 %), что типично для универсального банка накануне Первой мировой войны⁸.

Интересными примерами изучения банковской клиентуры по архивным материалам являются также монография С. К. Лебедева, посвященная Петербургскому Международному банку⁹, и статья В. В. Морозана о клиентуре крупных банкирских домов Одессы XIX в.¹⁰

История предпринимательской деятельности династии Рябушинских достаточно хорошо освещена в отечественной историографии, хотя основной вектор исследований сосредоточен на Рябушинских-промышленниках и банковские операции рассматриваются как важное условие устойчивости концерна в целом.

В частности, в работе Б. В. Ананьича главный акцент делается на истории захвата Рябушинскими в 1901 г. Харьковского земельного банка после краха его главного акционера А. К. Алчевского, крупного предпринимателя Юга России и должника Рябушин-

ских. Это событие и послужило толчком к выделению банковской ветви из семейного предприятия¹¹. В 1902 году был создан Банкирский дом братьев Рябушинских.

Дальнейшая история банковского бизнеса Рябушинских подробно описывается в работах И. Ф. Гиндина, а также В. И. Бовыкина и Ю. А. Петрова. Собственное банковское учреждение обеспечило предпринимательской группе Рябушинских финансовую независимость, однако уже в 1910-х гг. стало понятно, что, несмотря на интенсивный рост операций, проводимых банкирским домом, он не подходил для финансового обеспечения на более высоком уровне, поскольку был скован нормами частного заведения. В результате 1 января 1912 г. открыл свои действия Московский банк. Именно с этого момента начинается экспансия Рябушинских за пределы хлопчатобумажной отрасли¹².

По мнению исследователей, в расширении предпринимательской группы Рябушинских прослеживается приверженность «московской манере». И. Ф. Гиндин понимает это как стремление идти по линии постепенного расширения, не прибегая широко к методам монополизации, а также как попытку монополизировать только торговлю и легкую промышленность¹³. Для Ю. А. Петрова это прежде всего опора на свой банк, который используется для расширения сферы влияния¹⁴. Б. В. Ананьич пишет о национально-московской старообрядческой окрашенности предпринимательской идеологии, выразившейся, помимо прочего, в стремлении работать со своими единомышленниками — московскими предпринимателями и банкирами¹⁵.

Отдельно стоит отметить работу С. А. Саломатиной, в которой Московский банк был отнесен к универсальному типу банков. Банк представлял из себя быстро растущее новое предприятие, занимавшееся традиционным кредитованием торгово-промышленного оборота, получением доходов на рынке ценных бумаг, а также от активной внешнеэкономической посреднической деятельности. В 1912–1913 гг. банк сохранял многие черты банкирского дома: большая доля основного капитала в ресурсной базе, малая доля вкладов в пассиве, а также преобладание операций, связанных с фондовым рынком, над торговым кредитованием в форме учета векселей¹⁶.

Таким образом, банковское дело Рябушинских, несмотря на давние традиции изучения, еще не исследовалось на уровне первичной бухгалтерской документации с привлечением методов обработки больших массивов данных. Если восполнить этот пробел,

представления о банковском бизнесе Рябушинских, возможно, будут дополнены.

Для исследования вексельного кредитования в работе были использованы четыре вида источников. Прежде всего это материалы архива Банкирского дома братьев Рябушинских и Московского банка в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ, фонд 254)¹⁷. В частности, изучались вексельные книги банка. Также в работе была использована опубликованная финансовая статистика коммерческих банков, по которой можно судить об объемах кредитования в форме учета векселей в 1909–1913 гг. Третьим видом источников послужили дореволюционные пособия по технике банковского дела, по которым удалось в общем виде выявить механизм вексельного кредита и сравнить его с системой кредитования, воссозданной по архивным документам. Наконец, источником для исследования стали дореволюционные справочные издания, в которых была найдена информация о сфере деятельности важнейших клиентов банка.

В данном исследовании использовались методы создания и анализа баз данных, а также статистические методы.

Работа состоит из введения, четырех частей и заключения. Первая часть посвящена анализу практики вексельного кредитования; вторая часть — анализу опубликованной статистики по операции учета векселей в России, в Москве и в банке Рябушинских. В третьей части объясняется методика анализа вексельных книг банка Рябушинских. Четвертая часть содержит результаты этого анализа, посвященные составу, динамике и сфере деятельности клиентуры банка Рябушинских, а также некоторым другим особенностям вексельного кредитования.

I. Вексельное кредитование по дореволюционным учебникам банковского дела и по архивным материалам

Механизм вексельного кредитования несложно выявить по дореволюционным пособиям по технике банковского дела¹⁸. Ценность этих сведений в контексте данного исследования заключается в том, что они являются материалом для сравнения с практикой кредитования, воссозданной по архивным документам.

Ю. Вейденгаммер приводит следующее определение векселя: «Вексель есть официальный документ заемного обязательства, составленный в предписанной законом форме, в котором одно

лицо обещает другому заплатить или непосредственно, или посредством приказа третьему к известному времени и в известном месте определенную сумму денег»¹⁹. Нас будут интересовать только простые векселя, по которым «одно лицо — векселедатель — обязывается уплатить другому — векселедержателю — известную сумму в известный срок и в известном месте»²⁰.

Авторы учебников по банковскому делу приводят описание операции учета векселей: «Предприниматель, получивший вексель по своим внутренним торговым делам, нуждается в наличных средствах для дальнейших своих оборотов... он обращается в банк и просит его учесть этот вексель (дисконтировать), т. е. выдать ему немедленно вексельную сумму, с тем чтобы банк, по наступлении срока векселя, получил выдаваемую сумму с должника»²¹. Таким образом, банк становится полноправным векселедержателем (рис. 1).

Поскольку вексельный кредит выдавался без обеспечения, а потому являлся личным, основанным на простом доверии, выдача такого кредита всегда сопровождалась большим риском для банка. В Российской империи с целью страхования рисков от невыплаты по кредиту банки в первую очередь оценивали подписи на векселях: векселедателя, векселедержателя, а также любого лица, покупавшего и продававшего вексель до срока платежа, потому что с каждого из них мог быть потребован платеж в случае неуплаты по векселю основного должника, т. е. векселедателя. В редких случаях «один какой-либо солидный индоссамент (подпись) уже достаточен, чтобы вексель к учету был принят»²².

Рисунок 1

Схема кредитования при помощи векселей

Составлено по: Видеман К. И. Банковая бухгалтерия. Ч. 2. Вып. 2–3. СПб., 1913; Вейцман Р. Я. Банковое счетоводство в связи с банковской организацией и техникой банковского дела. Одесса, 1914; Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Теория и практика банковского дела. Пг., 1916; Вейденгаммер Ю. Баланс банка и система его операций. М., 1918.

В целом, как пишет Ю. Вейденгаммер, «учесть вексель в банке, значит приобрести у него краткосрочный кредит»²³. Причем приняв положительное решение об учете векселя, банк за досрочный платеж удерживал некую часть суммы в свою пользу. Отсюда возникла разность между суммой, которую банк отдал, и суммой, которую он получил при наступлении срока платежа. Эта разница называлась учетом (или учетным процентом), а операция — учетной, или дисконтной²⁴.

Рассмотрим, какие дополнения можно внести в эту схему по результатам анализа вексельных книг банка.

Согласно классификации счетоводных книг, приведенной в дореволюционном пособии К. И. Видемана «Банковая бухгалтерия»²⁵, книги векселей по своей форме относятся к книгам в форме ресконтро, т. е. левая и правая страницы носят один и тот же номер. По внутреннему содержанию книги относятся к второстепенным, т. е. ведение счетоводства без них было бы затруднительным, но возможным. В вексельных книгах в хронологическом порядке записывалась информация об учтенных банком векселях. По мнению дореволюционных источников, «для контроля сумм книга мало пригодна, но ее можно приспособить для контроля сроков...». Для современного исследователя это один из самых массовых комплексов источников об учете векселей в архивах дореволюционных московских банков²⁶.

Порядок нумерации вексельных книг банка Рябушинских не менялся на протяжении всего указанного периода, хотя речь идет о двух разных учреждениях (банкирский дом и акционерный банк). Дело в том, что в вексельные книги записи вносились по мере учета векселей, и новая книга заводилась тогда, когда заканчивалась старая. Так, вексельная книга «Х» (десять) была начата 29 ноября 1911 г. (в это время функционировал Банкирский дом братьев Рябушинских), однако закончена книга уже 25 февраля 1912 г., т. е. в то время, когда уже действовал Московский банк²⁷.

Рассмотрим более подробно структуру вексельных книг банка. По данным табл. 1 можно представить, как выглядел разворот такой книги. В качестве примера был взят фрагмент из вексельной книги Банкирского дома братьев Рябушинских за апрель 1910 г. По таблице видно, что все записи о кредитных сделках делались в хронологическом порядке. Для каждого учтенного векселя создавалась отдельная запись, в которой указывались: месяц, число, порядковый номер записи, сумма сделки, место платежа по векселю, далее шла информация о сроках и клиентах.

**Пример записей в вексельной книге Банкирского дома
братьев Рябушинских**

	Месяц	Число	№	Сумма	Место платежа	Время выдачи			На какой срок		Срок		
						Чис.	Мес.	Год	Мес.	Дня	Чис.	Мес.	Год
1	Апрель	2	60434	7000	Москва	2	4	1910			2	10	1910
2			60435	30 000	Москва	2	4	1910			2	10	1910
3		5	60436	500	Москва	5	2	1910			5	8	1910
4			60437	678,15	Москва	5	2	1910			5	8	1910
5			60438	445	Москва	19	2	1910			10	9	1910
6			60439	1385,03	Москва	26	11	1910			11	9	1910
7			60440	611,42	Москва	27	3	1910			30	9	1910
8			60441	2000	Москва	27	3	1910			30	9	1910
9			60442	3000	Москва	27	3	1910			30	10	1910
10			60443	622,5	Москва	6	2	1910			10	11	1910
11			60444	2000	Москва	6	2	1910			10	11	1910
12			60445	5791,28	Москва	22	12	1910			11	1	1911
13			60446	6771,27	Москва	31	12	1910			11	1	1911
14			60447	6735,87	Москва	2	1	1910			11	1	1911
15			60448	1729,27	Москва	1	2	1910			11	2	1911
16			60449	1395,51	Москва	28	1	1910			11	3	1911
17			60450	3000	Москва	28	1	1910			11	3	1911
18			60451	200	СПб	2	1	1910			5	5	1910
19			60452	300	СПб	10	2	1910			20	5	1910
20			60453	300	Новгород	23	1	1910			23	5	1910
21			60454	210	Саратов	15	8	1910			30	5	1910
22			60455	200	СПб	2	1	1910			30	5	1910
23	Апрель	5	60456	306,6	Барановичи	5	2	1910			30	5	1910
24			60457	242,27	Острог В.	28	1	1910			30	5	1910
25			60458	224	Гайсин	12	2	1910			30	5	1910
26			60459	446,35	СПб	7	12	1910			31	5	1910
27			60460	283,41	Умань	4	3	1910			8	6	1910

Таблица 1

	Векселедатели	Предъявитель	Бланконадписатели
1	Пасбург В. И. Т-во	Т-во П. М. Рябушинского с сын.	
2	Пасбург В. И. Т-во		
3	Соболев П. А. с Бр. и Сын., т. д.	Т-во Юрьево-Польской Мануфактуры	
4	Соболев П. А. с Бр. и Сын., т. д.		
5	Носков Никол Ив.		
6	Балыков Конст. Васильев.		
7	Дроздов П. Чернов В., Адм. т. д.		
8	Дроздов П. Чернов В., Адм. т. д.		
9	Дроздов П. Чернов В., Адм. т. д.	Т-во Юрьево-Польской Мануфактуры	
10	Бокарев О. П.		
11	Бокарев О. П.		
12	Щетинкин П. В., т. д.		
13	Серебряникова В. И. с С-м, Т-во		
14	Назирев С. М.		
15	Лебедев И. Т. с Бр., т. д.		
16	Шанипа М. А.		
17	Шанипа М. А.		
18	Смирнов Г. Д.		Т. Ф. Бажанова. А. Чувалбиной
19	Мальковы Е. С. и Н. А.		Т. Ф. Бажанова. А. Чувалбиной
20	Савина Е. М.		Т. Ф. Бажанова, А. Чувалбиной
21	Потрусов Н.		Т.д. Веахин Горфуншль
22	Корпоухова С. М.		Т. Ф. Бажанова. А. Чувалбиной
23	Шерешевский М. Э.		Бр. Болотины
24	Барк П. Я.		Бр. Болотины
25	Крас Д. Г.		Бр. Болотины
26	Шарафутдинов Ю.		Т.д. В. Горфуншль
27	Червопян П.		Т.д. В. Горфуншль

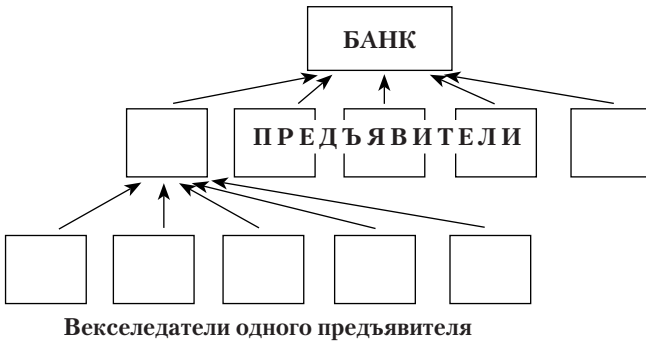
Источник: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90. Л. 169 об. – 171.

Указывались время выдачи векселя и срок (дата, до которой нужно выплатить обозначенную сумму). В книгах также присутствует графа «на какой срок», дававшая возможность учесть вексель на меньший срок, чем указанный в нем, однако такой практики фактически не было, и это поле всегда остается незаполненным. После данных о сроках векселей шла информация о клиентах банка. В книге указывались векселедатель (т. е. должник), предъявитель (тот, кто предъявил вексель к учету в банке) и бланконадписатели (лица, покупавшие и продававшие вексель до того, как он попал к предъявителю). Последняя графа чаще всего остается пустой: в отличие от Европы, где вексель зачастую использовался как средство для безналичного расчета, в России векселя обычно оставались у одного владельца и не переходили из рук в руки²⁸.

По вексельным книгам выявляются особенности практики вексельного кредитования. В первую очередь, важно отметить, что предъявитель накапливает у себя достаточно большие портфели векселей своих должников и только потом предъявляет их в банк. Как уже было сказано, в России к учету принимались только векселя с двумя подписями: должника и поручителя. Однако в вексельных книгах нет информации о поручителе как источнике второй подписи на векселе. При учете векселя в банке две подписи — это подписи векселедателя и предъявителя. Подпись предъявителя появляется на векселе в момент учета векселя в банке, когда право взыскания долга по векселю переходит от предъявителя к банку, в этом случае предъявитель делает передаточную надпись на имя банка как при обычной продаже векселя другому лицу. По вексельному праву, в случае несостоятельности векселедателя взыскание по векселю должно быть обращено на других лиц, оставивших свою подпись на векселе. Получается, если судить по вексельным книгам банка Рябушинских, то в роли поручителя фактически выступал предъявитель. Схема вексельного кредитования, представленная на рис. 1, может быть дополнена новыми данными (см. рис. 2).

Таким образом, предъявитель представляет в банке сеть своих клиентов, причем взаимоотношения между банком, предъявителем и векселедателями могут быть разделены как минимум на *два основных типа* с некоторым количеством подтипов.

Схема клиентской сети по вексельному кредитовани

Источник: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90, 120, 234, 313.

Вот пример *первого типа* взаимоотношений, через который в банки приходят большие группы мелких клиентов. Товарищество Юрьев-Польской мануфактуры, занимавшееся обработкой хлопка и производством крестьянской одежды, в апреле 1910 г. предьявило к учету в банк сразу 71 вексель на общую сумму 60 671,99 руб. Векселя выписаны многочисленными покупателями товарищества. Местом платежа в большинстве случаев указаны Москва и Санкт-Петербург, но встречаются также Киев, Витебск, Псков, Уфа, Нарва, Бийск и другие города Российской империи. Покупатели товара мануфактуры — это явно мелкие предприниматели, фамилии которых вряд ли о чем-то говорят историкам предпринимательства. Например, А. В. и И. Д. Коробковы купили товара в кредит на 250 руб. по одному векселю, выписанному 11 февраля 1910 г. со сроком платежа 1 сентября того же года в Санкт-Петербурге. Балыков К. В. 26 ноября 1909 г. взял товара в кредит на 1385,03 руб. с платежом 11 сентября 1910 г. в Москве. Я. Т. Грубман купил на 300 руб. 27 января 1910 г. с платежом 30 июня в Житомире Волынской губернии. Хитровы Н. И. и Е. Н. купили на 200 руб. 1 декабря 1909 г. с платежом 1 июля 1910 г. в Пскове.

Вряд ли Коробковы, Балыков, Грубман и Хитровы могли сами по себе получить кредит в банкирском доме, скорее всего им не

хватило бы платежеспособности с точки зрения традиций банковского дела тех лет. Однако если они участвовали в сделке с Юрьев-Польской мануфактурой, они становились клиентами банка.

В клиентской сети такого рода ярко выражена важная особенность — иерархия клиентуры, при которой предьявитель являлся для банковского учреждения клиентом первого уровня, ближайшим к нему по степени доверия и интеграции в клиентскую сеть банка. Векселедатели — это многочисленные покупатели одного предьявителя, клиенты второго уровня, векселя которых сами по себе не могли быть учтены из-за недостаточной кредитоспособности, однако это можно было сделать, заручившись поддержкой более крупного и близкого к банку предьявителя. Такая двухуровневая структура клиентуры вексельного кредитования описывает взаимоотношения промышленных предприятий и оптово-торговых фирм со своими покупателями из мелкого и среднего слоя предпринимателей.

Одним из вариантов таких взаимоотношений является другой пример. В октябре 1912 г. Варшавский промышленный банк предьявил 632 векселя со средним номиналом 511,44 руб. Это классическая банковская операция переучета (повторного учета) вексельного портфеля банка в другом банке. В результате Варшавский промышленный банк получил в свое распоряжение средства в размере 323 230 руб. за исключением учетного процента, а банку Рябушинских перешло право взыскания долга по этим 632 векселям и учетный процент.

В данном случае эта операция может быть отнесена к мелкому кредитованию, потому что ее предметом являются векселя мелких клиентов, при приеме к учету которых важна гарантия Варшавского промышленного банка.

Взаимоотношения *второго типа* лучше всего могут быть описаны через клиентскую сеть Большой Ярославской мануфактуры (ЯБМ), крупного текстильного предприятия Центрального промышленного района. В октябре 1912 г. ЯБМ предьявила к учету векселей на сумму 767 000 руб., причем это были векселя всего 7 клиентов — предприятий по обработке хлопка в Центральной России, меньших по размеру, чем ЯБМ, но все равно достаточно крупных, с численностью рабочих около 1000 чел. каждая.

В качестве примера можно привести 6 векселей, выписанных Товариществом мануфактур наследников Н. М. Полушина

(Иваново-Вознесенск) на сумму 210 000 руб., причем валюта (номинал) векселей был следующим: 10 000 руб., 3 векселя по 30 000 руб., 40 000 руб., 70 000 руб. Очень крупная и целочисленная валюта векселей дает возможность предположить, что в основе этих векселей не лежит конкретная сделка.

Скорее всего, «Наследники Н. М. Полушина» регулярно получали от ЯБМ сырье или полуфабрикаты. Параллельно товарному потоку в треугольнике банк Рябушинских — ЯБМ — «Наследники Н. М. Полушина» обращаются векселя на общую сумму, примерно равную объему операций между ЯБМ и «Наследниками Н. М. Полушина». Общая сумма кредита раздроблена на отдельные векселя, так чтобы «Наследникам Н. М. Полушина» было бы удобно регулярно по ним расплачиваться. Роль ЯБМ в данной схеме — это не только предъявитель, у которого банк покупает вексель до срока, но и фактически поручитель за «Наследников Н. М. Полушина». Приведенная выше схема нуждается в дальнейшем изучении и уточнении, пока это только первая попытка интерпретации нового архивного материала.

Описанная выше практика — это скорее личный кредит, а не кредит реальной сделки, хотя регулярный деловой цикл в этих отношениях, очевидно, присутствует.

В пользу того, что в отношениях второго типа лидирует личный кредит, свидетельствует факт, что такие векселя могли переписываться на новый срок. Вот пример: Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями — ведущий клиент банка Рябушинских и центр семейного бизнеса — в апреле 1910 г. предъявило к учету 9 векселей Товарищества «В. И. Пасбург» (бумажно-полиграфическое производство), также входивших в группу Рябушинских, на общую сумму 122 000 руб. сроком с апреля по октябрь 1910 г. Валюта векселей выражалась целым числом и колебалась от 5000 до 30 000 руб. В октябре 1910 г. то же количество векселей той же валюты на ту же общую сумму было учтено теперь уже до апреля 1911 г. В данном случае можно говорить о прямом кредитовании банком предприятия своей финансово-промышленной группы.

За этой формой учета крупных векселей мог скрываться и просто промышленный кредит. Так, среди векселей Товарищества В. Е. и А. Ясюнинских (хлопчатобумажное производство в Шуе) было 2 крупных векселя на общую сумму 100 000 руб., выписан-

ных самими Ясюнинскими. Подобные прецеденты описаны практиком дореволюционного банковского дела Е. М. Эпштейном: промышленные векселя, в отличие от торговых, имели две подписи, из которых одна являлась подписью кредитруемого предприятия, а вторая была подписью одного из руководителей предприятия (поскольку в некоторых отраслях промышленности, в том числе текстильной, подпись руководителя, зачастую являвшегося главным или даже единственным собственником предприятия, имела равное, а иногда даже большее значение, чем подпись самого предприятия)²⁹. В данном случае мы можем говорить о прямом кредитовании текстильного предприятия. В основе таких векселей торговой сделки нет, и доверие личности векселедателя является решающим при учете таких векселей.

Таким образом, изучение практики вексельного кредитования позволяет выявить клиентскую сеть банка, которая оформлена в виде групп клиентов численностью от нескольких единиц до нескольких десятков участников. Клиентские сети организованы таким образом, что каждый предьявитель (фабрикант или оптовый торговец) приводит в банк своих контрагентов (покупателей).

По результатам работы с архивом банка Рябушинских можно четко выделить два основных типа клиентских сетей. Первый тип, который условно можно назвать «мелкое кредитование», включает в себя кредитование мелких сделок по схеме «промышленник/оптовый торговец — мелкий/средний торговец». В этом случае предьявитель приносит в банк портфель векселей своих мелких покупателей, выступая за них поручителем перед банком. В основе таких кредитных сделок находится торговая сделка и доверие банка к бизнесу предьявителя, векселедатель в таком типе отношений несамостоятелен.

Второй тип кредитных отношений можно условно назвать «крупное кредитование». Как уже было ранее сказано, для таких сделок характерна крупная целочисленная валюта векселя, а векселедателем является крупное предприятие, такие векселя могли переписываться на новый срок. Получается, что при учете подобных векселей деловая репутация клиента важнее характера сделки, лежащей в основе векселя. Также за этой формой мог скрываться промышленный кредит, не предполагающий конкретной кредитруемой сделки.

В вексельных книгах банка Рябушинских выявляется еще один тип вексельного кредитования, где в роли поручителя фактически выступал не предъявитель, а кредитоспособный или близкий банку векселедатель. Например, близкое к Рябушинским Товарищество «В. И. Пасбург» в апреле 1910 г. выступило векселедателем по не очень крупным векселям, предъявителями по которым выступают предприниматели (информацию о них в справочных изданиях обнаружить не удалось). Однако это маргинальный случай учетной операции, не рассматриваемый далее в работе. В вексельных книгах банка Рябушинских преобладают сделки двух выявленных ранее типов: кредитование мелких сделок под гарантии предъявителя и кредитование крупных сделок на личном доверии к должнику.

II. Динамика операции учета векселей в России, в Москве, в банке Рябушинских

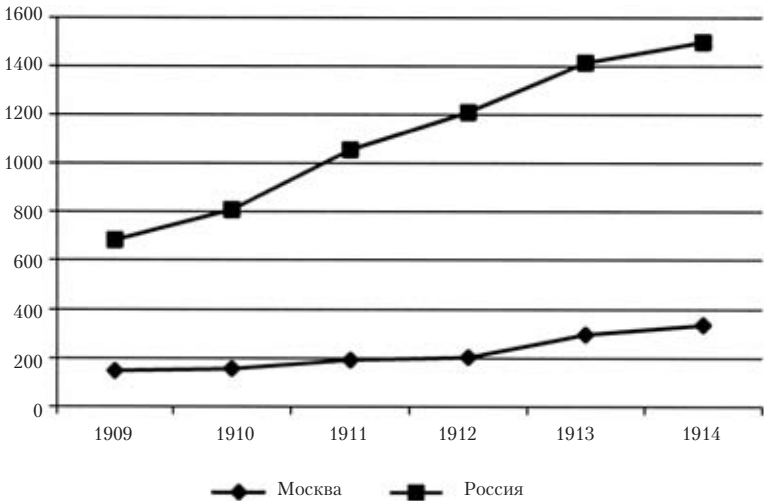
Количественный анализ операции учета векселей в банке Рябушинских важно начать с общей статистики по России и Москве, чтобы охарактеризовать основные тенденции в этой области в 1909–1913 гг.

Динамику операции учета векселей с двумя подписями можно оценить по материалам финансовой статистики, составленной по отчетности (ежемесячной и годовой), которую российские акционерные банки были обязаны публиковать. Обработка этих данных позволила сделать ряд выводов о тенденциях в учетной операции по всем акционерным коммерческим банкам в России и по всем акционерным коммерческим банкам с правлением в Москве (поскольку именно здесь находилось правление банка Рябушинских).

На основании графика на рис. 3 можно говорить о непрерывном увеличении объемов учетной операции с 1 января 1909 г. по 1 января 1914 г. как по России, так и по Москве. За указанные шесть лет объем операции учета векселей с двумя подписями по России возрос в 2,2 раза (с 682 400 тыс. руб. до 1 498 700 тыс. руб.), по Москве — в 2,3 раза (с 146 758 тыс. руб. до 335 464 тыс. руб.). Однако стоит отметить, что рост по Российской империи был более динамичным, чем отдельно по Москве.

Динамика учетной операции в системе коммерческих банков по России и Москве, на 1 января 1909 г. — 1 января 1914 г., млн руб.

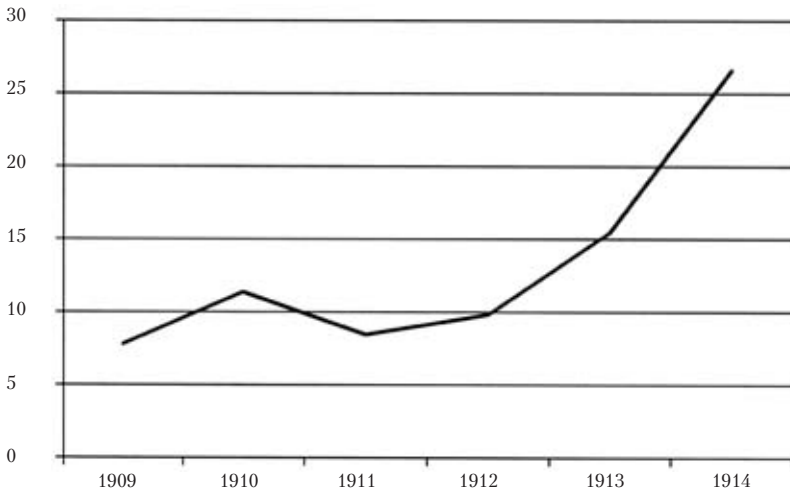

Источники: Русские коммерческие банки по отчетам за 1914 г. Пг., 1915 г.; Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России (в 1000-х рублей) на 1 января 1910 г. — 1 января 1914 г. СПб., 1910–1914.

Можно также отметить, что на Москву приходилась примерно пятая часть от общего объема учета векселей с двумя подписями, проводившихся в России.

Теперь обратимся к балансовым данным по учету векселей с двумя подписями для банка Рябушинских. По данным годовых балансов был построен график, представленный на рис. 4. В отличие от графиков динамики учетной операции по России и Москве, которые показали непрерывный рост операции, в банке Рябушинских заметно довольно сильное снижение объема операции учета векселей в 1910 г. (с 11 346 тыс. руб. до 8433 тыс. руб.). Но уже в 1911 г. спад был преодолен, а в 1912 г. можно отметить резкое увеличение объема учетной операции (с 9820 тыс. руб. до 15 453 тыс. руб.). Тем не менее резкий скачок вниз выглядит довольно таки странно в условиях предвоенного экономического подъема, но на данный момент объяснения этому интересному явлению не найдено.

Динамика учетной операции в банке Рябушинских,
на 1 января 1909 г. — 1 января 1914 г., млн руб.

Источники: Отчеты Банкирского дома братьев Рябушинских за 1909–1910 гг. М., 1910–1911; Отчеты Московского банка за 1912, 1914 гг. М., 1913, 1915.

Таким образом, несмотря на то что 1909–1913 гг. были годами промышленного подъема, на графиках динамики операции учета векселей с двумя подписями можно увидеть не только рост, но и более сложную динамику. Так, в указанный период вексельная операция в банке Рябушинских переживает сильный спад в 1910 г., который был полностью преодолен лишь через два года, в 1912 г. Причины спада операции учета пока не ясны.

III. Методика анализа вексельных книг банка Рябушинских

Архивные данные позволяют детализировать цифры опубликованных годовых отчетов. В архиве банка Рябушинских сохранилось лишь 9 вексельных книг, охватывающих период 1909–1913 гг., из которых нами были взяты 4 вексельные книги — две за 1910 г., за 1912 и 1913 гг. Таким образом, можно будет проследить

динамику клиентской сети в начале и ближе к концу экономического подъема. Спад в вексельной операции в 1911 г. пока остался за пределами исследования.

В каждой книге около 8,5 тысяч записей, поэтому пришлось прибегнуть к выбору данных за отдельные месяцы. К сожалению, статистических данных для выявления сезонного цикла кредитования в банке Рябушинских в нашем распоряжении пока нет. В результате было принято решение взять данные за октябрь, поскольку осенью банковский цикл находится на пике. Вторым выбранным месяцем с интервалом в полгода стал апрель.

Однако важно отметить, что при таком выборе месяцев имеется в виду банковский цикл, связанный с предъявлением фирмами своих вексельных портфелей в банк к учету, а не цикл заключения сделок. Например, в апрельский учет попадают векселя, выписанные в январе — феврале. Векселя появляются в банке, когда фирме-предъявителю нужны деньги.

В результате в основу работы легли четыре вексельные книги: две книги Банкирского дома братьев Рябушинских (Д. 90, 120) и две книги Московского банка (Д. 234, 313). Для исследования были взяты апрель 1910 г. и апрель 1913 г., а также октябрь 1910 г. и октябрь 1912 г. Месяцы сравнивались попарно, что дало возможность попробовать проследить изменения в кредитной клиентуре.

В ходе исследования была создана база данных, в которую были перенесены сведения о кредитных сделках из вексельных книг банка Рябушинских. Для всех четырех исследуемых месяцев в базу данных была внесена информация о 60 предъявителях (название предприятия или имя предпринимателя, сумма учтенных векселей, процент от суммы всех векселей за месяц) и 2424 вексельных сделках (название предприятия или имя предпринимателя (векселедатель) и сумма каждого векселя). База данных дополнена информацией о сфере деятельности предъявителей. Для 1910 г. (апрель и октябрь) удалось также ввести в базу данных сведения о сроках уплаты по векселям (когда был выдан вексель и когда наступает срок уплаты по нему) и о месте платежа (город, губерния или даже государство для нескольких векселей с платежом за границей). К сожалению, данные такого типа для октября 1912 г. и апреля 1913 г. перенести в электронный вид не удалось ввиду особенностей режима доступа к архивным документам в ЦИАМ.

Фрагмент базы данных для Товарищества П. М. Рябушинского с сыновьями, апрель 1910 г.

Предьявители: таблица		Имя предьявителя	
Номер		Имя предьявителя	
+		37 Окуловских Писчебумажных Фабрик, Т-во	
+		38 Омайжис Ф.Е.	
+		39 Посылина С., Т-во М-р	
+		40 Растерьева Н.С., Т-во	
+		41 Расстуровы Бр.	
+		42 Редадаев Ф. и Ко, Т-во	
+		43 Рейхерт и Мейер	
+		44 Рубинштейн Е.Я. с Сын., Т.Д.	
+		45 Русское Экспортное Т-во	
-		46 Рябушинского П.М. с С-ми, Т-во	
Номер записи	Оборот	Процент от суммы	Месяц
+	47 122 000.00р.	0.49	01.10.1910
-	1 122 000.00р.	0.26	01.04.1910
Номер поля		Векселедатель	
-		1 Пасбург В.И., Т-во	Сумма
		Дата выдачи	Место платежа
		02.04.1910	02.10.1910 Москва
		Губерния	Государство
		Московская	Российская империя
+	*	2 Пасбург В.И., Т-во	30 000.00р.
+	*	3 Пасбург В.И., Т-во	5 000.00р.
+	*	4 Пасбург В.И., Т-во	20 000.00р.
+	*	5 Пасбург В.И., Т-во	5 000.00р.
+	*	6 Пасбург В.И., Т-во	10 000.00р.
+	*	7 Пасбург В.И., Т-во	30 000.00р.
+	*	8 Пасбург В.И., Т-во	10 000.00р.
+	*	9 Пасбург В.И., Т-во	5 000.00р.
+	*	0	0.00р.
Предьявители: таблица		Детализация	
		Сфера деятельности	
Текстиль, производство		хлопок	
Деревобработка			
Обработка минеральных веществ			
*			

Источники: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90; Акционерно-паевые предприятия России. М., 1912; Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914; Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). СПб., 1912; Указатель торговых домов: Сост. по офиц. данным учреждений М-ва вн. дел / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1907; Справочная книга о лицах, получивших на 1892 год купеческие и промысловые свидетельства в Москве. М., 1892; Справочная книга о лицах, получивших на 1912 год купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве (по 1-ой и 2-ой гильдиям). М., 1912; Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия. СПб., 1892.

На рис. 5 приведен фрагмент базы данных для Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями в апреле 1910 г.

Таким образом, в ходе исследования в электронный формат было переведено достаточно большое количество архивных сведений, что позволило при помощи техники составления запросов к базам данных изучить кредитную клиентуру банка Рябушинских более детально.

Важно также показать, как соотносились между собой данные опубликованной банковской отчетности и архивная бухгалтерская документация, потому что сегодня это единственный способ оценить объем естественной выборки, сохранившейся в архиве.

Так, общая сумма всех кредитных сделок по вексельной книге в апреле 1910 г. (460 681,96 руб.) составила лишь 3,3 % от годового оборота по операции учета векселей по опубликованному отчету (13 979 000 руб.); сумма сделок по вексельной книге за октябрь того же года (249 295,73 руб.) составила всего 1,8 % от общего оборота. Это еще раз подтверждает наличие большого спада в динамике объема учетной операции в банке Рябушинских в 1910–1911 гг. Таким образом, в процессе работы в архиве нам удалось охватить в сумме 5,1 % всех кредитных сделок в форме учета векселей за 1910 год. За октябрь 1912 г. удалось изучить больший процент сделок — 7,2 % от общего оборота по операции. В октябре было совершено сделок на сумму 2 205 170,44 руб. (архивные данные) при суммарном обороте за 1912 год в размере 30 561 000 руб. (по

опубликованному отчету). В апреле 1913 г. было заключено кредитных сделок на сумму 1 173 355,36 руб. (архивные данные), что составило 2 % от годового оборота в 1913 году (58 765 000 руб. — по отчету).

Дальнейшая работа заключалась в статистической обработке сведений базы данных.

Таким образом, особенностью примененной методики является анализ отдельных сделок методами обработки массовых источников (базы данных, дескриптивная статистика), однако эта методика дополнена анализом опубликованной банковской отчетности, которая используется как источник итоговых показателей, позволяющих соотнести сохранившиеся фрагменты банковской отчетности с общей отчетностью по исследуемой операции.

IV. Клиентура банка Рябушинских: состав, динамика, сфера деятельности

Крупнейшие клиенты банка в апреле 1910 и 1913 г.

Методика анализа данных по предъявителям банка Рябушинских заключалась в следующем: в каждом из исследуемых периодов выявлялись 5 крупнейших предъявителей и информация о них изучалась более подробно, при этом была сделана попытка оценить каждого крупного предъявителя с точки зрения, к какому типу относятся его сделки: кредитование мелких сделок (сбытовые сети фабрикантов и оптовых торговцев) или кредитование крупных сделок (личный кредит фабрикантам).

Пять крупнейших предъявителей в апреле 1910 г. представлены в табл. 2. В этом месяце в банк обратились всего 13 предъявителей, общая сумма их векселей составила 460 682 руб., из которых 419 242 руб. приходится на пять крупнейших клиентов банка (91 % от общего объема кредитных сделок за указанный месяц). 66 % сделок первой «пятерки» приходится на второй тип кредитных отношений — кредитование крупных сделок. Такой тип сделок характерен для деловых партнеров двух из пяти предъявителей: Альфреда Гозера (оптовый торговец шерстью) и Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями (хлопчатобумажное производство).

Пять крупнейших предъявителей в апреле 1910 г.

Предъявитель	Средняя валюта векселя, руб.	Количество векселей	Сумма векселей, руб.	В % от итога
Гозер Альфред	6 171,74	25	154 293	33,5
Т-во ман-р П. М. Рябушинского с сыновьями	13 555,56	9	122 000	26,5
Т-во Юрьево-Польской мануфактуры	854,54	71	60 672	13,2
Торг. дом «Гиршман С. и сын»	453,90	111	50 383	10,9
Торг. дом «Наследники А. Калинина»	966,48	33	31 894	6,9
Всего по 5 предъявителям	1683,70	249	419 242	91,0
Итого по 13 предъявителям			460 682	

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90.

Лидером по объему кредитных сделок в апреле 1910 г. был А. Гозер. Он предъявил в банк 25 векселей со средним номиналом в 6171,74 руб., причем среди них были мелкие векселя дробного номинала, что указывает на простые мелкие сделки, но преобладали крупные целочисленные векселя. У А. Гозера закупали сырье шерстяные и суконные фабрики, а также несколько торговых домов. Так, 7 векселей на сумму 60 000 руб. было выписано Фряновской шерстяной мануфактурой; 4 векселя на сумму 23 386,61 руб. Торгового дома братьев Т. Л. и В. Каштановых, владевших суконной фабрикой в Серпухове. Фирма «Петров и Щеголев», занимавшаяся реализацией суконного товара, а также владевшая фабрикой, выписала 5 векселей на сумму 22 502,32 руб. Среди клиентов также значатся купцы и предприятия: Н. И. Алексеев (торговец мануфактурным товаром), Товарищество В. Лыжина (суконная торговля), Купавинская суконная фабрика братьев Бабкиных, Администрация торгового дома «Наследники Е. Х. Белишева», а также торговец сукном и шерстяной пряжей А. Д. Жучков. Практически обо всех векселедателях А. Гозера удалось найти информацию в дореволюционных справочных изданиях, что говорит о том, что это были крупные фирмы и предприниматели.

Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями в апреле 1910 г. представило к учету векселя Товарищества

«В. И. Пасбург», специализировавшегося в первую очередь на бумажно-полиграфическом производстве. Как уже было выше упомянуто, это были 9 крупных целочисленных векселей на сумму 122 000 руб. В этом случае, так же как и с А. Гозером, имеет смысл говорить о кредитовании крупных сделок, в которых личный кредит может преобладать над кредитом сделки.

На трех остальных предьявителей приходится около 34 % от объема сделок «пятерки». Это клиентские сети, когда за крупным предпринимателем стоит много мелких клиентов-покупателей. На такой тип кредитных отношений указывает небольшая средняя валюта векселей: от 454 руб. до 966 руб., при этом количество векселей колеблется от 33 до 111.

В число таких предьявителей вошла Юрьев-Польская мануфактура, специализировавшаяся на обработке хлопка и производстве одежды; Торговый дом «С. Гиршман и сын» (торговля галантерейным и мануфактурным товарами), а также Торговый дом «Наследники А. Калинина», занимавшийся торговлей скотом, мясом и продукцией животноводства.

Таким образом, в апреле 1910 г. наибольший объем сделок первой «пятерки» (более 60 %) приходится на кредитные отношения второго типа, кредитование крупных сделок, в то время как кредитование мелких сделок занимало только 34 % от общего объема сделок пяти крупнейших предьявителей.

Рассмотрим теперь, как изменилась ситуация через 3 года. В апреле 1913 г. на первую «пятерку» предьявителей приходится не 91 % всего объема кредитных сделок, как в 1910 г., а только 48,1 %. В банк пришло уже 33 предьявителя, в то время как в апреле 1910 г. клиентов было всего 13. Увеличилась и общая сумма принятых к учету векселей: с 460 682 руб. в апреле 1910 г. до 1 173 355 руб. в апреле 1913 г.

Что касается характера кредитования, то он несколько изменился: все чаще банк занимается кредитованием мелких сделок. В чистом виде второй тип клиентских сетей (кредитование крупных сделок) в апреле 1913 г. встречается только у одного предьявителя, И. Д. Берензона — оптового торговца сахаром на Московской бирже. Средняя валюта 12 векселей, предьявленных им к учету, составила 8205,24 руб. Среди его векселедателей фигурируют: Администрация по делам Д. И. Филиппова (хлебопекарное производство и булочная торговля) — 6 векселей на сумму 81 935 руб.; кондитерская фабрика Товарищество «Сиу А. и К^о» — 2 векселя на 8000 руб.

Пять крупнейших предъявителей в апреле 1913 г.

Предъявитель	Средняя валюта векселя, руб.	Количество векселей	Сумма векселей, руб.	В % от итого
Т-во ман-р П. М. Рябушинского с сыновьями	4 150,66	52	215 834	18,4
Т-во Большой Костромской льняной мануфактуры	631,76	165	104 241	8,9
Берензон И. Д.	8 205,24	12	98 463	8,4
«Рейхерт и Мейер»	3 959,63	19	75 233	6,4
Т-во Н. С. Растеряева	511,57	138	70 596	6,0
Всего по 5 предъявителям	1462,09	386	564 367	48,1
Итого по 33 предъявителям			1 173 355	

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 313.

Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями предъявило к учету 52 векселя средним номиналом в 4150,66 руб. Однако характер кредитования изменился по сравнению с 1910 г.: среди векселедателей значителен уже не один аффилированный клиент (Товарищество «В. И. Пасбург»), а 30 клиентов как мелких, так и крупных. Тем не менее 83 % всех кредитных сделок товарищества — это опять крупный кредит, 4 векселя Товарищества М. А. Жучкова на сумму 180 000 руб. и номиналом от 30 000 руб. до 50 000 руб. Причем по дореволюционным справочникам семья Жучковых занимается торговлей шерстью, сукном, шерстяной пряжей, тогда как Товарищество П. М. Рябушинского — прежде всего обработкой хлопка. Этот факт, так же как и факт предъявления векселей «В. И. Пасбурга», ставит вопрос о дальнейшем изучении роли товарищества П. М. Рябушинского внутри финансово-промышленной группы Рябушинских. Остальные 48 векселей, представленных Товариществом, являются примером кредитования мелких торговых сделок, средний номинал векселей для которых составляет 746,54 руб.

Фирма «Рейхерт и Мейер», специализировавшаяся на оптовой торговле колониальными и другими товарами, в апреле 1913 г. предъявила к учету 19 векселей, из которых 13 на общую сумму 15 233 руб. выглядят скорее как кредитование обычных торговых сделок, а на остальные 60 000 руб. приходится крупный кредит Товариществу С. В. Перлова, торговавшему в первую очередь чаем и сахаром.

Большая Костромская льняная мануфактура и Товарищество Н. С. Растеряева (завод по лужению железа и обработке метал-

ла) в апреле 1913 г. предъявили к учету 165 и 138 векселей соответственно. При этом средняя валюта векселей колеблется от 511,57 руб. до 631,76 руб., что может свидетельствовать о том, что это мелкооптовые сбытовые сети этих предприятий.

Таким образом, при сравнении учетной операции банка Рябушинских в апреле 1910 г. и апреле 1913 г. можно отметить, что в вексельном кредитовании произошли изменения: резко возросли объемы кредитования, увеличилось число предъявителей (с 13 до 33 клиентов), увеличилось и количество кредитных сделок первой «пятерки» (с 249 до 386). Фирмы, ранее «поставлявшие» в банк только крупные векселя (Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями), в 1913 г. предъявляют также и векселя мелких сделок. Таким образом, общая доля крупного кредита первых пяти предъявителей заметно снижается: с 60 % в 1910 г. до 20 % в 1913 г., при этом возрастает количество принимаемых к учету мелких векселей — с 215 до 351.

Крупнейшие клиенты банка в октябре 1910 и 1912 гг.

Теперь рассмотрим изменения в вексельном кредитовании в осенние месяцы, а именно в октябре 1910 и 1912 гг. «Пятерка» самых крупных предъявителей в октябре 1910 г. представлена в табл. 4.

Таблица 4

Пять крупнейших предъявителей в октябре 1910 г.

Предъявитель	Средняя валюта векселя, руб.	Количество векселей	Сумма векселей, руб.	В % от итога
Т-во ман-р П. М.Рябушинского с сыновьями	13 555,56	9	122 000	48,9
Т-во братьев А. и Н. Мамонтовых	234,21	182	42 625	17,1
Торг. дом «Наследники А. Калинина»	861,25	36	31 005	12,4
Волков Е. В.	15 712,50	1	15 713	6,3
Торг. дом «И. Блинов с сыновьями»	616,49	17	10 480	4,2
Всего по 5 предъявителям	3095,37	290	221 823	89,0
Итого по 11 предъявителям			249 296	

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 120.

Октябрь 1910 г. относится к периоду спада в кредитной деятельности Рябушинских. В банк пришло всего 11 клиентов, было учтено векселей на сумму 249 296 руб. При этом на долю пяти наиболее крупных предъявителей приходится 89 % всего объема учетной операции в октябре. Однако из этих 89 % почти половина — это переписанные на новый срок крупные векселя Товарищества «В. И. Пасбург», выявленные в книге банка за апрель 1910 г., предъявителем по которым выступает Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями.

Трое из пяти крупнейших предъявителей приносят в октябре 1910 г. в банк векселя своих мелких покупателей. Рассмотрим этих трех клиентов банка подробнее.

В тройку входят уже известный нам торговый дом наследников Алексея Калинина, торговавший мясной продукцией. В октябре 1910 г. они предъявили к учету в банке 36 векселей, валюта которых колебалась от 112 руб. до 1966 руб.

Товарищество братьев А. и Н. Мамонтовых (лакокрасочное производство) в октябре 1910 г. предъявило портфель из 182 векселей, средний номинал которых составил 234,21 руб., а общая сумма — 42 625 руб.

Торговый дом «И. Блинов с сыновьями» занимался торговлей воском и свечами и в октябре 1910 г. предъявил к учету 17 векселей на общую сумму 10 480 руб. со средним номиналом 616,49 руб.

Особо стоит отметить, что четвертым по объему операции учета векселей в октябре 1910 г. (6,3 %) оказался случай, практически не описанный в дореволюционных учебных пособиях по банковскому делу. Речь идет об учете вкладного билета Банкирского дома братьев Рябушинских на сумму 15 712,50 руб., принадлежавшего Е. В. Волкову. Как пишет Р. Я. Вейцман, иногда к учету могли приниматься не только векселя, но и вкладные билеты банка. Если вкладчик желал досрочно получить внесенный им вклад, он мог учесть собственный вкладной билет. При этом сначала рассчитывались проценты по вкладу на момент учета, а затем из полученной суммы удерживались проценты по учету³⁰. Вклад был сделан сроком на один год (с 15 октября 1910 г. до 15 октября 1911 г.), что противоречит данным дореволюционных изданий по банковскому делу, согласно которым для проведения такой операции до срока по вкладу должно было оставаться не более 9 месяцев³¹. К сожалению, найти какую-либо информацию о клиенте и понять причину, по которой Е. В. Волков досрочно забрал свой вклад из банковского учреждения, не удалось.

Таким образом, в октябре 1910 г. 55 % от общей суммы кредитов первой пятерки приходится на клиентские сети второго типа, т. е. кредитование крупных сделок, доля сетей с мелкими сделками составила 38 %. Еще 7 % от объема кредитных сделок «пятерки» пришлось на исключительный случай — учет вкладного билета.

Таблица 5

Пять крупнейших предъявителей в октябре 1912 г.

Предъявитель	Средняя валюта векселя, руб.	Количество векселей	Сумма векселей, руб.	В % от итога
Торг.-пром. т-во Ярославской Большой мануфактуры	18 707,32	41	767 000	34,8
Варшавский промышленный Банк	511,44	632	323 230	14,7
Гозер Альфред	8 003,19	25	200 080	9,1
Т-во В. Е. и А. Ясюнинских	3 208,41	44	141 170	6,4
Т-во Окуловских писчебумажных фабрик (бывш. «В. И. Пасбург»)	604,61	167	100 969	4,6
Всего по 5 предъявителям	1685,86	909	1 532 448	69,5
Итого по 29 предъявителям			2 205 170	

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 234.

Рассмотрим ситуацию через два года, в октябре 1912 г. Количество предъявителей в осеннем цикле за два года увеличилось с 11 до 29. Общий объем кредитных сделок в октябре 1912 г. возрос в 8,8 раза по сравнению с октябрём 1910 г. (249 296 руб.) и составил 2 205 170 руб. При этом количество кредитных сделок первой «пятерки» предъявителей увечилось с 290 до 909. А доля пяти крупнейших предъявителей в общем объеме вексельного кредитования снизилась с 89 % в октябре 1910 г. до 69,5 % в октябре 1912 г.

Как и в октябре 1910 г., около 64 % кредитных сделок первой «пятерки» приходится на клиентские сети второго типа, когда банк кредитует крупные сделки. Так, товарищество Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ) в октябре 1912 г. предъявило к учету 41 крупный целочисленный вексель. Эти векселя отражают взаимоотношения между ЯБМ и ее покупателями — другими крупными текстильными фабриками. Банк Рябушинских кредитовал сеть клиентов ЯБМ, предположительно, полагаясь больше на репутацию заемщика, чем на конкретные сделки. Среди вексе-

ладельцев ЯБМ в октябре 1912 г. значатся семь достаточно крупных текстильных предприятий: Товарищество мануфактур «Наследники Н. М. Полушина» (Иваново-Вознесенск) — 210 000 руб. кредита; Товарищество мануфактуры сыновей Т. Кацепова (Бронницкий уезд Московской губернии) — 182 000 руб.; Товарищество мануфактур «Братья Каулен и Кост» (Спасская бумаго-ткацкая фабрика, Клинский уезд Московской губернии) — 126 000 руб.; Товарищество «Наследники Н. М. Бардыгина» (Егорьевск, Московской губернии) — 83 000 руб.; Товарищество мануфактур И. Залогина и С. Швецова (Суздальский уезд, Владимирской губернии) — 70 000 руб.; Товарищество мануфактур И. В. Небурчилова с сыновьями (Шуя, Владимирской губернии) — 66 000 руб.; Торговый дом «Братья Малаховы» (текстильная фабрика в Нерехтинском уезде Костромской губернии) — 30 000 руб.

Кредитование крупных сделок встречается еще у двух предьявителей в октябре 1912 г.: у шерстяного оптовика Альфреда Гозера и у Товарищества В. Е. и А. Ясюнинских (текстильная фабрика в Шуе). Альфред Гозер в октябре 1912 г. предьявил к учету 25 векселей на сумму 200 080 руб. Из них 22 векселя на общую сумму 185 470,85 руб. можно отнести к крупным сделкам, из них: Товарищество Фряновской шерстяной мануфактуры — 107 000 руб., Товарищество Купавинской суконной мануфактуры — 40 455,17 руб., Торговый дом «Вдовы Е. Жучковой сыновья» — 38 015,68 руб.

Среди векселей Товарищества В. Е. и А. Ясюнинских встречаются векселя мелких покупателей, 100 000 руб. промышленного кредита под векселя самих Ясюнинских и еще 5 векселей на сумму 16 700 руб. были подписаны И. А. Ясюнинским. Всего в октябре 1912 г. товарищество предьявило к учету 44 векселя на сумму 141 700 руб., из которых 82 % от общего объема сделок приходится на крупные сделки.

Однако наибольшее количество учтенных в октябре 1912 г. векселей относится к мелкому кредитованию. Так, Товарищество Окуловских писчебумажных фабрик (бывш. Товарищество «В. И. Пасбург») предьявило 167 векселей со средней валютой 604,61 руб. В основном клиентами товарищества были издательства и типографии.

14,7 % от общего объема вексельного кредитования в октябре 1912 г. пришлось на еще один интересный прецедент: Варшавский промышленный банк переучел у Рябушинских свой портфель мелких векселей. Таким образом, это пример межбанковского кредитования, при котором используется вексельный материал,

полученный при вексельном кредитовании первого типа, т. е. при кредитовании мелких покупателей.

Таким образом, сравнение первых «пятерок» предъявителей в октябре 1910 г. и октябре 1912 г. показало, как заметно расширилось кредитование в банке Рябушинских за два года: банк фактически восстановил и укрепил позиции, утраченные к концу 1910 г. Возросло количество предъявителей (с 11 до 29), увеличились объемы кредитования (с 249 296 руб. до 2 205 170 руб.). Доля крупного кредитования в сделках «пятерок» по-прежнему оставалась достаточно большой (55 % в 1910 г. и 70 % в 1912 г.). Тем не менее резко возрастает количество мелких векселей, принятых к учету: если в октябре 1910 г. среди пяти крупнейших предъявителей было зафиксировано 235 таких сделок, то в октябре 1912 г. их количество увеличилось до 838, т. е. в 3,6 раза.

*Средняя валюта, срок, география векселей
и отраслевой состав клиентуры по вексельной операции*

Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют рассмотреть вопрос о *средней валюте векселя*, который был затронут И. Ф. Гиндиным в работе «Русские коммерческие банки»: В ней автор пишет, что средняя валюта векселя в московских банках колебалась между 800 и 1700 руб.³² По нашим расчетам, средняя вексельная валюта для банка Рябушинских (905 руб. — 1690 руб.) практически в точности повторяет диапазон, указанный И. Ф. Гиндиным (табл. 6).

Таблица 6

**Средняя валюта векселя в банке Рябушинских
(по векселям крупнейших предъявителей в апреле 1910 и 1913 гг.,
а также в октябре 1910 и 1912 гг.)**

Месяц и год	Средняя валюта векселя, руб.
Апрель 1910 г.	1683,70
Апрель 1913 г.	1462,09
Октябрь 1910 г.	905,40
Октябрь 1912 г.	1685,86

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90, 120, 234, 313.

Однако по результатам анализа вексельных книг Рябушинских стало понятно, что разброс по валюте векселей составляет от 35 руб. до 70 000 руб., что говорит о крайней условности понятия «средняя валюта векселя». Как уже говорилось, вексельное кредитование подразумевает два типа отношений: во-первых, сбытовые сети крупных предприятий и торговых фирм, состоящие из мелких клиентов, и, во-вторых, крупное кредитование промышленников, в котором доверие банка личности клиента превалирует над сделкой. Если оценить среднюю валюту векселя в мелкооптовых сбытовых сетях (кредитование первого типа), она будет сопоставима с европейской. А в сетях крупного кредитования будет уместнее рассуждать не об отдельном векселе, например, одной фабрики, а о средней сумме всех векселей, выписанных ею за период времени, т. е. об общей сумме полученного кредита.

В работе «Русские коммерческие банки» И. Ф. Гиндин по отчетам Волжско-Камского банка анализирует *сроки векселей* в России и условно разделяет их на 4 группы: до 3 месяцев, от 3 (включительно) до 6 месяцев, от 6 (включительно) до 9 месяцев и более 9 месяцев (но это исключения). По мнению автора, на векселя сроком от 3 до 6 месяцев приходится 50 % всех принимаемых к учету векселей в России. Чуть более 30 % от всех учитываемых составляют векселя сроком от 6 до 9 месяцев, в то время как векселя сроком до 3 месяцев составляют менее 20 % от всех векселей³³. Для нашего исследования информация о сроках векселей была взята только за 1910 г. (апрель и октябрь), т. е. в начале экономического подъема.

Вексельные сроки в книгах указывались по дням, однако для сравнения с разработками И. Ф. Гиндина представленные сроки векселей были разбиты на 4 группы: до 3 месяцев, от 3 до 6 месяцев, от 6 до 9 месяцев и более 9 месяцев. Результаты подсчетов приведены в табл. 7.

Для банка Рябушинских статистика сроков векселей по месяцам выглядит иначе, чем в работах И. Ф. Гиндина. Более 70 % учтенных векселей в апреле и октябре 1910 г. было выписано на срок от 6 до 9 месяцев. К группе векселей сроком от 3 до 6 месяцев (по мнению И. Ф. Гиндина, наиболее часто встречающийся срок в России) принадлежало всего 16 % векселей в банке. Практически столько же векселей (11 %) было выписано на срок от 9 месяцев и выше. И лишь 2 % векселей (вместо предполагаемых 20 %) были сроком до 3 месяцев.

Сроки векселей по месяцам (по данным за апрель и октябрь 1910 г.)

Срок векселя, в месяцах	Количество векселей	% от общего числа векселей за период	% по И. Ф. Гиндину
До 3 месяцев	9	1,5	20
От 3 до 6 месяцев	94	15,6	50
От 6 до 9 месяцев	431	71,5	30
От 9 месяцев и выше	69	11,4	—

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90, 120.

И. Ф. Гиндин объяснял большую (по сравнению с Европой) длину делового цикла в России ее экономической отсталостью: преобладанием торговли сельскими товарами над промышленными, неразвитостью организационных форм торговли, слабой железнодорожной сетью и т. д.³⁴ Тем не менее стоит также подчеркнуть, что под формой вексельного кредитования встречались и крупные кредиты бизнесу, которые могли быть переписаны на новый срок.

Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют изучить кредитную клиентуру банка Рябушинских с точки зрения *регионального распределения*. Для этого из вексельных книг за апрель и октябрь 1910 г. была взята информация о месте платежа. К сожалению, четкого определения для этого термина найти не удалось, однако в одном из дореволюционных пособий было сказано, что чаще всего в этом поле указывалось то место, в котором был составлен вексель: «Местом платежа по векселю считается место составления, если векселедатель... не указал другого места для платежа»³⁵. Более того, «вексель должен быть предъявлен к платежу там, где плательщик имеет возможность его произвести, т. е. там, где находится его касса, где сосредоточены его дела...»³⁶. Таким образом, можно считать, что в графе «Место платежа» указан город, где клиент ведет свою предпринимательскую деятельность. В вексельной книге указывались именно города, а также предприятия (заводы) и ярмарки, но в нашем исследовании сведения обобщены до уровня губерний.

Большинство кредитных сделок заключалось в Москве (178 сделок) и Санкт-Петербурге (40). Наибольшее число клиентов банка находилось в европейской части России: здесь было зафиксировано 442 сделки из 603, т. е. 73 %. Особенно можно

выделить такие губернии, как Екатеринославская (28 сделок) и Пензенская (23 сделки). Большая доля векселей приходилась на Среднюю Азию, включая Бухарское ханство. В этом регионе было зафиксировано 45 кредитных сделок из 603 (т. е. 7,5 %). Такое же число сделок (44) было заключено в Кавказском регионе. Здесь также находится и пятая по количеству сделок губерния — Бакинская (22 сделки). В Сибири банк почти не имел клиентов: место платежа в этом регионе встречается всего 9 раз. Что касается особых административно-территориальных единиц Российской империи, то сделок в них практически не совершалось: на долю Царства Польского приходится всего 7 сделок, в то время как в Великом княжестве Финляндском клиентов и вовсе не было. Отдельно стоит отметить, что 56 сделок (или 9,3 %) приходится на иностранные государства, а именно: на Румынию (46 сделок), Китай (6 сделок), Францию (2 сделки) и Норвегию (1 сделка).

Рассматривая кредитную клиентуру с точки зрения ее отраслевой принадлежности, И. Ф. Гиндин приводит в качестве примера Московский банк, который с самого начала создавался как банк, содействующий развитию текстильной индустрии³⁷. Однако по нашим данным есть возможность уточнить вопрос о *сфере деятельности предьявителей банка*. Действительно ли в банке Рябушинских абсолютное большинство клиентов было представителями текстильной отрасли? Для того чтобы получить ответ на данный вопрос, были использованы дореволюционные справочные издания по фирмам и предпринимателям. В них была найдена информация о сфере деятельности 78 % предьявителей банка Рябушинских (46 клиентов из 60) в исследуемые месяцы.

Прежде всего рассмотрим, представители каких сфер деятельности пользовались кредитом в банке Рябушинских (табл. 8). Также стоит отметить, что количество сфер деятельности (80) выше числа фирм-предьявителей (60); это говорит о том, что некоторые предприятия являлись многоотраслевыми.

По табл. 8 можно увидеть, что среди клиентов банка были предприятия с различной специализацией: это и текстильное производство, и торговля, и химическое производство, и металлообработка, и многое другое. По данным табл. 8 можно сделать самую общую оценку, что из 80 заявленных специализаций клиентов так или иначе были связаны с текстильной отраслью только 25. Что же касается других специализаций, то в исследуемые месяцы выявлено 21 «нетекстильное» производство и 20 торговых специализаций, также не связанных с текстилем.

**Сферы деятельности предъявителей банка Рябушинских
(по данным за апрель 1910 и 1913 гг., октябрь 1910 и 1912 гг.)**

Сфера деятельности	Количество предъявителей
Банковское дело	1
Бумажно-полиграфическое производство	4
Деревообработка	3
Металлообработка	3
Нет данных	14
Обработка животных продуктов	3
Обработка минеральных веществ	1
Пищевое производство	2
Производство строительных материалов	1
Стекольное производство	1
Текстиль: производство	16
Текстиль: производство и торговля	3
Текстиль: производство оборудования	1
Текстиль: торговля	5
Торговля	20
Фарфоровое производство	1
Химическое производство	1
Всего сфер деятельности	80
Всего фирм	60

Рассчитано по: ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 90, 120, 234, 313; Акционерно-паевые предприятия России. М., 1912; Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914; Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). СПб., 1912; Указатель торговых домов: Сост. по офиц. данным учреждений М-ва вн. дел / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1907; Справочная книга о лицах, получивших на 1892 год купеческие и промышленные свидетельства в Москве. М., 1892; Справочная книга о лицах, получивших на 1912 год купеческие и промышленные свидетельства по г. Москве (по 1-ой и 2-ой гильдиям). М., 1912; Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промышленные свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промышленные занятия. СПб., 1892.

Таким образом, работа с архивными данными показала, что банк Рябушинских нельзя в чистом виде считать банком-кредитором текстильной отрасли, ведь большая доля клиентуры приходится

также на другие сферы деятельности, хотя именно текстильная клиентура, как правило, была очень крупной, что делало ее особенно заметной.

Заключение

Работа с архивными материалами банка Рябушинских позволила уточнить, как на практике работало вексельное кредитование в дореволюционной России, а также дополнить ранее известную по учебникам банковского дела схему кредитования в форме учета векселей. Так, в учебных пособиях говорилось, что в России принимались к учету векселя с двумя подписями: должника и поручителя. На практике оказалось, что это были подписи предъявителя и векселедателя. Причем предъявитель сначала накапливал портфель векселей своих деловых партнеров, а уже после учитывал их в банке. Таким образом, в один день за предъявителем записывались несколько (иногда даже десятки и сотни) векселей.

В ходе работы с вексельными книгами удалось выявить два основных вида взаимоотношений, возникающих при операции учета векселей. Первый тип включает в себя кредитование мелких сделок по схеме «промышленник или оптовый торговец — его многочисленные средние и мелкие покупатели». Для данного вида кредитования характерны явное торговое происхождение сделки и небольшая дробная валюта (номинал) векселя (примерно до 1000 руб.). В таких случаях обнаружить какую-либо информацию в справочных изданиях о векселедателях не удавалось, что говорит о них, как о представителях мелкого и среднего слоев предпринимательства. Такие векселедатели не могли самостоятельно получить кредит в банке, а потому поручителем по их векселям выступал предъявитель, о бизнесе которого банк был хорошо осведомлен.

Второй тип клиентских сетей связан с кредитованием крупного бизнеса при помощи учета крупных целочисленных векселей (от 1000 руб., но часто от 10 000 до 70 000 руб.), в основе которых можно предположить не столько конкретную сделку, сколько кредит на доверии. Векселедателями в данном случае выступали крупные предприятия и известные купцы, информация о которых содержится в дореволюционных справочных изданиях. Поручителем по таким векселям, как и в первом случае, также фактиче-

ски выступал предъявитель, являвшийся деловым партнером векселедателя. Такие векселя могли переписываться на новый срок, как, например, векселя Товарищества «В. И. Пасбург», предъявленные к учету Товариществом мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями в апреле и октябре 1910 г. При анализе вексельных книг возникает предположение, что крупный кредит дробился на несколько векселей, которые по наступлении срока платежа могли быть частично оплачены, а частично переписаны на новый срок.

Особенности кредитования удалось проследить при помощи сравнения данных вексельных книг за апрель 1910 и 1913 гг., а также октябрь 1910 и 1912 г.

Сравнение весенних месяцев показало, что за три года экономического подъема в вексельном кредитовании произошли значительные изменения: объем кредитования вырос в 2,5 раза (с 461 тыс. до 1173 тыс. руб.), увеличилось количество предъявителей (с 13 до 33) и число учтенных векселей. При более подробном анализе данных о векселях пяти крупнейших предъявителей выяснилось, что доля крупного кредитования (второго типа) снижалась, а мелкого (первого типа) — росла. Количество мелких сделок увеличилось более чем на 60 %.

Существенно изменилась ситуация и в осеннем цикле. Если на октябрь 1910 г. приходится период сильного спада учетной операции в банке Рябушинских, то к октябрю 1912 г. объем кредитования увеличился почти в 9 раз (с 249 000 до 2 205 000 руб.), выросло также и число предъявителей (с 11 до 29). Доля крупных кредитов оставалась высокой — более половины всего учета, однако количество мелких векселей увеличилось с 235 до 838.

Таким образом, в течение периода 1910–1913 гг. возросли все показатели мелкого кредитования первого типа, в банк стали приходиться все больше мелких и средних предпринимателей, выступавших в роли покупателей товара крупных торгово-промышленных предприятий. Однако доля крупного кредитования по-прежнему оставалась значительной.

Выявление двух моделей учетной операции (мелкого и крупного кредитования) позволило уточнить точку зрения о крупной средней валюте российского векселя. Если И. Ф. Гиндин объяснял это явление отсталостью экономических отношений в России начала XX в., то, на наш взгляд, крупная валюта является следствием того, что в учете векселей большую долю занимало крупное кредитование. Разброс значений вексельной валюты в банке

Рябушинских колебался от десятков рублей до десятков тысяч рублей, в такой ситуации среднее значение является очень неточным показателем.

Анализ векселей в апреле и октябре 1910 г. по срокам показал, что наибольшее количество учтенных векселей было выписано на срок от 6 до 9 месяцев, т. е. векселя в банке Рябушинских были долгосрочными с точки зрения банковского дела тех лет. Наибольшее количество сделок приходилось на Москву и Санкт-Петербург; большинство клиентов банка находилось в европейской части России (более 73 % сделок).

В научной литературе за банком Рябушинских закрепились репутация «текстильного» банка, что отчасти обусловлено текстами самих Рябушинских. Однако проведенное исследование показало, что клиентура банка была очень разнообразной. «Текстильщики» по рассмотренным данным оказалось не более трети от всех клиентов разных специализаций, представленных в банке.

В заключение стоит отметить, что вексельное кредитование нуждается в дальнейшем изучении. В частности, техника кредитования крупных предприятий до сих пор неизвестна в деталях. Много вопросов возникает о специфике поручительства по вексельной операции. В вексельной схеме обычно была задействована группа предприятий и предпринимателей: предъявитель и его векселедатели. Эти группы заслуживают самостоятельного изучения, потому что это следы устойчивых деловых связей. В целом, дореволюционное вексельное кредитование оказалось более сложным и неоднородным явлением, чем предполагалось в начале исследования.

Примечания

¹ Более подробно об операции учета векселей можно прочитать в части первой данной статьи.

² Напр., см.: Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. Деньги. Пг., 1915. Батюшков Д. Д. Банки: Их историческое развитие, значение, операции и счетоводство. Владикавказ, 1905.

³ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948. Главы «Кредитование торговли» и «Промышленный кредит». С. 262–283, 284–317. Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма (1900–1917 гг.) // Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 282–365.

- ⁴ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 269, 275, 284, 297.
- ⁵ Там же. С. 301–302.
- ⁶ Там же. С. 266–267, 269.
- ⁷ Саломатина С. А. Модели коммерческих банков в Петербурге и Москве // Кредит и банки в России до начала XX века. С. 328–343. Саломатина С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М., 2004. С. 115–128.
- ⁸ Саломатина С. А. Коммерческие банки в России... С. 115–128.
- ⁹ Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003.
- ¹⁰ Морозан В. В. Крупнейшие торгово-банкирские дома Одессы XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 137–192.
- ¹¹ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1861–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 111–130.
- ¹² Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 261–274; Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма. С. 300–304; Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 29–68; Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 172–190.
- ¹³ Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма. С. 303–304.
- ¹⁴ Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. С. 190.
- ¹⁵ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁶ Саломатина С. А. Модели коммерческих банков в Петербурге и Москве. С. 342–343.
- ¹⁷ Архив включает и архив Банкирского дома братьев Рябушинских.
- ¹⁸ Вейцман Р. Я. Банковое счетоводство в связи с банковской организацией и техникой банковского дела. Одесса, 1914.; Видеман К. И. Банковая бухгалтерия. Ч. 2. Вып. 2–3. СПб., 1913; Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Теория и практика банковского дела. Пг., 1916; Вейденгаммер Ю. Баланс банка и система его операций. М., 1918;
- ¹⁹ Вейденгаммер Ю. Указ. соч. С. 77.
- ²⁰ Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Указ. соч. С. 58.
- ²¹ Там же. С. 100.
- ²² Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Указ. соч. С. 102; Вейденгаммер Ю. Указ. соч. С. 82.
- ²³ Вейденгаммер Ю. Указ. соч. С. 81.
- ²⁴ Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Указ. соч. С. 100.
- ²⁵ Видеман К. И. Банковая бухгалтерия. Ч. 1. Вып. 1. СПб., 1912. С. 67–70.
- ²⁶ Вейцман Р. Я. Указ. соч. С. 187.
- ²⁷ ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 164.
- ²⁸ Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Указ. соч. С. 97–112.
- ²⁹ Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки (1864–1914 гг.). Роль в экономическом развитии России и их национализация. М., 2011. С. 69–70.
- ³⁰ Вейцман Р. Я. Указ. соч. С. 12–13.
- ³¹ Там же, с. 12.
- ³² Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 265–266.

³³ Там же.

³⁴ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 263–264.

³⁵ Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Теория и практика. С. 61.

³⁶ Там же. С. 73–74.

³⁷ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 302.

А. С. Соколов*

Советские государственные займы в период новой экономической политики (1922–1928 гг.)

Мировой финансовый кризис, разразившийся в начале нового столетия, приведший к очередному витку инфляции национальных валют, и последовавшие за ним социальные потрясения заставляют задуматься о судьбе реформ в нашей стране. Задачи оздоровления отечественной денежной системы и стабилизации рубля естественным образом привлекают внимание к проблеме перехода от плана к рынку. Подобный опыт уже имел место после 1917 г., когда осуществлялся переход от планомерного регулирования и государственного вмешательства в народное хозяйство к многоукладной экономике, от принципов военного коммунизма к новой экономической политике. Переход страны к рыночной форме экономических отношений потребовал восстановления товарно-денежного обмена, налоговой системы и кредита. Однако в обстановке финансового кризиса денежно-кредитная политика первоначально рассматривалась большевиками сквозь призму классовой борьбы. Легализация свободного рынка и торговли воспринималась как один из этапов реставрации капитализма. Даже в рамках нэпа это восприятие брало верх и находило поддержку со стороны как партийно-государственного аппарата, так и значительных слоев населения. Такой подход ограничивал возможности экономического развития народного хозяйства, для успешного роста которого были необходимы сбалансированный бюджет и твердая валюта.

История становления и развития финансовой системы страны в период новой экономической политики — важный аспект экономической и политической истории 1920-х гг., связанный с осмыслением причин противоборства в высших эшелонах власти.

---

* Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии (Рязанский государственный радиотехнический университет).

Окончание Гражданской войны не стало тем рубежом, на котором оборвалась цепь военно-коммунистических экспериментов в стране. И экономика, и политика несли в себе черты предыдущего этапа. В руководстве партии существовало несколько группировок: одни отстаивали принципы рыночных отношений, другие выступали за их свертывание, третьи пытались объединить колеблющихся между этими группировками. Подобное обстоятельство не совсем учитывается в работах, посвященных истории нэпа в целом, что мешает созданию разносторонних представлений о реалиях нэпа, подлинных достижениях и провалах.

История развития системы советского государственного долга в 1921–1928 гг. не является новой темой для исследователей. Однако к этой проблеме преимущественно обращались экономисты, а не историки. В связи с этим вне внимания специалистов остались многие интересные аспекты: насколько замыслы реформаторов нашли свое воплощение в действительности, каковы были преобладающие мнения и позиции в области кредитной политики партийно-хозяйственного руководства, какой была реакция населения (и преимущественно провинции) на проводившиеся преобразования. Архивные документы, мемуары и периодическая печать того времени позволяют взглянуть на эту проблему по-новому.

После окончания Первой мировой войны многие европейские страны вступили на путь оздоровления своих национальных валют. Одним из инструментов санирования денежного обращения стал выпуск внутренних займов. В конце 1919 г. во Франции был выпущен 5 % заем на покрытие расходов по восстановлению хозяйства на сумму 4 млрд франков. В 1920 г. правительство Италии эмитировало 5 % выигрышный заем. Аналогичные меры были предприняты в Австрии и Чехословакии¹. Таким образом, форма внутренних займов получила широкое распространение в Западной Европе после завершения войны. Не осталась в стороне от этого процесса и Советская Россия. Известно, что 21 января (3 февраля) 1918 г. был издан декрет ВЦИК об аннулировании государственных займов. Принятым актом советская власть отказалась от какой-либо преемственности по части государственного долга. Она объявила о своем нежелании возвращать внутренним и внешним заимоателям капитальные суммы долга России и выплачивать проценты по нему. Одновременно правительство Ленина декларировало выпуск нового займа РСФСР с именны-

ми облигациями. Последние подлежали распределению среди малоимущих граждан взамен аннулированных государственных бумаг внутренних займов². Однако впоследствии правительство отказалось от этого намерения, и причитавшиеся малоимущим гражданам суммы были зачислены на текущие счета в банке или сберегательную книжку. Новый заем не был выпущен, причиной тому послужило резкое падение покупательной силы денег, особенно в условиях начавшейся Гражданской войны. В июне 1918 г. Г. Я. Сокольников, занимавший в то время пост члена Президиума ВСНХ, выступая на I съезде Совнархозов, предложил выпустить облигации процентного «Красного займа» при обмене старых денежных знаков на новые³. Однако эта идея не нашла поддержки среди партийно-хозяйственного руководства страны.

Финансовое положение страны в 1921–1922 гг. было крайне тяжелым. За девять месяцев 1922 г. дефицит государственного бюджета составил 43,4 % всех расходов. Он покрывался за счет выпуска быстро обесценивающихся советских знаков. Неотложность задачи восстановления хозяйства и преодоления глубокого экономического кризиса диктовала необходимость создания сбалансированного бюджета. Продовольственный кризис привел к росту цен. В январе они возросли на 145 %. Это повлекло за собой катастрофическое падение советского знака, что обесценивало денежные доходы государства. Объем находившейся в обращении денежной массы на 1 января 1922 г. составил 17 539,5 млрд рублей. По сравнению с 1920 г. бумажно-денежная масса возросла в 116 раз⁴. Рынок испытывал острую нужду в устойчивой валюте и сам начинал стихийно искать ее, выбирая непризнанные государством платежные средства — золото и иностранную валюту. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в сфере денежного обращения в 1922 г., народный комиссар финансов Г. Я. Сокольников указывал: «В Петрограде и Москве золото, серебро и иностранная валюта являлись единственным средством накопления. Это широкое наступление золота, серебра и твердой иностранной валюты шло на Центр концентрически со всех окраин. И в Москве золото и твердая иностранная валюта начинали уже входить в обращение, становиться средством расчетов не только в частной торговле, но даже между государственными и хозяйственными органами, которые, чем больше завязывали связь с окраинами и границей, тем больше в своей внутренней торговой политике должны были стремиться к переходу на устойчивую валюту»⁵.

В стране возникла острая социальная напряженность, вызванная подорожанием товаров, задержкой с выплатой заработной платы. Так, в информсводке ОГПУ, направленной в Политбюро ЦК РКП(б) в феврале 1922 г. указывалось, что в Орловской губернии настроение рабочих и служащих неудовлетворительное «в связи с ростом рыночных цен и несвоевременной выплатой жалования». Из Рязанской губернии сообщали, что настроение населения тяжелое в связи «с дороговизной»⁶.

Программа оздоровления финансовой системы, которую разрабатывал и осуществлял Наркомат финансов, руководимый Г. Я. Сокольниковым, предусматривала в качестве повышения доходов государственного бюджета развитие кредита и выпуск внутренних займов. По мнению руководителя Наркомата финансов, кредит, при условии правильного использования, является важным рычагом государственного регулирования хозяйства. Накопленный Россией до октября 1917 г. опыт по привлечению к подписке широких слоев населения давал возможность партийно-хозяйственному руководству рассчитывать на успех в проведении советских внутренних займов.

Идея восстановления отечественной кредитной системы детально обсуждалась среди беспартийных специалистов. Так, в 1922 г. профессор И. Х. Озеров писал в журнале «Экономист», что без внутреннего кредита невозможно изъять лишние кредитные билеты⁷. В феврале 1922 г. в Наркомат финансов на имя Сокольникова поступила записка от некоего Д. Левенсона с предложением выпуска первого Всероссийского народного внутреннего выигрышного займа. Данная мера, по мнению автора проекта, должна была привести к изъятию из денежного обращения 2 трлн руб. Свое вознаграждение Д. Левенсон определял в $\frac{1}{8}$ от вырученной суммы займа⁸.

Идея выпуска облигаций внутреннего займа, выраженного в хлебных единицах, рассматривалась в Особом совещании Добровольческой армии генерала А. И. Деникина⁹. Однако эта мера не получила воплощения в жизнь. Вновь к этой идее обратились уже большевики весной 1922 г., когда население страдало от голода из-за засухи, охватившей страну. В 1922 г. неурожай поразил Московскую, Петроградскую, Омскую, Пензенскую, Нижегородскую, Курскую и Тамбовскую губернии с общим населением в 13 781,3 тыс. человек.

В Госплан из Центральной комиссии помощи голодающим ВЦИК поступил проект выпуска облигаций займа, обеспеченных

хлебом из фондов государства. Этот проект активно поддержал член президиума Госплана С. Г. Струмилин. Среди экономистов в начале 1920-х гг. велась дискуссия по вопросу о стабилизации рубля. Струмилин считал, что запас любых товаров может служить для извлечения из оборота излишней массы денег. Денежную единицу, опирающуюся на запас товаров, он называл товарным рублем. По мнению ученого, облигации хлебного займа должны были служить прообразом товарного рубля. «Если опыт первого хлебного займа подтвердит наши предположения... если путем дальнейших кредитных операций нам более или менее успешно удастся покрыть наш бюджетный дефицит, то тем самым и советский рубль впервые встанет на путь решительного оздоровления», — писал Струмилин¹⁰. Такая точка зрения имела двойственный характер: с одной стороны, попытка натурального обеспечения рубля свидетельствовала о сохранении суждений эпохи военного коммунизма. С другой стороны, выпуск облигаций хлебного займа был первым опытом создания твердой валюты, предшествовавшей внедрению в обращение банковского билета (червонца). Острая нехватка необходимых жизненных средств в сочетании с экономической блокадой Советской России диктовала необходимость исчисления займа именно в хлебных единицах. С критикой в адрес проекта, предложенного Струмилиным, выступил Сокольников. Он подчеркивал, что данный проект вырос из замысла создать хлебные деньги. «Наркомфин, вопреки всем поощрительным наставлениям т. Струмилины, пойдет... не по пути хлебной валюты, но пути развития внутреннего кредита, а не прудонистской игры в стабилизацию», — писал Сокольников¹¹.

На необходимость выпуска внутреннего займа в целях урегулирования денежного обращения указывал профессор П. П. Гензель. Выступая на совещании в Наркомате финансов в марте 1922 г. он отмечал, что «совершенно не безнадежна при известных условиях возможность стабилизации рубля»¹².

Выпуску хлебного займа предшествовал обмен мнений в руководстве РКП(б). В. И. Ленин в письме к Сокольникову в мае 1922 г. назвал проект займа самообманом. «Мне сдается, следует, наоборот, заключить, что это ухудшит наше положение, добывая эмиссию, т. е. толкая спекулятивный рынок к той самой мере борьбы против нас, которую он так успешно применяет»¹³. В ответном письме Владимиру Ильичу Сокольников писал, что проект займа преследует две цели: сократить количество вновь выпускаемых денег и извлечь из обращения часть выпущенных денег.

Он указывал: «Без внутреннего кредита, опирающегося на происходящий в стране процесс мелкого накопления, вести денежное государственное хозяйство мы вообще не сможем. (Даже капиталистические государства без него обойтись не могут, а уж мы и подавно без этого из дыр не вылезем.) Заем перекидывает посредством кредитной операции мост с конца весны голодного года на осень года, обещающего быть благополучным»¹⁴. Выступая в печати по поводу разъяснения целей хлебного займа Сокольников писал: «Проект Наркомфина представляет собой заем под еще не наступивший урожай, он стремится взять ценности до урожая и отдать их после урожая, из этого урожая»¹⁵.

Проект внутреннего хлебного займа был направлен членам Политбюро ЦК РКП(б), которые поддержали идею его выпуска. Так, А. И. Рыков отметил, что заем гораздо целесообразнее эмиссии. В свою очередь Сталин написал: «Читал. Думаю, что т. Сокольников не так не прав»¹⁶.

Спустя несколько дней коллегия Наркомата финансов одобрила проект выпуска хлебного займа, а 20 мая было опубликовано соответствующее постановление ВЦИК. Заем носил долгосрочный характер. Он был рассчитан на восемь месяцев и произведен на 10 млн пудов хлеба. На облигациях займа значилось определенное число пудов хлеба. Приобретая облигации за деньги, ее держатель мог получить при погашении обозначенное на ней количество хлеба. Кроме того, облигации займа принимались в уплату натурального налога, могли свободно продаваться и закладываться, а также использоваться при погашении задолженности государства рабочим и служащим. Все это обеспечивало облигациям высокий спрос и устойчивость в качестве средства обращения и платежа. Подобная форма займа оказалась весьма удачной в период послевоенного голода и разрухи. В условиях натурализации хозяйственных отношений и стремительно обесценивающейся валюты хлебная единица была наиболее приемлемой для широких кругов населения, а связь займа с натуральным налогом делала его чрезвычайно актуальным¹⁷. Распространение займа возлагалось на Госбанк, но часть облигаций Наркомат финансов оставил за собой для покрытия задолженности рабочим и служащим.

Наркомат финансов предпринял широкую кампанию по разъяснению задач и целей займа среди партийных и хозяйственных работников. Выступая в июне 1922 г. на III сессии ВЦИК, Сокольников подчеркивал, что этот первый заем должен открыть

путь для дальнейших кредитных операций, а также поддержать промышленность и торговлю в летний период¹⁸. Позицию руководителя финансового ведомства активно поддерживал известный экономист, председатель финансовой секции Института экономических исследований, профессор П. П. Гензель. В докладе, сделанном на совещании финансовых работников, он указывал, что распространение хлебного займа среди широких масс представляется чрезвычайно важным. «Этот заем прокладывает мост в деле замены продналога натуралогом в денежной форме», — отмечал Гензель¹⁹. С лекциями, посвященными первому советскому займу, выступали многие специалисты в области финансов, профессора З. С. Каценеленбаум, В. М. Штейн, Д. П. Боголепов. Например, бывший министр Временного правительства, вступивший на путь сотрудничества с советской властью, А. Г. Хрущев указывал, что средства, вырученные от реализации займа, пойдут на развитие сельскохозяйственного кредита. В свою очередь профессор Ф. А. Меньков подчеркивал, что развитие системы внутреннего государственного кредита будет способствовать получению крупных заграничных займов²⁰. По мнению члена коллегии НКФ И. И. Рейнгольда, опыт хлебного займа должен был приучить население, в частности крестьянство, к советским займам²¹. В советской прессе публиковались лозунги, призывающие граждан активно подписываться на облигации первого хлебного займа: «Рабочий! Ты боролся на военных фронтах и голодал, поспеши купить хлебный заем и борись с хозяйственной разрухой сытым», «Крестьянин, покупая заем, ты уже вносишь продналог в казну государства. Осенью ты будешь спокоен».

Большевистское правительство рассматривало проведение хлебного займа как первый опыт восстановления государственного кредита в целях достижения сбалансированного бюджета. Партийно-хозяйственная элита рассчитывала на поддержку населения, в первую очередь крестьянства, при подписке на облигации займа.

Иную оценку первому советскому займу дали ученые-экономисты, оказавшиеся после Гражданской войны в эмиграции. Находясь вне пределов Родины, они продолжали внимательно следить за всеми шагами большевистского режима. Так, наиболее читаемая газета русских эмигрантов «Последние новости» писала, что хлебный заем — это новый финансовый трюк, выдуманный после неудачи внешнего займа, спекуляция на слове «хлеб» в голодной

стране. По мнению газеты, подпиской на облигации воспользовалась лишь небольшая часть крестьянства, а все остальные подвергаются взысканиям продналога советскими методами²². Аналогичную точку зрения выражал меньшевистский «Социалистический вестник». Экономический обозреватель Д. Далин в статье «Кризис нэпа» указывал, что хлебный заем увенчал собою финансовую тактику нэпа. В нем проявилась и страсть к капиталистическим словечкам, и в тоже время полная неспособность их разумного и выгодного осуществления²³.

Такая критическая оценка хлебного займа объясняется отчасти политическим неприятием кадетами и меньшевиками советского строя, хотя многие из них, оставшиеся в Советской России, принимали активное участие в разработке и практической реализации финансово-экономической программы большевиков. Тем не менее свободные от партийного давления ученые-экономисты за рубежом смогли сделать ряд наблюдений, имевших большое значение для осмысления противоречий нэпа.

Подписка на заем производилась с 1 по 23 июня 1922 г. Первоначально основными подписчиками на облигации займа были государственные тресты и потребительская кооперация. Например, Смоленское отделение Госбанка потребовало облигаций на сумму 25 тыс. пудов хлеба, Петрогубродком сообщил, что в губернии можно разместить 8 тыс. пудов, а Рыбинский губсоюз сделал заявку на 9 тыс. пудов хлеба²⁴. Промышленные предприятия, подчеркивая отсутствие у них денежных средств, шли на получение облигаций хлебного займа при условии обмена их на свои товары. В результате, как подчеркивалось в отчете финансово-экономического бюро НКФ за июнь 1922 г., размещение займа среди правительственных предприятий и учреждений являлось невыгодным, т. к. их денежные запасы не влияли на цены²⁵. Промышленные тресты сбывали полученные облигации в деревню, пытаясь устранить кризис в оборотных средствах.

Население предпочитало подписываться за наличные деньги, преимущественно на облигации в мелких купюрах, достоинством в 1, 3 и 5 пудов. Люди устали от нескончаемых тягот, от неразберихи и разрухи, которые не прекратились с окончанием Гражданской войны. Поэтому подписка на облигации хлебного займа встретила сдержанное отношение публики. Об этом свидетельствует дневник москвича Н. П. Окунева. В июне 1922 г. он писал: «Сильно рекламируется “хлебный заем”... Если случится опять

неурожай, то “денежки плакали” и облигации займа пойдут на за-
вертку селетки»²⁶. В это же время известный советский историк
С. Б. Веселовский писал в своем «Дневнике»: «Попытки получить
деньги за границей, как и следовало ожидать, кончилась неудачей.
Теперь — жалкое измышление хлебного займа, в котором следует
видеть не столько кредитную операцию, сколько попытки анте-
цепитировать продналог»²⁷. В обзоре политико-экономического
состояния РСФСР за июнь 1922 г., направленного большевист-
скому руководству, отмечалось, что в большинстве районов кре-
стьянство не знает о выпуске первого хлебного займа и не имеет
представления о его целях и выгодах²⁸.

Ситуация осложнялась тем, что до июля, пока цены на хлеб
стояли высокие, подписка на заем шла хорошо. Затем в июле и
в августе, под влиянием хорошего урожая и падения цен, реали-
зация почти прекратилась, а продажа облигаций рабочим и слу-
жащим, получавшим их в счет зарплаты, привела к массовому
недовольству последних. Сводки ГПУ, направленные Ленину,
информировали Политбюро ЦК РКП(б), что в большинстве гу-
берний подписка на заем осуществляется медленно. Из Курской
губернии сообщали, что сущность хлебного займа крестьянами не
уяснена, вследствие чего подписка проходит слабо. Неудача рас-
пространения займа объяснялась и отсутствием свободных денег
у крестьян. Так, в Нижегородской губернии бедняки были недо-
вольны, ввиду невозможности приобрести облигации из-за отсут-
ствия денег²⁹. В июне 1922 г. в связи с нехваткой денег было при-
нято решение о выплате облигациями государственного хлебного
займа половины задолженности по зарплате работникам учреж-
дений и предприятий, находившихся на госснабжении³⁰. Эта мера
привела к росту недовольства среди рабочих и служащих.

Несогласованность в действиях центральной и местной власти
привела к затруднениям в реализации хлебного займа. В письме
Архангельского губкома, направленного Сталину, подчеркива-
лось, что распространение облигаций грозит подрывом доверия
к первому предприятию советской власти в области финансов,
осложнением на местах — небывалой спекуляцией и неплатежеспо-
собности местных отделений Госбанка³¹. Сталин никак не отреаги-
ровал на это тревожное сообщение. Он не обладал достаточными
знаниями в сфере денежного обращения. Любопытно отметить,
что ни на XI, ни на XIII и XIV съездах партии, а также пленумах
ЦК, когда обсуждалась и разрабатывалась финансовая политика

нэпа, Сталин, в отличие от своих соратников Сокольников, Преображенского, Каменева, Пятакова, Рыкова, ни разу не выразил своего мнения по этому вопросу. Живучесть предубеждения против государственных займов и скептицизм по поводу способности советского правительства с успехом разместить их, нашли свое отражение на заседании сессии ВЦИК, которая одобрила хлебный заем: Сокольников привел пример из истории Французской революции, чтобы доказать, что невыполнение обязательств в прошлом не исключает возможности проведения внутренних займов³². Ситуация изменилась осенью 1922 г., когда начался сбор продналога. Это объяснялось тем, что облигации хлебного займа принимались в его уплату, и население активно воспользовалось этим правом. По мере того как крестьянство убеждалось в преимуществах внесения налога облигациями, со стороны деревни появился всевозрастающий спрос на хлебный заем. По данным информационных сводок ГПУ, крестьяне из далеких губерний приезжали в Москву за облигациями для того, чтобы не сдавать продналог натурой³³. Похожая картина наблюдалась и в провинции. Рязанская газета «Рабочий клич» сообщала, что за последнее время в связи с уплатой продналога в губпродкоме находятся целые толпы крестьян, приезжающих из деревень за покупкой облигаций хлебного займа³⁴. По сообщениям прессы в тех губерниях, где было мало хлеба, облигации займа усиленно предъявлялись крестьянами. Напротив, где с урожаем хлеба ситуация была лучше, облигации займа предъявлялись для погашения достаточно пассивно³⁵.

Хлебный заем имел крупный успех. К оплате натурой было предъявлено облигаций лишь на 2 млн пудов, в оплату налога облигаций поступило на сумму 6,3 млн пудов³⁶. Благодаря хлебному займу удалось сократить денежную эмиссию на 38 млн рублей. Благополучный результат первого советского займа имел отклик за границей. Известный норвежский филантроп Ф. Нансен, посетивший СССР в январе 1923 г., опубликовал статью в 12 европейских газетах. «Опыт ржаного займа является интересным примером совершенно нормальных финансовых операций, которое повело Советское правительство», — писал он³⁷. В справке о деятельности Наркомфина РСФСР, датированной ноябрем 1922 г., подчеркивалось, что выполнение обязательств по первому хлебному займу «произвело самое благоприятное впечатление на население, что, несомненно, хорошо отразится на успехе предстоящих кредитных операций»³⁸.

В феврале 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) был обсужден вопрос о подготовке к выпуску нового натурального займа³⁹. Месяц спустя на основании постановления ВЦИК и СНК был выпущен второй хлебный заем на сумму 100 млн пудов ржи. Объясняя значение этой меры, Сокольников указывал, что главной задачей, которая имеется при выпуске займа, является: путем краткосрочной кредитной операции сократить выпуск дензнаков, которое приводит к обесценению рубля⁴⁰. Облигации второго хлебного займа принимались в уплату единого сельскохозяйственного налога, который мог вноситься и деньгами. Вторым хлебный заем был не только кредитной операцией, направленной на укрепление финансов страны, он имел еще громадное значение для сельского хозяйства. Так, начальник Валютного управления НКФ И. О. Шлейфер подчеркивал, что хлебный заем есть промежуточная ступень между уплатой единого сельхозналога, выраженного в ржаных единицах, и денежной оплатой его⁴¹. Таким образом, система денежных налогов позволяла ликвидировать натуральное обложение. Аналогичные суждения высказывал профессор Д. А. Лоевецкий, который полагал, что благодаря новому займу удастся значительно сократить эмиссию бумажно-денежных знаков⁴².

О том, какое значение руководство Наркомата финансов придавало выпуску нового хлебного займа, свидетельствует записка Сокольникова на имя руководителя Гознака А. Сванидзе, датированная февралем 1923 г. В документе содержалась просьба составить проект телеграммы всем исполкомам и финансовым отделам о необходимости энергичной работы по распространению займа в деревне. Сокольников писал: «В телеграмме можно указать, что 10 % от суммы займа, реализованной путем продажи в каждой губернии, будет отчислено на усиление местных финансов»⁴³.

На облигациях второго хлебного займа была изображена скульптура И. Шадра «Сеятель», что имело определенный идеологический подтекст. «Биржа сразу учуяла, говоря ее языком, “солидарность” хлебного займа. Козлиная заокеанская борода “дядюшки Линкольна” на желто-зеленой ассигнации и кряжистый торс сеятеля на синей облигации. Кто — кого!», — писали «Известия». Газеты того периода пестрели лозунгами, призывавшими население подписываться на новый хлебный заем. «Покупай облигации второго хлебного займа, если хочешь наладить свое хозяйство и иметь верную экономию при уплате налогов», — гласил один из них.

Провинция доброжелательно отнеслась к новому займу. 23 губернии направили в центр требование приобрести облигации на сумму 20 млн пудов ржи⁴⁴. Из Петрозаводска телеграфировали, что облигации хлебного займа распроданы и спрос на них неизменно растет. Аналогичные сообщения поступали из Бобруйска, Смоленска, Твери и других городов. Общая сумма реализации второго хлебного займа превысила номинальную и составила 101,4 млн пудов с общей выручкой 47,8 млн руб. Правительством предполагалась реализация хлебного займа не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. В Ганновере и Данциге была объявлена подписка на облигации второго хлебного займа⁴⁵. Однако о результатах этой кампании ничего не известно.

Погашение займа было осуществлено так: облигации на 84,1 млн пудов поступили в счет налога, на 10,1 — оплачены деньгами, на 6 — натурой, облигации на 1,2 млн пудов к погашению предъявлены не были⁴⁶. Сокольников, выступая в ноябре 1923 г. на IV сессии ЦИК СССР, отмечал, что вопреки всем пессимистическим предсказаниям, роль хлебного займа в этом году была громадной⁴⁷.

К числу натуральных займов можно отнести и сахарный заем на 1 млн пудов сахара-рафинада, выпущенный согласно постановлению ЦИК и СНК от 15 ноября 1923 г. Общая выручка достигла 10,9 млн рублей. Выпуск натуральных («хлебные», «сахарный») краткосрочных займов сыграл большую роль в развитии внутренней торговли, восстановлении товарооборота между городом и деревней. Крестьяне, покупая облигации этих займов, сохраняли свои деньги от обесценения, поскольку их стоимость была выражена в пудах ржи, сахара. Уплачивая продналог облигациями, они получали дополнительные выгоды, в частности, не несли расходы на доставку продуктов в счет налога. Под влиянием успеха натуральных займов в сентябре 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о выпуске кукурузного займа на сумму 4 млн рублей⁴⁸. Однако эта идея не была реализована на практике.

В мае 1922 г. коллегия Наркомата финансов рассмотрела вопрос о выпуске железнодорожного займа. Было принято решение о нецелесообразности данной меры в связи с предстоящим выпуском банковских билетов (червонцев). «Дальнейший путь займов — это путь государственных займов в золотой валюте», — отмечалось в решении коллегии НКФ⁴⁹. Вместо облигаций железнодорожного займа был выпущен краткосрочный заем Наркомата

путей сообщения в форме транспортных сертификатов на сумму 24 млн рублей сроком от девяти месяцев до года. Покупатели могли использовать их для оплаты поездок по железной дороге, в связи с чем эти ценные бумаги получили самое широкое распространение наряду с только что введенными червонцами. В сентябре 1922 г. Московский городской совет предложил выпустить долгосрочный 6 %-ный заем на сумму 25 млн золотых рублей. Однако решением Совнаркома эта идея была отклонена⁵⁰.

После того, как в октябре 1922 г. Госбанк начал внедрение новой валюты — червонца, частично обеспеченного золотом, необходимость в натуральных займах отпала. Осенью 1922 г. было объявлено о выпуске Первого выигрышного займа 1922 года на сумму 100 млн рублей золотом. Автором идеи выпуска данного займа был профессор П. П. Гензель, который, ссылаясь на опыт в осуществлении выигрышных займов, полагал, что такая мера приемлема и для России. В отличие от прежних займов, этот был долгосрочным, рассчитанным на 10 лет. Выкуп облигаций производился с 1 декабря 1928 г. в течение пяти лет посредством ежегодных тиражей погашения. Можно согласиться с мнением исследователя В. В. Страхова, что по своим эмиссионным характеристикам Первый советский выигрышный заем 1922 г. во многом воспроизводил выпускные условия выигрышного займа 1864 г.⁵¹ Выигрышный заем 1922 г. распространялся по отношению к частным торговцам и промышленникам в принудительном порядке. При уплате налогов они были обязаны покупать определенное количество облигаций. Обязательное приобретение облигаций займа было введено также для государственных и кооперативных предприятий. Стоит заметить, что в это время в Германии также происходило принудительное размещение золотого займа, на облигации которого юридические и физические лица были обязаны обменивать принадлежащую им иностранную валюту.

Реализация выигрышного займа намечалась не только на внутреннем денежном рынке, но и за границей. Как подчеркивалось в объяснительной записке для Совнаркома, составленной Сокольниковым и профессором Л. Н. Юровским, заем предполагалось разместить преимущественно в США и Канаде среди сочувствующих РСФСР кругов населения⁵². Все расчеты с держателями облигаций на иностранной территории производились в российской золотой валюте и долларах. В Германии был опубликован проспект этого займа. Однако серьезного развития данная форма

международного кредита не получила. Например, в 1923–1924 финансовом году от реализации выигрышного займа за границей предполагалось получить 50 тыс. руб., а фактически было выручено 5 тыс. руб.⁵³ Большевики полагали, что новый долгосрочный заем докажет кредитоспособность советского правительства, и это облегчит получение иностранных кредитов для страны. Сокольников, выступая на X Всероссийском съезде Советов, заявил: «Этот заем... связывает советскую власть с трудящимися масса-ми... только тот и поддержит этот заем, кто хочет поддержать советское правительство»⁵⁴. Руководитель комиссариата финансов указывал, что денежные средства, полученные от реализации займа, будут направлены на восстановление сельского хозяйства, усиление средств транспорта, поддержку тяжелой промышленности. По его мнению, рабочие и крестьяне поймут «необходимость поддержкой займа поддержать борьбу Советской России с международным банкирским капиталом и его правительствами»⁵⁵. Но несмотря на активную пропаганду, доказывавшую преимущества выигрышного займа, население скептически оценило новый шаг правительства. Сдержанность граждан в отношении долгосрочного займа объяснялась психологическим фактором, порожденным аннулированием дореволюционных займов.

По стране реализация выигрышного займа проходила пассивно. В справке Наркомфина, направленного в феврале 1923 г. в СНК, указывалось, что «размещение внутреннего выигрышного займа проходит удовлетворительно, но кампания во всероссийском масштабе находится только в самой предварительной стадии. Необходимо, чтобы на местах советские и парторганизации пошли с займом в деревню»⁵⁶. Противоборство принципов военного коммунизма и нэпа привело осенью 1923 г. к возникновению «кризиса сбыта» и несбалансированности цен на товары. Результатом этого явилась массовая задержка жалованья и нехватка денег на местах. Весьма характерной представляется сводка ОГПУ, сообщавшая, что недовольство населения вызвало повсеместное постановление о выплате 10 % зарплаты облигациями золотого займа, причем в провинции этот процент значительно превышался. В Москве на большинстве крупных предприятий это предложение было отвергнуто и лишь на вторичных собраниях удалось провести соответствующие резолюции о подписке на облигации. На столичной фабрике им. Звонкова рабочие после вынесенного на общем собрании постановления о коллективной подписке на

заем обращались с просьбой вычеркнуть их из списков участников, говоря, что их обманывают⁵⁷. Не оправдали надежд обывателей и обещание больших выигрышей от погашения облигаций. Москвич Н. Окунев писал в своем «Дневнике»: «...начался тираж золотого выигрышного займа. У меня тоже были “шансы” в виде двух облигаций по 5 рублей... Получил их на службе. И большинство этих бумаг роздано россиянам таким же путем. На этот раз ни я, никто из знакомых не выиграли. Будем ждать сентября, тогда второй тираж»⁵⁸.

Трудности с размещением государственного выигрышного займа вызвали бурные дискуссии в Наркомате финансов. В июне 1923 г. руководитель Госбанка А. Л. Шейнман направил на имя заместителя наркома финансов М. К. Владимирова записку «О финансовом положении и очередных мероприятиях», в которой говорилось: «Опыт развития системы государственного кредита, как средства сбалансирования бюджета, также не дал сколько-нибудь положительных результатов. Для долгосрочного государственного кредита вообще нет у нас надлежащих условий, так как крупный частный капитал избегает помещения в государственные фондовые ценности, госпромышленность пока не имеет свободных денежных средств, городской пролетариат при ограниченных ставках зарплаты может принять в государственных кредитных операциях лишь очень слабое участие, а деревня до сих пор оторвана от денежного оборота страны». В целях улучшения финансового положения страны Шейнман предлагал в первую очередь добиться оздоровления денежного обращения⁵⁹. Напротив, Сокольников полагал, что развертывание системы кредита будет содействовать сокращению эмиссии бумажных денег и стабилизации рубля. В записке «Ближайшие перспективы и мероприятия финансовой политики», датированной июнем 1923 г., он указывал, что ближайшей задачей является проведение успешной кампании по реализации хлебного займа в деревнях и выигрышного займа в городах. Сокольников считал, что такие меры будут способствовать переходу «более и более от эмиссии-налога к эмиссии кредитной»⁶⁰.

В связи со слабым размещением золотого выигрышного займа в августе Политбюро ЦК РКП(б) на своих заседаниях несколько раз обсуждало вопрос о его реализации. При этом губкомам предписывалось добиваться через общие собрания коллективной подписки на заем в размере не менее 10 % всей заработной платы⁶¹.

В конце 1923 г. помощник начальника Валютного управления НКФ Д. А. Лоевецкий, подводя итоги реализации займа, писал, что благодаря выигрышному займу удалось сократить эмиссию денежных знаков на 20 %⁶².

В то же время принудительное размещение займа имело отрицательные последствия, в том числе для развития частной торговли. На них указывал член биржевого комитета Московской товарной биржи, представитель частной торговли А. Синелобов. Он оценивал общую сумму изъятия средств из торгового оборота в 30 млн золотых руб. На пагубность практики принудительного размещения среди населения золотого займа указывал сотрудник Госплана В. М. Смирнов. В записке, направленной в Политбюро ЦК РКП(б), он писал, что «превращение добровольного первоначально займа в принудительный надолго подрывает для нас возможность внутренних кредитных операций»⁶³. Принудительное размещение выигрышного займа вошло в противоречие с новой политикой в области государственного кредита.

* * *

Продуманная финансовая политика привела к тому, что в ноябре 1923 г. бюджет уже на $\frac{2}{3}$ обеспечивался налогами и доходами, а дефицит на $\frac{1}{3}$ покрывался кредитными операциями. Весной 1924 г. была завершена денежная реформа, давшая стране твердую валюту — червонец и казначейские билеты. Была оздоровлена финансово-кредитная система, опирающаяся на экономическую политику, направленную на подъем сельского хозяйства, промышленности, торговли, поддержания устойчивости рубля. Завершение денежной реформы открыло возможности для выпуска «Второго государственного выигрышного займа 1924 г.» и «Государственного восьмипроцентного внутреннего золотого займа 1924 г.». Второй выигрышный заем 1924 г. был выпущен на сумму 100 млн рублей золотом сроком на 5 лет. Облигации обеспечивали 6 % годовых и участвовали в тиражах выигрышей на общую сумму 7,5 млн руб. В объяснительной записке, составленной Юровским и управляющим особой частью госзаймов Вульфом, в связи с выпуском займа указывалось, что в создавшихся условиях наибольшую привлекательность имеет заем, дающий возможность выигрыша. «Поэтому и в текущем бюджетном году, — отмечалось в документе, — снова приходится остановить-

ся на выигрышном займе, уничтожив лишь наиболее крупные выигрыши в соответствии с определенно выраженным по этому вопросу мнением трудовых кругов населения»⁶⁴. Сначала заем размещался в обязательном порядке среди населения, но вскоре постановление правительства отменило обязательность «Второго выигрышного займа». Такая позиция правительства имела большое значение для оздоровления государственных кредитных отношений, активизации биржевых и банковских операций с процентными бумагами, повышения курса облигаций государства на внутреннем рынке. Для пропаганды выигрышного займа было решено использовать кинематограф. В 1925 г. на экраны Советского Союза вышел фильм «Закройщик из Торжка» режиссера Якова Протазанова. Картина была снята на деньги Наркомата финансов и пропагандировала покупку гособлигаций. Два года спустя Наркомфин профинансировал съемки еще одного рекламного фильма — «Девушка с коробкой» Бориса Барнета. Всплеск спроса на облигации не заставил себя ждать.

В контексте проводимой правящей партией курса «лицом к деревне» в 1924–1925 гг. были выпущены крестьянские выигрышные займы. Эти займы были призваны решить две задачи: антиципировать часть поступлений по сельскохозяйственному налогу и предоставить крестьянам возможность выгодно поместить часть своих денежных сбережений⁶⁵. Как отмечал сотрудник Валютного управления НКФ Л. Волин, выигрышный заем для крестьянства с налоговым обеспечением и выигрышами сельскохозяйственными машинами и инвентарем представляется весьма своевременной идеей⁶⁶. В свою очередь Сокольников связывал выпуск крестьянского займа с развитием государственного кредита, который, по его мнению, «сыграет огромную роль в деле дальнейшего укрепления всей финансовой системы рабоче-крестьянского государства, а вместе с тем и в деле подъема всего народного хозяйства»⁶⁷. Несмотря на то что крестьянские займы обеспечивали процентный доход и выигрыши, подписка на облигации среди населения шла туго. В одной из информационных сводок ОГПУ о положении в стране, направленной руководителям РКП(б), отмечалось, что сильное недовольство рабочих вызывает выдача заработной платы облигациями крестьянского займа⁶⁸. Анализируя ситуацию сложившуюся в системе государственного кредита, экономист С. Киселев в записке «О финансовой политике», направленной в

секретариат В. М. Молотова, подчеркивал, что «дефекты финансовой политики в области государственного кредита как средства покрытия бюджетного дефицита при крайне тяжелом общем состоянии нашего денежного рынка не внушают сколько-нибудь радужных надежд на возможность широкого его использования»⁶⁹. Несмотря на противоречия, возникшие в ходе реализации крестьянских выигрышных займов, они сыграли важную роль в привлечении сельского населения к системе внутреннего государственного кредита.

Новая политика в области государственного кредита и отсутствие методов принудительной реализации внутренних займов предопределили успех краткосрочного 5 %-ного займа 1925 г. Заем был выпущен на сумму 100 млн руб. Его отличительной особенностью было то, что он подлежал биржевой котировке, принимался в залог по ссудам и носил добровольный характер. Реализация займа производилась через кредитные учреждения путем публичной подписки. Он имел огромный успех, за шесть дней подписка на облигации займа составила свыше 50 млн руб.⁷⁰ Особое место в системе государственного кредита в период восстановления народного хозяйства занимал «Государственный внутренний заем хозяйственного восстановления 1925 г.», который был проведен на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1925 г. в целях содействия быстрейшему восстановлению промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, кооперации и кредита. Заем выпускался на огромную сумму — 300 млн руб. сроком на 4,5 года, в облигациях достоинством 10 тыс. руб.⁷¹ Реализация облигаций происходила исключительно в добровольном порядке. Сокольников подчеркивал, что «заем хозяйственного восстановления» является первым шагом в деле организации значительного долгосрочного кредита». Нарком финансов указывал, что данную кредитную операцию возможно провести без дополнительной эмиссии банкнот, в условиях оздоровления и расширения госбюджета⁷². Успеху займа должны были способствовать выгодные условия для подписчиков: 10 % годовых, облигации имели свободное обращение наравне с другими государственными ценными бумагами, котировались на фондовых биржах.

В период 1922–1925 гг. средства от займов составили 7,5 % доходов государственного бюджета⁷³. Это свидетельствовало о финансовом оздоровлении экономики и стабильности рубля.

Политика реализации принципов нэпа оказалась сложной и противоречивой. Восстановление торговой, рыночной формы экономической связи потребовало глубоких изменений в хозяйственной жизни страны. В 1920-е гг. политика и экономика представляли собой сложный клубок старых догм и новых подходов, попыток оставить в неприкосновенности принципы военного коммунизма и отбросить их, очистив дорогу рыночной экономике. Элементы хозяйственного либерализма совмещались с ужесточением внутривластного режима. Теоретики военного коммунизма постоянно следили за тем, чтобы «отступление» не зашло слишком далеко. Они настойчиво предостерегали от «перегибов» в реализации нэпа. Уже в 1924 г. в экономической политике появились тенденции, противоречащие первоначальным идеям нэпа. В деревне начинается нажим на зажиточную часть крестьянства, а в городе — политика «вытеснения» частного. К концу 1925 г. обнаружилось резкое инфляционное явление, которое было вызвано образовавшимся несоответствием денежных доходов населения и количеством товаров, поступающих на рынок, а также просчетами руководителей финансовой политики. В управлении государственной промышленностью верх берут тенденции к бюрократизации, что отрицательно сказывается на эффективности производства. Промышленность, приступившая в 1925 г. к широким капиталовложениям, потребовала расширения банковской эмиссии, что являлось инфляционным накачиванием денег в народное хозяйство. Это привело к перенапряжению кредитного механизма.

Полемика вокруг проблем соотношения плана и рынка, размеров эмиссии, возможностей кредитной политики сопровождалась обострением дискуссий и политического противоборства внутри правящей партии, что накладывало свой отпечаток на характер обсуждения и решения ряда экономических вопросов. После XIV съезда партии (декабрь 1925 г.), на котором Сокольников выступил с резкой критикой в адрес Сталина, он был снят с поста народного комиссара финансов. Ему на смену пришел Н. П. Брюханов, который не обладал политическим весом в партийных кругах. Именно с конца 1925 г. происходит отказ от «диктатуры финансов», провозглашенной в первые годы нэпа. Начинается новый этап в развитии системы государственного кредита, меняет-

ся характер и методы распространения государственных займов. Добровольность при подписке на облигации займов заменяется принуждением.

Партийное руководство рассматривало выпуск внутренних займов как один из источников для осуществления индустриализации. Выступая в апреле 1926 г. перед активом Ленинградской партийной организации с докладом «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии», Сталин заявил, что «задача улучшения нашей кредитной сети, задача поднятия авторитета кредитных учреждений в глазах населения, задача организации дела внутренних займов, несомненно, стоит перед нами, как очередная задача, и мы ее должны разрешить во чтобы то ни стало»⁷⁴. Вместе с тем генеральный секретарь ВКП(б), как видно из его записей, полагал, что немаловажным источником проведения индустриализации СССР станет не государственный кредит, а легкая промышленность. Находясь в одном из отпусков, Сталин сделал черновые записи плана своего публичного выступления: «Внутр. накоплений хватило, теперь уже не хватает — надо раздуть легкую [промышленность] как средство накопления»⁷⁵.

В июне 1926 г. постановлением советского правительства был выпущен «Второй государственный восьмипроцентный внутренний заем 1926 г.» сроком на 5 лет и 9 месяцев на сумму 100 млн руб. В беседе с корреспондентом «Финансовой газеты» профессор Лоевецкий отметил, что выпускаемый заем рассчитан главным образом на привлечение свободных средств, находящихся в частном хозяйстве⁷⁶. Об этом же он писал в записке, посвященной перспективам кредитной политики, направленной на имя Молотова. Лоевецкий подчеркивал необходимость сохранить принцип добровольности при размещении займов, а также идти по пути вовлечения частных средств в операции с займами⁷⁷. Однако, несмотря на широкую пропагандистскую кампанию в печати, подписка на облигации проходила среди населения неактивно. Причиной этого было отсутствие денег у основной массы граждан (крестьянства) вследствие расхождения между ценами на промышленные товары и предметы сельскохозяйственной продукции.

Возрождение государственного кредита, активное использование кредитных операций для решения бюджетных проблем и народнохозяйственных вопросов привели к образованию государственного долга, о динамике которого можно судить по следующей таблице:

Таблица 1

Виды и наименование государственных займов	Дата выпуска	Номинальная сумма займа, млн руб.	Остаток государственного долга на 1 октября, года, млн руб.				
			1922	1923	1924	1925	1926
А. Краткосрочные, денежно-натуральные			1922	1923	1924	1925	1926
Хлебный заем 1922 г.	20 мая 1922 г.	7,6 (10 млн пудов ржи)	2,5				
Хлебный заем 1923 г.	22 марта 1923 г.	47,8 (100 млн пудов ржи)		27,4	0,5		
Сахарный заем	15 ноября 1923 г.	10,9 (1 млн пудов сахара)			0,1		
Итого		66,3	2,5	27,4	0,6		
Б. Краткосрочные, денежные							
Платежные обязательства Центрокассы	7 февраля 1923 г.			38,1	48,7	77,5	78,6
Транспортные сертификаты	26 июля 1923 г.	24,0		0,3			
Пятипроцентный заем 1925 г.	23 февраля 1925 г.	10,0				10,0	0,1
Итого		34,0		38,4	48,7	87,5	78,7
В. Среднесрочные, денежные							
Первый крестьянский выигрышный заем	19 марта 1924 г.	50,0			37,7	46,3	0,5
Заем хозяйственного восстановления	14 августа 1925 г.	300,0					245,6
Второй крестьянский выигрышный заем	2 октября 1925 г.	100,0					82,0
Итого		450,0			37,7	46,3	328,1
Г. Долгосрочные, денежные							
Первый выигрышный заем	31 октября 1922 г.	100,0		51,9	98,9	98,9	100,0
Первый восьмипроцентный заем	15 февраля 1924 г.	100,0			26,5	64,7	71,5

Виды и наименование государственных займов	Дата выпуска	Номинальная сумма займа, млн руб.	Остаток государственного долга на 1 октября, года, млн руб.				
Второй выигрышный заем	16 апреля 1924 г.	100,0			33,3	69,8	51,2
Второй восьмипроцентный заем	4 июня 1926 г.	100,0					32,2
Выигрышный заем 1926 г.	3 сентября 1926 г.	30,0					
Итого		430,0		51,9	158,7	233,3	254,9
Д. Государственные, внешние							
Норвежский заем	15 ноября 1922 г.	0,3		0,3	0,3	0,3	0,3
Всего		980,6	2,5	118,0	246,0	367,4	662,0

Источник: Вавилов Ю. Я. Государственный кредит: прошлое и настоящее. М.: Финансы и статистика, 1992. С. 35–36.

Таким образом, в период возрождения государственного кредита долг увеличился с 2,5 млн руб. на 1 октября 1922 г. до 66,2 млн руб. в 1926 г. Начав кредитные операции с натурально-денежных займов, к концу 1924 г. государство имело дело только с ценными бумагами денежных займов.

Во второй половине 1920-х гг. правительством были выпущены три займа индустриализации 1927, 1928 и 1929 гг., гарантировавшие 6 % годовых и выигрыши. Их отличительной особенностью было то, что они размещались среди трудящихся посредством коллективной подписки с рассрочкой платежа. Это ограничивало свободу действия подписчиков, что выражалось в психологическом давлении на граждан в период подписных кампаний. Документы свидетельствуют, что люди в массовом порядке стали сбрасывать облигации займов. Этому способствовал фактор военной опасности, возникший в связи с нараставшей изоляцией СССР. Разрыв дипломатических отношений с Англией в 1927 г. привел к тому, что среди населения началась предвоенная паника. К лету 1928 г. положение в стране резко ухудшилось. Хлебные трудности вылились в эксцессы и погромы. Резкий протест населения вызвало принудительное распространение займов ин-

дустриализации. Московский учитель И. И. Шитц писал в своем дневнике в июле 1928 г.: «Ныне объявлено о 2-м займе индустриализации. И опять пойдет добровольно-принудительная подписка с “вызовами” друг друга на подписку и т. д.»⁷⁸ Размещение новых займов по предварительной коллективной подписке вызывало негативные настроения среди трудящихся. В письме, направленном Е. М. Ярославскому и Молотову, рабочий Думенко писал: «А сейчас заем индустриализации (коллективно). Пусть семья сдыхает с 40 и 50 рублей, а заем пиши, а не хочешь — дай письменное объяснение, почему, а потом на сокращение»⁷⁹. Сводки ОГПУ из Пензы сообщали, что «в займе индустриализации часть интеллигенции усматривает катастрофическое финансовое положение страны и приближающуюся гибель Советской власти»⁸⁰. Рост враждебности и агрессивности населения свидетельствовал о глубоком социально-экономическом кризисе, представлявшем угрозу для самого существования власти большевиков в СССР.

Высланные из столицы партийные оппозиционеры вели между собой переписку, в которой обсуждали основные проблемы развития общества, итоги и перспективы социалистического строительства. Так, видный партийный публицист Л. С. Сосновский писал в 1928 г. в «Бюллетень оппозиции» из Барнаула, т. е. с места ссылки, о произволе властей в сибирской деревне: «Карикатурная история с займом денежным вместо предполагавшегося займа натурального — свидетельство о бедности. Рассовывали этот заем по рабочим, по учителям, по бедноте»⁸¹.

Положение, возникшее вокруг государственного кредита, объясняется не только недостаточным развертыванием кампании по распространению займов. На ниве рекламы облигаций внутренних займов трудились лучшие творческие силы страны — плакаты Д. Мора и М. Черемных навеки остались в истории советской политической пропаганды. Герои романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» тоже участвовали в агитации Третьего крестьянского займа 1927 г. Вспомним путешествие концессионеров по Волге на теплоходе «Скрябин». Глубинная причина перенасыщения внутреннего рынка облигациями состояла в том, что с принудительным внедрением займов правительство постепенно отказывалось от основных положений новой финансовой политики в области государственного кредита. Конкретно это выразилось в игнорировании принципа умеренности в эмиссии новых государственных бумаг (за период 1925–1929 гг. было выпущено 8

займов), значительном снижении доходности займов для населения, оказании морального давления на граждан при подписке на облигации. Например, в период хлебозаготовок 1928 г. у крестьян принудительно изымалось зерно в счет подписки на заем восстановления крестьянского хозяйства.

Диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства привели к возникновению товарного голода, росту цен на продукты, колебаниям курса рубля. Обострились отношения между городом и деревней. По-прежнему остро стояла проблема безработицы, нехватки денежных средств для предприятий. Ограничение роли товарно-денежных отношений, свертывание элементов рынка в стране, абсолютизация плана способствовали введению карточной системы на продовольственные и промышленные товары, которых все равно не хватало. Ортодоксальных лидеров ВКП(б) отнюдь не устраивали объективные экономические возможности, с которыми приходилось считаться при определении темпов хозяйственного развития. Они полагали, что преимущества победившего пролетарского государства позволяют управлять всем народным хозяйством на плановой основе, подчиняя воле плана остальные экономические инструменты, включая деньги и кредит. Финансовое ведомство вынуждено было идти на увеличение масштабов кредитования вне зависимости от экономической обоснованности и целесообразности. Наркомат финансов и Госбанк стали превращаться в финансовые институты, использующие печатный станок в целях выполнения производственных программ государственными финансовыми ведомствами. Переход к новым принципам построения государственного кредита был осуществлен в ходе реформы 1931–1932 гг., после года «великого перелома», когда Сталин и его окружение приступили к проведению чрезвычайных мер.

* * *

Развитие системы советских государственных займов осуществлялось в контексте становления, развития и постепенного свертывания новой экономической политики. В период 1922–1925 гг., когда осуществлялись нэповские реформы, внутренние займы носили добровольный характер, обладали реальной доходностью. Свидетельством эффективности кредитной политики являлось увеличение сроков, на которые выпускались советские государственные займы. Если срок погашения первого хлебного займа

составлял всего восемь месяцев, то «Государственный заем хозяйственного восстановления» 1925 г. выпускался уже на 4,5 года. Период 1926–1928 гг. — пора постепенного свертывания принципов нэпа. В это время изменились методы распространения государственных займов. Принципы добровольности при подписке на облигации займов были заменены массированным психологическим и политическим давлением. Государственные займы периода новой экономической политики способствовали стабилизации финансовой системы, сокращению бюджетного дефицита, оздоровлению денежного обращения СССР.

Ситуация в современной России указывает на большие потенциальные возможности развития внутреннего кредита. Об этом свидетельствуют значительные денежные средства, сосредоточенные на руках населения. В связи с этим становится очевидной необходимость мобилизации государством финансовых накопленных граждан.

Примечания

¹ Вестник финансов. 1922. № 44. С. 13.

² История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. 1917–1932. М., 2002. С. 101.

³ Соколов Е. Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 — август 1918 г.). Рязань, 2008. С. 106.

⁴ Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 2008. С. 200.

⁵ Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1995. С. 173.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 64; Д. 2630. Л. 93.

⁷ Экономист. 1922. № 3. С. 76.

⁸ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 27. Л. 26.

⁹ Соколов А. А. Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения. Екатеринбург, 1920. С. 131. Глава финансового отдела в «Особом совещании при Главкоме Вооруженных сил юга России» М. В. Бернацкий указывал в августе 1919 г. на необходимость выпуска принудительного займа в целях оздоровления денежного обращения.

¹⁰ Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 66.

¹¹ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Том I. М., 2006. С. 267.

¹² Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 154.

¹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 178–179.

- ¹⁴ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 187.
- ¹⁵ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Том первый. М., 2006. С. 266.
- ¹⁶ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. С. 186.
- ¹⁷ История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. С. 282.
- ¹⁸ Вестник финансов. 1922. № 14. С. 3.
- ¹⁹ Вестник финансов. 1922. № 16. С. 22; Совещание финансовых работников Центрального района 9–11 июня. Стеногр. отчет. М., 1922. С. 10–14.
- ²⁰ Экономическая жизнь. 1922. 8, 25 июня.
- ²¹ Рейнгольд И. И. Основы финансовой системы СССР // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 59.
- ²² Последние новости. 1922. 23 июня.
- ²³ Социалистический вестник. 1922. 2 августа.
- ²⁴ Экономическая жизнь. 1922. 11, 22 июня.
- ²⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6328. Л. 89 об.
- ²⁶ Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1980. С. 544.
- ²⁷ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 // Вопросы истории. № 11/12. 2000. С. 66.
- ²⁸ «Совершенно секретно» Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 168.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2635. Л. 24; Д. 2636. Л. 99, 128.
- ³⁰ Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006. С. 168.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 336. Л. 111.
- ³² Цит. по: Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция 1917–1923. Т. 1–2. М., 1990. С. 675.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 296. Л. 40.
- ³⁴ Рабочий клич. 1922. 16 сентября.
- ³⁵ Экономическая жизнь. 1922. 27 октября.
- ³⁶ Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950). М., 1978. С. 125.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 801. Л. 7.
- ³⁸ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. С. 227.
- ³⁹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог: в 3 т. Т. 1. М., 2002. С. 206.
- ⁴⁰ Известия. 1923. 17 мая.
- ⁴¹ Известия. 1923. 23 июня.
- ⁴² Экономическая жизнь. 1923. 17 мая.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 27. Л. 21.
- ⁴⁴ Экономическая жизнь. 1923. 8 июня.
- ⁴⁵ Экономическая жизнь. 1922. 27 декабря.
- ⁴⁶ История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. 1917–1932. С. 284.

- ⁴⁷ Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. С. 140.
- ⁴⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог: в 3 т. Т.1. С. 243.
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 467. Л. 80.
- ⁵⁰ Экономическая жизнь. 1922. 14 сентября; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 467. Л. 103.
- ⁵¹ Страхов В. В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы // Вестник Рязанского университета имени С. А. Есенина. 2008. № 2. С. 62.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 529. Л. 37.
- ⁵³ Вавилов Ю. А. Государственный кредит: прошлое и настоящее. М., 1992. С. 34.
- ⁵⁴ X Всероссийский съезд Советов. 1922. Бюл. № 4. С. 140.
- ⁵⁵ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. I. С. 349.
- ⁵⁶ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. С. 278.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 179. Л. 12.
- ⁵⁸ Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). С. 571.
- ⁵⁹ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. С. 315.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 769 Л. 41.
- ⁶¹ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. С. 341.
- ⁶² Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. С. 504.
- ⁶³ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. С. 358.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 670. Оп.1. Д. 27. Л. 38.
- ⁶⁵ История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. 1917–1932. М., 2002. С. 286.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.
- ⁶⁷ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Том второй. М., 2006. С. 395.
- ⁶⁸ «Совершенно секретно» Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Т.2. М., 2001. С. 196.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 769. Л. 83.
- ⁷⁰ Государственные займы / под ред. А. В. Николаева. М., 1926. С. 10.
- ⁷¹ История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. 1917–1932. С. 289.
- ⁷² Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. II. М., 2006. С. 400–401.
- ⁷³ Ведута Е. Н. Государственные экономические стратегии. М., 1990. С.117.
- ⁷⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 8: 1926. Январь — ноябрь. М., 1948. С. 126.
- ⁷⁵ Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 57.
- ⁷⁶ Финансовая газета. 1926. 8 сентября.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 156. Л. 138–150.

⁷⁸ Шитц И. И. Дневник «Великого перелома». Париж, 1991. С. 42.

⁷⁹ Письма во власть 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов и др. М., 1998. С. 598.

⁸⁰ «Соввласть идет по ложному пути»: Великий перелом по сводкам ОГПУ // Земство. 1994. № 2. С. 82.

⁸¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 3–4. С. 16–18.

Ю. Б. Кочеврин*

Финансовые реформы 1930-х гг. и их последствия для развития денежной системы СССР

Введение

События советской истории 1930-х гг. продолжают привлекать внимание специалистов всего спектра социальных наук. Не все еще освещено, не все понято в этом бурном и трагическом десятилетии. Среди событий этого времени есть одно, вошедшее в историографию под названием «Кредитная реформа 1930 г.». Во многих отношениях это был переломный период советской истории. Под безжалостный бульдозер административного разгрома попала и сфера финансов. После кредитной реформы претерпели глубокие изменения как денежная система, так и государственные финансы. Все эти перемены были поставлены на службу командно-административной системы, бравшей на себя задачи централизованного управления экономикой.

В ходе исследования процессов становления кредитно-денежной системы «нового типа» исследователю приходится сталкиваться со значительными трудностями. Данные финансовой статистики, которые еще в 1920-е гг. были общедоступными, последовательно засекречивались. В годы после Второй мировой войны статистические ряды основных показателей денежного обращения, кредита и бюджета вообще исчезли из регулярных публикаций. Такие ключевые показатели, как денежная масса, индексы потребительских цен, дефлятор национального дохода стали не доступны для исследования.

Поэтому материалом для написания данной статьи послужили разнородные источники, отчасти это были статистические выклад-

---

* Кочеврин Юрий Бенцианович — доктор экономических наук (Институт мировой экономики и международных отношений РАН).

ки из советской литературы. В ряде вопросов пришлось опираться на мнения специалистов в сфере денег и кредита, работавших в советское время. Это был в высшей степени квалифицированный круг ученых. Несмотря на обязательный догматический налет соответствующей литературы, в ней содержались не зависящие от официальной идеологии суждения и теоретические конструкции. Большое значение имели мнения специалистов-практиков, работавших в банковском секторе советской экономики. Они зачастую говорили о том, что для большинства допущенных к сфере финансов было помечено грифом «секретно». И, наконец, буквально в последнее десятилетие вновь возник интерес к теме советской денежной системы как в отечественных, так и зарубежных публикациях, которые также были использованы при написании статьи. В целом же при разработке поставленной темы неоднократно пришлось столкнуться с проблемой, о которой в свое время прямо заявил один из пионеров нового прочтения советского опыта американский советолог Пол Грегори: «...реальные процессы функционирования административно-командной экономики были весьма сложными и остаются до сих пор недостаточно осмысленными»¹.

Общие соображения о роли денег при социализме

Известно отрицательное отношение теоретиков социализма к деньгам. Для марксистской науки денежная экономика не отделима от «товарного фетишизма», т. е. извращенного представления о действительности, маскирующего эксплуатацию человека человеком. Поэтому не удивительно, что первый опыт построения будущего коммунистического общества в Советской России сопровождался попыткой изъять деньги из общественных связей, заменить их чем-то более «управляемым». Известно, что эта попытка в период «военного коммунизма» поставила страну на грань хозяйственной катастрофы. Новые усилия если не уничтожить деньги, то подчинить их диктату «плана» были предприняты в «год великого перелома». Но и они не привели к желаемому результату. В 1934 г. коммунистическая партия на своем съезде, наконец, признала неизбежность существования денег и с трибуны съезда в определенном смысле «благословила» их использование².

Противники социализма прибегали к своей аргументации, также тесно связанной с денежными отношениями. Представляется

необходимым остановиться на одном принципиальном пункте этой аргументации, поскольку он имеет непосредственное отношение к обсуждаемой теме финансовых реформ в СССР. В системе социализма, указывали его противники, существует изъян, который невозможно компенсировать ресурсами адаптации. На него указал Л. Роббинс, своего рода гуру экономической мысли первой половины XX в. В своем споре с О. Ланге, который предлагал для социалистической экономики директивные, но гибкие цены (вычисленные по методу предельных издержек производства) в качестве способа придать ей конкурентный характер, Л. Роббинс, соглашаясь, что такой метод может быть использован, отмечает (имея при этом в виду социалистическое хозяйство):

«Руководители предприятий конкурируют друг с другом на рынках своей продукции. Они конкурируют друг с другом на рынках факторов производства. Но вряд ли можно предположить, что они могут быть свободны в выборе направления использования своего капитала... Можно ли представить себе, что они свободны преобразовать свой бизнес коренным образом, или стать торговцем вместо производителя, или стать производителем некоего нового блага? Могут ли они быть свободны закрыть свои фабрики в Ланкашире и начать дело в Японии? Все эти действия вполне возможны с деловой точки зрения. Но в реальности такого рода практика [при социализме] вряд ли мыслима»³.

Итак, хотя Л. Роббинс соглашается с Ланге по вопросу о возможности конкуренции в *советской экономической модели*⁴, в приведенной цитате он говорит об отсутствии в ней критериев для инвестиционной деятельности, что отражает *политическую конституцию* советской системы, которая опирается на запрет частной собственности.

Если бы инвестиционный ограничитель носил столь явный и непреодолимый характер, то это бы означало, что советская экономическая модель была обречена на гибель. Интересно, что первые исследования советского социализма экономистами консервативного направления (представители австрийской школы, к которым относится в первую очередь Л. фон Мизес⁵) именно это и предсказывали.

Но помимо этих двух противостоящих друг другу лагерей экономической науки был еще один, не получивший значительного влияния, тем не менее представленный авторитетными исследователями. Речь идет о направлении, которое рассматривало советскую экономическую модель как *разновидность рыночной модели*,

хотя и весьма специфическую. Основой этого подхода стало эссе социального философа Майкла Поланьи⁶. Он высказал мнение, что в плановом хозяйстве действует «принцип полицентризма» в управлении экономикой, который неизбежен во всякой динамической системе, включающей множество взаимодействующих, наделенных собственной инерцией частей. Любая большая экономическая система с выраженным разделением труда, полагал он, представляет собой полицентрическую структуру, развивающуюся спонтанно. С точки зрения Поланьи, пятилетние планы в СССР — это всего лишь разновидность социального ритуала, тогда как реально экономика развивается по законам полицентризма.

Подход Поланьи в 1970-е гг. был развит в работе американского экономиста П. Робертса. В ней автор решительно отвергает претензию марксистов на построение «планового хозяйства», сознательно и целенаправленно управляемого механизма экономического развития. Он отмечает, что единственная попытка построения экономики на последовательно нерыночном принципе — военный коммунизм — закончилась катастрофой. В дальнейшем сложилась полицентрическая система, которая в социалистическом хозяйстве выполняет те же функции, которые в товарно-денежном хозяйстве выполняет рынок. Государственная коммунистическая система налагала на это спонтанное полицентрическое регулирование тяжелое бремя «политических целей», что не меняло, однако, характер экономики как своеобразной разновидности товарного производства («...советская экономика производит товары точно так же, как и западная экономика...», — пишет П. Робертс⁷).

Уже в наши годы, в начале XXI в. эта позиция нашла поддержку в интересном исследовании П. Грегори, основанном на архивных материалах советской истории 1930-х гг.⁸ П. Грегори в своей книге рассматривает множество примеров сопротивления, которое рациональный экономический выбор оказывал на местах централизованным планам. Он находит поддержку этой трактовке в работе американского экономиста Р. Пауэлла, который, характеризуя функционирование советской экономики, отмечал: «...система могла на самом деле генерировать достаточно информации, чтобы быть “работоспособной”»...⁹

Советская экономика доказывала свою жизнеспособность на протяжении длительного периода, когда она не только демонстрировала успехи (в том числе и в сфере повышения уровня жизни

населения), но и вовлекала в свою орбиту другие страны. Но даже в период своего динамичного развития в условиях относительной стабильности (после 1934 г. до начала войны и после окончания войны вплоть до середины 1970-х гг.) советская экономическая модель была отягощена чертами автаркии, изолированности от процесса мирового научно-технического прогресса. Это означает, что в самой этой системе, даже в условиях политических ограничений, снижавших ее эффективность, были выработаны некие механизмы, придававшие ей устойчивость и сопротивляемость тому политическому давлению, которому она подвергалась. Данный парадокс, связанный с механизмами выживания и устойчивости советской экономической модели, требует внятной интерпретации.

Деньги в системе социализма

Чтобы подойти к объяснению этого парадокса, необходимо выделить в самой советской экономической модели те механизмы, которые отвечали за ее устойчивость и работоспособность. Для этого нужно принять во внимание, что советская экономика, как и всякая экономика индустриального типа с развитым разделением труда, не могла не носить денежного характера. Денежная система не может быть *рукотворной конструкцией* (подобно инженерным системам), и, коль скоро она существует, ее многосторонние проявления лежат вне человеческого произвола, как бы они назывались: плановое хозяйство, общественная собственность или коммунизм. Иными словами, на денежную систему можно воздействовать, лишь сообразуясь с ее *данностью*, и в этом отношении она подобна природным явлениям. В условиях социализма деньги оказались силой, которая неоднократно и недвусмысленно заявляла о необходимости с ней считаться.

Однако как раз функционирование денежной системы социализма во всем многообразии ее проявлений оказалось наименее изученной стороной экономики социализма. Отмеченное обстоятельство особенно бросается в глаза, если сопоставить литературу о денежных реалиях эпохи советского нэпа с литературой на тему финансов сложившейся социалистической экономики. Что касается денежной системы нэпа, тех реформ, которые были осуществлены в начале 1920-х гг., то соответствующая тематика получила широкое освещение как в специальной литературе, так и в публи-

цистике¹⁰. Можно лишь добавить, что и сегодня эта тема остается востребованной¹¹.

Иное дело финансы времен сложившегося социализма. Во всех исследованиях социализма эта тема отодвинута на задний план. Причем это одинаково касается как «буржуазной» советологии, так и советской литературы¹². А ведь начало 1930-х гг. ознаменовалось не менее масштабными реформами денежной, банковской и бюджетной системы, чем 1920-е гг. Правда, направление этих реформ было противоположным тому, что имело место в 1920-е гг. Нельзя сказать, что эти реформы вообще не получили отражения в специальной литературе. Но, во-первых, оно не было таким масштабным (по сравнению с другими аспектами социалистической экономики) и страдало многими пропусками в освещении *советского денежного хозяйства*. Во-вторых, в трактовке результатов и характера реформ 1930-х гг. господствовало мнение, что эти реформы привели к подчинению денежного хозяйства планированию, к превращению его в инструмент «плановой экономики».

Эта точка зрения фактически исключала денежную проблематику социализма из исследований, поскольку молчаливо предполагалось (причем не только советскими исследователями), что хотя деньги при социализме и сохраняются, но они подчиняются общим закономерностям планового хозяйства. Такая трактовка представляется совершенно неправомерной, поскольку денежное хозяйство на протяжении всей истории социализма оставалось наиболее конфликтной, наиболее чреватой дисбалансами и наименее управляемой сферой социалистической экономики. И наряду с этим денежная экономика социализма была фактором, который благодаря заложенному в ней сопротивлению плановому произволу выражал *собственно экономические* (а не политические) черты социализма.

Кредитная реформа 1930 г.

Что же произошло в 1930 г. в Советском Союзе, на что ни ученый мир, ни последующие историки не обратили сколько-нибудь серьезного внимания, но что оказало, без преувеличения, огромное воздействие на начинавший складываться экономический порядок, названный «социализмом в одной стране»¹³? Событием, о

котором идет речь, был выход в свет 30 января 1930 г. постановления ЦИК и СНК СССР со скромным названием «О кредитной реформе». В нем, в частности, говорилось:

«1. О замене в общественном секторе народного хозяйства товарного кредитования банковским.

Государственным органам... воспрещается отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит. Этот кредит заменяется исключительно банковским кредитованием.

...Государственный банк через свои филиалы кредитует непосредственно входящие в состав объединений и трестов предприятия»¹⁴.

В этом постановлении о деньгах и денежной системе ничего прямо не говорилось. И действительно, в отличие от реформ 1920-х гг. (и от последующих советских денежных реформ), имевшие хождение денежные знаки не отменялись и не заменялись другими¹⁵. И тем не менее, эта «кредитная» реформа и последовавшие за ней разного рода и разного уровня постановления коренным образом меняли денежную систему Советского Союза.

Это краткое постановление по своему прямому смыслу ликвидировало взаимный кредит между предприятиями и организациями, входящими в государственный сектор. Но его действие распространялось также и на все кооперативные формы собственности (согласно пунктам 4 и 5 постановления). Если же иметь в виду, что частного сектора к 1930-м гг. уже практически не оставалось, то это означало, что *взаимный кредит* как важнейший инструмент денежного хозяйства отменялся. В соответствии со специфическим советским словоупотреблением этот запрет квалифицировался как *замена* коммерческого кредитования прямым банковским кредитованием. Но это был лишь эвфемизм, маскирующий суть дела. В денежном хозяйстве разграничение между т. н. коммерческим и т. н. банковским кредитом носит условный характер, поскольку взаимный кредит между юридическими и физическими лицами составляет основу банковского кредита (через посредство учета векселей банками). Ликвидация этой основы по существу сужала возможности воздействия денежного хозяйства на экономику, те возможности, которые были выработаны капитализмом в течение многих столетий.

В советской литературе тогда и потом эта реформа характеризовалась как подчинение кредита задачам плана. В многотомной «Истории социалистической экономики СССР» так говорится об этой реформе:

«Необходимо было ликвидировать внеплановое распределение средств, их стихийный перелив из одной отрасли в другую по каналам вексельного кредита и обеспечить строгое планомерное использование имеющихся ресурсов» (отметим попутно, что стихийный перелив — это перелив ресурсов в более прибыльные отрасли, т. е. более востребованные конечным потребителем. — Ю. К.)¹⁶

Кстати говоря, в дальнейшем слово «вексель» стало обозначением чего-то враждебного социализму. Но без «векселя» нет «банковского кредита» в том значении, какое этот термин приобрел в отличие от простой денежной ссуды от одного лица — кредитора — другому лицу — заемщику. Вексель — это инструмент денежного обращения, изобретенный человечеством в незапамятные времена и послуживший основой *банковского дела*. Учет векселей банками привел к формированию процента как специфической «цены денег». В дальнейшем выпуск *банкнот* (специальных банковских денег) послужил расширению денежного обращения, придал ему дополнительную эластичность. Кредит постепенно из краткосрочного инструмента денежного обращения превращался в инструмент долгосрочного характера. Постановлением 1930 г. коммерческий кредит объявлялся вне закона.

Отступление: предыстория кредитной реформы

В начале предметного рассмотрения кредитной реформы 1930 г., до того как оценить степень ее воздействия на экономику страны, необходимо отметить одну ее особенность. Она состояла в том, что в условиях, сложившихся к 1930 г., принятие подобного постановления не было заранее обдуманным шагом действительного преобразования денежного хозяйства. Решение о ликвидации коммерческого кредита не опиралось на практику. Оно было навязано обстоятельствами¹⁷.

Что же это были за обстоятельства, которые сделали кредитную реформу неизбежной? Они вытекали из проблем реализации целого ряда обширных индустриальных проектов в 1927–1929 гг. В этот период были начаты стройки Сталинградского, Челябинского и Харьковского тракторных заводов, Нижегородского автомобильного, реконструкция Путиловского машиностроительного завода и строительство Уралмаша, строительство Турксиба и Дне-

прогэса. Возводились мощные металлургические комплексы: Кузбасс, Магнитка, Кривой Рог, Запорожье.

Все эти проекты, завершенные уже в 1930-е гг., стали со временем символом социализма. Но какова была *цена* этих проектов? Если ответить на этот вопрос коротко, то ценой было разрушение нэпа, т. е. той экономической модели, которая сложилась в Советском Союзе в 1920-е гг.¹⁸ Осуществление этих проектов выходило за рамки тех принципов *финансовой достаточности*, которые были положены в основу нэпа.

Расчеты Госплана по первому варианту пятилетнего плана (1929–1933) исходили из *принципа пропорциональности*, т. е. соответствия финансовых потребностей индустриализации финансовым ресурсам страны. Данный принцип был грубо нарушен новыми, исправленными проектами заданий пятилетки. Эти исправления и, следовательно, волевое ускорение индустриального строительства исходили от руководства партии, где признанным вождем уже стал И. Сталин.

После смерти Ф. Дзержинского во главе ВСНХ встал верный союзник Сталина В. Куйбышев. От него исходило постоянное давление на Госплан, Наркомфин и Государственный банк. В течение двух лет (1928–1929) неоднократно пересматривались планы капитальных вложений в тяжелую промышленность. Эти пересмотры происходили на фоне уже начавшихся политических репрессий, подготовивших Шахтинское дело и дело Промпартии¹⁹.

Вот лишь некоторые выдержки из книги английского историка Э. Карра о заключительных годах советского нэпа:

«В 28/29 г. капиталовложения в промышленность вдвое превысили уровень 25/26 г., когда они уже были на уровне — и даже выше уровня 1913 г. Кампания индустриализации была в полном разгаре».

«До 1927 г. в планировании господствовали контрольные цифры. Это была система всесторонней увязки промфинпланов трестов и предприятий с центральными наметками ВСНХ. Она не была всеохватной, оставляя значительные секторы хозяйства за скобками... Подчеркивалось значение пропорциональности и лимитов на уровне ресурсов, балансового обеспечения и т. д. Подчеркивалась самостоятельная роль госбюджета».

«В это время (до 1927–29 гг.) плановики еще рассматривали балансовые увязки в качестве базы для перспективного плана (В. Базаров, Р. Вайсберг). Возникла идея синтетических планов (В. Г. Громан) — увязка материально-технических и финансовых планов на базе сохранения рыночных параметров: цен и т. д.»

«Решение конца 1927 г. — перелом в подходе — в условиях недорода, нужд обороны и форсирования индустриального развития. Это выразилось в ликвидации продолжительных процедур согласования при определении контрольных цифр. Последовало предложение заморозить строительство в других отраслях для увеличения капиталовложений в тяжелую промышленность...»²⁰

Работники финансовых и плановых органов шли на уступки под давлением политического руководства, которое на глазах превращалось в про сталинское. Однако их согласие на увеличение планов капитальных вложений не увеличивало материальных ресурсов страны. Рост промышленной занятости требовал продовольствия, а оно перестало поступать из-за административного давления на заготовительные цены. Одновременно сокращался весь спектр малых предприятий в городах, поскольку материальные ресурсы по административным каналам уходили в масштабные индустриальные проекты. В 1929 г. — впервые после окончания гражданской войны — появились очереди за продовольствием. Попытка возобновления насильственных изъятий продовольствия у крестьян, предпринятая в 1928–1929 гг., окончилась неудачей. Именно эта неудача дала старт переходу к методам насильственной сплошной коллективизации сельского хозяйства.

К началу 1930 г. стало ясно, что на пути дальнейшего развертывания индустриализации и колхозного строительства встала неодолимая сила «рубля», т. е. финансовой системы страны, созданной в годы нэпа. Кредитно-денежные отношения, сформированные в эти годы, еще продолжали работать. Деньги и кредит через отделения Госбанка и специализированные банки уходили к надежным заемщикам. Происходило перераспределение ресурсов, административно предназначенных для индустриальных проектов. Люди предпочитали расходовать свои заработанные рубли не в очередях, а на теневом рынке, цены на котором катастрофически росли.

Первые последствия кредитной реформы — перестройка финансовой системы

Итак, к началу 1930 г. *программа индустриализации натолкнулась на сложившуюся денежную систему*. Именно в этот момент и было принято постановление о реформе кредита²¹. Оно ликвиди-

ровало огромную часть *денежного хозяйства*, ту его часть, где это хозяйство работало на конечный спрос. Ликвидировав взаимный кредит, это постановление лишило экономику механизма, посредством которого ее развитие шло в направлении потенциального потребительского спроса. На место потребителя было поставлено Государство, которое одно только и могло определять, что нужно стране.

Дело, однако, этим не ограничилось. Уже начальная практика применения нового законодательства привела к дезорганизации денежного хозяйства страны. Экспансия прямых банковских ссуд, выдаваемых «титульным» объектам, привела к вымыванию с еще существовавшего рынка не только материальных ресурсов производственного назначения, но и продовольственных ресурсов²². Предприятия и стройки, выделенные как «титульные» в пятилетнем плане, пользовались своей привилегией для получения банковского кредита, не подтвержденного обязательствами. Необеспеченные кредиты могли использоваться как для создания производственного запаса, так и для проникновения в кассовый оборот, поскольку строгих правил отделения кассового оборота от безналичного в этот период еще не существовало. Взлет капитального строительства в 1930–1931 гг. был обеспечен за счет лишения доступа к ресурсам всех непрофильных секторов экономики. В этот короткий период было завершено разрушение частного сектора в городах, тогда как на селе он был разрушен коллективизацией. Но ущерб был нанесен не только частному сектору, но и всей так называемой легкой промышленности. Перекос экономических пропорций в пользу так называемой группы А создал условия для последующей неконтролируемой денежной эмиссии, что привело в результате к взрывному росту розничных цен в первой половине 1930-х гг.²³

Итак, на фоне экспансии капитального строительства и перекачки в эту сферу всех материальных ресурсов, включая продовольственные, пришлось срочно принимать меры, дополняющие кредитную реформу. Дополнение к постановлению о кредитной реформе было опубликовано уже в середине 1930 г., т. е. спустя непродолжительное время после главного документа. Оно ставило под запрет так называемое безакцентное банковское кредитование. Теперь прямой банковский кредит был обусловлен фактом отгрузки уже произведенной продукции, подтвержденным готовностью заказчика принять ее (акцептом)²⁴.

Постановление об ограничении прямого банковского кредита было *шагом в направлении дальнейшего отделения налично-денежного оборота от безналичного.*

Но и этого оказалось недостаточно. В условиях сложившейся государственной экономики главным методом борьбы с инфляцией, с вымыванием благ из государственной торговли в теневой оборот, с разбалансированностью всего денежного хозяйства стал жесточайший государственный контроль над налично-денежным оборотом. *Именно в это время, в 1931–1932 гг., сложилась та черта социалистической экономики, которая впоследствии стала ее характерным признаком, распространившимся на все страны «социалистического лагеря», а именно строгое отделение наличных денег, обслуживающих оборот доходов, от безналичного денежного контура, обслуживающего все промежуточные, не связанные с доходом, обороты.*

В течение двух лет, следовавших за кредитной реформой, вышли постановления правительства, закрепившие обращение наличности исключительно в сфере расчетов между гражданами и государством, фактически — от государственной кассы к государственному работнику и обратно в государственную кассу.

В этих постановлениях не только окончательно закреплялся оборот наличности в сфере государственной торговли и услуг, *но и запрещалось проникновение в этот оборот безналичных сделок, в том числе и с помощью «денежных суррогатов»²⁵.*

Примечательно, как стремительно развивалась «реформа кредита», охватывая все стороны денежного хозяйства. Уже в мае 1930 г. вышло постановление о замене системы долгосрочного кредитования системой безвозвратного финансирования капитального строительства. Тем самым была подведена черта под многолетним конфликтом между Центральным банком и Наркомфином, который отражал несовместимость нормальной работы денежного хозяйства с непомерно растущими притязаниями заложенных в пятилетку программ капитального строительства.

Функции прямого финансирования капитальных проектов были переданы Промбанку (впоследствии и другим «специальным» банкам), который превратился в простой передаточный механизм в административной системе «плановой экономики»²⁶.

Параллельно процессу «отделения» наличности и закрепления ее за оборотом доходов шел другой процесс, связанный со становлением советской финансовой системы. Именно в эти годы сло-

жился единый, монопольно контролируемый государством *фонд заработной платы*, обслуживаемый кассовой наличностью Государственного банка СССР²⁷. Никакие другие денежные инструменты не могли проникнуть в розничный оборот государственной и кооперативной торговли (исключение составляли специальные боны в системе Торгсина).

Контроль над расходованием всех средств, предназначенных для наличных выплат, и нормирование тарифной сетки, определяющей категории работников и одновременно их должностные оклады, были важнейшей частью финансовой реформы, закрепленной (как и остальные ее элементы) законодательно. Фонды заработной платы наряду с другими плановыми заданиями «спускались» каждому предприятию и учреждению, и строго контролировались «...в размерах, утвержденных вышестоящими организациями...» Более того, вместе с фондом заработной платы планировались и премиальные фонды, и так называемые директорские фонды (отчисления от плановой прибыли в директорский фонд)²⁸.

Еще одним направлением финансовой реформы была налоговая реформа. В «Истории экономики СССР...» на этот счет лаконично написано: «Налоговая реформа (1930–1931 гг.) объединила все виды изъятий в один — налог с оборота»²⁹. Под «всеми видами изъятий» подразумевались все виды акцизов: чайный, соляной, керосиновый, спичечный, водочный и т. д. Так что «объединение» означало просто замену слова «акциз» с его многочисленными видами словом «налог с оборота». Но этим, конечно, налоговая реформа не ограничивалась. Главной частью налога с оборота вновь (как и до революции) стал водочный налог³⁰. Были значительно увеличены размеры обложения ряда товаров широкого потребления (в частности, всех видов тканей и пряжи). Налог с оборота надолго (вплоть до 1960-х гг.) стал главным источником наполнения государственного бюджета. На втором месте после него в доходах бюджета стояло так называемое отчисление от прибылей государственного сектора, которое правильнее было бы назвать изъятием прибылей (за малым вычетом отчислений в директорский фонд и возвращением части прибыли в виде премиальных выплат)³¹.

Хотя в перечисленных выше постановлениях говорилось о контроле и планировании фондов заработной платы, но в это планирование включены были и все другие денежные выплаты из государственной кассы, т. е. пенсии, пособия, стипендии, а также за-

секреченные статьи, которые могут представлять особый интерес для будущего историка советской экономики. Впрочем, весь так называемый кассовый план Государственного Банка СССР был одной из самых секретных статей советской статистики. Результатом сугубой секретности стала со временем дезориентация советского руководства в данной области. Когда уже в конце 1980-х гг. стало ясно, что правительство потеряло контроль над оборотом наличности, обнаружилось, что даже в Совете Министров не имеют представления о том, каков размер наличности, находящейся на руках у населения (помимо сберегательных вкладов).

Результаты реформы

Оценка преобразований денежного хозяйства страны неизбежно приводит к некоторым более общим наблюдениям и выводам, помимо уже отмеченных ее видимых результатов. Одно из этих наблюдений состоит в том, что эти преобразования касались *большинства транзакций* в экономике, придавая им денежное выражение. Собственно, за пределами этого класса транзакций оставалось то, что в экономике имеет название *бартера*, т. е. натуральных обменов, без участия денег. Безусловно, они были широко распространены. В коллективном сельском хозяйстве достаточно долгое время преобладала *натуральная форма оплаты трудодня*. Но со временем она уступала место денежной оплате. В 1960-х гг. колхозы все в большей мере становились частью государственного хозяйства, а колхозники — наемными работниками государства, получавшими заработную плату (как правило, значительно ниже, чем в промышленности).

Бартер имел широкое распространение «на границах» домашних хозяйств (универсальной денежной единицей в этих сделках была бутылка водки или самогона). Бартер практиковался внутри и на границах государственных предприятий как форма подгонки спроса к предложению посредством *блата, толкачей* и т. д. (особенно в сфере ресурсного обеспечения). Не претендуя на оценку размеров бартерных сделок, можно утверждать, что, во-первых, их общий объем далеко уступал транзакциям денежного характера и, во-вторых, значительная часть бартерных сделок имплицитно определялась сложившейся структурой относительных цен. Иными словами, бартер фактически отражал реалии денежного хозяйства.

Практически повсеместный охват сделок денежными измерителями, который был утвержден реформами денежного хозяйства 1930-х гг. и который впоследствии только расширился, меняет представления о преобладании натурализованных форм распределения ресурсов в советской экономике над денежными формами. Как на микроуровне, т. е. в деятельности предприятий и домохозяйств, так и на макроуровне, в разработке и сведении планов к окончательной форме, все больше значения получали денежные оценки и денежные результаты. На уровне предприятий все более утверждался *хозрасчет*, а такие показатели, как *товарная продукция* и ее *рентабельность*, неуклонно выдвигалась на передний план. В планировании и подведении итогов ключевое значение получала та стадия, на которой закладывался и отражался финансовый баланс плановых разработок (на что, в частности, указывают исследования эволюции советской плановой системы).

В связи с возникшей темой планирования уместно сделать одно важное отступление. Во-первых, потому что тема денег в советской экономике не отрывна от темы ее «планового характера». Во-вторых, потому что эти два явления по своей природе внутренне конфликтны. И, наконец, потому что планирование, будучи, образно говоря, главным козырем советской экономики, оставалось ее *terra incognita*. Видимо, в последнем обстоятельстве находило отражение глубокое убеждение советского руководства в том, что планирование дает советской экономике решающее преимущество перед капитализмом. А раз это так, то его необходимо тщательно засекретить, *как тайное оружие социализма*. Поэтому в советское время не было издано ни одной научной монографии о работе Госплана, основанной на анализе реальных процедур этой работы. Вот представление о советском планировании, почерпнутое П. Грегори из доступных ему работ:

«Наше описание процесса планирования соответствует модели управления ресурсами Пауэлла... согласно которой вышестоящие органы... играют роль “апелляционного суда”... в действительности корректировок было великое множество»³².

П. Грегори далее дает более развернутую характеристику работы советского Госплана. Главными были оперативные планы «в отраслевых отделах Госплана, наркоматовских секторах планирования, главках и предприятиях. Они составляли основу плановой системы. Из краткого обзора Залески о квартальном планировании

мы можем понять, что оперативное планирование было беспорядочным, импровизированным и запутанным, «планы наркоматов, главков и предприятий могли быть изменены в любой момент»³³. Конечно, все высказанные соображения П. Грегори касаются раннего периода советского планирования (так называемый сталинский период). В учебном курсе Л. Я. Берри для экономических вузов определенно говорится о том, что на заключительном этапе планового процесса происходило сведение воедино материальных и финансовых планов, однако никакой информации о финансовых параметрах — динамике денежной массы, безналичных оборотов — не приводилось³⁴.

Еще одной особенностью анализируемых преобразований, мимо которой нельзя пройти, был, если можно так выразиться, их *вынужденный характер*. Проводимые преобразования не были заранее задуманы. Вслед за давшей им старт кредитной реформой они диктовались обстоятельствами. С этим связано и то, что они нигде широко не рекламировались, в отличие от всегда бывшей на авансцене тематики коллективизации, индустриализации и других тем «построения социализма». Если исходить из общепринятых представлений того времени (весьма устойчивых и впоследствии), процессы в денежном хозяйстве были подчинены плану и оказывали второстепенное влияние на экономику социализма. Тем не менее именно преобразования в денежной сфере 1930-х гг. и создали ту экономическую основу, которая обеспечила устойчивость советской экономике и которая работала в самых трудных обстоятельствах несколько десятилетий. Эта основа была рыночной, т. е. связанной с фундаментальными законами экономики индустриального типа, но одновременно обладала своеобразными, ярко выраженными чертами, отличавшими ее от принципов построения денежной экономики в странах развитого рыночного хозяйства.

Денежное хозяйство советского типа было стихийно возникшей системой приспособления экономики с ее фундаментальными законами к реалиям политической системы. В ходе этого приспособления денежное хозяйство утратило многое из того, что являлось завоеванием экономического прогресса в развитых странах капитализма. Но одновременно приобрело черты, которые заставляют говорить о нем как об уникальном явлении, как о *способе* выживания экономики во враждебной среде.

Своеобразие денежного хозяйства советского типа по разным поводам и в разных своих проявлениях неоднократно отмечалось исследователями. Однако эти признаки никто не пытался свести воедино, видимо, потому что само понятие *денежное хозяйство* не применялось по отношению к советскому социализму. Поскольку в настоящей статье такое понятие используется, естественным будет перечисление его *признаков*.

1. Монопольное положение Государственного банка в роли единого эмиссионного и расчетного центра (*принцип монобанка*³⁵).

2. Отделение налично-денежного оборота и его исключительная функция обслуживания оборота доходов.

3. Почти полное изъятие прибыли у предприятий, за исключением отчислений — строго нормированных — в «премиальный» и «директорский» фонды.

4. Контроль государства над единым фондом денежного дохода — посредством кассового оборота — и строгие меры обеспечения его возвратности в государственные кассы.

5. Иерархическое построение государственного бюджета, согласно которому все доходы поступали *в союзный бюджет* и затем перераспределялись в пользу более низких уровней бюджетной системы (в первую очередь бюджетов союзных республик).

6. Безналичный характер всех денежных транзакций за пределами оборота доходов.

7. Выделение капиталовложений в особую часть централизованного оборота на условиях безвозвратного финансирования с особыми деньгами, так называемыми фондами, и особыми, «специальными», банками.

8. Единообразный характер на территории СССР подавляющего большинства оптовых и розничных цен, устанавливаемых из центра.

9. *Единая тарификация ставок заработной платы и штатного расписания* во всех хозрасчетных (т. е. работающих на основе принципа самоокупаемости) организациях независимо от характера их деятельности.

Перечисленные признаки говорят о полноте контроля государства в сфере денежного хозяйства. Но именно эта полнота породила слабые стороны сложившейся системы.

Исторически, когда в отношении кредитора и должника вторгся банк с его особой функцией учета долговых обязательств — *векселей*, возникла возможность расширения денежного обращения

посредством безналичных транзакций, подкрепленных долговыми обязательствами, находящимися в собственности банка. В денежной теории этот эффект описывается так называемым кредитным мультипликатором, связанным с использованием векселей, а в дальнейшем *банковских депозитов до востребования* в качестве ресурса роста денежной массы. Отсутствие таких инструментов денежного хозяйства, как вексель, чековый депозит, банкнота частного банка определяло в условиях банковской системы советского типа особую жесткость денежного оборота, его подверженность сбоям под влиянием колебаний в сфере реального производства. Эта жесткость, особенно в налично-денежной фазе оборота, определяла достаточно узкие границы, в пределах которых денежное хозяйство сохраняло равновесие. Эмиссия наличных денег часто оказывалась последним средством решения острых проблем расстройств денежного хозяйства. И такого рода проблемы в советской экономике повторялись слишком часто.

Весьма ценные мысли об организации «кассового оборота» излагает в своих записках В. К. Ситнин:

«После кредитной реформы 1930–1931 годов в практику финансового планирования было введено ежеквартальное утверждение Советом Министров СССР плана поступлений в кассы Госбанка и выдач из них денежной наличности. Сальдо выдач и поступлений представляло для Госбанка обязательную эмиссионную директиву, т. е. право дополнительного выпуска денег в обращение или обязанность изъятия их определенной суммы из оборота. При утверждении кассового плана обычно исходили из возможно большей суммы поступлений торговой выручки, поэтому выполнение эмиссионной директивы проходило с большим напряжением»³⁶.

Казалось бы, раздельное функционирование разных инструментов денежного хозяйства, регулирующих разные области хозяйственной деятельности (доходы, внутрипроизводственные обороты, инвестиции), призвано было ослабить жесткость «денежного обруча», обусловленную налично-денежным оборотом. Однако такое заключение не принимает во внимание реальную взаимозависимость всех инструментов денежного хозяйства.

Прежде всего обратим внимание на давление денежных издержек в форме заработной платы, выдаваемой в наличных деньгах, и в виде заданий по рентабельности, имевших в советской экономике характер постоянной части издержек (*overhead cost*). Невыполнение плановых заданий по себестоимости продукции, по фонду

заработной платы, по рентабельности на уровне предприятий имело далеко идущие последствия.

«Хитрость» советского денежного хозяйства состояла в том, что официально публикуемый бюджет всегда был бездефицитным, поскольку он относил безналичные перечисления от предприятий в счет выполнения их плановых заданий (прибыль, налог с оборота и др.) и в соответствии с этой суммой строил расходы. В то же время нигде не публикуемые данные о выполнении кассового плана отнюдь не всегда были благополучными. Невыполнение кассового плана против бюджетных показателей восполнялось налично-денежной эмиссией. Безналичные перечисления в бюджет обязаны были получать налично-денежное наполнение. Иными словами, в общем денежном обороте страны независимость безналичного оборота от наличного была мнимой. Фактически как безналичные обороты материальных факторов производства, так и обороты *фондов*, связанные с финансированием капиталовложений, находились в тесной зависимости от налично-денежного оборота доходов. И перекосы как в кредитовании предприятий, так и в инвестиционных расходах неизбежно обостряли проблемы налично-денежного оборота. Проблема его регулирования была вечной «головной болью» высшего руководства страны³⁷.

Расстройство денежного обращения тщательно скрывалось от населения и становилось очевидным, только когда провозглашалась — как всегда внезапно — очередная денежная реформа или отмена государственных обязательств по займам. В этом аспекте кредитная реформа действительно давала в руки государства важное орудие регулирования соотношения потребления и инвестиций, обеспечивая ему монополию на покупательную способность населения через контроль над кассовым оборотом. Однако возможности такого регулирования, в частности форсирования капиталовложений, были далеко не безграничны. Понятно, что любая экономика, даже подчиненная политическому диктату государства (а именно такой диктат был достигнут в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Советском Союзе) не может бесконечно ужимать потребительский фонд населения в пользу инвестиций. На это обстоятельство указывает и П. Грегори, отмечая связь между реальной заработной платой и «интенсивностью трудовых усилий».

Но по-настоящему интересен механизм того, каким образом «сигналы» со стороны *труда* доходили до *государства*

наимателя. На этот вопрос дает ответ инфляционный скачок потребительских цен 1930-х гг. Государство не справлялось с денежным спросом, порожденным ростом индустриальной занятости. Ответом было введение карточной системы, рост цен на свободном рынке и как вынужденная мера рост потребительских цен в государственной торговле. Именно инфляционный пресс³⁸, порожденный кредитованием, а затем и прямым финансированием индустриализации, заставил государство пересмотреть в конце первой пятилетки планы капитальных вложений в сторону их резкого снижения. П. Грегори, ссылаясь на расчеты, сделанные советским экономистом А. Л. Вайнштейном, пишет:

«Как это ни удивительно, но картина, которую можно было бы ожидать, — стабильный рост капитальных вложений при колебании объемов потребления, как резерва, — не соответствует реальным данным. Один из самых известных советских исследователей экономического роста в СССР А. Л. Вайнштейн пришел к выводу, что колебания объемов капитальных вложений в четыре раза превышали колебания объемов потребления»³⁹.

Комментируя одно из мест переписки И. Сталина с Л. Кагановичем (1932), П. Грегори выделяет место, где Сталин одобритительно говорит о предложении наркома финансов Г. Ф. Гринько сократить капиталовложения: «...в основном Гринько и его работники правы. И их надо поддержать»⁴⁰. За этим «одобрением» необходимо видеть исторический фон, на котором оно было высказано. К 1932 г. реальность была такова, что прежнее денежное хозяйство, созданное реформами 1920-х гг., было разрушено, а новая система, основы которой были заложены кредитной реформой 1930 г., находилась в стадии становления. Рухнули система кредитования, основанная на возвратности кредитов, единое для всех денежных транзакций средство обращения (рубль, равнозначный в своей наличной и безналичной форме) и стабильность рубля как меры стоимости. Страна стояла перед угрозой возвращения к реалиям «военного коммунизма»⁴¹.

На фоне угрозы возврата основанного на аппарате репрессий бартерного хозяйства тот пакет постановлений и инструкций, которые в течение трех лет выходили вслед за постановлением о кредитной реформе, имел для советской экономики важнейшие последствия. Он позволил *через инструментарий кассового плана установить контроль над долей потребления в национальном доходе.* В общем денежном обороте страны была изолирована об-

ласть потребления, где денежные доходы и их товарное обеспечение находились в руках государства. Именно в этом свете следует рассматривать вторую половину 1930-х гг., когда была провозглашена победа социализма в СССР. Два обстоятельства теснейшим образом связаны с результатами финансовых преобразований 1930-х гг. Первое из них — упорядочение государственной торговли, на основе которого произошла отмена карточной системы. Это было немалым завоеванием, которое стало возможным в результате серии проведенных преобразований денежного хозяйства. Второе — те же самые преобразования позволили интенсивно развивать тяжелую и военную промышленность, не опасаясь расстройств денежного обращения. Понятно, что и то, и другое стало возможным в результате сохранения чрезвычайно низкого уровня реальной заработной платы.

Кредитование так называемых хозрасчетных предприятий под оборот, т. е. текущие банковские кредиты и финансирование капитальных вложений через посредство специальных банков составляли, безусловно, существенную часть денежного хозяйства страны. Несмотря на все ограничения, наложенные системой на подвижность цен, эти инструменты имели денежную природу, т. е. отражали независимые от волевых решений пропорции и процессы в области распределения ресурсов. Цены всех видов экономических благ, на всех стадиях их превращения в конечный продукт испытывали давление денежных издержек, т. е. тех издержек, которые превращались в покупательную силу конечных потребителей. Изменчивость издержек для разных продуктов в условиях неизменных на длительных отрезках времени оптовых цен приводила к изменению *рентабельности*, т. е. доли прибыли в цене продукта. А этот показатель, как было ранее отмечено, имел большое значение для низового звена советской организационной структуры, т. е. для предприятия. Иными словами, он оказывал влияние на решения советских директоров. Выход из этого противоречия *жестких цен и изменчивых издержек* находился разнообразными методами, свойственными экономике такого типа. Перечислим лишь некоторые: изменение ассортимента (*выгодный ассортимент* — чисто советское выражение), внедрение новой продукции, для которой можно было добиться установления новой цены (часто под видом новой продукции фигурировала слегка подновленная старая), *проталкивание* своей не выгодной для получателя продукции и *выбивание* для себя выгодной (отсюда поя-

вились слова *толкачи и блат*) и т. д. Все эти методы показывают, что фактически цены реагировали на издержки и на изменение спроса, хотя эти реакции носили *несовершенный характер*.

Оценивая сформированную реформами *денежную модель*, нельзя не видеть ее тесную связь с политикой экономического изоляционизма, которая стала отличительной чертой всей советской экономической модели в результате преобразований, произошедших в 1930-е гг. Экономические связи Советского Союза с внешним миром имели явно выраженную «импортозамещающую» направленность. Ее видимой целью было создание замкнутого цикла отраслей тяжелой и военной промышленности за счет импорта оборудования и целых промышленных комплексов. Эта цель оправдывалась широко пропагандируемой идеей капиталистического окружения, которое вынуждает Советский Союз идти по пути экономической автаркии.

Но существовала и другая сторона политики экономической автаркии, которая, как представляется, имела не идеологическую, а вполне рациональную основу. Делая ставку на импорт оборудования, советское государство замыкало потребление внутри страны. Тем самым обеспечивался контроль государства над размерами потребления (через контроль над кассовым оборотом) и над структурой потребления (через проведение социальной политики доходов). А именно эти параметры были самыми важными с точки зрения обеспечения социальной стабильности⁴².

Оборотной стороной этой стратегии стала сырьевая зависимость страны. Ее воздействие ощущается и в современной России.

Денежное хозяйство стало одновременно и порождением, и инструментом указанной изоляционистской стратегии. Заклучив потребительский сектор экономики в круг налично-денежного оборота, государство развязало себе руки для концентрации сбережений в осуществлении своих целей. В известном уравнении $Y=I+C$, где национальный доход Y представляет собой сумму инвестиций I и потребления C , государство могло рассматривать C как константу или, говоря точнее, как заранее заданную величину. В мирное время темп ее прироста был задан интервалом между нулем и темпом прироста общественной производительности труда (согласно известной догме). Остальное поступало в инвестиционную сферу. Наиболее сложное, с точки зрения проблем экономического равновесия, соотношение между сбережениями

и инвестициями оказывалось в этих условиях тождеством. Хотя на самом деле это не вполне точное утверждение. «Зазор» между сбережениями и инвестициями был не очень велик, но по мере роста душевого дохода он имел тенденцию возрастать. Влияние, которое оказал на устойчивость денежной системы СССР рост указанного «зазора», будет рассмотрено ниже.

Иерархия денежных инструментов в советской модели

Основные черты советского денежного хозяйства, перечисленные выше, дают представление о структурных элементах денежно-кредитной и бюджетной системы советского типа. Но они мало говорят о том, как работала эта система в качестве стабилизатора тех многообразных и разнонаправленных воздействий, которым подвергалась экономика социализма. Этот вопрос, выдвинутый в начале статьи, требует дальнейшего анализа специфики советских денег. В какой мере они были теми деньгами, которые являются неотъемлемой частью всякой экономики с развитым разделением труда?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать с простого, а именно с определения, в какой степени советские деньги обладали свойством *ликвидности*. Если вспомнить определение денег как наиболее ликвидного актива (Дж. М. Кейнс⁴³), то в советской системе на эту роль претендовали разные виды денежных инструментов (переход на единую денежную единицу занял все 1920-е гг.).

Реформы 1930-х гг. твердо поставили на это место бумажную купюру Государственного банка СССР — рубль. Его монополия в притязании на роль наиболее ликвидного актива не была поколеблена на протяжении почти 60 лет, несмотря на все превратности, которые претерпели советские деньги за этот срок⁴⁴.

И действительно, эта бумажная купюра в наибольшей степени была способна выполнять функции, известные из любого учебника экономики, а именно: быть мерой (стандартом) стоимости (ценности), средством обращения и средством сбережения. Но даже эта наиболее отвечающая определению денег купюра обладала указанными свойствами *в урезанном виде*. Первое и главное ограничение состояло в том, что она была изъята из оборота факторов производства — за исключением труда. Второе ограничение:

далеко не все потребительские блага в силу структуры советского потребительского рынка можно было купить за деньги. И третье ограничение: рубль как средство сбережения (накопления) не мог служить *капиталом* в силу отсутствия в советской денежной системе рынка капитала как такового (сберегательные кассы не могли играть такой роли из-за государственного регулирования нормы процента). *Деньги потребителя не имели сообщения с капитальными активами, т. е. с активами, производящими прибыль.*

Каковы были инструменты, компенсирующие действие указанных ограничений? Первым среди них были так называемые безналичные деньги как инструмент транзакций при распределении материальных факторов производства. При сравнении этого инструмента с бумажными деньгами первое, что обращает на себя внимание, — это строгое разграничение «сфер компетенции» между теми и другими. Как и бумажным деньгам был запрещен доступ в сферу транзакций со средствами производства, *безналу* был запрещен доступ в сферу потребительских транзакций. Кроме того, в отличие от бумажных денег безнал был крайне ненадежным средством сбережения в силу того, что его существование на счетах предприятий было слабо защищено от покушений со стороны «командно-административной системы». Из основных денежных функций за безналом оставались такие, как мера стоимости и средство обращения, но лишь в его ограниченной сфере. Ограничения подвижности цен были аналогичны тем, что были наложены на наличность в сфере потребления.

Что же касается несовершенства ценообразования, то на этот «камень преткновения» социалистической системы проливают свет исследования монополистической и несовершенной конкуренции в современной экономике Запада. Ограничения, налагаемые на подвижность цен в условиях олигополии (конкуренция ограниченного числа продавцов) и государственного регулирования не отменяют в условиях рыночной экономики конкуренции как таковой. При этом — несмотря на все «несовершенства» — ключевым явлением является *конкуренция*, а не ее конкретные формы. Поэтому *неценовая конкуренция* в условиях государственного регулирования и даже государственной собственности является таким же орудием рынка, как и ценовая конкуренция. Однако есть коренное отличие между неценовой конкуренцией в рыночной и квазирыночной системе, какой являлась советская экономика. Оно заключается в наличии либо отсутствии единой во всех оборотах денежной меры.

Жесткие цены и при социализме не отменяют конкуренцию на рынках средств производства. Однако эта конкуренция ограничена использованием особых денег, и рубль потребителя не мог в ней участвовать. Выше было сказано, что цены материальных факторов производства испытывали груз реальных издержек, и поэтому их цены служили ориентиром для конкуренции на квазирынках советского типа. Но как обстояло дело с конкуренцией между потребительским и производственным оборотами? При анализе этого вопроса невозможно отвлечься от неразменности потребительских и производственных денег.

Действительно, предположим, что в обеих означенных сферах действуют равноценные деньги. В таком случае первой реакцией системы будет взлет потребительского спроса со стороны предприятий с лучшими финансовыми показателями. И это естественно — свои лучшие финансовые показатели они реализуют для покупки жизненных благ, при этом оставляя запас прочности и для работы на производственных рынках. Следующим шагом станет повышение уровня денежной заработной платы на более финансово успешных предприятиях. И вслед за возникшей конкуренцией на квазирынке труда возникнет неплатежеспособность у тех предприятий, которые были на плаву лишь за счет жесткой тарификации заработной платы. Иными словами, вся структура промышленности и торговли начнет выходить из-под контроля командно-административной системы.

Этот гипотетический пример говорит о том, что вся структура двух контуров денежного обращения была отнюдь не импровизацией, она была необходимой частью денежного обращения советского типа. Далее, структура цен в производственном обороте лишь в весьма ограниченном смысле отвечала критерию меры стоимости (ценности), поскольку была выключена из общего процесса ценообразования, отражающего предельные потребительские оценки полезности.

И последнее заключение: процессы ценообразования невозможно отделить от денежного обращения. Этот вывод окажется весьма важным, когда будет проанализирован кризис денежной системы советского типа, порожденный ее дефектами, остававшимися до времени в тени на протяжении периода относительно стабильного функционирования экономики Советского Союза.

Проведенное выше сопоставление «сфер компетенции» наличных и безналичных денег в советской денежной модели под-

водит к постановке важнейшего вопроса об *иерархии денежных инструментов* в этой модели. Это важный вопрос, поскольку современная денежная теория выстраивает такого рода иерархию в виде различных денежных агрегатов. По нашему мнению, в советской системе роль так называемой денежной базы играли наличные деньги. Это заключение следует из конфигурации прав собственности на наличность и безнал. Наличность (зарботок) советский гражданин имел *в своем распоряжении*, тогда как безнал на счету предприятия нельзя было отделить от общего фонда государственного кредита. Наличные деньги имели значительно большую привлекательность не только как средство сбережения, но и как прямой эквивалент потребительских благ, чему безнал мог служить лишь косвенно.

Наконец, безнал был отделен от потребительской сферы не только по закону, но и по существу, поскольку сделки с ним за пределами «внутренних» транзакций были невозможны институционально. Между тем наличные деньги проникали всеми возможными (и невозможными) способами в сферу безнала — и материальные фонды из сферы производства «утекали» в сферу потребительского и теневого оборота по линии незаконных наличных сделок (архетипом такого рода сделок могла служить покупка на дороге бензина из бензовоза за наличный расчет).

Рассмотрение двух контуров денежного оборота — наличного и безналичного — приводит анализ к еще одному важнейшему инструменту денежной системы советского типа — к так называемым *фондам*, т. е. *советским инвестиционным деньгам*. Планирование капиталовложений в советской экономике выделяло в национальных счетах валового и чистого дохода их инвестиционную составляющую. В финансовых расчетах этой инвестиционной составляющей должен был соответствовать фонд денежного финансирования капитальных вложений. Его распределение происходило по адресам так называемых *фондодержателей*, которые выступали в роли заказчиков по отношению к исполнителям проектов нового строительства и реконструкции существующих основных фондов. Центральной (и основополагающей) пропорцией денежных фондов, выделяемых на конкретные объекты, было соотношение заработной платы и материальных затрат, которое обычно рассчитывалось на миллион рублей капитальных затрат.

Таким образом, инвестиционная составляющая народнохозяйственного процесса была привязана к особым деньгам — фон-

дам, которые представляли собой своеобразный *гибрид* наличных и безналичных денег. Кроме указанной центральной пропорции фонды имели еще много других внутренних «перегородок», определяемых так называемыми технико-экономическими нормативами, привязанными к разным отраслям хозяйственной деятельности. Привязка расходования этих инвестиционных денег во времени и натуральном содержании (строительство с его этапами, оборудование, материалы, энергетические расходы) резко сужали *ликвидность* этого инструмента, и его функционирование в бюрократических каналах «плановой экономики» было сопряжено со множеством ограничений. Тем не менее первое, что необходимо отметить, — это тесная привязка налично-денежной составляющей в фондовом планировании к планам роста товарного обеспечения потребительского рынка. Расхождение между ростом денежного спроса на потребительских рынках, порожденным ростом инвестиций, и его обеспечением со стороны предложения товаров и услуг быстро давало о себе знать и приводило к коррекциям инвестиционных планов и планов роста товарооборота. В условиях жестких цен и жестких ставок заработной платы такого рода коррекции проявлялись не только в «центре», но и «на местах» в виде сбоев кассового оборота.

Иными словами, денежный характер экономики советского типа проявлял себя и в инвестиционной сфере. *Инвестиционные планы в рамках советской экономической модели также выстраивались под влиянием «денежного обруча»* — и в этом, в самом общем виде, состоит ответ на поставленный в начале статьи вопрос о ресурсах ее выживаемости и стабильности.

Характер планирования капитальных вложений через посредство единого фонда, предназначенного для финансирования централизованных капитальных вложений, проливает свет и на другую сторону денежного хозяйства советского типа. *Новые деньги* вливаются в хозяйственную систему как фонды капитальных вложений. В этом своем качестве они изначально «скомбинированы» из наличных и безналичных денег в известной пропорции. При этом управляющей величиной является именно налично-денежная составляющая, связанная с возможностями товарного обеспечения. В этом вопросе мы снова сталкиваемся с ролью наличных денег как ключевого агрегата, от которого зависит денежное равновесие в советской денежной системе.

Наличный и безналичный обороты: вопросы согласования

Рассматривая денежную систему СССР, невозможно пройти мимо советской литературы по теме «Деньги и кредит». Не претендуя на детальный анализ этой темы (она заслуживает серьезного монографического исследования), нельзя не остановиться на тех вопросах, которые постоянно обсуждались в этой литературе. Один из них — вопрос «ускорения оборачиваемости оборотных средств». Если перевести его на более общий язык экономической теории, то речь шла об уменьшении издержек по статье «операционный капитал» («working capital»), что в денежном выражении означало увеличение скорости обращения денежной единицы. В этой постоянной заботе советских финансовых работников проявлялся денежный характер экономики там, где он больше всего отрицался теоретиками социализма, а именно в сфере «воспроизводства средств производства». В связи с этим возникала тема чрезмерных производственных запасов — неизменного спутника дефицитной экономики.

Еще одной темой был вопрос об эффективности банковского кредита. Эта была обширная сфера деятельности советских специалистов, имевшая, безусловно, важнейшее (и недостаточно оцененное) значение для хозяйственной деятельности в промышленности и торговле. Выделю два аспекта этой тематики, которые, по моему мнению, заслуживают особого внимания. Во-первых, это вопрос о *повышении экономической эффективности* банковского кредита. Во-вторых, вопрос о расширении сферы действия кредитных отношений за счет сокращения сферы прямого финансирования. Оба эти вопроса были взаимосвязаны, хотя и возникали они по отдельности на разных этапах советского хозяйственного строительства. Что касается вопроса об эффективности банковского кредита, то он связан с проблемой процентных ставок. Многие аналитики считали их заниженными (средняя ставка по банковскому безналичному кредиту равнялась 2 % годовых — на таком же уровне, кстати, находилась процентная ставка по наличным вкладам в сберкассах). Были и другие, более высокие ставки, связанные как с условиями, так и со сроками кредитования. Но в любом случае кредиты надо было возвращать. Отслеживание размеров невозвращенных кредитов в сфере безналичного оборота проводилось постоянно.

Почему же получила широкое распространение идея о доступности банковского кредита в денежных системах советского типа,

нашедшая теоретическое выражение в выдвинутой Я. Корнаи⁴⁵ теории «мягких бюджетных ограничений»? Кредит был действительно доступен, им широко пользовались, и в основном этот кредит погашался. Возникает впечатление, что предложение кредита значительно превышало спрос на него при данных процентных ставках. И надо сказать, что этот пункт широко обсуждался в финансово-экономической литературе. Когда в период расцвета «косыгинских» реформ началось обсуждение вопроса о гибких ставках кредитования в промышленности и целевого кредитования капитальных вложений вместо прямого финансирования, то невольно возник вопрос о денежном рынке, т. е. конкуренции за получение кредитов. В этой точке обсуждение данного вопроса и застряло. Причины возникновения такого тупика можно понять. Ведь при наличии ссудного рынка на *безнал* неизбежно возник бы и вопрос о рынке наличных денег, поскольку всякий рыночный кредит предполагает взаимозаменяемость денежных инструментов. Эффективный заемщик сам должен иметь право распределять заемные средства между, скажем, рабочей силой и материальными производственными ресурсами. Но это нарушило бы основополагающий принцип контроля государства над *кассой* (иными словами, над *наличностью*), а вместе с ней и над мерой потребления.

И все же, помимо указанных тупиков в сфере безналичного оборота, *источник* избыточного банковского кредита оставался тайной советской денежной системы. Почему он был избыточным? Ведь если обратиться к наличному кредиту, никогда и никто не утверждал, что он доступен, несмотря на единообразие ставок по наличному и безналичному кредиту. Скажем, потребительский кредит в стране был очень слабо развит. Краткосрочные кредиты Госбанка под заработную плату выдавались при форс-мажорных обстоятельствах — значительных перерасходах по фонду заработной платы. Вообще все транзакции, связанные с наличностью, происходили как бы за сценой. Более того, почти 99 % советской специальной литературы по кредитно-денежной тематике было посвящено безналичному обороту. Создавалось впечатление, что проблем наличного оборота не существовало.

Итак, возвращаясь к проблемам безналичного оборота, — где был источник изобильного предложения банковского кредита? В специальной литературе по теме «Деньги и кредит» неоднократно возникал вопрос о синхронизации двух денежных потоков: наличного и безналичного. Начать с того, что в условиях координа-

ции кассового и кредитного планов Госбанка такого явления, как асинхронность в этой области, не должно было возникать. И, хотя автор этих строк не встречал в специальной литературе внятного объяснения причин доступности безналичного кредита, они представляются достаточно очевидными. Наличные деньги вращались в своем кругу обращения. Они не попадали в сферу действия автономного мультипликатора денежной массы из-за отсутствия в этой сфере банковских денег, связанных с такими инструментами, как чековые вклады и вексельное обращение. Напротив, счета предприятий составляли общий пассив Госбанка и могли использоваться для оказания кредита, не затрагивая способности предприятий производить расчеты по этим счетам в безналичной форме.

Что произойдет в обороте, скажем, при одинаковой величине наличной и безналичной денежной массы, авансированной государством для хозяйственной деятельности? Предположим, что государство авансирует на некий период 100 млрд руб., в том числе одинаковые суммы по кассовому и кредитному планам, т. е. по 50 млрд руб. Однако все деньги по кредитному плану сосредоточены в Госбанке, тогда как наличные деньги вращаются в кругу наличного обращения и находятся на руках получателей дохода. Вся сумма *безнала* находится в сфере действия кредитного мультипликатора, поскольку деньги, предоставляемые в виде кредита предприятиям, поступают на их счета и составляют, таким образом, пассив Госбанка. Согласно известной формуле кредитного мультипликатора, если норма банковского резерва равняется, скажем, 20 %, то кредитный мультипликатор равен 5, т. е. фактическая денежная масса безнала, доступная для кредитов, станет равна 250 млрд руб.

А что произойдет тем временем с наличностью? Если предположить, что граждане 5 % своего заработка положат в сберкассы, то сумма, доступная для выдачи в качестве кредита, будет равна 2,5 млрд руб. При этом она не попадет в сферу действия кредитного мультипликатора из-за отсутствия в советской денежной модели банковских функций в сфере налично-денежного оборота. Итак, объем денежной массы в безналичном кредитном обороте окажется в 100 раз больше объема кредита в налично-денежном обороте. Поэтому не удивительно, что в Советском Союзе был так слабо распространен потребительский кредит. Единственным достижением в этой области были рассрочки по оплате кооператив-

ного жилья, но жилищными кооперативами была охвачена весьма незначительная часть населения.

В приведенном примере упущены многие факторы, влияющие на денежный оборот в наличной и безналичной сфере. К примеру, не рассмотрен вопрос о скорости обращения денежной единицы в обеих сферах. Важен также вопрос о разнице периода оборота оборотных средств в разных отраслях экономики, и т. д. и т. п. Кроме того, приведенная здесь оценка денежной массы в двух секторах оборота касается *потенциальных* возможностей кредитования. Однако при всех оговорках приведенная разница возможностей кредитования в двух секторах оборота выражает важнейшую черту *построения* советской денежной системы. Эту черту, в свою очередь, невозможно рассматривать в отрыве от сопоставления советской денежной системы с другими системами развитой денежной экономики, разновидностью которой она, безусловно, является.

Необходимость такого сравнительного анализа подчеркивается тем обстоятельством, что деньги как таковые, в их основных функциях, продолжали работать в советской экономике. Однако в значительной ее части, во внутрипроизводственных оборотах, это были *квазиденьги*, работавшие на *квазирынках*. Соответствующие определения подчеркивают те ограничения *ликвидности*, которые были рассмотрены выше.

Стоит напомнить еще раз, что кредитная реформа 1930 г. дала старт последующим преобразованиям денежной системы, которые носили вынужденный характер. Они, говоря образно, содержались в зародыше кредитной реформы. Поэтому *архитектура* советской денежной системы приобрела в результате этих последовательных шагов самостоятельный характер, который сохранялся в советской экономике в течение длительного периода времени.

Известный советский ученый в области кредитно-денежных отношений Г. Шварц так обрисовал существо советского денежного хозяйства:

«...в условиях, когда эмиссионное право, то есть право выпуска наличных денег в обращение, предоставлено только Государственному банку, все денежные (платежные) средства в хозяйственном обороте, а значит и ресурсы банка, имеют своим первоначальным источником банковский кредит; изъятие же платежных средств из оборота происходит в результате погашения банковского кредита»⁴⁶.

Это высказывание представляется чрезвычайно важным. Оно сделано в лапидарной форме, что помогает обобщить основные признаки советской денежной системы.

Попытаемся выделить основные моменты изложенной в этой выдержке позиции и прокомментировать их. Первое положение состоит в том, что все деньги в советской системе имеют *кредитную основу*, т. е. их источником является государство (или его Госбанк), которое кредитует экономику деньгами на возвратной основе. Это очень важное соображение в силу того, что оно сближает советскую денежную систему с системами развитых стран капитализма, перешедших в XX в. на бумажно-денежное обращение, где эмитентом денег является государство, которое, выпуская в обращение бумажные деньги, берет на себя ответственность за их покупательную силу. Второе важное соображение, относящееся уже к собственно советской системе, состоит в том, что государство одновременно с эмиссией бумажных денег берет на себя функцию определения и безналичного денежного массива, т. е. полностью и монопольно определяет количество денег в обращении. В этом пункте наблюдается расхождение между капиталистической и советской денежными системами. Обычная капиталистическая система с бумажными деньгами включает центральный (государственный) банк, эмитирующий наличность, и банки второго уровня, как правило, частные, которые на основе наличного обращения организуют вексельный и чековый оборот, т. е. безналичный круг обращения, обладающий свойствами гибкого реагирования на конъюнктуру рынка, благодаря изменениям ссудного процента. Этот механизм, в конечном счете, определяет границы устойчивости экономической системы.

Отсутствие в советской системе банков второго уровня, а вместе с ними и рыночного процента по денежным ссудам обусловило возникновение того, что в данной статье названо жестким «денежным обручем». В этой системе все безналичные деньги *оказываются деньгами второго сорта*, поскольку они не имеют прямого доступа к жизненным благам. В этом их принципиальное отличие от безналичных денег (вернее, депозитов) в капиталистической системе, где *вы можете пользоваться свидетельством своего вклада, не изымая сам вклад*.

И, наконец, последнее, о чем заявлено в приведенной выше цитате, — это *активная* роль налично-денежного компонента в составе общей денежной массы (наличной и безналичной), кредиту-

емой государством экономике. Поскольку архитектура денежного обращения советского типа не предусматривала денежного рынка и рынка капитала (облигаций), государству оставался единственный способ регулирования денежной массы — посредством того, что называлось *эмиссионными директивами*, где обозначались параметры кассового плана.

Хотя наличные и безналичные деньги разделены на две сферы оборота в соответствии со своими функциями обслуживания транзакций потребления и производства, их легальное разделение не может исключить реального взаимодействия (об этом тоже говорилось ранее). И в этом взаимодействии наличность играет роль «сильных», «хороших» денег, хотя бы потому, что она имеет прямой доступ к жизненным благам. Согласно закону Грешема, «сильные» («хорошие») деньги служат для сбережения, тогда как «слабые» остаются в обращении. В советских условиях этот закон преломлялся в стремлении — незаконном — продать на сторону ресурсы за наличные деньги дешевле, чем они были номинированы в безналичных. Таким — незаконным — способом происходило выравнивание искаженных курсов наличных и безналичных денег. Но это выравнивание было сопряжено с оттоком ресурсов в теневой сектор экономики.

Существовали ли в советской системе способы придать безналичным деньгам больший вес, т. е. повысить их покупательную способность? Советские финансовые работники, безусловно, осознавали эту задачу, но на пути ее решения стояла уже созданная архитектура денежной системы. В рамках этой архитектуры *капиталовложения финансировались фондами*, где наличный и безналичный компоненты были заранее определены. В обороте они проявляли себя по-разному: безналичный компонент имел способность «размножаться». И хотя система боролась с чрезмерным обилием безналичных счетов, сам факт широкой доступности банковского кредитования, т. е. избытка предложения безналичных денег, трудно было преодолеть.

Неравновесие предложения и спроса в безналичном денежном секторе неизбежно вело к процессам выравнивания спроса и предложения на *безнал*. И в ходе этих процессов ломались рамки и запреты командно-административной системы: здесь особенно ярко проявлялось стремление рынка взять реванш. Советские хозяйственники научились использовать дешевый кредит в стратегических целях. Кредит использовался для покупки запасов в той

мере, в какой такого рода возможности предприятиям предоставлялись. И в этой сфере, помимо упомянутых факторов *блата* и *толкачей*, огромную роль играло статусное положение предприятия в системе ценностей советского общества. Иначе говоря, здесь имел место широко распространенный государственный фаворитизм. Стремление к накоплению запаса ресурсов наблюдалось повсеместно, хотя возможности такого накопления были далеко не безграничны. Накопление запасов, сверх необходимых для выполнения плана, отрицательно влияло на стоимостные показатели работы предприятия. Однако мотивы для сверхнормативного накопления ресурсов существовали. Предприятие держало такие запасы для квазибартерных сделок. Кроме того, на разных уровнях административной вертикали, в том числе и на уровне рядовых работников, существовали сильнейшие стимулы для сбыта дефицитных ресурсов на сторону, по каналам теневых сделок и прямого воровства. Феномен так называемых *несунов* был широко распространен. На позднем этапе существования советской системы эти явления приняли вид «подпольных цехов», где «на сторону» уходили уже не только материалы, но и капитальные активы, т. е. оборудование. *Таким способом происходило выравнивание курсов наличных и безналичных денег.*

В теории «мягких бюджетных ограничений» Я. Корнаи отмечается факт неограниченного предложения кредита на производственном рынке. Однако в этой теории не исследован вопрос об *источнике этого предложения*, т. е. о принципиальном неравновесии наличного и безналичного оборотов, заложенном в советской денежной системе. Что касается *спроса* на банковские кредиты в советской системе с двумя контурами денежного обращения, то и в этом вопросе теория Корнаи, как представляется, также неверно выстраивает направление анализа. Согласно этой теории, неумеренный спрос на запасы и на кредиты советских «менеджеров» вызван их «ненасытной жаждой инвестиций»⁴⁷. Думается, что причины, заставлявшие предприятия в советской системе делать запасы, были значительно более рациональны. Это, во-первых, стремление защитить себя в условиях перебоев и дефицита. Во-вторых, стремление иметь некий стратегический избыток для многосторонних обменов ресурсами с предприятиями-смежниками. И, в-третьих, намерение сбыть нелегально, на сторону за наличные деньги или другие услуги, кое-что из своего запаса. Все эти три фактора, в разной пропорции и на разных этапах, присутствовали в советской экономической жизни.

В приведенном выше толковании взаимодействия двух контуров денежного обращения имплицитно содержится и объяснение того, почему советская денежная система пришла именно к той организации денежного хозяйства, которая ее отличает от общего образца, а именно к выделению — и разделению — наличных и безналичных денег. «Монополия на кассу», на «сильные» деньги обеспечила советской политической системе монополию на занятость, монополию на труд. И именно утеря отмеченной «монополии на кассу» привела советскую экономическую модель (на которой держалась и политическая монополия) к упадку.

Советская экономика в 1930 г. ушла от системы, где сосуществовали «сильные» деньги, обеспеченные государством, и банковский кредит на основе «сильных» денег и надежных долговых обязательств. Иными словами, нэп в условиях национализации банков сохранял классическую архитектуру центрального (государственного) банка и банков второго уровня, продуцирующих кредит на основе «сильных» денег. Запретив обмен безналичных денег на наличные, государство вынуждено было взять на себя не только функцию эмиссии наличности, но и функцию продуцента безналичного денежного компонента. А раздельное функционирование двух денежных оборотов уже автоматически вытекало из их существования как двух частей государственной денежной массы, поскольку в противном случае они сами по себе сформировали бы денежный рынок, что, кстати, произошло сразу после того, как государство разрешило предприятиям монетизировать свою прибыль (Закон о государственном предприятии 1987 г.).

В связи со «странностями» советской денежной системы в специальной (советской) литературе возникли трудности толкования понятий: что такое деньги и что такое кредит. Получалось, что кредит — это все: и первичное кредитование хозяйства наличными и безналичными деньгами, и производные от этого первичного акта обороты. Ранее уже приводилось мнение Г. Шварца, что все деньги в обороте — это государственный (через посредство Госбанка) кредит хозяйству (в виде эмиссии наличных и безналичных денег), подлежащий возврату. Но в связи с этим возникала проблема толкования тех производных оборотов, которые неизбежно возникают на базе этого, первоначального, акта государственного кредита. Видимо, именно поэтому возникли расхождения в толковании советской денежной системы.

Напротив, в обширной и информативной монографии Н. Д. Барковского автор осторожно высказывается:

«Известно, что денежный оборот складывается из двух взаимосвязанных потоков наличных денег... и денег в безналичном обороте...»⁴⁸

О взаимоотношении основных денежных инструментов мнение этого автора также высказано достаточно осторожно. «Гарантированный банком платеж — это эмиссия», — пишет он. В отличие от эмиссии «кредит носит адресный характер»⁴⁹.

Эти двух подхода отражали разную трактовку двух денежных операций, совершаемых государством: операции наделения предприятий и граждан необходимыми для хозяйственной и иной деятельности денежными средствами (*эмиссия*) и операции адресного и платного *кредита*. При этом не подвергалось сомнению, что и в том, и в другом случае обе эти операции носят возвратный характер, т. е. деньги в виде эмиссии и деньги в виде кредита возвращаются в государственную кассу.

Те, кто трактовал денежную массу как единый фонд, ссужаемый государством на условиях возвратности, подчеркивая в составе этого фонда налично-денежную эмиссию, выделяли одну сторону денежного оборота, а именно зависимость общего объема денежной массы от налично-денежной составляющей («сильных» денег, в терминологии данной статьи). Одновременно они не считали правильным проводить специальное различие между деньгами и кредитом, полагая, что все деньги в социалистической экономике имеют кредитную основу. Что же касается кредита в узком значении этого слова — и банковского, и кредита под капитальные вложения, и кредита наличными, выдаваемого из средств государственных сберегательных касс, — то этот кредит составляет часть общей ссужаемой государством денежной массы. Его платный характер не оказывает серьезного воздействия на поведение получателей такого кредита, поскольку процентные ставки по такому кредиту невысоки.

Действительно, в хозяйственном обороте ставки по кредиту не воспринимались его получателями как значимый элемент их хозяйственной деятельности. По свидетельству того же Н. Д. Барковского, средняя процентная ставка по срочным кредитам составляла 2 % годовых. Процентные ставки по долгосрочным кредитам были значительно ниже: их уровень не превышал 0,75 %–1 % годовых⁵⁰.

При таких значениях кредитных ставок спор между двумя подходами к трактовке структуры денежной системы социалистической экономики представлялся в значительной степени догмати-

ческим. Однако на самом деле этот спор отражал наметившуюся в среде специалистов линию на придание денежному обращению более рыночного характера. Эта линия отражала общее движение «рыночников» в среде советских экономистов. В области денежного обращения рыночная ориентация выражалась в том, что ее сторонники ратовали за придание кредиту роли действенного орудия повышения эффективности. Средством для этого должны были стать повышение уровня и дифференциации процентных ставок по кредитам и одновременно значительное увеличение доли адресного кредита⁵¹. При этом особенно важное значение придавалось опоре долгосрочных вложений на кредитную основу (возможное воздействие такого шага можно оценить по тому факту, что в общей сумме капитальных вложений доля кредита составляла лишь 3%). Отметим, что в этот же период был опробован механизм денежной платы за основные фонды. Все это должно было приблизить советскую экономическую модель к развитой рыночной модели, выделив отдельную плату за основные активы (капитал). Но какую роль в этом общем движении к повышению рыночного характера советской экономики должны были сыграть повышение и дифференциация процентных ставок по кредитам? За этим вопросом стоял другой, более фундаментальный вопрос о роли процента в работе экономической системы современного типа.

Советская экономическая мысль в этот период — 1960–1970-е гг. — несмотря на общее наметившееся движение в сторону придания экономике более рыночного характера, еще не оперировала такими понятиями, как «цена денег» или «спрос на деньги», которые прочно вошли в словарь экономического анализа. Это отставание мышления отражало укоренившееся отставание экономической системы, которая после финансовых реформ 1930-х гг. исключила из своей практики плату за деньги как особую часть денежной экономики.

Чтобы пояснить, что при этом имеется в виду, необходимо обратиться к тем глубоким изменениям, которые претерпела денежная система экономически развитых стран в XX в. Замена металлической (золотой и серебряной) основы денежного обращения на бумажные деньги была сопряжена с обязательствами государства как эмитента денег поддерживать стабильность денежного обращения. Эти обязательства со временем вылились в государственные облигационные займы, используемые центральными

банками в качестве обеспечения эмиссии банковских денег (банкнот центрального банка). По этим облигациям государство платило процент, что представляло своего рода институциональное оформление платы за деньги как таковые, т. е. платы, отдельной от стоимости денег в товарных сделках (от их покупательной силы). Символом этого оформления служит в современных условиях независимость центрального банка от правительства, их отношения по поводу регулирования денежного обращения как деловых партнеров. Для государства, эмитирующего деньги под свои обязательства, вопрос поддержания стабильности денежного обращения сопряжен с угрозой падения курса его обязательств на рынках, что может обернуться дефолтом государственной платежной системы, чему в недавней истории России мы были свидетелями и чему являемся свидетелями в современной истории объединенной Европы.

О причинах упадка советской денежной системы

Предшествующее изложение показало, как финансовые реформы 1930-х гг. создали денежную экономику особого типа, которая, сохраняя достоинства денежного хозяйства, одновременно дала политическому режиму ресурсы для достижения тех целей, которые этот режим рассматривал в качестве приоритетных. Мы постарались показать, что решающим фактором реформ было разделение денежного обращения на два контура (наличный и безналичный) с выделением потребления населения в особый контур наличного оборота, что, по существу, освободило ресурсы государства для достижения поставленных им целей. И хотя на протяжении всего нашего анализа указывалось на скрытые изъяны этой денежной конструкции, одновременно подчеркивалась ее работоспособность в решении задачи, связанной с поддержанием общего экономического равновесия. Какие же изменения в этой денежной системе подготовили ее упадок?

В обоих контурах денежного обращения протекали важных процессы, значение которых на разных этапах развития советской экономики было различным. *В безналичном кругу обращения* цены на продукцию устанавливались достаточно простыми и отработанными методами, отражая издержки производства и так называемую нормальную норму рентабельности. Эти цены

не посылали во второй круг денежного оборота сигналов о ресурсных ограничениях, прежде всего потому что основные природные ресурсы были бесплатными. Вследствие этого структура потребительских цен тоже оказывалась искаженной. До поры до времени эта система успешно функционировала в силу обилия природных ресурсов и достаточной эффективности экстенсивной модели роста. Но уже на этой стадии возникли опасные признаки расстройства денежного обращения. Они проявлялись в том, что значительная часть материальных ресурсов постоянно уходила на сторону (об этом уже говорилось выше). Таким путем «плохие» деньги из производственного сектора обменивались на «хорошие», т. е. наличные.

Тем временем в потребительском кругу денежного обращения нарастал процесс совершенно другого характера. По мере повышения реальных доходов росли денежные сбережения граждан. Это естественный процесс для всякой экономики. Однако рост сбережений вызывал потребность каким-то образом их разместить. Сберкассы не предоставляли для этого заманчивых возможностей. Попытки государства извлечь излишнюю денежную наличность из оборота не приводили к желаемому результату. И дело здесь было не только в неповоротливости государственной промышленности и сельского хозяйства. Заложенные в сфере производства издержки оказывались плохим ориентиром для построения розничных цен. Дальнейшие «наслоения» на эти издержки в виде нормированной прибыли, нормированного по видам продукции налога с оборота и торговой надбавки на многие годы застывали в виде малоподвижных розничных цен. Эти розничные цены воспринимались населением как нечто свойственное самому товару, вроде материала, из которого он был изготовлен, скажем, металла или дерева. Такое свойство розничных цен позволяло государству соотносить денежную заработную плату с потребительской корзиной, что связывало воедино налично-денежное обращение с доходами и потреблением. Но эта система, которая неплохо работала как экономический и социальный стабилизатор, в условиях возросшего душевого дохода начала давать сбои.

Денежные сбережения граждан, не находя подходящей сферы инвестирования в государственной экономике, все активнее стали уходить в теневую сферу (зачастую вместе со своими владельцами). А из этой сферы соответствующие денежные средства в виде «сильных» денег устремлялись в производственный круг денеж-

ного оборота, где все более интенсивно происходил обмен (через посредство дешевого кредита в производственном кругу обращения) наличных денег на ресурсы для теневой экономики.

Каков же был результат? А он был весьма поучителен: теневой сектор экономики «социализма» становился тем звеном, которое связывало два круга денежного оборота воедино, делая то, что делает всякая рыночная экономика, выравнивая курсы «хороших» и «плохих» денег. Но, заметим, теневой сектор делал эту работу, постоянно наращивая свои производственные мощности и свою способность снабжать население необходимыми товарами и услугами.

Собственно, эти взаимосвязанные процессы уже в трех кругах денежного оборота — безналичном, наличном и теневом — подготовили будущий острый кризис денежного обращения. Если государство безраздельно контролировало безналичный оборот, то с утечкой денег из наличного оборота в сферу теневой экономики оно ничего не могло сделать. И в этом звене проявился основной дефект построенной в 1930-гг. архитектуры денежного обращения. В ней отсутствовало звено, способное автономно регулировать налично-денежную массу. В рыночной экономике таким звеном служит рынок капитала, который способен привлекать денежные сбережения граждан, направляя их в инвестиционную сферу. В советской экономике его не было.

По-настоящему глубокое расстройство денежной системы началось тогда, когда прежними мерами — путем введения карточной системы, стерилизации денежных накоплений, жесткой дефляционной политики — решение накопившихся проблем стало недоступным в силу экономических и социальных перемен, начавшихся в 1980-х гг. И проявилось оно в необратимой деградации налично-денежного обращения, приведшей на заключительном этапе к феномену «бегства от денег».

Будущему экономическому историку еще предстоит по крупным соборам собрать данные о движении налично-денежной массы за длительный период шести десятилетий после кредитной реформы 1930 г. Но уже сейчас можно сказать о причинах, которые привели к денежной катастрофе на заключительном этапе этой истории в 1989–1991 гг.

Уже во второй половине 1970-х гг. грозно заявил о себе феномен пустых магазинных полок. Поскольку никаких видимых причин для того, чтобы в этот период возник острый товарный голод,

не было, то исследователи объясняли эти явления, главным образом, ростом военных расходов, новым витком гонки вооружений. Но советская экономика и ранее не прекращала интенсивных вложений в ВПК. Фактически то, что происходило в Советском Союзе в сфере потребления (мирное время, достаточные материальные и природные ресурсы), было обусловлено одной, но кардинальной причиной: советские деньги перестали играть роль «переносчика» благ от производителя к потребителю, во всяком случае в государственном секторе экономики. Уже в это время, т. е. за десять-пятнадцать лет до развала Советского Союза, денежная модель советского типа, начало которой было положено кредитной реформой 1930-х гг., пришла в состояние упадка.

Теневая экономика, которая до какого-то момента конкурировала с государственной и смягчала скудость советского потребительского оборота, в конце 1970-х гг. начала агрессивно разрушать те опоры, которые придавали устойчивость государственному денежному хозяйству. На фоне инфляционной эмиссионной политики все большие объемы налично-денежной массы уходили в теневой оборот, что в свою очередь провоцировало раскручивание инфляционной спирали, поскольку дефициты кассового оборота все более возрастали. Параллельное денежное хозяйство действовало по законам рынка как единое поле, объединявшее одними деньгами как производственные, так и потребительские блага. Оно вторгалось в государственный потребительский и ресурсный оборот, вымывая из него именно то, что по жестким правилам, выработанным многими годами, составляло *наиболее ценные и наименее оцененные* элементы этого государственного оборота. Свидетельством фактического крушения советской денежной модели стали постоянно растущие расхождения государственных и теневых цен на целый ряд наименований как потребительских, так и производственных благ.

Заключительные замечания

На протяжении всего существования денежной системы, рожденной реформами 1930-х гг., можно было наблюдать смену направлений денежной политики. После 1933 г., когда государство смогло консолидировать в своих руках все денежные доходы граждан в виде единой кассы, наступил период жесточайшей

дефляционной политики, сжатия денежных доходов с одновременным формированием минимальной потребительской корзины для городского населения. Эта денежная политика проводилась на фоне политических репрессий, и только на этом фоне она могла быть успешной. После Великой Отечественной войны денежная реформа 1947 г. в значительной мере обнулила денежные накопления населения, образовавшиеся в годы войны. Снова возобладала дефляционная политика жесточайшего контроля над денежными доходами населения с одновременными показательными снижениями розничных цен. В этот же период окончательно сформировалась «минимальная потребительская корзина» на базе субсидирования ряда ключевых потребительских товаров. Также в этот период институционально оформилась система закрытых распределителей. Оба этих элемента были частью общего кассового оборота.

В производственной сфере установилась жесткая система финансового контроля (вплоть до «постановки на картотеку») с одновременным выделением ряда предприятий и даже целых отраслей в категорию «планово-убыточных». Эта денежная система, связанная с именем министра финансов А. Зверева, оказалась адекватной для страны нищей деревни и полуничих «поселений городского типа». После 1953 г. в течение длительного периода денежная политика по инерции действовала в духе сложившейся при Сталине дефляционной модели. Но начиная с середины 1960-х гг. под воздействием либеральных «косыгинских» реформ вектор денежной политики постепенно изменился в направлении инфляционных послаблений. Те инфляционные послабления, которые имели место в 1965–1975 гг., оказались как нельзя более адекватны тенденциям экономического роста. Однако после 1975 г. экономика привыкла к ускоренному росту налично-денежной массы. Инфляционная модель развития складывалась в то время, когда материальные, прежде всего человеческие, ресурсы дальнейшего роста были исчерпаны (именно в этот период советская экономическая наука занялась проблемой исчерпания экстенсивных факторов роста). Однако в денежной сфере, которая была закрыта для гласного обсуждения, продолжался инфляционный накат. К 1985 г. советская экономика подошла с глубоко расстроенной денежной системой. Уже были пустые прилавки, но глубина расстройств денежной системы скрадывалась буйным развитием теневого сектора экономики, что еще более усугубляло

расстройство, поскольку вымывало ресурсы всех видов из государственного распределения, тесно увязанного со времен становления советской политики доходов с минимальной потребительской корзиной.

Глубина расстройства денежной системы также маскировалась негибкими оптовыми и розничными ценами. Инфляция принимала подавленный характер, что лишь обостряло ее течение и затрудняло борьбу с ней. В это время, т. е. в середине 1980-х гг., страна нуждалась в коренной денежной реформе, способной перестроить все принципы, на которых покоилась советская экономическая модель. Старая система, возникшая в 1930-е гг., окончательно исчерпала себя. Она только усиливала неэффективность хозяйственного оборота и размещения материальных и человеческих ресурсов. Реформа должна была вернуть стране полноценные деньги, на которые могли ориентироваться в своих решениях все основные группы участников хозяйственного процесса: государственные предприятия, кооперативы, колхозы, частники.

Можно лишь с горечью констатировать, что ни общественность, ни власть, ни интеллектуальная элита не осознавали в то время настоятельную потребность в такой реформе. В итоге денежная система Советского Союза ушла в историю вместе с советской экономической системой, неотъемлемой частью которой она являлась.

Примечания

¹ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., РОССПЭН. 2006. С. 16; Paul R. Gregory. The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. Cambridge University Press, 2004.

² «Съезд впервые сделал вывод, что деньги останутся у нас впредь до завершения первой фазы коммунизма — социалистической стадии развития», см.: История социалистической экономики СССР. М., Наука. 1977. Т. 3. С. 61.

³ Robbins, L. (1937). International Planning and Economic Order. London: MacMillan. Robbins's response to Lange. P. 210 (перевод здесь и далее мой. — Ю. К.).

⁴ Термин «советская экономическая модель» введен мной для того, чтобы подчеркнуть, что рассмотрению подвергаются разные *теоретические подходы* к тому явлению, которое привычно определялось как социалистическая, или плановая, экономика.

⁵ «Меновые пропорции на товары производственного назначения могут быть установлены лишь на базе частной собственности на средства производства», см.: Mises L. von. *Socialism*. Indianapolis: Liberty Classics. 1981. P. 113.

⁶ Michael Polanyi. *The Span of Central Directions*. In: *The Logic of Liberty*. The University of Chicago Press. 1980 (first edition 1951).

⁷ Roberts P. C. *Alienation and the Soviet Economy*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1971.

⁸ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., РОССПЭН. 2006; Gregory Paul R. *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives*. Cambridge University Press, 2004.

⁹ Powell R. *Plan Execution and the Workability of the Soviet Planning* // *Journal of Comparative Economics*. 1977. Vol. 1. No. 1. P. 69–70.

¹⁰ Юровский Л. Н. *Денежная политика советской власти*. М.: Начала-Пресс, 1996.

¹¹ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1998; Голанд Ю. М. *Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924*, М.: Экономика, 2006.

¹² В составе советской экономической науки существовала такая специализация, как «Деньги и кредит при социализме». В этой области в разное время работали серьезные исследователи, профессионалы высокого уровня. Они составляли своеобразный анклав в рамках «политической экономики социализма». Одно обстоятельство ставило их в положение своего рода «секретных физиков» в области общественных наук: большая часть статистики, связанная с этой специализацией, была засекречена.

¹³ В самое последнее время появилась весьма информативная статья на тему кредитной реформы 1930 г.: Уразова С. А. Особенности и значение кредитной реформы 1930–1932 годов. *Деньги и кредит*. 2011. № 4.

¹⁴ История государственного банка СССР. В документах. М.: Финансы, 1971. С. 251.

¹⁵ Червонец к тому времени уже утратил характер твердой валюты, обеспеченной золотыми запасами страны.

¹⁶ История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 64.

¹⁷ Не исключено, что инициатива этой реформы исходила непосредственно от Ю. Л. Пятакова, бывшего в тот момент председателем правления Центрального банка. Вскоре он был снят с этого поста и «переброшен» на тяжелую промышленность заместителем Г. К. Орджоникидзе. Осужден и расстрелян по второму «троцкистско-зиновьевскому» процессу 1937 г.

¹⁸ В советской традиции утвердилось толкование нэпа, как переходного периода к социализму. Однозначность этого вывода давно стала вызывать серьезные возражения, см.: Место нэпа в советской общественной системе. Материалы Ученого совета ИМЭМО РАН от 13.03.2002. Сост., ред. Ю. Б. Кочеврин. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

¹⁹ В августе 1927 г. Куйбышев выступил в защиту снижения цен в условиях нехватки товаров под тем предлогом, что это явится победой планирования над «стихией рынка». В журнале «Экономический бюллетень Конъюнктурного института» отмечалось, что «промышленность во все большей степени превращается из фактора, оздоравливающего нашу экономику, в фактор, не-

сущий с собой новые осложнения и трудности», см.: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 72. В 1928 г. последовало смещение Н. Кондратьева с поста директора Конъюнктурного института.

²⁰ Карр Э. История Советской России. М.: Прогресс, 1989. Т. 1(2). С. 238, 239, 246 и др.

²¹ И все же остается один крайне важный вопрос для оценки экономической ситуации тех лет. Почему власть не задействовала в полной мере ресурс денежной экономики, освободив цены и используя систему налогового давления на частный сектор для ускорения экономического, в том числе индустриального, роста? Этот сценарий соответствовал реалиям сложившейся многоукладной экономики России, т. е. реалиям нэпа. Экономический рост, даже в условиях инфляции, мог дать дополнительные ресурсы для индустриализации — в виде растущих налогов на частный сектор, экспортной выручки, акцизов и других поступлений. Но в любом случае такое направление экономического развития неизбежно привело бы к сохранению частного сектора экономики, а именно этого больше всего опасалась власть. Если внимательно прочитать партийные дискуссии пятилетнего периода после смерти Ленина (1924–1929), то видно, что все они проникнуты страхом перед развитием нэпа, но не из-за слабости нэпа, а, напротив, из-за его успехов, в которых партия видела угрозу своей власти.

²² «В первой пятилетке (между октябрем 1929 г. и январем 1932 г.) общая сумма кредитов увеличилась в 4,3 раза, т. е. возрастала более быстрыми темпами, чем промышленное производство и значительно опережало рост товарооборота». «Производительность труда повысилась на 41 %, а фонды заработной платы увеличились в четыре раза». За 1931–1932 гг. «эмиссия наличных денег увеличилась... на 5,6 млрд руб., или в 3,3 раза», см.: Мелков А. Е. Кредитные ресурсы Государственного банка СССР. М.: Финансы, 1969. С. 80–85.

²³ В 1930 г. наличность в остатках (на руках) составляла приблизительно 1,7 млрд руб. В 1940 г. наличность в остатках оценивалась в 40 млрд руб., т. е. выросла примерно в 23 раза, см.: Конник И. И. Деньги в период строительства коммунистического общества. М.: Финансы, 1966. С. 152, 156. Другой источник приводит другие данные, оценивая размеры наличности на руках в 1940 г. в размере 22,4 млрд руб. Но и в этом случае получается, что ее объем за десятилетие увеличился более чем в 13 раз, см.: Атлас М. Развитие Государственного Банка СССР. М.: Госфиниздат, 1958. С. 200–201.

²⁴ «Перевод денег со счета заказчика на счет поставщика стал производиться лишь в меру действительного выполнения договоров, при согласии заказчика...», см.: История социалистической экономики СССР. С. 65.

²⁵ Постановление НКФ СССР и Правления Госбанка СССР «О регулировании кассовой наличности госучреждений, хозяйственных, кооперативных профессиональных и общественных организаций» от 16 декабря 1930 г., где, в частности, говорилось: «...установить для всех учреждений предельную сумму денежной наличности, допускаемую к хранению в собственной кассе». В следующем постановлении Наркомфина и Государственного банка говорилось о запрещении «безналичных расчетов в розничных торговых организациях» (от 16 апреля 1932 г.). В постановлении от 25 февраля 1933 г.

«О недопущении выпуска в обращение денежных суррогатов» говорилось: «Расчеты с покупателем должны производиться только наличными деньгами». Цит. по: История государственного банка СССР. В документах. М.: Финансы, 1971. С. 261, 293, 319.

²⁶ «В мае 1930 г. было установлено, что бюджетные ассигнования... являются безвозвратными». Промбанк стал банком безвозвратного финансирования капитальных вложений; см.: Там же. С. 476.

²⁷ О регулировании расходования фондов заработной платы, от 21 февраля 1933 г., см.: Там же. С. 318.

²⁸ Премияльный фонд планировался в процентах к плановому фонду заработной платы (от 0,7 % до 1,0 %), а директорский фонд — в размере 4 % от плановой прибыли и 50 % от сверхплановой прибыли, см.: История советской экономики... Т. 4. С. 61.

²⁹ История социалистической экономики СССР... Т. 3. С. 68.

³⁰ Собираясь увеличить армию, Сталин писал Молотову: «Откуда взять деньги? Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны. Стало быть, надо учесть это дело сейчас же, отложив соответствующее сырье для производства водки, и формально закрепить его в госбюджете 30–31 года. Имей в виду, что серьезное развитие гражданской авиации тоже потребует уйму денег, для чего опять же придется апеллировать к водке», см.: Жирнов Е. «Прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки». Власть. № 37. 20.09.2010.

³¹ Для тех, кто пытался понять источники формирования государственного бюджета страны, таинственной оказывалась статья «другое», которая в разное время занимала третье место по своему значению, а в некоторые годы приблизительно равнялась налогу с оборота и налогу на прибыль государственного сектора. Конечно, для специалистов было понятно, что за ней скрывалось пополнение бюджета за счет внешнеторгового оборота. Но это, как и многое другое, тщательно засекречивалось, поскольку за данной статьей доходов стояли методы, которыми государство в качестве монополиста во внешней торговле оптимизировало выгоды от внешней торговли.

³² Грегори П. Указ. соч. С. 268.

³³ Указ. соч. С. 245, 264. Автор ссылается на работу: Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 500–503.

³⁴ Планирование народного хозяйства СССР / Под ред. Л. Я. Берри. М.: Экономика. 1973. С. 275–286.

³⁵ Nove A. *The Soviet Economic System*. (3^d edition). London: Allen and Unwin, 1986. P. 236–253.

³⁶ Ситнин В. К. События и люди. Записки финансиста. М.: Деловой экспресс, 2007. С. 34, 35.

³⁷ В 1963 г. председатель Госбанка СССР А. К. Коровушкин вынужден был обратиться непосредственно к Н. Хрущеву с просьбой увеличить «эмиссионный лимит», поскольку росла задолженность Госбанка по зарплате (т. е. не хватало наличности). Хрущев в резкой форме отказал ему и вскоре отстранил от должности (Ситнин В. К. Указ. соч. С. 35–36).

³⁸ Оценивая инфляционный пресс в период 1932–1936 гг., О. Хлевнюк и Р. Дейвис рассматривают динамику так называемых денежных агрегатов. Согласно их данным, кассовая наличность (L_1) выросла за этот период приблизительно в 3,5 раза. Агрегат M_1 (наличность плюс коммерческие кредиты; имеются в виду кредиты Госбанка под заработную плату) вырос в такой же пропорции (Khlevnyuk O., Davis R. The End of Rationing in the Soviet Union 1934–1935 // Europe-Asia Studies. 1999/ Vol. 51. Tables 2, 4); Arnold A. Banks, Credit and Money in Soviet Pussia / New York: Columbia University Press, 1937. Table 62.

³⁹ Грегори Пол. Цит. пр. С. 110. Ссылка на: Вайнштейн А. Л. // Экономические и математические методы. 1967, № 1. С. 21.

⁴⁰ Хлевнюк О. В. и др. (сост.). Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг., М. 2001. С. 245 (цит. по: П. Грегори. Указ. соч. С. 272).

⁴¹ В конце первой пятилетки уровень реальной заработной платы значительно снизился (Малафеев А. История ценообразования в СССР. М., 1964. С. 174).

⁴² Кочеврин Ю. Б. Социализм и статус. Очерк советского общественного строя. М.: ИМЭМО РАН, 2004. В аннотации к этому исследованию, в частности, отмечается: «Статусные принципы распределения дохода обеспечивали устойчивость социализму и вместе с тем явились причиной его системной слабости. Под воздействием коммерциализации они подвергались вырождению, что в конечном итоге вело к упадку социализма».

⁴³ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1958. Гл. 15: Психологические и деловые мотивы предпочтения ликвидности.

⁴⁴ Лишь на заключительном этапе этой истории (1989–1991) возникло явление, которое в экономической теории имеет название «бегства от денег» в условиях гиперинфляции. Интересно отметить, что гиперинфляция в Советском Союзе вплоть до его распада носила подавленный характер, т. е. не отражалась адекватным образом на движении индекса потребительских цен.

⁴⁵ Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

⁴⁶ Шварц Г. А. Предисловие к книге: А. Е. Мелков. Кредитные ресурсы Государственного банка СССР. М.: Финансы, 1969. С. 3.

⁴⁷ Я. Корнаи в книге «Дефицит» неоднократно говорит о «постоянном инвестиционном голоде» в качестве мотива деятельности социалистического предприятия: «Инвестиционные намерения и их осуществление возникают и реализуются “самостоятельно”, вне всякой зависимости от денежных накоплений предшествующего периода» (с. 546); «существующий в последнем (производственном секторе. — Ю. К.) почти ненасыщаемый спрос вызывает постоянный отсос, приводящий к интенсивному дефициту не только на рынке средств производства, но и в потребительском секторе, отвлекая отсюда часть предложения» (с. 565–566, выделено автором).

⁴⁸ Барковский Н. Д. Проблема кредита и денежного оборота в условиях развитого социализма. М.: Финансы, 1976. С. 79.

⁴⁹ Там же. С. 91.

⁵⁰ Там же. С. 71, 72.

⁵¹ Бунич П. Г., Перламутров В. Л., Соколовский Л. Х. Экономико-математические методы управления оборотными средствами. М.: Финансы, 1973. С. 119.

История предпринимательства

А. Ю. Петров*

Государственное регулирование импорта промышленных машин в Россию, середина XIX в. — 1914 г.

Россия традиционно принадлежала к числу стран «догоняющего» типа экономического развития, вступив на путь современного промышленного роста позже ведущих стран Западной Европы и США¹. При этом Россия имела возможность воспользоваться «преимуществами отсталости», заимствуя капиталы, технические достижения и организационно-хозяйственный опыт экономически развитых стран².

Однако проблема импорта технологий (технологический трансферт) в пореформенной России остается малоизученной. Между тем в историко-экономической литературе высказывался тезис о том, что среди факторов, необходимых для страны, вступившей на путь интенсивной индустриализации, технологическое заимствование занимает ведущее место³. Ключевой составляющей технологического трансферта в индустриальную эпоху являлся импорт используемых в промышленности машин, т. е. механизмов, приводимых в движение энергией пара, электричества, углеводородного сырья (двигатель внутреннего сгорания), а также мускульной силой человека или животных. Россия, вступившая на путь капиталистического развития позже стран Западной Европы и поначалу не располагавшая собственным машиностроением, в этом смысле не была исключением из общего правила.

В статье исследуется проблема государственного регулирования импорта промышленного оборудования в Россию начиная с середины XIX в., когда этот вопрос впервые появился в материалах государственных учреждений, и заканчивая кануном Первой мировой войны, прервавшей традиционные экономические связи страны.

---

* Петров Антон Юрьевич — кандидат исторических наук (МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва).

Основным средством государственного регулирования экспортно-импортных потоков в рассматриваемый период являлась таможенная политика, достаточно детально изученная в трудах дореволюционных отечественных экономистов⁴. Отдельные аспекты таможенной политики дореволюционной России затрагивались и в более поздних работах⁵, однако динамика и факторы изменения ввозных пошлин на отдельные виды промышленного оборудования на протяжении всего рассматриваемого периода специально не исследовалась.

Для анализа таможенного законодательства дореволюционной России важно учитывать мотивы, которыми руководствовались те, кто непосредственно направлял это развитие. В литературе справедливо отмечалась исключительная роль министров финансов в определении общего вектора экономической политики⁶. Нас прежде всего будут интересовать те концептуальные установки, которыми при выработке общего экономического курса руководствовались десять министров финансов второй половины XIX — начала XX в. (от Ф. П. Вронченко и до В. Н. Коковцова).

Первый раздел статьи посвящен обзору таможенной политики до принятия тарифа 1891 г., явившегося кульминацией протекционистского курса. Во втором разделе предметом анализа станет общая «экономическая система» С. Ю. Витте и его преемника В. Н. Коковцова, таможенное законодательство этого периода и его влияние на импорт промышленных машин и оборудования. Предметом исследования станут также торговые договоры, заключенные с западноевропейскими странами в 1890–1910-х гг., в аспекте влияния на таможенную политику России. Кроме того, в каждом из разделов анализируются административные меры, имевшие отношение к регулированию импорта промышленного оборудования.

Период действия автономного таможенного тарифа (1852 г. — начало 1890-х гг.)

Впервые проблема ввоза машин привлекла внимание правительства в годы пребывания на посту министра финансов Ф. П. Вронченко. Однако сам глава финансового ведомства был к этому не причастен, поскольку из-за болезни с ноября 1851 г. фактически отошел от дел, хотя и сохранял пост министра до конца дней (умер в 1854 г.)⁷.

В 1852 г. вопрос о ввозе «фабричных и других машин» был рассмотрен в образованной при Министерстве финансов Особой комиссии из членов Ученого комитета корпуса горных инженеров, которая пришла к заключению о необходимости введения 20–30 % таможенной пошлины на импортные машины в зависимости от их вида. Беспошлинным комиссия предполагала оставить ввоз машин для прядения льна и шерсти, а также агрегатов для свекло-сахарных заводов и табачных фабрик, которые были обложены акцизным сбором⁸.

Заключение комиссии впоследствии было рассмотрено в Комитете для общего пересмотра таможенного тарифа. Согласно мнению большинства его членов, таможенное покровительство не являлось необходимым условием для становления машиностроительного дела в России. Его дальнейшее успешное развитие, по мнению комитета, зависело от удешевления чугуна и железа, улучшения путей сообщения и технического образования служебного персонала и рабочих. Ввоз машин в Россию и без повышения таможенных пошлин затруднялся теми высокими накладными расходами, которые несли иностранные производители при транспортировке своих изделий. Лейтмотивом аргументации членов Комитета была забота о промышленности в целом, которая при неразвитости российского машиностроения оказалась бы обложенной дополнительным налогом в случае введения таможенной пошлины на машины. Ставка делалась на будущую инициативу отечественных машиностроительных предприятий, которые должны были собственными силами обзавестись «всеми необходимыми орудиями», приобрести «хороших мастеров и работников» и «вообще поставить себя в надлежащие условия для исправной выделки удовлетворительных машин»⁹.

Новый министр финансов П. Ф. Брок, который занимал этот пост в 1853–1858 гг., в вопросах таможенной политики придерживался умеренно-протекционистской линии. Таможенным тарифом 1857 г. вводилось понижение ввозных пошлин. В связи с заключениями Комитета для общего пересмотра таможенного тарифа П. Ф. Брок полагал, что «обложение машин пошлиной неминуемо стеснило бы все отрасли отечественной промышленности»¹⁰. Сопреображения Комитета для общего пересмотра таможенного тарифа получили одобрение Государственного совета, и ввоз машин по таможенному тарифу 1857 г. был оставлен беспошлинным¹¹.

Вопрос о введении пошлин на иностранные машины вновь обсуждался в начале 1860-х гг. в связи с разработкой мер по развитию российского машиностроения. Инициатива в данном случае исходила от А. М. Княжевича, который, являясь в 1858–1862 гг. министром финансов, изложил свой взгляд на пути экономического развития России в записке «О настоящем положении государственных финансов», поданной в ноябре 1860 г. императору Александру II. В ней А. М. Княжевич заявил себя сторонником политики протекционизма с целью обеспечить благоприятные условия для развития российского машиностроения, металлургии, сельского хозяйства и других отраслей. «При возрастающей у нас потребности в иностранных машинах, пароходах и принадлежностях железных дорог, на что переходят за границу огромные суммы, — А. М. Княжевич считал необходимым, — поощрить разработку железных руд на каменном угле и развитие нашего машиностроительного дела и рельсового производства всеми зависящими от правительства средствами»¹². Министр финансов полагал, что экономический рост после реформ 1860-х гг. может быть достигнут исключительно благодаря контролю и помощи со стороны государства, настаивал на необходимости государственной финансовой поддержки железнодорожного строительства и рельсового производства, видя в этом основу укрепления стратегической мощи страны¹³.

Однако и на этот раз от непосредственного таможенного покровительства было решено воздержаться. Вместо повышения тарифа на импортируемую технику в 1861 г. владельцам отечественных машиностроительных предприятий был разрешен беспошлинный ввоз чугуна и железа для производства машин¹⁴.

В 1864 г. правительством были изданы правила, разрешавшие правлениям строившихся в России железных дорог беспошлинный ввоз всех необходимых металлических изделий. Кроме того, от уплаты таможенной пошлины освобождались всякого рода чугунные и железные изделия, предназначенные для устройства водопроводов, газового освещения, конных железных дорог, новых фабрик и заводов. В материалах комиссии, учрежденной в 1880 г. с целью пересмотра таможенных пошлин на металлы и металлические изделия, давалась следующая оценка только что описанной политики: «Подобными льготами от русских заводчиков отнималась всякая возможность исполнять серьезные работы для новых предприятий и тем упрочивать свою репутацию;

механическим же заводам предназначалось играть роль только ремонтных мастерских, какими они и есть теперь, за немногими исключениями»¹⁵.

Правительство прибегало к административным мерам и для достижения обратного эффекта — сокращения поставок иностранного оборудования и обеспечения заказами российских машиностроительных предприятий. Подобная линия проводилась, в частности, в отношении казенных заказов. Первый указ подобного рода был издан еще в марте 1860 г., когда «в целях уменьшения отлива звонкой монеты за границу и содействия развитию промышленности в России» различным ведомствам было предписано производить заказы машин у иностранных производителей только в том случае, если приобрести их в России не представлялось возможным. В октябре 1866 г. вышло высочайшее повеление о необходимости «прекратить на будущее время правительственные заказы за границей» и «исполнять их внутри государства, несмотря ни на какие затруднения и неудобства».

Очевидно, должного эффекта не последовало, и 20 декабря 1885 г. высочайше утвержденным положением Комитета министров обращалось особое внимание различных ведомств на необходимость соблюдения высочайшего повеления 1866 г.¹⁶

Как известно, общим вектором борьбы мнений по вопросу экономической политики в правящих кругах России эпохи Великих реформ являлось противоборство двух линий — фритредерства и протекционизма. Взгляды М. Х. Рейтерна, министра финансов в 1862–1878 гг., на экономическую политику эволюционировали под влиянием обстоятельств. Первоначально он выступал как сторонник экономического либерализма, затем проявил себя сторонником более жесткого государственного регулирования. Олицетворением его таможенной политики стал умеренно-протекционистский тариф 1868 г. Высокими ввозными пошлинами была обложена готовая промышленная продукция, умеренными — сырье, полуфабрикаты, станки и другое оборудование для фабрик и заводов¹⁷.

Принятию тарифа 1868 г. предшествовали дискуссии в Особом присутствии, образованном для рассмотрения проекта таможенного тарифа. По вопросу таможенного обложения машин мнения разделились: большинство членов присутствия высказывалось в пользу умеренных пошлин, другие ратовали за сохранение беспошлинного ввоза машин. М. Х. Рейтерн склонялся ко второй точке

зрения и предлагал не облагать пошлиной текстильное оборудование («машины для обработки волокнистых веществ» по терминологии того времени). Вместе с тем министр финансов не исключал возможности установления таможенной пошлины на ряд машин: на локомотивы, локомобили, паровые пожарные машины, медные аппараты и медные части машин она должна была составить 75 коп. с пуда; на все остальные машины — 30 коп. с пуда¹⁸.

Особое присутствие, подчеркивая важность машинной техники для развития железнодорожного дела и оборонной промышленности, пришло к выводу о необходимости принятия мер, способствующих росту отечественного машиностроения. Вместе с тем по вопросу таможенной защиты российских производителей в комиссии сложились разные точки зрения, на которых остановимся подробнее.

Противники введения пошлин, т. е. представители фритредерского направления, обращали внимание на то, что машиностроение возникло и развивалось в России в условиях, когда не существовал таможенный барьер для продукции зарубежных производителей. Их оппоненты, сторонники таможенного протекционизма, подчеркивали, что стимул развитию машиностроения в России дали правительственные заказы. В частности, приводились цифры, согласно которым порядка 90 % стоимости продукции российских машиностроительных заводов в 1866 г. приходилось на долю казенных заказов. Но протекционисты настаивали, что сами по себе казенные заказы не гарантировали здорового развития российского машиностроения.

С одной стороны, потребности государства в машинах были ограничены и в долгосрочной перспективе не могли обеспечить устойчивый спрос на продукцию российских предприятий. С другой — обрабатывающая промышленность нуждалась в гораздо более широком ассортименте машин, чем предусматривалось казенными заказами. Таможенное обложение импортных машин, по их мнению, призвано было облегчить конкурентную борьбу отечественных машиностроительных предприятий с иностранными производителями.

Расходы на транспортировку зарубежной техники в Россию составляли 5–15 % ее стоимости и, по мнению протекционистов, сами по себе, без дополнительного таможенного обложения не ограждали интересы российского машиностроения, на что рассчитывали составители тарифа 1857 г. Наглядным тому под-

тверждением, по мнению ряда членов Особого присутствия, служил тот факт, что российские промышленные предприятия чаще и охотнее приобретали машины и оборудование у иностранных, а не отечественных производителей¹⁹.

Противники установления таможенных пошлин на машины высказывали опасение, что эта мера приведет к росту стоимости продукции российских машиностроительных предприятий, что приведет к сокращению ее потребления на российском рынке. Контраргумент протекционистов состоял в том, что проектируемые пошлины составляли относительно невысокий процент от стоимости импортных машин (т. е. являлись охранительными, а не запретительными) и их введение не могло вызвать значительного удорожания машин. Кроме того, они ссылались на опыт западноевропейских стран (Франция, Австрия и Германия), становление машиностроения в которых происходило при высоких ввозных пошлинах на импортные машины.

Сторонники таможенного обложения предлагали распространить эту меру на все виды машин, разделив их на три категории: а) сельскохозяйственные машины; б) локомотивы, локомобили, паровые пожарные машины, медные аппараты и медные части машин; в) все остальные машины. Размер пошлин по категориям должен был составить соответственно 25 коп., 1 руб. 25 коп. и 50 или 80 коп. с пуда²⁰.

Что касается зарубежного промышленного оборудования (здесь в первую очередь упоминались паровозы, паровые машины, а также станки для обработки железа и дерева), то Особое присутствие выступило за его таможенное обложение, отметив прекрасные условия, имеющиеся для выпуска аналогичной продукции в России.

Однако в итоге на паровозы, с одной стороны, и на промышленное оборудование (локомобили, паровые машины, различные станки и т. д.) — с другой, были установлены разные ввозные пошлины, хотя в обоих случаях они оказались ниже таможенных ставок, предложенных протекционистами²¹. Выше всего были обложены иностранные паровозы и машины из меди (75 коп. вместо предлагаемых 1 руб. 25 коп. с пуда). Пошлина на промышленное оборудование (локомобили, паровые двигатели и т. д.) составила 30 коп., что шло вразрез с предложением министра финансов, собиравшегося оградить их производство наравне с паровозостроением (т. е. 75 коп. с пуда). Была также введена пошлина на за-

пасные части из чугуна, железа и стали, привозившиеся отдельно от машин и аппаратов (в размере 30 коп. с пуда)²². Сравнительно невысокий уровень обложения промышленных машин объяснялся тем, что правительство приняло во внимание установленную в 1861 г. льготу машиностроительным предприятиям по беспошлинному ввозу ими металлов²³.

Таким образом, решения Особого присутствия 1867 г., положенные в основу таможенного тарифа 1868 г., открыли эру таможенного покровительства промышленного производства, в том числе и машиностроения. Вместе с тем в повседневной практике отмечаются многочисленные попытки обойти положения тарифа 1868 г. со стороны российских заказчиков.

Нами обнаружен интересный архивный источник, отражающий эти попытки. Речь идет о ходатайствах о беспошлинном ввозе машин и оборудования, которые с конца 1860-х гг. начали поступать в Министерство финансов от правлений железных дорог, промышленных предприятий и органов городского самоуправления. Несмотря на то что в уставы отдельных акционерных компаний был включен пункт, разрешавший им импортировать необходимые машины без уплаты таможенной пошлины, они тем не менее были обязаны в каждом конкретном случае обращаться с соответствующим ходатайством в правительственные инстанции²⁴.

На основании этих ходатайств министр финансов готовил всеподданнейший доклад, в котором излагалась суть прошения и отзывы соответствующих ведомств. Часто к всеподданнейшему докладу прилагалась ведомость с перечислением запрашиваемых машин и указанием их веса. Эти материалы входят в коллекцию всеподданнейших докладов министра финансов по части торговли и промышленности (РГИА. Ф. 40). Данный источник дает возможность проследить, с одной стороны, какие отрасли народного хозяйства России нуждались в иностранных машинах и оборудовании, а с другой — понять, по каким причинам правительство делало отступления от взятого им с 1868 г. курса таможенного протекционизма.

Всего за 1868–1905 гг. в Министерство финансов поступили 115 ходатайств о беспошлинном ввозе машин и оборудования; 94 из них приходится на время до 1879 г. Составленные по этому поводу всеподданнейшие доклады, получившие одобрение императора, имели пометки «Высочайше разрешено», «Всеподданнейше разрешено», «Высочайшее повеление исполнить» или «Согласен».

Положительные заключения по ходатайствам министр финансов мотивировал следующим образом: требуемые машины и оборудование не производились российскими предприятиями; исполнение заказа в России обошлось бы чересчур дорого и заняло бы слишком много времени²⁵; импорт зарубежного оборудования будет способствовать развитию отраслей народного хозяйства²⁶; машины были заказаны за границей, но не успели пересечь таможенную границу государства к моменту установления пошлины (применительно к введению тарифа 1868 г.)²⁷; в ряде случаев министр финансов ссылался на прецедент, т. е. на принятые ранее решения по аналогичным ходатайствам²⁸.

С 1879 г. ходатайства не принимались к рассмотрению в связи с вступлением в должность нового министра финансов С. А. Грейга. Во всеподданнейших докладах главы финансового ведомства по поводу отдельных ходатайств появляется формулировка о том, что «допущение вообще беспошлинно привоза из-за рубежа предметов, в виде изъятия, составляет меру неудобную», при этом указывалось на то, что внимание на данное обстоятельство было обращено самим императором²⁹. В результате с 1879 г. ряду ходатаев вместо беспошлинного ввоза машин предоставлялась беспроцентная рассрочка в уплате пошлин на шестилетний срок³⁰.

В табл. 1 представлены данные о том, представители каких отраслей наиболее активно запрашивали льготы по беспошлинному импорту зарубежного оборудования.

Таблица 1

Распределение ходатайств о беспошлинном ввозе зарубежных машин по отраслям экономики (1868–1879 гг.)

Отрасль экономики	Удовлетворенные ходатайства	Неудовлетворенные ходатайства
Горнодобывающая и металлургическая промышленность	15	1
Металлообрабатывающая, машиностроительная и судостроительная промышленность	15	3
Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность	3	–
Целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность	6	–
Химическая промышленность	2	–
Пищевая промышленность	2	3

Отрасль экономики	Удовлетворенные ходатайства	Неудовлетворенные ходатайства
Текстильная промышленность	2	–
Прочие отрасли промышленности	6	1
Железнодорожный транспорт	10	3
Сельское хозяйство	2	–
Городское хозяйство	17	3
Итого	80	14

Источник: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20–40.

Как следует из табл. 1, чаще всего в Министерство финансов обращались горнодобывающие, металлургические, металлообрабатывающие, машиностроительные и судостроительные компании (по 15 удовлетворенных ходатайств в каждой группе). Относительно активны были предприниматели, связанные с отраслями деревообрабатывающей промышленности (6 ходатайств). Нефтепромышленники представили всего 3 ходатайства, владельцы химических, пищевых, текстильных предприятий — по 2 ходатайства. Это свидетельствует о том, что именно отрасли тяжелой промышленности были наиболее заинтересованы в поставках зарубежного оборудования и стремились снизить издержки отменной таможенной пошлины.

Относительно высокий уровень заявок железнодорожных компаний (10 ходатайств на поставку паровозов и подвижного состава), очевидно, объясняется высоким темпом развития российской железнодорожной сети в этот период. Бурный прогресс урбанизации в пореформенный период вызвал обильный поток ходатайств городских самоуправлений, которым зарубежная техника была необходима для муниципального благоустройства (канализация, водопровод, газовое освещение, городской транспорт и пр.). Заявки от сельского хозяйства (2) сводились к поставкам зарубежной агротехники (паровые плуги) для помещичьих экономий. Основными заказчиками указывались виды машин и их вес (в пудах), за исключением железнодорожного транспорта, где применялся показатель количества паровозов.

Сводные данные об объемах запрашиваемого оборудования за 1870–1878 гг. по четырем главным группам заказчиков представлены в табл. 2.

**Беспшлинный импорт машин по ходатайствам основных заказчиков,
тыс. пуд. (1870–1878 гг.)**

Годы	Горнодобывающая и металлургическая промышленность	Металлообрабатывающая, машиностроительная и судостроительная промышленность	Городское хозяйство	Железнодорожный транспорт (паровозы, шт.)
1870	113,2	22,6	–	–
1871	–	–	1,0	30
1872	34,4	–	–	–
1873	–	–	51,8	10
1874	26,3	41,1	185,3	–
1875	211,5	51,9	111,8	–
1876	153,8	25,5	579,9	–
1877	29,5	219,7	–	–
1878	–	7,0	498,8	7
Итого	568,7	367,8	1428,6	47

Источник: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20–40.

На первый взгляд может показаться, что больше всего зарубежной техники привлекала сфера городского хозяйства. Однако это впечатление обманчиво, поскольку для строительства канализации и водопроводов, а также системы газового освещения требовалось большое количество чугунных и железных труб, вес которых в ходатайствах суммировался с собственно машинами. Тем не менее уровень заявок обнаруживает весьма высокую динамику, которая особенно отчетливо просматривается за период 1874–1878 гг.

Со второй половины 1870-х гг. некоторые ходатайства городских самоуправлений стали удовлетворяться с условием, что в Министерство финансов муниципальная администрация должна направить подтверждение, что полученные машины и оборудование «действительно употреблены в дело»³¹. Причиной тому послужили злоупотребления со стороны ходатаев, которые указывали в ведомостях большее количество оборудования (прежде всего железных и чугунных труб), чем им требовалось. В частности, при строительстве системы газового освещения в Ростове-на-Дону в результате правительственной проверки было установлено, что для выполнения намеченных работ требовалось 180 тыс. пуд. машин и предметов, а не 538 тыс. пуд., как было указано в ходатайстве³².

Одновременно правительством принимались меры к тому, чтобы заказы на машины для нужд городского благоустройства исполнялись внутри России. Согласно решениям Комитета министров от 13 февраля 1870 г. и 14 октября 1871 г., контрагенты по устройству газового освещения в Санкт-Петербурге и водопровода в Одессе обязывались в газетах публиковать сведения о своих потребностях в машинах. Если отечественные производители не отвечали на запрос в течение месяца или оказывались не в состоянии выполнить заказ с наценкой менее 15 % по сравнению со сметой иностранных фабрикантов, необходимые машины и предметы могли быть заказаны за границей. Однако в обоих случаях заказы были переданы иностранным поставщикам³³.

В аналогичной ситуации оказалось правление Общества Санкт-Петербургских водопроводов. В 1888 г. оно направило в Департамент торговли и мануфактур письмо, в котором приводился список российских заводов, получивших предложение принять на себя поставку для Общества водопроводных материалов.

Как указывалось в письме, к изготовлению труб российские производители интереса не проявили. На поставку же 5 паровых водоподъемных машин с насосами и холодильниками весом 12 тыс. пуд. и на принадлежности паровых машин весом до 1 тыс. пуд. из отечественных предприятий представила смету лишь фирма «Лильпоп, Рау и Левенштейн» на сумму 112 тыс. руб. Между тем компания «Джеймс Симпсон и К°» в Лондоне предложила изготовить то же оборудование за 5065 ф. ст., что по курсу 12 руб. 50 коп. за 1 фунт равнялось 73 312 руб. 50 коп., т. е. дешевле более чем на 15 %, требуемым по общим нормам Министерства финансов. В результате правление общества передало заказ иностранному подрядчику. Что же касается паровых котлов с принадлежностями, болтов, хомутов и гаек, то цены на них оказались приемлемыми, и они были заказаны в России³⁴.

Динамика ходатайств на беспошлинный ввоз машин для горнодобывающей и металлургической промышленности отличалась неустойчивостью, что, очевидно, связано с воздействием экономического кризиса начала 1870-х гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

По объему льготных поставок металлообработка заметно уступает горнодобывающей отрасли и металлургии (367,8 против 568,7 тыс. пуд.), что, очевидно, связано с разными весовыми параметрами машин этих отраслей при равном количестве заявок (по 15).

Правления железных дорог ввозили паровозы и вагоны в собранном виде, а также отдельные детали для оснащения подвижного состава (оси, колеса, рессоры и т. д.)³⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что все локомотивы, выписанные из-за рубежа беспошлинно (общей численностью 49 шт.), были ввезены до 1874 г. Очевидно, это было связано с тем, что в уставы железных дорог, утвержденных в 1874–1876 гг., было включено постановление, обязывающее их приобретать все паровозы в России³⁶. Еще 7 паровозов были ввезены в Россию беспошлинно лишь в 1878 г., что было вызвано исключительными обстоятельствами военного времени. В роли ходатая в данном случае выступило правление Варшавско-Венской железной дороги, которое желало компенсировать себе потерю части подвижного состава, предоставленного им для воинских перевозок в Румынии³⁷.

Предприятия горнодобывающей, металлургической, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности прибегали к импорту гораздо более разнообразного ассортимента машин. Ими ввозились паровые машины различной конструкции, разнообразные станки по металлу и дереву (сверлильные, строгальные, долбильные и пр.), паровые молоты, прокатные станы, паровые насосы, краны, машины для нагнетания воздуха, подъема воды и угля из шахт, дробления камня и т. д.

Таким образом, российское правительство, взяв с 1868 г. курс на таможенный протекционизм российской промышленности, в 1870-е гг. в ряде случаев допускало беспошлинный импорт машин и оборудования. Отступление от общего правила допускалось прежде всего в интересах скорейшего развития тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, а также сферы городского хозяйства.

Вместе с тем правительство придерживалось твердого курса на сохранение дифференцированных пошлин на машины, несмотря на давление промышленных кругов. В 1875 г. Съезд горных и механических заводчиков выступил за повышение до 1 руб. 25 коп. пошлины на все без исключения виды машин. Министр финансов М. Х. Рейтерн в 1878 г. оценил такие инициативы следующим образом: «Обложение всех, без изъятия, машин высокой, почти запретительной, пошлиной по 1 руб. 25 коп. с пуда, остановило бы неминуемо преуспевающее движение отраслей промышленности, нуждающихся в механическом устройстве. Вследствие того оказался бы застой, который в свою очередь причинил бы уменьшение спроса на механизмы и машины внутренней выделки»³⁸.

Тем не менее с конца 1870-х гг. пошлины на машины и оборудование стали расти. С одной стороны, причиной тому была русско-турецкая война 1877–1878 гг.: для покрытия громадных расходов на ее ведение таможенные пошлины с 1 января 1877 г. стали взиматься золотом, что в условиях бумажноденежного обращения привело к существенному повышению уровня таможенного обложения импортных товаров, в числе которых были также машины и оборудование. Фактически пошлины возросли на 50 %, поскольку курс золотого рубля равнялся в среднем 1 руб. 48 коп. кредитного рубля. Введение золотой пошлины преследовало две цели: сокращение ввоза иностранных товаров для обеспечения благоприятного торгового баланса и создание металлического фонда для зарубежных платежей правительства³⁹.

С другой стороны, правительством были приняты протекционистские меры по ускорению развития российского машиностроения. С 1877 г. вновь учреждаемые железнодорожные общества обязаны были приобретать только продукцию отечественных машиностроительных предприятий, сверх того устанавливалась на 5 лет премия заводам за каждые 30 паровозов, изготовленных исключительно из отечественных комплектующих деталей⁴⁰.

В том же 1877 г. Министерство финансов подняло вопрос об усилении таможенного обложения импортируемых локомотивов. В результате законом от 10 мая 1877 г. была повышена пошлина на паровозы с 75 коп. до 1 руб. 25 коп. с пуда и на тендеры (вспомогательная часть паровоза для хранения запасов воды, топлива и т. д.) с 30 коп. до 50 коп. с пуда⁴¹. Все эти меры носили ярко выраженный протекционистский характер и были вызваны необходимостью обеспечить независимость железнодорожного хозяйства страны от иностранных поставок в момент внешнеполитического обострения.

Чтобы обеспечить отечественное машиностроение металлом, который производился в России в недостаточном объеме, М. Х. Рейтерн в 1878 г. внес в Государственный совет весьма редкое в практике Министерства финансов предложение: не повысить, а напротив, понизить пошлину на импортную сталь. Проект, однако, встретил сильное противодействие со стороны металлургического лобби и был отклонен Госсоветом⁴².

В июле 1878 г. министром финансов был назначен С. А. Грейг, который поставил задачу поощрения железнодорожного строительства и металлургии. Итогом его краткого пребывания на посту

главы финансового ведомства стало повышение таможенных пошлин на металлы и металлические изделия и отмена беспошлинного ввоза чугуна и железа. Обе меры были разработаны в специальной комиссии, образованной в марте 1879 г. при Министерстве финансов с целью пересмотра таможенных пошлин на металлы, металлические изделия и машины⁴³.

Все ввозившиеся машины были распределены комиссией на четыре группы. В первую вошли те, которые в России не производились и, следовательно, и в дальнейшем должны были ввозиться беспошлинно. Машины сельскохозяйственные предлагалось обложить умеренной пошлиной в размере 30 коп. с пуда в целях поощрения отечественного земледельческого машиностроения. Для остальных двух категорий пошлины должны были составить 70 коп. и 1 руб. с пуда, в зависимости от обложения металла, использовавшегося при их производстве⁴⁴.

Некоторые предложения комиссии были скорректированы министром финансов. Пошлины для текстильного оборудования, по мнению С. А. Грейга, напротив, следовало установить в том же размере, что и для остальных видов промышленных машин, ввозившихся в Россию (70 коп. с пуда). Глава финансового ведомства полагал, что эта мера не должна была стеснить положения российской текстильной отрасли, поскольку она и без того была ограждена «достаточно высоким тарифом от иностранной конкуренции». Таможенное обложение прядильных и ткацких станков, по мнению министра финансов, могло «в большей или меньшей степени содействовать» развитию текстильного машиностроения в России.

Пошлины на прочие виды фабричных машин, ранее составлявшие 30 коп. с пуда, министр финансов также предлагал повысить до 70 коп. с пуда, мотивируя этот шаг увеличением таможенных поступлений и заботой об отечественных машиностроительных заводах, для которых увеличение обложения импортных машин являлось компенсацией убытков, связанных с предполагавшейся отменой беспошлинного ввоза металлов в Россию⁴⁵.

Итогом работы комиссии стала отмена с 1 января 1881 г. беспошлинного ввоза металлов в Россию, а также введение единой пошлины на все виды машин (за исключением сельскохозяйственных и паровозов) в размере 80 коп. с пуда (что было даже несколько выше того, что ранее предлагал министр финансов)⁴⁶.

В период деятельности С. А. Грейга в качестве министра финансов, как отмечалось выше, ужесточилась и государственная политика в отношении таможенных льгот. С 1880 г. ходатайства о беспошлинном ввозе машин и оборудования, поступавшие в Департамент торговли и мануфактур, получали мотивированный отказ. Всего в 1880–1883 гг. Министерство финансов отклонило 16 ходатайств, 4 из которых были поданы владельцами текстильных фабрик, 3 — пароходными товариществами, 2 — контрагентами по городскому благоустройству, по 1 — предприятиями различных отраслей обрабатывающей промышленности (металлообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, пищевой, химической и т. д.). Обоснованием во всех случаях служила ссылка на указания Государственного совета «о недопущении впредь изъятий от платежа таможенных пошлин, установленных тарифом»⁴⁷.

О том, что именно в 1880 г. начался новый этап государственной политики в отношении импорта машин и оборудования, свидетельствуют и материалы Государственного совета. Согласно одному документу, отложившемуся в материалах Государственного совета за 1885 г., правительство поначалу было вынуждено проявлять осторожность в вопросе таможенного обложения машин из опасения «стеснить нашу обрабатывающую промышленность в приобретении машин и аппаратов, необходимых для успешного развития большинства ее отраслей». Введение таможенной пошлины на машины в 1868 г. расценивалось как «первый робкий шаг», который не мог в достаточной степени оградить интересы отечественного машиностроения. В результате государству приходилось поощрять машиностроительные предприятия иными мерами в виде предоставления правительственных заказов и права на беспошлинный ввоз металла. Однако в 1880 г. правительство отказалось от указанных мер и сделало ставку на таможенное покровительство как основное средство защиты отечественного машиностроения⁴⁸. Действительно, в 1880 г. пошлины на промышленные машины повысились с 30 до 80 коп. с пуда.

В 1881 г. министром финансов был назначен Н. Х. Бунге, оставшийся на этом посту до 1886 г. Н. Х. Бунге начинал как либеральный ученый-экономист, в 1850–1860-х гг. выступал сторонником развития частной собственности, предпринимательства, конкуренции. В 1880-х гг., после назначения главой финансового ведомства, он перешел с позиций фритредерства к умеренному протекционизму, признавая необходимость государственного

вмешательства в экономику, хотя в обществе его постоянно причисляли к числу «либеральных бюрократов»⁴⁹.

Характеризуя политический курс Н. Х. Бунге в целом, В. И. Ковалевский, занимавший в начале 1880-х гг. пост товарища директора департамента окладных сборов Министерства финансов, отмечал, что «Бунге был первым министром финансов, исходившим из твердого и ясного сознания, что узкий “финансизм” — исключительная забота о государственных финансах в тесном смысле — должен быть заменен “экономизмом” — широкой экономической политикой, направленной на развитие народного труда и производительных сил страны»⁵⁰.

Отношение Н. Х. Бунге к проблеме индустриального развития страны выражает его фраза из записки «О финансовом положении России», поданной Александру II в 1880 г., еще до его официального назначения министром финансов. В разделе о положении заводской промышленности Н. Х. Бунге подчеркивал: «Появление в России заводов металлических, чугунолитейных, сталерельсовых, для изготовления паровозов, развития эксплуатации нефтяных месторождений, каменноугольных копей и пр. имеет, бесспорно, огромное значение...»⁵¹ Важнейшей задачей таможенной политики Н. Х. Бунге считал поддержание активного торгового баланса страны. В частности, в своих «Загробных заметках» он настаивал на том, что в этой области «разумнее установить покровительство, сохранить за таможенными пошлинами тенденцию для представления перевеса отпуска над привозом...»⁵²

В своей практической деятельности министр финансов постоянно придерживался курса на усиление протекционистского начала таможенной политики. В 1881 г. были повышены пошлины по всем статьям таможенного тарифа. Пошлина на паровозы увеличилась с 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 37,5 коп. за пуд; на машины из меди и ее сплавов — с 75 коп. до 82,5 коп. с пуда. Пошлины на все прочие виды машин и оборудования (кроме сельскохозяйственных), включая локомобили, тендеры, паровые пожарные трубы, а также всякого рода фабричные и заводские машины и аппараты, выросли незначительно (с 80 до 88 коп. с пуда). В 1882 г. еще несколько повысились пошлины на промышленное оборудование (до 90 коп. с пуда) и паровозы (до 1 руб. 40 коп. с пуда), тогда как пошлины на машины из меди и ее сплавов были увеличены в два раза (с 82,5 коп. 1 руб. 65 коп. с пуда)⁵³.

В 1884 г. Министерством финансов была создана комиссия, целью которой был анализ перспектив повышения пошлин на привозные металлы и металлические изделия. Согласно статистическим выкладкам комиссии, в результате разразившегося в 1880 г. в Европе промышленного кризиса импорт машин и аппаратов в Россию снизился почти наполовину, в то время как их внутреннее производство сократилось в меньшей степени. Это давало основания сделать вывод, что отечественное машиностроение под влиянием введенных усиленных пошлин сумело в какой-то степени компенсировать снижение ввоза.

Однако комиссия выразила опасение, что с ослаблением кризиса возможен новый подъем импорта иностранных машин в ущерб внутреннему производству. Это обстоятельство, наряду с повышением таможенного обложения привозного чугуна как сырья для российского машиностроения, привело членов комиссии к выводу о необходимости очередного повышения импортных пошлин на готовые машины. Ставки на машины и аппараты из меди и ее сплавов предлагалось увеличить с 1 руб. 65 коп. до 2 р. 50 коп. На локомобили, тендеры, паровые пожарные трубы и прочие машины и аппараты из чугуна, железа и стали — с 90 коп. до 1 руб. 20 коп. и на паровозы с 1 руб. 40 коп. до 2 руб.⁵⁴

На практике в 1885 г. пошлины на машины из меди и ее сплавов выросли даже выше по сравнению с предложением комиссии (с 1 руб. 65 коп. до 3 руб. за пуд.), на все прочие виды машин, согласно рекомендации комиссии, с 90 коп. до 1 руб. 20 коп. за пуд, однако пошлины на паровозы остались без изменения (1 руб. 40 коп. за пуд)⁵⁵. Исключение было сделано на основании того, что «...при незначительности ввоза иностранных локомотивов и при небольшом числе заводов, изготавливающих их в России, увеличение пошлины повело бы только к возвышению цен на локомотивы, причем от этого пострадали бы главным образом интересы казны как самого крупного заказчика»⁵⁶.

Общие принципы таможенной политики Н. Х. Бунге были изложены им в записке, направленной в марте 1885 г. в Государственный совет. В документе подчеркивалось, что Министерство финансов стремилось «производить изменения в пошлинах постепенно, по отдельным статьям привоза, на основании тщательного изучения нужд промышленности и интересов потребителей». Однако к середине 1880-х гг. Германия и Франция, под влиянием громадного притока хлеба с североамериканского континента, Ав-

стралии и Индии, были вынуждены поднять ввозные пошлины на зерно. Российское правительство, желая поддержать курс кредитного рубля, на котором негативно сказывалось сокращение экспорта российского хлеба в Европу, поставило задачу ограничить привоз европейских товаров. С этой целью размер таможенных ставок для большинства товаров был повышен: усиленное повышение пошлин было проведено по 36 статьям, повышение менее чем на 20 % осуществлено в 21 случае, и наконец прежние пошлины были оставлены по 62 статьям (в том числе на промышленные машины)⁵⁷.

Кульминацией протекционистского курса, проводимого с конца 1870-х гг., явился таможенный тариф 1891 г., подготовленный под руководством И. А. Вышнеградского, который в 1887–1892 гг. занимал пост министра финансов. В своей деятельности министр финансов, назначенный по протекции известного консервативного публициста М. Н. Каткова, во многом следовал «национальной» программе последнего, которая предусматривала значительное расширение регулирующих функций государства в экономической жизни страны и ограждение народного хозяйства России от влияния капиталистического Запада. По отзывам современников (государственный контролер П. К. Шванебах), для И. А. Вышнеградского «протекционизм стоял на втором плане, а на первом была забота о балансе и ресурсах фиска. Его идеал был — доведенный до минимума ввоз с возможно крупным таможенным доходом, и этого он добился тарифом 1891 года»⁵⁸.

В записке «Об изменении финансового управления», представленной Александру III в декабре 1886 г., И. А. Вышнеградский высказался за усиление таможенной охраны для защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции. «Для лучшей постановки экономического положения, — говорилось в документе, — в высшей степени важно вступить решительным образом по пути покровительственной политики отечественной промышленности и торговли. Для сей цели необходимо пересмотреть систематически весь наш таможенный тариф в покровительственном смысле, не останавливаясь, однако, и перед частными его изменениями относительно отдельных товаров, которые (как, например, чугун, железо и сталь) ввозятся к нам в особенно значительных массах. Такой пересмотр всего тарифа является ныне особенно настоятельным ввиду значительного уменьшения вывоза нашего хлеба, которое без соответственного уменьшения ввоза к нам ино-

странных товаров гибельным образом отражается на нашей экономической жизни...»⁵⁹

Цель нового тарифа была сформулирована в указе министру финансов от 16 августа 1890 г.: «В видах преуспевания отечественной промышленности произвести общий пересмотр таможенного тарифа для приведения его в надлежащее соответствие с современными нуждами русской промышленности и для равномерного ограждения и оживления всех ее отраслей»⁶⁰. И. А. Вышнеградский официально опровергал утверждение, будто при выработке тарифа 1891 г. руководствовался фискальными интересами⁶¹, однако очевидно, что основой его политики являлся курс на компенсацию доходов казны от снижения экспорта хлеба повышением таможенных тарифов на импорт западных товаров.

При этом И. А. Вышнеградский считал не только полезным, но даже необходимым привлечение в экономику России иностранных капиталов вообще и иностранных акционерных компаний в частности. В 1888 г. в Комитете министров он официально заявил: «...Нельзя не признать, что ограничение доступа к нам иностранных капиталов... будет содействовать лишь большему ввозу к нам иностранных товаров, которые население в силу необходимости было бы вынуждено покупать, уплачивая иностранцам, помимо издержек по производству, еще и разные и накладные расходы»⁶².

В таможенном тарифе 1891 г. регулированию ввоза промышленных машин и оборудования из-за рубежа было уделено особое внимание. Как отмечалось в представлении И. А. Вышнеградского в Государственный совет, задача повышения пошлин назрела в связи с усилением ввоза иностранных машин и аппаратов. Министр финансов подчеркивал, что по этой причине отечественное машиностроение отставало по темпам роста от других отраслей промышленности. Государственный совет исходя из угрозы недостаточного развития русского машиностроения для расширения железнодорожной сети поддержал инициативу министра финансов, вместе с тем выступив за ограниченное увеличение пошлин. Значительное увеличение пошлин, по мнению членов Госсовета, могло стать тормозом для развития других отраслей промышленности, которые нуждались в продукции машиностроительных заводов и не были заинтересованы в стремительном росте цен на машины и аппараты, неизбежном в случае резкого усиления таможенной охраны⁶³.

В таможенном тарифе 1891 г. осуществлена была последовательная защита всех отраслей и стадий отечественного производства: от добычи сырья до конечной. Тариф содержал 226 статей в разделе привозной торговли и 7 статей в разделе отпусковой (т. е. экспортной) торговли. Пошлины на ввозимые товары резко увеличивались, особенно в группе сырых и полуобработанных материалов. Заметно выросли и пошлины на промышленные машины и оборудование: на паровозы и паровые пожарные трубы — с 1 руб. 40 коп. до 2 руб. (или на 43 %), на машины из меди и ее сплавов — с 3 руб. до 4 руб. 80 коп. (или 28 %), на остальные виды промышленных машин — с 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 70 коп. (или 21 %) ⁶⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что российское правительство осознавало важность поставок иностранных машин для экономического развития России. Наиболее красноречивым свидетельством был вышеупомянутый факт, что с 1860-х гг. акционерным обществам, действовавшим в сфере транспорта, городского благоустройства, горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей промышленности, разрешался беспошлинный ввоз из-за рубежа необходимого оборудования.

С конца 1860-х гг. политика правительства, нацеленная на покровительство отечественной промышленности, коснулась сферы импорта иностранной промышленной техники. Российские акционерные общества постепенно обязывались приобретать машины и оборудование отечественных производителей, хотя большое количество ходатайств о беспошлинном ввозе машин, удовлетворенных Министерством финансов в период 1868–1879 гг., свидетельствовало о значимости технологического заимствования в глазах правительства.

В 1880-х гг., как отмечалось, правительство перестает принимать прошения о беспошлинном ввозе промышленного оборудования. Одновременно растет таможенное обложение различных групп машин. Его динамика с конца 1870-х гг. свидетельствует о повышенном внимании государства к созданию собственного паровозостроения, вследствие чего иностранные локомотивы облагались пошлиной чаще и в более крупном размере. В 1880 г. фискально-протекционистские соображения побудили правительство ввести пошлину на текстильные станки, которые до этого в интересах ускоренного развития российской текстильной отрасли ввозились свободно.

Изменения таможенных пошлин на зарубежное оборудование были систематизированы в таможенном тарифе 1891 г., который стал последним в истории императорской России автономным таможенным тарифом. С 1893 г. Российская империя включается в систему международных торговых договоров, что непосредственно сказалось на особенностях государственного регулирования импорта техники.

Проблема импорта промышленных машин и международных торговых договоров России (1893–1913 г.)

Таможенную политику нового министра финансов С. Ю. Витте, который занимал этот пост в 1892–1903 гг., следует рассматривать в связи с общими концептуальными установками, определявшими его экономическую политику. В основе «системы Витте» была заложена идея ускоренной индустриализации и создания собственной национальной промышленности, развивающейся «на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда» и защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами⁶⁵. В октябре 1893 г. в представлении в Государственный совет «Об изменении штата Департамента торговли и мануфактур» С. Ю. Витте в качестве основ «строго продуманной и последовательно проводимой национальной торгово-промышленной политики» выделял «покровительственный таможенный тариф, выгодные для государства торговые трактаты, надлежащий строй железнодорожных тарифов»⁶⁶.

Для скорейшей индустриализации страны, по убеждению министра финансов, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, как отечественные, так и в особенности иностранные. Традиционная нехватка инвестиций, был убежден С. Ю. Витте, задерживает развитие России, хотя по быстроте и силе промышленного роста она «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств»⁶⁷.

Привлечение иностранного капитала с помощью золотой валюты в различных его формах, займовых, а главным образом инвестиционных, С. Ю. Витте считал важнейшей основой своей финансовой системы. «Приток иностранных капиталов, — докладывал он Николаю II в 1899 г., — является, по глубокому убеж-

дению министра финансов, единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами»⁶⁸. Министр финансов имел в виду прежде всего частные инвестиции, рассматривая иностранные капиталовложения как часть своей протекционистской системы, основанной на покровительственном таможенном тарифе.

Геополитические имперские соображения играли для него первостепенную роль. Индустриальный рост для министра финансов был призван в первую очередь обеспечить сохранение Россией статуса великой страны и расширение сферы имперского влияния. «Международное соперничество не ждет, — предупреждал он Николая II во всеподданнейшем докладе в феврале 1900 г. — Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды... а, укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний»⁶⁹. Таким образом, главную опасность министр финансов видел в импорте готовой промышленной продукции, который грозил уничтожить молодую российскую индустрию. Зарубежные же инвестиции, поставленные под жесткий контроль государства, призваны были содействовать промышленному росту самой России и тем самым облегчить конкуренцию с западными производителями.

Именно притоку иностранных инвестиций служила проведенная им в 1895–1897 гг. денежная реформа, сделавшая русский рубль твердой золотой валютой, а также внешнеэкономическая экспансия в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Зарубежные инвестиции, притекавшие в Россию по выстроенному С. Ю. Витте «золотому мосту», должны были компенсироваться в платежном балансе страны повышением дохода от вывоза русских товаров в восточные страны⁷⁰. «Огромное значение золотой валюты, — резюмировал министр финансов свою позицию, — заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый

из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется»⁷¹.

Частные зарубежные инвестиции в российские акционерные компании поднялись со 149 млн руб. в 1893 г. до 550 млн руб. в 1900 г. В дальнейшем частные инвестиции росли опережающим темпом по сравнению с государственным долгом империи. В акции и облигации российских акционерных компаний к 1913 г. было инвестировано 1,6 млрд руб. иностранных капиталов или почти втрое больше, чем в 1900 г. Доля иностранных частных инвестиций в российской экономике к 1914 г. составляла 18–20 % всех инвестиций в акционерные предприятия России⁷².

Таким образом, С. Ю. Витте проводил выраженную политику на привлечение иностранных капиталов, которые призваны были содействовать созданию национальной промышленности России и тем самым ослабить ее зависимость от импорта машин и оборудования из-за рубежа. В связи с этим главную задачу таможенных пошлин С. Ю. Витте видел в максимальной защите отечественной промышленности от иностранной конкуренции с тем, чтобы российская продукция «не только удовлетворяла внутреннему спросу, но могла успешно соперничать за пределами России с произведениями других стран»⁷³.

Таможенный тариф 1891 г. стал последней вехой в истории автономной таможенной политики России, основанной на принципе полной независимости от внешнеэкономических партнеров в вопросах установления таможенных пошлин. «Александр III, — вспоминал С. Ю. Витте, — ввел при министре финансов Вышнеградском покровительственный тариф. И я всячески его поддерживал, несмотря на все приступы аграриев-дворян»⁷⁴. С. Ю. Витте стремился сохранять преемственность с курсом И. А. Вышнеградского, но в то же время, в отличие от предыдущего периода, ему пришлось столкнуться с ситуацией, когда ставки таможенного тарифа становились предметом острых межгосударственных дискуссий в период подготовки торговых договоров.

По условиям торговых договоров с Францией (1893) и Германией (1894) ряд ставок российского таможенного тарифа был скорректирован по сравнению с тарифом 1891 г. и не подлежал изменению в течение всего времени действия договора. Договоры, как правило, подписывались на длительный срок (например, до-

говор с Германией, важнейшим поставщиком машин и оборудования для российской промышленности, был заключен на 10 лет).

Россия, присоединяясь к европейской системе торговых договоров, стремилась добиться наиболее выгодных условий для реализации продукции своего экспорта (главным образом зерна) на западноевропейских рынках. В этой связи размер таможенного обложения импортных товаров использовался как средство давления на ту страну, с которой предстояло заключить торговый договор, с целью получения необходимых уступок в сфере экспорта. Таким образом, торговые договоры, заключенные Россией на рубеже XIX–XX вв. становились важным фактором таможенной политики, ставя регулирование российского импорта в подчиненное положение по отношению к нуждам экспортной торговли.

Именно С. Ю. Витте заложил основы перехода к новой системе. Весной 1893 г. он добился принятия закона, согласно которому тариф 1891 г. признавался нормальным, т. е. применимым ко всем странам, а министру финансов предоставлялось право, с санкции царя и при согласовании с министром иностранных дел, при необходимости повышать ставки тарифа для стран, не оказывавших России наибольшего благоприятствования в ее экспорте⁷⁵.

Практически переход России к новым принципам таможенного регулирования начался с заключения в 1893 г. торгового договора с Францией и продолжился в ходе переговоров по поводу нового торгового договора с Германией. В 1893 г. Германия отказалась предоставить России права наиболее благоприятствуемой нации, вследствие чего российские сельскохозяйственные продукты при ввозе в Германию оплачивались более высокими пошлинами по сравнению с продукцией других стран. В ответ Россия ввела в отношении Германии свой повышенный тариф, и между двумя странами началась так называемая таможенная война⁷⁶.

Согласно таможенному тарифу 1893 г., повышение пошлин на ввозимые в Россию машины было принято в максимально возможном объеме — 30 % по сравнению с тарифом 1891 г. Эта мера неизбежно создавала трудности для развития отечественной промышленности, которая нуждалась в продукции зарубежного машиностроения. Тем не менее российское правительство рассматривало высокие пошлины на продукцию германского машиностроения как необходимое условие для заключения выгодного торгового соглашения в будущем.

В то же время министр финансов стремился облегчить положение тех отраслей российской промышленности, которые являлись потребителями импортной машинной техники. В записке, представленной в Государственный совет в марте 1893 г., министр финансов подчеркивал: «Необходимость или производить полную оплату пошлинами иностранных товаров при самом их получении, или обеспечивать половину подлежащей взносу суммы исключительно лишь процентными бумагами по низкой оценке ложится тяжелым бременем на привозную торговлю и отчасти на нашу промышленность, нуждающуюся в иностранных сырье, химических продуктах и машинах, а потому представляется необходимым облегчить нашим импортерам получение иностранных товаров предоставлением целесообразного кредита при уплате таможенных пошлин»⁷⁷. (В записке имелась в виду не денежная ссуда, а рассрочка оплаты.)

Суть предлагаемых С. Ю. Витте нововведений сводилась к следующему. Во-первых, льготой могли воспользоваться все без исключения импортеры иностранного сырья, химических продуктов и машин при условии, что размер таможенной пошлины составлял не менее 150 руб. Во-вторых, сама пошлина уплачивалась не в один, как ранее, а в два приема: через два и четыре месяца. Кроме того, министр финансов оставлял за собой право увеличить срок уплаты пошлины до трех и шести месяцев соответственно. Предложения С. Ю. Витте обрели силу закона 8 июня 1893 г.⁷⁸

Таможенная война между Россией и Германией завершилась подписанием торгового договора 1894 г.⁷⁹ По его условиям пошлины на машины, импортируемые из Германии в Россию, были снижены по сравнению со ставками таможенного тарифа 1891 г. и торговой конвенции с Францией 1893 г. Наибольшие льготы получили германские производители электротехнического оборудования: пошлина на динамомашины снижена в 3 раза (с 4 руб. 80 коп. до 1 руб. 40 коп. с пуда). Пошлины на различные двигатели (газовые, калорические, керосиновые), промышленные локомобили, швейные и вязальные машины, пожарные снаряды (за исключением паровых пожарных труб), а также все прочие, особенно поименованные, машины в новом российском конвенционном тарифе были понижены до 1 руб. 40 коп. с пуда (в 1891 г. составляли 1 руб. 70 коп., по торговому договору с Францией 1893 г. — 1 руб. 53 коп.). Таможенное обложение импортных локомотивов

также было несколько уменьшено (с 2 руб. до 1 руб. 80 коп. с пуда)⁸⁰.

Таким образом, Германия получила возможность влиять на ставку пошлины российского таможенного тарифа. В этом отношении Россия при С. Ю. Витте впервые отказалась от таможенно-тарифной автономии и в интересах международного товарообмена в известной мере приспособилась к требованиям соседних стран⁸¹. Добавим, что Германия ввиду важности России в качестве главного торгового партнера также была вынуждена снизить пошлины на ряд важных для России экспортных товаров, прежде всего на хлеб в зерне.

Торговый договор между Россией и Германией, как уже упоминалось, был заключен сроком на 10 лет. В связи с его предстоящим перезаключением С. Ю. Витте в 1903 г. посчитал необходимым издать до начала переговоров таможенный тариф с повышенными ставками. По словам министра финансов, «этот тариф, по опубликовании во всеобщее сведение, будет служить средством предупредить германское правительство о том, что фабрично-заводской промышленности Германии, в случае неуступчивости при переговорах, грозит такой же ущерб, какой она наметила для нашей вывозной торговли установлением обременительных ставок на зерновые хлеба и другие продукты»⁸². Тариф 1903 г. был издан, таким образом, в качестве превентивного орудия борьбы на предстоящих переговорах с Германией.

Действительно, общий таможенный тариф 1903 г. предполагал очень существенные повышения таможенных ставок на промышленные машины по сравнению с конвенционным тарифом 1894 г. (табл. 3).

Таблица 3

Ставки таможенных пошлин по торговому договору с Германией 1894 г., общему тарифу 1903 г. и конвенционному тарифу с Германией 1904 г., руб.⁸³

Статья тарифа	Конвенционный тариф 1894 г. ^а	Общий тариф 1903 г.	Конвенционный тариф 1904 г.
Всякие, особо не поименованные машины из чугуна, железа, стали	2,10	2,55 ^б	2,10
		3,65 ^в	

Статья тарифа	Конвенционный тариф 1894 г. ^а	Общий тариф 1903 г.	Конвенционный тариф 1904 г.
Газовые и нефтяные двигатели, паровые машины, локомобили; паровозы, паровозо вагоны; паровые дрезины и электровозы; типографские и литографские печатные машины; бумагоделательные машины; станки для обработки дерева, кроме рамных лесопилок; насосы и ручные пожарные трубы; компрессоры, лебедельные и холодильные машины	2,70	3,65 ^б	3,20
		4,38 ^в	
Станки для обработки металлов, кроме прокатных станков и паровых молотов; паровые пожарные трубы, водомерители, газомерители, пишущие машины и швейные машины	2,10	4,65 ^б	4,20
		5,58 ^в	
Машины из меди и ее сплавов, или в которых медь или ее сплавы составляют свыше 25 % общего веса машины	6,48	9,00 ^б	8,00
		10,80 ^в	
Части машин из чугуна, железа и стали, хотя бы с частями из других материалов и с присоединением меди не свыше 25 % общего веса каждой отдельной части	2,10	4,65 ^б	4,20
		5,58 ^в	
Запасные части машин и аппаратов, кроме особо поименованных, вместе с ними привозимые, медные, и из медных сплавов, или в которых медь и ее сплавы составляют более 25 % веса каждой отдельной части	6,48	9,00 ^б	8,00
		10,80 ^в	

^а Размер таможенных пошлин конвенционного тарифа 1894 г. приводится в пересчете по курсу рубля, установившемуся после проведения денежной реформы 1895 г., в результате которой рубль был девальвирован на треть.

^б Для морских таможен.

^в Для сухопутных таможен.

Источник: Соболев М. Н. История русско-германского торгового договора. СПб., 1915. С. 184–186.

Прежде всего нужно отметить возвращение к системе дифференцированных тарифных ставок для морского и сухопутного привоза, отмененной по условиям торгового договора 1894 г. Тариф на провоз товаров через сухопутные таможи устанавливался в особенно крупном размере. Эта мера, безусловно, была направлена против германских производителей, поскольку почти все поставляемые ими машины ввозились в Россию железнодорожным путем.

В ходе подготовки нового таможенного тарифа 1903 г. С. Ю. Витте была составлена объяснительная записка, в которой отмечалось покровительственное значение повышения тарифных ставок. По поводу пошлин на машины было сказано, что они ограждают в должной мере лишь производство более дешевых и тяжелых машин, а производство мелких и сложных оказывалось необеспеченным. Министр финансов высоко оценивал технические характеристики производимых в России двигателей различных типов и станков для обработки металлов, однако для завоевания внутреннего рынка отечественным предприятиям данной отрасли, по мнению С. Ю. Витте, было необходимо усиленное таможенное покровительство.

При этом специальные машины (упоминалось, в частности, прядильное оборудование), несмотря на их дороговизну, предлагалось обложить умеренной пошлиной, поскольку такие машины даже в Европе и США производились единичными предприятиями, а, следовательно, высокие пошлины на них, по мнению С. Ю. Витте, легли бы тяжким бременем на отечественных текстильных фабрикантов⁸⁴.

В итоге по таможенному тарифу 1903 г., который, впрочем, не был применен на практике, прядильные машины, как и ранее, ввозились по самому низкому тарифу (2 руб. 10 коп. с пуда). Наиболее высокие пошлины взимались с электрических машин (8 руб. 50 коп. вместо 2 руб. 10 коп. с пуда). Вероятно, российское правительство рассчитывало тем самым затронуть интересы германских электротехнических концернов, которые были заинтересованы в сбыте своей продукции в России и могли оказать давление на правящие круги Германии, чтобы понизить уровень ввозных пошлин на сельскохозяйственную продукцию из России. Однако, как отмечалось в материалах Совещания, «германское правительство при переговорах о заключении нового торгового договора не

возбуждало даже вопроса о понижении пошлины по указанному пункту»⁸⁵. (В материалах имелась в виду электротехника.)

Высокому дополнительному обложению в размере 166 % подлежали станки для обработки металлов, паровые пожарные трубы, водоизмерители, газоизмерители, пишущие и швейные машины. Пошлины на машины из чугуна, железа и стали, рамные лесопилки, паровые молоты и прокатные станы планировалось повысить на 70 %; на машины из меди и ее сплавов — на 67 %. Для следующих видов машин увеличение пошлины должно было составить 62 %: газовые и нефтяные двигатели, паровые машины, локомобили, типографские и литографские печатные машины, бумагоделательные машины, станки для обработки дерева, насосы и ручные пожарные трубы, компрессоры, ледоделательные, холодильные и швейные машины. Важно отметить, что в эту последнюю группу наравне с прочими видами машин вошли паровозы. Это свидетельствует о том, что отечественное паровозостроение перестало испытывать нужду в специальном таможенном покровительстве. Отчасти это объяснялось прогрессом, достигнутым данной отраслью российского машиностроения к началу XX в. Но не менее важно было и то, что паровозостроение в императорской России поддерживалось не только таможенно-тарифными, но и административными мерами, среди которых следует прежде всего назвать казенные заказы и обязательства, наложенные в 1890-х гг. на казенные и частные железные дороги, по приобретению подвижного состава «преимущественно в России»⁸⁶.

Таким образом, общий таможенный тариф 13 января 1903 г. содержал некоторые очевидно завышенные ставки, которые призваны были служить буфером на переговорах по поводу возобновления русско-германского торгового соглашения. При этом С. Ю. Витте подчеркивал протекционистский характер нового тарифа: в качестве мотива изменения пошлин выдвигается необходимость покровительства зарождающимся или только могущим возникнуть производствам. Ограждение российского машиностроения от иностранной конкуренции, по мысли министра финансов, преследовало цель создания рынка сбыта для изделий отечественной металлургии, которая сумела подняться во многом благодаря государственной поддержке, оказываемой ей с начала 1880-х гг.⁸⁷

И все-таки главной целью повышения таможенных пошлин на машины и оборудование в общем тарифе 1903 г. было давление на промышленные круги Германии, для которых продукция машиностроения к началу XX в. стала главной статьей экспорта в Россию. Тем самым С. Ю. Витте рассчитывал сохранить преобладание экспорта над импортом во внешнеторговом балансе страны и одновременно поддержать отечественное машиностроение перед лицом иностранной конкуренции.

Аналогичным образом пошлины на промышленные машины использовались в качестве предмета торга при переговорах с американским правительством в конце 1890-х гг. В 1898 г. США ввели добавочные пошлины на российский сахар. Желая побудить американское правительство к отмене указанной пошлины, С. Ю. Витте в 1900 г. подготовил всеподданнейший доклад, в котором предлагал незамедлительно применить по отношению к ряду статей американского экспорта (в числе которых оказались промышленные машины) повышенные таможенные ставки двойного таможенного тарифа 1893 г. В случае же если правительство США по-прежнему продолжало отказывать в предоставлении льготы при ввозе российского сахара, а также медлить с разрешением вопроса о торговом договоре (в 1902 г. истекал срок действия прежнего торгового договора 1832 г.), С. Ю. Витте планировал применить общий таможенный тариф ко всем товарам, привезенным из США⁸⁸.

В итоге штрафные санкции, спроектированные российским Министерством финансов, коснулись ввозимых из США чугунных, железных и стальных изделий, ручных ремесленных инструментов и промышленных машин. Отметим, что повышение таможенных пошлин не распространялось на машины сельскохозяйственные, составлявшие одну из главных статей экспорта США в Россию. Повышенные пошлины на указанные товары американского производства были отменены в 1905 г. по инициативе С. Ю. Витте, находившегося тогда в США на мирных переговорах с Японией. Очевидно, бывший министр финансов тем самым стремился завоевать расположение американского истеблишмента.

Фискальные мотивы при разработке таможенного тарифа 1903 г. играли незначительную роль⁸⁹. Связано это было, очевидно, с тем, что фискальные результаты новой таможенной политики С. Ю. Витте и без того были положительны. Если к 1891 г.

таможенный доход составлял в среднем 140 млн руб. в год, то затем, после некоторой заминки в 1891–1892 гг., он неуклонно рос, достигнув в 1899 г. 219 млн руб., а в 1903 г. — 241 млн руб., что составляло около 14 % доходной части бюджета⁹⁰.

Результатом переговоров между Россией и Германией стало подписание дополнительной конвенции к торговому договору 1894 г. Несмотря на скромное название, этот документ по сути являлся новым торговым договором, перераспределившим баланс сил в пользу Германии. Признавая, что новое соглашение по своему характеру менее выгодно для России, чем торговый договор 1894 г., Государственный совет тем не менее высказался за принятие дополнительной конвенции, которая вступила в силу с января 1905 г.⁹¹

Новый договор отменял предусмотренные общим таможенным тарифом 1903 г. повышенные таможенные пошлины на товары, ввозимые в Россию сухопутным путем. Это отвечало интересам германских производителей, чья продукция доставлялась в Россию преимущественно железнодорожным транспортом. Ввозные пошлины на промышленные машины и оборудование были повышены, хотя и в меньшем объеме по сравнению со ставками общего таможенного тарифа 1903 г. (разница по отдельным видам машин составляла 10–30 %).

По сравнению с конвенционным тарифом 1894 г., который, в отличие от общего таможенного тарифа 1903 г., применялся на практике, пошлины на станки для обработки металлов, паровые пожарные трубы, водоизмерители, газоизмерители и пишущие машины по торговому договору с Германией 1904 г. увеличивались на 100 %. Таможенное обложение запасных частей, привозившихся вместе с промышленными машинами, выросло наполовину. Пошлины на остальные категории промышленных машин были повышены на 19–23 %. Наконец, ввозные пошлины на промышленные машины, отдельно не указанные в номенклатуре таможенного тарифа, были оставлены без изменений⁹².

Что касается попыток правительства административными мерами сократить поставки импортных машин и оборудования для казенных учреждений, то к началу XX в. они не увенчались успехом. В июне 1900 г. Николай II был вынужден издать очередной указ о «неуклонном исполнении воли Государя Императора о том,

чтобы не производить никаких зарубежных заказов без самой крайней необходимости»⁹³.

В целях контроля все правительственные учреждения с 1893 г. обязывались ежегодно представлять в Комитет министров ведомости с перечислением заказанного оборудования и объяснением причин, по которым заказ был размещен за границей. Эти ведомости вместе с замечаниями к ним министра финансов Комитет передавал на рассмотрение императора, после чего замечания министра финансов для справки рассылались главам отдельных министерств⁹⁴.

Среди материалов Научно-справочной библиотеки РГИА удалось обнаружить замечания С. Ю. Витте по поводу заказов, произведенных правительственными ведомствами за границей в 1895 г. Практически все ведомства, по мнению министра финансов, грешили тем, что отдавали иностранным фирмам заказы, которые могли бы быть исполнены в России. Приведем несколько наиболее ярких примеров. Управление по продаже игральные карт, входившее в состав Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии Федоровны, заказало за границей паровую машину системы Зульцера с принадлежностями, мотивируя это тем, что в России не было фабрик, производящих паровые машины этой системы. Министр же финансов полагал, что данная машина «могла бы, вне всякого сомнения, быть с успехом выполнена на русских заводах». Кроме того, С. Ю. Витте резонно замечал, что «можно бы было, без всякого ущерба для дела, избрать какую-либо другую из многочисленных установившихся систем»⁹⁵.

Особенно интересна дискуссия, развернувшаяся вокруг ведомостей зарубежных заказов Военного министерства за 1894 г. и отражавшая различные подходы военного и финансового ведомств к проблеме импорта иностранных машин и оборудования. Ознакомившись с замечаниями С. Ю. Витте, военный министр П. С. Ванновский не согласился с ними, изложив свои доводы в специально подготовленной записке, и попытался добиться ее рассмотрения в Комитете министров. Однако попытка главы военного ведомства натолкнулась на противодействие председателя Комитета министров, сославшегося на то, что резолюция императора по данному делу была получена в июле 1895 г. и для его повторного рассмотрения требовалось особое высочайшее разреше-

ние. Тогда военный министр обратился напрямую к императору, изложив свои объяснения во всеподданнейшем докладе.

В чем же были не согласны главы финансового и военного ведомств? С. Ю. Витте считал, что Военное и Морское министерства без всякой надобности заказали за границей станки по обработке металлов и дерева: первое — на 134 тыс. руб., второе на 368 тыс. руб. Перечисленные в ведомостях станки, по мнению министра финансов, принадлежали к «самым обыкновенным типам», с успехом производились на российских машиностроительных заводах и лишь в редких случаях обходились дороже иностранных. С. Ю. Витте ссылался и на то, что «по крайней мере другие ведомства вполне удовлетворяются станками русского производства»: в частности все станки для мастерских Сибирской железной дороги были заказаны отечественным предприятиям, а часть их уже была получена.

Военный министр аргументировал необходимость приобретения зарубежных станков тем, что для работы оружейных и патронных заводов требовалась высокая точность оборудования, которую не могли обеспечить станки, пригодные для мастерских железных дорог. В ответ С. Ю. Витте отметил в ведомости военного министерства машины и оборудование, от которых не требовалась «точность до 0,1 точки», очевидно, не без ехидства поставив на первое место «трехжильный подводный кабель». Далее следовали фрикционные молоты, «обыкновенные токарные и сверлильные станки», которые, по мнению министра финансов, «несомненно, могли бы быть хорошо выполнены и фактически хорошо выполняются русскими заводами».

С. Ю. Витте ставил задачу создания собственной машиностроительной базы, способной обеспечить потребности других отраслей промышленности (и не в последнюю очередь промышленности военной). Исходя из этих соображений, в своем отзыве о зарубежных правительственных заказах за 1894 г. он высказывал пожелание, чтобы различные учреждения «выписывали специальные станки единичными экземплярами и переснимали бы с них копии в своих собственных мастерских или на частных русских заводах».

Возражения военного министра, что данная практика была сопряжена с потерей времени и не всегда давала положительный результат, отметились С. Ю. Витте на том основании, что «если

потеря времени, вообще, при обыкновенных условиях, нежелательна, то таковая потеря в решительную минуту, при полной зависимости военного дела от зарубежных фабрик, может оказаться роковою». Министр финансов, таким образом, обнаруживал готовность пойти на риск и временные неудачи во имя создания отечественной промышленности, которой, по мысли С. Ю. Витте, отводилась важная роль в обеспечении геополитических и военно-стратегических интересов империи⁹⁶.

Рассмотренная выше дискуссия между главами военного и финансового ведомств разворачивалась исключительно в теоретической плоскости, реальной возможности повлиять на состав ведомостей отдельных правительственных учреждений у С. Ю. Витте не было, а высказываемые им замечания носили сугубо справочный характер. Тем не менее министр финансов стремился поставить под контроль ведомственные заказы машин и оборудования за границей.

К 1896 г. стало ясно, что ни Комитет министров, ни император не в состоянии разобраться в специальных и технических вопросах, препровождаемых на их усмотрение, и с этого времени отзывы министра финансов стали рассылаться непосредственно главам ведомств, которым они предназначались, а в компетенции императора оставались только решения относительно наиболее значительных зарубежных правительственных заказов⁹⁷.

Однако правительственные учреждения продолжали формировать заказы независимо от мнения министра финансов. Во всеподданнейшем докладе, представленном Николаю II в феврале 1901 г., С. Ю. Витте отмечал, что «отзывы Министерства финансов, по-видимому, никакого влияния на изменение характера заказов не оказали, из года в год повторяются в отчетах те же объяснения, на сомнительной основательности которых министр финансов неоднократно позволял себе останавливать внимание ведомств»⁹⁸.

Приблизительно тогда же С. Ю. Витте распорядился, чтобы отчеты ведомств о заказах зарубежных машин и оборудования передавались из Комитета министров для обсуждения в специальной комиссии при Министерстве финансов. Председателем комиссии являлся товарищ министра финансов, к участию привлекались чины ведомств, производящих зарубежные заказы, а также технические эксперты и представители торгово-промышленных кругов.

Отчеты отдельных ведомств и заключения комиссии затем рассматривались в Комитете министров, который отправлял их на утверждение императора. Предпринимая данный шаг, С. Ю. Витте, очевидно, преследовал двойную цель. С одной стороны, он хотел выяснить действительную потребность правительственных учреждений в иностранных машинах и оборудовании, полагаясь не только на собственное мнение, но и на суждения технических специалистов и промышленников. С другой стороны, министр финансов, ссылаясь на теоретиков и практиков машиностроительного дела, стремился придать авторитет собственной точке зрения в глазах императора и тем самым склонить чашу весов в пользу желаемого решения.

Образованная в январе 1902 г. комиссия проанализировала отчеты ведомств за 1900 г. и составила списки изделий, приобретение которых за границей было признано допустимым. Комиссия постановила, что следовало различать две группы зарубежных заказов. К первой группе относились те виды машин и оборудования, которые в России не производились и, следовательно, могли быть свободно заказаны иностранным поставщикам. Во вторую группу попали те изделия, от изготовления которых отказались все российские фирмы или качество которых, в случае производства на отечественных предприятиях не удовлетворяло заданным параметрам. Для производства машин и оборудования в России следовало использовать только отечественное сырье и материалы (за исключением тех, которых в России не имелось). Сборка машин из частей, выписанных из-за рубежа, не могла считаться выполнением заказа внутри страны.

Согласно положению Комитета министров от 10 декабря 1902 г., правительственные ведомства при производстве заказов за границей должны были руководствоваться специальными списками, ежегодно составляемыми упоминавшейся выше комиссией при Министерстве финансов. В случае если та или иная машина не попадала в список или цена на нее на внутреннем рынке оказывалась завышенной, заказать ее за границей ведомство могло только по согласованию с Министерством финансов. Таким образом, С. Ю. Витте к концу своего пребывания на посту министра финансов удалось добиться издания правительственных циркуляров, обеспечивающих финансовому ведомству контроль над зарубежными заказами казенных учреждений на машины и оборудование. Вопрос о том, в какой мере правительственные учреж-

дения следовали положению Комитета министров 1902 г., будет рассмотрен ниже в связи с деятельностью В. Н. Коковцова в качестве министра финансов⁹⁹.

В то же время в тех случаях, когда без иностранного оборудования было действительно не обойтись, министр финансов сам выступал в роли ходатая о его беспошлинном ввозе. В декабре 1894 г. в Государственный совет им была направлена записка, в которой обосновывалась необходимость импорта осветительных аппаратов для маяков без уплаты таможенной пошлины. По сведениям Министерства финансов, оптические стекла для маячных аппаратов к 1894 г. производились в Европе всего тремя заводами в Англии, Германии и Франции. При этом С. Ю. Витте не исключал возможности наладить аналогичное производство в России, в связи с чем предлагал установить льготу по ввозу осветительных аппаратов для маяков сроком на пять лет. В феврале 1895 г. положительное мнение Государственного совета по этому вопросу получило одобрение императора¹⁰⁰.

Вопрос об импорте иностранных машин и оборудования затрагивался в высших правительственных сферах и в связи с проблемой выхода российских производителей на зарубежные рынки. В марте 1900 г. С. Ю. Витте подал в Государственный совет записку, в которой доказывалась необходимость интенсифицировать экспорт изделий отечественной льнопрядильной и льноткацкой промышленности.

К тому времени Россия обладала монополией на льняном рынке Европы, будучи главным поставщиком этого сырья. В начале XX в. возникла система предприятий, ориентированных на экспорт льна из России, наиболее известным и значительным из которых было Русское акционерное льнопромышленное общество, основанное в 1912 г. по инициативе Рябушинских¹⁰¹. Теперь же российское правительство в лице С. Ю. Витте ставило задачу закрепления на европейском рынке льняных полуфабрикатов и готовых изделий.

Главным фактором дороговизны российских льняных тканей и пряжи в упомянутой выше записке признавались высокие пошлины на зарубежное оборудование и красильные материалы, применявшиеся на российских фабриках. Ранее в 1900 г. по инициативе министра финансов при Департаменте торговли и мануфактур было образовано особое совещание. Главная его задача состояла в том, чтобы составить предположения о возврате российским

фабрикантам таможенных пошлин за прядильные и ткацкие машины и красильные материалы, которые были ввезены из-за рубежа с целью производства льняной пряжи и ткани на экспорт. Предложения совещания легли в основу составленной С. Ю. Витте записки, а в июне 1900 г. проект министра финансов получил одобрение императора. С 1904 г. эта льгота была распространена на машины для изготовления шедших на экспорт хлопчатобумажных и шерстяных изделий¹⁰².

В целом С. Ю. Витте отличал взвешенный взгляд на проблему импорта машинного оборудования в Россию. С одной стороны, министр финансов понимал, что геополитические и торгово-промышленные интересы Российской империи требовали создания мощной промышленности, способной развиваться за счет внутренних ресурсов. Этим объясняются усилия С. Ю. Витте, направленные на сокращение притока иностранных машин в Россию и поддержку отечественного машиностроения как административными, так и таможенно-тарифными мерами. С другой стороны, когда стоявшие перед страной стратегические задачи (в частности, завоевание внешних рынков) вынуждали воспользоваться технологическими достижениями западноевропейских стран, С. Ю. Витте в ряде случаев шел на облегчение доступа зарубежного оборудования на российский рынок.

Десятилетие перед Первой мировой войной в истории таможенной политики России связано с именем министра финансов В. Н. Коковцова, стоявшим во главе финансового ведомства в 1904–1914 гг., за исключением периода с октября 1905 г. по апрель 1906 г., когда пост министра финансов занимал И. П. Шипов.

Свои окончательные очертания финансово-экономическая система В. Н. Коковцова приобрела после 1907 г., когда наметилось политическое успокоение страны. Сам министр финансов достаточно скромно оценивал свой вклад в разработку экономической стратегии. «Я не был новатором в деле управления русскими финансами, — отмечал он в мемуарах, написанных в эмиграции, — и не проложил новых путей для экономического развития страны. Моя роль была гораздо более скромная — я старался сберечь, сохранить и развить то, что было сделано моими предшественниками...»¹⁰³ Он постоянно подчеркивал преемственность своей политики с линией С. Ю. Витте, а разницу усматривал прежде всего в том, что ему пришлось действовать в условиях войны и революции, приспосабливаться к Государственной думе и считаться

с фактом постоянного увеличения в бюджете военных расходов ввиду приближения мировой войны.

Экономическая политика правительства в начале XX в. строилась на традиционном «покровительственном» принципе по отношению к промышленности. Вместе с тем В. Н. Коковцов выступал за параллельное с ней развитие сельского хозяйства как непереносимое условие расширения внутреннего рынка для промышленного производства, за ограничение казенного сектора экономики и поощрение частного предпринимательства, был, как и С. Ю. Витте, сторонником привлечения иностранных капиталов в форме частных инвестиций, чему должна была способствовать устойчивая денежная система¹⁰⁴.

Импорт машин и оборудования в Россию в 1904–1913 гг. регулировался на основе торговых договоров, заключенных с западноевропейскими странами. В 1900-х гг. окончательно устанавливается единый конвенционный тариф России по европейской торговле, в основе которого лежали пять торговых договоров, заключенных с Германией, Францией, Австро-Венгрией, Италией и Португалией¹⁰⁵.

Важно отметить, что пошлины на машины и оборудование были установлены в соответствии с положениями русско-германской торговой конвенции 1904 г. Остальные европейские страны на основе принципа наибольшего благоприятствования получали равные с Германией права и ввозили свои машины в Россию с уплатой тех же пошлин, что и немецкие производители. Русско-германская торговая конвенция 1904 г. действовала вплоть до начала Первой мировой войны.

Общий таможенный тариф, разработанный в 1903 г., еще в бытность С. Ю. Витте министром финансов, был введен в действие с 16 февраля 1906 г. Однако он не повлиял на размер таможенного обложения ввозимых машин и оборудования (за исключением холодильного оборудования, пошлины на которое выросли в связи с его включением в другую статью таможенной номенклатуры), поскольку вступал в силу, как говорилось в официальном тексте, «со всеми изменениями и дополнениями, уже последовавшими и могущими последовать в означенном Тарифе по торговым договорам России с иностранными государствами»¹⁰⁶.

Таким образом, с момента заключения торговых договоров с европейскими странами (прежде всего с Германией) Россия ли-

шалась возможности произвольно изменять импортные ставки своего таможенного тарифа. Конечно, таможенная политика по-прежнему оставалась внутренним делом российского правительства, однако одностороннее повышение пошлин на оговоренные в договоре импортные товары отныне автоматически вело к аннулированию всех условий договора. В этом случае Россия лишалась важных уступок в сфере таможенного обложения своего экспорта, что неизбежно вело к существенным экономическим потерям. Впрочем, российское правительство в равной степени обладало правом расторгнуть торговый договор в случае нарушений со стороны европейских партнеров.

Россия, таким образом, отказывалась от односторонней таможенной политики в области импорта машин и оборудования в целях достижения стабильности во внешнеторговых отношениях с западными странами и сохранения рынка сбыта для своей сельскохозяйственной продукции. Общее направление таможенной политики тем не менее сохраняло протекционистский характер вплоть до Первой мировой войны.

Курс на покровительство отечественного производства, последовательно проводимый С. Ю. Витте и В. Н. Коковцовым тем не менее не исключал возможности беспошлинного импорта машин и оборудования. Данная практика, почти полностью прекратившаяся в 1880–1890-х гг. (за весь период положительное решение было принято всего по трем прошениям), возобновляется в начале XX в. В табл. 4 представлены данные о распределении ходатайств о беспошлинном ввозе зарубежных машин по основным отраслям экономики в 1900–1909 гг.

Таблица 4

Ходатайства о беспошлинном ввозе зарубежных машин по отраслям экономики (1900–1909 гг.)

Отрасль экономики	Удовлетворенные ходатайства	Неудовлетворенные ходатайства
Горнодобывающая и металлургическая промышленность	2	–
Целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность	3	–
Пищевая промышленность	1	–

Отрасль экономики	Удовлетворенные ходатайства	Неудовлетворенные ходатайства
Текстильная промышленность	1	–
Сельское хозяйство	12	7
Научные исследования	1	–
Итого	20	7

Источник: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 52–58.

В отличие от периода конца 1860 – 1870-х гг., наибольшее число удовлетворенных ходатайств приходится на долю предприятий, занятых экспортом российской сельскохозяйственной продукции. Из 12 прошений, отнесенных в Таблице 4 к группе «сельское хозяйство», 9 были поданы предпринимателями, которые нуждались в иностранном холодильном оборудовании для складов хранения экспортной продукции (мяса, рыбы, битой птицы, яиц, масла и т. д.). Это свидетельствует о проявившемся в начале XX в. внимании правительства к развитию экспортной торговли продуктами земледелия.

Однако правительственная политика в этой области отличалась непоследовательностью. Разрешая беспошлинный ввоз холодильных установок из-за рубежа одним фирмам, соответствующие ведомства (Министерство финансов до 1905 г., а затем Министерство торговли и промышленности) отказывали в аналогичной льготе другим просителям. После 1909 г. ходатайства фактически прекратились ввиду категорического заявления правительства о том, что подобные ходатайства не могут быть удовлетворены «впредь до обсуждения общего вопроса о беспошлинном ввозе машин для холодильников»¹⁰⁷.

В 1911 г. была опубликована записка инженера и технического эксперта О. Г. Флеккеля, посвященная положению холодильного дела в России¹⁰⁸. Автор акцентировал внимание на том, что повышение таможенной пошлины на холодильные машины с 2 руб. 10 коп. до 3 руб. 20 коп. с пуда в 1906 г. (в связи с вступлением в силу общего таможенного тарифа 1903 г.) было результатом недоразумения. Дело в том, что в номенклатуре таможенного тарифа 1903 г. все ввозимые промышленные машины подразделялись

на три группы, в зависимости от стоимости пуда производства той или иной машины в России с добавлением к этой сумме 10 % прибыли.

О. Г. Флеккель ссылался на то, что при разработке таможенного тарифа чиновники финансового ведомства не рассматривали отдельно вопрос о стоимости пуда производства холодильных машин в России, вследствие чего это оборудование случайным образом было отнесено к ст. 167 п. 1 лит. б и обложено более высокой пошлиной. Однако О. Г. Флеккель сам приводит цифры, согласно которым стоимость пуда производства холодильных машин в России в 1906–1910 гг. обходилась в 7 руб. 56 коп.¹⁰⁹ Учитывая, что по номенклатуре общего таможенного тарифа 1903 г. по ст. 167 п. 1 лит. б пропускались машины, стоимость изготовления одного пуда которых колебалась в пределах 7–10 руб.¹¹⁰, следует констатировать, что при разработке общего таможенного тарифа 1903 г. чиновники Министерства финансов следовали намеченной программе и никакой ошибки ими допущено не было.

Гораздо более важен вопрос о том, в какой мере повышение пошлины на холодильное оборудование отвечало интересам российской экспортной торговли или по крайней мере отечественных машиностроительных предприятий, выпускавших данный вид оборудования. Согласно имеющимся данным, в начале XX в. в России действовало всего три фирмы, занимавшихся изготовлением холодильных машин, причем они не являлись специализированными предприятиями. Объем выпускаемой ими продукции позволял покрыть не более 15 % существовавшего внутри страны спроса на холодильное оборудование. К тому же отечественные холодильные установки нередко отличались низким качеством исполнения. О слабом развитии производства холодильного оборудования в России, по справедливому наблюдению О. Г. Флеккеля, свидетельствовал тот факт, что повышение ввозных пошлин на холодильные машины в 1906 г. очень мало поощрило их производство внутри страны¹¹¹.

Данные по импорту холодильного оборудования в Россию, представленные в Таблице 5, свидетельствуют об отсутствии устойчивой динамики спроса со стороны российских заказчиков зарубежных рефрижераторов. Таким образом, повышение ввозных пошлин на холодильное оборудование в 1906 г. не создало

достаточного стимула для подъема соответствующей отрасли российского машиностроения и отрицательным образом сказалось на положении потребителей холодильных машин в России, вынужденных переплачивать зарубежным производителям.

Таблица 5

Импорт холодильных машин в Россию (1906–1913 гг.)

Годы	Тыс. пуд.	Тыс. руб.
1906	6,8	30,7
1907	3,9	27,4
1908	5,2	53,8
1909	0,5	5,1
1910	7,4	64,6
1911	5,4	45,4
1912	2,9	24,7
1913	4,5	44,0

Источник: Обзор внешней торговли России. СПб., 1907–1914.

Вопрос о величине таможенного обложения холодильного оборудования неизбежно сталкивал интересы российских торговцев продуктами земледелия и отечественных промышленников, выпускавших холодильные машины. Однако, учитывая полную неспособность российских производителей — даже в условиях усиленного таможенного покровительства — удовлетворить спрос на холодильное оборудование российских торговых фирм, представляется, что правительству следовало позаботиться прежде всего об интересах последних. Эффективным шагом в этом направлении могла бы стать отмена таможенных пошлин на данный вид оборудования.

Впрочем, повышение таможенных пошлин на холодильные машины в 1906 г., как было показано выше, едва ли следует расценивать как целенаправленную акцию российских властей, призванную оградить российское производство. При разработке таможенного тарифа 1903 г. вопрос о размере ввозных пошлин на холодильное оборудование специально не рассматривался. Пере-

мещение холодильных машин внутри номенклатуры таможенного тарифа, следовательно, произошло по формальному признаку (стоимость одного пуда производства данного оборудования в России).

В заключение обратимся к вопросу о том, как обстояли дела с зарубежными заказами правительственных учреждений в предвоенный период. В феврале 1906 г. С. Ю. Витте, в тот период исполнявший обязанности председателя Комитета министров, в официальном письме, адресованном министру торговли и промышленности В. И. Тимирязеву, сообщал о том, что поставленная цель сокращения зарубежных заказов была достигнута отнюдь не в полной мере, и объем этих заказов по-прежнему исчислялся «десятками миллионов рублей». В том же документе упоминалось о докладе С. Ю. Витте, направленном им ранее в Совет министров, который после 1905 г. взял на себя функции контроля над зарубежными заказами правительства, ранее находившимися в компетенции Комитета министров. В докладе подчеркивалось, что правительству «надлежало бы обратить особое внимание на вопрос о правительственных заказах зарубежным фирмам и изыскать действительные меры к сокращению таковых заказов»¹¹².

При рассмотрении вопроса о ведомственных импортных заказах естественным образом возникает вопрос об их объеме. К сожалению, в официальной статистике и архивной делопроизводственной документации отсутствуют агрегатные сведения о количественных параметрах зарубежных казенных заказов и, соответственно, об их доле в общем импорте страны. Частичные данные сохранились в отношении Морского министерства, литографские ведомости о его заказах за границей в 1905–1910 гг. отложились в Научно-справочной библиотеке РГИА (Таблица 6).

Таким образом, в 1905–1906 гг. выплаты одного Морского министерства по зарубежным заказам составили 27,7 млн руб. и, следовательно, приведенное выше высказывание С. Ю. Витте о «десятках миллионов рублей» имело под собой реальные основания. Столь крупные траты, по всей очевидности, были вызваны русско-японской войной. Как следует из ведомостей Морского министерства, в 1904–1905 гг. «по военным обстоятельствам» зарубежным заводам было заказано военных судов и различного оборудования на сумму 27,4 млн руб. По мере того как Морское министерство

расплачивалось по заказам военного времени, его доля среди импортеров иностранных машин оборудования резко снижалась и к 1910 г. составила всего 1,5 % от итога. Речь идет о заказах только одного, хотя и весьма «капиталоемкого» министерства, но даже по этим отрывочным данным можно представить, что доля казенных заказов в общероссийском импорте была весьма заметной, особенно в связи с затратами на военные цели.

Таблица 6

Зарубежные заказы Морского министерства и их доля в общем импорте машин и оборудования в Россию, млн руб. (1905–1910 гг.)

Годы	Общий импорт машин в Россию	Зарубежные заказы Морского министерства	% к итогу
1905	30,0	14,7	49,0
1906	32,8	13,0	39,6
1907	39,3	6,5	16,5
1908	44,9	— ^a	— ^a
1909	47,3	1,0	2,2
1910	60,8	0,9	1,5

^a Нет данных.

Источник: Обзор внешней торговли России. СПб., 1906–1911; НСБ РГИА. ПЗ–2639. Ведомости зарубежных заказов Морского министерства [1905–1910].

Возвращаясь к позиции С. Ю. Витте о необходимости сокращения казенных заказов за границей, отметим, что в январе 1906 г. он инициировал постановление Совета министров, согласно которому все зарубежные заказы подразделялись на две категории — мелкие и крупные. При выписке машин и оборудования на сумму до 10 тыс. руб. (мелкий заказ) каждое ведомство должно было руководствоваться специальным списком, который ежегодно составлялся особой комиссией при Министерстве финансов. Если же необходимой машины в списке не было, правительственное учреждение было обязано получить согласие Министерства финансов. При крупном заказе на сумму от 10 тыс. руб. правительственные учреждения обязывались обращаться в Министерство торговли и промышленности, которое должно было указать российские предприятия, способные выполнить заказ. Если ведом-

ство отказывалось следовать рекомендации Министерства, дело передавалось на рассмотрение в Совет министров. Обо всех крупных заказах за границей или в Финляндии правительственные учреждения направляли отчеты в Совет министров с объяснением причин необходимости заказа¹¹³.

Однако, как следует из материалов заседаний Совета министров с участием представителей Военного и Морского министерств, дела в большинстве случаев решались в пользу заказов у иностранных производителей. В марте 1908 г. Совет министров одобрил передачу за границу заказа образцов осадных орудий для военного ведомства, правда, сделав оговорку, что в будущем подобного рода заказы должны согласовываться с Министерством торговли и промышленности и Министерством финансов. Положительно был решен и вопрос о заказе 28 электрических муфт для Морского министерства ввиду срочности исполнения. Причем министр торговли и промышленности А. Ф. Редигер согласился на этот шаг, несмотря на общие рассуждения о том, что «указание на большее развитие заграницей судостроительной или вообще заводской техники само по себе недостаточно, чтобы обходить казенными заказами отечественные заводы»¹¹⁴.

Вместе с тем в ноябре 1907 г. Совет министров «признал чрезвычайно важным», чтобы на заказ на строительство двух броненосцев был передан не английской фирме «Виккерс», как это планировалось изначально, а русским заводам, поскольку в данном случае затрагивались «не только первостепенные требования государственной обороны, но и жизненные интересы отечественной промышленности»¹¹⁵. Однако, то был весьма нечастый случай, когда в деле военно-морских заказов предпочтение отдавалось отечественным заводам.

Причина становится ясна в связи с вопросом о заказе за границей трубок для котлов линейных кораблей «Петропавловск» и «Гангут», который рассматривался в Совете министров в октябре 1911 г. Изначально заказ был размещен на российских заводах, которые, однако, не сумели его выполнить в срок. Отстаивая интересы отечественных производителей, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев выступил с предложением предоставлять заказы российским заводам «заблаговременно, дабы, в случае неисполнения заводами принятых на себя обязательств в отношении либо срока, либо качества поставок, последние могли

бы быть без ущерба передаваемы, в установленном порядке, зарубежным фирмам»¹¹⁶. Очевидно, что в условиях предвоенной гонки вооружений российское правительство не могло пойти на риск несвоевременного и (или) некачественного исполнения заказа, что и объясняет высокий удельный вес казенных военно-морских заказов, размещенных за границей.

* * *

Таможенная политика России со второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны строилась в соответствии с общими установками министров финансов, которые определялись, с одной стороны, противоборством двух основных внешнеэкономических концепций того периода — фритредерства и протекционизма, а с другой — насущными потребностями российской экономики. Ф. П. Вронченко и П. Ф. Брок были сторонниками умеренно-протекционистского курса таможенной политики: промышленные машины и оборудование в годы их деятельности в качестве министров финансов ввозились в Россию беспошлинно. А. М. Княжевич, считавший себя сторонником политики протекционизма, ограничился введением меры косвенной поддержки отечественного машиностроения, освободив от таможенного обложения импортные металлы, тогда как ввоз промышленных машин по-прежнему оставался беспошлинным.

Новая страница в истории таможенного регулирования импорта промышленных машин в Россию была открыта в годы министерства М. Х. Рейтерна. Несмотря на введение ввозных пошлин, свободный доступ иностранной техники в Россию происходил по другим каналам. Во-первых, многие российские акционерные общества, действовавшие в сфере транспорта, городского благоустройства, горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей промышленности, согласно своим уставам, имели право ввозить зарубежные машины и оборудование без уплаты таможенных пошлин. Во-вторых, в 1868–1879 гг. довольно широкий размах приобрела практика беспошлинного ввоза машин по ходатайствам, удовлетворенным Министерством финансов. Тем самым правительство получало возможность направлять ввозимые машины в те сферы народного хозяйства, которые наиболее в этом нуждались и не могли удовлетворить потребность в технике

за счет российского машиностроения, на тот момент находившегося в стадии становления.

Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградский, признавая важность импорта машин и оборудования для развития отечественной промышленности и транспорта, тем не менее придерживались курса на повышение таможенных пошлин, причем соображения протекционистского характера в теоретических представлениях и практической деятельности Н. Х. Бунге выражены более отчетливо. Таможенное покровительство распространяется на новые виды машин (в частности, на текстильное оборудование). В 1880-х гг. Министерство финансов перестает удовлетворять прошения о беспошлинном ввозе машин.

Свои окончательные очертания таможенная политика поддержки российской машиностроительной промышленности приняла в период деятельности С. Ю. Витте в качестве министра финансов. Считая протекционистские начала, положенные в основу таможенного тарифа 1891 г., абсолютно верными и соответствующими уровню развития российской промышленности, С. Ю. Витте тем не менее всеми силами старался развить конкурентные начала в экономике России. Залогом успешного развития отечественной промышленности он считал привлечение иностранных инвестиций в российские предприятия для ускорения роста промышленного производства внутри России.

С. Ю. Витте дважды (в 1893 г. и 1898 г.) прибегал к повышению пошлин на импортные машины для оказания давления на торговых партнеров России с целью обеспечения выгодных условий для сбыта продуктов российского сельского хозяйства за рубежом. При этом министр финансов, вне всякого сомнения, придавал таможенному обложению машин значение самостоятельной меры, призванной придать импульс российскому машиностроению.

Однако и в период расцвета политики таможенного покровительства С. Ю. Витте снимал таможенные барьеры, стоявшие на пути иностранных экспортеров машин в Россию, если эта мера отвечала стратегическим интересам страны. В целях облегчения российским текстильным предприятиям выхода на международный рынок (прежде всего на среднеазиатском и дальневосточном направлениях) по инициативе министра финансов в начале XX в. была разработана схема, согласно которой текстильным промышленникам, работавшим на экспорт, возвращались таможенные по-

шлины, уплаченные ими за импортное оборудование для оснащения своих фабрик.

Немало усилий было потрачено С. Ю. Витте на то, чтобы добиться сокращения казенных заказов на импортные машины и оборудование. Однако, несмотря на то что на бумаге эта проблема к концу его деятельности в качестве министра финансов была, казалось бы, решена, ведомства (прежде всего Морское и Военное министерства) продолжали размещать за границей крупные заказы. Причиной обычно являлась невозможность в принципе изготовить в России необходимое оборудование или несоблюдение требуемых сроков. Дело, очевидно, было в том, что даже при наличии государственной поддержки не все отрасли российского машиностроения к началу XX в. смогли выйти на уровень западноевропейских производителей, и правительству поневоле приходилось обращаться к услугам последних.

В. Н. Коковцов в целом следовал в русле намеченной С. Ю. Витте финансово-экономической политики. Новый министр финансов также был сторонником таможенного покровительства отечественной промышленности, однако он, подобно своему предшественнику, при определении размера ввозных пошлин был вынужден учитывать новые международные обязательства России, которые она взяла на себя по торговым договорам, заключенным с зарубежными странами после 1893 г. На протяжении двух предвоенных десятилетий таможенное обложение ввозимых в Россию машин регулировалось торговыми договорами с Германией 1894 г. и 1904 г. При этом размер пошлин на промышленные машины в период 1904–1914 гг. (за исключением холодильного оборудования) оставался без изменений, что в условиях предвоенного экономического подъема способствовало усиленному приходу в Россию промышленных машин из-за рубежа.

Примечания

¹ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.

² Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, Massachusetts, 1962. При этом А. Гершенкрон полагал, что основным фактором ускорения российского индустриального роста яв-

лялось активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Этот тезис не нашел поддержки в последующей историографии, которая констатировала, что государство в России было не столько демиургом экономического роста, сколько получателем дохода от развития рыночной экономики (см.: Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge Univ. Press, 1982; Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986. P. XI–XV).

³ Томпстон Ст. Русское Техническое общество и импорт британского текстильного оборудования // Российская текстильная промышленность: Технологический трансферт, сырье, финансы. СПб., 2006. С. 14.

⁴ Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886; Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909; Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911; Он же. Перестройка принципов торговой политики России в связи с вопросом о протекционизме. Харьков, 1915; История торговли и промышленности в России. Т. 3. СПб., 1914; Кун Е. Развитие нашего таможенного обложения в последние десятилетия. Пг., 1917; Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. Ч. 1–2. Пг., 1918–1919.

⁵ Иванов П. Г. Очерк истории и статистики русского заводского паровозостроения. Пг., 1920; Ильинский Д. П., Иваницкий В. П. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. М., 1929; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1946; Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв., 1800–1917 гг. М., 1950; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960; Розенфельд Я. С., Клименко К. И. История машиностроения в СССР (с первой половины XIX в. до наших дней). М., 1961; Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России. М., 2005; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. IX — начало XX века. М., 2006.

⁶ Витчевский В. Указ. соч. С. 212.

⁷ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. С. 451–452.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 9–1880 г. Д. 213. Л. 118.

⁹ Там же. Л. 119.

¹⁰ Там же. Л. 118 об.

¹¹ ПСЗ–2. Т. 32. № 31 881. О тарифе 1857 г. см.: Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 100–186.

¹² Цит. по: Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). Подготовил к изд. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 76.

¹³ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. С. 1000.

¹⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9–1880 г. Д. 213. Л. 119.

¹⁵ Там же. Л. 171 об.–172.

- ¹⁶ НСБ РГИА. ПЗ–1618. Справка о законоположениях, касающихся вопроса о сокращении правительственных заказов за границей. С. 1.
- ¹⁷ Новый общий тариф по Европейской торговле для таможен Российской империи и Царства Польского, 5 июля 1868 г. // ПСЗ–2. Т. 43. № 46 079. Подробнее о тарифе 1868 г. см.: Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 219–331.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9–1880 г. Д. 213. Л. 119 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 119 об.–121.
- ²⁰ Там же. Л. 121 об.–122.
- ²¹ Там же. Л. 122–122 об.
- ²² Там же. Л. 122 об.
- ²³ Там же. Л. 169.
- ²⁴ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 25. Л. 119–119 об.; Д. 28. Л. 86–89 об.
- ²⁵ Там же. Д. 23. Л. 151–152; Д. 24. Л. 64–65.
- ²⁶ Там же. Д. 22. Л. 183–185 об.; Д. 24. Л. 126–129; Д. 27. Л. 137–139 об.; Д. 28. Л. 138–138 об.
- ²⁷ Там же. Д. 20. Л. 164–165.
- ²⁸ Там же. Д. 25. Л. 30–31, 56–57 об.; Д. 26. Л. 39–41 об.; Д. 27. Л. 75–76; Д. 28. Л. 86–89 об.
- ²⁹ Там же. Д. 30. Л. 80–82 об.; Д. 31. 94–96 об.
- ³⁰ Там же. Д. 31. Л. 94–96 об., 106–108.
- ³¹ Там же. Д. 28. Л. 54–56 об.; Д. 29. Л. 92–93; Д. 30. Л. 30–34.
- ³² Там же. Д. 30. Л. 80–82 об.
- ³³ Там же. Д. 24. Л. 5–6 об.; Д. 28. Л. 86–89 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 5. Д. 580. Л. 1–1 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20. Л. 128–129, 164–165; Д. 21. Л. 57–59, 104–105 об.; Д. 22. Л. 103–104; Д. 23. Л. 166–168; Д. 24. Л. 120–121; Д. 25. Л. 30–31.
- ³⁶ НСБ РГИА. ПЗ–1605. Справка к представлению управляющего министерством путей сообщения от 22 декабря 1892 г. С. 6.
- ³⁷ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 30. Л. 12–12 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 1152. Оп. 9–1880 г. Д. 213. Л. 123 об.–124.
- ³⁹ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 423; Русский рубль: два века истории. М., 1994.
- ⁴⁰ Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. С. 188.
- ⁴¹ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 653.
- ⁴² Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. М., Челябинск, 2002. С. 54.
- ⁴³ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. С. 603.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1152. Оп. 9–1880 г. Д. 213. Л. 3 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4–5.
- ⁴⁶ Там же. Л. 346, 347–347 об.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 5. Д. 382.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 1152. Оп. 10–1885 г. Д. 220. Л. 68–69.
- ⁴⁹ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 113.

- ⁵⁰ Цит. по: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 138.
- ⁵¹ Цит. по: Судьбы России. С. 179.
- ⁵² Там же. С. 263.
- ⁵³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 10–1885 г. Д. 220. Л. 55.
- ⁵⁴ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 582.
- ⁵⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об изменении таможенных пошлин по некоторым статьям тарифа, 20 апреля 1885 г. // ПСЗ–3. Т. 5. № 2958.
- ⁵⁶ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 585–586.
- ⁵⁷ Ф. 1152. Оп. 10–1885 г. Д. 282. Л. 1–2 об., 9 об., 29 об.; Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 484–490.
- ⁵⁸ Цит. по: Судьбы России. С. 276.
- ⁵⁹ Судьбы России. С. 280.
- ⁶⁰ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 698.
- ⁶¹ Витчевский В. Указ. соч. С. 138.
- ⁶² Цит. по: Судьбы России. С. 275–276.
- ⁶³ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 791.
- ⁶⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об общем таможенном тарифе по Европейской торговле, 11 июня 1891 г. // ПСЗ–3. Т. 11. № 7811.
- ⁶⁵ Об экономической политике Витте см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998.
- ⁶⁶ Цит. по: Судьбы России. С. 291.
- ⁶⁷ Цит. по: Судьбы России. С. 337.
- ⁶⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г. // Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 173–174, 177–178, 184.
- ⁶⁹ Цит. по: Корелин А. П., Степанов С. А. Указ. соч. С. 66.
- ⁷⁰ Там же. С. 61–62.
- ⁷¹ Цит. по: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 257.
- ⁷² Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. Отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 179–181.
- ⁷³ Цит. по: Судьбы России. С. 306.
- ⁷⁴ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Из архива С. Ю. Витте. Б. м., 2003. Кн. 1. Т. 2. С. 48.
- ⁷⁵ Корелин А. П., Степанов С. А. Указ. соч. С. 30.

⁷⁶ Соболев М. Н. История русско-германского торгового договора; Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914 г.). М., 1996.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11—1893 г. Д. 224. Л. 3 об.

⁷⁸ Там же. Л. 11—11 об., 16.

⁷⁹ Высочайше ратификованный договор о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Германией 29 января / 10 февраля 1894 г., 5 марта 1894 г. // ПСЗ—3. Т. 14. № 10 409.

⁸⁰ НСБ РГИА. ПЗ—1572. Материалы Совещания по пересмотру русско-германского конвенционного тарифа. С. 372—376.

⁸¹ Витчевский В. Указ. соч. С. 210.

⁸² Цит. по: Витчевский В. Указ. соч. С. 130—131.

⁸³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об утверждении общего таможенного тарифа по Европейской торговле. 13 января 1903 г. // ПСЗЗ. Т. 23. № 22 389.

⁸⁴ НСБ РГИА. ПЗ—1572. Материалы Совещания по пересмотру русско-германского конвенционного тарифа. С. 382.

⁸⁵ Там же. С. 376.

⁸⁶ Там же. С. 377—378.

⁸⁷ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 131; НСБ РГИА. ПЗ—1572. Материалы Совещания по пересмотру русско-германского конвенционного тарифа. С. 379.

⁸⁸ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 58. Л. 132—132 об., 199—205.

⁸⁹ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 131.

⁹⁰ Корелин А. П., Степанов С. А. Указ. соч. С. 31.

⁹¹ Соболев М. Н. История русско-германского торгового договора. С. 169.

⁹² Там же. С. 168.

⁹³ НСБ РГИА. ПЗ—1618. Справка о законоположениях, касающихся вопроса о сокращении правительственных заказов за границей. С. 1.

⁹⁴ Там же. С. 2.

⁹⁵ НСБ РГИА. ПЗ—1618. С. Ю. Витте А. Н. Куломзину (16 августа 1896 г.). С. 1.

⁹⁶ Там же. С. 2—5.

⁹⁷ НСБ РГИА. ПЗ—1618. Справка о законоположениях, касающихся вопроса о сокращении правительственных заказов за границей. С. 2.

⁹⁸ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 54. Л. 62—65.

⁹⁹ Там же. С. 2—5.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 1152. Оп. 12—1895. Д. 3. Л. 1—15.

¹⁰¹ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. С. 889.

¹⁰² РГИА. Ф. 1152. Оп. 13—1900 г. Д. 132. Л. 1—14; ПСЗ—3. Т. 20. Отд. 2. № 18794; Т. 24. Отд. 2. № 24 734.

¹⁰³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. II. Париж, 1933. С. 365.

¹⁰⁴ Подробнее о финансово-экономической системе В. Н. Коковцова см.: Петров Ю. А. Система Коковцова // Русский рубль. Два века истории. С. 140–174.

¹⁰⁵ См.: Таможенные тарифы по европейской торговле (общий и конвенционный), с изменениями и дополнениями по 1 июля 1913 г. СПб., 1913.

¹⁰⁶ ПСЗ–З. Т. 26. № 27 342.

¹⁰⁷ Флеккель О. Г. Записка об удешевлении холодильных машин. СПб., 1911. С. 10.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 10–11.

¹¹⁰ НСБ РГИА. ПЗ–1572. Материалы Совещания по пересмотру русско-германского конвенционного тарифа. С. 388.

¹¹¹ Флеккель О. Г. Указ. соч. С. 12.

¹¹² РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 111. Л. 1 об.

¹¹³ НСБ РГИА. ПЗ–1618. Справка о законоположениях, касающихся вопроса о сокращении правительственных заказов за границей. С. 5: РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 37. Л. 1 об.–2.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 37. Л. 3 об.–5.

¹¹⁵ Там же. Л. 3.

¹¹⁶ Там же. Л. 20–21.

Московское женское купечество второй половины XIX в.

Купечество в дореволюционной России было особым сословием, главной функцией которого являлось ведение торгово-промышленной деятельности. При этом второстепенную роль играла половозрастная характеристика самого предпринимателя. Одной из главных отличительных черт российского купечества от западноевропейского являлось то, что принадлежность к сословию была не только не наследственной, но и не пожизненной.

«Великие реформы» 1860–1870-х гг. XIX в. внесли ряд существенных изменений в действующее торгово-промышленное законодательство. По законам от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. свидетельства, во-первых, могли выбирать лица «обоего пола русские подданные всех состояний и иностранцы»¹, во-вторых, сохранялось сословное начало, т. к. «лица, не принадлежащие к купеческому сословию, могут брать купеческие свидетельства с сохранением настоящего их звания или с перечислением в купечество»².

В данной работе основное внимание уделено анализу именно женского предпринимательства — его качественной и количественной сторон.

Как основной источник использовались «Справочные книги о лицах, получивших купеческие свидетельства на... год по 1 и 2 гильдиям в г. Москве».

Исследование охватывает 27-летний промежуток (1869–1896), который разделен на 10 отрезков по три года.

Выбор длительности интервала обусловлен необходимостью придания анализируемым данным более единообразного характера, что в свою очередь обеспечивает наименьший процент статистической погрешности.

---

* Павленко Ольга Владимировна — магистр истории (НИУ Высшая Школа Экономики, г. Москва)

Для выявления динамики колебаний количественного и качественного состава купечества три года является наиболее оптимальным отрезком.

«Справочные книги» издавались ежегодно в Москве в 1869–1917 гг., в Санкт-Петербурге, Одессе в 1912–1916 гг. В основе московских изданий «Справочных книг» лежат «книги для записи купцов», хранящиеся в архивном фонде Московской купеческой управы (ЦИАМ. Ф. 3)³. При их публикации («книги для записи купцов») использовались материалы налогообложения, главной задачей которых был не столько контроль за «качеством» состояния предпринимательства, сколько учет количества капиталов, их оборота. В «Справочных книгах», по мнению их издателей, служивших также для представления «полных и подробных сведений, необходимых как при производстве общественных выборов, так и при обсуждении частных просьб, сосредоточены сведения не только обо всех местных купцах, но и о лицах, получивших по Московской столице купеческие свидетельства без перемены настоящего их звания, равно и об Акционерных Товариществах и Компаниях, получающих такие же свидетельства, об инородных 1-й гильдии купцах, производящих в Москве оптовую торговлю, и о лицах, изъятых от обязанности брать торговые свидетельства, но и подлежащих взятию одних лишь билетов на лавки»⁴. Сведения группировались по гильдиям и в алфавитном порядке.

В отношении лиц, выкупивших свидетельства, представлялась следующая информация: Ф. И. О., возраст, год поступления в купеческое сословие, подданство, принадлежность к социальной группе, место жительства, состав семьи с указанием возраста сыновей (дети при достижении совершеннолетия могли заниматься торгово-промышленной деятельностью на положении «купеческих сыновей»), вид торгово-промышленной деятельности, разряд предприятия, для мужчин дополнительно указывалось место государственной или военной службы.

1. Источники формирования купеческого сословия

Сведения о купцах в «Справочных книгах» на протяжении всего рассматриваемого периода носят единообразный характер, что позволяет признать данный источник пригодным для целей сравнительного исследования.

В данной работе сохраняется внутреннее деление источника на 9 социальных групп. Шесть из девяти являются сословиями Российской империи (купечество, дворянство, мещанство, крестьянство, цеховые и почетные граждане). Три — либо почетной характеристикой сословного статуса («старинное купечество»), либо когда один человек совмещал в себе оба статуса («старинное и почетное»); группа иностранцев выделена на основании факта рождения на территории другого государства или отсутствия российского гражданства.

Под обозначенными социальными группами понимается следующее.

«Купечество» — лица, выбравшие купеческие свидетельства для 1 или 2 гильдии и сохранившие сословный статус купца или перешедшие в купеческое сословие из другого сословия. Выделение внутри исследования «московского» и «других уездов» купечества предполагает лишь пространственную дифференциацию, по месту торговли или жительства. Целью отдельного рассмотрения группы «купечество (без иностранок, почетных гражданок и старинного купечества)» является интерес проследить изменение количественного состава группы купечества, не обладавшей дополнительными правами и привилегиями («чистая» группа).

«Старинное купечество» — данное привилегированное звание присваивалось с начала XIX в. крестьянам и мещанам, ведущим на протяжении нескольких поколений «праведную торговлю»⁵.

«Почетные граждане» — звание почетного гражданина было введено манифестом Николая I в 1832 г. Первоначально это звание могли получить только купцы I гильдии после 10 лет «состояния в гильдии» и купцы II — после 20 лет. С 1865 г. это звание стало присваиваться исключительно купцам I гильдии, состоявшим в ней не мене 20 лет. Звание почетного гражданина распространялось и на членов семей, его сохраняли вдовы после смерти мужа.

«Почетные и старинные» — сословная группа, обладающая одновременно правами и привилегиями почетных граждан и старинного купечества.

«Дворяне» — высшая привилегированная социальная группа в Российской империи, имеющая наследственный статус и обладающая всеми признаками сословности (например, законодательное закрепление социальных функций, обязанностей и прав, специфический менталитет и самосознание и т. д.).

«Мещане» — основное городское податное сословие, принадлежность к которому была наследственной. Мещанам разрешена мелочная торговля, различные промыслы, работа по найму⁶. В данном исследовании выделение из сословия групп — московские и других уездов, городов, губерний — предполагает лишь пространственную дифференциацию, по месту торговли или жительства.

«Цеховые» — лица, занимавшиеся ремеслом в составе сословно-профессиональных организаций в городах. Вступление в цехи фактически было необязательным, но нахождение там придавало мастерам значимый для них социальный статус⁷. Цеховые были представлены двумя видами: вечно-цеховые, временно-цеховые (в источнике разделение не приводится). К сословию мещан относились только вечно-цеховые.

«Крестьянин» — после 1861 г. «свободный сельский обыватель», сельский житель, основным занятием которого является возделывание сельскохозяйственных культур и разведение скота. После реформ 1860-х гг. была сохранена общинная организация крестьянства с круговой порукой, им было запрещено покидать место жительства без временного паспорта и записываться в другие сословия без увольнения от общины⁸.

«Иностранные граждане» — подданные других государств.

На протяжении всего рассматриваемого хронологического периода для 1 гильдии было характерно преобладание групп купечества и почетных граждан, для 2 гильдии трех групп: купечества (за все рассматриваемые периоды было выкуплено 4476 свидетельств), крестьян (497) и мещан (407).

На первом этапе анализа будут выявлены колебания внутри рассматриваемых групп по гильдиям и годам, а затем для каждого хронологического отрезка проанализирована внутренняя структура.

«Купечество» 1 гильдии на протяжении 1869–1896 гг. является преобладающей группой, но с достаточно непостоянным составом, колеблющимся в пределах от 27 (1878) до 48 (1896) человек. Представительниц других уездов, городов или губерний среди купчих 1 гильдии не было.

Внутри рассматриваемого хронологического отрезка можно выделить три периода.

1. 1869–1878 гг. — период резких колебаний, на который приходится низшая точка количественного состава, — 1878 год (27 чел.). Министром финансов Российской империи в это вре-

мя был М. Х. Рейтерн (1862–1878). Михаил Христофорович покровительствовал развитию частного предпринимательства через развитие производительных сил и сокращение вмешательства государства в экономику.

2. 1878–1884 гг. — наблюдается плавное увеличение численности гильдии.

3. 1884–1896 гг. — период резких колебаний. Данная неустойчивость может быть объяснена значительным возрастанием размеров обложения в период министерства Н. Х. Бунге (1881–1886). В 1882–1887 гг. происходит увеличение таможенных тарифов, которые с этого времени начали носить запретительный характер, что оказало действительно серьезное влияние именно на 1 гильдию, занимавшуюся преимущественно крупной внешней торговлей. В 1885 г. вводятся дополнительные (процентный — для акционерных обществ, кредитных учреждений и т. д., раскладочный — для остальных предприятий гильдейских купцов) сборы.

Женское купечество 2 гильдии является группой с тенденцией к постоянному падению численности. Соотношение московского купечества и купечества других уездов и губерний в его составе колеблется в пределах от 93,5 % (1875) до 98,8 % (1887), соответственно от 1,1 до 6,4 %.

В рамках рассматриваемого хронологического отрезка было выделено 3 этапа.

1. 1869–1884 гг. — период сокращения численности, особенно к концу периода — 78 человек (18 % к уровню 1881 г.), что может быть объяснено увеличением размеров обложения и отменой освобождения от военной службы (1874).

2. 1884–1887 гг. — период резкого увеличения и фактическое возвращение к точке 1881 г., что, во-первых, может быть связано с отменой в 1887 г. подушного обложения на территории Европейской России и, во-вторых, с переходом женщин в купеческое сословие из других сословий.

3. 1887–1896 гг. — продолжение тенденции падения с незначительным повышением к 1896 г.

«В структуре городского населения крупных городов по данным переписей 1860-х — начала 1900-х гг. купечество занимало все меньше места, а в Москве и Санкт-Петербурге сокращалось абсолютно. Принимая за 100 % численность московского купечества в 1871 г., получается: 1882 г. — 78,4 %, 1897 г. — 56,7 %, 1902 г. — 78,0 %»⁹.

Точки максимумов удельного веса и абсолютного количества 1 и 2 гильдии* совпадают только в 1893 г. Для 1 гильдии наблюдается максимальное количество предпринимательниц — 32 человека или в процентном отношении к другим группам — 69,5 %. Для этого же года отмечен как абсолютный, так и удельный минимум для 2 гильдии — 282 человека или 58,5 %.

К основным причинам общего упадка гильдейской организации можно отнести:

1. Введение пропорционального обложения гильдейских предприятий (процентный и раскладочный сбор) с 1885 г.

2. Общее снижение привлекательности купеческого сословия в пореформенную эпоху, когда многие льготы либо начали распространяться на другие сословия, либо вовсе потеряли смысл (освобождение от рекрутской повинности, подушной подати, паспортная льгота и др.).

3. Рост количества акционерных компаний, выборка гильдейских свидетельств в которых требовалась только для руководителей.

Сословие почетных граждан представляло собой тонкую прослойку между дворянством и купечеством. С помощью введения этого звания правительство пыталось решить сразу две проблемы: во-первых, оградить дворянство от проникновения чужеродных элементов, во-вторых, удовлетворить амбиции купечества.

В 1 гильдии группа почетных граждан по численности занимает второе место после «купечества».

Условно внутри рассматриваемого периода можно выделить два этапа:

1. 1869–1881 гг. — восходящий;

2. 1881–1896 гг. — нисходящий.

Сущность первого этапа заключается в том, что в течение 12 лет количество женщин в рассматриваемой группе увеличивалось** с 9 до 16 человек, в процентном отношении — с 26,3 % до 43,3 %.

В 1881–1896 гг. происходит обратное движение: количество сокращается с 16 до 9 человек. Удельный вес по отношению к другим группам также сокращается с 43,3 % до 17,7 %, при этом общее

---

* Рассматривалось купечество без почетных граждан, старинных и иностранок.

** За исключением 1869–1872 гг., когда численность сократилась на 2 человека.

количество женщин в 1 гильдии в 1896 г. увеличивается (с 37 до 51 человека).

Исходя из основной идеи создания нового сословия почетного гражданства — поощрения наиболее ярких представителей торгово-промышленного слоя, следует выявить процентное соотношение групп купечества и почетных граждан на протяжении 1869–1896 гг. (табл. 1).

Для большей репрезентативности будут братья точки максимумов и минимумов абсолютных и удельных величин. Таких значений было выявлено 16, причем частичные совпадения внутри групп разных гильдий наблюдаются в 12 случаях; полные, когда максимум удельного веса совпадает с максимум абсолютного количества, и наоборот — 4 раза. Например, совпадение точек максимумов для удельного и абсолютного количества в группе почетного гражданства 1 гильдии приходится на 1881 г.

В ходе анализа были выявлены показательные взаимосвязи.

Точки минимумов абсолютного и процентного количества для первых гильдий «почетных граждан» и купцов ни разу не совпадают.

1. Точки максимумов для тех же показателей сходятся во всех случаях (соответственно 1881 и 1893 г.).

2. Для процентного соотношения точки максимумов и минимумов почетных граждан и купцов во вторых гильдиях совпадают во всех случаях. Соответственно минимумы для почетных граждан — 1878 г., купцов — 1893 г; максимумы — 1893 и 1869 г.

3. Динамика движения кривых абсолютного количества купцов и почетных граждан для 1 гильдии совпадает только в период 1869–1878 гг., для 2 гильдии подобных совпадений выявлено не было.

Таблица 1

Соотношение сословия почетных гражданок и купечества в абсолютном и процентном соотношении в 1869–1896 гг.

Соц. группа	Почетные гражданки				Купечество (без поч., стар., иностр.)			
	1		2		1		2	
Год, гильдия	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
1869	9	26,3	18	3,3	16	47,3	464	85,6
1872	7	25,0	15	2,7	15	53,6	472	83,0

Соц. груп- па	Почетные гражданки				Купечество (без поч., стар., иностр.)			
	1		2		1		2	
	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
Год, гиль- дия								
1875	9	25,0	18	2,9	20	55,6	430	69,7
1878	11	39,2	14	2,4	13	46,4	407	68,6
1881	16	43,3	15	2,5	15	40,5	407	68,6
1884	15	38,4	24	5,0	18	46,1	323	68,2
1887	12	34,2	23	4,6	19	54,2	404	81,8
1890	10	24,3	24	4,8	26	63,4	311	61,7
1893	10	21,7	27	5,6	32	69,5	282	58,5
1896	9	17,7	18	3,5	34	66,7	318	61,5
Всего:	108		196		208		3818	

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896. Составлено и подсчитано автором.

На основе всего вышеизложенного были сделаны следующие выводы.

1. Взаимосвязь между количеством выкупаемых свидетельств почетными гражданками и купчихами для обеих гильдий не была выявлена.

2. Соотношение на начальную и конечную точку хронологических срезов выглядят следующим образом:

— для первой гильдии количество почетных гражданок остается прежним — 9 человек, но если в 1869 г. на одну почетную гражданку приходилось 1,7 купчих, не имеющих данного звания, то в 1896 г. уже 3,7;

— для 2 гильдии просматривается обратная тенденция: количество почетных гражданок сохраняется (18 человек), количество купчих сокращается. В 1869 г. на одну почетную гражданку приходилось 25,8 купчих, в 1896 г. — 17,6.

Отдельного внимания заслуживают представительницы «старинного купечества».

В данную категорию входили члены семей, которые вели «правильную» торговлю на протяжении нескольких поколений. Изменение динамики численности данной группы в 1 и 2 гильдиях имело одинаковую направленность — сокращения количества.

За весь рассматриваемый период в 1 гильдии «старинные» выкупили свидетельства 25 раз, 2 гильдии — 71 раз. Из этого следует, что представители «старинного купечества» во 2 гильдии свидетельства выкупали в 3 раза чаще, хотя, имея поколениями заслуженный авторитет и, наверное, немалые капиталы, могли без труда торговать в 1 гильдии. Такое поведение может свидетельствовать о торговле на «верный капитал», об умении довольствоваться умеренным процентом, о скромном образе жизни¹⁰.

Колебания численности простирались в границах: 1 гильдия от 0 (1893) до 6 человек (1869). Во 2 гильдии от 3 (1893) до 12 (1875) человек.

Кроме того, в источнике выделяется группа «старинного купечества и почетного гражданства», т. е. купцов, которые помимо нахождения в гильдии имели два отличительных звания. Удельный вес данной группы для 1 гильдии не превышал 8,8 % (1869), для 2 гильдии — 0,6 % (1875–1881). В абсолютном исчислении как в 1, так и во 2 гильдии количество представительниц не превышало 3 человек (табл. 2).

Различие между динамиками численности 1 и 2 гильдий было в следующем: в 1 гильдии в 1869–1887 гг. наблюдается отрицательная динамика, а в 1890–1896 гг. — положительная; во 2 гильдии период 1869–1881 гг. отмечен увеличением численности, в дальнейшем выявлены незначительные колебания.

Группа «старинного купечества и почетного гражданства» по своему уникальна, поскольку только в ней количество представительниц 1 гильдии превышает количество во 2 гильдии. За весь рассматриваемый период свидетельства 1 гильдии выкупили 10 разных представительниц данной группы, второй гильдии — 7. Выявленное различие в определенной степени нивелируется устойчивостью выкупания свидетельств. Например, в 1 гильдии 5 человек свидетельства выкупили один раз. Максимальное количество временных промежутков, в течение которых представительницы данной группы без перерыва выкупали свидетельства, — 4 (12 лет), в 1 гильдии таких женщин было три.

Во 2 гильдии также максимальное число лет непрерывной торговли равно 12, но такого результата смогла добиться только одна женщина.

Таблица 2

Соотношение групп старинных купчих и «почетных гражданок и старинных купчих (одновременно)» в абсолютном и процентном соотношении, 1869–1896 гг.

Соц. группа Год, гильдия	Старинные купчихи				Почетных гражданок и старинных купчих (одновременно)			
	1		2		1		2	
	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
1869	6	17,6	9	1,6	3	8,8	1	0,2
1872	4	14,2	8	1,4	2	7,2	1	0,1
1875	5	13,8	12	1,9	1	2,8	3	0,6
1878	2	7,2	9	1,6	1	3,5	3	0,6
1881	2	5,4	10	1,6	1	2,7	3	0,6
1884	1	2,6	6	1,3	2	5,1	2	0,5
1887	1	2,9	5	1	1	2,9	1	0,2
1890	1	2,4	5	0,9	2	4,9	0	0
1893	0	0	3	0,6	3	6,6	1	0,3
1896	2	3,9	4	0,8	3	5,9	1	0,2
Всего:	24		71		19		16	

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896. Составлено и подсчитано автором.

Часть дворян, после отмены крепостного права пыталась приспособиться к условиям капиталистической экономики и занималась торгово-промышленной деятельностью.

За 1869–1896 гг. 16 дворянок выкупили свидетельства 26 раз (1 и 2 гильдии), наибольшее количество было выбрано в 1896 г. — 6 штук. Дольше всех выкупала свидетельства (в 1881–1884 гг. 1 гильдии, в 1887–1896 гг. 2 гильдии) Голицына Александра Иосифовна. На примере этой женщины можно проследить общую динамику расцвета и заката карьеры торгующей дворянки.

В 1881–1887 г. указано, что Александра Иосифовна жила в Санкт-Петербурге. 1881–1884 г. — период расцвета карьеры: она содержала банкирскую контору и гостиницу в Пятницкой части в Москве, но уже в 1887 г., еще живя в Санкт-Петербурге, начала разоряться (перешла во 2 гильдию), в ее собственности вместо банкирской конторы и гостиницы — меблированные комнаты там же в Пятницкой части. В 1890 г. Александра Иосифовна живет в Москве в одной из своих же меблированных комнат.

Менее продолжительными, но заслуживающими внимания были судьбы Тургеневой Марьи Петровны (1875–1881) и Кевнарской Елизаветы Ивановны (1890–1896).

Вид торговли и место жительства Марьи Петровны на всем протяжении пребывания в купеческом сословии¹¹ были стабильны: жила в Москве в Мясницкой части, занималась покупкой и продажей разных вещей.

Кевнарская Елизавета Ивановна в 1890–1896 гг. держала контору посыльных, но в рассматриваемый период жила в разных местах (Мясницкая, Сретенская части в Москве, Варшава).

На всем рассматриваемом промежутке можно выделить два периода с точками максимумов: 1) 1869–1878 г. — максимум приходится в 1875 г.; 2) 1878–1896 гг. — на 1890 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дворянство в группе купечества обладало незначительным потенциалом в качестве канала рекрутирования (не более 1 % от общего состава). Высшее привилегированное сословие играло достаточно специфическую роль в составе среднего сословия, в которой, во-первых, отражались общие тенденции размывания дворянства, его ценностно-нормативных основ, во-вторых, постепенное уменьшение количества и неустойчивость состава, возможно, говорят об отсутствии практических навыков и умения вести торгово-промышленную деятельность. Вообще дворянство, выкупавшее купеческие свидетельства, по переписи 1882 г. насчитывало не более 1000 человек, что составляло около 5 % их самостоятельной части¹².

Мещане и цеховые — сословие мелких городских производителей.

В «Справочных книгах о лицах...» отсутствует разделение на временно- и вечно-цеховых, поэтому в данном разделе категории будут анализироваться совместно, тем более что численность цеховых для обеих гильдий не превышала четырех человек (1881).

За анализируемые 10 хронологических точек мящанка в 1 гильдии появляется лишь единожды в 1896 г. — Гаврилова Елена, которая жила в Яузской части и занималась разменом денег. Представительниц цеховых не было вовсе.

Во второй гильдии за 27 рассматриваемых лет мящанки и цеховые с сохранением прежнего сословного статуса выкупили свидетельства 406 раз.

Анализ данных «Справочных книгах о лицах...» позволяет отметить, что к общему количеству выкупленных свидетельств по обеим гильдиям число мящан и цеховых колебалось в пределах от 2,3 % (1887) до 9,6 % (1881). Настолько резкое падение численности мящанок в 1887 г. и столь же резкое увеличение численности лиц, сменивших прежнюю сословную принадлежность на звание купчихи, может быть связано с отменой подушной подати для всех сословий в 1887 г. Для мящан подушная подать была отменена в 1863 г. с заменой на умеренный налог с городских имуществ. Поэтому для мящан на короткий период преимущества, даваемые принадлежностью к купечеству, были очевидны. Уже в 1890 г. численность мящан превысила уровень 1884 г.

В течение рассматриваемого периода можно выделить этапы стабильного количественного состава для группы мящан и цеховых: 1) 1875–1881 гг. — 60 и более человек; 2) 1890–1896 гг. — около 50 человек.

Устойчивость объясняется отсутствием со стороны правительства в эти периоды какой-либо реформаторской деятельности в отношении городских сословий.

На фоне общей тенденции снижения численности гильдейского купечества количество мящанок фактически неизменно, общее же число мящан в Москве по переписям показывает тенденцию роста их численности: 1871 г. — 153 790 человек, 1882 г. — 181 164, 1897 г. — 228 541¹³.

Важное место занимали крестьяне в составе гильдейского купечества. Законодательство Российской империи позволяло лицам, не принадлежавшим к купеческому сословию, брать купеческие свидетельства с сохранением настоящего их звания, а при желании — быть причисленным к купечеству¹⁴. Достаточно либеральный государственный подход в сочетании с необходимостью ежегодно подтверждать свое нахождение в купеческом сословии

определил прозрачность рамок сословно-корпоративной организации в Российской империи.

На практике это вылилось в то, что даже среди купчих 1 гильдии были крестьянки, которые не пожелали порывать со своим прежним статусом. За рассматриваемый хронологический период в 1 гильдии было 2 крестьянки: Моргунова Елизавета Ивановна торговала мануфактурными товарами, ее пребывание в гильдии прослеживается в 1871–1875 гг., и Соловьева Ефросинья Филипповна, которая выкупала свидетельства со второй половины 1872 г. по 1884 г. (занималась разменом денег).

Во 2 гильдии за все рассматриваемые годы крестьянки выкупили свидетельства 493 раза.

Период 1869–1896 гг. можно разделить на несколько этапов: 1) 1869–1881 гг. — характеризуется количественным ростом состава; 2) 1881–1887 гг. — характеризуется резким сокращением численности; 3) 1887–1896 гг. — отмечены столь же стремительным ее увеличением.

Рост численности крестьянок во 2 гильдии в течение 1 периода происходит в русле общего увеличения численности женщин в гильдии.

В период 1881–1884 гг. сокращение численности незначительно (3 человека). Для следующей хронологической точки — 1887 г. — уменьшение численности крестьянок, которые не захотели менять свой статус, составило 6,7 % (31 человек), хотя количество женщин в гильдии увеличивается. Происходит это главным образом за счет увеличения группы «купечества без почетных гражданок и иностранок». Основной причиной таких резких колебаний могла быть отмена подушной подати с крестьян в Европейской России в 1886 г.

Наиболее близкой группой к крестьянкам были мещанки, которые в 1869–1881 гг. преобладали численно над крестьянками (например, в 1881 г. мещанки составляли 9,6 % от общего количества, а крестьянки 8,7 %, см. табл. 3). Обратная ситуация наблюдается в 1887–1896 гг.: на конечную точку соотношение составило 17,6 % к 9,3 % в пользу крестьянок. Общая же численность крестьянок купеческого сословия в 1869–1896 гг. возросла в 6,5 раз при снижении численности выкупленных свидетельств с 543 в 1869 г. до 517 в 1896 г.

**Соотношение групп мещанок и крестьянок в составе
женского гильдейского купечества в период 1869–1896 гг.**

Соц. группа Год, гильдия	Мещанки		Крестьянки	
	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
1869	19	3,5	14	2,6
1872	21	3,7	15	2,7
1875	58	9,4	47	7,6
1878	57	9,6	52	8,8
1881	57	9,6	52	8,7
1884	38	8	49	10,4
1887	11	2,3	18	3,6
1890	49	9,7	77	15,3
1893	48	9,9	78	16,2
1896	48	9,3	91	17,6
Всего:	406		493	

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896. Составлено и подсчитано автором.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о постепенном осознании крестьянками своей генетической принадлежности, о гордости своими корнями.

Доля «иностранных подданных» в составе женского московского купечества была незначительна (в 1 гильдии не более 6,1 %, во 2 гильдии не более 8 %), но сам факт их присутствия весьма показателен. Западноевропейское законодательство в отличие от российского не предоставляло женщинам полной свободы в занятии торгово-промышленной деятельностью.

Министры финансов царской России к присутствию иностранного капитала в структуре отечественной экономики относились весьма положительно. По мысли Ивана Алексеевича Вышнеградского¹⁵, иностранный капитал в первую очередь должен был способствовать развитию различных технических знаний. Однако, повсеместно способствуя его привлечению в отечественную экономику, министры финансов ограждали российскую торговлю и промышленность от чрезмерной конкуренции со стороны иностранных предпринимателей.

За весь рассматриваемый хронологический отрезок с разной частотой свидетельства 1 и 2 гильдий выкупили представительницы 16 государств.

Для более детального анализа в исследовании как отдельные страны указывались Северогерманский союз и Пруссия (несмотря на их объединение в 1871 г.), Польша, Эстония, Латвия, Литва (хотя они входили в состав Российской империи). В категорию «другие» были отнесены купчихи, национальная принадлежность которых в источнике не указана.

Поскольку в 1869–1896 гг. иностранки выкупили свидетельства 1 гильдии всего 8 раз, то для большей репрезентативности они будут рассматриваться совместно со 2 гильдией.

В ходе анализа не удалось установить прямой зависимости между внешней политикой России и колебаниями численности иностранок в составе московского купечества. Скорее причина этого кроется во внутренних проблемах выделенных государств. Например, резкое сокращение численности иностранок в 1884 г. было одинаково для Австрии и Германии: именно в это время наблюдается ухудшение отношений между этими странами. Похожая картина в 1887 г. для Франции и Пруссии, между которыми Отто фон Бисмарк всеми силами старался разжечь войну в этот период. К тому же в «Положении на право торговли...» 1863 г. указано, что «...свидетельства... могут быть выдаваемы лицам обоюго пола Русским подданным всех состояний и иностранцам»¹⁶.

Наибольшее количество иностранок в московском купечестве было в 1881 г. (45 человек, 7,1 % от общего количества).

Рассматриваемый период условно можно разделить на 3 этапа: 1) 1869–1881 гг. — увеличение количества; 2) 1884–1887 гг. — период спада; 3) 1890–1896 гг. — рост численности.

Абсолютным лидером по количеству выкупленных свидетельств были француженки (в среднем по 10 свидетельств в год), что к итоговому количеству свидетельств за 27 лет (349 штук) составило 32,7 %. Соответственно на II месте располагаются Пруссия (14,8 %), на III месте — Германия (9,4 %).

Известно, что иностранный капитал никогда не выступал на территории Российской империи как единое целое, соответственно и сферы интересов должны были быть разными.

Анализируемый источник позволяет выявить специфику приложения иностранками своего капитала. Для этого по трем ведущим странам для 1869–1896 гг. (лидирующим по количеству иностранок в составе купечества) пофамильно были выбраны все

представительницы, а виды их торгово-промышленной деятельности классифицированы по четырем типам с общим суммарным количеством за 27 лет* (табл. 4).

1. Торговля непродовольственными товарами потребительского назначения (галантерейные и модные товары, золотые и серебряные украшения, одежда, мыло, белье, письменные принадлежности, ноты и т. д.).

2. Обрабатывающая промышленность (текстильное производство, химическая промышленность, производство пищевых продуктов, обработка минеральных продуктов и т. д.).

3. Торговые предприятия — предоставление услуг (гостиницы, меблированные комнаты, рекомендация лиц на различные должности, трактиры, рестораны, прачечные, парикмахерские, портные и т. д.).

4. Другие (в виду своей малочисленности не выделены в отдельные разряды, например пищевые продукты, торговля различными инструментами и приспособлениями и т. д.).

Таблица 4

Типы торгово-предпринимательской деятельности иностранок в Москве, 1869–1896 гг.

Тип торгово-промышленной деятельности	Страна		Северогерманский союз		Пруссия		Франция	
	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%		
1. Торговля непродовольственными товарами потребительского назначения	4	36,4	17	56,7	33	64,6		
2. Обрабатывающая промышленность	4	36,6	7	23,3	4	7,9		
3. Торговые предприятия — предоставление услуг	3	27,2	3	10	10	19,7		
4 Другие	0	0	3	10	4	7,9		
Всего	11	100	30	100		100		

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896. Составлено и подсчитано автором.

* Графа «всего» фиксирует не количество выкупленных свидетельств в 1869–1896 гг. по 1 и 2 гильдиям, а фактическую численность иностранок.

Общей чертой для трех стран было то, что в деятельности первого типа наибольшее количество женщин вели торговлю модными и галантерейными товарами. Для того чтобы начать заниматься продажей непродовольственных товаров потребительского назначения, не требовался большой начальный капитал. Именно с этим фактом соотносится также вычисленная продолжительность выкупа свидетельств.

Например, 49 % француженок (25 женщин из 51) выкупили свидетельства единожды¹⁷. Подобная картина характерна и для гражданок Пруссии — 15 человек из 30 (50 %). Гражданки же различных немецких городов чаще выкупали свидетельства более длительное время: 5 из 11 человек на протяжении 9 лет. Это может быть связано с тем, что 36,6 % немок (4 человека) имели свои фабрики, что само по себе является более трудо- и капиталоемким делом. Следует отметить, что только одна из всех иностранок — брауншвейгская подданная Эйкенрот Альберта (торговля золотыми вещами) выкупала свидетельства практически на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода¹⁸.

Таблица 5

Соотношение количества выкупленных свидетельств по контрольным точкам* гражданок Северогерманского союза, Пруссии и Франции в составе московского купечества, 1869–1896 гг.

Количество выкупленных свидетельств по контрольным точкам	Страна		Северогерманский союз		Пруссия		Франция	
	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%		
1	3	27,2	15	50,0	25	49,0		
2	1	9,1	10	33,3	7	13,7		
3	5	45,5	3	10,0	8	15,8		
4	1	9,1	2	6,7	6	11,7		
5	0	0	0	0	3	5,9		
6	0	0	0	0	2	3,9		
9	1	9,1	0	0	0	0		
Всего	11	100	30	100	51	100		

* Под «контрольными точками» подразумеваются 10 выделенных хронологических отрезков.

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896. Составлено и подсчитано автором.

Для анализируемых стран частично совпадают данные по третьему типу деятельности (торговые предприятия и предоставление услуг). В том или ином соотношении гражданки Франции, Пруссии и Германии имели в Москве различные заведения по предоставлению услуг: парикмахерские, швейное дело и др. — всего 9 человек из 92.

В обрабатывающей промышленности только для французенок можно выделить четкую специализацию — текстильное производство и обработка тканей (4 человека). Отличительной же чертой пруссачек было владение сахарными (3 человека), а немок — мыльными заводами (2 человека).

2. Возрастной состав купчих

Анализ возрастной структуры для женщин, выбравших гильдейские купеческие свидетельства, преследует следующие цели.

1. На основе рассмотрения всей совокупности данных выявить возрастные интервалы, в рамках которых женщины проявляют наибольшую активность в занятии торгово-промышленной деятельностью. Данные интервалы для 1 и 2 гильдий определяются как «продуктивный возраст».

2. На основе полученных результатов проследить динамику изменения численности купчих внутри выделенных интервалов.

Возрастная линейка для купчих определяется рамками 0–100 лет с внутренним делением 10 лет. Интервалы 0–10, 11–20 и 81–90, 91–100 были объединены (0–20 и 81–100), поскольку для этих групп выкупалось незначительное количество свидетельств. Соответственно, реальной роли в выявлении тенденции они не играют, поэтому их объединение не нарушит общей структуры вычислений. Выделение минимального и максимального возраста и внутренних интервалов связано не с наличием среди купчих возрастов 0 и 100 лет, а с применением методов математико-статистического анализа¹⁹.

Произведенный анализ 5761 свидетельства показал, что для каждой гильдии можно выделить три наиболее продуктивных возраста, по количеству выбранных свидетельств.

1 гильдия:	2 гильдия:
I. 41–50 лет	I. 31–40 лет
II. 51–60 лет	II. 41–50 лет
III. 61–70 лет	III. 51–60 лет

Итак, перейдем к анализу возрастного состава купчих 1 гильдии через характеристику внутренней структуры каждой хронологической точки.

В 1869 г. преобладает II возрастной интервал (11 из 34 человек), равное количество свидетельств выкупили представительницы I и III интервалов.

В 1872 г. становятся сопоставимы интервалы II и III. По сравнению с 1869 г. снижается на 3 человека количество представительниц II интервала, но численно этот интервал становится преобладающим. Преобладание при сохранении количественного состава показывает возраст 41–50 лет.

Для 1875 г. проявившаяся динамика приобретает черты тенденции при увеличении количества женщин в I группе.

В 1878 г. проявившуюся ранее тенденцию поддерживает только III группа, ее количественный состав по-прежнему падает — с 7 до 2 человек. Лидирующее положение, при общем снижении численности гильдии, вновь занимает II возрастной интервал.

В 1881 г. количество женщин увеличивается практически во всех группах, кроме двух крайних (0–20 и 81–100). Преобладание сохраняется за II интервалом.

В 1884 г. количество женщин во II интервале остается неизменным при сохранении преобладания над другими группами. Для двух других продуктивных возрастов отмечается увеличение численности.

В 1887 г. на фоне общего снижения численности в гильдии незначительный рост (на одного человека) показывает группа 31–40 лет, что, возможно, связано с переходом в нее купчих из группы 21–30 лет.

1890 г. отмечен увеличением количества купчих во всех наиболее продуктивных возрастах.

Для 1893 г. рост общего числа купчих 1 гильдии связан только с увеличением числа выкупленных свидетельств в старших и младших группах — 21–30, 61–70, 71–80 лет.

В 1896 г. рост численности внутри гильдии наблюдался за счет трех возрастов: 61–70, 31–40 и 41–50 лет (расположены в порядке убывания).

Выявление достаточно неустойчивых тенденций для возрастных интервалов 1 гильдии в хронологическом разрезе показывает необходимость анализа динамик изменения численности для трех наиболее продуктивных возрастов.

Возрастной интервал II для купчих 1 гильдии постоянно преобладал в течение 18 лет (1878–1890), затем после кратковременного сокращения вновь занял лидирующую позицию в 1896 г. К общему количеству имеет процентное соотношение минимальное 19,4 % (1875) и максимальное 37,8 % (1881), а в абсолютном исчислении минимум составил 7 человек в 1875 г. и максимум — 15 человек в 1890 г. Первая «продуктивная» возрастная группа (41–50). Преобладающее положение этот интервал занимал в течение двух периодов: 1872–1878 гг., 1893 г. Удельный вес группы к общему количеству колеблется в рамках от 21,6 % (1881) до 36 % (1875), в абсолютном исчислении минимум составил 8 человек в 1881 г. и максимум — 15 человек в 1896 г.

Третий интервал (61–70). Лидирующее положение занимал только в 1896 г. К общему количеству удельный вес колеблется от 7,1 % (1878) до 33,3 % (1896), что в абсолютном исчислении составляет минимум 2 человека в 1878 г. и максимум — 17 человек в 1896 г.

Следует отметить, что колебания кривых (как для ситуаций спада, так и подъема) групп 51–60 лет и 61–70 лет достаточно синхронны по сравнению с группой 41–50 лет, которая, по-видимому, является «группой риска». Возможно, что женщины данного возраста еще не обладали достаточными навыками для занятия торгово-промышленной деятельностью в крупных размерах, что являлось отличительной чертой 1 гильдии.

Интересно, заметить, что период 1887–1896 гг. отмечен достаточно плавным, но уверенным ростом I группы и еще более уверенный рост показывает III группа, что косвенно может свидетельствовать о «старении» 1 гильдии (группа 31–40 и 41–50 растут незначительно).

При анализе данных 2 гильдии также было выделено три наиболее продуктивных возраста:

- I. 31–40 лет
- II. 41–50 лет
- III. 51–60 лет.

Внутренняя характеристика каждой хронологической точки выглядит следующим образом.

В 1869 г. преобладает III интервал (150 из 543 человек).

В 1872 г. наблюдается рост для трех последовательных возрастных интервалов (21–30, 31–40, 41–50) и падение численности для трех последующих более старших 51–60 лет и т. д.

В 1875 г. было выкуплено максимальное для рассматриваемого периода количество свидетельств — 617. Кроме того, на эту хронологическую точку наблюдается наибольшее число выкупленных свидетельств для интервалов 21–30, 31–40 лет за 1869–1896 гг.

В 1878 и 1881 г. общее снижение численности гильдии происходило в основном за счет интервалов 21–30, 61–70 и 71–80 лет. Количество женщин увеличивается только для III продуктивного возраста.

В 1884 г. при общем снижении численности происходило увеличение количества купчих в возрастных интервалах 0–20, 81–100, 61–70 лет.

В 1887 г. лидирующее положение по прежнему занимала группа 41–50 лет и практически вплотную к ней приближается группа 31–40 лет.

Для 1890–1896 гг. общее количество свидетельств колеблется в рамках 504–517 человек. Численность купчих внутри выделенных интервалов также меняется незначительно, за исключением группы 41–50 лет.

Теперь обратимся к анализу изменения динамики численности для трех наиболее продуктивных возрастов.

В этой категории мы видим более стабильное положение, например группа 41–50 лет в течение 1869–1896 гг. практически не имеет резких периодов спада или подъема.

Для более детального анализа период 1869–1896 гг. можно разделить на 3 подпериода.

1. 1869–1875 гг. — период роста для групп 41–50 и 31–40 лет;
2. 1875–1893 гг. — период значительных количественных колебаний во всех группах;
3. 1893–1896 гг. — период роста для всех групп, кроме 51–60 лет.

Для 2 гильдии «группой риска» является группа 51–60 лет, и если провести параллели с разрядностью стационарных торговых предприятий (для 2 гильдии наиболее характерен 5 разряд, т. е. разносная и развозная мелкая торговля). Можно предположить, что в этом возрасте заниматься таким типом деятельности физически сложно.

Интересно, что в 1869 г. категория 61–70 лет преобладала над группой 31–40 лет и приближалась к группе 41–50 лет. Однако уже в 1872 г. наблюдается значительное сокращение численности группы 61–70 лет (на 25 человек). В дальнейшем (в 1875–1896 гг.)

количество женщин в этом возрастном интервале не превышает 68 человек (1884 г.). Следовательно, во 2 гильдии лидирующее положение практически на всем рассматриваемом хронологическом промежутке занимал II возрастной интервал, и лишь в 1890 г. преобладал I «продуктивный» возраст.

В процентном и абсолютном исчислении соотношение максимумов и минимумов выглядит следующим образом: для 31–40 лет минимальный процент 4,5 % в 1869 г., максимум в 1890 г. — 27 %, в абсолютном исчислении минимум в 1869 г. (79 человек), максимум в 1875 г. (140 человек); для 41–50 лет максимум 29,5 % (1884) и 163 человека (1875), минимальное количество 122 человека (1869) и 22,4 % (1869); для 51–60 лет максимум 27,6 % (1869) и 150 человека (1869), минимальное количество 92 человека (1884) и 19,4 % (1884).

Остальные группы 0–20, 71–80, 81–100 лет значительной роли не играли и количественно были малочисленны.

Итак, анализ возрастных групп купчих 1 и 2 гильдий выявил ряд общих и отличительных черт.

Общими являются следующие черты.

1. Лидирующее положение по численности практически на всем рассматриваемом хронологическом промежутке для 1 и 2 гильдии занимают «продуктивные» возрастные группы II. За ними следуют группы I, которые по возрасту являются младшими. Наименьшими по численности являются группы III, которые по возрасту являются самыми старшими из трех выбранных в качестве показательных «продуктивных возрастов».

2. Поведение кривых численности в диаграммах* имеет сопоставимый характер только для интервала 41–50 лет.

Отличительными являются следующие черты.

1. Динамики изменения численности возрастных групп (кроме интервала 41–50 лет) для 1 и 2 гильдий не совпадают в долгосрочных перспективах. Например, наибольшее количество выкупленных свидетельств в 1 гильдии наблюдается в 1896 г., для 2 гильдии в 1875 г., наименьшее соответственно 1872 г. (и 1878) и 1884 г.

2. При достаточно близком расположении начальных точек наиболее «продуктивных» возрастов женщины 1 гильдии в своем большинстве вступали в купеческое сословие на 10 лет позже.

---

* Рассматривались только «продуктивные» возраста.

3. Изучение изменения внутренних динамик численности дает основание говорить о постепенном «старении» 1 гильдии; вторая же гильдия становилась более «молодой».

3. Семейно-брачная структура

Одной из важнейших характеристик жизни человека, ее качества, стабильности и благополучия считается наличие крепкой семьи.

Целью анализа данных «Справочных книг о лицах...» является определение структуры брачных отношений. В связи с этим необходимо решить следующие задачи: во-первых, установить степень достоверности «Справочных книг о лицах...» как источника для характеристики данной категории, во-вторых, с помощью графиков и диаграмм определить, была ли связь между частотой выкупания свидетельства и нахождением в одной из выделенных групп: «вдова», «замужняя», «разведенная», «девица», «другие». Кроме того, выявление качественно-количественных характеристик брачных отношений дает возможность получить косвенные свидетельства о внутреннем мире и экономических мотивациях предпринимательниц во второй половине XIX в.

В первую очередь необходимо обозначить, что в данном исследовании понимается под выделенными категориями.

«Вдова» — в «Справочных книгах о лицах...» (далее — источник) в разделе семейное положение указано «вдова», либо «умерший муж принадлежал к... сословию» (либо какая-либо другая социальная характеристика супруга).

«Замужняя» — в источнике указана какая-либо социальная характеристика мужа и/или в свидетельство вписаны дети (указывались только сыновья и/или пасынки).

«Девица» — в источнике значится «девица», т. е. незамужняя девушка.

«Развод» — в источнике указано «разведена».

«Другие» — в эту категорию выбирались купчихи, которых проблематично отнести к ранее выделенным категориям, например «есть дети от первого брака» и «незаконнорожденные дети» (при этом не ясно, замужем женщина или разведена), «при капитале ее состоят сыновья» (при этом не ясно — является ли купчи-

ха вдовой), «в семье есть братья», «является наследницей», «является малолетней дочерью».

«Не указано» — в источнике принадлежность к какой-либо категории не указана.

Таблица 6

Структура семейно-брачных статусов купчих г. Москвы, 1869–1896 гг.

Семейный статус Год, гильдия	Вдова	За-муж-няя	Девушка	Развод	Не ука-зано	Другие ^а	Всего
1869							
1	24	4	1	0	5	0	34
2	311	91	18	0	119	4	543
1872							
1	15	8	1	0	3	1	28
2	263	95	16	0	190	5	569
1875							
1	22	6	0	0	8	0	36
2	231	91	18	0	267	10	617
1878							
1	17	7	0	0	4	0	28
2	199	127	15	1	249	2	593
1881							
1	24	7	0	0	6	0	37
2	200	128	15	1	249	0	593
1884							
1	28	7	0	0	4	0	39
2	184	97	13	0	175	5	474
1887							
1	29	1	0	0	5	0	35
2	170	109	12	0	196	7	494
1890							
1	34	2	0	0	5	0	41
2	152	109	12	0	225	6	504

Семейный статус Год, гильдия	Вдова	За-муж-няя	Девушка	Развод	Не ука-зано	Другие ^а	Всего
1893							
1	38	3	0	0	5	0	46
2	140	94	8	0	234	6	482
1896							
1	39	4	2	0	6	0	51
2	224	100	14	0	176	3	517

^аДругие: есть незаконнорожденные сыновья; при ее капитале состоят сыновья; есть дети от первого брака; дочь; наследница; малолетняя дочь; в семье брата.

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872, 1875, 1878, 1881, 1884, 1887, 1890, 1893, 1896. Составлено и подсчитано автором.

Исходя из того что в данном параграфе будет анализироваться внутренне сложная структура с достаточно большим количеством показателей, то сначала логичнее обратиться к общей характеристике и понять основные тенденции, а затем, проанализировав хронологический ряд, сделать общее заключение.

Итак, обратимся к данным для 1 гильдии.

В целом для 1 гильдии в рассматриваемой категории имеет место явное преобладание группы «вдовы», поэтому анализ семейного положения купчих будет проводиться относительно этой группы.

Кривая «вдов» показывает достаточно резкие количественные колебания до 1878 г., затем — период плавного роста с постепенным замедлением в течение 9 лет — 1878–1887 гг. (1878–1881 гг. — увеличение количества на 7 человек, 1881–1884 гг. — на 4 человека, 1884–1887 гг. — на 1 человека). Следующее волнообразное увеличение демонстрирует период 1887–1896 гг. (1887–1890 гг. — увеличение на 5 человек, 1890–1893 гг. — на 4 человека, 1893–1896 гг. — на 1 человека).

Соответственно, в выбранном хронологическом разрезе можно выделить три периода колебания количественного состава «вдов».

1. 1869–1878 гг. — внутренне не устойчивый, с сильными колебаниями.

2. 1878–1887 гг. — периоды волнообразных спада и роста.

3. 1887–1896 гг. — периоды волнообразных спада и роста.

Доля вдов в 1869 г. среди других категорий 1 гильдии составляла 70,5 % (замужних — 11,7 %, девиц — 2,9 %), а в 1896 г. доля вдов — 76,4 % (замужних — 7,8 %, девиц — 3,9 %). На основании представленных результатов мы можем сделать вывод об увеличении групп «вдов» и «девиц» и снижении в процентном соотношении к ним «замужних».

Несмотря на периоды спадов, в 1896 г. по сравнению с 1869 г. количество вдов в 1 гильдии выросло на 62 %.

Количественный состав в группе «замужних» купчих достаточно стабилен с редкими периодами роста (1869–1872, 1887–1896), спадов (1872–1875, 1884–1887) с последующим медленным выравниванием. Количество «девиц» незначительно — 3,9 % к общему количеству.

Для 1 гильдии группа «не указано» вносит значительные коррективы в результаты анализа (самая большая поправка для 1875 г. — 22 %), но даже такой высокий процент недоучета позволяет говорить об общих тенденциях.

Для 2 гильдии абсолютного преобладания какой-либо группы не было, несколько точек пересечения имеют группы «вдов» и «не указано».

Сразу необходимо отметить, что для второй гильдии в результаты основных групп (вдовы, девицы и замужние) каждый раз необходимо вносить поправку, основанную на процентном отношении к ней группы «не указано», т. к. она весьма значительна. Самая большая поправка будет для 1875 г. (в 267 выданных свидетельствах семейное положение не указано), примерно 43 % к общему количеству. Из этого можно сделать вывод о наличии прямой зависимости категории «не указано» от общего количества выкупаемых свидетельств.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что степень достоверности данных о семейном положении купчих в «Справочных книгах о лицах...» несколько условна. Как самостоятельный источник для исследования демографических

проблем «Справочные книги о лицах...» использовать нельзя. В ходе рассмотрения имеющихся данных была установлена прямая связь между количеством выкупаемых свидетельств и количеством купчих в категории «не указано». Соответственно, была установлена возможность использования данной категории как вспомогательной для выявления общей картины семейного статуса предпринимательниц.

Итак, наиболее близкими группами во 2 гильдии являются «вдовы» и «замужние», кривые которых не показывают однонаправленного движения.

Для кривой категории вдов 2 гильдии может быть выделено два периода.

1. 1869–1893 гг. — период плавного спада с незначительным периодом стабилизации в 1881–1884 гг.

2. 1893–1896 — период активного роста на 84 человека (60 %) при увеличении общего количества купчих на 35 человек. Факт роста во многом может носить фиктивный (экстенсивный) характер, т. к. в 1896 г. снижается количество свидетельств, в которых семейное положение не указано.

Кривая «замужних» 2 гильдии показывает общую, но слабо выраженную позитивную тенденцию и даже на отрезке 1875–1881 гг. достаточно значительный рост (на 37 человек).

Количество «девиц» к общему количеству незначительно и колеблется от 0,7 % (1896) до 3 % (1869), т. е. мы видим общее понижение в данной группе (1869 г. — 18 человек, 1896 г. — 14 человек).

Группа «другие» также незначительна.

Исходя из вышеизложенного можно сделать ряд выводов.

1. Несмотря на неполноту сведений, имеющиеся данные позволяют выявить общие тенденции изменения статусов семейного положения.

2. Для 1 и 2 гильдий преобладающей группой являются «вдовы». Данный результат может быть объяснен тем, что купчихами в большинстве случаев становились вдовы купцов, соответственно номер разряда для стационарных торговых предприятий должен быть достаточно высоким (выше 3), но во 2 гильдии абсолютно преобладает 5 разряд, т. е. «мелочный торг». Можно предположить, что свидетельства выбирались теми, кто после смерти мужа должен был кормить семью либо сказывается влияние общего стремления женщин к самореализации в пореформенное время.

Для 1 гильдии однозначный вывод сделать сложно, т. к. соотношение разрядности было в среднем равным при небольшом преобладании 2 разряда.

3. На основании анализа данных «Справочных книг...» о соотношении «вдов» и «замужних» для 2 гильдии можно сделать заключение о тенденции к постепенному выравниванию показателей по семейному статусу в этих группах в течение 1872–1893 гг. Данная тенденция может свидетельствовать, во-первых, о развитии большей самостоятельности замужних женщин, во-вторых, о невозможности для вдов дальше продолжать торгово-промышленную деятельность вследствие изменения экономического статуса.

Однако такая ситуация меняется в период промышленного подъема. Увеличение количества выкупленных свидетельств в 1893–1896 гг. для вдов и замужних женщин свидетельствует о том, что выявленная тенденция в конце XIX в. ослабевает.

4. Структура торгово-промышленной деятельности купчих в 1869–1872 гг.

Немаловажным достоинством «Справочных книг о лицах, выкупивших купеческие свидетельства за ... год» является наличие однотипной по структуре информации, касающейся видов и качества торгово-промышленной деятельности женщин.

В данном параграфе феномен женского предпринимательства будет рассматриваться как многоуровневая структура с определенным количеством элементов, порядком распределения и характером зависимостей между ними.

Большинство женщин (около 500 человек, или 89,8 %) занимались торговой деятельностью, т. к. она была более доступна, чем промышленная. Как отмечает современная исследовательница тверского купечества М. Н. Тихомирова: «Торговля не требовала наличия большого стартового капитала и специального образования... поэтому торговые заведения женщины могли основывать самостоятельно»²⁰.

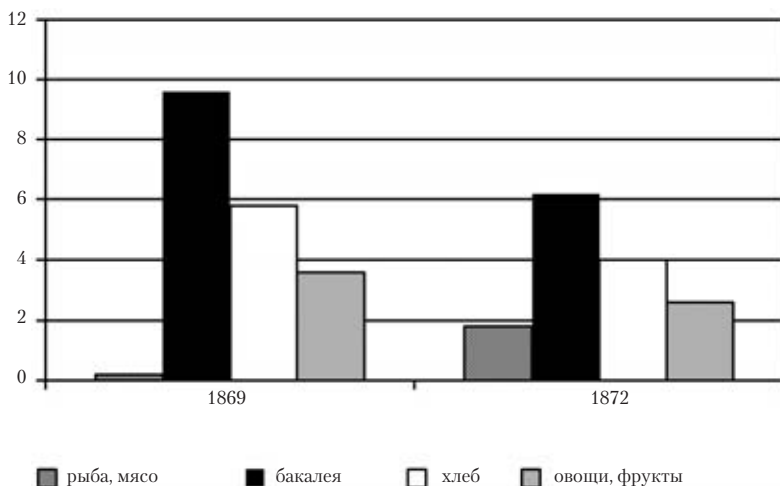
Непосредственно торговую деятельность можно разделить на торговлю товарами (пищевыми и непищевыми) и торговлю услугами.

По виду предлагаемого товара (60 единиц) различалась торговля: сырьем (хлопок, пряжа, шерсть и др.), полуфабрикатами

(металлы, зерно и др.) и готовыми изделиями (продукты металлообработки, ткани, сукно, продукты питания и др.).

Рисунок 1

Торговля купчих пищевыми продуктами, 1869–1872 гг. (в %)

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872. Составлено и подсчитано автором.

Около 17 % женщин торговали пищевыми продуктами как отдельно, в лавках, так и совмещая несколько товаров. Данные диаграммы свидетельствуют о снижении активности женщин в торговле практически всеми видами товаров с сохранением прежнего соотношения. Только в категории «рыба, мясо» заметно увеличение количества.

В рассматриваемый период министром финансов был М. Х. Рейтерн (1862–1878), который поощрял частное предпринимательство, развитие тяжелой промышленности, железнодорожного строительства, создание частных кредитных учреждений. Основную задачу он видел в ликвидации дефицита государственного бюджета и переходе к металлическому денежному обращению. Но выполнение своего плана Михаил Христофорович начал с крупной ошибки: для того чтобы повысить курс бумажных денег, он попытался их разменять, сделав заем в 15 млн фунтов стерлингов (около 150 млн руб. металлических), что сразу позволило объ-

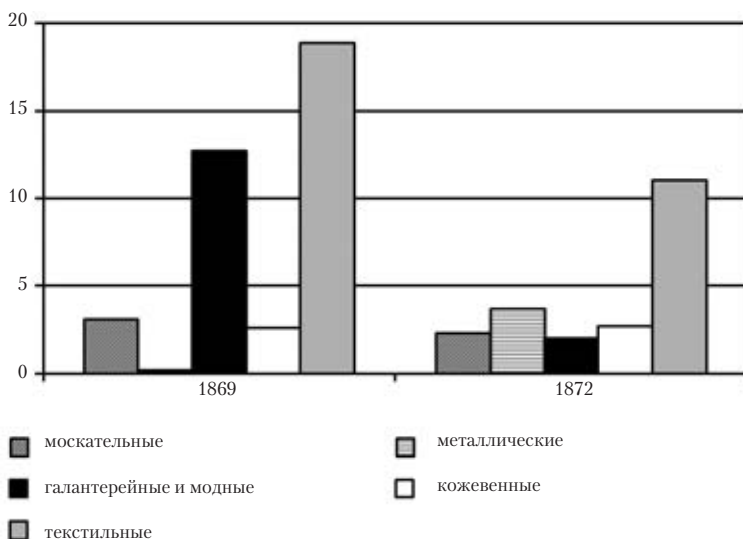
явить, что казна начинает разменивать кредитные бумажки, через определенные промежутки времени повышая курс. Это привело к бешеной спекуляции и соответственно к экономическому упадку, усугубившемуся последствиями Польского восстания.

Подъем производительных сил министр финансов планировал осуществить при помощи усиления вывоза главного продукта отечественной внутренней торговли — хлеба, соответственно на внутреннем рынке торговля данным продуктом сократилась.

Для осуществления вывоза хлеба нужны были хорошие дороги, поэтому начинается активное железнодорожное строительство, соответственно возрастает металлодобыча и металлообработка, что привело к увеличению торговли металлическими товарами на внутреннем рынке. Доля же остальных непищевых товаров пропорционально снижается, несмотря на то что Москва являлась всероссийским посредническим центром в торговле москательными, аптекарскими и парфюмерными товарами, реализация которых шла через сеть мелких предприятий торговли (рис. 2).

Рисунок 2

Торговля купчих непищевыми товарами, 1869–1872 гг. (в %)

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872. Составлено и подсчитано автором.

Особое место в коммерческом обороте Центрального, в частности Московского, региона занимала торговля текстильными товарами.

К началу XIX в. в суконной промышленности преобладали дворянские предприятия. Более $\frac{3}{4}$ всей суконной продукции производилось на фабриках в помещичьих имениях. В полотняной промышленности, наоборот, преобладали купцы, чьи предприятия главным образом были расположены в городах (им принадлежало свыше $\frac{4}{5}$ всех предприятий).

Шелковые ткани известны на Руси издавна, но собственное производство из привезенного сырья налаживается лишь в начале XVIII в.; его центрами стали Москва и окрестности, а также Астрахань. Причем в Москве обосновались крупные шелководческие заведения, а в окрестностях Москвы и в Астрахани получило распространение мелкое ремесленное производство, главным образом изготовление шелковых лент.

Позднее — во второй половине XVIII в. — появилось в России хлопчатобумажное производство. Первоначально его центром стала Астрахань, куда пряжа доставлялась из Средней Азии. В конце XVIII в. под Петербургом, в Московской и Владимирской губерниях возникли первые ткацкие предприятия, производившие ситец из английской бумажной пряжи. И лишь в начале XIX в. в России возникает бумагопрядение. Но только после издания таможенного тарифа 1822 г. производство начинает бурно развиваться. Заимствовав достижения промышленной революции в Западной Европе, бумагопрядение утверждается в России сразу же на основе машинной техники, миновав мануфактурную стадию. Хлопчатобумажное производство стало теснить изготовление льняных тканей, используя издавна сложившиеся у крестьян навыки ткацкого производства. Развивавшиеся до этого параллельно крупные заведения в городах и промышленных селах соединяются с крестьянской домашней промышленностью. Пряжа, российская или привозная, раздавалась крестьянам, которые дома ткали митраль, а из него на ситценабивных мануфактурах делали ситец.

Уже в 30-е гг. XIX в. хлопчатобумажное производство стало главной отраслью текстильной промышленности России. Отмена в 1861 г. крепостного права обрекла на гибель дворянские предприятия, основанные на принудительном труде. Это вызвало спад полотняного и особенно суконного производства, длившееся почти пятилетие. К концу 1860-х гг. доля х/б производства среди отрас-

лей текстильной промышленности превысила 60 %, а перед Первой мировой войной она достигла 70 %.

Среди текстильных фабрик, по свидетельству Нигамедзинова Ф. Ф., действовавших в России в начале XX в. было немало таких, которые вели свое происхождение с дореформенных времен. В Московской губернии среди хлопчатобумажных заведений их насчитывалось 53 (из общего числа в 240), среди шерстяных 33 (из 144). Во Владимирской губернии таких фабрик было среди х/б заведений 42 (из 130) и среди льнопеньковых 11 (из 35). В Петербургской соответственно 12 (из 35) и 3 (из 6). В их числе были крупные и широко известные своей продукцией фабрики: Товарищество мануфактур ст. Посылина в г. Шуе (основана в 1718 г.), Товарищество Вязниковской мануфактуры С. И. Сенькова в г. Вязники Владимирской губернии (основана в 1765 г.), Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сыновей К° во Владимирской губернии (основана в 1797 г.)²¹.

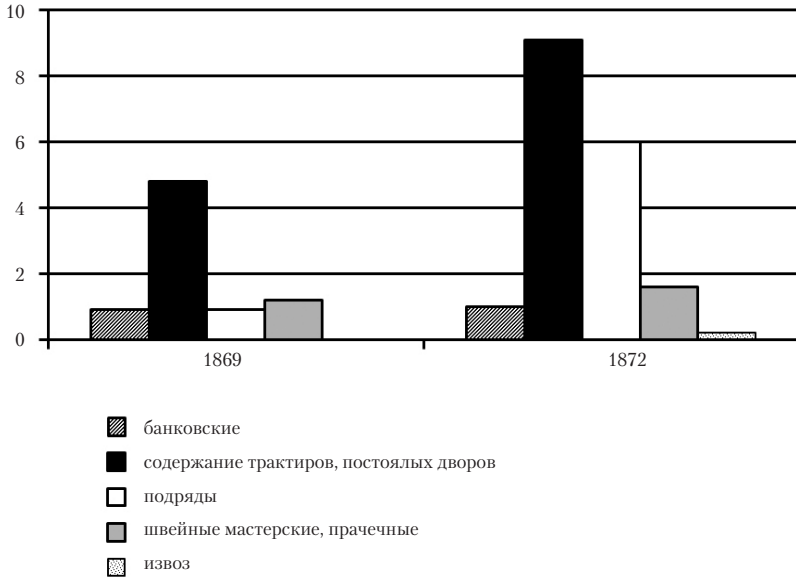
Еще в 1866 г. ряд крупных хлопчатобумажных фабрикантов совместно с ж/д «королями» и торговцами создали свой банк — Московский купеческий. В начале 1870-х гг. при активном участии текстильных магнатов были созданы еще два банка — Учетный и Торговый. Каждый из этих банков стал организационным центром, вокруг которого стали формироваться финансово-промышленные группы.

За рассматриваемый период объем торговли купчих текстильными товарами в целом снижается, за исключением шелка, ситца, панского, кумачного и холщового товаров, на производстве которых издавна специализировалась Москва.

Вторым видом торговой деятельности было предоставление (продажа) услуг.

Устойчивый рост в этой сфере говорит о том, что общество переходит на качественно новую, более высокую, ступень развития производительных сил. Увеличение количества трактиров, кафе, ресторанов, постоялых дворов свидетельствует о становлении индустрии досуга. Более чем на 5 % становится больше купчих, которые занимаются предоставлением подрядных услуг, т. е. на определенных условиях выполняют строительные, различные коммунальные и производственные услуги. Коммерциализации подвергаются все сферы жизнедеятельности. Жизнь людей становится более комфортной.

Предприятия купчих по предоставлению услуг в Москве, 1869–1872 гг.
(в %)

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872. Составлено и подсчитано автором.

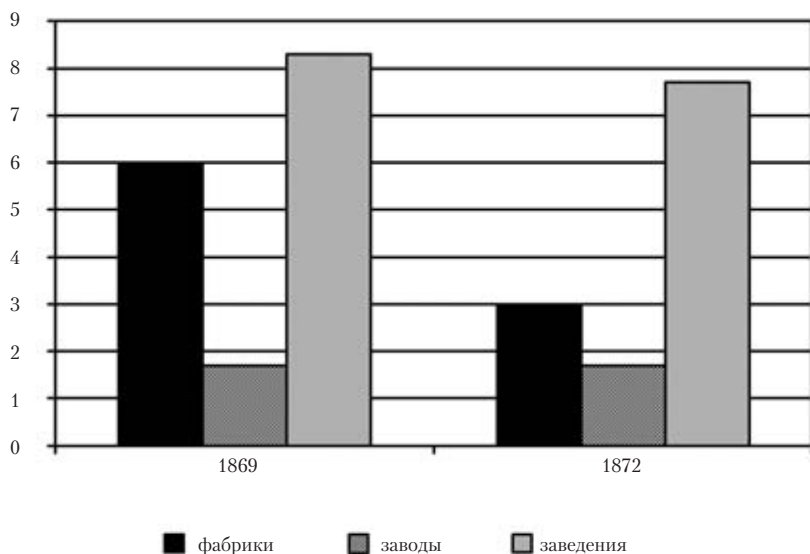
Промышленная деятельность женщин московского купечества не получила такого широкого распространения, как торговая. Возможными причинами, по мысли Тихомировой М. Н., могли быть «отсутствие как специально технического, так и экономического образования у женщин, которое было необходимо для управления фабриками и заводами или же для осуществления контроля за деятельностью управляющих»²².

По своим качественным основам фабрика и завод похожи — это промышленные предприятия с механизированным процессом производства. Однако на фабриках преимущественно производили предметы легкой промышленности (суконные, мешочные, канительные, ситценабивные и т. д.), на заводах — тяжелой (химические, паточно-уксусные, кирпичные и т. д.), но четкого разделения сфер производства между фабрикой и заводом не было.

Также выделялась группа «заведения», под которыми понимались небольшие предприятия с числом рабочих менее 15 и отсутствием парового двигателя²³.

Рисунок 4

Промышленные предприятия купчих в 1869–1872 гг. (в %)

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872. Составлено и подсчитано автором.

Диаграмма свидетельствует о снижении на 3 % количества фабрик и на 0,6 % заведений.

Выявленная динамика сокращения числа фабрик подтверждается снижением на 7,9 % количества купчих, торговавших текстильными товарами.

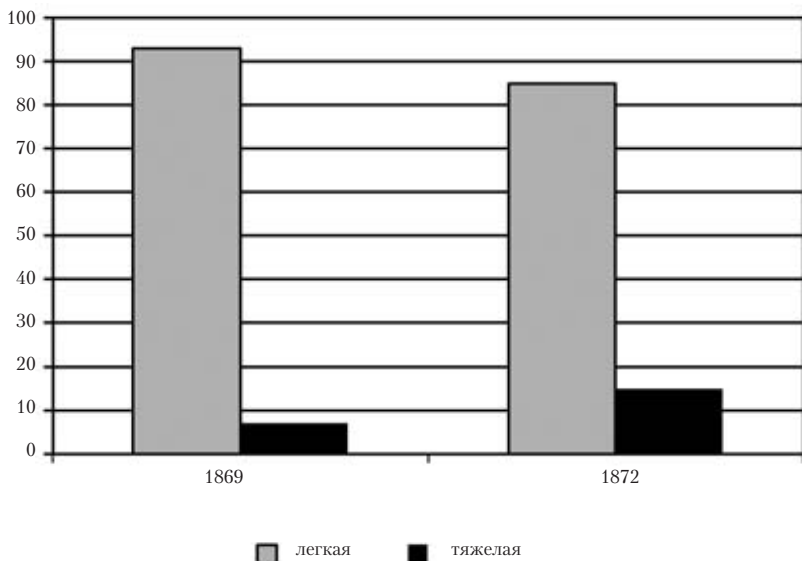
Преобладание текстильной продукции наблюдалось не только в торговле, но и в промышленности. Из 18 фабрик, принадлежавших женщинам в 1872 г., 15 были текстильными.

На основании представленных диаграмм мы можем сделать вывод о снижении активности женщин в сфере легкой промышленности и пропорциональном увеличении — в тяжелой, что могло быть следствием «сосредоточения» России на международной

арене и необходимостью строительства железных дорог как для стратегических, так и для торговых нужд.

Рисунок 5

Соотношение тяжелой и легкой промышленности

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872. Составлено и подсчитано автором.

В ходе исследования была выявлена структурная зависимость между индивидуальным предпринимательством, гильдией и семейным положением в торгово-промышленной деятельности купчих.

Схожая динамика ведения торгово-промышленной деятельности наблюдается в группах «вдовы, самостоятельно ведущие дело», и «вдовы — продолжатели дела мужа» (2 гильдия): сокращается общая численность, но в первом случае снижаются показатели в графе «только торговая деятельность» и «ничем не занимались», что может свидетельствовать о переходе женщин к более эффективному способу распределения своих возможностей и капиталов. В группе «вдовы — продолжатели дела мужа» в отличие от первой группы мы видим увеличение женщин, «ничем не занимавшихся». После смерти главы семейства купеческие

вдовы с малолетними детьми, незамужние купеческие сестры и дочери продолжали зачастую записываться в купечество по семейной традиции (это приводило к появлению специальной категории «неторгующих купцов») и/или для сохранения купеческих льгот.

Увеличение численности практически по всем видам торгово-промышленной деятельности наблюдается в группе замужних 1 гильдии, самостоятельно ведущих дело и 2 гильдии «совместно ведущих дело» с мужьями или другими родственниками.

Также следует отметить снижение количества женщин в группе «ничем не занимались» (для «самостоятельно ведущих дело»), причем общее количество женщин в гильдиях снижается незначительно. Данная динамика может свидетельствовать, во-первых, о повысившейся необходимости самостоятельно зарабатывать деньги и, во-вторых, о возросшей экономической мобильности женщин.

Таблица 7

Структурная зависимость индивидуального предпринимательства, разряда гильдии и семейного положения в торгово-промышленной деятельности московских купчих в 1869 г. (в абсолютном исчислении)

Виды торгово-промышленной деятельности	Самостоятельное ведение дела				Наследственное и совместное ведение дела			
	Вдовы		Замужние		Вдовы – продолжатели дела		Совместное ведение дела	
	1 гильдия	2 гильдия	1 гильдия	2 гильдия	1 гильдия	2 гильдия	1 гильдия	2 гильдия
Дома	3	25	1	9	2	4	1	1
Лавки, постоянные двory, трактиры	5	27	0	16	2	9	0	2
Торговля								
Пищевыми продуктами	0	43	0	20	5	12	0	6
Непищевыми продуктами	13	88	1	72	3	33	1	8
Только торговая деятельность	4	108	0	85	1	30	0	11
Услуги	0	4	0	4	0	1	0	0
Фабрики	5	10	0	10	0	8	0	1
Заводы	0	3	1	2	1	1	1	2
Заведения	1	21	0	27	2	8	0	6
Ничем не занимались	0	60	0	26	0	10	0	2
Всего человек	10	257	1	51	8	74	1	15

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869. Составлено и подсчитано автором.

Таблица 8

Структурная зависимость индивидуального предпринимательства, разряда гильдии и семейного положения в торгово-промышленной деятельности московских купчих в 1872 г. (в абсолютном исчислении)

Виды торгово-промышленной деятельности	Самостоятельное ведение дела				Наследственное и совместное ведение дела			
	Вдовы		Замужние		Вдовы – продолжатели дела		Совместное ведение дела	
	1 гильдия	2 гильдия	1 гильдия	2 гильдия	1 гильдия	2 гильдия	1 гильдия	2 гильдия
Владение недвижимостью	2	19	2	5	0	2	0	2
Лавки, постоянные дворы, трактиры	2	19	2	9	0	0	0	1
Торговля								
Пищевыми продуктами	2	31	4	6	0	10	0	6
Непищевыми продуктами	3	86	4	32	2	25	1	14
Только торговая деятельность	0	97	5	34	0	29	0	18
Услуги	1	4	1	4	0	1	0	0
Фабрики	1	4	1	3	1	4	0	2
Заводы	1	3	0	0	1	1	0	3
Заведения	0	13	1	16	0	10	0	8
Ничем не занимались	0	47	0	10	0	16	0	1
Всего человек	7	197	7	76	3	64	1	33

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1872 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1872. Составлено и подсчитано автором.

Преобладающее количество женщин занимались торгово-промышленной деятельностью «при своем доме», что делает не-

обходимым изучение динамики локальных миграционных процессов внутри одного города (Москва).

Очевидна динамика переселения из северо-восточной части города в северо-западную (рис. 6), что говорит об увеличении престижности Тверской части как главной торговой площадки Москвы. Незначительно увеличивается и число проживавших вне Москвы, что, возможно, говорит о процессе втягивания окраин в торгово-промышленную жизнь столицы и налаживании здоровых экономических взаимоотношений город — деревня в пореформенную эпоху.

На основании проведенного анализа структуры торгово-промышленной деятельности купчих в 1869–1872 гг. можно сделать ряд выводов.

Во-первых, преобладающим типом деятельности была торговля непищевыми товарами.

Во-вторых, предоставление купчихами различных услуг (от извозных до банковских) было самой быстрорастущей сферой их торгово-промышленной активности.

В-третьих, за рассматриваемый период происходит незначительная переориентация активности из сферы легкой промышленности и торговли пищевыми товарами в сторону тяжелой промышленности и торговли непищевыми товарами, что могло быть связано с особенностями внешнеполитической обстановки и целями правительства.

В-четвертых, на основании табл. 7, 8 можно говорить о наметившейся тенденции к увеличению социально-экономической мобильности женщин, «самостоятельно ведущих дело».

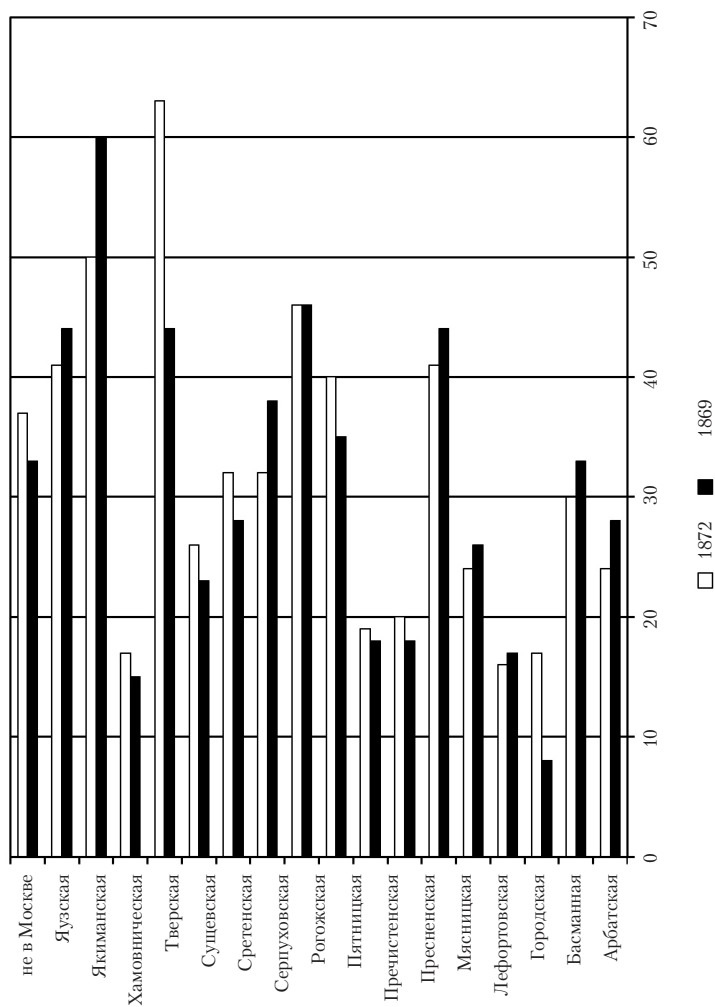
В-пятых, наметилась тенденция внутригородской миграции женщин из северо-восточной части города в северо-западную, что говорит об увеличении престижности Тверской части как главной торговой площадки Москвы.

В заключение подведем некоторые итоги.

Анализ источников формирования женского гильдейского купечества показал, что преобладающей группой, но с тенденцией к постепенному сокращению численности, было «московское (постоянно проживающее в Москве) купечество». Доля лиц, обладавших отличительными статусами «старинных купцов» и «почетных граждан», среди них была незначительна.

Отдельно стоит отметить группу «крестьян», которая практически на всем рассматриваемом хронологическом промежутке чис-

Территориальное распределение домовладений купчих в Москве

Источники: Справочные книги о лицах, получивших на 1869, 1872 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869, 1872. Составлено и подсчитано автором.

ленно возрастала. Поскольку человек, выкупавший гильдейское свидетельство, мог оставаться в своем прежнем звании, крестьяне все чаще пользовались этим правом, что может говорить о постепенном осознании крестьянами своей сословной идентичности.

Рассмотрение группы «иностранок» показало, что в разные годы (1869–1896 гг.) в Москве торговали представительницы 16 государств, среди которых больше всего было француженок, гражданок Северогерманского союза и подданных Пруссии.

Анализ половозрастного состава показал, во-первых, преобладание для 1 гильдии возрастного промежутка 51–60 лет, для 2 гильдии — 41–50 лет. Динамики изменения численности внутри выделенных «продуктивных возрастов» для 1 и 2 гильдий несимметричны. Также 1 гильдия проявила тенденцию к постепенному «старению», а 2 гильдия становилась все более «молодой». Во-вторых, была выявлена количественная асимметрия в группах мужчин и женщин как относительно общего числа, так и в гильдиях (от общего числа выкупавших гильдейские свидетельства женщины составляли около 11 %). При этом стоит заметить, что динамика изменения численности в группах мужчин и женщин была однонаправленной и имела тенденцию к постепенному выравниванию диспропорции (за исключением кризисного периода 1875–1878 гг., когда темпы несколько снизились).

В аспекте семейно-брачной структуры женщины, выкупавшие гильдейские свидетельства, в подавляющем большинстве были вдовами. При этом стоит заметить, что в 1872–1893 гг. наметилась тенденция к постепенному выравниванию показателей «вдов» и «замужних», т. е. со временем увеличивалось количество женщин, которые вносили значительную часть денег в семейный бюджет.

Преобладающим типом деятельности женщин была торговля непищевыми товарами и предоставление различных услуг (коммунальные, банковские и т. д.). Промышленными заведениями владела незначительная часть купчих, при этом за рассматриваемый период была выявлена тенденция к незначительной переориентации деятельности из сферы легкой промышленности и торговли пищевыми товарами в сторону тяжелой промышленности и торговли непищевыми товарами.

Примечания

¹ ПСЗ. II собрание. Т. 38. Отд. I. № 39118. Ст. 21.

² ПСЗ. II собрание. Т. 38. Отд. I. № 39118. Ст. 22.

³ Шаццлло М. К. Справочные книги о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства (методика обработки) // Исследования по источникововедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1984.

⁴ Справочная книга о лицах, получивших на 1873 купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1873.

⁵ Барышников М. Н. История делового мира России. М., 1994. С. 96.

⁶ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 года): Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2008–2009. С. 763.

⁷ Там же. С. 1116.

⁸ Там же. С. 764.

⁹ Орлов Д. И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во второй половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 95.

¹⁰ Барышников М. Н. История делового мира России. С. 114.

¹¹ В данном исследовании в силу выбранной методики обработки информации проследить действительные рамки торгово-промышленной активности не представляется возможным, поэтому можно говорить только об условных границах.

¹² Нифонтов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (По материалам переписей населения г. Москвы в 70–90-х годах XIX в.) // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 24, 243.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСЗ. II собрание. Т. 38. Отд. I. № 39118. Ст. 22.

¹⁵ Иван Алексеевич Вышнеградский — министр финансов Российской империи в 1888–1892 гг.

¹⁶ ПСЗ. II собрание. Т. 38. Отд. I. № 39118. Ст. 22.

¹⁷ Возможно, фактическое количество было больше, т. к. в данном исследовании метод выборки данных позволяет их фиксировать раз в три года.

¹⁸ С большей степенью вероятности можно установить только начальную точку — 1870 г., в 1896 г. тоже свидетельство выкупила.

¹⁹ Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.

²⁰ Тихомирова М. Н. Предпринимательская деятельность тверских женщин в начале XX столетия // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997.

²¹ Нигамедзинов Ф. Ф. Очерки истории купеческого сословия России конца XIX — начала XX века. Казань, 2004.

²² Тихомирова М. Н. Предпринимательская деятельность тверских женщин в начале XX столетия. С. 63.

²³ Воронкова С. В. Российская промышленность н. XX в.: источники и методы изучения. М., 1996. С. 23.

История советской экономики

А. К. Соколов*

НЕФТЬ И ВОЙНА **1941–1945 гг.**

Германское вторжение

В исторической литературе мало говорится о роли нефтяного хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Полководцы и генералы в своих воспоминаниях также не любят останавливаться на экономических аспектах, больше рассказывают о движении соединений, танковых прорывах, морских сражениях, налетах авиации, героических подвигах на фронтах, забывая о том, что без топлива и танки, и самолеты, и линейные корабли всего лишь мишени для уничтожения, в лучшем случае — пугало для врага. Как естественно армии кормить и заботиться о солдатах, так же требует «пищи», заботы и ухода военная техника. Да и сами нефтяники, на наш взгляд, мало сказали о месте нефтяного хозяйства в годы войны, которая была прежде всего войной моторов. Достаточно сказать, что один самолетовылет требовал от 1 до 3 т авиационного бензина. Танки, самоходные орудия, тягачи, автомашины ежедневно потребляли десятки литров горючего.

При нападении на СССР нефть определяла многое в завоевательных планах Гитлера. Своих генералов, разрабатывавших планы военных вторжений, он называл ничего не смыслившими в экономической стратегии людьми. Когда одна за другой европейские страны оказывались под пятой нацистского режима, первым делом Гитлер обращал внимание на нефтяные запасы завоеванных стран. С захватом новых территорий в распоряжение германского рейха перешло 93 нефтеперерабатывающих завода, дающих 8 млн т нефтепродуктов. Союзником Гитлера в войне была Румыния, где к тому времени в районе Плоешти сложился мощный не-

---

* Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории РАН).

фтяной район. До нападения на СССР румынский режим Антонеску обеспечивал 58 % нефтяных поставок в рейх.

Что же определяло военную стратегию Гитлера? Он понимал, что продвижение на Запад неминуемо приведет к столкновению с США — самой мощной державой западного мира, тогда как Советский Союз он считал слабым в экономическом и военном отношении государством. По донесениям военной разведки, имевшимся в распоряжении германского штаба, германские войска войдут в Россию, «как нож в масло». Гитлер называл СССР «колоссом на глиняных ногах», который рассыплется при первом ударе. План «Барбаросса» составлялся в расчете на «молниеносную войну», уже принесшую успех в разгроме Польши, Франции, Норвегии, Югославии, Греции.

Сохранился любопытный экономический расчет Гитлера; число жертв со стороны немцев при нападении на Россию не превысит число занятых в производстве синтетического топлива¹. Германское командование рассчитывало, что к зиме 1941 г. с Россией будет покончено: захвачена Москва и достигнут рубеж Архангельск — Астрахань. Одновременно с «Барбароссой» составлялся план «Ост» — программа освоения захваченных территорий. Их ресурсы, в том числе нефть, должны были перейти в собственность рейха. Для их эксплуатации создавалось специальное министерство по делам восточных территорий. Ряд районов подлежал немецкой колонизации. Саму Россию намечалось «выбросить за Урал». Местное население рассматривалось как источник дешевой рабочей силы. Часть жителей предполагалось физически уничтожить: евреев, цыган, физически и психически неполноценных (в эту категорию мог попасть кто угодно) и, конечно, «комиссаров»-коммунистов, главных идейных врагов Гитлера.

Нефть сыграла значительную роль в решении Гитлера напасть на Советский Союз, а по показаниям А. Шпеера, министра вооружения и военной промышленности, допрошенного после войны, была главным мотивом². У Гитлера, по свидетельству современников, всегда была навязчивая идея захватить кавказскую нефть. Тогда, считал он, созданный им рейх будет действительно непобедим.

Нападение Германии застало Советский Союз врасплох. В результате германских авиационных ударов были разбомблены аэродромы, нефтехранилища и нефтесклады. Большая часть самолетов, танков, автомобилей на западных границах СССР, ли-

шенных топлива и защиты, была уничтожена или захвачена. В результате охвата немецкими танковыми клиньями Красная армия в Белоруссии терпела страшные поражения. Сказались и расстроенные в результате внезапных ударов связи между штабами и соединениями, и недопоставки горючего в Белорусский военный округ до войны. И хотя многое в поражениях было предопределено ошибками сталинского руководства, оно прибегло к привычному механизму репрессий, обвинив во всем командование Западным фронтом во главе с генералом Д. Г. Павловым. Среди предъявленных обвинений назывался развал тылового обеспечения войск.

Расстрелы и репрессии не помогли делу. Германское наступление продолжалось. Между тем в ходе военных действий обнаружили «трещины» в плане «Барбаросса», в том числе и топливная проблема. На плохих советских дорогах германская техника потребляла в 2–3 раза больше горючего, чем положено по нормам. Сразу же возникла его нехватка. Снабжение наступающих войск, далеко оторвавшихся от своих тылов, осложнилось. Красная армия оправилась от первых ударов. Встретив ожесточенное сопротивление в районе Смоленска, Гитлер стал менять направления: то на Ленинград, то на Юг с намерением захватить топливные районы СССР, включая Донбасс, Северный Кавказ и Закавказье, то снова на Москву. Но сил для общего наступления по всем фронтам, как было намечено планом «Барбаросса», не хватало. Нигде германским войскам не удалось достичь решительных успехов...

Наступала осень, за нею маячила зима. Разворачивалось грандиозное сражение под Москвой. Одержав ряд больших побед на подступах к столице, германские части вплотную приблизились к городу. И тут снова обнаружили просчеты немцев, в том числе в снабжении наступавших войск. Рассчитывая на быстрый успех, германское командование не подготовило армию к войне в осенне-зимних условиях. Немецкая техника вязла в грязи, ее приходилось вытаскивать буквально на руках. Наступили морозы и обозначили другую проблему: работавшие на синтетическом топливе танковые и авиационные моторы на холоде не желали заводиться. Чем ближе к Москве, тем ожесточеннее становился отпор, несмотря на плачевное состояние Красной армии, которой остро не хватало техники, оружия, боеприпасов и нефтепродуктов.

Основным средством борьбы с вражескими танками в то время были бутылки с горючей смесью, прозванные в мире «коктейлями Молотова». По мнению одних специалистов военного дела,

это были наша трагедия и позор — вместо бронебойной артиллерии противотанковые бутылки, по мнению других — легендарное оружие первых месяцев войны, благодаря которому были уничтожены тысячи танков противника. Для наполнения бутылок использовались самовоспламеняющаяся жидкость КС, состоявшая из смеси фосфора и серы, и горючие смеси № 1 и № 3, представлявшие обычный авиационный бензин, загущенный отверждающим порошком. Когда такая бутылка разбивалась, специальные ампулы воспламеняли жидкость, или же использовались особые спички, резинкой прикрепленные к бутылке, которые надо было зажечь перед броском. Если и их не было, как при обороне Одессы, то бутылки затыкали паклей, зажигали и бросали на немецкие танки.

В июле 1941 г. ГКО принял постановление, которым обязал Наркомат пищевой промышленности производить 120 тыс. бутылок с горючей смесью в день. Кондитерская фабрика «Большевик» вместо конфет и пирожных выпускала ампулы-запалы. Завод шампанских вин, а также ликеро-водочные заводы были переналажены на выпуск «огненных бутылок». Об эффективности этого оружия имеются противоречивые свидетельства. Наибольший ущерб они наносили, если горящая жидкость проникала в смотровые щели, ослепляла экипаж, выкуривала его из танка огнем и дымом. Самым легендарным эпизодом их применения стал подвиг М. Паникаха, отмеченный, правда, позже, при обороне Сталинграда. Вот что рассказывает в книге И. И. Вернидуба — известного советского специалиста по боеприпасам:

«Когда он [Паниках] израсходовал все гранаты, у него остались две бутылки с горючей смесью. Он высунулся из окопа и размахнулся, целясь бутылкой в ближайший танк. В это мгновение пуля разбила бутылку, поднятую над головой. Жидкость облила Михаила с головы до ног. Живым факелом вспыхнул воин. Но адская боль не замутила его сознания. Он схватил вторую бутылку. Танк был рядом и все увидели, как горящий человек выскочил из окопа, подбежал вплотную к фашистскому танку и ударил по решетке моторного люка. Мгновение — и огромная вспышка огня и дым поглотили героя вместе с подоженной им фашистской машиной. Танк сгорел вместе с экипажем...»³

Благодаря подобной самоотверженности, мужеству и упорству советских войск удалось разбить наступающих немцев под Москвой. Гитлер обвинил в поражении «тупых» генералов, но, в отличие от Сталина, не расстрелял, а просто сместил их, взяв

командование на себя. План «Барбаросса» потерпел крах. Победа под Москвой была достигнута ценой гигантского напряжения сил и мобилизации ресурсов на разгром врага.

Военная мобилизация экономики и нефть

Мобилизацию ресурсов страны на нужды войны Сталин и его окружение начали проводить сразу после нападения. Был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) — чрезвычайный орган управления страной с неограниченными полномочиями. 3 июля 1941 г. Сталин как Председатель ГКО обратился по радио к народу. В своем обращении он говорил о том, что страна подверглась невиданному нашествию, что враг силен и коварен и что Красная армия не может его остановить. Сталин призывал советский народ сплотиться перед лицом смертельной опасности, мобилизовать все силы для разгрома агрессора. «Сражаться до последней капли крови. При вынужденном отходе вывозить на восток оборудование заводов и фабрик, все ценное имущество, горючее, запасы продовольствия. Не оставлять врагу ни килограмма хлеба, ни литра бензина...»

Сталин, как и Гитлер, понимал значение нефти в войне. Еще на заре советской индустриализации он говорил: «Воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне»⁴. Эти слова он часто повторял и после. Решение важнейших вопросов обороны Сталин держал в своих руках. Каждый из его приближенных — членов ГКО — курировал определенную сферу. Маленков отвечал за производство самолетов и моторов, формирование авиационных частей, Молотов — за производство танков. Микоян ведал вопросами снабжения Красной армии, Кагановичу был поручен транспорт, на Вознесенского возложен контроль над производством металла и топлива, в том числе нефти. Уже 4 июля комиссия Вознесенского приступила к составлению военно-хозяйственного плана. При Народном комиссариате нефтяной промышленности (НКНП) был создан специальный штаб по обеспечению фронта горючим, который возглавил Н. К. Байбаков, одновременно назначенный уполномоченным ГКО. 30 июля 1941 г. появилось постановление ГКО о развитии добычи и переработки нефти в восточных районах СССР. Им предусматривалось увеличение мощности нефтепро-

мыслов и нефtezаводов, форсирование строительства Уфимского, Сызранского, Саратовского, Ишимбаевского и других НПЗ. Однако проверка, проведенная в конце 1941 г., показала, что поставление выполняется неудовлетворительно⁵.

Между тем противник продвигался все дальше и дальше вглубь советской территории, заставляя предпринимать лихорадочные усилия по эвакуации. Из-за быстрого продвижения противника и возникающей транспортной неразберихи грузы зачастую приходилось бросать на месте или уничтожать. На восток шли поезда с промышленным оборудованием, с ранеными бойцами, имуществом и персоналом государственных учреждений, учебных заведений, больниц и т. п. Навстречу двигались воинские эшелоны. Перевозки происходили под непрерывными налетами вражеской авиации. Разрушения станций и путей срывали графики движения.

В период германского наступления было перебазируется на восток более 2500 предприятий, которые надо было разместить и ввести в строй. Вместе с оборудованием заводов эвакуировались рабочие, чтобы на новом месте начать монтаж и в кратчайшие сроки возобновить выпуск продукции, их семьи, гражданское население. На восток было эвакуировано около 12 млн человек. Их нужно было поселить, снабдить товарами первой необходимости и питанием, организовать работу учреждений, школ, высших учебных заведений. За эти вопросы отвечал созданный в начале войны Совет по эвакуации. Он брал на учет производственные, административные, складские, учебные, жилые и прочие помещения.

В первую очередь перебазировались предприятия оборонного значения — в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь и Среднюю Азию, в том числе оборудование НПЗ и ряда нефтепромыслов, расположенных в западной части СССР. Так, в Чкалов был эвакуирован Люберецкий завод, который заработал в марте 1942 г. Подольский машиностроительный завод был переброшен в Свердловскую область. Осипенковский завод возродился в Краснокамске, Херсонский и Одесский крекинг-заводы — в Сызрани. Одним из центров нефтяной эвакуации была Уфа. Там временно разместились Наркомнефть. Туда направлялось оборудование многих заводов. Туда же был перебазирован нефтяной институт имени Губкина.

Один из эвакуационных маршрутов пролегал через Северный Кавказ и Закавказье, через каспийские порты на восток через Ка-

спий кружным путем: Красноводск — Ташкент — Кзыл — Орда — Актюбинск — Уральск — Саратов, интенсивность движения на котором возрастала по мере приближения противника. В центр шли сообщения о том, что скопление нефти, мазута, керосина, лигроина, бензина, масел и др. продуктов систематически растет, что с момента нападения Германии число подаваемых цистерн на железной дороге сократилось более чем вдвое, что имеющиеся резервуарные емкости на промыслах и нефтезаводах переполнены, что количество незагруженных остатков поднялось свыше 1 млн т и растет ежедневно. В Баку на заводе им. Сталина из-за этого простаивали очистные установки, не хватало емкостей для хранения светлых продуктов. Сообщалось о скоплении нефти в Батуми. Несколько сот тысяч тонн высококачественной нефти хранилось в открытых земляных амбарах, что вело к потерям и ухудшению ее качества.

С началом войны разладились поставки оборудования, сырья, материалов, ослабла дисциплина. Из-за отсутствия химических реагентов, не поставленных Наркомнефтью, на химзаводе № 12 в Баку было прекращено изготовление смазочного материала (пушечного, колесного) и других спецпродуктов. На заводе им. Андреева из-за нарушений технологической дисциплины 1 августа 1941 г. возник пожар, приведший к человеческим жертвам. Сообщалось, что только своевременные действия военизированной пожарной команды НКВД предотвратили более тяжкие последствия.

В связи с продвижением противника осенью 1941 г. в Баку и другие каспийские порты буквально хлынул эвакуационный поток с Украины и Северного Кавказа, сильно затруднивший перевозки нефтепродуктов. Бакинский порт не справлялся с перевалкой грузов. Ввиду трудностей с вывозом нефти ГКО постановил снизить объемы добычи и нефтепереработки в Баку и перебросить часть оборудования на восток, в Ишимбай. Туда же был направлен НПЗ имени Сталина. В Стерлитамак был эвакуирован бакинский завод нефтяного машиностроения «Красный пролетарий», в Пермь — завод имени Мясникова, в Сарапул — завод им. Держинского. Осенью 1941 г. в Поволжье был переброшен трест Азнефтеразведка, организацией его деятельности на новом месте занимался известный нефтяник А. Ф. Рустамбеков. В 1942 г. по указанию ГКО НПЗ в Баку прекратили выпуск многих видов

нефтепродуктов, чтобы, как было сказано, решать главную задачу — обеспечивать авиацию высококачественными бензинами.

В июне 1942 г. ГКО обязал НПЗ производить 70 тыс. т бензина Б–78 и 50 тыс. т бензина Б–70 ежемесячно и одновременно ужесточил требования к качеству бензина. Задание, однако, было сорвано из-за неудовлетворительной работы бакинских, батумских и грозненских НПЗ: например, на заводе им. Стурра по причине того, что установка реформинга не была завершена. «Срочно достроить», — последовал приказ Седина. Отмечалось отсутствие поставок ингибиторов в Баку. Завод им. Джапаридзе не мог производить авиамасла, так как не получил кислоты. Батумский НПЗ вместо 19 700 т в мае 1942 г. произвел только 8300 т бензина Б–70. Главной причиной стало снижение добычи нефти в Баку, ухудшение качества нефти, отсутствие ингибитора, затоваривание емкостей мазутом. В Грозном задание по Б–78 было выполнено только на 37 %. Причиной называлась незавершенность реконструкции 2-го НПЗ под ректификацию низкооктановых бензинов, 1-го НПЗ — под термокаталитический реформинг. На маслозаводе № 3 не могли производить масла из-за отсутствия крезола и фенола. Для решения проблемы понадобилось срочное вмешательство Вознесенского. Не лучше обстояло дело на Уфимском НПЗ. Мощностей завода не хватало для обессоливания и обезвоживания поступающей нефти. Последовал приказ Седина: «Срочно закупить в Америке. Увеличить завоз с Бугуруслана и из Прикамья...» Установка Луммус из-за отсутствия смазки простаивала 10 дней в месяц. Выделенные ГКО материалы на завод не поступили. Седин был вынужден обратиться к Вознесенскому с требованием привлечь виновных к ответственности. Хабаровский НПЗ по-прежнему не выполнял задания из-за недопоставок нефти с Сахалина. Константиновский завод в Ярославле поставки масел обеспечил только на 39 % из-за непоставки нефти. Только работа Орского НПЗ признавалась удовлетворительной.

Еще до войны образовались узкие места в водных перевозках нефти, и базы в Астрахани, Махачкале, Красноводске сильно лимитировали работу пароходств Касптанкер, Рейдтанкер и Волготанкер. Указывалось, что они не сумели перестроиться из-за резкого увеличения перевозок с началом войны. Касптанкер, наиболее мощный, сумел перевезти только 84 % общего тоннажа, запланированного на 1941 г., другие тресты работали намного хуже. Значительная часть судов к зиме встала, затертая льдами. В фев-

рале 1942 г. Астраханская контора сообщила, что вместо 266 тыс. т нефтепродуктов может принять только 25 тыс. т. В связи с проблемами перевозок делался вывод, что до конца навигации в Баку останутся невывезенными 6 млн т нефтепродуктов, а к открытию навигации 1943 г. их количество увеличится в два раза.

В конце 1941 г. противником были захвачены крупные промышленные районы, нарушились сложившиеся до войны производственные связи. Имевшиеся запасы вооружений, топлива, сырья таяли, отмечался общий спад производства в стране, в том числе на военные нужды. Утрата крупных производственных мощностей на Западе, в частности потеря Донбасса, угроза нефтепромыслам на Кавказе привели к кризису в топливной промышленности — стартовому звену оборонного производства. Это потребовало ускоренных мер, что отражено в постановлениях ГКО. На решение топливной проблемы были мобилизованы партийные и комсомольские работники, гражданское население, узники ГУЛАГа.

Предприятия на не занятых врагом территориях не могли полностью компенсировать потери в ходе военных действий. К тому же многие заводы надо было еще переналадить на выпуск военной продукции. Требовалось время и на то, чтобы ввести в строй эвакуированные заводы. Танков, самолетов, другой техники катастрофически не хватало. Нужда в топливе, боеприпасах тоже была огромной. Сказывалась дезорганизация, нарушение сложившихся основ хозяйственной жизни, наплыв на восток эвакуированных и беженцев. Чтобы справиться с возникшим хаосом, ряд отраслей и районов страны переводились на военное положение. Усиливалась роль карательных органов. В помощь работникам НКВД придавались истребительные батальоны. Им надлежало охранять заводы, нефтепромыслы, мосты, железные дороги, линии связи, электростанции и другие объекты, выявлять и задерживать подозрительных лиц, диверсантов, шпионов, доносить о нелояльных настроениях.

В городах и поселках страны снова вводилась карточная система. Карточки распространялись на хлеб, мясо, жиры, сахар и другие продукты. Норма отпуска хлеба по «рабочей карточке первой категории» (для работников наиболее важных отраслей промышленности и государственного управления) устанавливалась от 0,8 до 1 кг. Остальные рабочие и служащие, иждивенцы и дети получали значительно меньше. На предприятиях восстанавливались ОРСы.

Призывы в армию больших людских контингентов оголяли производство, рабочих рук катастрофически не хватало. Предпринимались чрезвычайные меры, чтобы обеспечить кадрами наиболее важные для обороны отрасли производства, в том числе нефтедобычу и нефтепереработку. Основную массу работников теперь составляли подростки и женщины. Их по мобилизации призывали на производство, в школы ФЗО и ремесленные училища.

Мобилизационные меры сопровождались ужесточением режима на предприятиях, особенно в случаях введения военного или осадного положения. В декабре 1941 г. был принят указ об ответственности рабочих и служащих предприятий, работавших на оборону, за самовольный уход с работы и опоздания. Все занятые на таких предприятиях считались мобилизованными на трудовой фронт, а нарушители — «трудовыми дезертирами», которые подлежали суду по законам военного времени. Но суровые меры, вводимые сталинским руководством, находили в то время поддержку и понимание среди населения.

Поход Гитлера за нефтью

В начале 1942 г. гитлеровский рейх оправился от неудачи под Москвой, и германское командование приступило к подготовке новой наступательной операции в России. Операция, получившая кодовое название «Блау», разрабатывалась при прямом участии Гитлера и приобрела четко выраженный характер «похода за нефтью». Ее главной задачей был захват нефтяных ресурсов Кавказа. Для этой цели формировалась группа армий «А», которая должна была захватить Баку, а затем во взаимодействии с дружественной Турцией, выйти на Ближний Восток, в богатые нефтью Иран, Ирак и т. д. Вспомогательный удар наносила группа армий «Б», которая должна была преодолеть волжский рубеж в районе Сталинграда и отсечь пути, связывавшие нефтяные районы Кавказа с центром страны. Волга, говорил Гитлер, станет нашей Миссисипи. После германские генералы обвиняли Гитлера, что он раздвоил силы и их не хватило для успеха на каждом направлении. Однако, очевидно, что план являлся единым стратегическим замыслом Гитлера.

В предвкушении кавказской нефти в рейхе создавались бригады по обслуживанию советских нефтепромыслов и нефтезаводов

числом 15 тыс. человек. Примечательным было то, что к осуществлению наступления активно привлекались союзники: Румыния, Италия, Венгрия и др. Нечто подобное просматривалось в действиях германского союзника на Тихом океане — Японии, тоже организовавшей «поход за нефтью». Японские войска совершили бросок в голландскую Ост-Индию и Сев. Борнео с целью захвата тамошних нефтепромыслов.

Летом 1942 г. после разгрома советских войск под Харьковом и захвата Ростова танковые части вермахта устремились на просторы северокавказских степей, немецкие войска, почти не встречая сопротивления, приблизились к предгорьям Кавказа и расположенным здесь районам нефтедобычи и нефтепереработки. В один из тех жарких дней, как рассказывал в своих воспоминаниях Н. К. Байбаков, его вызвал Сталин. Состоялся следующий разговор:

«Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ... Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем». И после некоторой паузы добавил: «Но, если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем». «Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин».

Сталин остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску: «Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным [командующим Северо-Кавказским фронтом] думайте, решайте вопрос на месте»⁶.

Судя по воспоминаниям, Байбаков одобрял сталинские методы обращения с кадрами, выход из положения, действительно, подсказала обстановка. Под началом Байбакова спешно эвакуировалось оборудование, а то, что не удавалось вывезти, подвергалось безжалостному уничтожению. Горели промыслы Майкопа, были взорваны нефтеперерабатывающие заводы в Краснодаре и Туапсе, разрушены нефтепроводы. Специально была сформирована группа подрывников из опытных нефтяников. В связи с угрозой вторжения в августе 1942 г. были демонтированы нефтепровод Баку — Батуми, Батумский НПЗ. Байбаков много рассказывал, как разрабатывались способы ликвидации скважин с учетом опыта английских специалистов на Борнео перед вторжением японских войск.

В направлении Грозного было отправлено 600 вагонов и цистерн с запасами нефти. Часть Краснодарского НПЗ была эвакуирована в Уфу. Часть оборудования из Грозного и Майкопа

перевозилась в далекий Благовещенск, туда же перевозилось оборудование завода «Красный молот» и туда же был эвакуирован Центральный институт авиационных топлив и масел.

10 августа 1942 г. немцами был захвачен Майкоп, 12 августа — Краснодар. Часть германских соединений повернула на юго-восток, продвигаясь в район Грозного, другая часть — на юго-запад, через перевалы Кавказского хребта, стремясь прорваться к Черному морю на Туапсе.

В связи с приближением немцев крайне осложнилась ситуация в Чечено-Ингушетии. Еще до войны в ней действовали банды Магомадова, Осуева, Бадаева и др., которым удавалось провоцировать население горных районов и поднимать его на вооруженные выступления против советской власти. В 1940 г. сформировалась банда Магомедова Седулика, численность которой доходила до 200 человек. Соппротивление чеченцев объяснялось в то время влиянием мусульманского духовенства, наличием адатских пережитков и религиозным фанатизмом населения, разбросанного по труднодоступным селениям. С началом войны их сопротивление советской власти усилилось.

В донесениях из Грозного сообщалось, что имели место случаи демаскировки, вооруженные нападения чеченцев на охраняемые нефтеобъекты, в том числе на завод «Красный молот». Увеличилось в несколько раз число дезертиров и уклонистов от военной службы, но главное — был отмечен стремительный рост «дезертиров с оружием». Менее чем через месяц после начала войны в районе, по донесениям НКВД, «действовало 56 вооруженных банд, в розыске числилось 1098 дезертиров, скотокрадов — 73, убийц — 29, контрреволюционеров — 34, воров и уголовных преступников — 413, по делам о хозяйственно-должностных преступлениях — 493 человека». Широко распространились туркофильские настроения, ложные слухи о том, что Турция объявила войну Советскому Союзу. Теракты и грабежи становились все более частыми. Сообщалось о действиях банд, переодетых в военную форму, которые действовали против органов НКВД, судебных и следственных органов. В конце октября 1941 г. в период проведения мобилизации населения на оборонительные работы в Грозном произошел вооруженный бунт, в котором, как сообщалось, участвовало до 600 человек. Он был подавлен только через 10 дней, причем пришлось вызывать авиационные соединения. Вооружен-

ные банды формировались за счет уклоняющихся от призыва и дезертиров.

В апреле 1942 г. числилось уже «1928 человек дезертиров, из них из воинских частей — 605 чел., из стройбатов — 543, бежавших по пути следования эшелонов — 255, скрывающихся от мобилизации — 525». С приближением фронта большинство местных руководителей, в том числе партийных, бросили свою работу и бежали в горы. Как нефтяной район Грозный привлек особое внимание германского командования. Сюда еще до наступления был заброшен парашютный десант в надежде, что местное население окажет ему помощь. С воздуха сбрасывалось оружие и снаряжение для чеченских банд.

Когда немецкие войска вышли в район Моздока, на подступах к Грозному развернулись жестокие бои. 10 октября 1942 г. город буквально вспыхнул от обрушившихся на него бомбардировок. Разрушены были здания и сооружения, горели резервуары с нефтью, вышли из строя около 100 скважин. Тем не менее захватить район или вывести его полностью из эксплуатации противнику не удалось. В 1942 г. Грозный дал стране 1,4 млн т нефти.

В связи с продвижением немецких войск в сентябре 1942 г. было объявлено военное положение в Закавказье, а ситуация в Баку стала критической. Как указывалось в материалах проведенной проверки, «местные руководители в связи с приближением фронта ослабили внимание к добыче и переработке нефти, не сумели связать их с общими оборонными и мобилизационными мероприятиями». Большой наплыв эшелонов создал растерянность, панику и неразбериху. Частыми были поломки, в том числе дорожного импортного оборудования, а случаи нераспорядительности — вопиющими. Один эшелон с противотанковыми пушками вместо фронта прибыл на станцию Баладжары. В сентябре там же было обнаружено 11 платформ с танками. Анализ эвакуобаз показал наличие на них огромного количества снаряжения, предназначенного фронту. Из-за неразберихи подача вагонов существенно уменьшилась. Грузы из вагонов сбрасывались под откос железнодорожных путей навалом. Однажды туда свали 10 ящиков со снарядами. К счастью, взрыва не произошло.

Суровыми мерами в Баку пытались навести порядок. За бездеятельность, неприспособленность и саботаж были смещены и преданы суду многие работники транспорта. Один из них был осужден на 10 лет. Были отстранены от работы военные комен-

данты железнодорожных станций Баку и Баладжары. На территории Закфронта были проведены облавы «с целью ее очищения от преступных элементов, дезертиров, шпионов и лазутчиков, лиц без определенных занятий». Произведена конфискация бездокументных грузов, в том числе 128 вагонов с винными изделиями, 15 вагонов табака, 200 вагонов с зерном, которые расхищались местным населением и эвакуированными.

Чтобы улучшить работу Бакинского порта ответственные представители всех наркоматов, в том числе нарком Седин, устремились в Баку, стараясь в первую очередь протолкнуть свои грузы и оказывая давление на местное руководство, как говорилось, «в ущерб своему главному предназначению и главной политической задаче — обеспечивать страну нефтепродуктами». Столкнулись ведомственные интересы: чьи грузы должны перевозиться в первую очередь. Например, вместо перевозки нефти и эвакуации нефтяного оборудования Каспфлот занимался погрузкой оборудования Ростсельмаша, направляемого в Ташкент. Как указывалось, посланный в Баку замнаркомфлота Матюшев встал на путь обмана, прикрывая свою бездеятельность и беспечность, он доказывал Багирову и его окружению невозможность осуществить перевозки вследствие недостатка судов и образовавшейся пробки в Красноводском порту.

Дело в том, что в Красноводске, на восточном пустынном берегу Каспия не было базы для эвакуации, не было необходимых емкостей для приема нефти. Для их производства срочно было создано особое строительно-монтажное управление в составе узбекской Калининнефти. Решения ГКО по развязке Бакинского и других каспийских портов принимались одно за другим: по использованию естественных емкостей в Красноводске, тщательной инвентаризации нефтебаз Волжского района, расширению емкостей естественного хранения, проведению дноуглубительных работ в каспийских портах, срочному ремонту судов и т. д.

Несмотря на лихорадочные усилия из Баку до прекращения навигации вместо намеченных 6 млн т нефти было вывезено только 1,6 млн т. Ряду трестов, которые продолжали работу по добыче, добываемую нефть приходилось пускать на хранение в горных лощинах. Были выделены специальные скважины, куда закачивались сотни тысяч тонн отбензиненной нефти. Недостаток емкостей вел к сворачиванию работ. Осенью 1942 г. нефть добывал фактически единственный трест — Нефтечала.

Тем временем наступление немцев на Кавказе было остановлено. Прорваться к Баку им не удалось. Намерения Гитлера изменились. Теперь он считал главной задачей — отрезать центр от бакинской нефти. Главный удар переносился на Сталинград, и здесь на берегах Волги разворачивалась самая знаменитая битва Второй мировой войны. Ее первым этапом стала оборона Сталинграда. Немцам, казалось, что еще одно последнее усилие и Сталинград падет, они выйдут на оперативный простор в Заволжье. Разумеется, штурм Сталинграда сильно осложнил доставку нефтяных грузов из Закавказья. Сложившиеся нефтяные потоки были фактически перекрыты.

Последствия германского вторжения

Осень 1942 г. — время наибольшего продвижения противника вглубь страны. Была захвачена огромная территория, но лишь небольшая часть советской нефти. Советские источники много рассказывали об уроне, который был нанесен захватчиками, об оккупационном режиме, установленном немцами на завоеванной территории. Об ущербе, причиненном нефтяной промышленностью, говорят, в частности, финансовые отчеты Наркомнефти⁷:

«Расходы и потери 1941 г. (в руб.) 19 647 000.

Расходы и потери 1942 г. 55 645 000,

в том числе:

Расходы на светомаскировку, рытье траншей и щелей, содержание групп ПВО 3 653 000;

Затраты на устройство бомбоубежищ, газоубежищ и укрытий 2 763 000;

Зарплата ополченцев, бойцов истребительных батальонов,

местных ПВО, призванных на оборонную работу 274 000;

Компенсации призванным в РККА 1 042 000;

Расходы по перемещению:

– подъемные, проезд и зарплата 4 047 000

– упаковка, транспортировка, разгрузка товарно-материальных ценностей 4 515 000

– оборудования 19 046 000

– демонтаж оборудования 3 153 000;

Основные средства, уничтоженные или поврежденные в результате военных действий

– утрата товарно-материальных ценностей 225 000

– затраты на восстановление основных средств 1 341 000

– оплата простоев при воздушных тревогах 13 000

– незавершенное строительство, уничтоженное бомбардировкой 153 000; Затраты на оборонные работы по заданию директивных органов 15 520 000».

Разумеется, приведенные цифры не полностью показывают размеры экономического ущерба, нанесенного нефтяной отрасли военными действиями. Есть еще много аспектов, связанных с физическими и моральными последствиями войны. Но в целом можно констатировать полный провал гитлеровских планов относительно советской нефти. В период оккупации немцам в какой-то мере удалось восстановить нефтяные промыслы в Галиции, немного – в Майкопе, отчасти запустить Краснодарский НПЗ и другие заводы, но это была ничтожная часть того, на что рассчитывал Гитлер.

Об оккупационном режиме, установленном немцами на советской территории, рассказывают сотни книг, в том числе о положении в угольной отрасли, на нефтяных предприятиях. Особенно трудно приходилось рабочим: был установлен продолжительный рабочий день, мизерным было вознаграждение, отвратительно было организовано питание – несколько сот граммов «хлеба для русских», состоявшего из проса и опилок. Но к специалистам отношение было лучше.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на еще один аспект оккупационного режима. В результате тяжелых поражений Красной армии в плен попали миллионы солдат и офицеров, которые были направлены в гитлеровские концлагеря. Большие жертвы на фронтах несла и Германия, ей приходилось мобилизовывать на фронт работающих в различных отраслях экономики. В гитлеровском руководстве возникла идея восполнить образующийся недостаток трудовых ресурсов путем привлечения рабочей силы из оккупированных районов. Сначала рабочих набирали путем вербовки желающих потрудиться во славу Германии, но после провала этой затеи «вербовка» приобрела характер массового угона населения, прежде всего молодежи, на работу в рейх. Угнанные на работы назывались «остарбайтерами» (восточные рабочие), которые вместе с завербованными среди военнопленных, составили в рейхе примерно две трети иностранной рабочей силы. Остарбайтеры находились в ужасном положении. При малейшей провинности их отправляли в лагеря, в том числе в так называемые лагеря уничтожения, за работу платили гроши. Значительная часть иностранной рабочей силы направлялась на заводы ИГ Фарбен.

Рядом с известной «фабрикой смерти» Освенцимом, где в годы войны погибли миллионы людей, был построен ряд предприятий синтетического топлива, представлявший, по воспоминаниям заключенных, горы бетона, железа и грязи. Работа здесь была особенно тяжелой, а истощенные, не годные к работе, всякие не желательные для нацистов элементы следовали прямоком в душегубки и печи крематория.

Коренной перелом в войне и нефть

Пока шло ожесточенное сражение за Сталинград, руководство страны продолжало предпринимать мобилизационные усилия по переводу экономики на нужды войны и готовилось к проведению грандиозной наступательной операции. Неотъемлемой частью этих мероприятий было нефтяное хозяйство. В период войны объем капиталовложений в него превысил довоенные. Если в 1938–1940 гг. в нефть было вложено (в сопоставимых ценах) 3 млрд 487 млн руб., то за 1941–1945 гг. — 5 млрд 566 млн руб. В нефтедобычу было направлено 2 млрд 206 млн руб., в том числе на бурение — немногим больше 1 млрд руб.⁸ Если удельный вес капиталовложений в нефтедобычу Урало-Поволжья в 1938–1940 гг. составил 13 %, то в 1941–1945 гг. повысился до 20 %⁹.

22 сентября 1942 г. появилось постановление ГКО об увеличении добычи в Казнефтекомбинате, в поволжских и среднеазиатских трестах, развитии бурения в этих районах, известное в литературе как постановление о мобилизации волжской и уральской нефти, ставшее частью общего плана тотальной мобилизации экономики на нужды войны. К этому времени произошел скачок в оборонном производстве. За год СССР сумел произвести техники и вооружений, от которых в огромной степени зависел исход войны, больше, чем Германия. Созданные на востоке страны предприятия расширяли производство. Вступили в строй 1200 эвакуированных и 800 новых заводов оборонного значения. Орудий, минометов, танков и самоходной артиллерии было произведено больше в 5 раз, боевых самолетов — в 2,5 раза, боеприпасов — почти в два раза, чем в 1941 г. Во второй половине 1942 г. советские заводы произвели более 13 тыс. танков и столько же самолетов. Лучшим танком Второй мировой войны стал Т-34, обладавший высокой маневренностью, прочной броней, мощным дизельным

мотором. Увеличение производства самолетов и бронетехники позволило советскому командованию приступить к формированию в Красной армии воздушных и танковых армий, обладавших своим нефтехозяйством. Поток вооружений, горючего, боеприпасов резко возрос к концу 1942 г. и следовал прежде всего в район Сталинграда¹⁰.

Рост военного производства при сокращении числа рабочих и служащих достигался за счет большей интенсивности труда, удлинения рабочего дня, сверхурочных работ и ужесточения трудовой дисциплины, сокращения производства в гражданских отраслях, что снижало уровень жизни людей. В быту не хватало буквально всего: не только керосина, но и иголок, и ниток, и спичек, а также соли и прочих мелочей. Ценой гигантского напряжения всех сил СССР сумел добиться решающего перевеса над Германией, который в целом predetermined исход борьбы и на советско-германском фронте, и Второй мировой войны.

Все советские авторы писали о том, что в годы войны советское руководство взяло курс на сокращение добычи нефти при одновременной более глубокой ее переработке: при меньшем количестве нефти получать больше бензина. Но, кажется, что это было «хорошей миной при плохой игре». С какой стати было бы сокращать добычу, если в стране острая нехватка нефтепродуктов. Если и была такая политика, то вряд ли ее можно оправдывать задним числом. Официально на нужды армии шло в эти годы 20–22 % нефти, бензина — 51 %¹¹. Но эти цифры следует признать сильно преуменьшенными, ибо вся экономика СССР, в сущности, работала на оборону.

В связи с тяжелым положением в нефтяных районах на Кавказе объективно усиливалась роль восточных областей в добыче и переработке нефти. Здесь был образован ряд новых нефтекомбинатов: Куйбышевский, Пермский, Дальневосточный, трест Востокнефтемаш. Основной упор делался на Второе Баку, которое должно было давать больше авиабензина, автобензина, аммиачной селитры, азотной кислоты и толуола. Район становился главным центром мобилизационных мероприятий. На это была мобилизована деятельность Академии наук СССР в лице комиссии во главе с академиком А. А. Блохиным. В ее составе была создана нефтяная секция по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны страны во главе с академиком С. С. Наметкиным. За короткий период в районе было открыто больше месторожде-

ний, чем за весь предвоенный период (22 новых месторождения против 17 довоенных). За интенсивную работу по разведке группа геологов (А. А. Трофимук, А. Н. Мустафинов, М. В. Мальцев) была удостоена Сталинской премии.

Второе Баку становилось полигоном для испытания и внедрения новых способов нефтедобычи и нефтепереработки, причем изменения были обусловлены не столько «мудрой политикой партии и государства» (как говорилось в советской литературе), сколько давлением складывающихся обстоятельств. Ввиду острой необходимости в нефтепродуктах отличительной чертой мобилизационных мероприятий стало использование любых известных способов добычи и переработки нефти, лишь бы скорее выполнить производственные задания. Поэтому советское нефтехозяйство в годы войны было отмечено сочетанием новых технологий и отсталых, казалось бы, давно забытых способов. Так, на ряде промыслов возродилось тартание, сильно вырос удельный вес примитивной фонтанной добычи. Она поднялась в целом до 22 %, а по Башнефти — до 38 %¹².

Но как бы то ни было, в военные годы произошел качественный сдвиг в советской нефтепромышленности, обеспечивший ее прорыв в послевоенный период. Было ускорено внедрение новых способов бурения — наклонно-направленного турбинного для прохождения крепких пород, характерных для месторождений Второго Баку; в апреле 1942 г. здесь был испытан многоступенчатый турбобур. Его создатели позже тоже удостоились Сталинской премии.

Значительная масса добытого нефтяного сырья шла теперь на рекрирование. Нашли применение пирогазовая трубчатка, алкилирование бензола, коксовые кубы, методы комбинированной очистки и вторичной перегонки нефти. Удельный вес бензина в переработке нефти за годы войны поднялся с 20 до 30–35 %. В результате применения реформинга низкооктановых лигроинов увеличился выход компонентов авиабензина и танковых топлив. За освоение Второго Баку многие нефтяники получали премии, правительственные награды, удостоивались ученых степеней и званий.

Однако объемы нефтедобычи и нефтепереработки снижались, в том числе и в Урало-Поволжье. К 1943 г. добыча нефти в стране сократилась чуть ли не вдвое. Сказывались не только военные трудности, но и те недостатки отрасли, которые отмечались нака-

нуне войны. На высшем уровне специально рассматривался вопрос о работе Уфимского НПЗ, который выполнил план 1941 г. только на 57 %, а в феврале 1942 г. остановился вообще. Не был решен к началу войны вопрос об обессоливании ишимбаевской нефти, не было выполнено правительственное задание по производству авиатоплива из сернистых нефтей. Только в августе 1941 г. завод провел испытание изооктанового и водородного производства, которое позволяло получить высокооктановый бензин, ввести его в эксплуатацию. Его применение позволяло увеличивать мощность авиамоторов на 30 %. Трест Сызраньнефть испытывал огромные трудности из-за прекращения поставок труб, которые раньше изготовлялись Днепропетровским и Мариупольским заводами, оставшимися на оккупированной территории.

Эвакуационные мероприятия, конечно, задерживали ввод в действие мощностей по добыче и переработке нефти. В результате наплыва эвакуированных заводов, населения и беженцев в тыловых районах образовалось гигантское напряжение. Так, работники ленинградских заводов писали письмо на имя Жданова — ленинградского партийного секретаря, буквально моля спасти их от голода и безобразий, царящих в Уфе.

Переломным стало сентябрьское постановление ГКО 1942 г. С этого постановления, можно сказать, начался реальный нефтяной сдвиг на восток. Более того, производственная и кадровая база старых площадей, согласно постановлению, должна была стать основой для наращивания нефтяного производства в новых районах. Героическую картину о выдающейся роли Азербайджана в создании новой базы на Востоке, которую рисовали азербайджанские историки, несколько омрачают документы. Как показала проверка в конце 1942 г., решения этого постановления не были выполнены в части, касающейся Баку. Не были отправлены установленные контингенты рабочих, служащих и ИТР. К 15 ноября было отправлено только 3762 человек или 62 % от намеченного. Отправка эксплуатационного и бурового оборудования составила максимум 10–12 %. Большая часть его не только не была вывезена, но и не подготовлена к отправке. Возник извечный вопрос: кто виноват? Виноватыми были признаны руководители Азнефтекомбината и Каспфлота. Они, дескать, «пришли в благодушие и беспечность в вопросе об эвакуации. Они взяли вредную тенденцию на невозможность осуществить намеченные перевозки из-за пробок в Красноводском порту».

В связи с подготовкой Сталинградской операции непрерывно действовали комиссии и принимались решения по исправлению положения с нефтью. Было ускорено прохождение эвакогрузов. Работа, как вспоминал Н. К. Байбаков, уполномоченный ГКО, отвечающий за эвакуацию, предстояла титаническая:

«Люди, не привычные к суровому северному климату, снимались с родных мест, порою не имея нужной зимней одежды, и двигались навстречу жестоким испытаниям. На дорогах они мерзли, болели и случалось даже умирали. Но, и прибыв на новое место, жили в землянках, наскоро сколоченных бараках, часто кое-как отапливаемых. И все же сразу включались в работу женщины, старики, дети — гвардейцы тыла»¹³.

Есть, конечно, некоторая неувязка. Вряд ли «гвардейцы тыла» состояли из эвакуированных азербайджанских женщин, детей и стариков, скорее это были мобилизованные на трудовой фронт граждане. Как бы то ни было, размах проведенных работ впечатляет. Бурильные станки, вспоминал Байбаков, устанавливались прямо с колес для бурения на новых площадях. Рассказывал о строительстве бензопровода по дну Ладожского озера для снабжения осажденного Ленинграда, нефтепровода Астрахань — Саратов, для которого использовались трубы демонтированных на Кавказе нефтепроводов, и о других мобилизационных мероприятиях.

Эвакуированное оборудование использовалось для усиления заводов и промыслов в Красноводске, Ишимбае, Орске, Уфе, Сызрани. Мощность Уфимского НПЗ возросла, например, на 74 % за счет оборудования грозненских заводов. Во второй половине 1942 г. завод резко увеличил производство бензина Б-70 и Б-78, вступил в строй цех по производству толуола. Завод немедленно был переведен в список «передовиков». На Сызранском заводе срочно в связи с подготовкой Сталинградского наступления развертывалось строительство дополнительного крекинга. Введение каталитического крекинга Гудри позволяло получать из нефти до 60–65 % бензина с октановым числом 80 и выше. Дополнительные задания ГКО получил трест Бугурусланнефть. На Ухте был освоен шахтный способ добычи тяжелой нефти, создан цех по производству лаковых битумов, позволяющий обеспечивать лаками авиационную, танковую, электротехническую, лакокрасочную промышленность. Ижемский асфальтит давал возможность создавать изоляционный материал для покрытия наиболее ответственных частей боевых машин.

Все НПЗ страны в первую очередь переориентировались на выпуск авиационного бензина. В период Сталинграда интенсивно работал Саратовский НПЗ, перерабатывая 5 тыс. т нефти ежедневно. Отсюда бензин отправлялся прямо на фронт. Противник подвергал завод ожесточенным бомбардировкам, но остановить производство ему не удалось.

19 ноября 1942 г. в районе Сталинграда началось наступление советских войск. Большая группировка противника в Сталинграде была окружена. Попытки немцев помочь окруженным не удались. Лишенные снабжения, подвоза продовольствия, топлива и боеприпасов остатки разгромленных германских дивизий сдались 2 февраля 1943 г.

Поражение под Сталинградом поставило перед германским командованием вопрос о судьбе группы армий «А» на Северном Кавказе. Генералы вермахта предлагали отвод войск. Гитлер впал в истерику: «Если мы не получим бакинской нефти, война проиграна. Вы знаете важность нефти для войны, сколько горючего нужно самолету, сколько танку...» Тем временем советские танки прорывались к Ростову, грозя отсечь германские соединения на Северном Кавказе. Германское командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы отразить советское наступление. Для этого были сформированы ударные группировки генералов Холлидта и Фретер-Пико, создавшие оборонительный рубеж на р. Миус. В феврале 1943 г. Ростов был взят Красной армией, но до этого германским соединениям удалось все-таки уйти через Ростовскую горловину — «выскочить из мышеловки», как считали немцы. В дальнейшем командующему немецкой группой армий «Дон» генералу Манштейну удалось организовать «реванш за Сталинград». Группировки немцев с Миусского рубежа были переброшены в тыл наступающей в Донбассе Красной армии и нанесли удар. Немцы снова заняли Донбасс и Харьков. Для советской нефтяной промышленности это означало, что не были полностью восстановлены пути снабжения нефтью с Кавказа. Тем не менее восстановление Каспийско-Волжского пути позволило приступить к реэвакуации оборудования и восстановлению нефтепромыслов и НПЗ на Кавказе, сыгравшее свою роль к подготовке к последующим решающим сражениям, снабжению горячим танковых и воздушных армий.

Итак, мечта Гитлера о кавказской нефти рухнула. Теперь оставалось только рассчитывать на дезорганизацию советского нефтя-

ного снабжения. При подготовке летнего наступления 1943 г. — операции «Цитадель» — германское командование поставило задачу разрушить нефтепромышленность Поволжья, в частности заводы в Ярославле, Горьком и Саратове. Весь июнь на эти города велись авианалеты. Саратовскому заводу был нанесен огромный ущерб. Немецкие газеты торжественно сообщали о выдающемся успехе германской авиации, но к моменту решающих боев на Курской дуге в июле–августе 1943 г. все нефтезаводы снова работали. Победа советских войск в Курской битве, отмеченной грандиозными танковыми сражениями и воздушными боями, завершила коренной перелом в войне. После нее германские войска беспрепятственно катились на Запад под ударами Красной армии.

Нефтяное хозяйство на завершающих этапах войны

Ведение наступательных операций требовало непрерывного наращивания потребления ГСМ Красной армией. В 1943 г. оно составило 123 % к 1942 г., в 1944 г. — 145 %, 1945 г. — 172 %¹⁴. Но особенно впечатляющими были цифры производства военной техники. В 1943 г. было произведено 45 тыс. самолетов и 24 тыс. танков, с начала 1944 г. до мая 1945 г., т. е. до победы над Германией, — 61 тыс. самолетов и 44 тыс. танков и САУ. Даже принимая в расчет потери и ремонт, можно представить себе, как возросли потребности армии в горючем; если сравнить эти цифры с данными о производстве нефтепродуктов в стране, то, к сожалению, приходим к неутешительным выводам. В 1943 г. добыча нефти в стране составила, по официальным данным, 18 млн т, в 1944 г. — 18,3 млн т, в 1945 г. — 19 млн т. Источники свидетельствуют об обострении топливной проблемы на завершающих этапах войны. Уже в 1943 г. замнаркома нефти Н. К. Байбаков инициировал кампанию жесточайшей борьбы с потерями нефтепродуктов, которые, как выяснилось, были громадными.

В 1944 г. Байбаков, который к тому времени фактически руководил отраслью (Седин находился в опале), был назначен наркомом. После назначения у него состоялась длительная беседа со Сталиным, о которой Байбаков восторженно рассказывал в своих воспоминаниях. По некоторым деталям этой беседы видно, что Сталина не удовлетворяло положение с нефтью. Он неоднократно задавал вопрос Байбакову, что нужно для развития отрасли:

«Капиталовложения мне нужны, товарищ Сталин, оборудование. А еще нужны знающие строители». «Хорошо!.. Вы изложите все эти конкретные требования в письменной форме, я скажу Берии». Сталин тут же взял трубку телефона и позвонил Берии, который как заместитель Председателя Совнаркома курировал топливные отрасли. «Лаврентий, вот здесь товарищ Байбаков, все что он просит, ты ему дай». И вдруг Сталин задал вопрос, сильно озадачивший меня: «Товарищ Байбаков, вы думаете, союзники нас не раздавят, если увидят такую возможность — раздавить?» «Да как же они смогут?» — «Очень просто... Мы создали и танки, и самолеты, и машины — хорошие. Много у нас и трофейной техники. Но все это не придет в движение, если не будет бензина, дизельного топлива... Нефть это душа военной техники»».

В ходе беседы Сталин задал вопрос о том, какими качествами, по мнению Байбакова, должен был обладать советский нарком. Когда Байбаков перечислил набор советских штампов насчет знания, трудолюбия, добросовестности, честности, умения опираться на коллектив, Сталин сказал: «Все это верно, товарищ Байбаков, все это очень нужные качества. Но о важнейшем качестве вы не сказали... Советскому наркому нужны прежде всего “бычьи” нервы плюс оптимизм»¹⁵.

Относительно «бычьих нервов» Сталин, безусловно, был прав, правда, не пояснил, по какой причине. Оптимизм, стремление видеть лучшую сторону, видимо, был связан с верой сталинских наркомов в своего вождя. Слова эти, естественно, запали в душу Байбакова, но ответа на вопрос, почему руководить отраслью — сплошная нервотрепка, он не нашел. В воспоминаниях он рассказывал о том, как хорошо пошли дела под его руководством после встречи со Сталиным, как он получил все необходимое для развития отрасли. Дела шли, однако, не особенно гладко, если внимательно присмотреться к тому, что происходило. Первое, что заставляет задуматься, — причины отставания в производстве нефти, внимание сразу обращается на Баку — основной район производства нефти в стране.

Азербайджан

В 1941 г. в Азербайджане, по официальным данным, было добыто 23,5 млн т нефти. Все следующие военные годы происходило непрерывное сокращение добычи: в 1942 г. — 15,7 млн т, в 1943 г. — 12,7 млн т, в 1944 г. — 11,8 млн т, в 1945 г. — 11,5 млн т.

В литературе нет четкого объяснения столь резкого сокращения и неудовлетворительного хода восстановления по мере ослабления военной угрозы. Говорится о том, что бакинская промышленность в годы войны находилась в наиболее трудных условиях, но это вряд ли так: проблемы, которые существовали в других районах, были не менее сложными. Конечно, сказалась мобилизация на фронт, но она была везде. Помимо мобилизации, кадры и оборудование из Баку отбирались на восток и тем самым был нанесен ущерб производственной базе нефтепромыслов и нефтезаводов. Многие скважины были остановлены. Оборудование демонтировалось и вместе с рабочими передавалось на скважины, которые еще давали нефть. Новое бурение приостановилось. Ухудшилось материально-техническое снабжение, ослабло нефтяное машиностроение. Часто ссылаются на то, что при восстановлении собирать оборудование в районе приходилось вести по «кусочкам», по частям. Но вряд ли это было спецификой бакинской промышленности. Нефтепромыслы и заводы Северного Кавказа пострадали гораздо сильнее. В Грозном, например, были ликвидированы почти все скважины, а оборудование не только надо было возвращать, но и тратить силы на ремонт поврежденного. К тому же после ухода немцев здесь продолжалась вооруженная борьба. В Чечено-Ингушетии действовало до 35 вооруженных банд, которые создавали в Грозном напряженную обстановку. Положение в городе и на промыслах оставалось тяжелым. В августе 1943 г. нарком Седин вынужден был издать специальный приказ об оказании помощи рабочим и служащим Грозного, имевшим огороды, в снабжении их бочкотарой и строительстве примитивных овощехранилищ.

В феврале 1944 г. по приказу Сталина началась депортация чеченцев и ингушей. Операция проводилась специальными подразделениями НКВД. Коренных жителей республики, включая женщин, стариков и детей, с небольшим скарбом под конвоем гнали на станции, грузили в эшелоны и отправляли в Казахстан и Киргизию на специально выделенные для ссылки места. Вместо Чечено-Ингушской АССР была образована Грозненская область. Подобной акции в отношении целых народов, конечно, нет оправдания, но факт остается фактом: восстановление нефтепромыслов и нефтезаводов пошло быстрее. Грозный восстановил нефтяное хозяйство к концу войны практически полностью и давал стране свои 10 % нефти.

Предприятия Майнефти тоже сильно пострадали в период боевых действий. Майкоп в 1940 г. давал 352 тыс. т, в 1945 г. — 250 тыс. т. В сентябре 1944 г. был освобожден нефтяной район на Западной Украине, а в 1945 г. он тоже дал почти 250 тыс. т нефти.

Возвращаясь к Баку, видимо, следует признать более глубокую степень разложения экономики Азербайджана в годы войны, наметившегося уже в довоенные годы. Это наблюдение подтверждают проведенные проверки. В постановлении ГКО от 7 октября 1943 г. о мерах улучшения работы нефтедобывающей промышленности, отмечалось невыполнение плана по Азнефтекомбинату. Причинами назывались отсутствие достаточного количества действующих скважин, неудовлетворительная их эксплуатация, плохая работа ремонтно-механических баз по восстановлению оборудования и механизмов на промыслах и нефтезаводах. План буровых работ был выполнен только на 57 %. Местное руководство, отмечалось в проверках, не занимается вопросами нефтедобычи и нефтепереработки. Только один раз, в 1943 г., обсуждался вопрос о выпуске некондиционного бензина Б–78 на заводах имени Андреева и Стурюа. Но дело не в совещаниях, ибо заседания по поводу восстановления промышленности происходили непрерывно. Эвакуация оборудования из Баку, конечно, осложнила работу. Пришлось реставрировать сотни неисправных моторов, станков-качалок. Из заброшенных скважин со дна Каспийского моря были извлечены сотни тысяч метров старых обсадных труб, на действующие промыслы было собрано огромное количество старой арматуры, задвижек, насосов и т. п. Удалось ввести в строй многие заброшенные, обводненные скважины, кое-где применить метод их форсированной эксплуатации. В 1944 г. в Азербайджане был создан трест морского бурения. Но сделанного было мало для восстановления нефтехозяйства. По итогам 1943 г. работа Азнефтекомбината была признана неудовлетворительной. Особенно плохо работали тресты Кировнефть, Артемнефть, Сиазаньнефть, Нефтехала. В них почти не велось ни эксплуатационного, ни разведочного бурения. Неоднократно обсуждалась проблема приписок в комбинате.

На бюро ЦК КП Азербайджана 6 июля 1943 г. разбирался вопрос о положении в тресте Сиазаньнефть, о вводе его в строй после консервации. Но выяснилось, что буровое, эксплуатационное оборудование, инструменты и механизмы находятся в запущенном состоянии, разбросаны по всей территории, подвергаются порче и

расхищению, а «руководители треста фактически потворствовали этому своим преступным бездельем. Личный состав вооруженно-вахтерской охраны оказался засорен ворами и проходимцами, которые сами были уличены в воровстве нефти, леса и отдельных деталей».

Постоянно проходили заседания азербайджанских парткомов по поводу бесхозяйственности, неудовлетворительного состояния дисциплины: о расхищениях грузов на железных дорогах, перерасходах топлива, потерях на складах и законсервированных на период войны стройках, в том числе новых заводов с импортным оборудованием, например трубопрокатного в Сумгаите, оборудование которого было расхищено. То же самое творилось на других стройках, как показала проверка в декабре 1943 г. на территориях Сумгаитского, Кергезского, Шаумяновского районов. Вывод был однозначен: все они «находятся в безнадзорном состоянии, разрушаются и расхищаются».

Разложение в Азербайджане в новейшей литературе часто связывается с негативной ролью партийного секретаря М. Д. Багирова, но это скорее следствие его осуждения в более позднее время в связи с делом Берии. На самом деле ничем особенным от других партийных руководителей того времени Багиров не отличался: то же административное рвение, та же постоянная оглядка на Сталина, то же стремление при случае подставить соперника. Байбаков, например, вспоминал, что в бытность пребывания Седина в Баку, тот сильно «проштрафился»: напился в ресторане, и Багиров подал «сигнал» об этом в Москву, хотя, наверняка, был причастен к организации разгульного поведения наркома. Проверявшему служебные злоупотребления самого Багирова уполномоченному КПК Евдокимову была организована поездка в Махачкалу с одной азербайджанской красавицей (многие знали, что товарищ из центра питает слабость к прекрасному полу) и тут же об этом было доложено Сталину, а к письму приложены компрометирующие фотографии. В хитром и изворотливом Багирове видел соперника сам Лаврентий Берия¹⁶.

В рядах расхитителей оказался секретарь ЦК Союза работников нефтяной промышленности Азербайджана Курбанов Джавад Мамед-оглы, который вместе с сообщниками «разбазаривали и расхищали имущество, занимались самоснабжением». Помимо проблемы выпуска некондиционного бензина на заводе им. Стурра обсуждался вопрос об очковтирательстве на предприятии. На

заводе им. Андреева была выявлена шайка жуликов. Пользуясь фиктивными данными, директор завода Мехтиев сумел получить переходящее Красное знамя ГКО и 500 тыс. руб. премии. Отмечалось, что все шесть бакинских заводов нефтяного машиностроения работали крайне неудовлетворительно.

Продолжали идти сообщения о полной бесхозяйственности с перевалкой грузов в Бакинском порту. В 1944 г. факт очковительства был установлен в пароходстве Рейдтанкер. Получив план перевозок на апрель в 765 тыс. т нефтепродуктов, начальник пароходства Логинов сообщил, что перевезено 765 679 т, за что пароходство получило переходящее Красное знамя и первую премию. На самом деле, как показала проверка, было перевезено только 94 % плана. Не лучше обстояло дело на железных дорогах, в автотранспорте. Из 11 437 автомобилей в Азербайджане в исправном состоянии находились только 5786, т. е. половина.

Но особенно «заботливо» в Азербайджане относились к людям. Проверка в Нефтечалинском районе показала, что «...в бригаде Бабкиной из стройконторы № 5, выполнявшей план на 150–170 %, в результате отравления недоброкачественной пищей и не оказанной вовремя медицинской помощи пять женщин попали в больницу». Говорилось о том, что столовые в антисанитарном состоянии, кухни грязные, закопченные, в посудомойке вонь, продукты приготавливаются на грязной плите и переворачиваются обуглившейся палкой. Пища готовится невкусно, официантки грубят. Не хватает ложек, тарелок, вилок, ножей. Из-за несоблюдения графиков посещения создаются огромные очереди.

Выявлялись многочисленные растраты. В магазинах не было соли, папирос, табаку. В ларьках тоже царили антисанитария и обман покупателей. Хлебопекарни поставляли некачественный хлеб. Выпускники ФЗО, подростки, работавшие на промыслах, занимались преимущественно игрой в карты. Молодой рабочий с промысла им. 26 бакинских комиссаров Дмитриев, окончивший ремесленное училище, проиграл 180 руб. и форменную шинель — свое, можно сказать, последнее достояние. В общежитии для молодых рабочих массовыми были хищения и воровство. Неоднократно отмечался обман при отоваривании хлебных карточек в ОРСах.

Положение с продовольствием в Азербайджане, как и по всей стране, находилось в критическом состоянии. Из-за трудного продовольственного положения в феврале 1945 г. ЦК и СНК приня-

ли постановление по дальнейшему развитию индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих. Основной контингент огородников в Баку составили нефтяники. На 1 января 1945 г. в нефтяной отрасли Азербайджана было 5282 индивидуальных и 4551 коллективных огородника, причем 3308 — из семей фронтовиков и инвалиды войны. Машиностроительные заводы в Баку занялись производством инвентаря, качалок для воды, насосов, электромоторов для колодцев и трубопроводов к посевам.

Все эти факты, разумеется, сказывались на снабжении страны и фронта нефтепродуктами. Но насколько лучше было положение на Востоке?

Второе Баку

О размерах добычи нефти во Втором Баку в годы войны бесстрастно свидетельствуют статистические данные о добыче нефти (табл. 1, в тыс. т)¹⁷:

Таблица 1

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Башкирская АССР	1452	1316	1023	779	835	1333
Куйбышевская область	220	382	511	725	885	1033
Пермская область	147	173	148	211	188	185
Чкаловская область	29	81	111	231	253	275
Татарская АССР	—	—	—	—	4,2	7
Всего	1 848	1 952	1 793	1 946	2 165	2 833

Как видим, по всем комбинатам и трестам Второго Баку добыча нефти за годы войны выросла в 1,5 раза и удельный вес района к 1945 г. повысился до 14,6 %. Однако в деталях картина выглядит неоднозначной. Виден заметный рост Куйбышевского нефтекомбината. Куйбышев в годы войны был экономической столицей страны. Сюда в период сражения под Москвой было эвакуировано правительство. В области разместилось более 70 эвакуированных предприятий, главным образом военных заводов, а также четыре нефтеперерабатывающих завода, из них три в Сызрани

(из Херсона, Одессы и частично Осипенко). Благодаря оборудованию этих трех крекинг-заводов был оснащен и запущен на полную мощность Сызранский НПЗ, который сыграл большую роль в снабжении армии нефтью в период Сталинградской битвы. Можно было бы повторить слова советских историков о беззаветном труде трудящихся во имя победы, но есть одно омрачающее этот вывод обстоятельство: на предприятиях области, в том числе на устройстве НПЗ, широко применялся принудительный труд, в частности рабочие колонны, аналог трудовых армий периода военного коммунизма. Проверка их положения показала, что оно было исключительно тяжелым. Трудармейцы жили в землянках, где не было ни коек, ни нар, спали на грязном полу, ходили в обмотках и лаптях, питались из ведер, откуда пища разливалась в кружки и консервные банки. Отмечалось, что бойцы завшивели, что привело к массовым заболеваниям и росту смертности.

По данным табл. 1 видна плохая работа в годы войны Башнефтекомбината. В декабре 1942 г. проводилась проверка, как выполняется решение ГКО от 22 сентября 1942 г. о форсировании добычи нефти в восточных районах, в частности в трестах Ишимбайнефть и Туймазанефть. Был сделан вывод, что положение — крайне неудовлетворительное, а причиной называлось то, что «партийные организации Башкирии самоустраились от выполнения этого важнейшего решения». На самом деле секретарь Башкирского обкома слал настойчивые телеграммы в Наркомнефть о том, что на промыслы не поступает необходимое оборудование и что наркомат на них не отвечает. Вместо 1900 т обсадных труб в адрес комбината поступило только 217 т, а насосно-компрессорные, нефтепроводные и газопроводные трубы не поступали вообще.

Как уже говорилось, в конце 1942 г. Уфимский НПЗ значительно улучшил свою работу и вышел в «передовики». Но после проверки его работы говорилось, что это было достигнуто за счет штурмовщины. Как следствие, вдвое-втрое возросли аварии и потери на нефтепромыслах и нефтезаводах. В свете кампании борьбы с потерями нефтепродуктов выяснилось, что потери на Уфимском НПЗ из-за участвовавших аварий огромные. Наибольшими они были на установках Луммус, крекинга и реформинга из-за чрезмерной нагрузки на оборудование. «Развязывать узел» был послан специальный уполномоченный Наркомнефти.

В июне 1943 г. ГКО принял решение премировать те заводы и снабженческие организации, которые обеспечивают своевремен-

ные поставки нефтепродуктов. Это немедленно приобрело форму легального взяточничества в борьбе за приоритет в поставках. Так, руководители Башнефтеснаба были лично премированы Управлением танковых заводов за выполнение поставок нефтепродуктов полуторамесячным окладом плюс 5 тыс. руб. премиального фонда на их усмотрение. То же самое имело место со стороны Наркомата авиационной промышленности, Наркомата боеприпасов, Наркомчермета. В то время как башкирские снабженцы получали по несколько премий, общий план поставок в адрес НКО и других организаций оказался расстроеным.

В данных о Втором Баку нельзя не обратить внимание на Татарию. В июне 1941 г. здесь было открыто Шугурское месторождение, а в августе 1943 г. получена первая промышленная нефть. Тогда же был образован трест Татнефть. В 1944 г. в Татарии бурились 150 скважин. И хотя в те годы удельный вес треста был еще ничтожным, зарождался новый нефтяной район, которому после войны предстояло занять ведущее место в союзной нефтедобыче.

Среди мероприятий по Второму Баку в годы войны было отмечено и другое событие, которое Н. К. Байбаков назвал началом новой нефтяной эры. В 1943 г. на скважине № 41 в Яблоновом овраге Куйбышевской области, бурившейся под известный эксплуатационный горизонт 1050 м, когда проходка почти достигла намеченного уровня, был сделан вывод, что скважина как эксплуатационная не представляет особой ценности. По настоянию геологов (учеников Губкина) и под ответственность Байбакова было продолжено бурение скважины как разведочной. 9 июня 1944 г. вступила в строй первая в СССР девонская скважина с дебитом чистой нефти 212 т в сутки. Следом заработали подобные скважины на других нефтепромыслах¹⁸. И хотя они еще не могли дать большого количества промышленной нефти, появилась еще одна предпосылка для ускоренного развития Второго Баку в послевоенное время.

Казахстан и Средняя Азия

В Казахстане некоторые тресты увеличили добычу нефти в годы войны, в частности Эмбенский Молотовнефть в 1,5 раза. О работе Казнефтекомбината в годы войны рассказывает справка, составленная в начале 1945 г. уполномоченным КПК Канарейкиным. В ней говорится, что в годы войны комбинат работал

неравномерно, часто не справляясь с поставленными задачами. В 1943 г. было добыто 984 тыс. т нефти, в 1944 г. — 801 тыс. т, т. е. наблюдалось сокращение добычи, тогда как ГКО постановлением от 18 июня 1943 г. намечал существенное ее наращивание (довести среднесуточную добычу на конец 1944 г. до 3150 т). Виновной называлась Наркомнефть, которая, мол, систематически по непонятным причинам снижала планы. Особенно плохо работали промыслы Искине, Жолдыбай, Косчагыл, Кульсары, Кошкар и трест Актюбнефть. Были выявлены значительные приписки. Вместо большевистского подхода, говорилось в справке, руководители комбината изыскивали разного рода причины, оправдывающие распущенность и нетерпимую работу. Из 1592 скважин на конец 1944 г. в комбинате действовало 1166, в ремонте находились 15, простаивали по разным причинам 65, а 346 вообще бездействовали. Руководство ссылалось на отсутствие насосных труб и штанг, но, указывалось в справке, можно было привести в действие скважины тартанием желонками. Говорилось о том, что оправдавшие себя мероприятия (вторичный метод эксплуатации заводненных скважин, депарафинизация забоев, применение глубинного штуцера, обращения водяного конуса, усиленного отбора жидкости, удлинения хода станка-качалки, установки воронки на башмаке фонтанно-компрессорных труб и др.) не получили распространения в комбинате. В его работе преобладала, по мнению автора, штурмовщина и бесплановость, которые приводили к неоднократным ремонтам. На повторные ремонты приходилось 40 % работ. Буровое оборудование находилось в запущенном состоянии. Разведка была организована плохо: глубокое разведочное бурение закладывалось на недостаточных геолого-изученных площадях, поэтому в процессе бурения на разведку оказывалось мало продуктивных скважино-точек.

По распоряжению ГКО должно было вестись освоение перспективного промысла Кошкар, но к строительству намеченных объектов (3 групповых привода, нефтепровод, водопровод, резервуар для воды, контора, гараж, механическая мастерская, баня, пекарня, столовая, амбулатория, 10 жилых домов) приступили с большим опозданием. Рабочие жили в землянках, были лишены снабжения и коммунально-бытовых услуг. Отмечалось, что в процессе строительства руководители хватались за наиболее выгодные в денежном отношении объекты, а трудоемкие и менее оплачиваемые работы откладывали на потом. Под нажимом сверху

их приходилось возобновлять, но через некоторое время стройки снова консервировались. На этой почве, отмечал автор, возникло перспективное поле для очковтирательства: объект вроде бы сдан, а на самом деле не завершен. Бывало и так, что в процессе строительства, надобность в объектах отпадала, образовывались бросовые стройки, в частности дизельная и водонасосная станции на Байчунасе, ТЭЦ в Доссоре, ДЭС в Кульсарах и т. п. Строительных материалов катастрофически не хватало, а взять было негде. Из-за срыва программы строительства и оборудования скважин отбиралось только то, что они способны дать естественным переливом. Отмечались неоднократные аварии и простои по халатности. Совершенно запущенным называлось глинистое хозяйство. Из двух глинозаводов работал один, а на нем из 10 глиномешалок — только две.

Отмечалось также, что работники комбината, встречаясь с трудностями, посылали массу толкачей в Москву выбивать средства и ресурсы. Одну из делегаций для улучшения снабжения нефтепромыслов возглавил зам. секретаря Гурьевского обкома по нефти Федоров. На самом деле командировки, сообщалось в справке, превратились в увеселительные поездки с женами и детьми и продолжались по 30–35 дней.

Жестокие меры по наведению порядка и дисциплины на промыслах, предусмотренные законодательством, не давали особенного эффекта. За 10 месяцев 1944 г., говорилось в справке, в комбинате было 968 прогулов и 661 случай трудового дезертирства. «Почти все работники охвачены социалистическим соревнованием, но 32 % рабочих не выполняют норм выработки». Не удивительно, что в 1945 г. комбинат снова снизил добычу до 785 тыс. т.

В других районах прирост добычи нефти в годы войны тоже оказался незначительным. В Туркменнефти добыча составила 587 тыс. т в 1940 г. и 629 тыс. т в 1945 г. Более успешно работали тресты Узбекистана. Здесь добыча увеличилась с 143 до 493 тыс. т. Но везде в 1942 г. отмечалось снижение вместо роста. Отовсюду следовали жалобы на низкую дисциплину, на бегство из школ трудовых резервов рабочих-подростков, которые из-за лишений на производстве разбежались и составили основную массу «трудовых дезертиров». Их «заочно» приговаривали к длительным срокам заключения. В 1944 г. сталинское руководство объявило об амнистии трудовых дезертиров «в случае, если они добровольно вернутся на место работы».

В советской литературе указывалось, что ударно в годы войны трудился Ухтинский нефтекомбинат, отмечались успехи в нефтехозяйстве Дальнего Востока. Как уже было сказано, здесь было характерно широкое использование труда заключенных. Новейшие исследования историков Коми и труды, посвященные ГУЛАГу, говорят о том, что военные годы были отмечены резким ухудшением условий труда и быта узников, приведших к почти трехкратному росту смертности.

Некоторые особенности советского нефтехозяйства в годы войны

Существенный сдвиг на восток, повышение удельного веса новых районов произошли, как видим, за счет сокращения добычи на старых площадях и незначительного роста добычи в новых районах. Учитывая перспективность этих районов, их освоение могло бы принести более весомые плоды. В книге С. М. Лисичкина есть таблица распределения капиталовложений в добычу нефти в советский период. Если проанализировать ее данные в части, относящейся к военным годам, то нельзя не увидеть любопытные особенности.

Таблица 2

Структура капиталовложений в нефтедобывающую промышленность (в %)¹⁹

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Бурение эксплуатационное	25	21	16	19	17	10
разведочное	15	18	16	16	16	14
Оборудование для бурения	7	9	3	5	8	8
Промысловое строительство	35	36	33	38	39	45
Геологические партии	8	1	6	5	6	3
Жилищное строительство	2	4	3	4	2	3
Прочие работы	8	11	23	13	12	17

Разумеется, никаких выводов из приведенных данных автор не делал, так как они касались основополагающих принципов функционирования советской системы, которые не могла переломить война. В цифровых показателях видны особенности развития нефтедобычи и ее тенденции: сокращение расходов на

эксплуатационное бурение при некотором росте нефтеразведочного в начале войны; явное отставание производства современного бурильного оборудования; постоянное увеличение расходов на устройство нефтепромыслов, связанное с долгостроями, омертвлением капиталовложений, ростом непроизводительных расходов; явный недостаток вложений в жилищное строительство и рост прочих расходов, в числе которых все большую долю составляли управленческие.

Еще одной загадкой военных лет стало очень существенное уменьшение производительности труда на нефтепромыслах. По официальным данным, производительность труда в эти годы упала до 63,6 % довоенной²⁰. Падение объяснялось широким применением женского и подросткового труда, увеличением числа неквалифицированных рабочих. Это, конечно, имело место, но если взять данные о непроизводительном времени, то нельзя не заметить его заметный рост, достигший пика в 1942 г., но в дальнейшем заметного улучшения не наблюдалось²¹.

Таблица 3

**Непроизводительное время в нефтедобывающей промышленности
(в % от общего рабочего времени)**

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Все непроизводительное время	28	30	52	47,5	43,5	40
в том числе аварии	5,9	6,1	6,4	9,8	8,3	8,5
осложнения	5,9	6,1	6,4	9,8	8,3	8,5
оргпростой	6	7,9	9,2	6,2	7,2	8,1
прочее	11,9	8,9	22,9	16,5	16,5	19,0

В советской литературе говорилось, что проблемы возникли из-за перебоев в материально-техническом снабжении, недостаточного обустройства скважин, недобросовестного монтажа, неравномерности доставки оборудования. В результате на ряде промыслов «ожидание» доходило до 60 % рабочего времени. И даже в советской литературе симптомы назывались тревожными. Особенно плохо обстояло дело на подготовительных работах, где была недостаточная механизация и преобладал ручной труд. Подобные наблюдения уже нельзя отнести к отдельным недостаткам, скорее к общей характеристике военно-штурмовой системы хозяйствования.

В постановлении СНК от 26 июня 1945 г. о работе Наркомнефти²² отмечались невыполнение плана добычи нефти, буровых работ, простой бурового оборудования, недостаточное использование эксплуатационных скважин, перерасход фонда заработной платы, топлива, электроэнергии, потери нефти и нефтепродуктов, сверхплановые убытки на сумму 124 млн руб. Из резервного фонда СНК на развитие отрасли выделялось 76 млн руб., в том числе на компенсацию недостатка оборотных средств — 55 млн руб., компенсацию потерь в емкостях — 21 млн руб.

Узким местом оставалась доставка нефтегрузов. Нарушение в ходе войны сложившихся транспортных потоков привело к большей нагрузке на железнодорожный транспорт, 40 % ж/д перевозок в годы войны приходилось на топливо. В период эвакуации, например, было задействовано 1 млн 200 тыс. вагонов и цистерн. Да и сами цистерны порою приходилось перебрасывать на восток водным путем через Каспий. Не меньший грузооборот пришелся на завершающие этапы войны. Разрушенные нефтепроводы нужно было вводить в строй, привести в порядок плавсредства, сильно пострадавшие от вражеских бомбардировок. В сообщениях в центр неоднократно отмечалась перегрузка железнодорожных путей, особенно в перевалочных пунктах. Специальное решение ГКО было принято по развязке Сызранского железнодорожного узла, где отмечалось, что на станции Сызрань, игравшей важную роль в транспортировке нефтепродуктов, в один из месяцев 1943 г. скопилось более 2 тыс. вагонов и цистерн. Задержки грузов и потери нефтепродуктов при перевозках затрудняли снабжение фронта и тыла. В том же году было введено военное положение на транспорте: на железнодорожных, водных и морских путях. Жесткими мерами удалось улучшить снабжение. В августе 1944 г. во всех газетах сообщалось о выдающемся успехе транспортников: речной нефтевоз «Академик Губкин» впервые за историю волжского судоходства совершил рейс из Астрахани в Москву с тремя нефтебаржами, доставив 25 тыс. т нефти, что равнялось примерно 10 железнодорожным составам. Но вряд ли этого количества было достаточно для успешной работы НПЗ около Москвы.

Острая нехватка нефтепродуктов объясняет развернутую кампанию борьбы за экономию жидкого горючего. Она включала в себя переход на газовое и твердое топливо, ускорение производства искусственного жидкого топлива, максимальное использование добавок: бензола, синола и других жидких продуктов тер-

мической обработки. Раньше газовое топливо получали только попутно с нефтью из отходов нефтяного производства. В годы войны приступили к эксплуатации чисто газовых месторождений в районе Бугуруслана и Саратова. Газ прежде всего использовался как топливо для промышленных предприятий и электростанций. Были построены местные газопроводы (Елжанка — Саратов, Войвот — Ухта и др.) для обеспечения НПЗ газовым топливом. Накануне войны много говорилось об электрификации и газификации домашнего потребления, но сделано было мало, а война вообще расстроила эти планы. Лишь в сентябре 1944 г. было принято решение о строительстве газопровода Саратов — Москва.

Проблема заменителей моторного топлива приобрела в годы войны необычайную остроту. Еще до войны начали разрабатываться газогенераторные установки, работавшие на твердом топливе и приспособленные к автомашинам. Они были рассчитаны на использование в районах, отдаленных от нефтебаз. Но нехватка нефтепродуктов в годы войны потребовала переоборудования многих тысяч машин. Однако газогенераторы производились на специальных заводах, в годы войны их производство было прекращено в связи с их переходом на производство вооружения. Пришлось делать газогенераторы на базе местных ремонтных мастерских и из подсобных материалов. Наибольшие трудности представляло изготовление топливников, литых из жаропрочной стали. Они заменялись чугуном, обычной сталью, железом и керамикой. Совхоз имени НКВД в Карагандинской области прославился тем, что для очистки газа вместо сложных колец системы Рашига с огромным успехом применял подсолнечную лузгу или солому, а в качестве топлива — бурый уголь. По всей стране кто-то использовал древесные чурки, кто-то — уголь или солому и т. д. В советской литературе эта кампания рассматривалась как выдающийся успех топливной промышленности в годы войны²³. Хвастаться, однако, было нечем. Дымящие газогенераторные грузовики, которые еле ползали и постоянно останавливались, требуя новой «пищи» и ремонта, трудно отнести к большим достижениям. Армия их не использовала. Там прежде всего был нужен бензин, а керосиновые двигатели заменить было невозможно. Строительство заводов по производству жидкого синтетического топлива из-за нехватки средств вообще остановилось. Продолжалось изготовление смазочных масел из заменителей нефтяного сырья.

Поставки нефтепродуктов по ленд-лизу

В борьбе против Гитлера помощь СССР оказывали союзники: Англия и США. Еще осенью 1941 г. на Московской конференции было достигнуто соглашение о практическом сотрудничестве трех стран и подписан протокол о поставках в СССР вооружений и военных материалов в обмен на советское сырье. Поставки должны были осуществляться под «зонтиком ленд-лиза» или «программы американской помощи странам, борющимся против нацистской тирании». Намечались маршруты поставок в СССР: через Аляску, Дальний Восток и Сибирь, через Иран, в котором союзниками был свергнут прогерманский режим, и через северные порты, прежде всего Архангельск и Мурманск.

В декабре 1941 г. после нападения японцев на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах США стали прямым участником вооруженной борьбы, объявив войну Японии, Германии и Италии. Военные стратеги пишут, что при нападении на Перл-Харбор японцы допустили ошибку, не уничтожив нефтяные базы, что, дескать, позволило США быстро восстановить Тихоокеанский флот. Доля правды в этом есть. Главное, однако, состоит в экономической мощи США. В годы войны они стали главным международным поставщиком вооружений, оборудования, сырья, продовольствия и нефтепродуктов; США значительно увеличили добычу нефти, примерно на 50 млн тонн, сделали значительные успехи в ее переработке, в производстве дизельных двигателей и моторов.

В советской литературе много говорилось о том, что помощь, оказанная СССР союзниками в годы войны, была незначительной. Действительно, главную роль в победе сыграли внутренние ресурсы страны, но незначительной эту помощь считать нельзя. Что касается нефтяных поставок, то советские авторы писали, что за годы войны они составили не более 4 % нефтепродуктов, что в момент решающих сражений Красная армия обходилась собственным горючим. Дело, однако, не столько в количестве, учитывая слабости советской нефтепромышленности, а в качестве поставленных нефтепродуктов, а также оборудования и компонентов.

По американским источникам картина поставок нефти в СССР выглядит следующим образом (табл. 4, в тоннах):

Таблица 4

Виды нефтепродуктов	По ленд-лизу из США	Из Великобритании (в счет американских поставок по ленд-лизу)	Из Абадана, Иран (в счет американских поставок по ленд-лизу)	Прочий импорт нефтепродуктов	Всего
Авиабензин с октановым числом свыше 99	602 949	53 285	519 694	25 185	
Авиабензин с октановым числом от 87 до 99	18 220	14 719	102 132	130 729	
Авиабензин с октановым числом 87 и ниже	19 269			421	
Автомобильный бензин	207 222			71 548	
Газовые компоненты	729 225			33 353	
Керосин	16 864			6	
Нефтяное топливо	269 639			19 022	
Смазочные материалы и жиры	104 841			10 078	
Нефтяные воски	6 301			121	
Химические добавки	5 453			–	
Прочие нефтепродукты	558			441	
Итого	1 980 541	68 004	621 826	290 904	2 961 275

Из 2 961 275 т, по американским данным, было доставлено в Советский Союз 2 849 166 т, потеряно при доставке 21 187 т, вернулись из-за невозможности доставки — 86 450 т. Кроме того, было поставлено много химических веществ, связанных с нефтью. Например, толуола — 116 619 т, фенола — более 40 тыс. т, а также большое количество кислот, щелочей и т. д. Американцы поставили оборудование для нефтеперерабатывающих заводов на сумму примерно 43 млн долларов. В 1943 г. по ленд-лизу были смонтированы 4 установки для Сызранского НПЗ. Значительными были поставки моторной военной техники: около 14 тыс. различных типов самолетов, 14 тыс. танков, 8 тыс. тракторов, 35 тыс. мотоциклов и 427 тыс. автомобилей. Большими были поставки средств связи, продовольствия и других товаров.

Советские источники дают меньшие цифры поставок. Так, нефтепродуктов, по советским данным, было поставлено 2,6 млн т. Отчасти расхождения могут быть объяснены потерями и расхищением грузов. В этом смысле опять же отличился Азербайджан, по территории которого проходил «персидский коридор». Импортные грузы следовали из Ирана через Джульфу (Нахичеванская АССР) для снабжения фронта. Проверка, проведенная летом 1943 г., показала, что грузы шли в обезличенном виде, никем не сопровождалась. В результате этого по пути следования часть продовольственных товаров и материалов расхищалась путем продажи или обмена на спиртные напитки. Места скопления грузов как продовольственных, так и боеприпасов и вооружения на складах и Ирансовтранса и НКО не были огорожены и не обеспечены охраной и противопожарными мероприятиями. В Джульфе, как говорилось, орудовали расхитители и всякие подозрительные элементы. Свыше 800 машин, стоявших на складе № 403 НКО, оказались с расхищенными дефицитными частями и поломанном состоянии. Водители и военнослужащие по пути следования общались с населением и занимались продажей продовольствия, автозапчастей, бензина, олова, консервов, сахара, муки, обуви, мыла и т. д.

Но в целом поставки по ленд-лизу способствовали улучшению снабжения Красной Армии, значительно увеличили ее подвижность, укрепили связь между соединениями и сыграли свою роль в их быстром продвижении на Запад в 1943–1945 гг.

Победа

Советские войска одерживали победу за победой: на Украине, в Белоруссии, под Ленинградом. Летом 1944 г. они вышли на западную границу СССР и начали победное шествие по странам Восточной Европы. Одна за другой из гитлеровской коалиции выпадали Румыния, Болгария, Венгрия, Италия, Словакия, Финляндия. В июне 1944 г. на территории Франции в Нормандии высадились англо-американские войска. Был открыт Второй фронт. Германия терпела поражение за поражением, слабела ее экономическая мощь. В результате массированных бомбардировок союзнической авиации первым был выведен из строя нефтяной район в Плоешти. Германия теряла источники топлива. Производство синтетического горючего не могло возместить по-

тери. В 1940 г. Германия производила его 6,4 млн т, в 1941 г. — 8,1 млн т, в 1942 г. — 7,6 млн т, из них 4,7 млн т — на нужды вермахта, 1,7 млн т — на нужды Люфтваффе. Кроме того, 60 % нефти германских союзников шло на нужды вооруженных сил. В 1943 г. производство синтетического топлива увеличилось до 9 млн т, затем началось его сокращение. К тому времени союзническая авиация добилась абсолютного господства в воздухе. В результате бомбардировок взлетали на воздух знаменитые заводы ИГ Фарбен. Авиация развернула настоящую охоту за танкерами и нефтяными грузами. Последние дни рейха памятли тем, что из-за отсутствия горючего танки закапывали в землю, четверки волов и лошадей тянули грузовики и военную технику.

8 мая 1945 г. Германия капитулировала. Оставался еще один противник на Дальнем Востоке — Япония, отношения с которой у СССР длительное время складывались непросто и тесно были связаны с нефтью, а именно с историей японской нефтяной концессии на Сахалине, которая, видимо, заслуживает отдельного разговора. Между тем Вторая мировая война продолжалась. Американцы и англичане наступали на Японию. В апреле 1945 г. японское правительство, еще не ведая, что вскоре ожидает страну, решило обратиться к СССР с просьбой о посредничестве в переговорах с США, советской стороне были обещаны большие уступки, а взамен японцы просили продавать им сахалинскую нефть. Полученный отказ гласил, что покупка нефти совершенно невозможна, так как Советский Союз сам испытывает серьезную нехватку нефти. 14 августа 1945 г., уже после того как Япония содрогнулась от атомных ударов в Хиросиме и Нагасаки, на огромном пространстве развернулось наступление советских войск. Японская Квантунская армия была разгромлена в считанные дни. В слабом сопротивлении японских войск сделали свое дело не только всеобщая деморализация от обрушившихся на Японию бед, но и острая нехватка горючего. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась.

Послесловие

Подводя итог развитию советского нефтехозяйства в 1921–1945 гг., следует сказать, что, несмотря на многочисленные трудности, издержки не очень рациональной и эффективной системы хозяйствования, неимоверно тяжелые условия труда и быта нефтя-

ников, был достигнут значительный сдвиг в производстве нефти и нефтепродуктов в СССР. Главный его результат — создание промышленной базы, которая обеспечила прорыв советской нефтяной отрасли в послевоенный период. Достаточно вспомнить, что к концу советской эпохи СССР производил 626 млн т нефти. Это огромное достижение, если сравнивать с тем уровнем, который был достигнут в довоенный и военный период. Но именно тогда были созданы предпосылки для такого прорыва — осваивались новые нефтяные месторождения на востоке страны, постоянно совершенствовались способы нефтедобычи и нефтепереработки.

Несмотря на все трудности, нефтехозяйство СССР в годы войны с помощью союзников выдержало испытания и внесло огромный вклад в победу над врагом. В военные годы произошли и качественные изменения в советской нефтепромышленности, испытательным полигоном для новаций стало Второе Баку. Зародился новый нефтяной район, которому после войны предстояло занять ведущее место в союзной нефтедобыче, затем началось освоение Западной Сибири, о котором мечтали советские нефтяники в 1930-е гг.

Встает вопрос можно ли было в тот период достичь большего, не слишком ли мрачной выглядит картина развития нефтехозяйства? Возможно, да. Но история так вопрос не ставит. Она вовсе не прямой проспект, не гладкая дорога, а извилистый и тернистый путь, где все непросто, где существует множество противоречий, и важен в конечном счете результат, который очевиден. Вероятно, и в других странах, которые в те годы наращивали производство нефти, проблем было не меньше. Наверное, теперь можно говорить, что при более рациональном управлении можно было обойтись и без такого напряжения сил, без таких затрат людских и материальных ресурсов. В иных условиях такое было бы возможно, но речь идет о конкретных обстоятельствах. В нашей стране было именно так. Используя не только советскую литературу, где описывались в основном достижения советской нефтяного хозяйства, но и другие источники, которые, видимо, не случайно были скрыты от общественности, мы попытались создать реальную картину происходившего. Можем ли мы сегодня игнорировать, скрывать правду, отмечать негативные факты, как несущественные и малозначимые. Историю нельзя упрощать и препарировать в угоду тем или иным взглядам. Чем сложнее история, тем ценнее опыт, извлекаемый из нее, который заставляет задумываться, ка-

ким должен быть путь к достойному, процветающему и мирному обществу, где на обозримую перспективу производству нефти и нефтепродуктов для удовлетворения нужд экономики и потребления населения будет уделяться большое внимание.

Примечания

¹ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2001. С. 338.

² Там же.

³ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М., 1993. С. 463–464.

⁴ XV съезд ВКП(б). М., 1928. С. 41.

⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 78. Л. 223–235. Здесь и далее часто используются обширные материалы проверок нефтяной отрасли, проводимые уполномоченными КПК.

⁶ Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 64.

⁷ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 15. Д. 24. Л. 139.

⁸ Лисичкин С. М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М., 1958. С. 41, 117.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ О том, какую роль играла поставка нефтепродуктов для обеспечения операций Красной Армии, в основном наступательных, см.: Никитин В. В. Горючее — фронту. М., 1984.

¹¹ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1970. С. 353.

¹² Лисичкин С. М. Указ. соч. С. 181.

¹³ Байбаков Н. К. Указ. соч. С. 75–76.

¹⁴ Кравченко Г. С. Указ. соч. С. 354.

¹⁵ О беседе Байбакова со Сталиным см.: Байбаков Н. К. Указ. соч. С. 79–82.

¹⁶ Байбаков Н. К. Указ. соч. С. 122–123.

¹⁷ Будков А. Д., Будков Л. А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 223.

¹⁸ Байбаков Н. К. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁹ Лисичкин С. М. Указ. соч. С. 46.

²⁰ Там же. С. 286.

²¹ Там же. С. 117.

²² РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 15. Д. 31. Л. 1.

²³ Пробст А. Е. Топливо и Отечественная война. М., 1945.

А. А. Цепкалова*

**В борьбе «за сталинский металл»:
трудовой фонд Челябинсталлургустроя НКВД
в 1940-е гг. ****

Термин «спецконтингент», заимствованный из делопроизводительной документации НКВД/МВД СССР, сегодня активно применяется в работах, посвященных сталинской репрессивной политике. Спецконтингент определяют как социальную группу несвободного населения в советском обществе, подконтрольную НКВД/МВД и, как правило, принуждаемую к труду¹. К спецконтингенту следует относить заключенных, спецпоселенцев, трудмобилизованных, военнопленных, интернированных, узников проверочно-фильтрационных лагерей.

Трудовое использование перечисленных выше групп стало одним из направлений экономической политики Советского Союза в тяжелых условиях форсированной индустриализации, предвоенной мобилизации, в годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. Организация применения принудительного труда в различных отраслях экономики была возложена на НКВД/МВД СССР. К началу 1940-х гг. НКВД СССР приобрел значение наркомата с четко оформившимися народнохозяйственными задачами, приоритетной целью которого стала эксплуатация труда заключенных ГУЛАГа и других видов спецконтингента². Отметим, что направления экономической деятельности НКВД/МВД были крайне разнообразны. Одним из наиболее значительных секторов экономики принудительного труда было промышленное строительство, осуществлявшееся Главным управлением лагерей промышленного строительства (Главпром-

---

* Цепкалова Анна Александровна – кандидат исторических наук.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (Düsseldorf) проект AZ 13/SR/10.

строй), образованным в составе НКВД в результате реформы начала 1940-х гг. Главпромстрой был организован приказом НКВД от 26.02.1941 № 00212³ на базе Управления лагерей промышленного строительства ГУЛАГа НКВД. На момент организации в его ведении находились 17 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), обслуживавших строительство предприятий черной металлургии, целлюлозно-бумажной и спиртовой промышленности, алюминиевых и судостроительных заводов⁴. Постепенно число подведомственных ИТЛ увеличивалось, количество объектов производства и строительства росло; так Главпромстрой превратился в одну из важнейших производственных структур НКВД/МВД СССР.

В целом трудовой фонд на стройках Главпромстроя был представлен почти всеми видами спецконтингента и, кроме того, вольнонаемными работниками, т. е. был неоднородным. Конечно, разнообразие трудовых ресурсов не являлось характерной чертой абсолютно для всех строительных управлений главка, а скорее было присуще отдельным, наиболее значительным строительным объектам с масштабной производственной задачей, для решения которой было необходимо большое количество контингента. К числу таких крупных строительных управлений относился Челябинский металлургострой (ЧМС), который выбран объектом исследования в данной статье.

Основной производственной задачей Челябинского металлургостроя было возведение важнейшего промышленного объекта Урала — Челябинского металлургического завода (ЧМЗ), выпускавшего впоследствии такие необходимые виды продукции, как легированную инструментальную, жаропрочную и др. марки стали. Трудовой фонд ЧМС, призванный обеспечить строительство, состоял как из вольнонаемных работников, так и из различных категорий спецконтингента. К последним в свою очередь относились следующие принуждаемые к труду категории: заключенные ГУЛАГа (содержались в Челябинском ИТЛ, созданном для обслуживания ЧМС, 1941–1951), трудмобилизованные и военнопленные. Рассмотрим данные категории последовательно.

1. Вольнонаемный труд

Сегодня многие исследователи разделяют мнение, что в СССР вообще не существовало труда без принуждения и использование труда заключенных ГУЛАГа было лишь одной из форм принуди-

тельного труда⁵. Справедливость этого утверждения доказывают принципы государственного распределения трудового ресурса и жесткая регламентация трудовых отношений, сформировавшиеся в ключе советской доктрины «цель оправдывает средства», которая сохраняла свою актуальность долгие годы советской власти. Поэтому рассмотрение труда вольнонаемных в контексте принудительного кажется вполне обоснованным и, более того, необходимым для компаративистских целей.

С началом индустриализации законодательно были закреплены меры, превращавшие труд вольнонаемных работников в несвободный. С 1930 г. было запрещено свободное передвижение рабочей силы, введены уголовные наказания за нарушения трудовой дисциплины, в 1932 г. стал возможным принудительный перевод рабочей силы с предприятия на предприятие, в 1939 г. появились трудовые книжки. В 1940-е гг. в Кодекс законов о труде были введены уголовные наказания за опоздание или прогул работы, за уход или самовольный переход на другую работу (что в военные годы считалось дезертирством и каралось тюремным заключением от 5 до 8 лет⁶). В качестве мотивации труда не только в ГУЛАГе, но и в секторах сталинской экономики, где применялся вольнонаемный труд, использовались механизмы внеэкономического принуждения: репрессии или идеологическое воздействие. Кроме того, советская власть породила новые формы организации принудительного труда: появились мобилизации, трудовые лагеря, трудовые армии. Таким образом, советский работник и на воле был далеко не свободным.

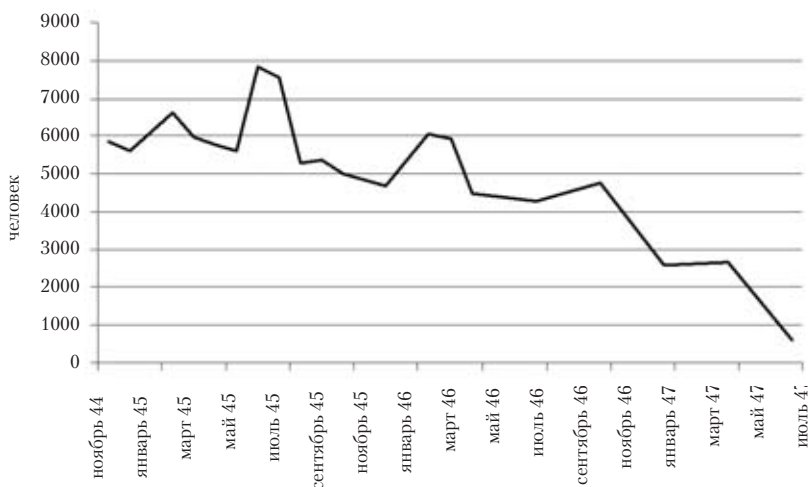
Трудовое законодательство военных лет привело еще к большему «закрепощению» вольнонаемных работников. Именно в этот тяжелый период, когда особенно остро ощущалась нехватка трудовых ресурсов, и началось становление Челябинского металлургического завода. Первое решение о направлении работников из числа вольнонаемных на строительство ЧМЗ относится к 12 июня 1941 г., когда Совнарком СССР обязал СНК Башкирской ССР и Кировский облисполком направить в течение июня–июля 1941 г. на строительство по тысяче рабочих⁷. Но все успевшие поступить на стройплощадку контингенты с началом войны были переброшены на Челябинский тракторный завод. В сентябре этого же года на Челябинский металлургический завод стали поступать работники и специалисты эвакуированных предприятий: эшелоны СУ Запорожстроя и Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» были присланы для оказания помощи в организации металлургического производства в Челябинске⁸. В марте–апреле 1942 г. на

строительство ЧМС из Сталинграда прибыли военные строители из расформированной 5-й саперной армии во главе с А. Н. Комаровским, который стал начальником Челябинметаллургстроя.

Таким образом, вольнонаемный трудовой фонд ЧМС в период войны формировался из мобилизованных рабочих Челябинской и других областей, специалистов эвакуированных предприятий и военных строителей. Рассмотрим динамику численности вольнонаемного состава Челябинметаллургстроя.

Рисунок 1

Численность вольнонаемных работников Челябинметаллургстроя на основных работах (1944–1947 гг.)

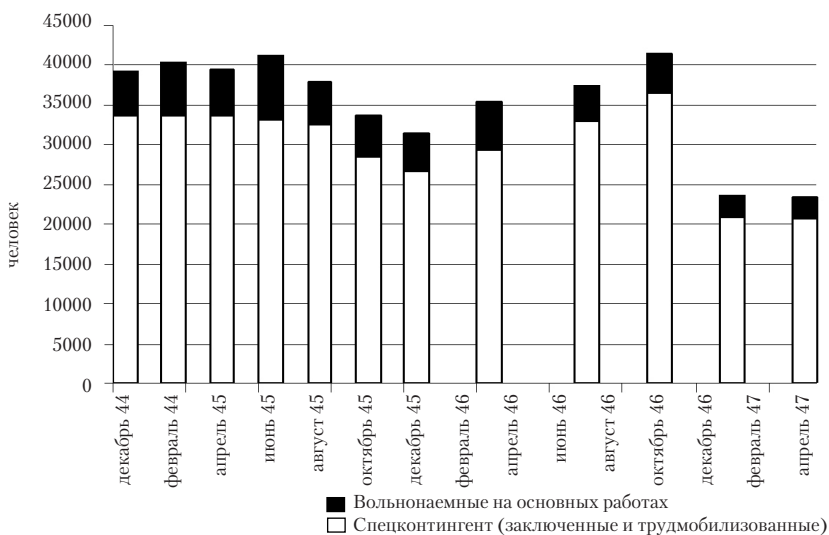
Источники: Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябинметаллургстроя // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, 125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368, 375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117.

Рис. 1 демонстрирует, что количество вольнонаемных работников на основных работах ЧМС в период 1944–1947 гг. имело тенденцию к сокращению. Максимальное их число (7821 чел.) зафиксировано в июне 1945 г., а через два года, в июле 1947 г., показатель уже был на минимальной отметке (596 чел.).

Конечно, группа вольнонаемных работников не была самой многочисленной в структуре трудовых ресурсов ЧМС ни во время войны, ни после. Это хорошо видно по данным рис. 2, который показывает численность вольнонаемных в соотношении с численностью обслуживавшего объекты Челябинсталлургстроя спецконтингента в период 1944–1947 гг.

Рисунок 2

**Численность трудового фонда Челябинсталлургстроя
(соотношение количества вольнонаемных и спецконтингента)
в 1944–1947 гг.**

Источники: Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябинсталлургстроя // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, 125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368, 375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117.

В среднем число вольнонаемных, занятых на основных работах, в рассматриваемый период составляло 17 % от общего количества трудового фонда ЧМС. Такая относительно невысокая численность свободных работников по сравнению с остальными группами контингента может привести к ошибочному выводу, что

вольнонаемные на строительных объектах НКВД занимали исключительно руководящие должности. Но это не совсем так. Конечно, на высоких постах находились чаще всего представители НКВД. Но и среди рабочих и обслуживающего персонала были как заключенные, трудмобилизованные, так и вольнонаемные. Инженерно-технический состав также был смешанным.

Чтобы понять на каких позициях находились вольнонаемные работники в Челябинсталлургстрое, обратимся к анализу «качественной» характеристики контингента — его профессиональной структуры. Она отражена в отчетной документации ЧМС и представлена в виде статистических данных по четырем категориям: инженерно-технические работники (ИТР), служащие, рабочие и младший обслуживающий персонал (МОП).

Таблица 1

**Профессиональный состав вольнонаемных работников
Челябсталлургстроя (1944–1947 гг.)**

	дек. 1944	апр. 1945	июл. 1945	дек. 1945	апр. 1946	июл. 1946	окт. 1946	январь 1947	апр. 1947	июл. 1947
ИТР	806	881	928	803	828	829	751	461	420	120
Служащие	1404	1191	1319	1160	1243	1149	1223	720	800	300
Рабочие	3134	3464	3205	2517	2221	2062	2534	1267	1319	154
МОП	258	230	241	194	186	220	263	149	128	22

Источники: Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябинсталлургстроя // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, 125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368, 375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117.

По данным табл. 1 видно, что категория ИТР отнюдь не самая многочисленная и количество рабочих значительно превосходило другие группы работников. Отметим, что число инженерно-технических работников на протяжении 1944–1946 гг. меньше всего было подвержено колебаниям и составляло в среднем 800–900 специалистов. В целом же соотношение категорий ИТР,

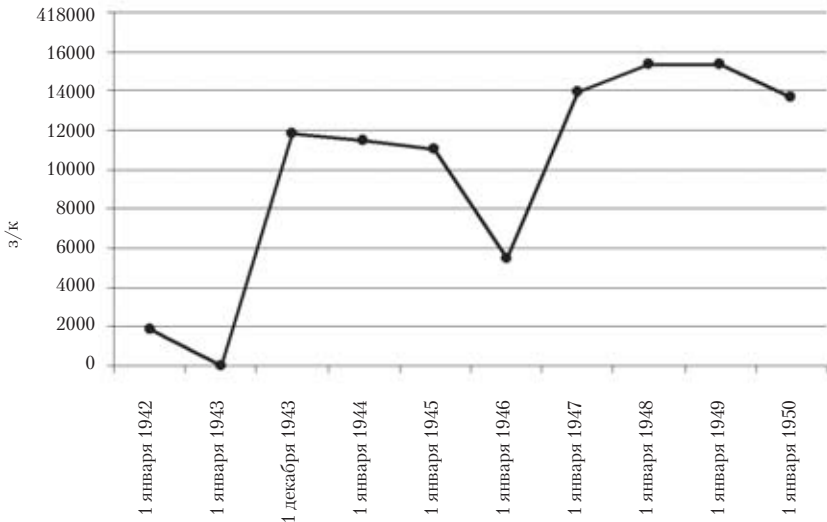

служащих, рабочих и МОП среди свободных работников ЧМС всегда оставалось приблизительно одинаковым. И все же представленная классификация дает слишком обобщенные сведения о рабочих местах вольнонаемных на ЧМС, т. к. каждая из категорий тоже имела свою внутреннюю градацию. Как правило, в этой иерархии свободный контингент, оказывался на более высоких позициях, чем подневольный, что подтверждают источники личного происхождения⁹. Соответственно неквалифицированную и физически тяжелую работу (самую объемную, особенно на ранних этапах строительства) выполняли работники из числа спецконтингента, который, исходя из показателей численности, составлял основную рабочую силу Челябинметаллургстроя.

2. Спецконтингент

В числе первых на строительство Челябинметаллургстроя были контингенты ГУЛАГа. С декабря 1941 г. на стройплощадку будущего треста ЧМС стали поступать эшелоны заключенных¹⁰, которых предполагалось размещать в Челябинском ИТЛ. Но т. к. заключенные оказались «первопроходцами» на месте строительства будущего завода, на них была возложена обязанность создания зоны Челябинлага, на которой первое время размещались землянки и бараки-палатки. Нетрудно представить, в каких тяжелых условиях начинали трудиться гулаговские узники зимой 1941–1942 гг. Из прибывших 4500 з/к к концу 1942 г. уцелело только несколько десятков человек. Но т. к. начало строительства металлургического гиганта не могло откладываться надолго, ГУЛАГом в следующем году было прислано на стройплощадку ЧМС почти 12 тыс. з/к. И до конца войны руководство Челябинметаллургстроя поддерживало количество заключенных на уровне примерно 10 тыс. чел. Спад числа контингента ГУЛАГа на ЧМС произошел в сентябре 1945 г. (6860 з/к), когда по амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией¹¹ только за август 1945 г. были освобождены 3243 чел. (большинство из них было направлено по месту жительства)¹². Но в послевоенное время количество заключенных росло — именно на этот период приходится наибольшая численность населения Челябинского ИТЛ. Максимальной отметки оно достигло в октябре 1946 г. и составило 20 922 з/к. Динамика численности заключенных отражена на рис. 3.

Численность заключенных в Челябинском ИТЛ (1942–1950 гг.)

Источники: Данные УРО (учетно-распределительного отдела) ГУЛАГа. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник. Сост. М. Б. Смирнов. М., 1999 / <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>.

Но прежде чем давать объяснение количественным изменениям лагерного контингента в послевоенное время, следует проанализировать численность других видов спецконтингента, обслуживавшего Челябметаллургстрой. Наиболее многочисленной его группой в годы Великой Отечественной войны были трудмобилизованные. Эта категория репрессированных в СССР появилась в условиях военного времени, когда большинство трудоспособных мужчин были отправлены на фронт и все отрасли народного хозяйства испытывали колоссальную нехватку рабочих рук. Одной из мер, призванных уменьшить дефицит трудового ресурса для производства, была трудовая мобилизация, которая превратилась в репрессивный механизм, действовавший по отношению к советским немцам и жителям Средней Азии.

Трудмобилизованные немцы¹³ представляли собой репрессированных советских граждан немецкой национальности, которые были принудительно переселены из мест своего проживания на

восток страны (Урал, Сибирь, Казахстан, республики Средней Азии) и мобилизованы в трудовую армию до окончания войны. Причиной решения о массовой депортации немцев, изложенного в указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., было опасение советской власти создания «пятой колонны» из этнических немцев на территории СССР. В указе говорилось:

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти...»¹⁴

Ужас положения советских немцев заключался в том, что они подвергались репрессиям лишь по причине своей этнической принадлежности. Репрессивными мерами советское руководство не только предотвращало диверсионные действия, но и пыталось восполнить недостаток трудовых ресурсов путем мобилизации немцев в трудовую армию. ГКО предписывалось произвести в короткие сроки депортацию советских немцев из районов Поволжья и мобилизовать их в рабочие колонны НКВД и других наркоматов. Всего в годы войны было депортировано 950 тыс. советских немцев (в том числе 367 тыс. на Урал, Алтай, в Казахстан, Сибирь и республику Коми)¹⁵. В трудовую армию были мобилизованы 400 тыс. советских немцев, из них на Урале на 1 январь 1944 г. насчитывалось 119 358 трудмобилизованных (68 713 чел. — на стройках НКВД, 50 654 чел. — на производствах других наркоматов)¹⁶.

Челябметаллургстрою контингенты немцев-трудармейцев передавались в числе первых. Согласно постановлению ГКО от 10.10.1942 № 1123сс¹⁷ предполагалось, что 35 тыс. мобилизованных будут направлены на строительство Бакальского (Челябинского) и Богословского заводов. Первые эшелоны начали поступать на стройплощадку ЧМС с января–февраля 1942 г.: было прислано порядка 30 тыс. т/м. Важно отметить, что первое время (до 1944 г.) фактические условия их содержания и трудового использования были крайне тяжелыми и мало отличались от аналогичных условий для заключенных ГУЛАГа: трудармейцы также

находились под надзором НКВД, использовались на тех же работах, содержались в лагпунктах, нормы питания и промтоварного обслуживания к ним применялись также гулаговские¹⁸.

Кроме советских немцев, с октября 1942 г. согласно постановлению ГКО № 2414с мобилизации подвергались жители Казахстана и Средней Азии в возрасте от 19 до 50 лет (в том числе и советские этнические корейцы призывного возраста)¹⁹. В уральском регионе уже весной 1943 г. насчитывалось 67 тыс. трудармейцев этой категории, что составляло 41,5 % от общей численности мобилизованных в Средне-Азиатском военном округе (большая их часть в регионе была представлена лицами узбекской национальности)²⁰. По задумке советского руководства отправка рабочих из Средней Азии на Урал решала сразу две задачи: во-первых, обеспечивала трудовыми ресурсами уральские заводы и стройки и, во-вторых, осуществляла подготовку и обучение кадров для промышленных предприятий, которые должны были быть построены в Узбекистане, Таджикистане и других республиках региона после войны²¹.

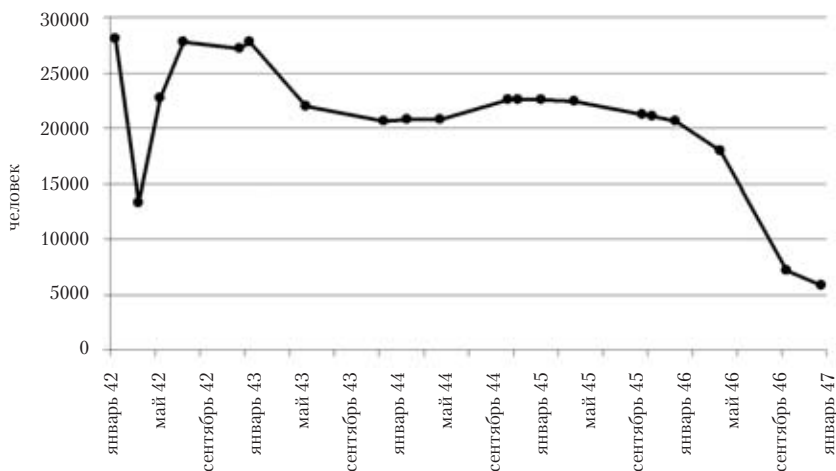
На Челябинском металлургском заводе «рабочие, мобилизованные через военкоматы из Средней Азии (узбеки)»²² начали поступать с середины 1943 г. Из прибывающих среднеазиатских контингентов было решено сформировать стройотряды, как и из трудмобилизованных немцев, применив при этом все организационные принципы, уже выработанные для трудармейцев. Поступившие из Средней Азии трудмобилизованные обслуживались тем же лагерным аппаратом ЧМС, что и немцы, а условия их трудового использования и нормы довольствия соответствовали нормам, установленным ГУЛАГом НКВД для всех трудармейцев²³. По причине отсутствия различий этих норм в делопроизводственных документах Челябинского металлургского завода зачастую отсутствует дифференциация трудмобилизованных по национальному признаку (поскольку в ней не было практической необходимости). Поэтому исследователь сталкивается со следующей трудностью: не всегда удается найти статистические показатели численности каждой из групп в отдельности, тем более представить динамический ряд их количественного соотношения. В архивных документах были выявлены только эпизодические данные, характеризующие национальный состав трудовой армии Челябинского металлургского завода. Они демонстрируют, что соотношение численности разных групп трудмобилизованных не было постоянным: так, в июле 1943 г. немцев на объектах ЧМС

насчитывалось 18 673 чел., выходцев из среднеазиатских республик — 3658 чел.²⁴ С ноября 1943 г. массовая мобилизация населения Средней Азии для работы за пределами своих республик прекратилась, а в 1944 г. постепенно стала проводиться общая демобилизация «трудармейцев»²⁵, но среднеазиатские контингенты продолжали работать на Челябинском металлургском заводе. На 1 января 1946 г. их насчитывалось 11 644 чел. (в их числе корейцы), в то же время число трудмобилизованных немцев — 9357 чел.²⁶, т. е. количество мобилизованных из Средней Азии к началу 1946 г. увеличилось более чем до 50 % от численности всех трудармейцев ЧМС, хотя в первые самые тяжелые и неустроенные годы трудовой мобилизации немцы преобладали.

Несмотря на то что не всегда удастся определить количественное соотношение численности национальных групп трудовой армии, по общей численности трудмобилизованных видно, что они стали основной рабочей силой треста и оставались таковой на протяжении первой половины 1940-х гг.

Рисунок 4

Численность трудмобилизованных Челябинского металлургского завода (1942–1947 гг.)

Источники: Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябинского металлургического завода // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, 125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368,

375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117; Сведения об использовании контингентов по ЧМС НКВД СССР на 31 мая 1943 г. // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 133. Л. 21; Основные показатели выполнения плана капитальных работ ЧМС НКВД СССР (по оперативным данным) за 1-е полугодие 1943 г. // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 133. Л. 56; Герман А. А. Советские немцы в лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны: вклад в победу // http://www.sgu.ru/files/nodes/10_090/034.pdf

Рис. 4 демонстрирует динамику численности трудмобилизованных в 1942–1947 гг. Мы наблюдаем три существенных спада контингента трудармейцев: два первых произошли зимой 1941/1942 и 1942/1943 г., когда число трудмобилизованных сократилось в первом случае более чем в два раза (!), во втором — почти на треть. Заметим, что это произошло, когда из трудмобилизованных на ЧМС трудились только советские немцы. Такое сокращение численности было следствием не переброски рабочей силы на другие объекты, а угрожающе высокого уровня смертности. Зимний период в условиях хронического голода и санитарно-бытовой неустроенности был наиболее опасным и тяжелым периодом для спецконтингента. По воспоминаниям очевидцев:

«В каждом отряде Челябинга ежедневно умирало по 8–10–15 человек. От непомерного истощения. Кроме того, многие попали с юга и не вынесли смены климата, морозов. Трупы складировали за территорией отряда и потом свозили в общую яму, где было погребено в общей сложности примерно 15 тысяч трудармейцев»²⁷.

Следующий резкий спад числа трудмобилизованных наблюдается в 1946–1947 гг. Это объясняется тем, что с 1946 г. начался процесс замены режима трудовой мобилизации на режим спецпоселения, который сохранялся до 1955 г. Правовой статус спецпереселенцев был определен постановлением Совнаркома СССР от 8 января 1945 г.²⁸, в котором говорилось, что спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, но при этом для них существуют ограничения выбора мест жительства и труда. Такие условия позволяли советскому руководству закрепить «навечно» контингент трудмобилизованных в качестве рабочих и служащих на строительстве и производстве по своему усмотрению. Часто бывшие трудармейцы продолжали трудиться на тех же предприятиях, получив лишь новое наименование — «спецпереселенец». Таким образом, число трудмобилизованных на объектах НКВД снижалось скорее на бумаге, чем в реальности.

Воспоминания Г. А. Вольтера, работавшего на ЧМС с 1944 г., показывают, что положение трудмобилизованных немцев в 1946 г. изменилось незначительно:

«Осенью 1946 года была, наконец, упразднена так называемая трудармия. Счастье нашего “освобождения” состояло в том, что сплошные нары в мужских и женских бараках переоборудовали в спальные места вагонного типа, а сами бараки приобрели казенное, но вполне “цивильное” название — “общежитие”. Тихо, без лишних слов, а тем более без фанфар и митингов, автоматически, незаметно даже для самих себя вчерашние “трудмобилизованные” стали в одночасье рабочими и служащими подсобного хозяйства № 1 ЧМС МВД СССР...

...Можно назвать этот период переходным от “трудармейского” рабства к спецпоселенческому крепостничеству»²⁹.

Но все же режим спецпоселения предполагал уже некоторые миграционные процессы среди бывших трудармейцев. По распоряжению МВД СССР в 1946 г. часть спецпереселенцев была отправлена в регионы Сибири и Казахстана для воссоединения со своими семьями, часть — в принудительном порядке на новые предприятия, где ощущалась нехватка рабочей силы. Так, в 1946 г. несколько тысяч спецпереселенцев Челябинметаллургстроя были переброшены на другую секретную стройку Главпромстроя МВД СССР — объект «Челябинск-40» — для строительства первого в СССР завода по переработке урана, необходимого для изготовления ядерного оружия³⁰. Этот объект ГУЛПС МВД СССР получил номер 859. Первоначально Строительство № 859 входило в состав Челябинметаллургстроя и обслуживалось отдельным лагерным районом Челябинского ИТЛ, который был организован приказом МВД от 4 июня 1946 г.³¹ А спустя пару месяцев в октябре 1946 г., Челябинметаллургстрой был разделен на два самостоятельных строительства: Строительство № 859 и собственно ЧМС³². Соответственно для обслуживания первого был создан ИТЛ Строительства № 85⁹³³, куда перебросили часть контингента спецпереселенцев Челябинметаллургстроя.

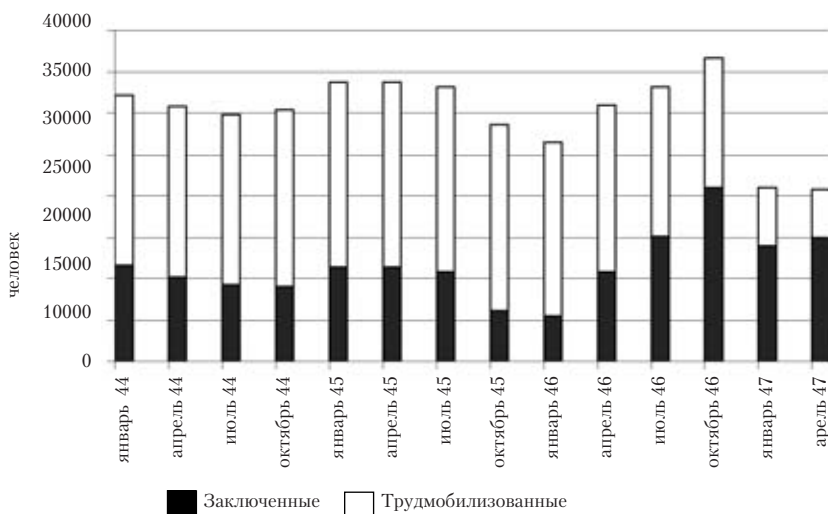
Таким образом, в 1946 г. фактическая численность бывших трудмобилизованных треста снизилась не только по причине их перевода на режим спецпоселения, но и из-за передачи части контингента Строительству № 859. В апреле 1947 г. на ЧМС оставалось 5766 трудмобилизованных. В том же году число спецпереселенцев составило 4537 чел. (из них 3679 чел. работали на промышленных площадках треста, 608 рабочих — в подрядных

организациях, 250 рабочих были отданы «на сторону») ³⁴. Из приведенных статистических данных видно, что количество бывших трудармейцев существенно снизилось: с 20 тыс. в 1945 г. до 5–10 тыс. чел. в 1947 г. Заметим, что в то же время наблюдался рост количества заключенных на ЧМС (см. рис. 3). Чтобы компенсировать потери бывших трудмобилизованных заключенными ГУЛАГа, руководство Челябметаллургстроя посылало в ГУЛАГ новые запросы на пополнение Челябинска дополнительными контингентами. Этим можно объяснить рост численности контингента ГУЛАГа с 1946 г.

В связи с этим интересно посмотреть динамику соотношения численности заключенных и трудмобилизованных на объектах Челябметаллургстроя.

Рисунок 5

**Соотношение численности заключенных и трудмобилизованных
Челябметаллургстроя (1944–1947 гг.)**

Источники: Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябметаллургстроя // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, 125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368, 375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117; Герман А. А. Советские немцы в лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны: вклад в победу // <http://www.sgu.ru/files/nodes/10090/034.pdf>

Рис. 5 показывает, как менялся состав спецконтингента Челябинского металлургического завода. В первой половине 1940-х гг. наблюдается существенное преобладание числа трудмобилизованных. В июле 1946 г. число трудармейцев и узников ГУЛАГа практически сравнялось, а к осени того же года число заключенных стало превалировать.

Кроме заключенных и трудмобилизованных, часть трудового фонда спецконтингента Челябинского металлургического завода с 1943 г. составили военнопленные граждане Германии и других европейских стран. Как пишет австрийский исследователь Стефан Карнер, в 1941 г. термин «военнопленный» был определен заново³⁵. Согласно положению о военнопленных, принятому постановлением СНК СССР 1 июля 1941 г., военнопленными считались:

«...а) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР;

б) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащих к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие;

в) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные при военных действиях...»³⁶

К концу войны численность военнопленных в СССР достигла максимального числа: в 1946 г. в лагерях НКВД/МВД содержалось приблизительно 1,8 млн в/п.

После взятия в плен контингенты направлялись в лагеря НКВД/МВД СССР, где было организовано их трудовое использование как на работах в лагере, так и на внешних работах в промышленности и сельском хозяйстве. Но в отличие от заключенных и трудмобилизованных не все военнопленные принуждались к труду: офицерский состав и приравненные к ним могли привлекаться к работам лишь с их согласия³⁷. Офицеров не привлекали к работам поначалу, позже это правило применялось только к офицерам высшего ранга (начиная с майора)³⁸.

Обратившись к данным табл. 2, находим подтверждение, что не весь списочный состав военнопленных выводился на работу. Первые годы трудовой фонд составлял только половину от всей численности контингента. Причиной тому были не только правила дифференцированного подхода в трудовом использовании в зависимости от звания, а в первую очередь физическое состояние контингента.

**Количество военнопленных в лагерях НКВД/МВД СССР,
выводимых на работу (1943–1949 гг.)**

	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Среднесписочный состав в/п в лагерях	32 497	159 198	1 030 300	1 710 809	1 372 443	812 054	340 537
Выводилось на работу (% к списочному составу)	40,6	45,5	59,7	68,1	64,2	75,2	79,2
На внутрилагерных работах и лагослужба (% к списочному составу)	9,8	7	11,6	10,2	10	8,8	7,2

Источники: Справка об итогах производственно-финансовой деятельности лагерей МВД для военнопленных за 1943–1949 гг. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 183. Цит. по: Сулов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х — начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. С. 259.

Массовое использование труда военнопленных в советском народном хозяйстве началось в 1945 г. В условиях когда важной задачей для советского руководства было поддержание жизнеспособности экономики и позже — ее восстановление, труд военнопленных применялся в различных отраслях хозяйства. По данным 1946 г. (когда численность в/п составляла 1,8 млн чел.) большинство рабочей силы приходилось на строительную отрасль — 35 % от общей численности. По другим отраслям в этом же году статистика дает следующие данные: в топливно-энергетической промышленности — 22 %, в оборонной — 17 %, на производстве строительных материалов и в лесной промышленности — 14 %, в металлургии и машиностроении — 8 %, в других видах промышленности и сельском хозяйстве — 4 %³⁹.

Итак, трудовой фонд военнопленных был распределен по промышленным отраслям достаточно равномерно, но все же большая часть контингента обслуживала строительную отрасль: до 1949 г. труд военнопленных использовался при строительстве и восстановлении крупных промышленных предприятий и шахт, при сооружении шоссейных и железных дорог, мостов, в комму-

нальном и городском строительстве. Как пишет Стефан Карнер, оценивая трудовое использование военнопленных: «Едва ли в первые 5–10 лет после войны существовали крупные стройки или крупные промышленные объекты, в которых бы не участвовали австрийские и немецкие военнопленные и интернированные...»⁴⁰ К числу промышленных объектов, где работали контингенты военнопленных, относился и Челябинметаллургстрой.

Контингенты военнопленных начали поступать в Челябинск с 1943 г. и использовались в качестве рабочей силы вплоть до 1951 г. В конце 1942 г. с целью использования военнопленных на строительстве ЧМС НКВД СССР было принято решение об организации лагеря № 68 для размещения новой категории спецконтингента — военнопленных. Приказом НКВД от 28 ноября 1942 г. предписывалось в связи с поступлением новых партий военнопленных устроить отдельный «Челябинский лагерь» с приблизительно численностью 10 тыс. чел.⁴¹ Созданный лагерь, состоявший из пяти лагпунктов, получил номер 68. Так как он находился в ведении НКВД, подобно Челябинскому ИТЛ, для его управления было решено не создавать нового аппарата, а подчинить лагерь военнопленных начальнику ЧМС и Челябинлага⁴².

Несмотря на то что создание нового лагеря предполагало наличие помещений, где можно было бы разместить прибывший контингент, в Челябинметаллургстрое в 1943 г. не было необходимого жилого фонда в требуемом объеме. Положение в лагере для военнопленных было крайне тяжелым: повышенная скученность приводила к росту заболеваемости и смертности⁴³, следовательно — к сокращению количества контингента. Нужно отметить, что лагерь № 68 был из числа крупных лагерей для военнопленных: численность его контингента колебалась в диапазоне 8–12 тыс. чел., что составляло треть от количества военнопленных и интернированных, поступивших в Челябинскую область. В общей сложности в Челябинске и области оказалось более 30 тыс. немцев, румын, венгров и др., которые были размещены в 6 лагерях и 1 спецгоспитале⁴⁴.

В январе 1946 г. контингент военнопленных Челябинметаллургстроя насчитывал 11 732 чел., что составляло четверть всей рабочей силы треста⁴⁵. Военнопленные использовались как на основных работах ЧМС, так и в подсобном хозяйстве, где они занимались сельскохозяйственными работами⁴⁶.

Для организации эффективного распределения трудового ресурса весь контингент военнопленных был разделен на группы трудоспособности. При поступлении в лагерь каждый военнопленный проходил освидетельствование врачебно-трудовой комиссией, которая определяла его в одну из четырех групп трудоспособности⁴⁷. Согласно положению о трудовом использовании военнопленных к 1-й группе трудоспособности относились здоровые, годные к тяжелому физическому труду; ко 2-й — хронические больные в легкой форме, для физической работы средней тяжести; к 3-й — больные, для легкой физической работы; к 4-й — инвалиды, которые не могли работать. Первоначально подобная классификация контингента по принципу трудоспособности применялась в лагерях НКВД к заключенным ГУЛАГа, но с появлением новых категорий спецконтингента эта система распространилась и на трудмобилизованных, и на военнопленных.

Система дифференциации принуждаемого к труду контингента по признаку его физического состояния применялась с первых лет советской власти и заимствовала свои основные принципы еще из опыта царской каторги, делившей арестантов на «крепких», «слабых» и «не пригодных к труду»⁴⁸. К середине 1920-х гг. в лагере, известном как «СЛОН» (Соловецкий лагерь особого назначения) эта система приобрела тот вид, в котором использовалась в дальнейшем в ГУЛАГе. Весь лагерный контингент делился на три категории физического состояния: «ТФТ» — контингент годный к тяжелому физическому труду, «СФТ» — к физтруду средней тяжести и «ЛФТ» — к легкому физическому труду. Для каждой категории определялись свои нормы выработки и соответственно питания: заключенные категории «ТФТ» были обязаны выполнять 100 % нормы; если заключенные «СФТ» работали на общих работах, им засчитывалось 75 % нормы за 100 %, «ЛФТ» — 50 % нормы за 100 %. Лагерная статистика выделяла также четвертую категорию — инвалидов. Инвалиды не работали сдельно и получали гарантированный паек.

Описанная выше классификация применялась во всех лагерях НКВД/МВД, в том числе в ИТЛ Челябинметаллургстроя как по отношению к заключенным, так и по отношению к трудмобилизованным. Данные о количестве контингента разных категорий трудоспособности отражались в ежемесячных лагерных отчетах ЧМС. Анализируя данные лагерной статистики⁴⁹, находим подтверждения, что в период 1944–1947 гг. среди контингента за-

ключенных ЧМС наиболее многочисленной была одна из так называемых инвалидных категорий — «ЛФТ» (она составляла в среднем 50–55 % от общей численности заключенных, тогда как «ТФТ» — только 10–13 %). К категории «ЛФТ» относили людей нездоровых или физически слабых (например, с диагнозом резкое физическое истощение), но способных трудиться на вспомогательных работах (сортировочные, сельскохозяйственные или др.). Преобладание этой категории трудоспособности говорит о том, что большая часть контингента Челябинска была ослабленной. Но на практике заключенные были вынуждены трудиться на основных работах, выполняя 50 % нормы «ТФТ».

Несмотря на то что система категорий трудоспособности временами никак не влияла на трудовое распределение спецконтингента, она применялась и к трудмобилизованным. Контингент трудармейцев был распределен по категориям более равномерно. В отличие от заключенных категория «ТФТ» была более многочисленна (насчитывала 20–30 % от общего количества трудмобилизованных) и обладала динамикой увеличения, составив 37 % к началу 1946 г. и сравнявшись с категорией «СФТ». Категория «ЛФТ» имела, напротив, отрицательную динамику: с января 1944 г. по январь 1946 г. снизила свою численность вдвое. Такие статистические данные подтверждают, что в 1944–1946 гг. физическое состояние трудмобилизованных было несколько лучше, чем состояние заключенных ГУЛАГа. Это утверждение подкрепляется свидетельствами о том, что условия жизни и труда трудармейцев с 1944 г. стали понемногу меняться к лучшему.

Итак, несмотря на разработанную классификацию трудоспособности спецконтингента, реальные условия принудительного труда на многих объектах НКВД/МВД не позволяли расставить рабочую силу согласно категориям ее физического состояния, т. к. попросту не было достаточного объема работ категории «ЛФТ» для всего ослабленного контингента или же вообще не было таких работ. Как писал Жак Росси: «Теоретические различия между разными категориями трудоспособности превращались в фикцию»⁵⁰.

В связи с этим необходимо рассмотреть еще один способ учета спецконтингента — классификацию по признаку его трудового использования. Введенная в 1935 г.⁵¹, она существовала параллельно с системой категорий трудоспособности и предполагала поделить весь трудовой фонд ИТЛ на четыре группы с литерными наименованиями:

- группу «А» составлял контингент, занятый на основных работах (производство, строительство и проч.);
- группу «Б» — обслуживающий персонал и управленческий аппарат;
- группу «В» — не работающий контингент по причине болезни и нетрудоспособные;
- группу «Г» — не работающий контингент по разным другим причинам (например, помещенные в карцер или «отказчики»).

Данная классификация учитывала не физические возможности контингента, а его фактическое трудовое использование.

Руководством ГУЛАГа было определено соотношение этих групп для наиболее эффективного функционирования лагерной экономики. Основной трудовой контингент, т. е. группа «А», должен был составлять не менее 85 % от списочного состава заключенных ИТЛ, на остальные группы отводилось не более 15 % численности (из них: группа «Б» — 9–10 %, группы «В» и «Г» — 5–6 %). Чтобы проверить, насколько реальное соотношение групп трудового использования было приближено к рекомендуемым лимитам, обратимся к данным статистических отчетов Челябинского металлургстроя НКВД/МВД СССР⁵².

Итак, на практике группа «А» редко приближалась к 80 % и в среднем составляла 70 % численности заключенных Челябинска, т. е. численность наиболее ценного для производства и строительства контингента, способного трудиться на основных работах, не достигала желаемого руководством ГУЛАГа количества. Такая статистическая картина в Челябинском ИТЛ находится в рамках тенденции, характерной для всей экономики принудительного труда. Действительно, группа «А» в ИТЛ ГУЛАГа редко превышала 70–75 %⁵³, несмотря на то что гулаговское руководство стремилось любыми методами увеличить число трудового ресурса, т. е. заключенных группы «А», занятых на основных работах. В то же время, оно стремилось снизить количество контингента группы «В» — не работающего по причине болезни и нетрудоспособности. Но, как и во многих других ИТЛ ГУЛАГа, ее численность в Челябинске сохранялась на высоком уровне: в рассматриваемый период доля группы «В» колебалась в пределах от 6 до 30 % и составляла в среднем 16 %. Среди трудмобилизованных группа «А» была более многочисленной и в среднем составляла 84 %, что было приближено к лимиту, установленному для лагерей НКВД/МВД. Но численность нетрудоспособных трудармейцев также

была высока — 10–12 %. Такой высокий процент ослабленного и нетрудоспособного контингента как среди заключенных, так и среди трудмобилизованных лишний раз свидетельствует о тяжелых условиях существования и работы на ЧМС, доводивших контингент до физического истощения и потери здоровья, а иногда и жизни.

* * *

Итак, для исследования трудовых ресурсов строительных объектов НКВД/МВД необходимо было выбрать строительное управление Главпромстроя с максимально разнообразным контингентом, обслуживавшим его. Таким требованиям соответствовал Челябинский металлургстрой, отличительной чертой которого была смешанная структура трудового фонда. Опираясь на статистические данные архивных документов, было установлено, что основной рабочей силой крупного строительно-монтажного треста был спецконтингент (заключенные ГУЛАГа и трудмобилизованные). Анализ распределения контингента по категориям трудоспособности и группам трудового использования позволил сделать вывод о том, что, несмотря на неудовлетворительное физическое состояние узников Челябинска, именно на них были возложены самые трудоемкие и тяжелые работы по возведению ЧМЗ. Пример организации принудительного труда на Челябинском металлургстрое показывает, что в условиях мобилизационной модели экономики 1940-х гг. советское руководство ориентировалось на достижение целей (в данном случае — сооружение производственного объекта), не считая средств, затраченных для этого, хотя это были жизни тысяч и тысяч советских людей.

Примечания

¹ Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х — начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005. С. 255.

² Хлевнюк О. В. Вступительная статья // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: В 7 т. Т. 3. Экономика Гулага. М., 2004. С. 21.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 86. Л. 26–27 (Приказ НКВД СССР от 26.02.1941 № 00212. Об организации управлений и отделов НКВД СССР и назначении руководящего состава этих управлений и отделов).

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник. Сост. М. Б. Смирнов. М., 1999 // <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>

⁵ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е — середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 18.

⁶ Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий // <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss6435.htm>.

⁷ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 1619. Оп. 1. Д. 4. Л. 19 (Постановление СНК СССР от 12.06.1941). Цит. по: Маламуд Г. Я. Бакаллаг // Челябинск неизвестный. Краеведческий сборник. Вып. 2. Челябинск, 1998. С. 241.

⁸ Шмыров Б. Д. Мы за ценой не постоим? // Военно-исторический архив. 2007. № 11. С. 70.

⁹ См.: Вольтер Г. А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. М., 1998; Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. Сост. В. Королева. М., 2004.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07.07.1945 «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 39.

¹² ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 328 (Докладная записка о состоянии лагеря Челябинметаллургстроя НКВД за август–сентябрь 1945 г.).

¹³ Понятие «трудмобилизованные немцы» в делопроизводственной документации НКВД объединяет советских граждан не только немецкой национальности, но и финнов, венгров, болгар, румын, итальянцев, которые также подлежали депортации и мобилизации.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // <http://www.rdz-zeitung.de/nachrichten/ukaz.htm>

¹⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 94.

¹⁶ Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter16.htm>

¹⁷ Постановление ГКО СССР от 10.01.1942 № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» // http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/420_110.htm

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 110. Л. 10–11 (приказ НКВД № 0083 от 12.01.1942 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД»).

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 37–39 (Постановление Государственного Комитета Обороны от 14.10.1942 № ГОКО–2414с «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве железных дорог и промышленных предприятий») // <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2414.html>

²⁰ Гончаров Г. А. Люди «второго сорта» в условиях военного времени: Из повседневной жизни «трудармейцев» Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета Дружбы народов. № 2. 2003. С. 116–126.

²¹ Старостин А. Как рабочие из Центральной Азии ковали Победу в Уральском тылу // <http://www.fergananews.com/article.php?id=6245>

²² ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 146. Л. 117 (Записка от 21.05.1943 начальника УЧМС А. Н. Комаровского начальнику Главпромстроя Орлову и начальнику ГУЛАГа НКВД Наседкину о поступлении трудмобилизованных из Средней Азии).

²³ Там же.

²⁴ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 133. Л. 37 (Справка об обеспеченности строительства рабочей силой на 3-й квартал 1943 г.); Там же. Л. 56 [Основные показатели выполнения плана капитальных работ ЧМС НКВД СССР (по оперативным данным) за 1-е полугодие 1943 г.].

²⁵ Старостин А. Указ. соч.

²⁶ Петров Н. История империи «ГУЛАГ» // <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava13.htm>

²⁷ Фукс В. Восемь трудармейских лет // Карта. 1999. № 24–25. С. 72–73 // <http://www.hro.org/editions/karta>

²⁸ Постановление Совнаркома СССР от 08.01.1945 «О правовом положении спецпереселенцев» // История российских немцев в документах. М., 1993. С. 175.

²⁹ Вольтер Г. А. Указ. соч. С. 328–329.

³⁰ См.: Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайна «сороковки». Екатеринбург, 1995; Новоселов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.

³¹ Приказ МВД от 04.06.1946 № 00 522 // Сигачев С. Строительство 859 и ИТЛ / Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960.

³² Там же. Приказ МВД от 11.10.1946 № 00 911.

³³ Там же. Приказ МВД от 3.10.1946 № 00 899.

³⁴ Рассчит. по: Акт приемки-сдачи Челябметаллургстроя от 31.05.1947 // ОГАЧО Ф. 1619. Оп. 1. Д. 52. Л. 109–110.

³⁵ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. М., 2002. С. 22–23.

³⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 297–299 (Постановление СНК СССР № 1798–800с от 01.07.1941 «Об утверждении Положения о военнопленных») // http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19_410_701plen.html

³⁷ Там же.

³⁸ Карнер С. Указ. соч. С. 284.

³⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 10п. Д. 1. Л. 1. Цит. по: Карнер С. Указ. соч. С. 163.

⁴⁰ Там же. С. 164.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 644. Л. 335–337 (Приказ НКВД от 28.11.1942 № 002 597 «О размещении и трудовом использовании военнопленных»).

⁴² ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 146. Л. 66 (Докладная 06.01.1943 начальника ЧМС Комаровского заместителю НКВД Круглову об организации и подчинении ЧМС лагеря военнопленных).

⁴³ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 146. Л. 133 (Записка от 10.06.1943 заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел СССР начальнику ЧМС А. Н. Комаровскому о тяжелом положении в лагере военнопленных № 68).

⁴⁴ Боже Н. М. Труд военнопленных // Энциклопедия «Челябинск» / <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=4871>

⁴⁵ Петров Н. История империи «ГУЛАГ» // <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava13.htm>

⁴⁶ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 396. Л. 551–552 (Приказ начальника ЧМС МВД от 22.05.1946 «О результатах обследования жилищно-бытовых условий и трудиспользования военнопленных в подсобных хозяйствах ЧМС»).

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Л. 129–141 (Директива УПВИ НКВД СССР от 17.07.1942 № 28/7309).

⁴⁸ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Rossi/t.htm>

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, Л125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368, 375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117 (Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябинметаллургстроя).

⁵⁰ Росси Ж. Указ. соч.

⁵¹ Директива начальника ГУЛАГа от 11.03.1935 № 664 871 // Петров Н. Указ. соч.

⁵² Рассчит. и сост. по: Докладные записки начальнику ГУЛАГа Наседкину В. Г. и начальнику Главпромстроя Комаровскому А. Н. о состоянии лагеря Челябинметаллургстроя // ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2с. Д. 26. Л. 1–13, 15–30, 32–49, 64–77, 89–102, 108–124, 125–142, 145–163, 168–190, 191–207, 208–224, 225–241, 242–255, 256–270, 272–285, 286–301, 302–324, 327–345, 349–364, 365–368, 375–391, 392–407; Д. 48. Л. 1–23, 25–43, 46–59, 63–78, 80–90, 107–117.

⁵³ Бородкин Л. И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 209.

А. В. Кутейников*

Проектирование автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР в условиях экономической реформы 1965 г.

В 1960–1970-х гг. в СССР на государственном уровне разрабатывался грандиозный проект по созданию Общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС), который должен был, как ожидалось, решить основные проблемы социалистической экономики. К началу 1960-х гг. народнохозяйственный комплекс СССР насчитывал сотни тысяч предприятий различного назначения. Рост экономики сопровождался усложнением управления. Потребность достижения плановой сбалансированности экономики вызывала необходимость обработки огромных массивов данных, согласования между собой всех отраслей и сфер производства. Стало очевидным, что поток экономической информации стал слишком большим, чтобы возможно было обрабатывать его вручную или с помощью имевшейся в то время счетной механической техники. Назрела необходимость применения в решении задач государственного управления электронно-вычислительной техники и разработанных на ее основе автоматизированных систем управления, которые появились к этому времени и с успехом использовались в военно-промышленном комплексе.

Начиная с середины 1960-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг. создание так называемых автоматизированных систем управления (АСУ) в ведомствах и на предприятиях страны являлось важнейшей составляющей государственной научно-технической политики. Огромные средства из государственного бюджета вкла-

---

* Кутейников Алексей Викторович — кандидат исторических наук (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

дывались в разработку автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР) для Госплана СССР, АСУ союзных министерств и ведомств, которые потом планировалось интегрировать в единую общегосударственную систему. На вычислительную технику возлагались большие надежды. Считалось, что автоматизированные системы управления помогут советской экономике обрести второе дыхание.

Согласно разработанному в 1980 г. проекту Общегосударственной автоматизированной системы СССР (ОГАС) предполагалось привлечь ресурсы ЭВМ для управления народным хозяйством, чтобы уменьшить влияние субъективного фактора при принятии управленческих решений и резко повысить эффективность работы предприятий промышленности и транспорта. Автоматизированная система мыслилась как гигантский банк данных, в который по сетям связи должна была поступать информация о работе всех предприятий страны. Сердцевиной системы был Главный вычислительный центр, построенный в Москве. Он обрабатывал поступающую с предприятий информацию, находил оптимальные варианты планирования, сигнализировал об имевших место в экономике диспропорциях. В памяти центрального компьютера возникал бы более объективный образ происходящих в народном хозяйстве процессах, а государственные органы смогли бы с помощью автоматизированной системы управлять экономикой в режиме реального времени. Технически ОГАС представлялась как единая сеть из тысяч вычислительных центров, покрывающих всю территорию СССР.

Задача создания ОГАС была поставлена на XXIV съезде КПСС в 1971 г. В своем выступлении Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин заявил, что «наше плановое хозяйство позволяет создать общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством»¹. В директивах съезда по девятому пятилетнему плану в разделе о совершенствовании управления и планирования было отмечено, что в СССР необходимо развернуть «работы по созданию и внедрению автоматизированных систем планирования и управления отраслями, территориальными организациями, объединениями, предприятиями, имея в виду создать общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством»².

История проекта ОГАС практически не известна широкой общественности и слабо изучена в историографии. Это история нелегкой борьбы видных советских ученых за реализацию своих оригинальных идей в области вычислительной техники.

В августе 2003 г. научное сообщество России и Украины отмечало 80-летний юбилей выдающегося советского ученого, одного из основоположников вычислительной техники, директора Института кибернетики АН УССР академика Виктора Михайловича Глушкова (1923–1982). Академик В. М. Глушков был весьма незаурядной личностью. Он стал одним из первых ученых, поставивших перед советским руководством вопрос о необходимости широкого использования электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в управлении экономикой страны. По рекомендациям ученого в стране создавались специализированные институты, в крупнейших вузах открывались факультеты и кафедры для подготовки специалистов по вычислительной технике и АСУ. Во многом благодаря академику В. М. Глушкову в Советском Союзе в 1970-е гг. возникла кибернетическая индустрия, представляющая собой сеть научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций в области вычислительной техники. Академик В. М. Глушков вел активную просветительскую деятельность, делая достоянием общественности последние достижения в области науки и техники, чем добился самого широкого признания. Его имя даже попало в художественную литературу 1970-х гг. В романе известного украинского писателя Павла Загребельного «Разгон» главные герои отзываются о В. М. Глушкове не иначе, как о «боге кибернетики»³.

К юбилею академика в 2003 г. его коллеги и сотрудники выпустили в свет и выложили в интернете сборник научно-популярных статей ученого «Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики»⁴. В сборник вошли также и воспоминания В. М. Глушкова, которые он надиктовал на магнитофон незадолго до своей кончины в январе 1982 г. Ученый рассказал о главном деле своей жизни — проекте Общegosударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС).

Впервые вопрос о необходимости создания автоматизированной системы управления был поставлен другим выдающимся советским ученым — А. И. Китовым, родоначальником ряда научных направлений информатики, автором первых учебников по ЭВМ, программированию, алгоритмическим языкам и автомати-

зированным системам управления. А. И. Китов в 1959 г., будучи заместителем начальника Вычислительного центра Минобороны СССР, разработал проект создания единой автоматизированной системы управления для вооруженных сил и народного хозяйства страны на базе общей сети вычислительных центров. В том же году А. И. Китов написал два письма главе партии и правительства Н. С. Хрущеву с предложением реализовать свой проект⁵. Попытка достучаться до высшего руководства имела для него самые серьезные негативные последствия. Он был уволен с работы и исключен из партии⁶.

Как вспоминал впоследствии А. И. Китов: «В докладе, который я сделал перед комиссией [специально созданной комиссией Минобороны для рассмотрения предложений А. И. Китова. — *Примеч. авт.*], содержалась серьезная критика состояния дел с внедрением электронно-вычислительных машин. Это вызвало негативную реакцию у двух десятков слушателей — преимущественно военных. Они резко воспротивились: “Никаких народнохозяйственных задач армия выполнять не будет!” В результате комиссия отвергла мои предложения, назвав их нерациональными, поскольку, по их мнению, не допускается смешивать военные и гражданские задачи. На деле, как мне кажется, людей из властных структур не устроило то, что в результате внедрения вычислительной техники многие из них могли бы оказаться не у дел. Меня исключили из партии и сняли с должности заместителя начальника вычислительного центра Министерства обороны, которую я занимал с 1954 года»⁷.

Добиться решения о необходимости разработки на государственном уровне проекта автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР удалось через некоторое время и с большим трудом академику В. М. Глушкову⁸. В начале 1963 г. он собрал уникальный коллектив ученых из разных организаций (Институт кибернетики АН УССР, Лаборатория экономико-математических методов В. С. Немчинова, ВЦ АН СССР и др.), который написал в ЦК КПСС письмо о катастрофическом отставании СССР от США в области развития вычислительной техники и ее использования как в экономических исследованиях, так и в хозяйственной практике. Ученые обосновывали необходимость консолидации научных сил в данной области и усиления организующего начала на всех уровнях руководства. В феврале 1963 г. это письмо вручил из рук в руки Н. С. Хрущеву Первый секретарь

ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов. В мае 1963 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о внедрении вычислительной техники и автоматизированных систем управления в экономику⁹.

В 1963–1965 гг. подготовка проектных материалов по созданию автоматизированной системы управления советской экономикой велась группой ученых во главе с академиком В. М. Глушковым в Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ при Правительстве СССР¹⁰. В эту группу входили известные советские математики и экономисты Кобринский Н. Е., Ковалев Н. И., Федоренко Н. П., Александров В. В., Модин А. А., Амбарцумов А. М., Бусленко Н. П., Вертлюхин Н. С., Виньков М. Н., Давыдов Г. Б., Ипп Л. С., Китов А. И., Ключников С. И., Михалевич В. С., Неслуховский С. К., Олейник Ю. А., Пугачев В. Ф., Синяк В. С., Сафронов И. А., Стогний А. А., Тригубенко В. В., Черняк Ю. И., Шкурба В. В.

Согласно первоначальному проекту автоматизированной системы «Предэскизный проект Единой государственной сети вычислительных центров» 1964 г., планировалось создать сеть вычислительных центров для сбора экономической информации. Сеть должна была иметь трехступенчатую структуру. Низовую ступень образовывали вычислительные центры (ВЦ) и пункты сбора информации на предприятиях и организациях. Вторая ступень представляла собой опорные ВЦ, расположенные в крупных промышленных городах. Третьей ступенью являлся головной центр в Москве. Он осуществлял оперативное руководство всей сетью и непосредственно обслуживал высшие правительственные органы. Ученые настаивали на том, что управлять сетью ВЦ должен специально созданный госкомитет при Совете Министров СССР.

Проект создания автоматизированной системы, подготовленный учеными, не был принят советским руководством. В июле 1965 г. состоялось заседание Президиума Совета Министров СССР, на котором проект потерпел неудачу и был отправлен на доработку в ЦСУ СССР.

Архивные материалы, обнаруженные в фонде Госкомитета по науке показывают, что изложенные в проекте ученые принципы построения сети и ее функционирования вызвали возражения со стороны Центрального статистического управления СССР и лично его начальника В. Н. Старовского, который занимал этот пост

еще с 1948 г. ЦСУ СССР было одним из немногих государственных ведомств, которое окрепло в ходе реорганизаций 1950-х гг. Н. С. Хрущев, ликвидируя министерства, был вынужден, чтобы не остаться без информации, централизовать в органах госстатистики сбор и обработку отчетности предприятий по отраслям народного хозяйства. По специальному распоряжению Правительства от 1959 г. в системе ЦСУ создавалась в масштабах всей страны сеть машиносчетных станций, которая должна была аккумулировать информацию и поставлять ее высшим органам управления. Именно наличие такой сети давало основание В. Н. Старовскому заявлять о том, что техническая база автоматизированной системы уже существует. Машиносчетные станции нужно только обогатить ЭВМ, и сеть ВЦ готова¹¹.

Новый вариант проекта сети ВЦ («аванпроект ГСВЦ») должны были разработать ЦСУ СССР и Минрадиопром СССР к 1 июля 1966 г. Все остальные ведомства (Госплан СССР, ГКНТ СССР, Госстрой СССР, Госснаб СССР, Минприбор СССР, АН СССР) должны были подготовить свои предложения по данному вопросу и представить их в Правительство в третьем квартале 1966 г.¹²

Во второй половине 1960-х гг. разработка проектных материалов проходила в условиях экономической реформы, которая была провозглашена на сентябрьском (1965) Пленуме ЦК КПСС. Реформа 1965 г. внесла существенные коррективы в те базовые принципы, на которых ученые предполагали строить сеть ВЦ, и существенно осложнила проектирование автоматизированной системы. Реформа предполагала административные и экономические меры. Изменилась структура управления народным хозяйством: от совнархозов, территориального управления, советское руководство вновь перешло к отраслевому — министерствам. 2–3 октября 1965 года были приняты законы, в соответствии с которыми упразднялись ВСНХ СССР, СНХ СССР, республиканские и территориальные совнархозы. Вместо них было создано 29 союзных и союзно-республиканских министерств. Экономические преобразования были направлены на расширение самостоятельности предприятий, усиление экономического стимулирования с помощью таких рычагов, как цена, прибыль, премия, кредит и ряд других элементов рыночных отношений¹³.

Упразднение совнархозов и восстановление министерств привело к тому, что ведомств в центре стало больше и система управления стала децентрализованной. Вместо ВСНХ СССР, на который

в конечном счете ориентировался проект ЕГСВЦ*, образовалось несколько десятков министерств. Исчезло основание проекта — территориальная система управления экономикой страны (совнархозы). В дальнейшем разработчикам проекта автоматизированной системы пришлось учитывать интересы многочисленных центральных государственных ведомств. В правительственных постановлениях и проектных материалах с этого времени сеть ВЦ называлась уже не «ЕГСВЦ», а просто «ГСВЦ». Новое название сети ВЦ свидетельствовало о том, что ее планировалось создавать не как единую систему.

В августе 1966 г. ЦСУ СССР и Минрадиопром СССР подготовили аванпроект ГСВЦ и разослали свои материалы заинтересованным ведомствам. Проект содержал следующие требования. Сеть создавалась по территориальному иерархическому принципу. При необходимости в составе сети допускалось создание ведомственных систем ВЦ. На 1968–1969 гг. намечалось создание Главного вычислительного центра ГСВЦ с четырьмя филиалами, обслуживающими Госплан СССР, ЦСУ СССР, Госснаб СССР и Госстрой СССР; 15 ВЦ союзных республик и около 70 ВЦ в наиболее крупных по численности населения, количеству предприятий и размера их продукции областях¹⁴.

Однако на пути В. Н. Старовского встал другой крупный государственный деятель эпохи «брежневского застоя», бывший сталинский нарком нефтяной промышленности, Председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков. После реформы 1965 г. Госплан сильно изменился, была восстановлена его прежняя структура и влияние, которое он утратил в ходе непрерывных реорганизаций Н. С. Хрущева¹⁵.

Проект ЦСУ вызвал возражения со стороны сотрудников Госплана. «Но тут, когда почитали, — вспоминает В. М. Глушков, — возмутился Госплан. Сказали, что они тоже не все концепции академика В. М. Глушкова разделяли, но в его проекте хотя бы было планирование, а здесь же ничего этого нет, одна статистика, поэтому Госплан не приемлет этого»¹⁶.

Председатель Госплана Н. К. Байбаков приказом от 26 августа 1966 г. отдал аванпроект сети ВЦ на экспертизу, сославшись на то,

---

* Первоначальный проект автоматизированной системы управления экономикой страны назывался ЕГСВЦ (Единая государственная сеть вычислительных центров). Термин ОГАС появился в начале 1970-х гг.

что создание сети по предложениям ЦСУ требует значительных капитальных вложений. Госэксперткомиссия (ГЭК) при Госплане должна была провести в течение двух месяцев экспертизу аванпроекта ГСВЦ. При ГЭК для изучения материалов была образована специальная подкомиссия во главе с академиком Н. П. Федоренко и его заместителем академиком В. М. Глушковым¹⁷.

Экспертиза закончилась в декабре 1966 г. Аванпроект был буквально разгромлен по частям. Как заявил В. М. Глушков в интервью журналисту В. Моеву в начале 1970-х гг., в этом проекте его больше всего возмутило то, что в него закладывалась существующая технология обработки информации. «Товарищи проделали колоссальную работу. Надо определить мощность будущих вычислительных центров? Очень хорошо... Они взяли для примера, если память не изменяет, Каракалпакскую республику и Астраханскую область и в течение года добросовестно считали, сколько “входящих” и “исходящих” документов движется там через все органы — хозяйственные, советские и так далее. Потом что же — надо, мол, чтобы у машин хватало мощности перерабатывать все эти бумаги. Сколько же потребуется операций? По опыту статистики — пятьдесят на каждую букву и цифру, а в будущем — жизнь, дескать, идет вперед! — потребуется в десять раз больше. Почему в десять, никому не известно. Перемножили и получили “мощность” будущих вычислительных центров... Ну что вы скажете?! Да разве можно так считать? Разве не ясно, что автоматизация управления изменит все процедуры, все потоки информации?..»¹⁸

Академик В. М. Глушков в беседе с журналистом В. Моевым деликатно умолчал, о каких «товарищах» идет речь. Прямо указать на ЦСУ СССР В. М. Глушкову не позволила политкорректность и эмоции: «Мы делали проект единой государственной системы вычислительных центров. Использовали в нем новые представления об управлении и планировании. Потом передали материал на рецензию, уж не буду называть в какое ведомство, дело прошлое. Однако то, как там поступили, характерно...»¹⁹ Правда, о том же самом сюжете В. М. Глушков рассказывает в своих воспоминаниях незадолго до своей кончины в январе 1982 г. Здесь он прямо указывает на ЦСУ.

Как показывают архивные материалы из фонда Госплана СССР, по мнению большинства экспертов, проект нуждался в коренной переработке. В проекте отсутствовал анализ задач планирования и управления. Они лишь были перечислены. Вы-

звало критику положение о том, что функции головного центра сети ВЦ должен был выполнять Главный вычислительный центр ЦСУ СССР: «Поскольку ЦСУ не выполняет функций ни планирования, ни управления, равно как и функций материального и финансового обеспечения производства, это положение является неправильным»²⁰. Таким образом, В. Н. Старовскому еще раз дали понять, что сеть ВЦ не может принадлежать его ведомству.

Аванпроект был отвергнут также и по финансовым соображениям. Как отмечалось в письме глав ведомств в Совет Министров СССР по результатам экспертизы, создание ГСВЦ по аванпроекту потребовало бы выделения большого объема бюджетных ассигнований. В аванпроекте на 8 пятилетку намечалось создание 85 ВЦ (первая очередь), для строительства и оборудования которых предполагалось выделить 467 млн руб. Указанный объем финансирования не учитывал стоимости необходимого периферийного оборудования и аппаратуры связи. «В настоящее время, — писали чиновники, — народное хозяйство не располагает свободными ресурсами, поэтому изыскание в текущей пятилетке необходимых средств не представляется возможным. Не может быть обеспечено и необходимое количество ЭВМ для создания первой очереди сети даже при условии, что все выпускаемые ЭВМ предназначались только для этой цели». Главы ведомств, учитывая, что вопрос об организации сети является крупным мероприятием большого общегосударственного значения, рекомендовали считать целесообразным разработать несколько вариантов проекта сети с целью выработки наиболее оптимального варианта, а решение вопроса о создании сети перенести на следующую пятилетку²¹.

Единственным, кто не согласился с заключением комиссии, был академик В. М. Глушков. По его словам, хотя проект страдал многими весьма значительными дефектами, нельзя было бесконечно затягивать решение вопроса о начале разработки проекта и строительстве сети ВЦ. Поэтому В. М. Глушков настаивал, что «с отрицательным в части рекомендаций Совету Министров СССР выводом можно согласиться лишь в том случае, если проработка проекта будет выполнена в сжатые сроки. В противном же случае следовало бы пойти на то, чтобы рекомендовать приступить к проработке технического проекта. Имея в виду жизненную важность этого дела для страны, нужно было переходить к следующей стадии проектирования»²². Но поскольку В. М. Глушкова никто не поддержал, его мнение не приняли, а записали как особое мнение к заключению экспертизы²³.

В следующем, 1967, г. участвовавшие в разработке проекта ведомства, согласно вышеуказанному постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР, готовили свои предложения по сети ВЦ и внесли их в Правительство в конце года. В конце декабря 1967 г. состоялось очередное заседание Президиума Совета Министров СССР, на котором были рассмотрены предложения ведомств и проваленный проект сети ВЦ. Правительство поручило доработать проект Госплану. Вышло специальное правительственное постановление, согласно которому Госплан должен был представить во втором квартале 1968 г. свои предложения по сети ВЦ. В постановлении специально отмечалось, что основные принципы сети необходимо было сформулировать «с учетом произведенной перестройки управления промышленностью по отраслевому принципу»²⁴.

Материалы по сети ВЦ были готовы в мае 1968 г. Сотрудники Госплана, писали, что при проектировании сети ВЦ необходимо учитывать отраслевой принцип управления экономикой. Вот почему основой сети ВЦ должны были стать ведомственные автоматизированные системы²⁵. Как вспоминает академик В. М. Глушков, вместо эскизного проекта сети ВЦ был представлен на рассмотрение «проект распоряжения Совета Министров ССР о том, что очень мудро ликвидировали совнархозы и восстановили отраслевой метод управления и что теперь не о чем заботиться. Нужно, чтобы все отрасли создали отраслевые системы, а из них автоматически получится общегосударственная система. И все...»²⁶

2 июля 1968 г. предложения Госплана стали предметом обсуждения на заседании Научного Совета по проблемам вычислительной техники. Этот Совет был образован при ГКНТ СССР и АН СССР. Его возглавлял академик В. М. Глушков. С докладом «О предложениях по созданию ГСВЦ» выступил сотрудник отдела по вычислительной технике и системам управления ГКНТ СССР В. П. Певцов. Он заявил, что основной недостаток сети, построенной по отраслевому принципу, в том, что на нижнем уровне в крупных городах будет сосредотачиваться большое количество ВЦ (до 30–40 в одном городе). По его мнению, такое решение приводило к распылению кадров и не давало возможности, таким образом, эффективно использовать средства вычислительной техники²⁷.

Против предложения Госплана выступил представитель ЦСУ С. В. Сазонов: «На наш взгляд, отраслевой принцип построения сети никак не соответствует задачам постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1966 г. В предложениях Госплана совершенно нет задач статистики. Предложения Госплана необходимо серьезно доработать»²⁸.

После долгих прений Совет принял решения о том, что предложения Госплана отражают реальное положение дел в области финансирования и организации работ по внедрению вычислительной техники, и рекомендовал переходить к следующим этапам проектирования автоматизированной системы²⁹.

18 декабря 1968 г. состоялось еще одно заседание Президиума Совета Министров, на котором рассматривались предложения Госплана и подготовленный в этом ведомстве проект постановления Правительства СССР «О мерах по улучшению организации работ по созданию ГСВЦ». Поскольку ряд ведомств выступил с частными техническими вопросами, глава советского правительства А. Н. Косыгин поручил В. А. Кириллину (ГКНТ СССР), М. В. Келдышу (АН СССР), В. Н. Старовскому (ЦСУ СССР) В. Д. Калмыкову (Минрадиопром СССР) и К. Н. Рудневу (Минприбор СССР) рассмотреть вопрос «о создании рациональной ГСВЦ» с более широким участием руководителей министерств и ведомств³⁰.

27 мая 1969 г. ГКНТ СССР разослал заинтересованным организациям проект постановления и основные положения по созданию сети ВЦ. Базовые принципы построения и функционирования сети не изменились. Это вызвало возмущение В. Н. Старовского. Он послал В. А. Кириллину письмо, в котором заявил, что подготовленные документы не соответствуют постановлению ЦК КПСС и Совета Министров от 6 марта 1966 г. В. Н. Старовский посчитал «принципиально неверным создание ГСВЦ как совокупность (или механическое соединение) разнотипных и разноцелевых ведомственных АСУ». Он расценил эти предложения «как отказ от создания ГСВЦ, поскольку такая система уже не являлась бы самостоятельной информационно-вычислительной системой»³¹.

В. М. Глушков был тоже недоволен: «получился ОГАС — сборная солянка. Все облегченно вздохнули, поскольку ничего делать не надо, и распоряжение было принято»³².

Социально-экономическое развитие СССР в 1970-е гг. проходило под знаком усиления централизованного управления и свертывания экономической реформы 1965 г. Централизация с начала 1970-х гг. выразилась, во-первых, в смещении акцента в экономической политике с мер по повышению экономического стимулирования предприятий на меры по улучшению планирования и централизованного управления и, во-вторых, в возвраще-

нии ряда дореформенных показателей планирования. В решениях декабрьского (1969) Пленума ЦК КПСС содержались привычные требования об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве. На место экономических рычагов управления вновь вышли административные методы, призывы к борьбе с нарушителями трудовой дисциплины, с бесхозяйственностью, за усиление контроля и соблюдения дисциплины³³. Экономическую «реформу» 1965 г. формально не отменяли. Но фактически в систему управления предприятиями ввели такие изменения, которые шли вразрез с первоначальными замыслами авторов реформы. Внимание плановых органов и советских ученых-экономистов с начала 1970-х гг. было обращено в сторону совершенствования методов централизованного управления экономикой. В связи с этим было закономерным возобновление интереса к проекту ОГАС, который удачно вписывался в жестко централизованную систему управления советской экономикой.

Важной технической предпосылкой разработки проекта автоматизированной системы на третьем этапе явилось то обстоятельство, что советская промышленность в начале 1970-х гг. приступила к серийному выпуску ЭВМ третьего поколения, технические характеристики которого были намного выше характеристик второго поколения. В новых машинах была применена новая элементная база — интегральные микросхемы, что позволило на порядок увеличить скорость выполнения операций. С началом производства новой серии ЕС ЭВМ, аналогом которой была американская вычислительная машина IBM 360, появилась реальная возможность создания в стране сети ВЦ и на ее основе единой автоматизированной системы управления экономикой.

В определенной мере разработку проекта ОГАС подтолкнули также и планы США по созданию сети вычислительных центров. На 1969 г. в США был запланирован пуск компьютерной сети ARPANET (от англ. Advanced Research Projects Agency Network). Это была компьютерная сеть, созданная Агентством Министерства обороны США по перспективным исследованиям (ARPA) и явившаяся прообразом сети Интернет. Оказалось, что американские ученые в начале 1960-х гг. заинтересовались также проблемой создания сети вычислительных машин. Они подготовили несколько эскизных проектов сетей ВЦ (вычислительных центров), но не стали тратить время на длительные дискуссии и со-

гласования, а по заказу оборонного ведомства США занялись их реализацией. Сеть ARPANET развертывалась в целях создания системы надежного обмена информацией между компьютерами ряда крупных университетов, государственных ведомств и объектов обороны.

Известие о создании сети ARPANET застало врасплох советское руководство. Как вспоминает академик В. М. Глушков, «тут у нас забеспокоились. И я пошел к А. П. Кириленко [секретарь ЦК КПСС (1966–1982). — *Примеч. авт.*] и сказал, что надо вернуться к тем идеям, которые были в проекте. Опять — комиссию, и напиши, что надо делать, он говорит. Я написал примерно такое: “Единственное, что прошу сделать — это по моей записке не создавать комиссию, поскольку практика показывает, что комиссия работает по принципу вычитания умов, а не сложения, и любое дело способна загубить”. Но тем не менее решение было принято создать комиссию. Хотели сделать меня председателем, но после того, как я такую записку в ЦК направил, мне просто неудобно делаться председателем. И председателем стал В. А. Кириллин (председатель ГКНТ), а меня записали его заместителем...»³⁴

Материалы указанной комиссии в фонде Госкомитета по науке и технике обнаружить не удалось. Возможно, она была создана при Политбюро ЦК КПСС, и ее материалы засекречены. Об этой комиссии в своих воспоминаниях говорит В. М. Глушков. Правда, здесь он допускает ошибку, датируя ее 1964 г., но это не подтверждается обнаруженными архивными документами.

Академик В. М. Глушков вспоминает: «...члены Комиссии занимались только негативной стороной, т. е. критикой того, что мы сделали... Уже в 1964 г. шли почти непрерывные заседания этой комиссии, каждую неделю почти мы заседали, и смотрели проект по страницам — а проект был очень толстый, несколько книг (1500 и 2000 страниц). И происходило так: Федоренко возражает против этого положения — выбросили его, министерство финансов возражает против того — тоже выкинули. И так далее. В конце концов, от проекта, от его экономической, собственно, части почти ничего не осталось, осталась только сама сеть. Так что тот эскизный проект, который есть, — он далеко не полный. А все остальные бумаги погибли, потому что раз они были секретными и окончательной формы не получили, то там нечего было рассекречивать, и они были уничтожены, сожжены. А нам не разрешали иметь даже копию в институте. Поэтому, к сожалению, мы не сможем полностью все восстановить»³⁵.

Предэскизный проект, разработанный комиссией 1964 г., был не больше 50 страниц. В его подготовке не участвовало министерство финансов. К тому же, он не был уничтожен, а хранится в архиве ВНИИ проблем вычислительной техники и информатизации. Следовательно, В. М. Глушков, будучи тяжело болен, перепутал две разные комиссии, работавшие в 1964 г. и 1970 г.

Вероятно, в ходе работы этой комиссии ученые и чиновники достигли компромисса, который лег в основу проектирования материалов на третьем этапе. Административно-хозяйственные органы согласились признать необходимость создания в стране автоматизированной системы при условии, что эта система будет не управляющей, а информационно-вычислительной базой существующих ведомств. Наконец-то был решен вопрос о том, какой быть сети ВЦ. Ее решили строить по территориальному принципу, но так, чтобы она включила в себя в качестве автономных ведомственные системы, в том числе автоматизированные республиканские системы. Система перестала быть единой, а превратилась в объединяющую. Именно тогда окончательно исчезла аббревиатура ЕСПУ (Единая автоматизированная система планирования и управления) и появилась ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система). Правда, и ученые смогли одержать маленькую победу. В. М. Глушкову удалось убедить почти всех членов комиссии (за исключением министра финансов В. Ф. Гарбузова) в необходимости создания Госкомитета по совершенствованию управления (Госкомупр) во главе с членом Политбюро для руководства всей деятельностью автоматизированной системы³⁶.

Необходимость создания Госкомупра В. М. Глушков доказывал, основываясь на полностью оправдавшем себя опыте создания атомного и ракетного оружия. «У С. П. Королева и И. В. Курчатова был шеф со стороны Политбюро, и они могли прийти к нему и сразу решить любой вопрос. А наша беда была в том, что у нас по нашей работе никого не было. А вопросы тут более сложные, потому что затрагивали политику, и любая ошибка тут могла иметь трагические последствия. Поэтому тем более была важна связь с кем-либо из членов Политбюро»³⁷.

Политбюро ЦК КПСС специально собралось для рассмотрения материалов комиссии. Как вспоминает В. М. Глушков, «...когда мы туда пришли (это, кстати, происходило в бывшем кабинете И. В. Сталина), то мне уже Кириллин [Председатель ГКНТ СССР (1965–1980). — *Примеч. авт.*] шепнул, что что-то произошло, но

что, он не знал... Во-первых, вопрос рассматривался на заседании, на котором не было Генерального секретаря: Л. И. Брежнев уехал в Баку на 50-летие. А. Н. Косыгин тоже отсутствовал, он уехал хоронить Г. А. Насера [Президент Египта (1956–1970). — *Примеч. авт.*]. А он должен был бы присутствовать. Так что спросить у верхах не у кого... Ведет заседание М. А. Сулов [Секретарь ЦК КПСС по идеологии. — *Примеч. авт.*]. Дали В. А. Кириллину выступить. Потом мне. Я выступил коротко, но мне очень много вопросов было задано. Я отвечал на эти вопросы. Потом были приглашены все зампреды. Л. В. Смирнов [Председатель Госкомитета Совета Министров СССР по оборонной технике. — *Примеч. авт.*] и, в общем, все зампреды поддержали наши предложения. Выступал Н. К. Байбаков... Он сказал так: “Я слышал, что здесь есть возражения у товарища Гарбузова. Коли эти возражения касаются увеличения аппарата, то я считаю это дело настолько важным, что если Политбюро только в этом усматривает трудность, то пусть мне дадут поручение как председателю Госплана и я внесу предложение, как ликвидировать три министерства (сократить или объединить) и выйдет штат для этого дела”³⁸.

На третьем этапе, судя по воспоминаниям В. М. Глушкова, ярким оппонентом ученых стал министр финансов В. Ф. Гарбузов, занимавший этот пост с 1960 г. На заседании Политбюро В. Ф. Гарбузов выступил так, что сказанное им, по признанию В. М. Глушкова, годилось скорее для анекдота: «Вышел на трибуну и обращается к К. Т. Мазурову [1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР (1965–1986). — *Примеч. авт.*]. Вот, мол, Кирилл Трофимович, по Вашему поручению я ездил в Минск, и мы осматривали там птицеводческие фермы. И вот на такой-то птицеводческой ферме (называет ее) птицеводы сами разработали вычислительную машину. Тут я громко засмеялся. Он мне так... погрозил и сказал: “Вы тут, Глушков, не смейтесь, здесь о серьезных вещах говорят”. Но его сразу перебил Сулов: “Товарищ Гарбузов, Вы пока еще тут не председатель, и не Ваше дело наводить порядок на заседании Политбюро”. А он, как ни в чем не бывало, такой самоуверенный, продолжает: “Три программы выполняет: включает музыку, когда курица снесла яйцо, свет выключает и зажигает и все такое прочее”. В общем, яйценокость повысилась. Вот, говорит, что нам надо делать: сначала все птицефермы в Советском Союзе автоматизировать, а потом уже думать про всякие глупости вроде общегосударственной системы»³⁹.

По словам В. М. Глушкова, именно В. Ф. Гарбузов настроил руководство против предложения о создании Госкомупра. Впоследствии В. М. Глушков по нескольким независимым каналам, прежде всего через помощников Председателя Правительства, узнал, что В. Ф. Гарбузов сходил к А. Н. Косыгину, видимо, перед его отъездом в Египет и сказал ему, что «Госкомупр станет организацией, с помощью которой ЦК будет смотреть, правильно ли он и Совет Министров в целом управляют экономикой». И возражения последовали от А. Н. Косыгина, а раз он возражал, то, естественно, это не могло быть принято⁴⁰.

Под конец заседания Политбюро наступил момент истины. Как вспоминает В. М. Глушков: «Выступает М. А. Суслов и говорит: “Товарищи, может быть, мы совершаем ошибку сейчас, что не принимаем проект в полной мере, но настолько революционное преобразование, что нам трудно сейчас. Может, давайте пока попробуем вот так, а потом будет видно, как быть”. И спрашивает не Кириллина, а меня: “Как Вы думаете?” А я говорю: “Михаил Андреевич, я могу Вам только одно сказать, что, если мы сейчас этого не сделаем, то во второй половине 70-х гг. советская экономика столкнется с такими трудностями, что все равно к этому вопросу придется вернуться”». Но с мнением В. М. Глушкова не посчитались, поскольку его никто не поддержал⁴¹.

Информация о том, что обсуждение проходило в отсутствие высшего руководства, позволяет определить период, в который могло состояться это заседание. Президент Египта Гамаль Абдель Насер скончался 28 сентября 1970 г. Известна также дата выхода в свет постановления, которое было принято по результатам заседания Политбюро. Это 8 октября 1970 г. Таким образом, вопрос о разработке проекта ОГАС был решен, скорее всего, в период с 28 сентября по 8 октября 1970 г.

Члены Политбюро, рассмотрев подготовленные комиссией материалы, по словам В. М. Глушкова, признали необходимость создания в стране автоматизированной системы. Однако вопрос, нужен ли Госкомупр или что-то другое, вновь вызвал споры. Все члены комиссии усомнились в целесообразности образования такого органа. Даже К. Н. Руднев, который всегда стоял на позиции ученых, не поддержал проект: «Он, хотя и подписал документ комиссии, но здесь выступил и сказал, что это, может, преждевременно». Проект комиссии Политбюро приняло лишь частично. Чиновники внесли контрпредложение, в котором все на порядок

снижалось: вместо Госкомупра с его огромными полномочиями они предложили создать Главное управление по вычислительной технике при Госкомитете по науке и технике⁴².

8 октября 1970 г. решение Политбюро было оформлено как очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вычислительной технике («О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники»)⁴³. Постановление о разработке проекта ОГАС подписали лично Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Данное постановление долгое время хранилось в ГА РФ под грифом «Сов. секретно» и было рассекречено в середине 1990-х гг.

Советское руководство придало проблеме создания ОГАС политическое значение. Отмечалось, что совершенствование управления в народном хозяйстве на базе ЭВМ является «не только технической, но и важнейшей политической задачей, успешное решение которой обеспечит ускорение создания материально-технической базы коммунизма»⁴⁴. Госплан СССР, министерства и ведомства должны были предусмотреть в плане развития народного хозяйства страны на 1971–1975 гг. создание и ввод в действие не менее 1600 автоматизированных систем управления предприятиями и организациями в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, связи, торговле и на транспорте⁴⁵.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР должно было обеспечить в 1971–1975 гг. подготовку в необходимых масштабах специалистов по созданию и применению в народном хозяйстве вычислительной техники и АСУ, в том числе не менее 125 тыс. специалистов с высшим образованием. Ведущие институты соответствующего профиля и ряд университетов должны были организовать специальные курсы по подготовке высококвалифицированных программистов-математиков и экономистов-математиков для разработки автоматизированных систем управления⁴⁶.

Для разработки проекта ОГАС был организован Всесоюзный научно-исследовательский институт проблем организации и управления (ВНИИПОУ). Его директором был назначен бывший сталинский нарком электростанций Д. Г. Жимерин. Научным руководителем института стал академик В. М. Глушков. Заместителем директора института был утвержден секретарь На-

учного Совета по вычислительной технике и системам управления Ю. А. Михеев.

Проект ОГАС был окончательно разработан в 1980 г. В этом документе ОГАС определялась как «объединение на единой методологической, организационной, технической, информационной и программной основе автоматизированных систем общегосударственных органов планирования, учета и управления, отраслевых АСУ союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств и ведомств, АСУ объединений, предприятий, территориальных организаций»⁴⁷. Подчеркивалось, что ОГАС «не является простой совокупностью различных ведомственных АСУ или информационно-вычислительной надстройкой над ними. ОГАС — это система, призванная обеспечить взаимодействие АСУ, а следовательно, и органов управления народным хозяйством при решении народнохозяйственных задач. ОГАС позволяет системе управления интегрировать все функции управления в единое целое, что обеспечит успешное функционирование экономики как единого народнохозяйственного комплекса». Однако отмечалось, что ОГАС «не может взять на себя решение межведомственных проблем с точки зрения принятия решений, которые являются компетенцией органов управления народным хозяйством»⁴⁸.

Таким образом, мы видим, что группа ученых математиков и экономистов во главе с академиком В. М. Глушковым была вынуждена выработать компромиссную концепцию ОГАС, которая учитывала общегосударственные интересы и интересы отдельных ведомств.

Ценой компромисса должна была стать огромная трата средств. На создание сети вычислительных центров потребовалось бы 40 млрд руб. (против 5 млрд руб. в первоначальном проекте). Из них:

- 5 млрд руб. на вычислительные центры коллективного пользования (ВЦКП),
- 5,5 млрд руб. на кустовые ВЦ,
- 10,5 млрд руб. на абонентские пункты и средства связи,
- остальная сумма на ведомственные системы и индивидуальные ВЦ⁴⁹.

На первой странице эскизного проекта ОГАС стоят подписи директора института Д. Г. Жимерина, его заместителя Ю. А. Михеева. Нет только подписи академика В. М. Глушкова, научного руко-

водителя института. Место, где должна была стоять его подпись, пусто. Это сразу бросается в глаза, поскольку предыдущие документы, подготовленные институтом, «Эскизный проект ГСВЦ», «Технический проект ГСВЦ» подписаны В. М. Глушковым. По словам Ю. А. Михеева, академик выступал за более радикальный вариант ОГАС, который должен был в корне изменить систему управления советской экономикой. Компромиссная концепция создания автоматизированной системы его не устраивала⁵⁰.

Проект ОГАС так и остался на бумаге, «утонув» в круговороте длительных межведомственных согласований. Он был свернут во второй половине 1980-х гг. по целому ряду причин. Прежде всего, проект устарел. На Западе произошла микропроцессорная революция. Персональные компьютеры вытеснили громоздкие и капризные ЭВМ на микросхемах. Возникла необходимость пересмотра проекта ОГАС. Однако сам по себе пересмотр проекта, который разрабатывался 17 лет и был частично реализован, потребовал бы дополнительного финансирования из государственного бюджета в условиях нарастающего социально-экономического и политического кризиса конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Во время перестройки на повестке дня встал вопрос о целесообразности дальнейшего существования административно-командной системы управления экономикой страны. Была принята целая серия законов, которая ослабляла степень централизации управления народным хозяйством и была направлена на расширение самостоятельности государственных предприятий. В частности, принятый 30 июня 1987 г. закон «О государственном предприятии (объединении)» был призван обеспечить переход на новые принципы хозяйствования — хозрасчет. Он был нацелен на определенную децентрализацию управления. Закон перераспределял права между министерствами и предприятиями, давал последним больше самостоятельности. Плановые задания предприятиям отменялись, вместо них вводился так называемый госзаказ. Произведенную сверх госзаказа продукцию предприятия могли реализовать самостоятельно. Предприятия получали свободу самим планировать свою деятельность, самостоятельно заключать контракты со своими поставщиками и потребителями. Разрешался выход на внешний рынок. Тем самым отменялась монополия государства на внешнюю торговлю.

В этих условиях заметно уменьшалась необходимость использовать ЭВМ и экономико-математические методы для составления оптимального плана развития народного хозяйства, поскольку

ку в экономику были допущены рыночные элементы. Программа производства каждого предприятия корректировалась текущим спросом на его продукцию, а не директивами вышестоящего государственного органа, как это было ранее. Возможности реализации проекта ОГАС резко сократились.

В целом необходимо отметить, что экономический эффект от многочисленных АСУ оказался намного меньше, чем ожидалось. Тезис о возможности создания такой системы остается дискуссионным. Современная экономическая наука считает, что проблеме эффективности использования ресурсов невозможно решить даже в рамках планового хозяйства, опираясь только на автоматизированные системы. Необходимое количество информации, точность расчетов может быть обеспечена АСУ, но стимулов к повышению производительности труда, рентабельности предприятия она сама по себе не создаст. Однако совершенствование методов стимулирования, направленных к повышению эффективности предприятий, сталкивалось в СССР с идеологическими или, точнее, с политическими ограничениями.

Примечания

¹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1971. С. 53.

² Там же. С. 309.

³ Загрельный П. А. Разгон. М., 1978. С. 8.

⁴ Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003.

⁵ Кутейников А. В., Шилов В. В. АСУ для СССР: Письмо А. И. Китова Н. С. Хрущеву. 1959 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 3. С. 45–52.

⁶ Исаев В. П. Вспоминая А. И. Китова — назад в будущее // Долгов В. А. Китов Анатолий Иванович — пионер кибернетики, информатики и автоматизированных систем управления: научно-библиографический очерк / под общ. ред. К. И. Курбакова. 2-е изд. М., 2010. С. 138.

⁷ Нескоромный В. Интервью с А. И. Китовым «Человек, который вынес кибернетику из секретной библиотеки» // Компьютерра. 1996. № 43. С. 44–45.

⁸ Кутейников А. В. Первые проекты автоматизации управления советской плановой экономикой в конце 1950-х и начале 1960-х гг. — «электронный социализм»? // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15. 2011. С. 124–138.

⁹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 мая 1963 г. «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство» // Государствен-

ный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 1324. Л. 160–172.

¹⁰ Кутейников А. В. Академик В. М. Глушков и проект создания принципиально новой (автоматизированной) системы управления советской экономикой в 1963–1965 гг. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15. 2011. С. 139–156.

¹¹ К вопросу о создании ЕГСВЦ (Предложения ЦСУ СССР) // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 7. Д. 1223. Л. 158–166.

¹² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1966 г. «Об улучшении организации работ по созданию и внедрению в народное хозяйство средств вычислительной техники и автоматизированных систем управления» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. М. 1968. С. 26.

¹³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства // КПСС в резолюциях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 10. М. 1986. С. 455–482.

¹⁴ Предложения ЦСУ СССР к проекту постановления Совета Министров СССР о создании ГСВЦ // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 879. Л. 2.

¹⁵ Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 156.

¹⁶ Глушков В. М. Указ. соч.

¹⁷ Приказ Председателя Госплана об экспертизе аванпроекта ГСВЦ. 26 августа 1966 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1268. Л. 131.

¹⁸ Моев В. А. Бразды управления (беседы с академиком В. М. Глушковым). М., 1974. С. 51.

¹⁹ Там же.

²⁰ Заключение экспертной подкомиссии по аванпроекту ГСВЦ // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1268. Л. 131.

²¹ Письмо Председателей Госплана СССР, ГКНТ СССР, Госнабза СССР, Госстроя СССР, АН СССР и Минприбора СССР в Совет Министров СССР по результатам экспертизы // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 879. Л. 15. Дата написания на данном документе не указана, но предположительно, он был создан не позднее декабря 1966 г.

²² Заключение экспертной подкомиссии по аванпроекту ГСВЦ // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1268. Л. 155.

²³ Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 325.

²⁴ Предложения Госплана СССР по созданию ГСВЦ // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 879. Л. 18–23.

²⁵ Там же.

²⁶ Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 325.

²⁷ Протокол заседания Научного Совета по вычислительной технике и системам управления при ГКНТ СССР и АН СССР. 2 июля 1968 г. // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 639. Л. 10.

²⁸ Там же. Л. 12.

²⁹ Там же. Л. 34.

³⁰ Выписка из Протокола заседания Президиума Совета Министров СССР. 18 декабря 1968 г. // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 879. Л. 127.

³¹ Письмо Председателя ЦСУ СССР В. Н. Старовского по вопросам создания ГСВЦ от 27 мая 1969 г. // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 879. Л. 150.

³² Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 325.

³³ Судьбы реформ и реформаторов в России / под общ. ред. Р. Г. Пихои, П. Т. Тимофеева. М., 1999. С. 330.

³⁴ Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 327.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит. по: Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах. Киев, 1995. С. 162. Тот же источник: Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 327.

³⁸ Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 328.

³⁹ Цит. по: Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах. Киев, 1995. С. 163. Тот же источник: Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 328.

⁴⁰ Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается (расшифровка аудиозаписи, 10 января 1982 г.) // Академик В. М. Глушков — пионер кибернетики / сост. В. П. Деркач. Киев, 2003. С. 331.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1970 г. «О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 1621. Л. 58–67.

⁴⁴ Там же. Л. 67.

⁴⁵ Там же. Л. 59.

⁴⁶ Там же. Л. 66.

⁴⁷ Эскизный проект ОГАС. М., ВНИИПОУ. 1980. С. 11 // Архив Всероссийского научно-исследовательского института проблем вычислительной техники и информатизации (ВНИИПВТИ). Архив не каталогизирован.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Техничко-экономическое обоснование ГСВЦ. Состав и краткая аннотация. М., ВНИИПОУ. 1976 // Архив ВНИИПВТИ. С. 16.

⁵⁰ Интервью, данное автору проф., д. э. н. Ю. А. Михеевым (стенограмма хранится в личном архиве исследователя).

Д. В. Диденко*

Экономическая эффективность догоняющей модернизации советской образовательной системы в межстрановом сопоставлении

Образовательные модернизации в контексте индустриальной системной трансформации

Теория человеческого капитала рассматривает индивидуальные, корпоративные и государственные расходы на образование как производственные инвестиции, промежуточным результатом которых является повышение образовательного уровня экономически активного населения, а конечным — прирост индивидуальных и общественных благ, выраженных в стоимостном эквиваленте¹.

Накопление человеческого капитала посредством бурного развития системы массовых организованных форм образования стало одним из ключевых процессов системной трансформации традиционных аграрных обществ в современные индустриальные (модернизация)². В образовательной сфере осуществлялся переход от элитарной к эгалитарной модели на уровне начального и среднего (на более поздних стадиях) и к меритократической модели на более высоких уровнях профессионального образования.

При характеристике типологических особенностей образовательной модернизации в период создания индустриальной экономики следует отметить, что *на ее ранних стадиях более значимым политическим вопросом является экстенсивное расширение образовательной отрасли и рост количественных показателей образовательного уровня населения, чем его качественное состояние.*

---

* Диденко Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук (Институт социологии РАН, г. Москва).

Важными эмпирическими характеристиками данного этапа развития в любой стране являются быстрое расширение начального образования, ликвидация массовой элементарной неграмотности и накопление критического уровня человеческого капитала, необходимого для ускорения экономического роста. В то же время массовое распространение более высоких уровней профессионального образования характерно для зрелых стадий индустриального развития и при переходе к постиндустриальному (информационному) обществу.

Вопрос о роли образовательного уровня населения и накопления человеческого капитала в странах инновационной и догоняющей индустриальной модернизации

С. Кузнец, удостоенный Нобелевской премии в области экономики (1971), рассматривал период после начала индустриальной революции в Великобритании (конец XVIII в.) как новую (современную) эпоху в мировой истории. Он указывал на прогресс в накоплении знаний (а также на развитие науки и образования в качестве средств их производства и распространения) как на основной источник современного экономического роста, оставляя открытым вопрос, к улучшению какого из традиционных факторов производства (капитала или рабочей силы) следует относить данный процесс³.

Работы А. Фишлоу и Э. Уэста⁴ были первыми эмпирическими исследованиями, обратившими внимание на экономическую роль образования в период индустриальной революции в странах-пионерах (Великобритания и США). Уэст поставил вопрос о механизме воздействия образования на экономический рост и ввел термин «образовательная революция», которая сопровождала индустриальную.⁵

Тем не менее последующие исследователи пришли к выводу, что по крайней мере на первой стадии индустриальной революции в Англии (конец XVIII — начало XIX в.) образование не играло значительной роли, поскольку технический прогресс носил трудосберегающий, капиталоемкий характер (с точки зрения преимущественного использования физического капитала) и не тре-

бывал от рабочей силы больших знаний, чем они могли получить непосредственно в процессе работы. Лишь на второй стадии (во второй половине XIX в.) технологический прогресс стал предъявлять требования к квалификации рабочих и соответственно стал возрастать спрос на человеческий капитал, формируемый в сфере институционализированных форм образования⁶.

Во многих странах индустриальная модернизация проводилась по догоняющей модели, основанной на адаптации исторически передовых технологических и институциональных заимствований, проявивших свою эффективность во внешних условиях. Стимулом для осуществления соответствующей экономической политики, как правило, являлась необходимость ответа на внешние угрозы, нарастающие вследствие «запаздывающего» развития по отношению к другим странам. На основе модернизационной теоретической парадигмы А. Гершенкроном было осмыслено, что характер экономического развития стран «второго эшелона», ориентированного на масштабное технологическое заимствование, типологически отличался от стран-пионеров⁷.

Классическая модель Р. Нельсона и Э. Фелпса⁸ теоретически обосновывала положение об определяющем значении накопленного в странах-реципиентах критического объема человеческого капитала для успешного заимствования и диффузии новых технологий (к которым можно отнести и социально-экономические институты). В историко-экономической литературе последних десятилетий укрепилось мнение о ведущей роли человеческого капитала в заимствовании и освоении новых технологий в процессе догоняющего развития, успешность которого в большей степени определяется *объемом* накопленного человеческого капитала, а не *темпами* его роста⁹.

Р. Истерлин отмечал вслед за С. Кузнецем, что распространение массового формального образования способствовало догоняющему развитию, поскольку формировало качества и навыки населения, облегчавшие распространение нового технологического знания¹⁰. Таким образом, созданная на ранних стадиях индустриальной революции система массового образования служила звеном между культурой общества и современным экономическим ростом¹¹. При этом он обратил внимание на то, что ускорению роста не способствовало повышение образовательного уровня

преимущественно элиты общества без создания системы *массового* образования¹².

Таким образом, для страны, экономика которой ориентирована на широкомасштабное технологическое и институциональное заимствования (в соответствии с догоняющей стратегией развития), необходимо обеспечить достаточный в количественном и в качественном отношении образовательный уровень населения, чтобы заимствованные достижения были быстро освоены и внедрены.

Рассматривая указанную проблему, К. Азариadis и А. Дразен отмечали, что быстрый экономический рост не может состояться без относительно высокого уровня инвестиций в человеческий капитал относительно душевого ВВП, но когда уровень накопленного физического и/или человеческого капитала преодолевает критическое значение, совокупные производственные возможности могут расширяться особенно быстро¹³. Таким образом, для ускорения роста национальной экономики необходимо накопление *критической массы* физического и человеческого капитала задолго до того, как соответствующие инвестиции принесут результаты¹⁴. Это рассматривалось как необходимое, но недостаточное условия для поддержания темпов роста на высоком уровне¹⁵. Для тестирования своего предположения в качестве индикатора образовательного уровня населения Азариadis и Дразен использовали уровень элементарной грамотности. Однако объяснительная способность этого показателя находится на приемлемом уровне на ранней стадии образовательной модернизации, но сильно падает по мере расширения более высоких уровней образования, чем начальное.

Отмеченные теоретические исследования, делающие акцент на скорости распространения инноваций и сокращения дистанции технологического «лидера» и «последователя», позволяют понять, почему отдача на человеческий капитал (измеряемая премией за квалификацию) имеет тенденцию возрастать в период быстрых технологических сдвигов, отражая возрастание спроса на квалифицированный труд. Данное явление было впервые замечено С. Кузнецем при изучении долгосрочных трендов дифференциации доходов при индустриальном развитии и связывалось им с процессом урбанизации¹⁶. Это же явление в более широком хронологическом и страновом контексте анализировалось нами с обращением к теории человеческого капитала¹⁷.

В эмпирическом исследовании С. Беккер, Э. Хорнунг, Л. Вессманн проанализировали влияние изменений в образовательном уровне населения на догоняющее индустриальное развитие регионов Пруссии¹⁸. Эта страна, осуществившая в XIX в. прорыв в экономическом развитии и в результате объединившая вокруг себя Германию, представляет исторически первый пример «второго эшелона» индустриальной модернизации. На основе количественного анализа указанные авторы пришли к выводам, что без исторически передовой образовательной системы, созданной до начала индустриальной революции, Пруссия не смогла бы осуществить успешное догоняющее развитие и к концу XIX в. перехватить у Англии технологическое лидерство во многих отраслях¹⁹.

На материале Бразилии 1970-х гг. Л. Лау, Д. Джемисон, Ш. Лайу и С. Ривкин²⁰ установили критический уровень накопления человеческого капитала, приводящий к резкому повышению его социальной отдачи. Согласно их расчетам, в этот период в тех штатах Бразилии, где средний образовательный уровень экономически активного населения повысился с 3 до 4 лет обучения, отмечалось резкое увеличение темпов роста валового регионального продукта²¹. При этом указанные авторы подчеркивали, что экономическому росту благоприятствует более равномерное распределение образовательного уровня населения²². Такое повышение образовательного уровня наряду с его более равномерным распределением были призваны обеспечить национальные системы массового образования. Их создание происходило в разных странах в разное время.

Важнейшим результатом создания таких систем стала значительная интенсификация вертикальной социальной мобильности. Широкое открытие ее каналов в СССР позволило обеспечить долговременную идеологическую и политическую лояльность населения государственной власти, несмотря на масштабный физический террор с ее стороны (и, возможно, создавая к нему необходимое дополнение). Введение в СССР *всеобщего* начального (1930-е гг.), неполного среднего (конец 1940-х — начало 1950-х гг.), а затем и полного среднего образования (середина 1970-х гг.) явилось примером выравнивания образовательных возможностей представителей различных статусных групп в условиях, когда обеспечение доступности выражалось преимущественно в показателях охвата формальным обучением. Не последнюю роль

в этом сыграло значительное увеличение ресурсов, направляемых в образовательную систему страны²³. Отмеченный характер «социального заказа» со стороны индустриальной экономики в СССР адекватно сочетался с соответствующим идеологическим контекстом.

По данным Б. Н. Миронова, новаторски обратившегося к проблематике взаимосвязи образования и экономического роста на отечественном материале, в СССР повышение среднего образовательного уровня экономически активного населения с 3 до 4 лет обучения (соответствующее критическому уровню, установленному на материале Бразилии) относится к 1936–1939 гг.²⁴

Сопоставляя данные по СССР и по другим странам, мы можем заключить, что *прорыв в образовательном уровне населения при создании индустриальной экономики выражается в увеличении среднего количества лет обучения на одного человека с 1–2 до приблизительно 5 лет*. Данный показатель являлся определяющим при выборе группы стран и периодов «образовательных революций» (табл. 1).

В свою очередь сравнение затрат и результатов, достигнутых экономиками разных стран при решении однотипных исторических задач, может способствовать лучшему освещению вопроса о степени эффективности политики догоняющего индустриального развития. При этом методология измерения той части человеческого капитала, которая формируется в организованных формах массового образования, является наиболее разработанной в предшествующей исследовательской практике.

Подходы к осуществлению межстрановых сопоставлений эффективности образовательных модернизаций

В качестве базы межстрановых сравнений образовательной сферы в период осуществления индустриальной модернизации рассматриваются США как страна, в которой соответствующие количественные и качественные изменения происходили раньше и носили инновационный характер. Тем не менее довольно значительная хронологическая дистанция (середина XIX в.) имеет следствием низкое качество дошедшей до нас статистической информации. Другим важным обстоятельством является то, что

инновационный и догоняющий способы осуществления индустриальной модернизации имеют существенные типологические различия.

Помимо СССР, индустриальную модернизацию по догоняющей модели проводили другие крупные страны (прежде всего в Восточной Азии). *В данном случае наиболее референтной по отношению к СССР страной, на наш взгляд, является Япония.* Это обусловлено следующими историческими обстоятельствами.

Во-первых, сравнения относятся к близкому историческому периоду, в который две страны имели сопоставимые уровни ВВП на душу населения и его размер. В 1928 г. СССР и Япония по абсолютному размеру ВВП (с учетом покупательной способности) занимали соответственно 4 и 6 место в мире (соответственно 29 % и 16 % от уровня США), по ВВП на душу населению имели уровни соответственно 21 % и 30 % от американского²⁵.

Во-вторых, политические элиты обеих стран в разных системах идеологических координат ставили задачу преодоления технологического отставания от экономически развитых стран и распространения своего влияния на их традиционные зоны геополитических интересов (в том числе установления прямого контроля над ними).

В-третьих, в периоды резкого роста образовательного уровня населения тенденции дифференциации его доходов в целом имели общее (восходящее) направление и в СССР²⁶, и в Японии²⁷, отражая повышенный спрос на квалифицированный труд.

В-четвертых, экономики обеих стран сильно пострадали во время Второй мировой войны, и их последующий рост в значительной степени носил восстановительный характер²⁸.

Наконец, сравнение характера развития интеллектуальных секторов экономики, в том числе образовательных отраслей России (СССР) и Японии, ранее проводилось в научной литературе, посвященной анализу типологических характеристик догоняющей модернизации двух стран²⁹.

Ограниченность представленных в современном виде статистических данных по XIX в. не всегда позволяет использовать их для проведения количественного анализа образовательных революций в межстрановом измерении. В этой связи мы не стали включать в состав анализируемых стран Великобританию и

Германию (Пруссию), отмеченные выше как представительные в данном отношении.

В то же время мы включили в состав нашей выборки ряд развивающихся стран, осуществлявших образовательные модернизации во второй половине XX в., в отношении которых имеются сопоставимые статистические данные.

Характеристика анализируемых показателей

Экономически образовательный процесс может быть описан в терминах «затраты — выпуск», наличие прямой причинно-следственной связи между которыми постулируется.

В качестве совокупного показателя затрат нами взято *отношение государственных расходов на образование к валовому национальному продукту (ВНП) или валовому внутреннему продукту (ВВП)*³⁰ за один финансовый год. Данный показатель имеет достаточно длительную историю, хорошо представлен в изданиях международных организаций (ЮНЕСКО, Всемирный банк) и в научной литературе. С точки зрения теории человеческого капитала, он отражает на макроуровне финансовую норму валового инвестирования, осуществляемого в системе формального образования за счет государственных источников. В то же время в системе национальных счетов соответствующие расходы пока рассматриваются как одна из составляющих государственного потребления. Более объемлющим было бы использование расширенного показателя (отношение совокупных затрат на образовательные цели к ВНП/ВВП), но в связи со сложностью учета расходов из негосударственных источников он получил меньшее распространение и не имеет удовлетворительных исторических данных³¹.

В качестве показателя текущего выпуска (результат образовательного процесса) нами принималось количество человек, прошедших обучение за единицу времени (один учебный год). В относительном выражении (к общему количеству населения) он характеризует уровень охвата населения всеми формами образования и на макроуровне отражает норму валового натурального накопления человеческого капитала, осуществляемого в системе формального образования как за счет государственных, так и в

значительной степени других источников. В 1990–2009 гг. близкие индикаторы (охват обучением в начальных, средних и высших учебных заведениях по соответствующим возрастным группам) учитывались при расчете Индекса развития человеческого потенциала (Human Development Index), публикуемого в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в ежегодном Докладе о развитии человека³².

С учетом накопленного (и амортизированного) ранее выпуска совокупный показатель образовательного уровня населения страны измеряется *средним количеством лет обучения одного человека в системе формального образования*. Несмотря на неспособность данного индикатора отразить его качественные параметры, он имеет давнюю традицию использования и рассматривается в научной литературе как наиболее репрезентативный косвенный показатель совокупного (чистого) объема накопленного страной человеческого капитала³³. С 2010 г. он также используется при расчете Индекса развития человеческого потенциала в рамках ПРООН. Имея более точную числовую размерность, чем другой часто используемый показатель элементарной грамотности взрослого населения, он гораздо лучше отражает изменения в его образовательном уровне. Индикатор грамотности также не всегда удачно подходит для межстрановых сопоставлений, поскольку в разных обществах (в том числе в силу лингвистических особенностей) и в разные периоды времени критерии грамотности могли заметно различаться³⁴.

Человеческий капитал общества формируется не только в массовых институционализированных формах образования, но также в различных неформальных и информальных практиках дополнительного образования, обучения в семье и на рабочем месте, что в современной литературе в совокупности нашло отражение в концепте «непрерывное образование». Но измерение объема инвестиций в такого рода человеческий капитал сопряжено с серьезными источниковедческими и методологическими трудностями. Поэтому наиболее достоверными индикаторами, особенно в хронологически отдаленные периоды времени, остаются показатели финансовых затрат и натурального выпуска образовательного сектора.

Основные характеристики образовательных модернизаций*

Страна (терр-я)	Период осуществления «образовательной революции»	Кол-во лет	Гос. расходы на образование, средние за период (% ВВП/ВНП)	Ср.-годовой прирост гос. расходов на образование (п.п. ВВП/ВНП)	Ср.-годовой прирост кол-ва лет обучения	Источник данных о кол-ве лет обучения
США	1840–1900	60	1,09	0,02	0,07	Turner et al.
Япония	1890–1935	45	2,47	0,04	0,11	G&H
					0,07	BvL
СССР	1920–1941	20	4,67	0,23	0,24	Мирунов
Тайвань	1930–1970	40	2,86	0,06	0,10	G&H
					0,14	B&L
Ю. Корея	1945–1975	около 30	3,82	-0,02	0,14	G&H
					0,16	B&L
					0,20	C&S
Китай	1950–1990	более 40	1,95	0,02	0,10	B&L
					0,09	C&S
Ботсвана	до 1960–1990	около 35	6,08	0,07	0,12	B&L
Турция	до 1960–1995	около 40	3,11	-0,01	0,09	B&L
					0,10	C&S
Индонезия	1950–2000	50	3,36	-0,03	0,09	B&L
					0,14	C&S
					2,90	0,06
Индия	до 1960–2000	около 45	3,03	0,05	0,08	B&L
					0,08	C&S
					0,13	BvL
Бразилия	до 1960–2000	35	3,01	0,06	0,05	B&L
					0,11	C&S

Страна (терр-я)	Период осуществления «образовательной революции»	Кол-во лет	Гос. расходы на образование, средние за период (% ВВП/ВНП)	Ср.-годовой прирост гос. расходов на образование (п.п. ВВП/ВНП)	Ср.-годовой прирост кол-валет обучения	Источник данных о кол-вела лет обучения
Сирия	1960–1990	30	4,34	0,02	0,13	B&L
					0,12	C&S
Египет	1960–1995	35	5,06	-0,01	0,14	C&S
Алжир	1965–2000	35	6,25	0,12	0,12	B&L
					0,14	C&S
Иран	1965–2000	35	4,01	0,05	0,11	B&L
					0,12	C&S
Тунис	1965–2000	35	5,70	0,07	0,12	B&L
					0,09	C&S

* Кроме значений по СССР, жирным шрифтом также отмечены более высокие значения уровня государственных расходов на образование в других странах.

Источники: (характеристику см. в приложении):

Государственные расходы:

США: Fishlow A. Levels of Nineteenth-Century American Investment in Education // Journal of Economic History. 1966. Vol. 26. № 4. P. 430 (включают также расходы из негосударственных источников).

СССР: Bergson A. Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961. P. 46.

Япония: Levine S., Kawada H. Human Resources and Japanese Industrial Development. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1980. P. 82.

Индонезия (если источником данных о количестве лет обучения указан BvL): Leeuwen B. van. Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia, and Japan: A quantitative analysis, 1890–2000. PhD thesis. Utrecht University – Box Press Publishers, 2007. P. 258–260, 279–281 (<http://www.iisg.nl/indonesianeconomy/humancapital/pdf/proefschriftbv1.pdf>).

Прочие: Barro R. J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. New York: McGraw-Hill, 1995 (данные: <http://www.nber.org/pub/barro.lee/>); UNESCO. World Education Report. Paris: UNESCO Publishing, 1998, 2000; UNESCO Institute for Statistics. Data Centre. (<http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/>

document.aspx?ReportId=143&IF_Language=eng); UNESCO Institute for Statistics. Global Education Digest. Montréal, 2003; UNDP. Human Development Report. New York, 1990, 1992, 1994, 1995, 1996, 2005, 2007, 2008.

Среднее количество лет обучения:

Миронов: Миронов Б. Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 124–125.

B&L: Barro R. J., Lee J.-W. International Data on Educational Attainment: Updates and Implications // Oxford Economic Papers. 2001. Vol. 53. № 3 (данные: http://www.cid.harvard.edu/ciddata/barrolee/appendix_data_tables.xls).

BvL: Leeuwen B. van. Op. cit. P. 273–275.

C&S: Cohen D., Soto M. Growth and Human Capital: Good Data, Good Results // Journal of Economic Growth. 2007. Vol. 12. № 1 (данные: http://www.oecd.org/dataoecd/33/13/2_669_521.xls).

G&H: Godo Y., Hayami Y. The Human Capital Basis of the Japanese Miracle: A Historical Perspective. Paper presented for Workshop on State, Community, and Market in Development. February 27–28, 2009, at National Graduate Institute for Policy Studies (Tokyo).

Turner et al.: Turner C., Tamura R., Mulholland S., Baier S. Education and Income of the States of the United States: 1840–2000 // Journal of Economic Growth. 2007. Vol. 12. № 2. P. 109.

Прирост показателя среднего количества лет обучения (в годах) на единицу прироста относительных затрат (в процентных пунктах ВВП/ВВП) в данном случае рассматривается как основной показатель отраслевой эффективности системы образования, позволяющий сравнивать как рыночные, так и нерыночные экономики. Соотношение приростов среднего количества лет обучения и уровня государственных расходов показывает в абсолютном выражении чувствительность выпуска образовательной отрасли к государственным затратам на ее функционирование и позволяет в первом приближении оценить эффективность образовательной модернизации в межстрановом сопоставлении.

По двум указанным временным рядам нами рассчитывались для каждой отдельной страны соответствующие показатели эффективности образовательной модернизации.

1. Коэффициент при независимой переменной в парной линейной регрессии, построенной по методу наименьших квадратов.
2. Отношение разностей начальных и конечных значений.
3. Отношение разностей экстремумов (максимальных и минимальных значений).
4. Отношение угловых коэффициентов линейных трендов временных рядов.
5. Отношение средних приростов к базовым (начальным) уровням.

6. Отношение средневзвешенных по времени приростов к базовым уровням (начала периода).

Поскольку каждый из указанных показателей обладает как достоинствами, так и недостатками, их совокупное использование позволяет отразить разные стороны эффективности государственных затрат на модернизацию национальных образовательных систем.

1. Регрессионный анализ, основанный на применении метода наименьших квадратов, является в таких случаях стандартным способом расчета показателей чувствительности. В этом случае уравнение парной линейной регрессии, выражающее внутривременную функциональную зависимость результатов от затрат во времени, имеет вид:

$$Y_{oS} = \alpha + \beta * EdGDP + \varepsilon \quad (1)$$

Обозначения:

α, β — коэффициенты регрессии

Y_{oS} — среднее количество лет обучения

$EdGDP$ — уровень государственных расходов на образование

ε — ошибка (отклонение фактического значения Y_{oS} от рассчитанного по модели).

Достоинством регрессионного анализа является то, что он позволяет помимо получения коэффициента влияния факторного признака на результативный определить его силу и статистическую значимость, учтя все колебания признаков. В то же время предпосылки корректного использования метода наименьших квадратов в нашем случае, как правило, нарушаются.

В частности, высокие значения коэффициентов первого порядка в автокорреляционных функциях исходных временных рядов свидетельствуют о наличии в их структуре сильных трендовых составляющих и слабости циклических. Также многочисленные усреднения и интерполяции в исходных уровнях временных рядов ведут к тому, что мы вынуждены ограничиться преимущественно рассмотрением их трендов и не можем корректно выделить из исходных рядов их составляющие. В последнем случае при построении новых парных регрессий по отклонениям исходных уровней рядов от их трендовых компонент наблюдаются либо низкие показатели статистической значимости, либо вновь имеет место автокорреляция остатков.

Кроме того, регрессионный анализ рядов с единой временной шкалой учитывает мгновенные реакции результативного признака на факторный, которые могут быть вызваны случайными флуктуациями, в то время как функциональные следствия проявляются лишь по прошествии определенного времени.

2–3. В определенной степени исправить эти недостатки можно, приняв во внимание изменения признаков только в конце периода по сравнению с его началом. Однако такой подход вообще не учитывает их колебания внутри периода. Поэтому такой показатель должен дополняться измерением эффективности по максимальным и минимальным значениям показателей. Если отношение разностей начальных и конечных значений, с одной стороны, и отношение разностей их экстремумов, с другой, показывают близкие значения, то это позволяет с достаточной определенностью интерпретировать их значения. Однако в случае заметного расхождения между ними требуется дополнительная проверка с помощью других индикаторов, поскольку начальные и конечные значения, как и экстремумы, могли являться случайными выбросами и отклоняться от общих линий трендов результативного и факторного признаков.

4. С этой точки зрения, измерение эффективности по отношению угловых коэффициентов линейных трендов временных рядов показателей (уровня государственных расходов на образование и среднего количества лет обучения) имеет несомненные преимущества. При этом также используется метод наименьших квадратов, что позволяет учитывать все колебания показателей, но именно в той степени, в какой они влияют на направление их трендов в рамках рассматриваемого исторического периода. Однако недостатки этого метода связаны с тем, что далеко не все тренды показателей наилучшим образом аппроксимируются линейной функцией.

5–6. Пятый и шестой показатели эффективности учитывают все изменения входных параметров, которые имели место на протяжении рассматриваемого хронологического периода, в том числе с задержкой по времени и усреднением случайных флуктуаций. При этом они не требуют аппроксимации временных рядов показателей по линейному тренду.

Не взвешенный по времени показатель вычислялся как отношение среднего изменения показателя количества лет обучения по сравнению с началом образовательной модернизации к среднему изменению показателя доли государственных расходов

на образование в ВВП по сравнению с началом образовательной модернизации. Алгебраически (после сокращения количества лет в числителе и знаменателе) это тождественно отношению сумм ежегодных приростов соответствующих показателей к базовым уровням:

$$E = \frac{\sum_{t=1}^n (YoS_t - YoS_1)}{\sum_{t=1}^n (EdGDP_t - EdGDP_1)} \quad (2)$$

Обозначения:

E — показатель эффективности (прирост количества лет обучения на единицу прироста доли государственных расходов на образование в ВВП)

YoS — количество лет обучения в *t*-й год

EdGDP — доля государственных расходов на образование в ВВП в *t*-й год

t — порядковый номер года

n — продолжительность рассматриваемого периода образовательной модернизации, лет.

С точки зрения классической теории инвестирования, более ранние по времени расходы и результаты имеют большее влияние на показатель эффективности. Для этого производится дисконтирование денежных потоков, то есть их приведение к стоимости начального момента инвестирования путем сопоставления с эффективностью альтернативного вложения в рамках инвестиционного горизонта. В нашем случае «инвестиционный горизонт» условно соответствует продолжительности образовательной модернизации. Но в данном случае мы имеем дело с натуральными показателями и сталкиваемся с проблемой: как определить коэффициент, относительно которого следует взвешивать показатели? Традиционно применяемые «безрисковые» процентные ставки везде разные, не везде рыночные, и в этом случае исчезает межстрановая сопоставимость показателей. Наш подход предполагает внутрисистемное ограничение периодом образовательной модернизации, из которого следует «растягивание» коэффициента дисконтирования внутри периода образовательной модернизации. В основе этого лежит следующее предположение: если страна

проводила модернизацию в сжатые сроки, то временная ценность ресурсов была повышенной. Это достигается, если величина ставки дисконтирования обратна продолжительности образовательной модернизации.

В случае с взвешиванием образовательных расходов и их результатов по времени показатель эффективности вычислялся по следующей формуле:

$$E = \frac{\sum_{t=1}^n \frac{YoS_t - YoS_1}{(1+1/n)^t}}{\sum_{t=1}^n \frac{EdGDP_t - EdGDP_1}{(1+1/n)^t}} \quad (3)$$

Аналогично случаю с уравнением (2), алгебраически уравнение (3) тождественно имеющему более четко выраженный экономический смысл отношению средневзвешенных по времени ежегодных приростов соответствующих показателей к базовым уровням.

Предложенный метод взвешивания не приводит к какому-либо изменению показателя эффективности в следующих случаях:

- при изменении всех значений затрат и результатов на одинаковое число;
- при пропорциональном изменении затрат и результатов (при умножении их значений на одинаковый коэффициент).

В то же время взвешенный показатель эффективности окажется выше при более ранней отдаче от увеличения государственных расходов на образование и/или снижении этих расходов в более поздние периоды образовательной модернизации (при всех прочих равных).

Результаты межстрановых сопоставлений эффективности осуществления образовательных модернизаций

Как отмечалось выше, на протяжении XIX–XX вв. (в том числе в период 1960–2000 гг., в отношении которого имеются наиболее качественные и сопоставимые данные) несколько стран при переходе к индустриальному развитию решали аналогичную СССР 1920–1930-х гг. историческую задачу создания национальной системы массового образования населения.

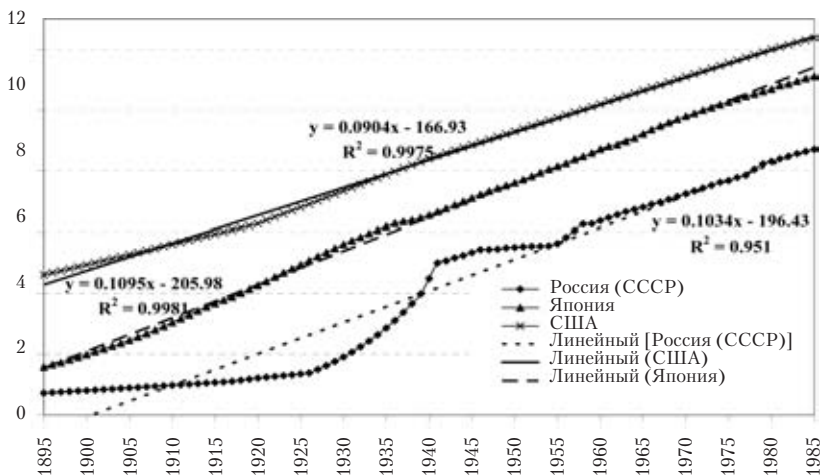

Сравнивая динамику показателя среднего количества лет обучения в России (СССР), Японии и США в период 1895–1985 гг., важно отметить, что СССР в 1926–1940 гг. значительно сократил усилившееся в начале XX в. отставание от указанных стран.

При этом в долгосрочной ретроспективе сокращение *абсолютной* разницы в образовательном уровне населения трех стран было небольшим. На это указывает положение линий соответствующих трендов, которое близко к параллельному (рис. 1). Однако межстрановая дистанция заметно сократилась в *относительном* выражении.

Рисунок 1

Динамика показателя средних лет обучения одного человека в СССР (в возрасте от 9 лет), Японии (в возрасте от 15 до 64 лет) и США (в составе рабочей силы)

Источник: Миронов (1994); Turner et al. (2007); Godo, Hayami (2009).

Беспрецедентной была скорость количественного расширения советской образовательной системы. На такие темпы роста не выходила ни Япония в 1890–1935 гг., ни одна из рассмотренных стран в более позднее время.

Как отмечалось выше, регрессионный анализ помимо собственно расчета количественного значения показателя эффективности дает дополнительную информацию о степени его достоверности.

Результаты соответствующих расчетов показывают (табл. 2), что для большинства рассматриваемых стран коэффициенты детерминации регрессий (R^2) превышают уровень 0,7, уровни значимости F близки к 0, стандартные ошибки коэффициентов независимой переменной (уровень госрасходов на образование) заметно ниже самих значений коэффициентов, а стандартная ошибка регрессии заметно меньше стандартного отклонения зависимой переменной (среднее количество лет обучения). По нашему мнению, это позволяет интерпретировать результаты большинства внутривнутристрановых регрессий с удовлетворительной степенью надежности.

Таблица 2

Характеристика параметров регрессионных моделей эффективности образовательных модернизаций*

Страна (терр-я)	K (EdGDP)	SE (EdGDP)	SE (R)	σ (YoS)	R^2	p (F)	Source
США	3,748	0,103	0,255	1,219	0,958	0,000	Turner et al.
Япония	1,686	0,098	0,560	1,521	0,871	0,000	G&H
	1,130	0,069	0,393	1,026	0,860	0,000	BvL
СССР	0,691	0,116	0,455	0,861	0,764	0,000	Миронов
Тайвань	2,239	0,536	0,311	0,482	0,660	0,002	G&H
	1,981	0,564	0,327	0,455	0,578	0,007	B&L
Ю. Корея	0,005	0,331	0,832	0,778	0,000	0,989	G&H
	-0,041	0,252	0,634	0,593	0,002	0,873	B&L
	-0,052	0,385	0,968	0,906	0,001	0,895	C&S
Китай	0,827	0,369	0,382	0,417	0,264	0,042	B&L
	1,496	0,182	0,480	0,847	0,700	0,000	C&S
Ботсвана	0,497	0,091	0,771	1,065	0,509	0,000	B&L
Турция	-0,494	0,146	0,778	0,874	0,253	0,002	B&L
	-0,588	0,183	0,977	1,084	0,232	0,003	C&S
Индонезия	-0,922	0,217	0,850	1,004	0,317	0,000	B&L
	-1,714	0,362	1,420	1,739	0,365	0,000	C&S
	0,930	0,138	1,236	1,949	0,544	0,000	BvL

Страна (терр-я)	К (EdGDP)	SE (EdGDP)	SE (R)	σ (YoS)	R ²	p (F)	Source
Индия	1,835	0,111	0,373	1,030	0,875	0,000	B&L
	1,521	0,101	0,338	0,864	0,855	0,000	C&S
	2,759	0,154	0,516	1,533	0,892	0,000	BvL
Сирия	0,851	0,141	0,816	1,187	0,558	0,000	B&L
	0,741	0,132	0,767	1,070	0,520	0,000	C&S
Египет	0,174	0,556	1,619	1,577	0,003	0,756	C&S
Алжир	0,619	0,108	0,729	1,057	0,558	0,000	B&L
	0,684	0,121	0,814	1,173	0,553	0,000	C&S
Иран	0,529	0,207	1,162	1,233	0,161	0,015	B&L
	0,499	0,232	1,299	1,346	0,120	0,038	C&S
Тунис	1,091	0,178	0,867	1,222	0,510	0,000	B&L
	0,834	0,136	0,662	0,934	0,512	0,000	C&S
Бразилия	0,561	0,045	0,284	0,302	0,799	0,000	B&L
	1,420	0,077	0,485	0,980	0,898	0,000	C&S

Расчитано автором по данным источников табл. 1.

* Обозначения:

К (EdGDP) – коэффициент переменной уровня государственных расходов на образование;

SE (EdGDP) – стандартная ошибка коэффициента переменной уровня государственных расходов на образование;

SE (R) – стандартная ошибка регрессии;

σ (YoS) – Стандартное отклонение переменной среднего количества лет обучения;

R² – коэффициент детерминации;

p (F) – значимость регрессии по F-статистике;

Source – источник данных о количестве лет обучения (см. источники табл. 1).

В то же время результаты теста Дарбина – Уотсона на автокорреляцию первого порядка остатков регрессий, построенных по исходным уровням временных рядов, в большинстве случаев пока-

зывают ее наличие и статистическую значимость (табл. 3). Следует иметь в виду, что наличие автокорреляции в остатках регрессий ведет к занижению стандартных ошибок и уровней значимости, хотя не влияет на смещенность и состоятельность оценок коэффициентов независимой переменной, которые непосредственно показывают эффективность изучаемого процесса. Также не влияет на смещенность оценок гетероскедастичность остатков регрессий (имеет место в большинстве случаев, что показывают результаты теста Гольдфельда — Куандта), а также то, что характер их распределения не всегда близок к нормальному. Несмотря на то что результаты тестов не подтверждают случайность остатков регрессий, в пользу несмещенности оценок коэффициентов во всех рассматриваемых случаях свидетельствуют близкие к 0 коэффициенты корреляции остатков с независимой переменной и теоретическим значением результативного признака.

Таблица 3

**Результаты тестирования остатков парных линейных регрессий
(по исходным уровням рядов показателей)***

Страна (терр-я)	N	Автокорреляция остатков (статистика Дарбина — Уотсона)				Результаты тестов рядов остатков			$R\epsilon_x$	$R\epsilon_y$	Source
		d	d_L	d_U	H	Rnd	GQ	Nrm			
США	61	0,016	1,55	1,62	–	–	–	–	0,000	0,000	Turner et al.
Япония	46	0,108	1,48	1,57	–	–	+	+	0,000	0,000	G&H
		0,109			–	–	+	+	0,000	0,000	BvL
СССР	13	1,135	1,01	1,34	0	–	–	+	0,000	0,000	Миронов
Тайвань	11	1,079	0,93	1,32	0	–	+	+	0,000	0,000	G&H
		0,879			–	–	+	+	0,000	0,000	B&L
Ю. Корея	16	0,046	1,1	1,37	–	–	+	+	0,000	-0,001	G&H
		0,15			–	–	+	+	0,000	0,000	B&L
		0,046			–	–	+	+	0,000	0,000	C&S
Китай	16	0,147	1,1	1,37	–	–	+	+	0,000	0,000	B&L
	31	0,104	1,36	1,5	–	–	+	+	0,000	0,000	C&S
Ботсвана	31	0,42	1,36	1,5	–	–	–	–	0,000	0,000	B&L

Страна (терр-я)	N	Автокорреляция остатков (статистика Дарбина — Уотсона)				Результаты тестов рядов остатков				Rε _x	Rε _y	Source		
		d	d _L	d _U	H	Rnd	GQ	Nrm						
Турция	36	0,081	1,41	1,52	–	–	–	+	0,000	0,000	B&L			
		0,069			–	–	–	–				0,000	0,000	C&S
Индонезия	41	0,221	1,45	1,55	–	–	+	+	0,000	0,000	B&L			
		0,245			–	–	+	+				0,000	0,000	C&S
		0,276			–	–	+	+				0,000	0,000	BvL
Индия	41	0,621	1,45	1,55	–	–	+	+	0,000	0,000	B&L			
		0,538			–	–	+	+				0,000	0,000	C&S
		0,723			–	–	+	+				0,000	0,000	BvL
Сирия	31	0,178	1,36	1,5	–	–	–	+	0,000	0,000	B&L			
		0,164			–	–	–	+				0,000	0,000	C&S
Египет	37	0,012	1,42	1,53	–	–	+	–	0,000	0,000	C&S			
Алжир	28	1,159	1,33	1,51	–	–	+	+	0,000	0,000	B&L			
		1,138			–	–	–	+				0,000	0,000	C&S
Иран	36	0,063	1,41	1,52	–	–	+	–	0,000	0,000	B&L			
		0,049			–	–	+	–				0,000	0,000	C&S
Тунис	36	0,243	1,41	1,52	–	–	–	–	0,000	0,000	B&L			
		0,248			–	–	–	–				0,000	0,000	C&S
Бразилия	41	0,294	1,45	1,55	–	–	–	–	0,000	0,000	B&L			
		0,568			–	–	–	–				0,000	0,000	C&S

Рассчитано автором по данным источников табл. 1

* Обозначения:

N – количество наблюдений (в том числе интерполированных); может быть меньше количества лет, указанного в соответствующем столбце табл. 1, в связи с тем, что в ряде случаев данные по обим переменным доступны не за весь период образовательных модернизаций;

d – значение коэффициента Дарбина — Уотсона;

d_L – нижнее критическое значение для соответствующего количества наблюдений при 5 %-м уровне значимости;

d_U — верхнее критическое значение для соответствующего количества наблюдений при 5 %-м уровне значимости;

H — результат проверки гипотезы об отсутствии статистически значимой автокорреляции остатков («-» — наличие автокорреляции, «0» — неопределенность, «+» — автокорреляция отсутствует);

R_{nd} — тест на свойство случайности остатков с помощью критерия поворотных точек («-» — отсутствие, «+» — подтверждение);

GQ — тест Гольдфелда-Куандта на гомоскедастичность остатков при 5 %-м уровне значимости («-» — отсутствие, «+» — подтверждение);

R_{nm} — тест на соответствие распределения остатков нормальному закону с помощью R/S -критерия при 5 %-м уровне значимости («-» — отсутствие, «+» — подтверждение);

R_{e_x} — коэффициент корреляции остатков регрессии и независимой переменной;

$R_{e\gamma}$ — коэффициент корреляции остатков регрессии и теоретических значений резульативного признака;

Source — источник данных о количестве лет обучения (см. источники табл. 1).

Тем не менее итоговое суждение о сравнительной эффективности образовательной модернизации следует давать на основе *совокупности* используемых показателей. Если по одной стране они дают близкие результаты, то обобщающее суждение является более обоснованным. Чем сильнее результаты оценок по рассчитанным нами индикаторам и используемым источникам данных различаются, тем с меньшей достоверностью можно давать совокупную оценку.

В отношении большинства национальных образовательных систем результаты оценки эффективности их модернизаций по разным индикаторам дали сравнительно близкие результаты (табл. 4). При этом советские показатели выглядели гораздо менее впечатляющими. Среди 16 отобранных нами стран низкие результаты по большинству индикаторов также продемонстрировали Бразилия (по расчету на основе данных Барро — Ли) и Ботсвана, за несколько десятилетий обеспечившая тем не менее заметный подъем экономики и уровня жизни населения благодаря экспорту природных ресурсов (прежде всего алмазов). Ряд стран (Сирия, Алжир, Иран, Египет) имели близкие к СССР невысокие показатели эффективности, полученные методом наименьших квадратов. В то же время по совокупности показателей эти страны заметно опередили СССР. Значительно более высокую эффективность общественных затрат на образование смогли обеспечить Индия, Китай и Тайвань. Япония, типологически наиболее сопоставимая с СССР страна (см. ранее), также продемонстрировала лучшие результаты в образовательной сфере.

Вряд ли удивительными выглядят максимальные показатели эффективности, продемонстрированные США: инновационная образовательная модернизация заняла там около 60 лет, но ее органичный характер позволил обойтись гораздо меньшими государственными затратами для достижения близких показателей образовательного уровня населения.

По некоторым странам (Китай, Тайвань, Южная Корея) отсутствовала статистика государственных образовательных расходов на начальном этапе образовательной модернизации и реже (Алжир) на завершающем. В связи с этим рассчитанные показатели эффективности отражают ее отдельные, чаще промежуточные и завершающие, этапы.

В четырех странах (Южная Корея, отчасти Турция, Индонезия и Египет) образовательный уровень населения рос, несмотря на наблюдаемое снижение относительного уровня соответствующих государственных расходов. Это может объясняться отсутствием данных о государственных расходах на начальном этапе образовательной модернизации наряду с преобладающей ролью частных источников (Южная Корея), инерционностью образовательной системы при снижении уровня ее централизованного финансирования на завершающем этапе (Турция), значительной ролью частных источников и международной помощи (Индонезия) и не совсем адекватному учету затрат на образование в национальной статистике (Индонезия, Египет).

Таблица 4

Основные показатели эффективности образовательных модернизаций*

Страна (терр-я)	K_OLS	S/F	MIN/MAX	Rel_OLS	Rel_Add	Rel_Add_Wgt	Source
США	3,75	3,61	3,61	3,92	3,93	3,98	Turner et al.
Япония	1,69	2,46	1,75	1,93	1,93	1,93	G&H
	1,13	1,67	1,19	1,29	1,27	1,26	BvL
СССР	0,69	1,03	0,85	0,83	0,58	0,55	Миронов
Тайвань	2,24	2,41	2,41	3,57	5,12	5,70	G&H
	1,98	2,29	2,29	3,41	5,81	6,72	B&L
Ю. Корея	0,00	-11,55	1,74	-19,37	-2,14	-1,82	G&H
	-0,04	-10,68	1,61	-12,70	-1,86	-1,68	B&L
	-0,05	-13,57	2,04	-22,62	-2,64	-2,27	C&S
Китай	0,83	2,59	1,52	1,99	1,01	0,80	B&L
	1,50	2,57	1,93	2,17	8,98	25,35	C&S

Страна (терр-я)	K_OLS	S/F	MIN/MAX	Rel_OLS	Rel_Add	Rel_Add_Wgt	Source
Ботсвана	0,50	1,81	0,70	0,79	0,43	0,37	B&L
Турция	-0,49	-8,23	1,17	-2,08	2,75	1,84	B&L
	-0,59	-9,24	1,31	-2,62	3,73	2,54	C&S
Индонезия	-0,92	-3,44	1,32	-2,62	-6,51	-8,79	B&L
	-1,71	-5,65	2,17	-4,59	-9,45	-12,35	C&S
	0,93	3,88	2,24	1,40	1,15	1,10	BvL
Индия	1,84	1,71	1,71	2,11	2,58	2,71	B&L
	1,52	1,61	1,61	1,77	2,42	2,60	C&S
	2,76	2,62	2,70	3,12	3,24	3,28	BvL
Бразилия	0,56	0,42	0,42	0,59	0,42	0,80	B&L
	1,42	1,23	1,23	1,52	1,15	1,33	C&S
Сирия	0,85	6,32	1,26	1,51	1,77	1,88	B&L
	0,74	6,02	1,20	1,37	1,69	1,81	C&S
Египет	0,17	-17,34	1,73	53,44	3,86	3,86	C&S
Алжир	0,62	1,05	0,75	1,11	1,10	1,10	B&L
	0,68	1,12	0,80	1,23	1,11	1,08	C&S
Иран	0,53	2,26	1,37	3,14	1,31	1,17	B&L
	0,50	2,46	1,38	3,40	1,35	1,18	C&S
Тунис	1,09	1,77	1,38	2,05	1,83	1,78	B&L
	0,83	1,40	1,09	1,57	1,37	1,32	C&S

Рассчитано автором по данным источников табл. 1.

*Кроме значений по СССР жирным шрифтом также отмечены близкие значения по другим странам, которые представляются референтными для сравнения с СССР.

Обозначения:

K_OLS — чувствительность среднего количества лет обучения YoS к уровню государственных расходов на образование EdGDP (по методу наименьших квадратов);

S/F — чувствительность YoS к EdGDP (по начальным и конечным значениям);

MIN/MAX — чувствительность YoS к EdGDP (по максимальным и минимальным значениям);

Rel_OLS — чувствительность YoS к EdGDP (по отношению угловых коэффициентов линейных трендов);

Rel_Add — чувствительность YoS к EdGDP (по отношению дополнительных приростов);

Rel_Add_Wgt — чувствительность YoS к EdGDP (по отношению взвешенных дополнительных приростов);

Source — источник данных о количестве лет обучения (см. источники табл. 1).

Критерии эффективности образовательной системы задаются приоритетами политического руководства различных обществ на разных этапах их развития. Для стран, осуществляющих догоняющую модернизацию, фактор *времени*, необходимого для осуществления революционного прорыва в создании национальной системы массового образования, имеет принципиальное значение, поскольку отражает степень выполнения задачи сокращения отставания от стран-лидеров мирового развития. Особенно значим данный показатель эффективности образовательной отрасли социально-экономической системы, развивающейся в мобилизационном режиме³⁵. В изучаемый период публично выраженная позиция советского руководства заключалась в том, что скорость осуществления указанных целей является ключевым критерием эффективности функционирования социально-экономических подсистем общества³⁶. В других странах, по всей видимости, норме отдачи на осуществленные затраты придавалось более весомое значение.

Сопоставление продолжительности процессов образовательной модернизации в различных странах и показателей эффективности отрасли (табл. 1, 4) подводит к важному наблюдению: выигрыш в скорости часто оборачивается проигрышем в экономической эффективности.

В целом проведенные международные сопоставления показывают, что *с точки зрения удельной отдачи от затрат советская экономика в образовательной отрасли показала сравнительно низкий уровень эффективности. В то же время применение мобилизационных методов организации накопления человеческого капитала продемонстрировало значительные результаты в отношении скорости реализации социально значимых целей.*

Источники данных для расчета показателей

Для СССР среднее количество лет обучения одного человека в возрасте от 9 лет и старше было рассчитано Б. Н. Мироновым³⁷ на основе переписей населения, проводившихся в 1897, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 г., и данных официальной статистики об уровне охвата населения образованием на его различных ступенях. За периоды между переписями данные интерполировались.

Оценочные расчеты ВВП СССР по конечному потреблению (в том числе в текущих ценах) за 1928, 1937, 1940 г. были осуществлены А. Бергсоном³⁸. Также им были рассчитаны расширенные затраты на образование за соответствующие годы, которые в 1920–1930-е гг. (в источниках, опубликованных в СССР) включали в себя не только финансирование учреждений формального образования, но и музеев, библиотек и других культурно-просветительских учреждений. Объединение этих учреждений в одну группу имеет основания, поскольку их деятельность непосредственно, хотя и в разной степени, формирует человеческий капитал общества. Бергсон включал в состав расходов на образование затраты из внебюджетных источников, однако исключал из итоговой суммы стипендии, платежи физических лиц и затраты на капитальное строительство³⁹. В результате приводимая им сумма расширенных расходов на образование в составе ВВП получалась лишь немного выше объема государственных бюджетных расходов.

Для характеристики динамики системы образования Японии, Южной Кореи и Тайваня предпочтение было отдано данным Е. Годо и Ю. Хаями о среднем количестве лет обучения одного человека в возрасте от 15 до 64 лет на основе переписей населения и данных официальной отраслевой статистики⁴⁰. По показателям затрат (отношение расходов на образование к ВВП) были использованы данные С. Левин и Х. Кавада (с интервалом около 5 лет)⁴¹.

Для США были использованы данные Ч. Тернера, Р. Тамура, С. Малхолланда, С. Байера о среднем количестве лет обучения рабочей силы за период 1840–2000 гг. с десятилетним интервалом⁴². При этом следует отметить невысокое качество данных ранее

1870 г. (когда начала организованно собираться соответствующая национальная статистика)⁴³. В отношении периодов, покрываемых другими источниками, данные Тернера и его соавторов занимают промежуточное положение между данными Годо — Хаями (имеют более высокие оценки) и Барро — Ли (имеют меньшие оценки, см. далее). Данные о доле образовательных расходов в ВВП США за период 1840–1900 гг. (с интервалом в 20 лет) приводятся в вышеуказанной работе А. Фишлоу⁴⁴.

В отношении других национальных экономик нами были использованы расчеты показателя среднего количества лет обучения населения в возрасте старше 15 лет за период 1960–2000 гг. с интервалом в 5 лет, осуществленные Р. Д. Барро и Д.-Х. Ли на основе данных ЮНЕСКО (в свою очередь основанных на данных переписей населения и сведениях национальных органов образовательной статистики о количестве учащихся) и содержащиеся в созданной ими базе данных⁴⁵.

Альтернативные расчеты показателя среднего количества лет обучения населения в возрасте 15–64 года за период 1960–2000 гг. с интервалом в 10 лет были проведены Д. Когеном и М. Сото в рамках проекта ОЭСР по исследованию роли человеческого капитала в социально-экономическом развитии современного общества⁴⁶. Их расчеты основывались в целом на тех же источниках и методологии, что и Барро — Ли, различаясь в отдельных аспектах методик ретрополяции и экстраполяции отсутствующих данных, а также в учете национальных особенностей образовательных систем (были уточнены возрастные границы и количество лет обучения на разных уровнях образования в отдельных странах). Как правило, данные Когена — Сото отклоняются в меньшую сторону от данных Барро — Ли, а в тех случаях, где наблюдается обратное (Южная Корея, Сирия, Индонезия, Турция, Алжир, Египет), данные Когена — Сото заслуживают большего внимания.

База данных к монографии Р. Д. Барро и Х. Сала-и-Марина⁴⁷ в числе прочей информации содержит данные ЮНЕСКО по показателю отношения расходов на образование к ВВП, в том числе за периоды 1960–1964, 1965–1969, 1970–1974, 1975–1979, 1980–1984 гг. За более поздние периоды нами были использованы соответствующие данные Института статистики ЮНЕСКО⁴⁸, а также Доклада о развитии человека, для характеристики образовательной сферы опирающегося преимущественно на данные ЮНЕСКО⁴⁹. В случае отсутствия промежуточных данных осуществлялась их интерполяция.

В отношении отдельных стран (Япония, Индия, Индонезия) наряду с указанными выше источниками нами были использованы альтернативные расчеты показателя среднего количества лет обучения, проведенные нидерландским исследователем Б. ван Леуеном, а также его данные по уровню государственных затрат на образование и объему ВВП в Индонезии в текущих ценах⁵⁰. Данные Б. ван Леувена о среднем количестве лет обучения отклоняются от данных Барро — Ли и Когена — Сото в сторону повышения. В значительной степени это было вызвано тем, что он учитывал лиц, обучавшихся на разных образовательных ступенях в возрасте старше характерного для соответствующих уровней, а также тех, которые их проходили повторно и/или не закончили. В то же время результаты Б. ван Леувена склонны завышать образовательный уровень населения на ранних стадиях образовательной модернизации в связи с особенностями его корректировок методики Барро — Ли, использованных при расчете данных по указанным трем странам⁵¹.

Сравнение данных Барро — Ли о среднем количестве лет обучения одного человека в СССР, Японии и США с соответствующими пересекающимися по времени данными Миронова (за 1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 г.), Годо — Хаями (за 1960, 1970, 1980, 1990 г.), Тернера и соавторов (за 1960, 1970, 1980, 1990, 2000 гг.) показало:

Данные Барро — Ли завышают значение данного показателя по сравнению с данными Миронова.

В отношении Японии и США данные Барро — Ли занижают соответствующий показатель по сравнению с данными Годо — Хаями, Тернера и соавторов.

В отношении СССР расхождение в значительной степени может объясняться тем, что данные Миронова учитывают население с 9 лет, а данные Барро — Ли — с 15 лет. Когда показатель средних лет обучения формируется за счет увеличивающегося охвата населения полным средним и высшим образованием, включение в расчет показателя дополнительных младших возрастных групп должно вести к снижению среднего результата, как это и происходит в данных Миронова. К сожалению, возрастная группировка опубликованных данных переписей населения не всегда позволяет осуществить расчет показателя, включив в него население с 15 лет. Поскольку наибольшие расхождения приходится на 1960–1975 гг., их возможной причиной могли также стать разные

оценки количества лет, требуемого для признания определенной стадии образования завершённой (данный параметр менялся в СССР в 1961–1973 гг.).

В отношении Японии данные Годо — Хаями, как и Барро — Ли, также включали население с 15 лет, но ограничивали предельный возраст 64 годами. Это могла быть одна из причин расхождений. Другая их возможная причина заключается в том, Годо — Хаями учитывали продолжительность обучения, которое не сопровождалось окончанием соответствующей образовательной ступени.

Кроме того, в силу разных причин данные переписей населения о его достигнутом образовательном уровне (которые использовали Миронов и Годо — Хаями) могли не полностью соответствовать более ранним данным национальных органов образовательной статистики о количестве учащихся.

Оценивая сопоставимость данных Миронова и Годо — Хаями, следует обратить внимание, что на ранних стадиях развития национальной образовательной системы увеличение показателя средних лет обучения происходит за счет ликвидации массовой неграмотности и распространения начального образования. В этом случае включение в его расчет дополнительных младших возрастных групп (образовательный уровень которых выше, чем в среднем по стране) должно вести к увеличению значения итогового показателя. Поэтому в одинаковом возрасте средний образовательный уровень советского населения в 1923 г. (1,298 лет обучения по данным Миронова) скорее всего был ниже японского в 1890 г. (1,3 лет обучения по данным Годо — Хаями).

Таким образом, данные вышеуказанных источников о среднем числе лет обучения одного человека не являются полностью сопоставимыми. Тем не менее мы считаем возможным проводить сравнения, т. к. масштаб их изменений за рассматриваемые исторические периоды (более чем в 3 раза) значительно превышает размер возможных неточностей ($\pm 25\%$).

Примечания

¹ Подробнее см.: Диденко Д. В. Образование как товар // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г. А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 45–64.

² Авторское понимание процесса модернизации и соответствующей теоретической парадигмы подробнее обсуждается в: Диденко Д. В. Теория мо-

дернизации и стратегии трансформации национальной интеллектуалоемкой экономики // *Международная экономика*. 2010. № 11. С. 43–47.

³ Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven–London: Yale University Press, 1966. P. 81–82, 183–185, 190, 218, 228–229, 286–293.

⁴ Fishlow A. Levels of Nineteenth-Century American Investment in Education // *Journal of Economic History*. 1966. Vol. 26. № 4. P. 418–436; West E. G. *Education and the Industrial Revolution*. London; Sydney: B. T. Batsford Ltd., 1975; Idem. *Educational Slowdown and Public Intervention in 19th-Century England: A Study in the Economics of Bureaucracy* // *Explorations in Economic History*. 1975. Vol. 12. № 1. P. 61–87.

⁵ West E. G. *Education and the Industrial Revolution*. P. 256.

⁶ Allen R. C. Progress and Poverty in Early Modern Europe // *Economic History Review*. 2003. Vol. 56. № 3. P. 403–443; Galor O. From Stagnation to Growth: Unified Growth Theory // *Handbook of Economic Growth*. Volume 1A. / Ed. by Aghion P., Durlauf S. N. Amsterdam: Elsevier B. V., 2005. P. 171–293; Mitch D. The Role of Education and Skill in the British Industrial Revolution // *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective* / Ed. by Mokyr J. 2nd edition. Boulder: Westview Press, 1999. P. 241–279.

⁷ Gerschenkron A. *Continuity in History and other Essays*. Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 1968. P. 77–97; Idem. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.

⁸ Nelson R. R., Phelps E. S. Investment in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth // *American Economic Review*. 1966. Vol. 56. № 2. P. 69–75.

⁹ Azariadis C., Drazen A. Threshold Externalities in Economic Development // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. Vol. 105. № 2. P. 501–526; Benhabib J., Spiegel M. M. Human Capital and Technology Diffusion // *Handbook of Economic Growth*. Volume 1A. P. 935–966; Easterlin R. Why isn't the whole world developed? // *Journal of Economic History*. 1981. Vol. 41. № 1. P. 1–19.

¹⁰ Easterlin R. *Op. cit.* P. 6–7, 9, 17.

¹¹ *Ibid.* P. 14.

¹² *Ibid.* P. 10.

¹³ Azariadis C., Drazen A. *Op. cit.* P. 504–506, 518–519.

¹⁴ *Ibid.* P. 504–506, 513.

¹⁵ *Ibid.* P. 519, 524.

¹⁶ Kuznets S. Economic growth and income inequality // *American Economic Review*. 1955. Vol. 45. № 1. P. 1–28.

¹⁷ Диденко Д. В. «Кривая Кузнецца» как проявление системных трансформаций: дифференциация доходов в индустриальной и постиндустриальной экономике // *Экономическая история: Ежегодник*. 2009. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 300–345.

¹⁸ Becker S. O., Hornung E., Woessmann L. Catch Me If You Can: Education and Catch-up in the Industrial Revolution. *CesIFO Discussion Paper 2009–19*. September 2009. — <http://www.cesifo.de>.

¹⁹ *Ibid.* P. 28.

²⁰ Lau L. J., Jamison D. T., Liu S.-C., Rivkin S. Education and economic growth: Some cross-sectional evidence from Brazil // *Journal of Development Economics*. 1993. Vol. 41. № 1. P. 45–70.

²¹ *Ibid.* P. 58–61, 65.

²² *Ibid.* P. 66.

²³ Подробнее см.: Диденко Д. В. Социально-экономические аспекты модернизации советской образовательной системы в условиях догоняющего развития // *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века*. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 253–266.

²⁴ Миронов Б. Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // *Отечественная история*. 1994. № 4–5. С. 124–125.

²⁵ Рассчитано по: Maddison A. *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2006 AD* (February 2010). <http://www.ggd.net/MADDISON/oriindex.htm>

²⁶ Bergson A. *The Structure of Soviet Wages: A Study in Socialist Economics*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1946. P. 97–136.

²⁷ Taira K. *Economic Development and the Labor Market in Japan*. N. Y.: Columbia University Press, 1970. P. 13–75; UNU–WIDER World Income Inequality Database, Version 2.0c, May 2008 со ссылкой на Mizoguchi T. *Economic Development Policy and Income Distribution: The Experience in East and Southeast Asia* // *Developing Economies*. 1985. Vol. 23. № 4. P. 307–324. <http://www.wider.unu.edu/research/Database/>.

²⁸ По достаточно условным данным А. Мэддисона, СССР смог восстановить количество населения и уровень ВВП на душу населения соответственно в 1956 г. и в 1948 г., а Япония – соответственно в 1946 г. и в 1956 г. (Maddison A. *Op. cit.*).

²⁹ См., напр.: *The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study* / ed. by C.Black. N. Y.: The Free Press, 1975. P. 101–112, 217–222, 224–227, 229–231 239–243, 323–326, 329–330, 337–338.

³⁰ Для экономики с небольшим трансграничным движением капитала (какой являлась советская экономика и экономика большинства стран на начальной стадии догоняющей модернизации) разница интегральных показателей системы национальных счетов (ВВП и ВВП) будет незначительной. В связи с этим мы считаем возможным сопоставлять данные, рассчитанные для рассматриваемых стран, относительно показателей и ВВП, и ВВП.

³¹ Даже в СССР финансирование образования не ограничивалось государственным бюджетом, который обеспечивал от 71 до 89 % легального объема финансирования. Подробнее см.: Диденко Д. В. Социально-экономические аспекты модернизации советской образовательной системы в условиях догоняющего развития. С. 259–260.

³² *Human Development Reports (HDR) – United Nations Development Programme (UNDP)*. <http://hdr.undp.org>

³³ Barro R. J., Lee J.-W. *International Data on Educational Attainment: Updates and Implications* // *Oxford Economic Papers*. 2001. Vol. 53. № 3. P. 541–563; Mincer J. *Schooling, Experience and Earnings*. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1974. P. 83–89, 129–132.

³⁴ Многие исследователи образовательной системы СССР отмечали, что темпы роста политически значимого показателя грамотности населения были превышены за счет снижения критериев по сравнению с дореволюционным периодом, см., напр.: De Witt N. *Education and Professional Employment in the U. S. S. R.* Washington: National Science Foundation, 1961. P. 71–72.

³⁵ См.: Фонов А. Г. *Россия: от мобилизационного общества к инновационному.* М.: Наука, 1993. С. 101–102.

³⁶ В 1931 г. И. В. Сталин указывал на приоритет данного критерия в выступлении перед руководителями советской экономики, когда ставил задачу за 10 лет преодолеть 50–100-летнее отставание от «передовых» стран с альтернативой «либо мы сделаем это, либо нас сомнут», см.: Сталин И. В. *Сочинения.* Т. 13. М., 1951. С. 38–41. Именно эти установки впоследствии многократно цитировались в советской пропагандистской литературе.

³⁷ Миронов Б. Н. *Указ.* соч. С. 124–125.

³⁸ Bergson A. *Real National Income of Soviet Russia since 1928.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961. P. 46.

³⁹ Методологию расчета подробнее см.: Bergson A. *Real National Income of Soviet Russia since 1928.* P. 64–66, 353–358.

⁴⁰ Данные по Японии за период 1890–1990 гг. с десятилетним интервалом и их содержательную интерпретацию см.: Godo Y., Hayami Y. *Catching Up in Education in the Economic Catch-Up of Japan with the United States, 1890–1990 // Economic Development and Cultural Change.* 2002. Vol. 50. № 4. P. 965, 970–971, 973; данные в разбивке по годам и более подробное описание методики их расчета см.: Godo Y., Hayami Y. *The Human Capital Basis of the Japanese Miracle: A Historical Perspective.* Paper presented for Workshop on State, Community, and Market in Development. February 27–28, 2009, at National Graduate Institute for Policy Studies (Tokyo). P. 62–77. [http://www3.grips.ac.jp/~otsuka/Workshop2009/paper/S5 %20Godo.pdf](http://www3.grips.ac.jp/~otsuka/Workshop2009/paper/S5%20Godo.pdf)

⁴¹ Levine S., Kawada H. *Human Resources and Japanese Industrial Development.* Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1980. P. 82.

⁴² Turner C., Tamura R., Mulholland S., Baier S. *Education and Income of the States of the United States: 1840–2000 // Journal of Economic Growth.* 2007. Vol. 12. № 2. P. 101–158.

⁴³ National Center for Education Statistics. *120 Years of American Education: A Statistical Portrait.* January 1993 / Ed. by Snyder T. D. P. 1, 95, 98–99. <http://nces.ed.gov/pubs93/93442.pdf>

⁴⁴ Fishlow A. *Op. cit.* P. 430.

⁴⁵ Research Datasets: CID Data: Center for International Development at Harvard University (CID). <http://www.cid.harvard.edu/ciddata/ciddata.html>

⁴⁶ Cohen D., Soto M. *Growth and Human Capital: Good Data, Good Results // Journal of Economic Growth.* 2007. Vol. 12. № 1. P. 51–76 (данные: <http://www.oecd.org/dataoecd/33/13/2669521.xls>).

⁴⁷ Barro R. J., Sala-i-Martin X. *Economic Growth.* New York: McGraw-Hill, 1995 (данные: <http://www.nber.org/pub/barro.lee/>).

⁴⁸ UNESCO Institute for Statistics. Data Centre. http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/document.aspx?ReportId=143&IF_Language=eng

⁴⁹ Human Development Reports (HDR) – United Nations Development Programme (UNDP). <http://hdr.undp.org>

⁵⁰ Leeuwen B. van. Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia, and Japan: A quantitative analysis, 1890–2000. PhD thesis. Utrecht University – Box Press Publishers, 2007. <http://www.iisg.nl/indonesianeconomy/humancapital/>

⁵¹ См.: Ibid. P. 59–67.

Экономическая история
Античности и Средневековья

А. Л. Пономарев*

Продуктивность монетных дворов древности: анализ динамической выборки

Степень изученности эпох, удаленных от нашего времени, — Античности или Средневековья — во многом определяет количество доступного исторического материала. Минувшие века поставили, казалось бы, принципиальные ограничения на объемы и на представительность имеющейся в распоряжении историка информации. Исследователи экономической истории древности должны были бы испытывать еще большие трудности, поскольку источниковедческая база их работ заметно сужена, если бы не одно «но». Возможности современной науки и междисциплинарный подход дают им в руки инструменты, позволяющие моделировать происходившие в экономике и производстве процессы, и с их помощью реконструировать историческую действительность.

Изучение денежных и финансовых систем прошлого, связанное с использованием нумизматического материала, уже немало лет как вышло за рамки типологических исследований. Следовательно, ответа на вопрос о том, каковы были средства денежного обращения, наполнявшие экономическую систему того или иного государства, не достаточно для того, чтобы получить полное представление об этой системе: необходимо также знать, насколько многочисленна была та или иная монета. Современные представления об экономическом могуществе средневековых государств принимают во внимание степень развития их денежного рынка и финансов. Последние же напрямую обусловлены существованием монетных дворов и динамикой монетного производства. Для ряда государств Западной Европы исследователи располагают казначейскими документами и записями монетных дворов XIV–XV вв.¹ Это позволило, в частности, определить тенденции

---

* Пономарев Андрей Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

поступления благородных металлов и динамику монетного производства если не для всего континента, то по меньшей мере для западной его части. Но для многих регионов единственной опорой может служить только собственно нумизматический материал. Подобная интерпретация, сводящаяся к описательным понятиям типа «редкая монета», «многочисленный монетный тип», не дает окончательного ответа на вопрос о месте, которое та или иная монета занимала на денежном рынке. Связано это с тем, что состав имеющегося в нашем распоряжении материала обусловлен не только объемами чекана или массой монетного фонда, но в первую очередь процессами, происходившими с монетой после ее поступления в обращение. К нумизматам основная масса монет поступает из находок кладов, поэтому определения «многочисленность» или «редкость» (оценки, принятые в среде коллекционеров и антиквариев) обусловлены непосредственно процессами клагообразования и лишь потенциально — процессами производства. По этой причине определение интенсивности чекана должно основываться не на показателях сохранности, а на показателях, связанных с производственным процессом.

Таковыми показателями, естественно, являются количество отчеканенной монеты и с рядом оговорок количество штемпелей, употребленных для их чекана. Узнать количество последних, просто пересчитав все известные варианты, невозможно, поскольку необходима уверенность в том, что других не существует. Тем не менее с большей или меньшей степенью надежности указать на продуктивность монетного двора, измеренную в штемпелях монет, возможно. Квантитативные методы, изобретенные для этого, базировались на статистических свойствах монетного материала и выборок, произведенных из монетного фонда, — кладов. Развивались они в первую очередь в рамках античной нумизматики, так же как и нумизматика раннего Средневековья, испытывающей недостаток в письменных источниках.

Исследования экономической истории древности в последние полвека стали не отделимы от нумизматических штудий. Было бы странно, если бы этого не произошло: деньги и денежные системы были неотъемлемой частью экономики Античности и Средневековья. Историки, использующие квантитативные и статистические методы, разработанные и апробированные в естественных науках, получают возможность судить о качестве монеты и выделять существенные моменты финансовой истории, опираясь не

только на традиционные методы типологического исследования. В настоящее время найти метрологические характеристики монет различного достоинства, определяющие их основополагающие (т. е. потребительские, а не художественные) достоинства, позволяют не только изоэдренные методы анализа химического состава. Принадлежность монет к так называемому классу единообразных изделий приводит к тому, что их разнообразные качественные характеристики, в частности вес и содержание благородного металла, описываются законами случая, которыми уже давно научились пользоваться инженеры-технологи.

Технологии, основанные на использовании при чекане гравированных штемпелей для аверса и реверса монет, предлагают нумизматам шкалу измерений. Вполне обоснованно предполагается, что чем больше штемпелей было задействовано на монетном дворе, тем больше было выпущено монет. Дискуссия, прошедшая в научной периодике², уже давно показала, что связывать напрямую число штемпелей с абсолютным числом отчеканенной монеты рискованно, ведь производительность штампея существенно зависит от технологии чекана, типа монетного металла, размера чеканившейся монеты и ряда других факторов. В подобных оценках нельзя ориентироваться, даже, казалось бы, на надежные данные о современном монетном производстве (потому что цифры для СССР и США отличаются на порядок). Вдобавок, усилия, прилагаемые при ручной и механической чеканке, по-разному разрушают штампель, чекан полуизношенными штемпелями сегодняшним монетчикам незнаком, а утверждать, что изготовить по средневековым технологиям можно лишь штемпели, уступающие нынешним, должны только те, у кого нет сомнений в том, что дамасские клинки хуже золлингенских ножей.

Изменчивость упомянутых выше признаков не лишает нас возможности сравнивать объемы монетного производства. Более того, результаты подобных сравнений должны быть вполне адекватными, если, как это чаще всего и бывает, исследователь анализирует нумизматический материал, родственный по происхождению или близкий по времени появления.

Разработка методов, призванных определить производительность монетных дворов, измеренную как число использованных штемпелей, не могла опереться на практику естественных наук (как это случилось при выработке методов анализа веса монеты). Подобные задачи по определению размеров генеральной сово-

купности, порой появляющиеся в современной демографии или биологии, решаются достаточно тривиально — с использованием повторной выборки³. Историки и нумизматы такой возможности лишены: они не могут вернуть в обращение найденные монеты и попытаться найти их заново. Поэтому методики расчета числа штемпелей основываются на анализе сведений единственной выборки⁴. Их объединяет и другое: для вычислений привлекаются данные о частоте присутствия того или иного штемпеля в конкретной выборке. Распределение, описывающее «количество штемпелей, представленных в выборке одной монетой», «количество штемпелей, представленных в выборке двумя монетами», и т. д. (см. рис. 1), признается, согласно постулатам статистики о свойствах выборки, отражением закона распределения, характерного для монетной массы в целом.

Концепция, предлагаемая ниже, появилась вопреки моим сегодняшним интересам. Коллекционирование монет никогда не представляло для меня интереса, поскольку для количественных исследований по нумизматике Золотой Орды и Византии достаточно было уже опубликованных данных. Но оказалось, что в истории существует проблема, которую невозможно решить на основе опубликованного материала. В основании и в начале всего денежного обращения татарского государства XIV–XV вв. (а также денежного обращения Московской Руси) находится так называемая реформа хана Токты 710 г. х. (1310 г.)⁵. Серебряные данги, появившиеся при Токте, дали через десятилетия имя и русским деньгам, эти монеты, однако, настолько банальны и широко распространены в коллекциях икладах, что нумизматы не брали на себя труд каталогизировать имеющиеся у них штемпели.

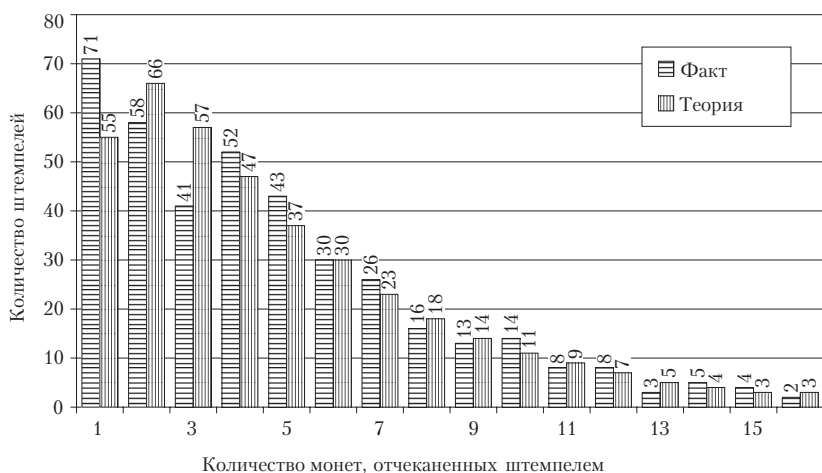
Начав в 2004 г. учет штемпелей дангов 710 г. х., я испытал удивление, потому что столкнулся с динамикой материала, которую публикации нумизматов не предоставляют. Среди первых собранных 70 монет оказалось всего лишь 20 штемпелей. Используя методику расчета, апробированную ранее в ряде собственных работ⁶, я определил, что этот выпуск должен был быть произведен всего лишь 25 штемпелями аверса. Сходные цифры давали также методы, предлагаемые Крауфордом и Эсти⁷. Ни о какой «общегосударственной» реформе, как принято было говорить в науке с начала 1960-х гг., речи быть не могло: 25 штемпелей или 8 штемпелей за год (монеты с датой 710 г. х. выпускались до 713 г. х.⁸) — с такой производительностью монетного двора нельзя полностью обно-

вить не только денежное обращение огромного степного государства, но даже монетный фонд одного лишь столичного региона.

Но когда коллеги предоставили в мое распоряжение изображения еще 50 монет, я обнаружил, что среди них оказались те самые 5 не известных мне штемпелей, но новые расчеты показали, что теперь чекан Токты надо оценивать в 32 штемпеля. У меня возник вопрос: «А сколько же надо собрать монет, чтобы стали известны все штемпели?». Один из докладов на XII Всероссийской конференции, где рассказывалось о том, что штемпель, использованный для чекана серебряного рубля русского императора Александра I, треснул после первого удара, давал ответ, который на 100 % верен, — надо собрать все монеты. Казус с рублем Александра, однако, заставил меня посмотреть на достаточно известную проблему определения численности штемпелей по-новому, в динамике.

Рисунок 1

Распределение штемпелей по количеству монет (Рим, 82 г. до н. э., Публий Крепузий, денарии; 1839 экз.)

Методика определения производительности монетных дворов, предлагаемая ниже, не принимает в расчет распределение штемпелей по частоте появления в выборке. В конце концов оказывается не важно, сколько каких штемпелей находится в кладе или в коллекции. Важно другое: как часто мы можем найти неизвестный штемпель среди монет, которые поступают на исследование. Подобный поворот в методологии означает переход от анализа

выборки к анализу генеральной совокупности, удача работать с которой редко выпадает даже в статистике современности. Наблюдение за появлением новых штемпелей оказывается таким анализом, поскольку при рассмотрении подобной динамики монеты, хранящиеся в коллекциях, являются вовсе не выборкой, а началом генеральной совокупности. Те же монеты, которые еще лежат в земле, — всего-навсего ее оставшаяся часть.

Создание указанного метода, позволяющего определять производительность монетных дворов, стало возможным благодаря тому, что и производство монеты, и уход монеты из обращения подчиняются законам случая. Производительность отдельного штемпеля может варьировать в чрезвычайно широких пределах, но распределение множества штемпелей по числу отчеканенных ими монет подчиняется строгой закономерности, а точнее сказать, следует одному из законов теории вероятностей, так называемому биномиальному закону⁹. Применительно к чекану монеты суть этого закона крайне проста: при ударе молотком по штемпелю возможны два взаимоисключающих исхода — «неудача» (p) и «успех» ($q = 1-p$). В первом случае выходит из строя штемпель, а во втором — получается новая монета. Поскольку штемпель может сломаться только один раз, для множества штемпелей вероятность поломки « P_n » после « n » ударов описывается упрощенной формулой:

$$P_n = n \times p \times q^{(n-1)}. \quad (1)$$

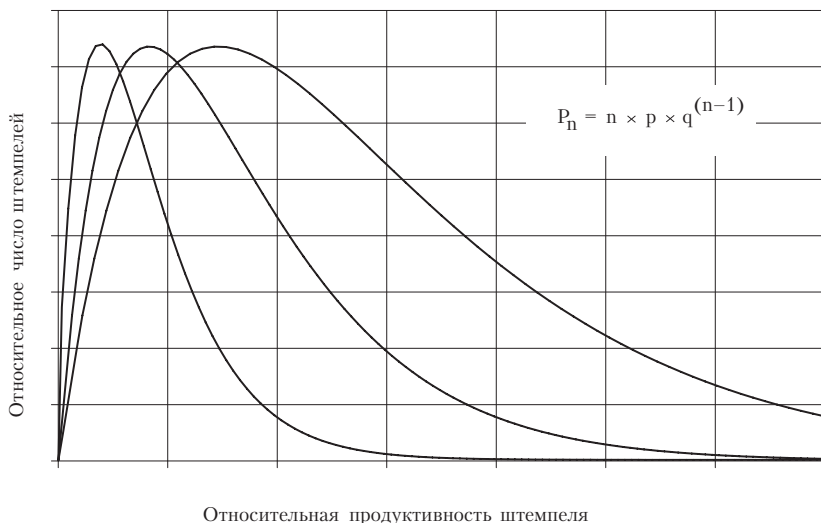
Этот закон хорошо известен в технологии производства, он применяется для расчета надежности или оптимального срока гарантии. К биномиальным законам ученые, создававшие методику подсчета числа штемпелей, употребленных для чекана, уже обращались (В. В. Эсти и Дж.Ф. Картер аппроксимировали данные с помощью отрицательного биномиального распределения¹⁰). Использование закона дает возможность создать модель монетного чекана с любым желаемым числом штемпелей. Теоретическая производительность каждого из них (n) рассчитывается при этом по приведенной выше формуле.

Кривые, описывающие изменение вероятности (P_n), а значит, и числа штемпелей с продуктивностью « n », представлены на рис. 2. У показанных распределений вдвое и четверо отличается вероятность « r » и соответственно отличаются средние значения

«а»¹¹, которые в монетном деле являются средней производительностью штемпеля.

Рисунок 2

Биномиальные распределения, описывающие производительность штемпелей

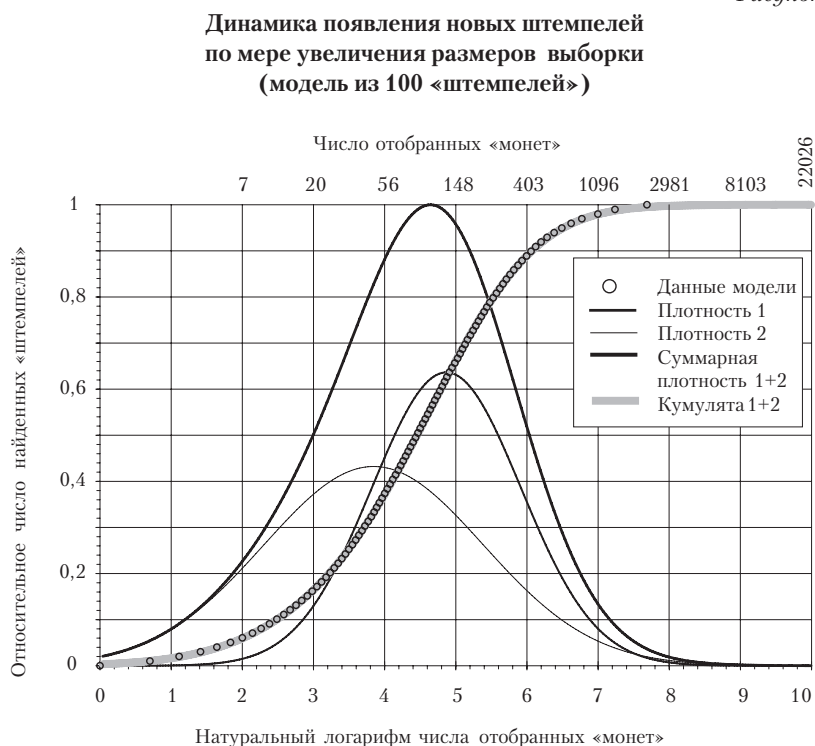

Разные распределения описывают разные кривые, форма которых, однако, универсальна. Отличие между кривыми состоит в том, что одни из них более «сжаты» по оси абсцисс, а другие более «растянуты». Непринципиальные же отличия обусловлены лишь тем, что вероятность поломки штемпеля зависит от числа ударов — аргумента, имеющего дискретную природу. Из этого необходимо понять очень важное обстоятельство, на которое уже обращал внимание В. В. Эсти: для чекана с любой средней производительностью штемпеля распределение штемпелей по числу отчеканенных ими монет описывается, по сути, одной-единственной биномиальной зависимостью. Соответственно вычисление числа штемпелей не зависит от средней производительности штемпеля.

Поскольку закон распределения известен, мы имеем возможность определять производительность монетных дворов, создав модель монетного чекана. Имея такую модель и зная, сколько виртуальных «монет»-номеров отчеканил каждый виртуальный «штемпель» (в действительности тоже просто цифра), мы получа-

ем возможность воспроизвести другой случайный процесс — уход или отбор монет из обращения. Для этого всем «монетам» в модели присваивается свой уникальный номер, а генератор случайных чисел позволяет случайным образом извлекать «монеты» из модели. Так как изначально определено, каким «штемпелем» отчеканена «монета» с любым номером, мы можем увидеть, с каким интервалом и как часто в выборке появляются новые «штемпели». Естественно, чтобы найти все «штемпели», если их мало, потребуется извлечь немного «монет». И наоборот, «монет» должно быть много, если они извлекаются из модели, в которой множество «штемпелей».

Рисунок 3

Описание динамики появления новых «штемпелей» по мере поступления новых «монет» является ключевым моментом методики. С помощью компьютерной модели, по сути, воспроизводится работа нумизмата, анализирующего штемпели в каком-нибудь

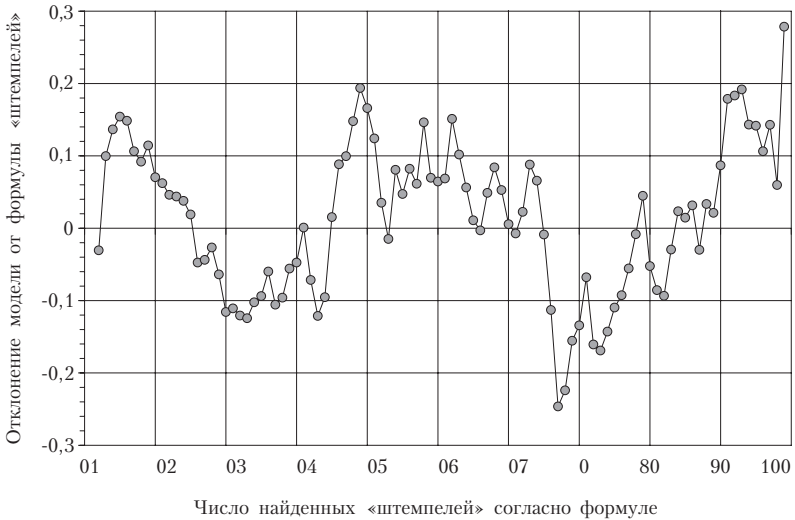
монетном собрании. Разница состоит в том, что моделирование дает возможность проделать эту работу сотни и тысячи раз, быстро и на одном и том же примере. Усредняя полученные цифры, мы устанавливаем практически функциональную зависимость, которая описывает динамику появления новых штемпелей в растущей выборке. В качестве примера на рис. 3 показана зависимость, полученная в результате выбора «монет» из модели, содержащей 100 «штемпелей», чья производительность изменяется по биномиальному закону с вероятностью выхода штемпеля из строя «р», равной 0,00005 и соответственно средней производительностью «штемпеля» в 19 999 «монет».

Этот график построен в полулогарифмической системе координат (вместо числа отобранных «монет» на оси абсцисс отложен натуральный логарифм этого числа). Благодаря этому хорошо видно, что скорость появления новых «штемпелей» изменяется, и видно, при каком размере выборки какую долю штемпелей мы получаем в свое распоряжение. Однако намного важнее другое: полученная зависимость носит функциональный характер. Появление нового «штемпеля» при моделировании (и соответственно появление нового штемпеля в реальности) описывает сумма двух нормальных законов, уже много раз упомянутых законов Гаусса.

$$F(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma_1}} e^{-\frac{(x-a_1)^2}{2\sigma_1^2}} + \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma_2}} e^{-\frac{(x-a_2)^2}{2\sigma_2^2}} \quad (3)$$

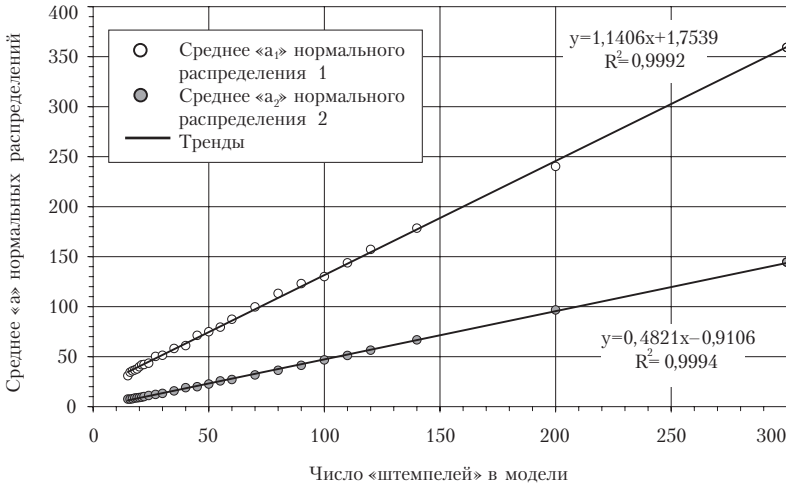
Как было сказано не раз, любой нормальный закон распределения вероятностей определяется двумя параметрами — средним значением (а) и среднеквадратичным отклонением (σ), поэтому можно утверждать, что появление нового штемпеля в выборке описывается с помощью всего четырех параметров, поскольку распределение описывается суммой двух нормальных законов. Отклонения функциональной зависимости от усредненных данных, полученных при отборе «монет» из модели, ничтожны (десятые доли «штемпеля»¹²) и их следует рассматривать как статистическую погрешность или как результат так называемого случайного блуждания (рис. 4).

Расхождение между данными моделирования отбора и формульными значениями для модели из 100 «штемпелей»

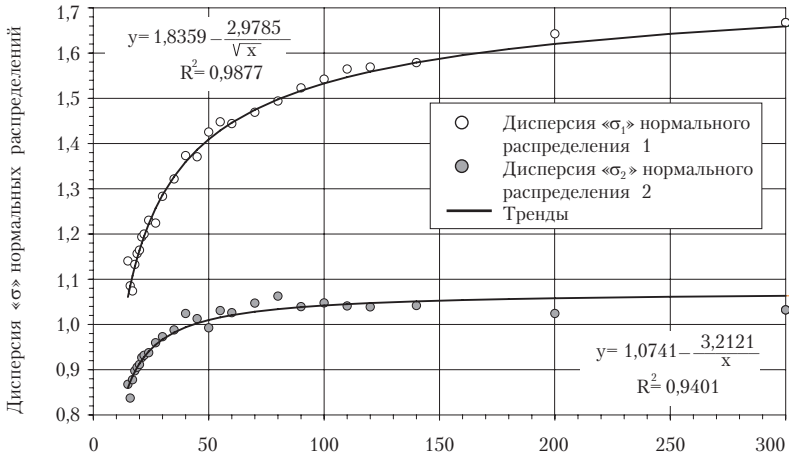

Помимо зависимости, показанной на рис. 3, существуют и другие, описывающие динамику выборок из монетного фонда: ведь на монетном дворе могли использовать любое количество штемпелей, а не только 100. Все такие зависимости описываются суммой двух нормальных законов, хотя параметры этих законов в каждом случае свои. Меняя количество «штемпелей» в модели и определяя параметры нормальных законов, описывающих динамику появления «штемпелей», удалось установить, от чего зависят эти параметры. Средние величины (a_1) и (a_2) будут напрямую, линейно (рис. 5), связаны с числом использованных «штемпелей» (N). Связь среднеквадратичных отклонений (σ_1) и (σ_2) с этим числом описывают гиперболы — обратно-пропорциональные зависимости (рис. 6).

Зависимость средней (а) нормальных законов от числа штемпелей в модели

Зависимость среднеквадратичного отклонения (σ) нормальных законов от числа штемпелей в модели

Обозначив число найденных штемпелей как (d) , помня о том, что (x) — не число монет, а его логарифм, и зная, что указанные параметры изменяются в зависимости от числа использованных штемпелей следующим образом

$$a_1 = 1,1406N + 17,539; a_2 = 0,4821N - 0,9106;$$

$$\sigma_1 = 1,8359 - 2,9785N^{-0,5}; \sigma_2 = 1,0741 - 3,2121N^{-1},$$

для вычислений можно использовать следующую формулу:

$$d = \frac{N}{2} \left\{ \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma_1}} e^{-\frac{(x-a_1)^2}{2\sigma_1^2}} + \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma_2}} e^{-\frac{(x-a_2)^2}{2\sigma_2^2}} \right\} \quad (4)$$

Что все сказанное означает? Время появления нового штемпеля (число проверенных монет) явно зависит от четырех параметров, но каждый из этих параметров зависит от одной и той же величины — от общего числа «штемпелей». Таким образом, динамику появления новых штемпелей определяет на самом деле всего один параметр — количество штемпелей, использованных при чекане, и ряд численных коэффициентов-констант. Выразив (a) и (σ) в формуле, приведенной выше, через общее число штемпелей (N) , мы узнаем окончательное математическое описание этой динамики.

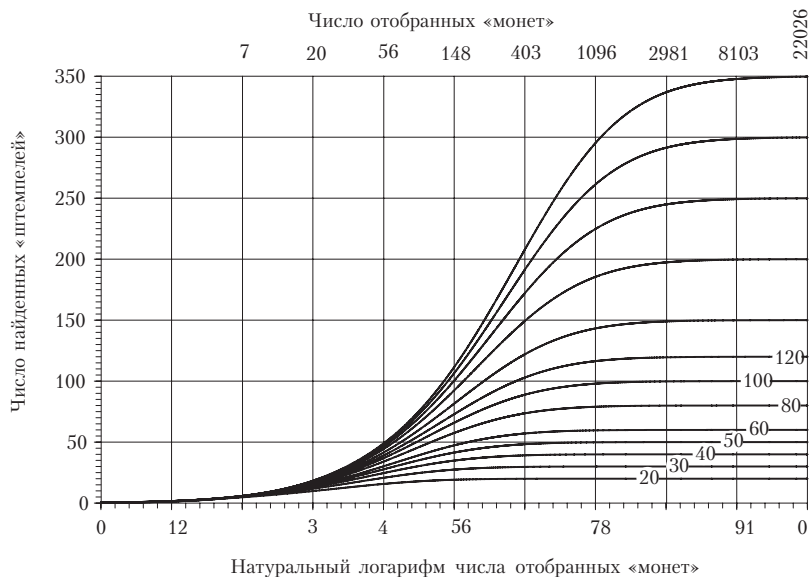
Полученная формула позволяет описать ее при любом исходном числе штемпелей, а примеры, полученные в результате ее использования (рис. 7), должны продемонстрировать, как эта динамика изменяется в зависимости от числа задействованных штемпелей.

Применять результаты моделирования и установленные на их основе законы для определения численности использованных на монетном дворе штемпелей возможно по следующей причине. При анализе динамики появления штемпелей нас интересовала переменная, динамическая величина — время появления нового штемпеля. Мерой этого времени было количество монет, попавших во все время увеличивавшуюся выборку. Но как по-другому можно охарактеризовать это время? Это время фиксирует момент появления нового штемпеля и одновременно изменение соотношения «число монет / число штемпелей». Указанное соотношение — величина, давно и хорошо известная нумизматам. Ученые всегда интуитивно понимали, что чем оно выше, тем более пол-

ным материалом они располагают. Прodelанная выше работа это не только доказывает и объясняет, но и позволяет с помощью всего двух цифр устанавливать объемы монетного производства.

Рисунок 7

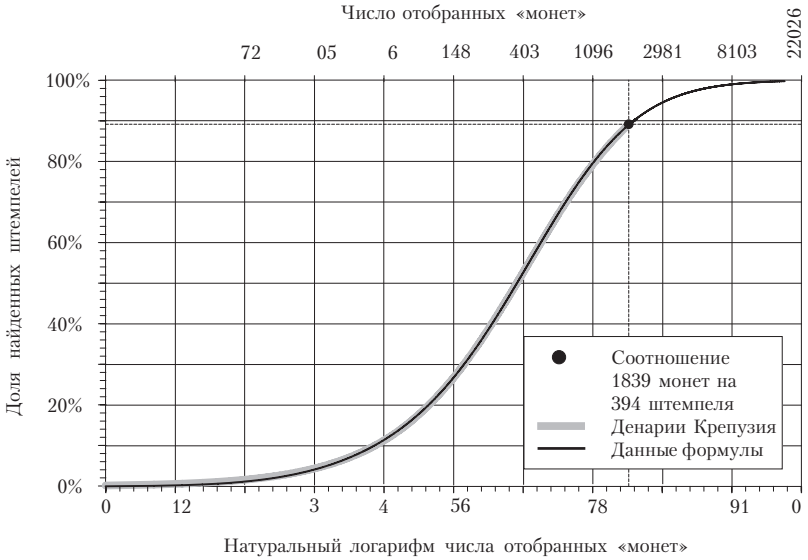
Динамика появления новых штемпелей при различных масштабах производства

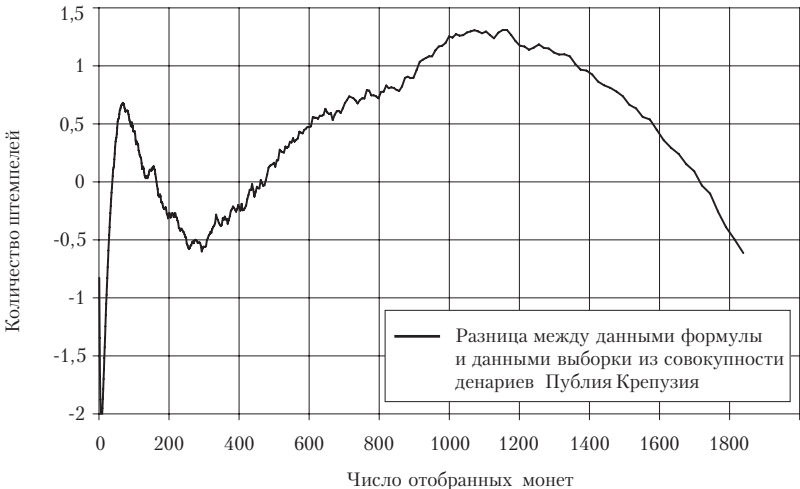
Для этого требуется определить, при каком количестве штемпелей (N) численное значение выведенной выше формулы будет равно (или максимально приближено) к отношению «логарифм числа монет / число штемпелей» ($\ln x/d$), установленному в результате анализа конкретного материала. Но, возможно, легче понять графическое отображение этого решения. Логарифм числа монет и количество штемпелей в выборке задают координаты той единственной точки на графике, которая характеризует всю структуру исследуемого нумизматического материала. Из того «веера» непересекающихся кривых, который описывает появление новых штемпелей на рис. 7, через эту точку может пройти лишь одна. Количество штемпелей, которое соотносится с ней, как раз и укажет нам, сколько всего было использовано штемпелей для чекана монетного типа, который мы изучаем (рис. 8).

Динамика появления новых штемпелей при анализе совокупности римских денариев Публия Крепузия 82 г. до н. э.

Расхождения между формульными значениями и динамикой появления новых штемпелей в совокупности римских денариев Публия Крепузия 82 г. до н. э.

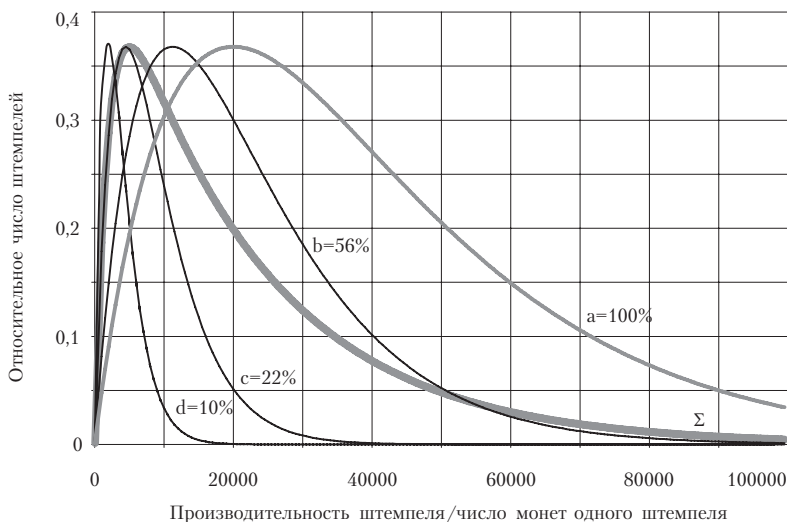

Исследователи, предлагавшие ранее свои методы определения производительности монетных дворов, обходили стороной решение вопроса о том, какое влияние на искомую цифру оказывает то, что данные, использованные для вычислений, предоставляют монеты, выпускавшиеся не один год и даже не одно десятилетие. Зная, что продуктивность штемпелей описывает отрицательный биномиальный закон, В. Эсти вынужден был описывать этим законом и гипотетический монетный фонд, из которого была получена выборка, используемая в расчетах. Он понимал, что это некорректно, но простота предложенной им формулы не предполагала учета хронологических изменений в монетном фонде, тем более что об экспоненциальном законе, управляющем этими изменениями¹³, ученый не знал.

Какие искажения в распределении штемпелей по числу монет, отчеканенных ими, появляются в процессе бытования монеты, показывает рис. 10. Он объясняет, в частности, почему в кладах, отобранных из монетного фонда с высокой скоростью обновления, или в кладах, содержащих монеты за длительный период, повторяемость штемпелей оказывается низкой.

Рисунок 10

Зависимость числа штемпелей в обновляющемся монетном фонде от сохранившегося числа монет, отчеканенных ими

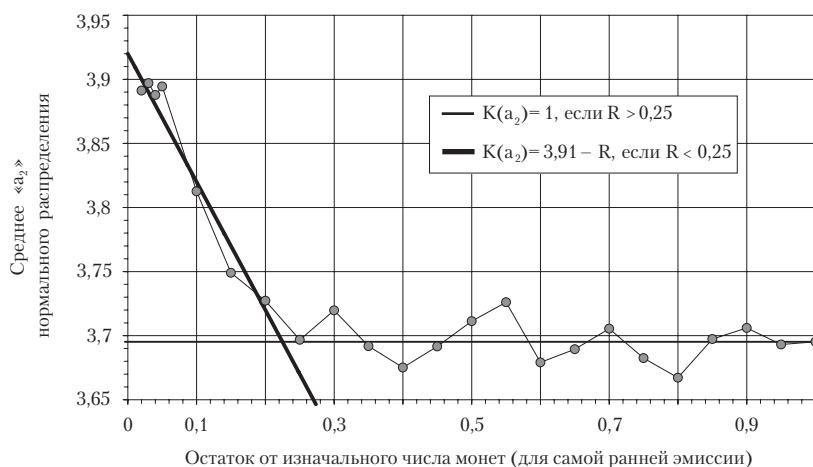
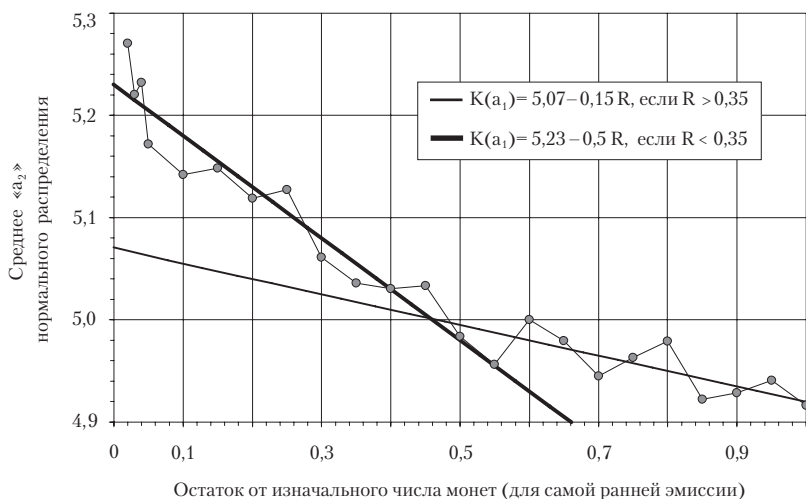
Если кривая «а» на рис. 10 описывает численность штемпелей эмиссии, еще не подвергшейся процессам, из-за которых число монет падает, то кривая «Σ» показывает, каким станет суммарное распределение для штемпелей за многие годы «t» после того, как в постоянно обновляемом монетном фонде стабильной величины число монет самой ранней эмиссии «d» сократится в 10 раз по сравнению с изначальным (кривые «b», «c» описывают эмиссии, отстоящие от начала чекана на 0,8 t и 0,4 t лет). Видно, что различия между ними (и между другими, не показанными на рисунке зависимостями) весьма существенны, поэтому о процессах, менявших численность эмиссий, забывать нельзя, если мы хотим определить число штемпелей в подвижном монетном фонде. При этом нужно понимать, что скорость обновления обращения (величина вероятности ухода) не влияет на параметры распределения. Оно будет одним и тем же в случае высокой вероятности (например, 10 % от первой эмиссии осталось всего через 5 лет), и в случае низкой скорости обновления обращения, когда это произошло, допустим, лишь через 50 лет.

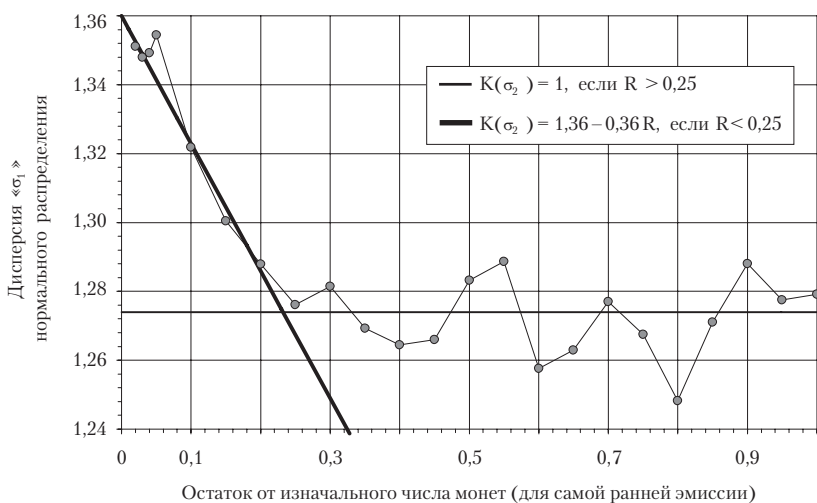
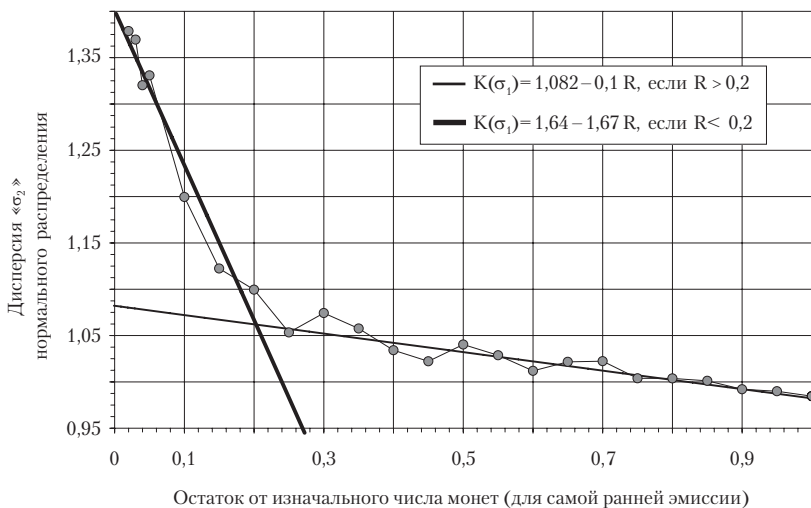
Как изменяются параметры «а» и «σ», используемые в формуле 4, выведенной ранее для описания непотревоженной эмиссии, если мы имеем дело с суммой множества эмиссий, уменьшившихся в разной степени? Анализ ряда моделей, в которых численность первой эмиссии задавалась от 1 % до 100 % от изначальной, дает нам ряд зависимостей, представленных на рис. 11. Удовлетворительно и единообразно аппроксимировать их монотонными кривыми мне не удалось, поэтому из практических соображений (необходимость дополнительных коэффициентов) я позволил себе описать зависимости сочетанием двух линейных трендов. Но даже при таком решении можно увидеть на графиках, что хронологические изменения мало влияют на интересующие нас параметры, пока мы имеем дело с монетным фондом, в котором от самой ранней эмиссии остается более четверти монет. С учетом и без учета этих изменений определение числа штемпелей дает цифры, отличающиеся примерно на 1 %. Вводить дополнительные коэффициенты¹⁴ в формулу 4 имеет смысл только тогда, когда порог в 25 % пройден. В подобное состояние монетный фонд, обновляющийся на 5 % в год, приходит через 27 лет, обновляющийся на 10 % — через 13. Следовательно, для корректных вычислений нужно знать, не только какой временной интервал покрывают монеты понав-

шего к нумизмату клада, но и то, с какой скоростью обновлялся монетный фонд в этот период (при анализе выборок из внекладового материала, вышедшего из обращения в разные сроки, учитывать хронологические изменения в составе самого монетного фонда нет необходимости).

Рисунок 11

Изменение параметров законов Гаусса, описывающих момент появления неизвестного штемпеля в выборке в зависимости от хронологической структуры монетного фонда

Использование простейшего и органичного для любого нумизматического материала соотношения «монеты/штемпели» позволяет не только ответить на принципиальный вопрос о том, как может повлиять бытование монеты на точность вычислений, проводимых для определения производительности монетных дворов, что, как было сказано, необходимо для адекватных оценок состояния финансов государств древности.

Использование соотношения «монеты/штемпели» взамен анализа частотного распределения штемпелей по числу отчеканенных ими монет открывает и новые перспективы. В первую очередь, появляется возможность оценивать продуктивность монетных дворов, имея в своем распоряжении крайне незначительное количество монет или располагая материалом, в котором повторяемость штемпелей весьма незначительна, на уровне 1,1–1,2. Исследования прошлых лет, в которых авторы не считали нужным приводить данные о частоте использования штемпелей, а ограничивались указанием числа монет и числа штемпелей, становятся пригодны для вычислений. Но самое главное, используя данный метод, ученый может прогнозировать перспективы своего исследования — узнать, сколько ему необходимо найти монет, если не для абсолютного, то для исчерпывающего типологического описания.

Примечания

¹ Например: Blanchet J.-A. *L'Atelier monétaire du Prince Noir a Limoges en 1365*. RN. 1898. Т. 2. P. 507–518; Bompaire M. *Le monnaie de Pont-de-Sorgues dans la première moitié du XIVe siècle*. RN. 1983. Т. 25. P. 139–176; Munro J. H. *The Maze of Medieval Mint Metrology in Flanders, France and England: Determining the Weight of the Marc de Troyes and the Tower Pound from the Economics of Counterfeiting, 1388–1469*. Toronto, 1998. P. 1–30; <http://www.chass.utoronto.ca/ecipa/wpa.html>

² Buttrey T. V. *Calculating Ancient Coin Production: Facts and Fantasies*. NC. 1993. Vol. 153. P. 335–351; Idem. *Calculating Ancient Coin Production II: Why It Cannot Be Done*. NC. 1994. Т. 154. P. 341–352; Callataÿ F. de. *Calculating Ancient Coin Production: Seeking a Balance*. NC. 1995. Vol. 155. P. 289–311.

³ Пример того, как можно определить численность рыбы в пруду, берется из учебника в учебник. Надо поймать, например, 1000 рыб, пометить их и запустить обратно в воду; затем забросить сеть второй раз. Доля помеченных рыб в новом улове укажет, какую часть от всей популяции составляет 1000 рыб.

⁴ Пономарев А. Л. *Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи: Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики*. М., 2002. С. 21–29; Carter G. F. *A Simplified Method for Calculating the Original Number of Dies from Die-link Statistics*. ANSMN. 1983. Vol. 28. P. 195–206; Esty W. W., Carter G. F. *The Distribution of the Numbers of Coins Struck by Dies*. AJN. 1991–1992. Vol. 3–4. P. 165–186; Crafter T. C.R. *A Die Study of the Cross-and-Crosslets Type of the Ipswich Mint, c. 1161/2–1180*. NC. 2002. Т. 162. P. 237–251; Savio A. *La numismatica e i problemi quantitativi: Intorno al calcolo del volume delle emissioni*. RIN. 1997. Т. 98. P. 11–48. Библиографию ранних

работ по теме см.: Esty W. W. Estimation of the Size of a Coinage: A Survey and Comparison of Methods. NC. 1986. Т. 146. Р. 185–215.

⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. НЭ. М., 1960. Т. 1. С. 94–191.

⁶ Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. С. 21–29.

⁷ Esty W. W., Carter G. F. The Distribution of the Numbers of Coins Struck by Dies. AJN. 1991–1992. Vol. (2) 3–4. Р. 165–186.

⁸ Пономарев А. Л. Первые деньги Золотой Орды. Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. М., 2010. № 3. С. 59–83.

⁹ Математическое описание этого закона таково:

$$P_n = \frac{n!}{(n-r)! \times r!} p^r \times q^{(n-r)}. \quad (2)$$

где «n» — число попыток, «r» — число успешных попыток, «p» — вероятность «успеха», а «q» — вероятность «неудачи», равная «1 – p».

¹⁰ Esty W. W., Carter G. F. The Distribution of the Numbers of Coins Struck by Dies.

¹¹ Если быть абсолютно точным, среднее значение для указанного биномиального закона определяется как $a = 2/(1 - p)$.

¹² Появление «долей штемпеля» объясняется тем, что в модели мы имеем дело не с реальными физическими изделиями, а с виртуальными, а также тем, что аналитическая формула имеет в качестве аргумента не дискретный, а непрерывный признак.

¹³ Ponomarev A. L. Silver In, Silver Out: Principles for Calculating Outflow of a Medieval Currency // Istituto Internazionale di Storia Economica «F. Datini». Relazioni economiche tra Europa e mondo islamico, secc. XIII–XVIII. Prato, 2007. Р. 1008–1026; Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. С. 30–34.

¹⁴ Обозначив сохранившуюся долю монет первой эмиссии как «R», мы получим следующие коэффициенты, соответствующие трендам, показанным на рис. 11:

$$K(a_1) = 5,07 - 0,15 R, \text{ если } R \geq 0,35; K(a_1) = 5,23 - 0,5 R, \text{ если } R < 0,35;$$

$$K(a_2) = 1, \text{ если } R \geq 0,25; K(a_2) = 3,92 - R, \text{ если } R < 0,25;$$

$$K(\sigma_1) = 1,082 - 0,1 R, \text{ если } R \geq 0,2; K(\sigma_1) = 1,4 - 1,67 R, \text{ если } R < 0,2;$$

$$K(\sigma_2) = 1, \text{ если } R \geq 0,25; K(\sigma_2) = 1,36 - 0,37 R, \text{ если } R > 0,25.$$

Архивы и экономическая история

П. А. Кюнг*

Истоки архивоведения экономической документации в России**

Бизнес оказал огромное влияние на человеческую цивилизацию. Он затронул социальные отношения, здоровье, благосостояние, мобильность населения, политику, окружающую среду и т. д. Предпринимательство, как сфера общественной активности, уже давно стало частью культуры и социальной организации общества. «Можно ли понять общество в двадцатом и двадцать первом веке без понимания мира бизнеса?» — спрашивает шотландский архивист, директор архива университета Глазго Лесли Ричмонд¹.

В начале XX в. историки начинают осознавать особую значимость экономической сферы для человечества, ее глобальное отличие от политической истории. Это вызвало научный интерес к сохранению и изучению источниковой базы по истории хозяйственной активности человечества. «Без бизнес-архивов нет бизнес-истории»². Этот тезис, озвученный в начале 1920-х гг. в стенах Гарвардского университета, и в наши дни сохраняет свою актуальность.

В начале 1920-х гг. в США на почве широкого общественно-го интереса к истории компаний, как кирпичиков экономического успеха страны, появляется новое направление в исторической науке — «бизнес-история»³, а потом и новое направление в архивоведении — «бизнес-архивоведение».

По определению английских архивистов, **«бизнес-архивы»** — это хранилища документов (**бизнес-документов**), которые фирмы сохраняют в силу юридических, коммерческих или исторических причин. **Бизнес-документы** — это вещественные доказательства

---

* Кюнг Павел Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры научно-технических и экономических документов и архивов Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00011а.

деловой активности, созданные, полученные и сохраняемые в качестве доказательства или в информационных целях документы на различных носителях и в различных форматах⁴. Таким образом, термин «бизнес-архив» в понимании зарубежных архивистов относится к частному сектору экономики. В зарубежной архивной практике мы можем встретить и более широкое понятие «экономический архив». Например, The Berlin-Brandenburg Economic Archive (Berlin-Brandenburgisches Wirtschaftsarchiv)⁵, хранилище экономических документов (permanent home for economic documentation) по истории региона.

Выделение архивов экономического профиля до сих пор не нашло однозначной поддержки у российских архивистов. Даже на понятийном уровне не решены основополагающие вопросы в этой области. В нашей стране отсутствует закрепленное в нормативных документах понятие «экономическая документация». Тем не менее оно достаточно активно используется в научной литературе⁶, устной практике специалистов. При этом существует такое понятие как **экономическая информация** — информация о процессах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, происходящих на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях⁷. По мнению историка предпринимательства И. В. Поткиной, **экономическая документация** — «совокупность разнообразных по форме, содержанию и происхождению документов, в которых отражена различного рода информация о тех или иных аспектах экономического развития общества. Понятие «экономическая документация» является собирательным. На уровне единичного документа мы имеем дело, как правило, с источниками, в которых содержится прямая, косвенная или скрытая информация о состоянии народного хозяйства в целом, или отдельного экономического региона, или отдельной отрасли, или того или иного хозяйствующего субъекта в текущий момент или в определенный период времени. Пласты информации фиксируются в виде письменного текста или цифровых данных». **Экономическая деятельность** является видом общепользуемой (социальной) деятельности, осуществляемой в сфере экономики любыми правоспособными лицами, а также некоторыми коллективными образованиями без статуса юридического лица, публичными образованиями в целях создания материальных и духовных (нематериальных) благ, удовлетворения разнообразных потребностей индивида (человека), членов общества в целом за счет получаемого экономического дохода⁸.

Необходимо отметить, что уже в документах 1920-х гг., относящихся к образованию Архива народного хозяйства, культуры и быта, можно встретить такое определение как «*экономический фонд*»⁹, относящееся к материалам архива. В таком же значении по отношению к содержанию историко-экономической секции Единого государственного архивного фонда употребляет понятие «*экономический архив*» и В. В. Максаков¹⁰. Естественным образом данные определения распространялись на все архивные фонды без выделения материалов частных фирм. Отсутствие частного предпринимательства как сферы человеческой деятельности в СССР не давало архивистам повода для разработки отдельной теории и методики работы с архивами негосударственной экономики, за исключением дореволюционных фондов, уже поступивших на государственное хранение. О работах, в которых изучались архивоведческие и источниковедческие приемы работы с ними, будет сказано ниже.

В дальнейшем за необходимость классификации и, следовательно, хранения документов по целевому (функциональному) назначению выступали российские архивисты В. В. Цаплин и Е. А. Тюрина, выделяя экономическую систему документации в самостоятельную группу. Исследуя работу Российского государственного архива экономики, они пришли к выводу, что отсутствие многопрофильности позволило архиву добиться положительных результатов в своей деятельности¹¹.

В данной статье под термином «экономический архив» понимается архив (государственный, государственного или негосударственного учреждения), хранящий различные типы и виды документов, объединенных функциональным назначением, отражающих реалии экономической деятельности (процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, происходящих на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях).

На международном уровне бизнес-архивоведение было институционально оформлено в 1978 г. созданием Профессионального комитета по архивам предприятий при Международном совете архивов. В 1992 г. на международном конгрессе архивов в Монреале учреждается специальная Секция архивов бизнеса и труда (Section on business and labour archives), существующая и в настоящее время.

Ее основными задачами являются: организация профессионального и научного сотрудничества, популяризация деятельности по сохранению бизнес-архивов на международном уровне, изучение вопросов доступа к документам этих архивов, сотрудничество с государственными архивами, хранящими документы по истории предпринимательства и трудовым отношениям¹². Выделение отдельного направления «бизнес-архивоведение» связано со спецификой источников, с которыми сталкивается история экономики — это финансовые, статистические документы, отчеты компаний и т. д., требующие особых навыков от исследователей. В российском архивоведении такое направление пока отсутствует. В немалой степени, на мой взгляд, это связано с тем, что традиционно архивисты нацелены на работу с управленческой документацией. Теоретико-практической работой с финансово-экономической документацией занимаются специалисты профильных ведомств, определяя форму представления информации, организацию работы с ней в делопроизводстве, сроки архивного хранения. К сожалению, приходится констатировать, что данные ведомства заботятся лишь о практическом использовании подобных документов, игнорируя их историческое значение.

Наиболее распространенной в Европе формой организации взаимодействия общественных сил в деле сохранения и использования бизнес-архивов является создание профессиональных ассоциаций. Одной из причин их появления стало невнимание к этой проблеме государственных архивов и архивистов. Подобные ассоциации образовывались как инициатива «потребителей»-историков экономики и владельцев-предпринимателей, которые были заинтересованы в методических разработках по хранению своих документов¹³. Их основными задачами стали: организация подготовки кадров и создание методических документов по ведению архивов компаний, а также издание профессиональных журналов и литературы. В настоящее время эти ассоциации активно сотрудничают с государственными архивными органами, зачастую и на организационном уровне.

Во второй половине XX в. в деятельность по собиранию документов по истории экономики активным образом включились государственные архивные службы. Практически все европейские национальные архивы имеют в своем составе крупные коллекции документов компаний. Как правило, это либо фонды обанкротившихся компаний, либо коллекции исторических документов,

купленные архивом или научным центром (библиотекой, университетом, музеем). Такой подход хотя и позволяет сохранять для истории достаточно крупные комплексы документов, не подразумевает методичного и системного комплектования.

Но, по мнению Лесли Ричмонда, основным способом сохранения бизнес-архивов и обеспечения доступа к ним исследователей является их регистрация и создание путеводителей¹⁴. Подобный подход имеет давнюю традицию в европейской архивистике. Первый реестр бизнес-архивов был создан в 1930-е гг. по инициативе Британского Совета по бизнес-архивам и включал сведения о лондонских частных компаниях¹⁵.

В настоящее время в Европе существует множество каталогов, содержащих данные о бизнес-архивах, некоторые из них доступны через Интернет. Их можно условно разделить на две группы по их функциональному назначению. Прежде всего это справочники, полностью посвященные коммерческим организациям, лицам или семьям, занимавшимся предпринимательской деятельностью. Среди них можно выделить основные регистрационные справочники по бизнес-архивам Великобритании: Национальный регистр архивов¹⁶, созданный в 1945 г., и Национальный регистр архивов Шотландии, созданный в 1946 г. В них содержится постоянно обновляемая информация о местонахождении, состоянии документов компаний и отдельных людей, связанных с экономической историей Англии. Помимо этого, существует межфондовый тематический путеводитель по основным архивохранилищам Англии, хранящих документы бизнес-архивов, — «Бизнес-история: путеводитель исследователя»¹⁷. С целью облегчения доступа исследований к информации о бизнес-архивах в Англии был создан интернет-портал A2A (Access to Archives)¹⁸, который позволяет осуществлять поиск по целому ряду путеводителей, содержащих данные по различным архивохранилищам страны.

В Италии на сайте Министерства культуры, публикуются обзоры фондов бизнес-архивов¹⁹. Во Франции существует национальная база данных региональных архивов «Voga»²⁰ (ie Base d'orientation et de recherches dans les archives), в которой содержится информация о документах коммерческих компаний, хранящихся в региональных архивах Франции.

Помимо подобных реестров, содержащих «сплошную» информацию об архивах предприятий, сведения о бизнес-архивах присутствуют и в общих архивных справочниках. Так, во Франции

информация о документах бизнес-архивов в некоторой степени содержится в публикуемых Дирекцией архивов путеводителях²¹. В Дании основной базой данных по архивам является «Danpa» (Danmarks Nationale Privatarkivdatabase), содержащая информацию по частным архивам, существенной составляющей которых являются бизнес-архивы²². Помимо нее в настоящее время создается Датская архивная информационная система (Dansk Arkivalieinformationssystem), которая будет включать подробную информацию о датских государственных и региональных архивах²³. В Финляндии в Интернете поддерживается Национальный регистр частных архивов, содержащий информацию и о части бизнес-архивов²⁴.

В США Ассоциация американских архивистов по корпоративным архивам в Соединенных Штатах и Канаде²⁵ (American Archivists' Directory of Corporate Archives in the United States and Canada) ведет списки компаний и бизнес-ассоциаций. В них включается контактная информация организации, сектор экономики, в котором компания осуществляет свою деятельность, объемы и направленность хранимой документации, ее описание, условия доступа и часы работы хранилища документов.

На этом впечатляющем общемировом фоне Россия выглядит не столь представительно. Хотя у нас сложилась серьезная школа экономических историков, сохранение экономической документации пока не стало общественной задачей. Действующий в настоящее время Российский государственный архив экономики так и остается единственным.

В отечественной историографии экономическая документация в ее историко-архивном изучении пользуется устойчивым интересом у исследователей. Но следует отметить, что теоретико-методологические труды имеют ярко выраженный источниковедческий аспект и базируются на архивных фондах дореволюционных коммерческих структур, находящихся на государственном хранении. В работах С. В. Воронковой²⁶, Л. Е. Шепелева²⁷, А. Г. Голикова²⁸, И. В. Поткиной²⁹, В. И. Бовыкина³⁰, Г. Р. Наумовой³¹ и других исследователей ставились задачи выработки приемов работы с конкретными группами фондов и документов, но вопросы их сохранения и передачи на архивное хранение затрагивались в недостаточной степени.

Среди публикаций последних десятилетий, посвященных хранению экономической документации, есть лишь немного статей

и книг, посвященных этой проблематике, причем в основном это работы, посвященные текущей деятельности архивов коммерческих организаций или экономических архивов, в которых вопросам истории и теории их деятельности отводится незначительное место. Можно упомянуть работы Е. А. Тюриной³², Н. А. Храмцовой³³, Б. В. Альбрехта³⁴, П. А. Кюнга³⁵.

История государственных архивов России насчитывает по меньшей мере три попытки подойти к вопросу сохранения экономической документации как отдельного типа архивных документов. В разные годы создавались специализированные архивные структуры: действовавшие в 1920–1930 гг. Архив народного хозяйства, культуры и быта в Москве, Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде³⁶ и ныне существующий Центральный государственный архив народного хозяйства — ЦГАНХ (с 1992 г. Российский государственный архив экономики — РГАЭ).

В отдельную категорию можно выделить сеть архивов научно-технических документов. Она начинала создаваться почти одновременно с ЦГАНХ, но ее судьба оказалась более счастливой. В настоящее время существует несколько архивов научно-технических документов: федеральный (Российский государственный архив научно-технической документации — РГАНТД) и региональные, прежде всего Московский и Санкт-Петербургский. Высочайшая степень актуальности хранящихся в них документов, необходимость отдельного их хранения из-за особых форматов носителей и особого способа кодирования информации выделили эти архивы в отдельную категорию. Ни у кого в настоящее время не найдется смелости отрицать правомочность и научность такого направления, как архивоведение научно-технических документов.

Таким образом, можно констатировать, что в нашей стране существует достаточно длительный опыт хранения экономической документации, ее изучения с источниковедческих позиций, но приходится отметить недостаточную проработанность этого вопроса с точки зрения архивоведения, маленький опыт по хранению экономической документации. Почему? Сложно ответить на такой масштабный вопрос в рамках отдельной статьи. Тем более что сам вопрос практически не затронут в историографии. История первых архивов народного хозяйства освещается лишь в общих работах по истории государственных архивов³⁷; РГАЭ посвящено несколько статей³⁸.

В данной статье поставлена достаточно скромная, но важная для понимания специфики сохранения экономической документации цель — заполнить некоторые пробелы в истории экономических архивов, а именно изучить историю деятельности Архива народного хозяйства, культуры и быта в Москве, обстоятельства его возникновения, методологические проблемы и причины расформирования.

До 1917 г. в России не существовало единой государственной архивной политики, хранение документов было разрознено по различным ведомственным архивам. Не лучше дело обстояло и с архивами частных предприятий. Их сохранность практически не регулировалась законодательством, за исключением требования хранения торговых книг в течение 10 лет, которое фактически распространялось на всю документацию торгово-промышленных компаний³⁹. Тем не менее в настоящее время в российских архивах хранятся довольно объемные фонды акционерных обществ, банков, представительных организаций предпринимателей⁴⁰.

Следует констатировать, что пока ни в российской, ни в западной литературе не было предложено действенного способа сохранения документов бизнес-архивов, который бы имел стопроцентный успех. В самом начале работы по сохранению и использованию документов негосударственной части экономики европейские и американские архивисты столкнулись с противоречием двух основополагающих демократических прав: на доступ к информации и на неприкосновенность частной собственности⁴¹. Это противоречие не преодолено и в настоящее время, как свидетельствует доклад Секции архивов бизнеса и труда Международного совета архивов. К сожалению, это полностью применимо и к российской архивной практике.

Вполне возможно, что у нас в стране могло бы сложиться такое общественное отношение к бизнес-архивам, как в США, Великобритании или Германии, но эволюционное развитие предпринимательства и соответственно бизнес-архивов было прервано революцией 1917 г., что для предпринимательских архивов имело юридические и организационные последствия.

1 июня 1918 г. утверждается декрет «О реорганизации и централизации архивного дела». Согласно ему все архивы правительственных учреждений ликвидировались как ведомственные учреждения. Хранившиеся в них документы образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ) Советской республики⁴².

Под организацией ЕГАФ не подразумевалось физическое объединение всех архивных фондов. Речь шла об объединении архивных фондов в комплексы (секции) по признаку, обеспечивающему их обработку и возможность широкого использования. «В целях лучшего научного использования, а также для удобства хранения и экономии расходов отдельные части государственного архивного фонда, по возможности, должны быть соединены по принципу централизации архивного дела» (п. 7). В документах мы встречаем двоякое толкование понятия «секция» — в качестве управленческой структуры и в качестве хранилища документов.

В 1918–1919 гг. было создано 8 секций: I — законодательства, верховного управления и внешней политики, II — юридическая, III — военно-морская, IV — народного просвещения, V — историко-экономическая, VI — внутреннего управления и самоуправления, VII — историко-революционная и VIII — печатных изданий официального характера.

В декрете 1 июня 1918 г. не говорилось о фондах бывших коммерческих предприятий и общественных организаций. Дело в том, что первоначально их ширококомасштабная национализация не планировалась. Но развернувшееся стихийное движение поставило перед властями задачи сохранения архивов национализированных предприятий. Нельзя сказать, что для власти их собирание было принципиальной позицией. Так, например, через десять лет после революционных событий произошел приводимый ниже казус с архивными документами частной компании. 30 января 1927 г. на товарной станции Ташкент в поезде из Воронежа был найден архив Воронежского оптового пивного склада жигулевского пивоваренного завода в г. Самаре в двух ящиках весом 117 килограммов (бухгалтерские книги, ордера, переписка по складу). Первоначально его планировалось продать на аукционе невостребованных вещей, но после осмотра инспектором было решено, что они продаже на общих основаниях не подлежат и должны быть направлены в архивное управление для выяснения всех обстоятельств дела⁴³.

В ходе переписки с воронежской прокуратурой было решено, что поскольку это материалы государственного предприятия, сданного в аренду частному лицу, то они могут быть включены в ЕГАФ и работа по поиску владельца и определению их судьбы должна быть продолжена⁴⁴. Несмотря на это, точки над *i* расставила служебная записка юрисконсульта — по его мнению, поскольку

ку материалы все-таки частновладельческие, законодательство не предусматривает их передачи в ЕГАФ⁴⁵. Из данного примера можно сделать вывод о том, что государство отнюдь не стремилось сконцентрировать в своих архивах все документы частных компаний.

Включение архивов бывших фирм не было следствием одного законодательного акта. Различные категории фондов передавались государству постепенно. В мае 1919 г. Главархив опубликовал обращение ко всем владельцам семейных, хозяйственных, служебных и другого рода документальных собраний с предложением передавать их в хранилище частных архивов, «где порученные заботам ученых-специалистов они будут сохранены для истории». Их поступление на хранение в архивные учреждения проходило главным образом в 1926–1929 гг. Архивы производственных предприятий после национализации компании продолжали храниться на предприятиях, откуда поступали в местные архивохранилища. Архивы же органов управления подвергались дроблению на материалы, необходимые для органов ВСНХ, и материалы, не представлявшие практической ценности. Переданные ВСНХ документы правлений акционерных компаний к 1931 г. оказались сконцентрированными в Московском архиве народного хозяйства. Документы, находившиеся в пользовании местных СНХ, аналогичным образом поступали в областные государственные архивы⁴⁶.

Начало организации Архива народного хозяйства, культуры и быта (АНХКиБ), на первых порах в качестве Московского отделения экономической секции ЕГАФ, было положено решением Коллегии Главархива в феврале 1921 г. Она предложила приступить к разборке банковских архивов, розыску архивов фабричной инспекции и составлению общего списка учреждений и предприятий, материалы которых подлежали включению в экономическую секцию. Список, куда входили документы Совета съездов торговли и промышленности и военно-промышленных комитетов, коллегия Главархива утвердила 15 марта 1921 г. Постепенно в архиве начали концентрироваться фонды центральных и московских правительственных учреждений и общественных организаций по различным отраслям экономики (сельское хозяйство, промышленность, транспорт, торговля, финансы). Здесь же сосредоточились фонды Московского отделения историко-культурной секции⁴⁷.

Собирание документов под крылом государственных архивов проходило непросто. Растянулось оно на долгие годы. Это было связано с нежеланием руководства предприятий и организаций задуматься о судьбе своих документов и с отсутствием у архивного управления эффективного административного ресурса для их принуждения. Ситуацию иллюстрирует следующий случай.

В середине 1920-х гг. ОГПУ регулярно присылало Центрархиву сводки о состоянии архивохранилищ на местах. В 1924 г. была составлена Сводка о состоянии архивохранилищ в учреждениях по уездам Московской губернии. В ней указывалось, что пропажи документов и гибели их от огня за последнее время практически не было. В качестве исключения называлось несколько предприятий. В частности, Глуховская фабрика им. т. Ленина⁴⁸. Ее руководство, несмотря на то что уездным архивом в 1923 г. была дана телефонограмма заводууправлению о запрете на уничтожение документов без разрешения «Центра»⁴⁹, архив предприятия частично уничтожило, а частично вывезло на писчебумажную фабрику. Оставшиеся документы не были разобраны и хранились в виде груды бумаг. В числе уничтоженных были и ценные документы⁵⁰. 31 октября 1923 г. из архива фабрики были вывезены без разрешения уездного архива старые документы весом 219 пудов 10 фунтов и 19 ноября 174 пуда⁵¹. Объяснительная записка начальника охраны фабрики представляет собой замечательный пример отношения к архивным документам в то время⁵²: «1923 декабря 11 дня, мною, старшим Центра ядра охраны фабрики им. Ленина Смирновым, рассмотрено дело об архивах при главной конторе Ново-Ткацкой фабрики, причем нашел следующее: что Комиссией в составе заведующего конторами ткацкой фабрики Барышников, зав. школой фабзавуча Купцова и пом. главного бухгалтера Глуховской фабрики Еремина был составлен акт от 3.10 с. г. после осмотра архива на ткацкой фабрике, причем эта комиссия пришла к заключению, что вся груда конторских книг и документов, находящаяся в архиве, не представляет из себя никакой архивной ценности, за исключением неисписанных книг, хороших переплетов, которые могут быть использованы для контор и для справок, а остальную груду без ущерба для дела можно использовать как материал для писчебумажной фабрики, что с решением этой комиссии фабричное управление в лице директора Н. Барто согласилось и предложило зав. ткацкой фабрикой принять срочные меры к очищению помещения.

Что же касается вопроса, кем дано распоряжение сжечь архив внизу главной конторы, нашел, что такого распоряжения совершенно никто не давал, а по отношению за № 4455 от 6.12 с. г. завхозотдела Петрова, с конного двора рабочие приступили к очистке подвала под главной конторой, и десятник Корнеев спросил завотдснабжения Антонова: куда девать содержимое подвала. Антонов ответил ему: хлам, книги конторские и бумагу можно сжечь в кочегарке, а хорошие уложить в короба и под лестницу, но это распоряжение было отменено пом. завхозотделом Ивановым, что таким образом содержимое подвала главной конторы сожжению не подвергалось и, принимая во внимание все вышеизложенное со своей стороны, усматриваю, что в данном деле из архива Ново-Ткацкой фабрики часть содержимого вывезена на писчебумажную фабрику с разрешения правления фабрики, а очистка подвального помещения под главной конторой предполагалась быть начата по распоряжению хозотдела, но приостановлена, потому полагаю настоящую переписку передать на распоряжение зав. охраной фабрики»⁵³.

Несмотря на подобные казусы, в Архиве народного хозяйства удалось собрать достаточно представительное собрание фондов экономического характера. В его основу лег архивный материал, полученный от действующих народнохозяйственных и общественных учреждений, Наркомфина, ВСНХ, трестов и синдикатов. Кроме того, были перемещены фонды из архивохранилища на Тверском бульваре⁵⁴. Вполне возможно, что речь идет в том числе и о документах военно-промышленных комитетов, архив которых находился как раз на Тверском бульваре, д. 25⁵⁵.

Собственно экономическое отделение архива НХКиБ было создано в 1924 г. в связи с концентрацией экономических фондов в архивохранилище на Никольской, 9а под названием экономической секции. С ее упразднением постановлением Центрархива от 21 апреля 1925 г. «Архивохранилище по Никольской, 9а» переименовывается в Архив народного хозяйства культуры и быта. Фонды, относившиеся в экономической секции, составили его экономическое отделение⁵⁶.

В состав отделения вошли фонды организаций и предприятий:

- торговля и промышленность: архив Министерства торговли и промышленности, архивы ликвидированных предприятий (фабрики, заводы, торговые дома), биржевые артели;
- сельское хозяйство: архив Министерства земледелия, архивы земельных банков;

- транспорт и связь: архивы железных дорог, почт и телеграфов;
- страхование и благотворительность: архивы страховых обществ и опекунских учреждений;
- финансы и кредит: архивы Государственного банка с его отделениями, сберегательных касс, казначейств, казенных и контрольных палат, народного банка, Государственной комиссии погашения долгов, Особой канцелярии по кредитной части; архивы частных коммерческих банков, ссудосберегательных товариществ;
- общественные организации: архивы военно-промышленных комитетов и Земского и Городского союзов, комитетов о раненых Красного креста.

Всего было принято на хранение 147 фондов, из которых 84 фонда представляли торговлю и промышленность, 54 фонда — финансы и кредит, 9 фондов — общественные организации. В основном это были материалы 1870–1924 гг., за редкими исключениями: например, Госбанк — содержались материалы первой половины XIX в.⁵⁷

Сотрудники архива уже в те годы отмечали специфику поступивших к ним материалов. Указывалось, что документы в большинстве своем хозяйственно-экономические, с большим количеством цифровых данных. Они относились к деятельности заводууправлений и контор, производству, быту рабочих, торговле, транспорту, фабричной инспекции. Фонды железных дорог содержали документы по делопроизводству отдельных служб, а также значительный плановый материал. В банковских фондах по преимуществу сохранились конторские книги, переписка с клиентами, документы по операциям, протоколы собраний и заседаний⁵⁸.

В первые годы существования архива поступившие материалы удалось разобрать только по фондам и отделам и систематизировать по хронологии. В редких случаях фонды поступали со сдачными описями⁵⁹.

Свет на основные проблемы первого этапа формирования Архива народного хозяйства культуры и быта проливает докладная записка его первого директора, временно исполнявшего должность заведующего «Архивохранилищем Никольская, 9а» Мирошниченко П. Ф., в Коллегию Центрархива от 5 мая 1925 г. В связи с ее информативностью она приводится практически полностью⁶⁰.

«1-го февраля текущего года я был откомандирован ОРГО⁶¹ в архивохранилище на Никольскую, где сконцентрированы были к тому времени фонды Историко-Культурной и Экономической

секций Центрархива. Управление Историко-Культурной секции, делопроизводственная часть и фонды 3 и 4 отделений этой секции были там же. Предстояло присоединить к ним 1 Отделение, хранившее фонды на Девичьем поле (б. Архив Юстиции). Для размещения фондов этого отделения необходимо было срочно оборудовать стеллажами верхний третий этаж надворного здания. Для размещения фондов Экономической секции также необходимо было увеличить количество стеллажей в переднем главном корпусе здания на Никольской ул.

Эту хозяйственную задачу в первую очередь и должен был я выполнить.

<...>

2. Вслед за постановкой стеллажей произведена была перевозка и приемка фондов Историко-Культурной секции (1-го отделения б. архива Юстиции) в количестве ... автомобилей и по Экономической секции ... автомобилей.

3. Соединение большого количества архивных фондов на Никольской заставило принять меры к охране помещения. В этих целях, по соглашению с ОРГО Центрархива, решено старинное крыло 17 века (во дворе), которым пользовалась Историко-Культурная Секция, как входом в помещения, занятые фондами закрыть, вместо него открыть вход, соединяющий сразу два надворных здания, занятых Историко-Культурной Секцией. Все наружные двери входа в Историко-Культурную и Экономическую Секцию по окончании занятий опечатываются сургучными печатями или металлическими пломбами. На парадном входе устроено дежурство (с 8 ч. утра до 5 ч. вечера, дежурный имеется и у телефона с 8 ч. утра до 8 ч. вечера).

В число хозяйственных работ на Никольской надо поставить оборудование переплетной и наблюдение за топкой, кочегаркой и водопроводом. Использование всего помещения, имеющегося на Никольской, тормозится из-за невывозки типографских печатных машин, которые в общей сложности занимают 7 комнат, из них одна очень большая комната размером в половину этажа. Необходимо вывезти эти машины, т. к. из-за них пропадает неиспользованно очень большая площадь в части здания, принадлежащей Центрархиву и предназначенной для размещения экономических фондов, часть которых помещается в подвале под двором здания на Никольской. В означенные месяцы производилась работа по приемке и отпуску макулатуры, приблизительно около 2000 пу-

дов. Для хранения макулатуры приспособлено одно надворное помещение, таким образом, отпуск и прием контролируется безусловно точно.

Административная часть.

4. При существовании Секций и Управлений ими на Никольской находилось Управление Историко-Культурной Секции, Управление же Экономической Секции, часть фондов которой сосредоточена на Никольской, находилось в Центрархиве. На Никольской же был организатор работ над фондами Экономической Секции — инструктор ОРГА тов. Каменев.

С организацией Архивохранилища и упразднения Управлений Секций и их аппаратов, необходимо было объединить управление обоими видами фондов бывших Историко-Культурной и Экономической Секций воедино, в виде одного управления Архивохранилища с единой канцелярией. В этих целях произведено было следующее: канцелярия б. Историко-Культурной Секции перенесена из помещения этой Секции в передний корпус и объединена с делопроизводством б. Экономической Секции в части, касающейся фондов, что на Никольской.

В настоящее время канцелярия и делопроизводство Архивохранилища ведется в одном месте, одним лицом и для всего архивохранилища без подразделения на секции. В тех же целях ведется общая инвентарная книга фондов, поступающих в Архивохранилище, — общий учет (прихода и ухода) сотрудников, отчетность работы и прочее.

Состояние фондов.

В архивохранилище на Никольской сконцентрированы архивные фонды двух видов: архивные фонды экономические и историко-культурные.

Последние распадутся на три группы:

- 1) архивы частных лиц, литераторов и т. д.
- 2) архивы печати и просвещения
- 3) архивы монастырей, церквей и т. п.

Экономические фонды распадутся также на группы:

- 1) архивы общественных организаций
- 2) архивы фабрик и заводов
- 3) министерства
- 4) жел<езные> дороги
- 5) банки

<...>

Главное внимание должно быть обращено на фонды экономического характера. Фонды эти значительные по размерам занимают большое помещение и требуют срочной разборки их, постановки на стеллажи. До февраля месяца фонды эти медленно приводили в порядок, над ними работали 3–4 человека. В значительной части фонды эти представляют материал, годный в макулатуру. Первая задача работы над ними и должна сводиться к выделению материала, ценного в научном или практическом отношении, от массы макулатурной. Это необходимо по многим соображениям. Такая разборка с целью отделения макулатуры от исторических документов уменьшает размер фонда, освобождает помещение, в котором есть нужда для размещения других фондов. Ценная часть фонда будет освобождена от лишней бумажной массы и легче может быть научно разобрана и подвергнута окончательной работе и т. д.

Фонды Экономической секции затем должны быть иначе размещены. Часть из них (например, все архивы банков) должна быть вывезена с Никольской и соединена с банковскими архивами, сосредоточенными в большом количестве в архивохранилище в Газетном переулке⁶². Наоборот, архивы фабрик (например, Орехово-Зуевского треста) должны влиться к фондам, уже размещенным на Никольской.

Такая работа уже начата, на прошлой неделе ОРГО вывезены с Никольской фонд Жандармского управления, Московского Ломбарда, Московской Купеческой Управы и др. и вывезены фонды Земгора в Москгубархбюро.

Необходимые мероприятия на ближайшее время:

1. Необходимо работу по разборке экономических фондов на Никольской с целью выделения из них макулатуры провести в ударном порядке и силами многих сотрудников.

2. Необходимо поэтому за архивохранилищем закрепить твердый штат сотрудников, которые бы фактически вели в нем работу, и для проведения ударной работы штатный состав сотрудников укрепить временными сотрудниками.

3. Банковские архивы после разборки на месте следует вывести с Никольской на Газетный или на Пятницкую, там уже сконцентрированы в большом количестве архивы банков вообще.

4. На Никольской следует концентрировать те архивы, которые близки по характеру с находящимися здесь в большом количестве фондами. Иначе получается разнობой в составе фондов.

В частности, согласно постановлению Коллегии Центрархива, фонды 2-го отделения б. Экономической секции, что на Тверском бульваре, 12, перевести на Никольскую.

5. Необходимо принять срочные меры к освобождению помещения от типографских машин, числящихся за Госфондом, для чего АМО должен поставить перед Госфондом вопрос о срочном освобождении помещения. По освобождении этих помещений необходимо стеллажировать их для размещения архивных материалов, которые будут подвергнуты разборке с усилением штата сотрудников.

6. Необходимо для канцелярии предоставить машинку, два письменных стола и т. п.

7. Для организации Читального зала необходимо в подходящей для этой цели комнате произвести в срочном порядке ремонт»⁶³.

Как мы видим, начало Архива народного хозяйства, культуры и быта было многообещающим. Фактически, предполагалось создать масштабное хранилище социально-экономических фондов и фондов по истории культуры. Уже на этом этапе его деятельности предполагалось усилить специализацию хранения экономических фондов путем выделения на отдельное хранение фондов кредитных учреждений. Как мы увидим далее, эта идея, содержащая вне всякого сомнения рациональное зерно, заложила основы ликвидации архива как самостоятельного учреждения.

В ходе деятельности архива выявился неожиданный для его сотрудников аспект работы с новой для них по составу и содержанию документацией. Им постоянно приходилось встречаться с терминологией производства, совершенно им не известной. Между тем было определено, что материал фабрично-заводских предприятий тесно связан с процессом производства, с той или иной стороной жизни фабрики, и оценка материала (как в научном, так и в практическом отношении) находится в зависимости от степени отражения таких моментов и сторон в делопроизводстве предприятия. Оказалось, что без знания терминологии производства, когда не известно, какой этап производства кроется за ней и какой документ ему соответствует, невозможна правильная оценка материала и решение вопроса об оставлении на хранение тех или иных документов фонда. «...В целях наиболее целесообразной постановки дела разборки фондов, а в дальнейшем и описания их, необходимо увязать работу сотрудников над мертвым архивным материалом с живой современной практикой производ-

ства — показать им на конкретных примерах некоторые виды производства»⁶⁴. Затрудняло обработку архивов предприятий также и плохая сохранность фабрично-заводских архивов в целом, зачастую, как отмечали архивисты, отсутствовали материалы целых отделов. Методы ведения фабричного счетоводства отличались чрезмерным разнообразием. Фонды поступали не всегда при описях, многие сдаточные описи были очень плохого качества и не соответствовали зафиксированным в них документам⁶⁵.

В связи с этим было принято новаторское решение об организации экскурсий сотрудников архива на производство для ознакомления с особенностями его документирования. Предполагался осмотр всех стадий работы предприятия от производства до работы управления, выявление соответствующих им документов и их информационного наполнения. Особенно архивистов интересовали следующие процессы.

1. Учет производства: учет материалов, сырья и полуфабриката, учет рабочей силы и контроль, учет выработки материала, фабриката, учет порчи и брака. Основания и методы учета.

2. Расценка и калькуляция производства: расценки материала, сырья и фабриката, расценка рабочей силы, зарплата.

3. Охрана труда.

4. Сбыт продукции и торговые операции.

5. Производительность предприятия, количество продукции, цены, себестоимость и рыночные цены, увязка производства с торговлей⁶⁶.

В январе 1926 г. подобная экскурсия была проведена на завод «Манометр». В отчете экскурсантов отмечалось, что фабрично-заводской архив сохранился плохо, документы целых отделов отсутствуют, при этом методы ведения фабричного счетоводства отличались чрезмерным разнообразием. Фонд завода передан в архив в плохом состоянии: разрознен, на единицах хранения отсутствуют ярлыки, опись сделана бессистемно.

В задачи экскурсии входило следующее:

- выявить структуру производственного аппарата (цеха, отделы);
- определить цель и место в производстве учетных карточек и нарядов. В каких книгах отражался учет;
- выявить наличие торгового аппарата;
- выявить владельцев компании;
- выявить, почему отсутствуют отчеты по предприятию, почему

отсутствуют документы, отражающие общественную жизнь завода за период 1917–1919 гг., хотя статистический материал за этот период присутствует.

В целом, на все эти вопросы сотрудникам архива удалось получить исчерпывающую информацию⁶⁷.

В архиве проводили активную работу по оптимизации состава фондов и выделении из них малозначимых документов. К сожалению, сохранилось немного материалов, проливающих свет на принципы уничтожения архивных документов в те годы. Автору удалось выявить акт о выделении в макулатуру документов фабрично-заводских фондов за 1925 г.⁶⁸ Уничтожали следующие документы⁶⁹.

Торговый дом М. Дианов, сын и К^о

1. Товарная книга (дефектная);
2. Расписание материалов в крашении и пряжи в крашении;
3. Торговый и фабричный расход (мелкие расходы);
4. Кассовая книга (черновая);
5. Товарно-пометные книги (№ рисунков тканей);
6. Кассовые книги 1913–1916 гг. (подробная, подсобная);
7. Журнал приемки выработанного товара;
8. Вексельные книги до 1913 г.

Ф-ка Коган

1. Счета разных лиц на покупку и продажу товара;
2. Товарные склады (наличие, продано, остаток);
3. Дубликатная книга;
4. Мелкая касса;
5. Срочная книга (по векселям — черновая);
6. Вексельные книги 1896, 1902, 1904–1905 гг.;
7. Книги по складу;
8. Книги наложенных платежей;
9. Книги заимобразных⁷⁰ сумм;
10. Книги отправочные — продажные (экспедиционная часть);
11. Приходо-расходная книга (мелких сумм);
12. Приходо-расходная книга красок (баланс);
13. Дневник кассы;
14. Адресная книга.

Акционерное общество Эльдниг, Болотин и К°

1. Книги по выдаче товара в обшивку, штопку, шитье и т. п.;
2. Поверочная копия счетов;
3. Книга склада материалов (дефектная).

Фабрика Белова

Отправочные книги;
Товарные книги по окраске и отделке;
Продажные книги по Персии;
Журнал продажных товаров;
Амбарные книги;
Отпуск отдельной материи;
Книга для записи кусков;
Выборка заказанных товаров;
Журнал сданных векселей 1913 г.;
Выписка остатков;
Книга записи векселей 1913 г.;
Реестр протестованных векселей;
Сдача векселей (в банки) — черновая.

Фабрика Галкиных

Ресконтро векселей 1899 г.;
Вексельные книги 1898–1899 и 1905–1909 гг.;
Документная книга (сдача векселей на комиссию в банк) кроме 1913–1915 гг.

Фабрика Бутюгиной

Расчетные книжки;
Счета;
Фактуры;
Переписка (разбитая и сгнившая);
Книги конторские (сгнившие и рассыпавшиеся).

Фабрика Герасимова

Сортовые книги;
Счетные книги (кроме 1918–1919 гг.);
Журналы;

Отправочные книги;
 Отправочные и браковые книги;
 Табельные;
 Книги разных счетов (кроме 1912–1917 гг.).

Состав и содержание фондов акционерных компаний, поступавших на государственное хранение, были проанализированы в статье А. Г. Голикова (табл. 1).

Таблица 1

Состав делопроизводственных документальных комплексов акционерных торгово-промышленных компаний дореволюционной России

Делопроизводство правления	Документы филиалов (местных контор)	Материалы производственных подразделений
<p>Материалы об учреждении компании, ее устав; документы, связанные с созывом и проведением общих собраний акционеров: списки акционеров, представивших акции к собранию и явившихся в собрание, с указанием числа представленных каждым из них акций, доклад правления, отчет за операционный год и баланс, протоколы заседаний ревизионной комиссии, протоколы общего собрания акционеров; документация, обусловленная функциональными обязанностями правления: протоколы и журналы заседаний правления, книги для записи акций и получаемых за них денег, отпуски циркуляров и переписка правления, договоры и соглашения с другими фирмами, бухгалтерская и техническая документация, отчеты, представленные местными конторами и производственными предприятиями компании, материалы к докладу и отчету за операционный год и т. д.</p>	<p>Циркуляры правления, копии отчетов, направленных правлению, и материалов к ним, переписка, бухгалтерские материалы, техническая и производственная документация.</p>	<p>Документы о найме рабочих и регламентации условий труда; документы об организации и обеспечении процесса производства на предприятии: циркуляры правления (местной конторы), корреспонденция заводоуправления, план действий завода, материальные сметы, техническая документация, материалы бухгалтерии, документы по исполнению заказов и сбыту продукции, расчеты себестоимости и продажной стоимости произведенных изделий, планы цехов и книги их оборудования и др.; материалы к отчетам, представленным заводоуправлением в вышестоящие органы компании, копии представленных отчетов.</p>

Источник: Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980.

Сравнивая список «макулатурных» документов и документов в списке А. Г. Голикова, можно сделать вывод о том, что первоочередному уничтожению подлежали бухгалтерские документы дореволюционного периода, лишившиеся на тот момент практической значимости.

Обращает на себя внимание и интенсивность использования документов архива. В конце 1920-х гг. исследователи работали по экономическим и хозяйственно-практическим вопросам в Архиве народного хозяйства по 34 темам (38 чел.), в Ленинградском центральном историческом архиве — по 32 темам (36 чел.), в Московском губернском архивном бюро (МГАБ) — по 5 темам (5 чел.), при этом значительная часть тем, по которым велись занятия в Ленинграде, отличались уклоном в область истории XVIII и начала XIX в., тогда как в АНХ велись занятия преимущественно по экономике последних предреволюционных десятилетий⁷¹. Так, например, в марте 1931 г. Валютное управление Наркомата финансов начало разыскивать архивы Московского городского совета народного хозяйства и Коллегии по управлению делами московских национализированных предприятий. Необходимо было выяснить даты национализации предприятий и органы, которым они были переданы⁷².

Особое значение для государства имели фонды ликвидированных коммерческих банков, это было связано как с необходимостью обеспечить бесперебойную работу государственных учреждений и предприятий, так и для рассмотрения претензий, предъявляемых иностранными государствами по своим вложениям в экономику Российской империи.

Декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков» акционерные коммерческие банки объявлялись национализированными. Ликвидация возлагалась на Государственный (Народный) банк РСФСР, созданный на базе центральных и местных учреждений бывшего Государственного банка. Архивы ликвидируемых банков передавались учреждениям Народного банка для составления ликвидационных балансов. Для осуществления ликвидации бывших частных банков и их отделений они объединялись по месту их нахождения в одно или несколько филиальных отделений. Вследствие концентрации в Петрограде и Москве центральных управлений крупнейших коммерческих банков основ-

ная ликвидационная работа сосредоточивалась там⁷³. В конце 1918 г. Народным банком была издана «Инструкция о порядке национализации частных банков» и создан Отдел по национализации и ликвидации банков коммерческого кредита при Центральном управлении Народного банка РСФСР⁷⁴. Для руководства ликвидацией бывших частных банков на местах создавались ликвидационно-технические коллегии. На составление ликвидационных балансов отводился месячный срок, независимо от даты фактической ликвидации они должны были быть составлены на 14 декабря 1917 г. На ликвидационно-технические коллегии после завершения ликвидационных работ возлагалась передача отделениям Народного банка архивов частных банков за период 1907–1917 гг. Ввиду того что концентрация архивов банков по техническим причинам не могла быть произведена немедленно, в течение последующих трех лет они продолжали храниться в помещениях банков.

Процесс выявления и обработки банковских документов начался еще в процессе концентрации документов на Никольской улице и протекал сразу во многих регионах России. Не всегда Архив народного хозяйства, культуры и быта принимал в этом участие. Тем не менее представляется любопытным осветить некоторые вопросы, не имеющие к нему прямого отношения, но весьма вышукло характеризующие ситуацию в Советской России и отношение к документальному наследию со стороны государственных органов. В целом вопрос обработки банковских архивов весьма подробно освещен в уже упоминавшейся работе Л. Е. Шепелева, однако приводимые факты способны добавить несколько интересных штрихов.

Процесс разборки банковских архивов проводился на фоне непростых отношений Центрархива во главе с В. В. Адорадским и Отделом международных расчетов Наркомата финансов. Процесс был запущен в 1922 г., когда началась работа по выполнению условий мирного договора с Польшей и другими государствами. Наркомат вел работу по исполнению мирных договоров и по выяснению взаимной задолженности с иностранными государствами по архивным материалам НКФ и Центрархива. В силу ст. 11 п. 9 Рижского мирного договора СССР с Польшей СССР обязан был вернуть Польше архивы польских кредитных учреждений, эвакуированных во время войны⁷⁵.

В 1922 г. было заключено соглашение Наркомата финансов с Центрархивом об отборе и систематизации архивов бывших банков и других кредитных учреждений⁷⁶.

Наркомат финансов запрашивал из экономической секции необходимые ему документы. В частности, в сентябре 1922 г. шла переписка по выдаче дел и книг Петровского отделения Крестьянского поземельного банка, необходимых НКФ для выяснения задолженности Польши по ссудам этого банка⁷⁷. 15 июня 1923 г. для расчетов с Польшей валютное управление НКФ запросило у Центрархива сведения о лицевых счетах заемщиков Минской губернии Московского земельного банка, дела по ссудам, бухгалтерские мемориальные и журнальные книги с 1914 г. по день ликвидации с выделением их из общего архива, составить опись и передать ее в валютное управление, а дела хранить особо⁷⁸. 28 июня 1923 г. экономическая секция в ответ на запрос валютного управления сообщила, что опись составлена, но бухгалтерские книги оказались не в полном составе и, наверное, были утрачены или при перевозке, или остались в помещении банка, т. к. архив поступил лишь в апреле 1923 г⁷⁹.

23 августа 1923 г. валютное управление обратилось в Центрархив с просьбой о передаче рабочей группе отдела международных расчетов (ОМР) архива Петроградско-Тульского поземельного банка. Мотивировалось это тем, что необходимые материалы неразрывно связаны с материалами по Тульскому банку уже вывезенными в архив ОМР бывших банков на Казначейской улице, д. 11, а требуемые материалы Центрархивом не вывозились и находятся в старых помещениях банка. Запрос был передан Центрархивом в Петроградское отделение⁸⁰.

В начале 1923 г. в связи с организацией и началом работ Отдела международных расчетов НКФ представителями Главного управления архивным делом, Наркомфина и Рабкринна было произведено повсеместное обследование банковских архивов. Акты обследования в Петрограде зафиксировали значительный ущерб, нанесенный хищениями, использованием документов в качестве топлива и сырья, сыростью. Почти полностью погибли материалы до 1907 г., не подлежавшие в 1918–1919 гг. официальной сдаче Народному банку и потому хранившиеся в худших условиях⁸¹.

17 ноября 1923 г. Валютное управление Наркомфина письмом просило Центрархив продолжать оказывать ему содействие по следующим направлениям:

- 1) выделение из финансовых архивов необходимых НКФ документов;

- 2) разбор финансовых документов, сдача материалов в макулатуру только при участии и с согласия представителей НКФ;

3) предоставление НКФ возможности пользоваться документами из хранилища Центрархива.

Указывалось, что Центрархив ограничивает деятельность НКФ по сбору и систематизации материалов. Ссылаясь на ст. 4 Декрета о централизации архивного дела, НКФ отстаивал право ведомств на сохранение дореволюционных материалов, имеющих актуальное значение, в своих архивах. Указывалось, что эти материалы имеют теперь не справочный характер, а стали частью текущего ведомственного архива. Сохранение же их подчиненности Центрархиву только путает делопроизводство и создает волокиту⁸².

В ответ руководитель Центрархива М. Н. Покровский категорически выступил против воссоздания самостоятельных ведомственных архивов, указывая, что все дооктябрьские дела и дела современного делопроизводства после 5 лет хранения должны быть переданы в Центрархив⁸³.

Периодически конфликты НКФ и Центрархива приобретали открытый характер.

Вечером 10 ноября 1923 г., в пятницу, Петроградское отделение Центрархива получает отношение Петроградской группы отдела Госкредита и денежного обращения о том, что 12 октября, в понедельник, в 10 утра начнется перевозка архива Волжско-Камского банка в Центральный финансовый архив на Казначейскую, 11. Только из отношения отделение узнало о создании центрального финансового архива. Перевозку удалось пресечь, и Петроградское отделение обратилось в Центрархив с жалобой на НКФ. Также отделение указывало, что проблемы создают два его бывших уволенных сотрудника. Один, И. А. Блинов, перешел на работу в отдел Госкредита и накаляет обстановку, второй, Курдюмов, став представителем отделения при ОМР, способствовал захвату ОМР всех финансовых фондов как нужных, так и не имеющих отношения к его работе.

Поэтому отделение было вынуждено в срочном порядке произвести переобследование и взять на учет все архивы банков и кредитных учреждений⁸⁴.

В свете обнаруженных документов тезис Л. Е. Шепелева о том, что в течение 1923 г. основные документальные материалы банков были сосредоточены в архивах Отдела международных расчетов и его местных рабочих бюро, где подверглись первоначальной разборке, вызывает определенный скепсис⁸⁵.

Передача банковских архивов растянулась на несколько лет. 18 мая 1925 г. Центрархив издал циркуляр № 93110 о передаче архивов банков. Он приводится полностью.

«Всем губернским и областным архбюро.

Валютное управление НКФ СССР обратилось в Центрархив с просьбой представить в его распоряжение архивы бывших частных коммерческих банков, бывших Госбанка и Нарбанка — приемника отделений бывших частных банков в центре и на местах, необходимых ему для международных расчетов.

На основании изложенного, управление Центрархива предлагает срочно произвести следующее:

1. Независимо от циркулярного распоряжения за № 1005/с от 12 июня 1924 г. выявить все имеющиеся архивы бывших коммерческих частных банков, Госбанка и кредитных учреждений, обратив особое внимание на список, приложенный при сем⁸⁶, где указанные архивы должны быть выявлены в первую очередь.

2. Особенное внимание должно быть обращено на отыскание ликвидационных балансов отделений банков и др. кредитных учреждений, которые незамедлительно — сейчас же по выявлении должны быть представлены в местные губернские и областные финотделы для отправки таковых в Наркомфин.

3. На все выявленные архивные материалы должны быть составлены описи и характеристики таковых, с указанием полноты сохранившихся дел, книг и документов, в каком состоянии, примерный вес архивов, причем материалы, относящиеся к 1914 г. должны быть указаны отдельно от последующих годов.

4. Составленные описи в 1 экземпляре предлагается срочно выслать в Центрархив и в 1-ом экземпляре в местный губернский или областной финотдел вместе с характеристикой, указанной выше.

5. Получение настоящего циркуляра подтвердить телеграфно.

Зам. зав. Центрархивом Адорадский»⁸⁷.

22 октября 1925 г. Астраханское губернское архивное бюро пишет в Центрархив РСФСР, запрашивает разрешение на передачу некоторой части материалов ликвидационных балансов и расчетов бывших банков в НКФ СССР в соответствии с циркуляром Центрархива № 93 110 от 18 мая 1925 г. и НКФ № 61/а от 21 июля 1925 г. Эти материалы передавались НКФ во временное пользование⁸⁸.

30 мая 1925 г. Центрархив разрешил представителю НКФ Турчанинову с 8 рабочими доступ в АНХКиБ для отбора из банков-

ских фондов необходимых НКФ документов сроком на 2 недели до 15 июня. Из архива в Центрархив пришла жалоба на Турчанинова, что тот, ознакомившись со списком фондов, начал требовать выдачи ему материалов, не связанных с банковскими фондами. Он и его рабочие были замечены в небрежном обращении с документами (ценные бумаги из фонда цементного завода были найдены в куче в комнате рабочих)⁸⁹.

Работы, проводимые Центрархивом, оплачивались из бюджета Наркомфина, о чем свидетельствует следующий документ.

«Из рязанского губернского архивного бюро в ярославский Губфинотдел

Срочно, секретно.

Препровождаем при сем копию циркуляра Управления Центрархива от 16.11.1925 за № 93123/о, в силу которого разбор и систематизация архивных материалов разных банковских фондов должны быть проведены за счет ГФО и расчет времени и средств, затраченных Губернским архивным бюро в 1925 г. на разборку находившихся в Губернском архивохранилище архивных материалов Ярославского отделения Госбанка, частных банков и сберегательных касс. Губернское архивное бюро просит вас о возвращении бюро затраченных им средств в сумме 831 р. 60 к. К сему Бюро добавляет, что работа по разборке была страшно кропотливая, т. к. все материалы означенных архивов были частью сложены в кулях совершенно разбитыми и даже были россыпью, отдельными листками. Такое состояние материалов было констатировано Приемочной комиссией по акту от 28 января 1925 г. личным осмотром Завед. ГФО т. Капраловым и бывшим зам. Председателя (неразб.) т. Королевым. В этом ГФО может даже лично убедиться, т. к. материалы еще не все разобраны. Ввиду того что Бюро производило работу по разборке банковских материалов, у него получился по смете перерасход, который Бюро должно восстановить или путем прекращения всей работы Бюро на соответствующий срок, или сократить число сотрудников на столько, что это будет равносильно полному прекращению работы. Ни того, ни другого Бюро не может допустить, почему просит ГФО срочно покрыть означенную задолженность и ассигновать в распоряжение Бюро денежные средства до 900 рублей на продолжение работ по этим фондам, т. к. работа по ним выполнена на 50 %. Предстоит работа по систематизации материалов по структуре учреждений.

Бюро просит ГФО срочно разрешить как вопрос о покрытии задолженности, так и об ассигновании средств на окончание работы,

т. к. материалы в данном состоянии оставить нельзя, ибо из них все равно что и ранее извлечь практическую пользу невозможно»⁹⁰.

В ходе обработки банковских фондов из них выделялась макулатура. Ее примерный состав можно увидеть из акта, составленного 25 июня 1925 г. в АНХКиБ и направленного в поверочную комиссию Центрархива.

Опись книг, отбираемых в макулатуру по Виленскому отделению Государственного банка

1. Входящие и исходящие журналы до 1914 г.
2. Журналы переходных сумм
3. Контрольные книги по специальным текущим счетам
4. Срочные ссуды под залог процентных бумаг
5. Журнал невыплаченных переводов
6. Книги выданных переводных билетов и телеграммы по банкам, конторам и отделениям
7. Контрольные журналы по приему сумм для перевода по билетам и телеграммам
8. Лицевые счета по оплате подотчетными казначействами переводов
9. Журналы опротестованных векселей
10. Срочные книги присланных векселей по месяцам
11. Журналы депозита 4 % ренты для выдачи по генеральному обмену
12. Книги отсрочек по ссудам под залог процентных бумаг
13. Журналы по счету «разные выдачи»
14. Книги для записей бланков квитанций по обмену 4 % ренты
15. Книги процентных бумаг, обеспечивающих специальные текущие счета
16. Книги присланных транспортных документов
17. Книги перечислений сумм в разменный и оборотный капитал подотчетными казначействами
18. Журналы по обмену билетов внутреннего займа, находящихся во вкладах на хранение
19. Журналы по вкладам срочным
20. Черновые общие журналы (по месяцам)
21. Дневные оборотные ведомости⁹¹.

23 июля 1925 г. Центрархив указал АНХКиБ до согласования с НКФ вопросов о порядке хранения и уничтожения банковских материалов все банковские дела хранить полностью⁹².

В 1928 г. решался вопрос о передаче фондов отделений Госбанка, частных банков, сберегательных касс бывшим западным губерниям. Управление Центрархива обратилось в Валютное управле-

ние НКФ с просьбой прислать специалистов для разбора архивов банков западных губерний, для составления письменного заключения о значимости этих материалов для НКФ. По мере разбора этих фондов Центрархив запрашивал, посылая описи в НКФ, о возможности передачи части материалов в бывшие губернии. Сам процесс передачи курировал Наркомат иностранных дел⁹³.

Валютное управление Наркомата финансов продолжало финансировать деятельность Архива народного хозяйства по разборке банковских архивов. В архивах был выявлен список банковских фондов и других финансовых и кредитных учреждений, хранящихся в архивохранилище в Газетном переулке и подлежащих разборке⁹⁴:

Московская ссудная казна

Государственный банк (Правление, Петроградская контора, Московская контора, Варшавская контора, Минское отделение, Лодзинское, Двинское, Виленское, Каменец-Подольское, Ломжинское)

Народный банк РСФСР

Частные коммерческие банки

Азовско-Донской Коммерческий банк

Банкирская контора «И. А. Авдеев и К^о»

Банкирская контора «Бр. Джамгаровых»

Волжско-Камский коммерческий банк (Московское отделение, Рижское отделение, Варшавское отделение)

Лионский кредит

Московский банк

Московский купеческий банк (Московский частный коммерческий банк)

Московский торговый банк

Московский народный банк

Московский учетный банк

Московский международный торговый банк

С.-Петербургский международный коммерческий банк (Петербургское отделение, Московское отделение, Варшавское отделение)

Петроградский торговый банк

Русско-Азиатский банк

Русский Торгово-Промышленный банк

Русский для внешней торговли банк

Российский торговый и комиссионный банк (Ликвидационная комиссия)

Русско-Французский коммерческий банк

Соединенный банк

Северный банк

Сибирский торговый банк

Дворянский земельный банк

Виленский земельный банк

Золотопромышленный банк

Различные финансовые и кредитные учреждения

Общая канцелярия министра финансов

Общая канцелярия Наркомфина

Департамент Государственного казначейства

Управление по делам мелкого кредита

Управление сберегательных касс

Московская сберегательная касса

Гербовое казначейство

Главное казначейство

Разные уездные казначейства

Казначейства западных губерний, отошедших Польше, Литве, Белоруссии

Полевые казначейства

Московская казенная палата

Московское купеческое общество взаимного кредита

Страховые общества

Русское отделение общества взаимного страхования «Нью-Йорк»

Страховое общество «Россия»

Страховое общество «Жизнь»

С.-Петербургская компания «Надежда» (по страхованию от огня)

В 1936 г. архивы Отдела международных расчетов были переданы Центральному архивному управлению, и архивные фонды коммерческих банков объединены. Поздняя, сравнительно с материалами дореволюционных государственных учреждений, концентрация архивных фондов коммерческих банков в государ-

ственных архивах привела к почти полной утрате их материалов до 1907–1910 гг. и частично более позднего периода⁹⁵.

Несмотря на достаточно активное начало деятельности архива, она оказалась недолгой. Причиной этого оказалось слишком широкая палитра поступивших в него фондов. Так, основной массив фондов кредитных и страховых компаний, транспортных предприятий был сосредоточен в архивах Ленинграда. Постановлением Коллегии Центрархива от августа 1925 г. местом хранения фабрично-заводских фондов были признаны местные архивные бюро, т. е. в данном случае архивы Москвы⁹⁶. На передаче фондов банков в свое распоряжение настаивало Валютное управление Наркомата финансов⁹⁷. Документы были ему необходимы для международных расчетов по исполнению мирных договоров и по выяснению взаимной задолженности с иностранными государствами. Процесс объединения архивных фондов неизбежно вел к прекращению деятельности Архива народного хозяйства, культуры и быта.

В фонде Архива народного хозяйства, культуры и быта содержится докладная записка архивиста-консультанта от 25 февраля 1925 г., в которой анализировались перспективы работы архива. В ней изложены основные мотивы передачи документов в другие архивохранилища.

«а) Принцип восстановления единства расчлененных архивных фондов диктует продолжение отправки в Ленинградский центральный исторический архив еще не отправленных туда частей министерских фондов: Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности и Министерства путей сообщения, ибо в Ленинградском центральном историческом архиве хранятся большие части названных фондов;

б) В отношении материалов Министерства путей сообщения, Управлений по постройке железных дорог и, я бы полагал, в отношении Правлений самих железных дорог, даже московского узла, направление материалов в ЛЦИА поддерживается еще тем соображением, что бывший архив Министерства путей сообщения, входящий в состав ЛЦИА, строился и в старое время на принципе постепенной централизации архивов транспорта и его отдельных предприятий — там же в Ленинграде находились и Управления некоторых дорог Московского узла: как Николаевской, Северных. Соображения архивной экономии и специализации определенного кадра работников за то, чтобы такие специальные архивные фонды, как фонды железнодорожного транспорта, а также и

водного (в том числе и фонд Добровольческого флота, частью находящийся в АНХ), были сосредоточены в одном месте;

в) Если продолжать концентрацию в Архиве Октябрьской революции фондов общественных организаций времени империалистической войны, то туда надлежало бы передать еще некоторые фонды, тесно связанные с хозяйством эпохи названной войны, как фонды Общества фабрикантов и заводчиков (часть этого фонда уже имеется в АОР'е), Особых совещаний по топливу, по электротехническим делам (1915–1918 гг.), Особо уполномоченного по снабжению металлами и некоторых других;

г) В Московское ГАБ надлежало бы передать из АНХ фонды московских учебных заведений, так как согласно упоминавшемуся постановлению Коллегии, фонды учебных заведений высших и средних поступают в местные архивные органы: имеются они уже и в Московском ГАБ;

В Московское же ГАБюро согласно духу принятых уже постановлений надлежало бы передать и такие фонды, как: императорских театров, московских сберегательных касс, Московского союза потребительских обществ (Центросоюза);

д) Фонд Московской синодальной конторы и Конторы Московского удельного округа наряду с прочими Московскими конторами центральных правительственных учреждений (Коллегий, Сената и др.) следовало бы хранить в Дрвлекхранилище; за архивом-музеем Старопечатного Двора можно было бы оставить фонды Старопечатного Двора и Синодальной Типографии;

е) Наконец, следуя прежним постановлениям Коллегии, можно было продолжить передачу в Московское Губернское и другие местные архивные бюро фабрично-заводских фондов, до сего времени оставленных в АНХ из желания сохранить за Центральным историческим архивом наиболее ценные в научном отношении и уже до некоторой степени вошедшие в научный оборот фонды этого рода;

ж) Если бы произвести все вышеуказанные передачи материалов из АНХ, остались бы лишь следующие группы фондов:

- 1) банковские фонды
- 2) фонды страховых обществ
- 3) фонды бывших западных губерний и Царства Польского и, наконец,
- 4) библиотечное собрание Экономического Отдела АНХ.

Эти материалы после их проработки и выброски макулатуры могли бы, вероятно, уместиться в одном хранилище Газетного пе-

реулка, получилось бы узкоспециальное хранилище банковских и страховых фондов с дополнением библиотеки более широкого содержания.

Имея в виду, что фонды бывших западных губерний и Царства Польского с течением времени были бы частично переданы или были бы сосредоточены где-либо в одном месте, можно было бы с некоторым расширением компетенции будущего Архивного бюро центрально-промышленной области передать ему в ведение и это специальное хранилище банковских и страховых фондов с библиотекой по народному хозяйству и экономическим вопросам.

До этого момента следовало бы держать Архив Нар. Хоз. в качестве самостоятельного центрального Архивохранилища, хотя бы с уменьшенным штатом. Присоединение его в качестве филиала к какому либо другому центральному архивохранилищу (напр., Древлехранилищу или АОР'у) не дало бы никакой пользы, лишь осложнило бы положение как самого АНХ, так и того архива, филиалом коего он был бы объявлен; при установке на ликвидацию АНХ, он должен продолжать работу и быть сам за нее ответствен до последнего момента.

Идя по изложенному выше пути постепенной ликвидации АНХ, Управление Центрархива, несомненно, выиграло бы много в области архивной экономики, в области сохранения имеющегося к настоящему времени состава основных своих центральных архивохранилищ, а частью и местных архивных органов, получило бы немалую, может быть, выгоду от перевода значительного количества материалов обслуживанием на средства местного бюджета»⁹⁸.

Практически в этой записке была изложена программа, по которой происходила ликвидация архива. Тем не менее архивисты предостерегали от поспешных решений. Указывалось, что, закрыв архив, Центрархив лишился бы специалистов в области историко-экономических и практически-деловых проблем, связанных со специальными экономическими фондами и специальными видами архивных документов различных финансовых и хозяйственных учреждений и предприятий. Подчеркивалось, что необходимость консультаций и выдачи различных справок и заключений по этого рода материалам, а также необходимость руководить местными архивными органами, хранящими аналогичные материалы, требовали подобных специалистов⁹⁹. В докладной записке Архива народного хозяйства, культуры и быта, представленной Коллегии Центрархива в мае 1927 г., было выдвинуто

предложение направить плановое развитие АНХ к превращению его в Архив народного хозяйства предреволюционной буржуазной России (с 60–70-х гг. XIX в.), оставив в Ленинграде Архив народного хозяйства крепостной России (до 60–70-х гг. XIX в.). Это предложение не было реализовано из-за сложности разделения фондов по указанным периодам.

В качестве компромиссного выхода предлагалось создание двух хронологически параллельных архивов народного хозяйства в Москве и Ленинграде, но с разделением между ними фондов центральных правительственных учреждений по признакам функциональных специальностей последних.

В Москве остались бы материалы, связанные с историей промышленности и финансов, капитала, природных богатств страны и другие, необходимые историкам-экономистам и центральным хозяйственным учреждениям СССР и РСФСР.

В Ленинграде остались бы фонды Сената, Синода, Министерства внутренних дел, Юстиции, Путей Сообщения, Земледелия и государственных имуществ и связанные с ними¹⁰⁰. Правда, в этом предложении содержалось определенное лукавство. Практически планировалось закрепить существующее разделение архивов на экономический в Москве и общеполитический в Ленинграде.

В итоге ни один из проектов не состоялся. С конца 1920-х гг. началось расформирование Московского архива народного хозяйства, культуры и быта. В Ленинградское отделение Центрального исторического архива передали материалы, относящиеся главным образом к фондам Министерства финансов, Министерства внутренних дел, Центрального статистического комитета.

Значительную часть источников по истории культуры и быта направили в ГАФКЭ и в Московский областной архив, в последний передали также фонды предприятий и учреждений Москвы и Московской области. Постепенное распределение материалов Московского архива народного хозяйства, культуры и быта по другим центральным хранилищам привело в 1934 г. к его упразднению.

В 1941 г. были слиты архивы народного хозяйства и внутренней политики в Ленинграде: «В этом слиянии ощущается потребность и имеются все возможности для его реализации. Дело в том, что фонды этих двух архивов по существу однородны и распределение их между отдельными архивами является искусственным. Хранилища этих двух архивов находятся в двух смежных

зданиях (бывших Сената и Синода), которые, в сущности, являются единым хранилищем, имеющим даже внутренний переход в виде арки над Красной улицей. Слияние обоих архивов не только упростит руководство ими, но даст и определенную экономию гос. средств»¹⁰¹.

* * *

Первый опыт создания экономического архива в России закончился неудачей. Архивная отрасль пока не была готова к этому ни экономически, ни методически. Тем не менее в процессе его деятельности был накоплен определенный практический и теоретический опыт, актуальный и в настоящее время. Как показала практика деятельности архива, документы экономических фондов представляют не меньший интерес для практиков, чем для историков, т. е. более длительное время сохраняют свою актуальность. Соответственно, их использование должно быть организовано с учетом этого обстоятельства. Обработка же документов подобных фондов требует от архивных специалистов специальных знаний о специфике документообразования на предприятиях и организациях, ведущих хозяйственную деятельность. Комплексное решение этих задач возможно в случае концентрации экономических фондов и дополнительном обучении специалистов, ознакомлении их с практикой деятельности соответствующих экономических структур. Можно сделать вывод о том, что хранение документов по целевому (функциональному) назначению дает возможность наиболее эффективного их использования. В связи с этим не совсем логичным представляется прекращение комплектования в 1992 г. Российского государственного архива экономики документами государственных ведомств Российской Федерации¹⁰². Скорее всего это было связано с расширением функций Государственного архива Российской Федерации, занявшего особое место в системе федеральных архивов¹⁰³. Данное решение не позволило в достаточной степени использовать огромный опыт сотрудников РГАЭ по обработке и организации использования экономической документации постсоветского периода.

Примечания

¹ Lesley Richmond *The Memory of Society: Businesses* // Proceedings of the XXXVth International Conference of the Round Table on Archives Reykjavik, Iceland. 10–13 October 2001. P. 117.

² Franco Amatori, Geoffrey Jones *Business history around the world*. Cambridge University Press. 2003. P. 167.

³ Поткина И. В. Становление дисциплины «история предпринимательства» в XX в. // На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых 1797–1917. М., 2004. С. 7–20.

⁴ The Business Archives Council. *National Strategy for Business Archives (England and Wales)*. July 2009. P. 5.

⁵ The Berlin-Brandenburg Economic Archive [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://www.bb-wa.de/home.html>

⁶ Цаплин В. В., Тюрина Е. А. От «Генерального регламента...» до Российского государственного архива экономики // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 15.

⁷ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. *Современный экономический словарь*. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М., 2006.

⁸ *Предпринимательское право России: учеб.* / В. С. Белых, Г. Э. Берсункев, С. И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2009. С. 16.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 4360. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

¹⁰ Макасов В. В. *История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.)*; АН СССР; Ин-т истории СССР; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М.: Наука, 1969. С. 155.

¹¹ Цаплин В. В., Тюрина Е. А. От «Генерального регламента...» до Российского государственного архива экономики. С. 20.

¹² [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <<http://www.ica.org/en/node/47>> (28.11.08, 20:00).

¹³ Lesley Richmond *The Memory of Society: Businesses*. P. 115.

¹⁴ *Ibid*, P. 117.

¹⁵ Карапетянц И. В. *Экономические архивы Западной Европы и США в постиндустриальном мире. Общность и своеобразие*. М.: РГГУ, 1999. С. 55.

¹⁶ National Register of Archives [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://www.nra.nationalarchives.gov.uk/nra/> (01.12.11, 22:00).

¹⁷ Business history. research guide [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://www.catalogue.nationalarchives.gov.uk/RdLeaflet.asp?sLeafletID=375> (01.12.11, 22:00).

¹⁸ The A2A database [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://www.a2a.org.uk/> (01.12.11, 22:00).

¹⁹ [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа http://archivi.beniculturali.it/divisione_III/archivieditoriali.html (01.12.11, 22:00).

²⁰ [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://daf.archivesdefrance.culture.gouv.fr/sdx/ap/> (01.12.11, 22:00).

²¹ [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://www.archivesdefrance.culture.gouv.fr/fr/annuaire/index.html> (01.12.11, 22:00).

- ²² [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа www.danpa.dk (01.12.11, 22:00).
- ²³ [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа www.daisy.sa.dk (01.12.11, 22:00).
- ²⁴ [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа www.uksityisetkeskusarkistot.fi (01.12.08, 22:00).
- ²⁵ American Archivists Directory of Corporate Archives in the United States and Canada [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.hunterinformation.com/corporat.htm>, свободный.
- ²⁶ Воронкова С. В. Российская промышленность начала XX в.: источники и методы изучения. М., 1996.
- ²⁷ Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков // Проблемы источниковедения. 1959. Т. 7. С. 58–104.
- ²⁸ Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980.
- ²⁹ Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых 1797–1917. М., 2004.
- ³⁰ Бовькин В. И. Из опыта архивных разысканий // Экономическая история. Ежегодник. М., 1999; Бовькин В. И., Наумова Г. Р. Источники по истории монополий и финансового капитала // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.
- ³¹ Наумова Г. Р. Российские монополии (источниковедческие проблемы). М., 1984.
- ³² Цаплин В. В., Тюрина Е. А. От «Генерального регламента...» до Российского государственного архива экономики. С. 15–23; Тюрина Е. А. Комплектование негосударственной части Архивного фонда Российской Федерации документами частных организаций и предприятий экономического профиля // Проблема 2000. Наука, техника, экономика: что сохраним потомкам? М., 2000. С. 81–90.
- ³³ Храмовская Н. А. Архивы, которые мы потеряли // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2006. № 12. С. 25–31; Она же. Документы ликвидированных организаций: хронология событий // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2006. № 11. С. 12–21.
- ³⁴ Альбрехт Б. В. Организационные вопросы деятельности архива юридического лица // Справочник секретаря и офис-менеджера. 2003. № 2; Альбрехт Б. В. Создание и деятельность архива юридического лица. Правовые и организационные вопросы // Справочник секретаря и офис-менеджера. 2004. № 1; Альбрехт Б. В. Архивы коммерческих организаций. М.: МЦФЭР, 2005.
- ³⁵ Кюнг П. А. Законодательное регулирование деятельности архивов коммерческих организаций // Справочник секретаря и офис-менеджера. 2009. № 4. С. 34–39. Там же. 2009. № 5. С. 36–39, № 6. С. 36–38, № 7. С. 36–40, № 8. С. 34–40.
- ³⁶ Дремина Г.А., Кузнецова Т. В. Центральный государственный исторический архив СССР в г. Ленинграде. М., 1959, С. 31–33.

³⁷ Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969; Вяликов В. И. Архивное строительство в СССР (1917–1945): Учебное пособие. М., 1976.

³⁸ Тюрина Е. А. Юбилей архива — это повод для осмысления новых задач // Отечественные архивы. 2011. № 4. С. 89–93; Цаплин В. В., Тюрина Е. А. От «Генерального регламента...» до Российского государственного архива экономики. С. 15–23; Цаплин В. В. Вклад ЦГАНХ СССР в развитие советского архивного дела // Археографический ежегодник за 1987 г. М.: Наука, 1988. С. 6–25; Исакова Е. В. Документы Российского государственного архива (РГАЭ) в системе научного знания: Архивоведческий аспект: дис. ... канд. ист. наук 05.25.02. М., 1993.

³⁹ Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. М., 1980. С. 145.

⁴⁰ Перечень российских акционерных торгово-промышленных компаний, архивные фонды которых находятся в государственных архивах СССР. М., 1979.

⁴¹ Business Archives in International Comparison. Report to the International Council on Archives (ICA) Congress 2004 Vienna, Austria 25 August 2004. [Электронный ресурс]. Свободный режим доступа <http://www.ica.org/en/node/30263> (28.11.08, 20:00).

⁴² Основные декреты и постановления советского правительства по архивному делу 1918–1982 гг. М., 1985. С. 6–7.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р. 5325. Оп. 9 Д. 563, Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 7–8.

⁴⁵ Там же. Л. 10.

⁴⁶ Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний. С. 145–146.

⁴⁷ Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). С. 157–158.

⁴⁸ Новоткацкая фабрика Богородско-Глуховской мануфактуры.

⁴⁹ Скорее всего, Центрархива.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р–5325. О. 1. Д. 158. Л. 17.

⁵¹ Там же. Л. 18.

⁵² Оригинальная стилистика сохранена.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р–5325, Оп. 1. Д. 158. Л. 26.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р–4360, Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁵⁵ Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 14. Л. 84.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р–4360. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

⁵⁷ Там же. Д. 15. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 2 об.

⁶⁰ Копия, в ней не указаны количественные характеристики технического обеспечения.

⁶¹ Организационный отдел.

⁶² Вполне возможно, что речь идет о церкви Успения в Газетном переулке. По крайней мере, именно она была выделена Мособолархиву для размещения документов архивохранилищ из Никольской и Арсенальной башен Кремля в начале 1930 г. Хранители памяти // Тверская 13. № 70. 10.06.2006.

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-4360, Оп. 1. Д. 19. Л. 3–5 об.

⁶⁴ Там же. Д. 21. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Л. 4.

⁶⁶ Там же. Л. 1 об.

⁶⁷ Там же. Л. 4–5.

⁶⁸ Там же. Д. 23. Л. 16–20.

⁶⁹ К сожалению, в этот период еще не сложилось однообразное именование видов документов; чтобы избежать неточностей, названия приводятся в том виде, как они значатся в исходном документе.

⁷⁰ Займообразный — взятый или данный в долг.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-4360. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

⁷² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 889. Л. 8, 11.

⁷³ Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков.

С. 96.

⁷⁴ <http://www.cbr.ru/today/history/print.asp?file=narbank.htm>

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 599. Л. 15.

⁷⁶ Там же. Д. 36. Л. 56.

⁷⁷ Там же. Л. 1–2.

⁷⁸ Там же. Л. 18.

⁷⁹ Там же. Л. 27.

⁸⁰ Там же. Л. 33, 34, 42.

⁸¹ Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков.

С. 97.

⁸² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 36. Л. 56–57.

⁸³ Там же. Л. 54–55 об.

⁸⁴ Там же. Л. 58–59 об.

⁸⁵ Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков.

С. 97.

⁸⁶ К сожалению, список пока обнаружить не удалось.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 265. Л. 9.

⁸⁸ Там же. Л. 8.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-4360. Оп. 1. Д. 23. Л. 24, 25.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 264. Л. 28.

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-4360. Оп. 1. Д. 23. Л. 2, 4.

⁹² Там же. Л. 13.

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 599. Л. 4–10.

⁹⁴ Там же. Д. 650. Л. 1–2 об.

⁹⁵ Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков.

С. 98.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-4360. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 265. Л. 9.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-4360. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об.

⁹⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-4360. Оп 1. Д. 61. Л. 3-3 об.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп 2. Д. 87. Л. 124 об.

¹⁰² Дегтев С. И. Российскому государственному архиву экономики — 50 лет. С. 20–29.

¹⁰³ Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. М., 2009. С. 52.

SUMMARIES*

Adrian A. Selin

Relationship between different types of land property documentation in late 16–17th centuries: sources from Vodskaja Pyatina of Novgorod Land

The article is a detailed review of the Novgorod land survey acts (late 16th – early 17th centuries) and also of documents that deal with current landowner documentation of the period. The territory under consideration is a very specific region of Muscovite State located on the border with Sweden. Close proximity to military activity during the war and other conflicts of 16th century determined specific conditions of the documents from this period.

Michael Kopsidis and Nikolaus Wolf

Agricultural productivity across Prussia during the industrial revolution: a Thünen perspective

This paper explores the pattern of agricultural productivity across 19th century Prussia to gain new insights on the causes of the “Little Divergence” between European regions. We argue that agriculture reacted to economic development, rather than shaping it. Specifically, we show that access to urban demand was the dominant factor explaining the gradient of agricultural productivity as had been suggested much earlier theoretically by von Thünen (1826) and empirically by Engel (1867). This is in line with recent findings on a limited degree of interregional market integration in 19th century Prussia.

Alexey A. Rakov

Economic aspects of collectivization and ‘de-kulakization’ in the Ural: aggregated data and primary sources

The article reviews economic aspects of Stalin’s policies of collectivization and ‘de-kulakization’ in the Ural region. Both, aggregated data and primary sources are utilized to provide an insight on who the “kulaks” were in reality.

---

* Редактор Г. Перельман (Калифорнийский университет, США).

Based on the database “De-kulaked’ Peasants of Southern Ural (1930–1934)’ (database ‘DPSU’), which contains personal records on 1461 ‘de-kulaked’ peasant families in Southern Ural, we were able to reconstruct a social portrait of peasants which were “de-kulaked” in Southern Urals.

We have also analyzed the official criteria of ‘kulak’ household and a real criteria usage in Southern Ural. Our research shows that percentage of Southern Ural peasants ‘de-kulaked’ not based on their wealth conditions was close to 50 %, which means that almost half were repressed for political reasons.

Olga V. Erokhina

The German agricultural concessions in the North Caucasus region in the first decades of Soviet rule

Based on various sources, including archival, the paper attempts to reconstruct the history of founding, development and liquidation of agricultural concessions “Druzag” and “Manych” with the participation of German capital. The author reviews the difficulties, which had to be overcome by the concessionaires to effectively manage the farms. The author makes recommendation on the possible use of this experience in current conditions.

Mikhail A. Davydov

Harvest statistics “TsSK MVD”: is it possible to straighten the Tower of Pisa?

This article evaluates the reliability of harvest statistics at the end of XIX – early XX centuries in Russia. The author believes that the data of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, which is the official government harvest statistics, is not a reliable source because it reduced the volume of harvests. However, since the magnitude of distortion is known, these data can be used by historians as a point of reference. The author supports the idea of using systematic adjustments that increase the reported volume of harvests.

Igor A. Kuznetsov

Russian harvest statistics 1883–1915: sources in the context of historiography.

The author reviews historiography of the studies on reliability of official Russian harvest statistics in 1883–1915 and summarizes the views of A. F. Fortunatov, D. N. Ivantsov, N. M. Vinogradovoi,

S. G. Strumilin, specialists in the Special Gathering on foodstuff (1915–1916), M. A. Davidov. The author argues against the hypercritical attitude toward official statistics, since the known defects do not provide a basis for a view that in reality the volume of harvests was any different than the one presented in official data.

Mikhail A. Davydov

On the limits of common sense (reply to I. A. Kuznetsov)

The author cites new statistical data that suggest that harvest statistics of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs is not a reliable source. Special attention is paid to the fact that the term “famine” before 1917 and in the Soviet time had a different meaning.

Sofya A. Salomatina

Investment banking in pre-revolutionary Russia: a search for an optimal model

This article analyses investment banking in pre-revolutionary Russia. It concentrates on initial public offerings for private companies' securities. This activity became a mass phenomenon in the 1890s for the first time. This research is an attempt to investigate the beginning and evolution of Russian investment banking as an aspect of banking models' development. It proves that investment banking for private companies appeared throughout traditional activity of several commercial banks in St. Petersburg, dealing with services to public and mortgage bond market and intensive currency speculation caused by fiduciary standard. However, private companies' demand for investment banking appeared persistently in the peak of pre-revolutionary economic growth by 1895, and the Petersburg banks switched over to private stock as a new subject for exchange transactions. In the beginning of the 20th century the crisis revealed weak points of the 1890s investment banking, and they were overcome by universal banking development by the 1910s.

Kazuhiko Yago

The Russo-Chinese Bank (1896–1910): international financial intermediary in Russia and Asia

The aim of this paper is to examine the activities of the Russo-Chinese Bank from the late 19th century to the beginning of the 20th century, focusing on the operations of the Bank in Russia and Asia. This paper deals with the operations of the Bank as indicated in

published Balance-Sheets as well as unpublished documents stored in French and Russian archives.

The documents of the head-office as well as the branches reveal that the Russo-Chinese Bank was founded to perform the following three functions: investment (Chinese loans), management (Trans-Siberian Railway and Eastern Chinese Railway) and trade (discount operations). At the outset, the Bank was a genuine “international bank”, but later it became a “regional bank”. One of the factors that brought about this change was that the most profitable field of operations changed from international trade finance and settlements to domestic loan operations.

Olga V. Chistova

Customers of the Ryabushinskys' Bank during the economic boom of 1909–1913

This paper studies discount customers of the Ryabushinskys' Bank based on archival account books. This research reveals two basic types of relationships that arise in discount. First, there were credits for small trade deals, when a bank lent to numerous small or medium-sized buyers of goods from industrialists or wholesalers, who were the bank's customer as well. Secondly, there were networks of major industrialists or wholesalers and their large buyers discounted very large promissory notes (from 1000 rub., but often from 10 000 to 70 000 rub.); these notes were based not so much on particular transactions as on regular relations between bank and large-scale customers.

This paper analyzes the following indicators of lending: the total turnover, the number of customers, the average amount and term of loan, the places of payment's geography, as well as industry composition.

In 1910–1913 all indicators related to small and medium-sized credit deals increased considerably, as more small and medium-sized businessmen became the bank's customers, however, the share of large-scale lending remained still significant.

Alexander S. Sokolov

Soviet state loans during New Economic Policy, 1922–1928

The article describes soviet state loans during the years of NEP. The history of Soviet loans is analyzed in the context of financial policy implementation during the first post–revolutionary decade. The author connects the monetary reform of 1922–1924 and the implementation credit policies during the NEP. He analyzes the

causes and consequences of financial crises during the NEP. The article also explores the role of G.Ya. Sokolnikov, a narkom of finance, in establishment and development of credit policies during 1920s.

Yuri B. Kochevzin

Financial reforms of the 1930s and their implications for the development of the monetary system of the USSR

The article analyses processes associated with the formation of Soviet monetary system after the credit reform of 1930. This system was characterized by two separate contours of monetary circulation with two principal instruments. Cash was used to balance supply and demand for consumer goods, while credit money was used in transactions with investment goods. Such a system stabilized Soviet economy and allowed the government to concentrate productive resources in priority areas like heavy industry and military-industrial complex. However, growth of per capita income which followed the reforms of 1960s revealed spectacular drawbacks of Soviet monetary system and its vulnerability to challenges emanating from 'shadow' economy not controlled by the government. Private cash holdings grew in the economy lacking efficient savings institutions, provoking a sharp inflation crisis of the late 1980s and the resulting collapse of Soviet monetary system.

Anton Y. Petrov

State regulation of industrial machinery imports into Russia, mid-19th century – 1914

The article studies the customs policy and administrative arrangements of the Russian government aimed at regulating the import of industrial machinery to Russia from mid-19th century until the outbreak of World War One. It is known that in late 1870s the Russian customs policy was characterized by the intensification of protectionism, which showed itself most clearly in the general customs tariff of 1891. At the same time from mid-1890s the Russian government, wishing to secure favorable conditions for its export goods, concluded international trade agreements which fixed the customs for a number of Russia's import items, including industrial machinery. Under such conditions creators of the Russian economic policy (first and foremost, Ministers of Finance) had to take into consideration not only their conceptions, but also the international commitments of the Empire. No less important were the needs of the Russian industry requiring modern equipment at a reasonable price, as well as those of the Russian

machine-building plants which urged constantly state officials to foster the protection against foreign competition. Thus, the article endeavours, on the one hand, to define the importance of industrial machinery import in the strategic vision of Ministers of Finance and, on the other hand, to analyse all the reasons influencing the changes of customs on that import item all through the period under study.

Olga V. Pavlenko

Moscow female entrepreneurship of the second half of XIX century

The second half of the 19th century can be referred as the century of the “free” enterprise. The fact that after 1863 the right to sell was spread to all persons, regardless of age, sex, national origin, the main thing was to pay certain taxes.

Traditionally it is assumed that men and women have different views on their career: man is working to fulfill yourself, women works only if they have a need.

The main idea of this article was to show specific features of women entrepreneurs, which were changing slowly. Using official data on qualitative and quantitative composition of women merchant estates we analyze the peculiarities of women’s entrepreneurship (for example, the main type of activity was retail trade (90 %), and it was dominated by non-food goods).

Based on the record keeping documentation (“Reference books on persons who purchased merchant’s certificate ...”) it was found that among Moscow merchants the number of women (mostly widows) ranged from 11 to 13 % of the total composition in 1869–1896.

Andrei K. Sokolov

Oil and War. 1941–1945

The article focuses on the role of the Soviet oil industry in the Great Patriotic War. It discusses plans of the German command to capture the oil fields and refineries of the Soviet Union and the failure of such plans. Much attention is paid to the Soviet leadership’s efforts to establish and maintain production of petroleum products for the needs of the army and the navy. It addresses the conditions of oil fields in Baku region, Northern Caucasus, Kazakhstan, and on the leading refineries. Special attention is paid to the development of the Volga region and the Urals (Second Baku), which helped to increase country’s oil production in the difficult years of the war. The article also cites the data on supply of high quality gasoline and other petroleum products of the Land-Lease program.

Anna A. Tsepkalova

“Struggle for the Stalin’s metal”: labour contingent of Chelyabmetallurgstroi NKVD in 1940s.

On the basis of federal and regional archives, the article describes labour resources of one of the major construction departments of NKVD–MVD (Ministry of Internal Affairs) – Chelyabmetallurgstroi, which in 1940-s was building the Chelyabinski metallurgical plant. Author highlights labour camp’s contingent size (GULAG prisoners, labour mobilized people, POWs) and the number of free workers. Additionally, analyzing GULAG contingent classification data, author describes the categories of work performed in Chelyablag and as well as reveals the physical conditions of the labor.

Alexey A. Kutejnikov

Design of an automated control system of the Soviet economy during 1965 economic reform

This article is devoted to the history of the scientific-technical program for creating an integrated nationwide management information system in the USSR during 1960–70 years which is known by its acronym OGAS. This program was among the largest and most complex to be undertaken in the Soviet Union. OGAS was expected to provide solutions to many of the fundamental, economic, social and organizational problems resulting from Soviet socioeconomic development. The author investigates the development of OGAS in terms of the 1965 economic reform based on the archived data not published earlier and attempts to explain the project’s problems.

Dmitry V. Didenko

Economic efficiency of catching-up modernization of the Soviet education system in inter-country comparative context

The paper discusses criteria and measures to assess efficiency of education financing extension in a sample of countries during periods of their systemic transformation from traditional agrarian to modern industrial societies. The author asserts that though each of the indicators under discussion has its both strengths and weaknesses, their combination allows a researcher to cover various aspects of efficiency of public spending for modernization of national education systems. Inter-country comparisons provided with the evidence that the USSR in 1920–1930s showed relatively low efficiency level in terms of per unit return on educational investments. Whereas its

education system demonstrated outstanding results in the context of politically significant criteria for a mobilization economy, namely, the pace of implementation of the top-priority goals. In this case it was formation of the critical volume of the country's human capital for modern economic growth.

Andrey L. Ponomarev

Output of mints: analysis of dynamic samples

The process of coinage and the chronological changes that a monetary base undergoes as a result of re-melting, lost coins, hoarding, etc. — follows the laws of probability. A probability based model shows a relationship between the size of a sample of coins, the number of dies used for coinage and the number of dies found in this sample. Modeling permits to determine the amount of coinage and gives scholars a solid base while investigating the economic history of the Middle Ages and Antiquity. Unlike previous methods, the analysis of the dynamic sample takes into account the chronological structure of the circulation and allows the prediction of the amount of material that a numismatist must have for a complete typological description of the issue.

Pavel A. Kung

The history of the first economic archive in Russia

The article addresses the issue of preservation of documents about the Russian economic history. It studies the terminological topics, topics of saving of economic documents in Russia and abroad. The main part of the paper is dedicated to Archive of the economy, culture and life in Moscow (1921–1934) — the first economic archive in Russia. It studies the detail of its history and the reasons for its dissolution. The article summarizes the experience of organization of the archive collection, storage and use of pre-revolutionary economic documentation in the first years of Soviet power. Also the article reviews the history of the conservation of bank documents in pre-revolutionary years 1920–1930.

Содержание

От редколлегии 3

Аграрная история

<i>Селин А. А.</i> О соотношении разных видов поместной документации конца XVI – XVII в.: на материалах Водской пятины Новгородской земли	7
<i>Копсидис М., Вольф Н.</i> Производительность сельского хозяйства Пруссии в ходе промышленной революции: интерпретация с точки зрения теории фон Тюнена.	23
<i>Раков А. А.</i> Экономические аспекты коллективизации и «раскулачивания» на Урале: агрегированные данные и первичные материалы с мест.	72
<i>Ерохина О. В.</i> Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти.	98

Дискуссионные вопросы источниковедения аграрной истории России

<i>Давыдов М. А.</i> Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню?	149
<i>Кузнецов И. А.</i> Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии	190
<i>Давыдов М. А.</i> О границах здравого смысла (ответ И. А. Кузнецову)	229

История финансов и банков

<i>Саломатина С. А.</i> Инвестиционные операции коммерческих банков в дореволюционной России: поиск оптимальной модели	247
<i>Яго К.</i> Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии	293

<i>Чистова О. В.</i> Кредитная клиентура банка Рябушинских в период экономического подъема 1909–1913 гг.	315
<i>Соколов А. С.</i> Советские государственные займы в период новой экономической политики (1922–1928 гг.)	353
<i>Кочеврин Ю. Б.</i> Финансовые реформы 1930-х гг. и их последствия для развития денежной системы СССР	381

История предпринимательства

<i>Петров А. Ю.</i> Государственное регулирование импорта промышленных машин в Россию, середина XIX в. — 1914 г.	431
<i>Павленко О. В.</i> Московское женское купечество второй половины XIX в.	485

История советской экономики

<i>Соколов А. К.</i> Нефть и война. 1941–1945 гг.	529
<i>Цепкалова А. А.</i> В борьбе «за сталинский металл»: трудовой фонд Челябинметаллургстроя НКВД в 1940-е гг.	572
<i>Кутейников А. В.</i> Проектирование автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР в условиях экономической реформы 1965 г.	596
<i>Диденко Д. В.</i> Экономическая эффективность догоняющей модернизации советской образовательной системы в межстрановом сопоставлении.	618

Экономическая история Античности и Средневековья

<i>Пономарев А. Л.</i> Продуктивность монетных дворов древности: анализ динамической выборки	653
--	-----

Архивы и экономическая история

<i>Кюнз П. А.</i> Истоки архивоведения экономической документации в России	675
Summaries	715

Contents

Editorial notes.....	3
----------------------	---

Agrarian History

A. A. <i>Selin</i> . Relationship between different types of land property documentation in late 16–17th centuries: sources from Vodskaja Pyatina of Novgorod Land.....	7
M. <i>Kopsidis</i> , N. <i>Wolf</i> . Agricultural productivity across Prussia during the industrial revolution: a Thünen perspective.....	23
A. A. <i>Rakov</i> . Economic aspects of collectivization and ‘de-kulakization’ in the Ural: aggregated data and primary sources.....	72
O. V. <i>Erokhina</i> . The German agricultural concessions in the North Caucasus region in the first decades of Soviet rule.....	98

Discussion issues of the Source Studies of the Russian Agrarian History

M. A. <i>Davydov</i> Harvest statistics “TsSK MVD”: is it possible to straighten the Tower of Pisa?.....	149
I. A. <i>Kuznetsov</i> . Russian harvest statistics 1883–1915: sources in the context of historiography.....	190
M. A. <i>Davydov</i> On the limits of common sense (reply to I. A. Kuznetsov).....	229

Financial and Banking History

S. A. <i>Salomatina</i> . Investment banking in pre-revolutionary Russia: a search for an optimal model.....	247
K. <i>Yago</i> . The Russo-Chinese Bank (1896–1910): international financial intermediary in Russia and Asia.....	293

<i>O. V. Chistova</i> . Customers of the Ryabushinskys' Bank during the economic boom of 1909–1913	315
<i>A. S. Sokolov</i> . Soviet state loans during New Economic Policy, 1922–1928	353
<i>Y. B. Kochevrin</i> . Financial reforms of the 1930s and their implications for the development of the monetary system of the USSR	381

Business history

<i>A. Y. Petrov</i> . State regulation of industrial machinery imports into Russia, mid-19th century – 1914	431
<i>O. V. Pavlenko</i> . Moscow female entrepreneurship of the second half of XIX century	485

History of Soviet economy

<i>A. K. Sokolov</i> . Oil and War. 1941–1945	529
<i>A. A. Tsepkalova</i> . “Struggle for the Stalin’s metal”: labour contingent of Chelyabmetallurgstroi NKVD in 1940s	572
<i>A. A. Kutejnikov</i> . Design of an automated control system of the Soviet economy during 1965 economic reform	596
<i>D. V. Didenko</i> . Economic efficiency of catching-up modernization of the Soviet education system in inter-country comparative context	618

Ancient and Medieval Economic History

<i>A. L. Ponomarev</i> . Output of mints: analysis of dynamic samples ..	653
--	-----

Archives and Economic History

<i>P. A. Kung</i> . The history of the first economic archive in Russia ..	675
Summaries	715

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЕЖЕГОДНИК. 2011/2012**

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*
Редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректоры *К. Н. Милокова, Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.12.2012.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 45,5. Тираж 800 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)